ИСТОРИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

I

ПОСВЯЩАЕТСЯ
40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ
ЭКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

БЕЙИК ОКТЯБРЬ
СОЦИАЛИСТИК РЕВОЛЮЦИЯСЫНЫН
40 ЙЫЛЛЫГЫНА БАГЫШЛАНЯР

ТҮРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ

ТҮРКМЕНИСТАН ССР-НИҢ ТАРЫХЫ

I ТОМ

БИРИНҖИ КИТАП

ГАДЫМЫ ДӨВҮРДЕН XVIII АСЫРЫҢ АХЫРЫНА ЧЕНЛИ

ТҮРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫНЫҢ НЕШИРЯТЫ

АШГАБАТ — 1957

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИСТОРИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТОМ I

КНИГА ПЕРВАЯ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

АШХАБАД — 1957

Редакционная коллегия:

Проф. *А. Каррыев*, проф. *О. К. Кулиев*, проф. *М. Е. Массон*, (главный редактор), доц. *А. А. Рослякев*, кандидат исторических наук *Ш. Т. Ташлиев*, проф. *Г. А. Чарыев*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый том «Истории Туркменской ССР» охватывает историю многих тысячелетий—с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества.

Ввиду большого объема I тома, он разделен на две книги. Это деление является чисто техническим и не связано с периодизацией истории Туркменистана и туркменского народа.

Книгу первую I тома «Истории Туркменской ССР» написали следующие авторы.

Главу I — доктор исторических наук, профессор А. П. Окладников (1—4 разделы); кандидат исторических наук В. М. Массон (5—7 разделы).

Главу II — кандидат исторических наук В. М. Массон (1—2 разделы), при написании 2 раздела использованы материалы Ф. Я. Коськe; академик АН ТССР профессор М. Е. Массон (3 раздел); кандидат исторических наук Ф. Я. Коськe (4 и 6 разделы); кандидат исторических наук С. А. Вязигин (5 и 7 разделы), после смерти С. А. Вязигина 5 и 7 разделы II главы доработаны кандидатом исторических наук Д. Дурдыевым.

Главу III — кандидат исторических наук С. А. Вязигин (1—2 разделы); доцент А. А. Росляков (4—5 разделы); доцент Г. А. Пугаченкова (3 и 6 разделы).

Главу IV — доцент А. А. Росляков (1—3 разделы); доцент Г. А. Пугаченкова (4 раздел), при написании 4 раздела использованы материалы академика АН ТССР профессора Г. А. Чарыева и Г. Н. Веселкова.

Главу V—доцент А. А. Росляков (1 раздел); член-корреспондент АН ТССР профессор А. Каррыев и доцент А. А. Росляков (2 раздел); академик АН ТССР профессор Г. А. Чарыев в соавторстве с Г. Н. Веселковым и доцентом Г. А. Пугаченковой (3 раздел).

Всей работой по подготовке I тома «Истории Туркменской ССР» руководил проф. А. Каррыев.

Большую помощь при редактировании I тома оказал научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР кандидат исторических наук В. А. Ромодин, которому дирекция Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР выражает искреннюю благодарность. Дирекция института выражает также благодарность всем ученым Москвы, Ленинграда, Ташкента, Баку и других городов, принявшим участие в обсуждении рукописи и макета I тома «Истории Туркменской ССР».

Указатели к первой книге I тома составлены Х. А. Агаевым.

В подборе иллюстраций принимали участие Г. А. Пугаченкова и В. А. Ромодин.

Карты составлены П. П. Померанцевым.

В подготовке к печати первой книги I тома принимали участие сотрудники Института истории, археологии и этнографии АН ТССР кандидат исторических наук С. Г. Агаджанов, А. Ф. Ганялин, Н. Н. Канода и К. Нурмухаммедов.

ВВЕДЕНИЕ

«История Туркменской ССР» — первый сводный труд по истории Туркменистана и туркменского народа — является итогом многолетней работы историков Туркменистана, ученых Москвы, Ленинграда и других научных центров нашей страны. Авторский коллектив ставил перед собой задачу осветить с позиций марксистской науки многовековую историю туркмен и их предков.

Мы располагаем в настоящее время значительным количеством источников и исследований по истории Туркменистана.

Среди источников, которые освещают историю туркменского народа, очень большое значение имеют археологические и архитектурные памятники, которыми так богата наша республика — многочисленные курганы, развалины древних городов, крепостей, ирригационных сооружений и т. п.

О самых древних временах истории Туркменистана рассказывают исследованные археологами стоянки первобытных людей. Таковы Джебельский грот, неолитический могильник у ст. Кайлю, поселения Анау, Намазга-Депе, Изат-Кули и т. д. Многовековая жизнь древних рабовладельческих государств, существовавших на территории Туркменистана, запечатлена в таких монументальных памятниках, как Гяур-Кала (античный Мерв), Старая Ниса, городища Калалы-Гыр и Кюзели-Гыр в Хорезме, а также многие другие, не столь крупные.

Еще больше на территории Туркменистана археологических памятников, оставленных эпохой феодализма. Среди них назовем грандиозное городище Султан-Кала (средневековый Мерв), развалины Гургандж недалеко от современного города Куня-Ургенч. По всему Туркменистану разбросаны развалины средневековых сел и городов, феодальных замков,

караван-сараев на торговых дорогах, остатки каналов и кяризов. Особенный интерес для истории хозяйства туркменских племен представляют остатки ирригационной системы XV—XVI вв. на берегах высохшего ныне Сарыкамышского озера и руины туркменских городов Абиверд и Анау. От эпохи феодализма сохранился также ряд замечательных памятников зодчества — величественный мавзолей султана Санджара в средневековом Мерве, большой минарет и мавзолеи в окрестностях Куня-Ургенча, и многие другие.

Археология Туркменистана в последние 10—15 лет изучалась и изучается крупными экспедициями: Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией и Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. Кроме них, археологические исследования в республике осуществляет также сектор археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Советскими учеными в послевоенные годы сделан ряд крупнейших научных открытий на территории Туркменистана; наиболее важными из этих открытий являются обнаружение хозяйственного архива парфянских царей II—I вв. до н. э. и находки чудесных произведений древнего искусства в Старой Нисе.

Древнейшие письменные известия о народах и племенах, живших на территории современного Туркменистана, содержатся в древнеперсидских клинописных надписях и в сочинениях греческих и римских историков и географов. Большое значение для изучения древней истории Туркменистана имеют также сведения, имеющиеся в китайских исторических хрониках, которые охватывают период от I в. до н. э. по VIII в. н. э. Китайские источники в частности ценны для нас потому, что период III—VIII вв. в истории Туркменистана западными авторами освещен очень слабо.

Основными письменными источниками по истории Туркменистана с середины VII по XVI в. являются сочинения на арабском, персидском и таджикском языках. Среди них следует отметить труды арабских географов IX—X вв., многочисленные исторические и географические сочинения среднеазиатских ученых — Хорезми, Бируни, Самани, Несеви, Абд ар-Раззака Самарканди и других, средневекового филолога Махмуда Кашгарского, а также работы персидских историков XI—XVI вв. Особенную ценность для изучения истории Туркменистана XVII—XIX вв. (до присоединения к России) имеют сочинения современников событий, написанные на узбекском и персидском языках. Из работ узбекских историков следует прежде всего отметить труды хивинского хана Абулгази (XVII в.) и пространные хроники, составленные

в XIX в. хивинскими авторами Мунисом и Агехи. Эти хроники охватывают период с начала XVI в. до 70-х годов XIX в.

Много ценных сведений по истории туркмен и Туркменистана было извлечено из сочинений средневековых восточных авторов и опубликовано в русском переводе с комментариями в коллективной работе «Материалы по истории туркмен и Туркмении», выполненной для Туркменской республики Институтом востоковедения Академии наук СССР[1].

Большинство античных и средневековых нарративных источников страдает одним чрезвычайно серьезным недостатком— они оставляют в тени социально-экономический строй и быт широких народных масс. Для XIX в. этот пробел частично восполняется документами архива хивинских ханов, хранящегося в настоящее время в Ленинграде, и фонда бухарских кушбеги, находящегося в Ташкенте. Изучение материалов о туркменах, имеющихся в этих архивах, является одной из важных задач, которые стоят перед исследователями истории Туркменистана.

Очень важны для изучения истории Туркменистана в XVII—XVIII и первой половине XIX в. сообщения русских и западноевропейских путешественников, а также архивные документы, проливающие свет на историю русско-туркменских взаимоотношений.

Важнейшими источниками по истории Туркменистана в период от присоединения к России до Великой Октябрьской социалистической революции являются документальные материалы, хранящиеся главным образом в Центральном государственном архиве ТССР, а также в архивах Москвы, Ленинграда, Ташкента и Тбилиси. Много ценных данных содержится в ежегодных обзорах Закаспийской области, составлявшихся областным статистическим комитетом в период с 1882 по 1914 г., и в местных газетах. История революционного движения в области освещена также в воспоминаниях участников и современников; эти материалы хранятся в местных архивах и в рукописном фонде библиотеки Академии наук ТССР.

Особую группу источников для изучения истории Туркменистана составляют произведения туркменской классической литературы и устного народного творчества, а также различные этнографические материалы, позволяющие характеризовать культуру, быт и хозяйство туркменского народа в прошлом.

---

[1] Первый том вышел в 1939 г. под редакцией С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского; второй том — в 1938 г. под редакцией В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова.

Важнейшими руководящими материалами для всякого советского историка являются труды классиков марксизма-ленинизма. В работах Маркса и Энгельса содержится стройная теория развития человеческого общества в целом и ряд ценнейших указаний об особенностях исторического развития народов Востока, а также немало отдельных характеристик важнейших исторических явлений и деятелей народов Средней Азии. Для истории туркменского народа, как и всех народов России, в конце XIX и начале XX в. особое значение приобретают труды В. И. Ленина, в которых он дает исчерпывающую картину общественно-экономического развития России и классовой борьбы трудящихся против царизма, помещиков и капиталистов. Ценным источником являются решения партийных съездов и другие документы нашей партии, а также материалы большевистской печати.

История Туркменистана и туркменского народа издавна привлекала внимание историков. Сведения о Туркменистане и туркменах помещены в огромном средневековом историческом своде Рашид ад-дина, в сочинениях Ибн аль-Асира, Мирхонда и других восточных авторов. Отдельные сообщения о туркменах имеются в трудах западноевропейских средневековых историков и в русских летописях. Истории туркмен и их предков посвящен ряд работ русских и западноевропейских буржуазных историков. Эти работы содержат ряд интересных и ценных данных, но требуют самого осторожного и критического подхода. Большинство буржуазных авторов склонно было сводить историю народов Средней Азии к истории правящих династий, бесконечных войн и вторжений, но мало интересовалось жизнью и деятельностью трудящихся масс. Пренебрежительно относясь к народам Востока, особенно к тюркоязычным народам, эти историки принижали культурные и хозяйственные достижения туркмен и их предков.

Несмотря на буржуазную ограниченность, часто мешавшую им сделать правильные выводы из накопленного фактического материала, некоторые старые востоковеды внесли крупный вклад в изучение истории туркменского народа, как и других народов Средней Азии.

Особенно велики научные заслуги выдающегося русского востоковеда академика В. В. Бартольда, который, наряду с обобщающими трудами по истории Средней Азии, опубликовал в 1929 г. краткий очерк истории туркменского народа с VIII по XIX в. включительно. Работы В. В. Бартольда во многом послужили исходным пунктом для дальнейшей работы в области научного изучения истории туркмен и их предков.

Наибольшие успехи в деле изучения истории Туркменистана и туркменского народа достигнуты советской исторической наукой, основанной на передовой марксистско-ленинской теории. В настоящее время изучением истории Туркменистана во все ее периоды заняты десятки научных работников в Ашхабаде, в других городах Туркменской ССР, в Ташкенте и в центральных научных учреждениях Советского Союза.

Среди советских историков, занимавшихся историей Туркменистана, следует особо отметить недавно скончавшегося члена-корреспондента Академии наук СССР А. Ю. Якубовского. Начиная с 20-х годов, А. Ю. Якубовский создал ряд трудов по истории туркмен и их предков. В большой коллективной работе А. Каррыева, В. Г. Мошковой, А. Н. Насонова и А. Ю. Якубовского «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», изданной Академией наук Туркменской ССР в 1954 г. на правах рукописи, А. Ю. Якубовскому принадлежат главы, охватывающие историю Туркменистана с VIII по XV в. включительно. Труды А. Ю. Якубовского широко использованы при составлении I тома «Истории Туркменской ССР».

Большие заслуги в области развития советской исторической науки и этнографии в Туркменистане принадлежат также Г. И. Карпову.

В настоящее время еще далеко не все проблемы истории Туркменистана и туркменского народа могут считаться разрешенными. Недостаточно исследована история развития производительных сил на территории Туркменистана, не вполне ясен ход этногенеза туркмен и время сложения туркменской народности, требует дальнейшего изучения общественно-экономический строй туркмен накануне присоединения к России, а также социально-экономическое развитие туркменского аула во второй половине XIX и начале XX в. Слабо изучена история туркменской культуры и туркменского языка. Научное разрешение всех этих и многих других проблем истории Туркменистана требует привлечения новых источников и их глубокого исследования на основе марксистско-ленинского учения.

Внимание, уделяемое науке партией, правительством и всем народом нашей страны, и все шире распространяющийся в нашем обществе интерес к истории обязывают исследователей, работающих в области ее изучения, сделать все, чтобы достойно выполнить свой долг перед народом.

Историки Туркменской ССР, вдохновленные историческими решениями XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, продолжают упорно работать над изучением истории Туркменистана с тем, чтобы в ближайшем будущем

дать новые исследования, более полно и глубоко раскрывающие славную и богатую историческими событиями историю туркменского народа.

* * *

Прежде чем перейти к изложению истории туркмен и их предков, необходимо охарактеризовать природные условия страны, а также вкратце обобщить высказывавшиеся в научной литературе взгляды на происхождение туркменского народа.

Поверхность Туркменистана представляет обширную равнину, окаймленную с юга горами. Большую часть его территории занимает пустыня Кара-Кумы — одна из величайших песчаных пустынь на земном шаре. Население пустынь и степей Туркменистана с глубокой древности занималось кочевым и отгонным скотоводством. В песках растут саксаул, черкез, кандым, илак, арпаган, селин и многие другие растения, представляющие хороший корм для скота. Но пустыня лишена поверхностных вод. Для водоснабжения служат колодцы, глубина которых местами доходит до 200—300 *м* (Юго-Восточные Кара-Кумы), а также зимние и весенние дождевые воды, собираемые в особые ямы-водохранилища (каки). Большая часть грунтовых вод равнинной части Туркменистана сильно засолена.

Вдоль южных границ Туркменистана тянутся горные цепи — Копет-Даг с Кюрен-Дагом, далее к востоку невысокие горы Карабиль и на правом берегу Аму-Дарьи хребет Кугитанг. От Копет-Дага на северо-запад, к Красноводскому полуострову, отходят небольшие обособленные хребты — Большой и Малый Балханы. Горы Туркменистана в большей своей части поросли ковылем, пыреем и другими травами. В ущельях растут различные деревья и кустарники, в том числе много дикорастущих плодовых растений (виноград, яблони, фисташка, грецкий орех, алыча, гранат и т. д.). Наиболее богаты водой и растительностью склоны Копет-Дага и западная часть хребта Карабиль, где имеется много хороших пастбищ.

Самую богатую часть Туркменистана составляют оазисы, расположенные в долинах рек и в предгорьях,—Аму-Дарьинский, Мургабский, Тедженский, Атекский и Ахал-Текинский.

Аму-Дарья в своем среднем течении, прорезая степи и пустыни Средней Азии, образует узкую долину, сжатую песками. Несмотря на острый недостаток земли, пригодной под пашню, эта долина издавна была довольно густо заселена. В нижнем течении Аму-Дарья создает развитую дельту, покрытую плодородными отложениями и прорезанную сложной системой старых русел. Здесь с глубокой древности развивалась

земледельческая культура, сложился богатый и густо заселенный Хорезмский оазис, западная часть которого, вместе с прилегающей Сарыкамышской впадиной, находится на территории Туркменистана. Некогда часть вод Аму-Дарьи стекала в Каспийское море по старому руслу Узбой.

Исключительным плодородием отличается Мургабский оазис, имеющий хорошую почву и достаточное количество воды. Через низовья Мургаба проходили пути, связывавшие восточную часть Средней Азии и Китай с Ираном, Ближним Востоком и далее с Европой. Теджен весной многоводен; но летом эта река почти полностью разбирается на орошение в верхней своей части (в Гератской долине) и в пределах Туркменистана пересыхает, что мешало развитию земледелия в ее низовьях.

Атекский и Ахал-Текинский оазисы, расположенные в предгорной полосе вдоль северных склонов Копет-Дага, орошаются десятками ручьев и мелких речек, стекающих с гор и теряющихся в песках[1]. Плодородная почва, обеспеченность водой и густой травяной покров весной — все это делает Атекский и Ахал-Текинский оазисы районами, удобными как для земледелия, так и для скотоводства.

Климат Туркменистана пустынный, континентальный, с высокими летними и сравнительно низкими зимними температурами. Минимальная температура января доходит до — 26 —32°, максимальная температура июля достигает 49°, 9. Осадков очень мало — в низовьях Аму-Дарьи их выпадает 80 *мм* в год, в западной части Копет-Дага 285 *мм*. Снеговой покров очень неустойчив и обычно держится несколько дней. Длинный вегетационный период (150—250 дней с температурой воздуха выше 10°) позволяет собирать до двух урожаев в год, но крайняя сухость климата дает возможность заниматься земледелием лишь при условии искусственного орошения. Раньше всего орошаемое земледелие возникло в подгорной полосе, где вода мелких источников сравнительно легко могла быть использована для орошения полей; много позже человеку удалось с помощью крупных ирригационных сооружений поставить себе на службу большие реки — Аму-Дарью, Мургаб и Теджен. Необходимость коллективных усилий для подчинения и использования водных источников в интересах человека обусловила, с одной стороны, длительное сохранение общинной организации, а с другой — ускорила появление ранних государственных образований на территории Туркменистана.

---

[1] В настоящее время вода этих ручьев и речек, так же как вод Мургаба и Теджена, полностью используется для орошения и водоснабжения.

Земледельческие оазисы Туркменистана окружены огромными пространствами пустынь и полупустынь, пригодными для развития скотоводческого хозяйства. Поэтому для туркмен и их предков было, как правило, характерно смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство, при котором одна часть населения жила оседло в оазисах и занималась земледелием, а другая занималась скотоводством и испокон веков вела кочевой образ жизни. Широкое распространение имело также отгонное скотоводство и различные виды полуоседлого хозяйства.

Деление на «чомур» (оседлых земледельцев) и «чарва» (кочевых и полукочевых скотоводов) туркмены сохранили до начала XX в.

Древнейшими предками современных туркмен были оседло-земледельческие и скотоводческие племена Средней Азии, принадлежавшие к европеоидной расе и говорившие на языках иранской группы индо-европейской языковой семьи. Кочевые дахо-массагетские племена населяли Кара-Кумы, Кизыл-Кумы, пересекающие их долины рек и Усть-Урт. Проникновение части их в Прикопетдагский район сопровождалось ассимиляцией ими коренного земледельческого населения предгорий (носителей «культуры крашеной керамики»). То же происходило в низовьях Аму-Дарьи и Мургаба, заселенных частично древними земледельческими племенами. В I тысячелетии до н. э. на территории земледельческих оазисов современного Туркменистана и сопредельных стран возникают древние народности — парфянская и хорезмийская. Парфяне и хорезмийцы частично также являются предками туркмен, что сказалось на некоторых элементах туркменской культуры отдельных племен, особенно архитектуры и изобразительного искусства.

Со второй половины I тысячелетия до н. э. начинается проникновение с северо-востока в Среднюю Азию тюркоязычных скотоводческих племен Центральной Азии, принадлежащих к монголоидной расе. В течение I тысячелетия н. э. эти племена постепенно ассимилируют древнее ираноязычное скотоводческое население среднеазиатских степей, в том числе в большей части современного Туркменистана, хотя остатки древних степных племен — аланов и асов — сохранялись еще в XI в. н. э. в районе Сарыкамыша. Среди скотоводческих племен западной части Средней Азии в IX—XI вв. особенно большую роль играли огузы, населявшие Приаралье и пустыни современного Туркменистана. Огузы говорили на языках тюркской группы, но в их состав входило большое количество ассимилированного коренного населения среднеазиатских степей.

Земледельческое население Хорезма и современного Южного Туркменистана гораздо дольше оставалось ираноязычным. Земледельческие оазисы в низовьях Мургаба и Теджена и вдоль северных склонов Копет-Дага были в конце I — начале II тысячелетия н. э. населены хорасанцами (которых средневековые источники часто называли таджиками), так же как и северо-восточная часть современного Ирана и Афганистана. В низовьях Аму-Дарьи основную массу населения составляли хорезмийцы. Кроме того, на территории современного Южного Туркменистана жили отдельные группы арабов и курдов.

Географические условия Туркменистана, где земледельческие оазисы не составляют сплошной полосы, а разбросаны среди огромных пустынь и степей, способствовали сближению тюркоязычных скотоводческих племен с оседлым земледельческим населением оазисов. Уже с VI—VII вв. огузы и другие тюркоязычные племена проникают на территорию современного Южного Туркменистана и еще дальше на юг.

По-видимому, уже в конце I тысячелетия н. э. часть тюркских племен (огузов, карлуков и других), живших на границах земледельческой полосы Средней Азии, или в глубине этой полосы (среди ираноязычного земледельческого населения) начинают называть туркменами. Происхождение этого названия в настоящее время точно не известно. Средневековые авторы обычно объясняли его как «тюркоподобный», «похожий на тюрка».

Проникновение огузов в Южный Туркменистан и оседание их там усилилось в XI в. Имеются сведения о перемешивании огузов с оседлым населением Хорасана, о проникновении в язык огузов множества иранских слов.

Так шло формирование современного туркменского народа, основными предками которого являются те огузские племена, которые остались на территории западной части Средней Азии, а также северная часть хорасанцев, населявшая оазисы современного Туркменистана. Известная роль в складывании туркменской народности принадлежит и хорезмийцам (современные туркмены, являясь тюркоязычными, в антропологическом отношении в массе принадлежат до сих пор к европеоидному типу).

В то же время другая часть огузов, ушедшая в XI—XII вв. в Переднюю Азию, приняла участие в складывании азербайджанского и турецкого народов, часть огузов вошла в состав кара-калпакского народа. Большинство хорезмийцев вошло позднее в состав узбеков, а хорасанцев (население Южного Хорасана) — в состав иранской народности.

Таким образом, туркменский народ по своему происхождению и этническому составу тесно связан с рядом братских народов советской Средней Азии, а также с некоторыми народами зарубежного Востока.

История туркмен и их предков настолько тесно переплетается с историей соседних народов, что ограничивать научное изложение истории Туркменистана событиями, связанными только с прошлым самого туркменского народа, совершенно невозможно, тем более, что существовавшие ранее этнические и политические границы далеко не всегда совпадают с современными.

Процесс слияния кочевого и оседлого населения усилился в XII в., в связи с новым массовым оседанием степняков в оазисах Туркменистана. Монгольское завоевание значительно изменило условия формирования туркменской народности. Особенно сильно пострадало от завоевателей оседлое население. Города Северного Хорасана и Хорезма были разорены, многие ирригационные сооружения разрушены, всей древней земледельческой культуре был нанесен тяжелый удар. На первое место в хозяйстве выдвигается кочевое и полукочевое скотоводство, а в процессе этногенеза ведущая роль переходит к степным тюркоязычным племенам. Эти племена, а также тюркоязычная часть местного оседлого населения в XIII—XV вв. получают общее имя туркмен, а за их территорией начинает постепенно закрепляться название «Туркменистан», т. е. страна туркмен.

Завершение процесса формирования туркменской народности, по-видимому, относится к XIV—XV вв. Остатки древнего ираноязычного земледельческого и городского населения на территории Туркменистана с течением времени были ассимилированы туркменами.

В XIV—XV вв. значительная часть туркменских племен (теке, иомуты, эрсари, салыры и некоторые другие) жили в Северном Туркменистане, в окрестностях Сарыкамышского озера, существовавшего примерно с XIII по XVI в., в западной части Хорезма и на Балханах. С XVI в. северо-туркменские племена начинают постепенно переселяться на юг. Они заселяют Южный Туркменистан, частично вытесняя или подчиняя и ассимилируя южнотуркменские племена (языр, алили, емрели, баят и другие), а также остатки ираноязычного населения. Этот процесс затянулся вплоть до второй половины XIX в.

Господство феодально-патриархальных отношений препятствовало туркменской народности консолидироваться в нацию, хотя некоторые элементы нации (общность языка, территории и психического склада, проявляющегося в общности

культуры) начали складываться у туркмен еще до присоединения Туркменистана к России. Однако, ввиду крайней отсталости хозяйства и общественного строя туркмен, они вплоть до недавнего времени сохраняли родо-племенную организацию, племенные говоры (шиве) и другие различия в быту и культуре.

Присоединение Туркменистана к России обусловило втягивание его в экономическую систему российского капитализма и вызвало зарождение и развитие в Туркменистане капиталистических отношений. На этой основе начался процесс формирования туркменской буржуазной нации. Однако этот процесс не смог получить значительного развития вследствие социально-экономической отсталости Туркменистана и национально-колониального гнета царизма. Формирование туркменской нации замедлялось также разобщенностью туркменского народа в политическом отношении. Только после Великой Октябрьской социалистической революции, в результате последовательного осуществления ленинской национальной политики Коммунистической партии, в процессе построения социализма в Туркменской ССР сложилась и окрепла туркменская социалистическая нация — равная среди равных в братском содружестве социалистических наций Советского Союза

ГЛАВА I

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА

(от каменного до раннежелезного века)

В своем развитии первобытно-общинный строй на территории Туркменистана, как и в других странах, проходил ряд закономерных этапов. На огромном по длительности отрезке времени, который охватывает в своем существовании первобытно-общинный строй, имели место разнообразные и сложные исторические события, представление о которых дают археологические памятники, открытые советскими исследователями.

Открытия эти показывают, что история Туркменистана, как и других соседних с ней южных областей Советского Союза, уходит своими истоками в отдаленнейшее прошлое человечества, в ту глубокую древность человеческого рода, о которой Ф. Энгельс писал, что «эта «седая древность» при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям»[1].

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 109.

Есть основания предполагать, что люди на территории Средней Азии и, в частности, Туркменистана впервые появились еще в то отдаленное время, когда потомки древнейших людей находились на пути от первобытного стада к родовому обществу. По археологической терминологии это было время нижнего палеолита, конец которого совпадает с ашельской ступенью в развитии техники и культуры первобытного человечества. В дальнейшем начинается средний палеолит, мустьерское время, когда существует уже человек неандертальского типа и возникает родовое общество в его какой-то древней форме.

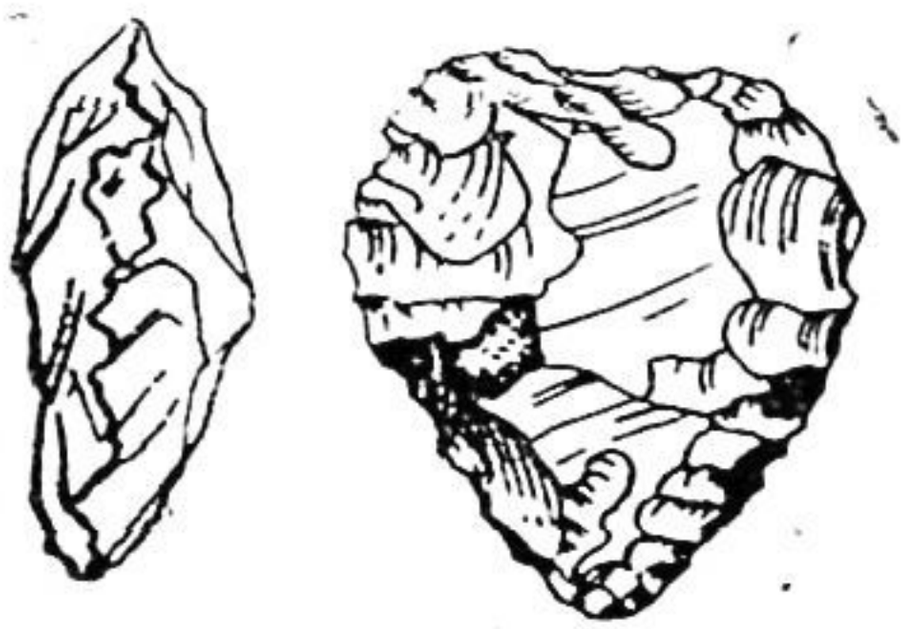
За мустьерским временем следует верхний палеолит и мезолит, когда появляется человек современного типа, а родовое общество приобретает уже зрелые, вполне установившиеся формы. В этот период существовал материнский род. Это было время, когда значительно усложняется и обогащается вся культура первобытного человека.

На следующем этапе, с развитием скотоводства и земледелия, подготовленных изобретением лука и стрел и соответственным усложнением жизни древних охотников и собирателей, а также вместе с последующим широким распространением металлических орудий труда и постепенным вытеснением каменных, у обитателей степей возникают большие племенные объединения, а затем и отцовский род с характерным для него домашним патриархальным рабством, зависимостью женщин и неограниченной властью главы семейства. Одновременно, а может быть и еще раньше, в местах, пригодных для земледелия с искусственным орошением, вблизи от горных ручьев и речек возникают поселки оседлых земледельцев каменного века. Сначала в этих земледельческих общинах, очевидно, существовал материнский род. Но с дальнейшим развитием производительных сил, с ростом земледелия и скотоводства у жителей этих поселков возникают отношения, характерные для патриархальных родовых общин. В дальнейшем, уже в эпоху металла, здесь зарождаются классовые отношения, и на основе этих земледельческих общин складываются древнейшие рабовладельческие государства Средней Азии.

Фактический материал, характеризующий историю первобытного человечества на территории нынешнего Туркменистана, пока еще невелик и имеющиеся сведения во многом отрывочны, однако, рассматриваемые на более широком историческом фоне, они позволяют понять и представить древнейшее прошлое Туркменистана как закономерный исторический процесс.

1. Древнейшие обитатели территории Туркменистана

Наиболее ранние остатки человеческой культуры обнаружены Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) на территории Туркменской ССР в 1949 г. Это грубые массивные отщепы и два орудия, найденные в 1949 г. ЮТАКЭ вблизи линии железной дороги между станциями Янгаджа и Кара-Тенгир, в 39 *км* к востоку от Красноводска. Судя по характеру этих изделий, можно полагать, что они относятся к концу ашельской эпохи, т. е. ко времени, отдаленному от нас не менее чем на 300 тыс. лет.

Палеолитическое орудие с Красноводского полуострова (из материалов ЮТАКЭ).

Местности, прилегающие к Каспийскому морю, имеют геологическую историю, связанную с неоднократными большими колебаниями уровня Каспия, с чередованием его регрессий и трансгрессий, т. е. периодов отступания морских вод и нового наступления их на сушу. Поэтому древние отложения, заключавшие в себе культурные остатки столь отдаленной поры, были впоследствии размыты и уничтожены. Исчезли и остатки животного мира, характерного для того времени. Однако в 2 *км* к северу от впадины Худай-Даг удалось найти в останце, сложенном древними речными или озерными отложениями, части скелета древнего слона (Elephas Wüsti) — кости конечностей, часть бивня и, несколько выше, обломок коренного зуба. Обломки костей слонов, в том числе эмалевые пластинки зубов, отмечены геологами и в других местах между Худай-Дагом и Монжуклы, а также по Узбою. На Челекене в тех же отложениях найден рог оленя[1]. Геологические данные позволяют в общих чертах восстановить условия, в которых на юго-западе Туркменистана обитал человек, оставивший упомянутые выше каменные изделия.

Аральского моря в те отдаленные времена не существовало. На его месте простиралась огромная равнина, через которую стекали в Каспийское море сливавшиеся здесь древние реки. Аму-Дарья, или, вернее, Пра-Аму-Дарья, тоже впадала в Каспийское море. Как и другие реки Средней Азии,

---

[1] П. В. Федоров. К стратиграфии каспийских отложений Прибалханского района. «Советская геология», 1946, № 11, стр. 36—37.

она была несравненно, по крайней мере в полтора раза, многоводнее, чем теперь. Это объясняется, по всей вероятности, усиленным таянием ледников в верховьях реки. Ее воды, широко разливаясь и блуждая по ровной поверхности, откладывали массы песка, из которых образовались песчаные толщи Кара-Кумов.

В густых тугайных зарослях, а может быть и в настоящих лесах, вдоль основного гигантского русла обитали многочисленные животные, в том числе древние слоны и олени. Здесь же, вблизи воды, находились стоянки древнего человека, в жизни которого охота не только занимала весьма существенное место, но постепенно становилась ведущим занятием, основным источником существования.

Как и их современники из других стран, обитатели Юго-Западного Туркменистана в то отдаленное время выделывали свои орудия, очевидно, из целых галек и желваков кремня. Для этого они тщательно оббивали гальку с обеих сторон, придавая ей определенную, строго целесообразную и выдержанную форму. Найденное в 39 *км* восточнее Красноводска крупное орудие имело характерную форму ручного рубила, т. е. древнейшего, первого в истории человечества орудия вполне установившейся формы. Один конец его, массивный, представляет собой рукоять орудия, другой, острый, является рабочим концом рубила. Инструментами такого рода можно было рубить и резать, а также копать землю. Это было подлинно универсальное орудие того времени, пригодное для самых различных трудовых операций. Ручное рубило в сильных руках первобытного человека служило и грозным боевым оружием. Неподалеку от первого рубила было найдено второе, меньшее по размеру, но более тщательно и умело обработанное, несколько более позднего времени, но все же относящееся к концу нижнего палеолита.

Рубила не были единственными орудиями древнейших людей. Первобытный человек широко использовал также каменные отщепы.

Некоторые из найденных там же отщепов имеют зазубренные от употребления края. Один отщеп представляет собой грубый, трехугольный по форме, остроконечник. Такими отщепами и остроконечниками люди могли расчленять на части туши добытых животных, вспарывать и резать шкуры, изготовлять деревянные дубины и колья, являвшиеся, вероятно, основным охотничьим оружием того времени.

Люди, которые оставили все эти древнейшие в Туркменистане орудия, по-видимому, бродили небольшими изолированными группами вдоль берегов озер и рек, убивали диких животных, собирали съедобные растения, моллюсков, насе-

комых, птичьи яйца, — все, что могло идти в пищу. Не умея добывать огонь, они уже научились поддерживать и ценить его как источник тепла и могущественное средство борьбы с дикими зверями, умели достаточно искусно выделывать орудия и обладали зачатками членораздельной звуковой речи.

Значение древнейших находок в районе Красноводского полуострова, несмотря на их немногочисленность, выходит за пределы местной истории в собственном смысле этого слова. Они дают возможность полагать, что территория Туркменистана или, во всяком случае, ее южные районы были составной частью той сравнительно ограниченной области земного шара, где протекало первоначальное развитие человечества, начинался переход от первобытного стада к родовой общине.

2. Мустьерское время

Дальнейший, новый этап в истории древнейшего населения Туркменистана отмечен памятниками мустьерского типа (около 100 тыс. лет до нашего времени). В это время на огромных пространствах Европы и Азии образуются залежи снега и льда максимального или «рисского» оледенения. Усиление ледниковой деятельности имело место и в горных областях Средней Азии. Косвенным свидетельством этого являются отложения Аму-Дарьи, относящиеся к данному геологическому периоду. Протекая по низменным Кара-Кумам, Аму-Дарья несла тогда к берегам Каспийского моря большое количество грубого крупнозернистого песка. Благодаря резкому увлажнению климата вдоль восточного побережья Каспия и обрывов Усть-Урта начинаются оползни, показывающие, что годовое количество осадков в этот период превышало 300 *мм*. Льды лежали только в горах и лишь отчасти спускались вниз по горным долинам[1].

Предгорья и равнины Средней Азии оставались совершенно свободными от льда. Летний климат здесь продолжал быть по-прежнему теплым и настолько сухим, что растительность имела пустынный характер. Так же как и теперь, в равнинах Средней Азии произрастали кандым, саксаул, эфедра и другие растения, приспособленные к сухому климату и жаркому лету.

Все эти обширные пространства вполне могли быть круглый год обитаемы первобытными людьми, чем они и воспользовались. В предгорьях и на равнинах Средней Азии водились многочисленные животные: кабаны, джейраны, дикие

---

[1] Б. А. Федорович. Древние реки в пустынях Турана. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 3, М., 1952.

лошади, быки и, надо полагать, толстокожие, в первую очередь слоны, на которых могли охотиться первобытные обитатели этих мест.

Остатки поселений мустьерских людей обнаружены в местности Каскыр-Булак и Джанурпа на Красноводском полуострове[1], а также на недавнем морском дне вблизи станции Кара-Тенгир. Отдельные орудия мустьерского типа встречены вблизи Большого Балхана, неподалеку от Узбоя, около Джойрука.

В распоряжении мустьерского человека был уже определенный набор каменных орудий, удовлетворявший его возросшие потребности. В Каскыр-Булаке, у Кара-Тенгира и у Джойрука вдоль Узбоя найдены типично мустьерские по форме и технике острия треугольной формы (мустьерские остроконечники). Остроконечниками можно было резать дерево, мясо и шкуры убитых животных. Закрепленные на конце деревянного копья, они могли значительно усиливать пробойную силу этого оружия.

Рядом с остроконечниками на стоянках Туркменистана обнаружены и сопровождающие их каменные скребла, а также нуклеусы — ядрища.

Общий характер быта и хозяйственной жизни мустьерских людей, заселявших низменные районы Средней Азии, ее великую аллювиальную равнину, по найденным здесь немногочисленным и скудным пока остаткам восстановить трудно. Тем не менее, как ни малочисленны еще эти находки, они драгоценны тем, что отмечают собой большой и длительный этап в истории первобытного населения Туркменистана. Судя по всему, что известно о мустьерских людях других стран и их жизни, и здесь, в Туркменистане, мустьерское время замечательно именно тем, что именно тогда постепенно накапливаются черты нового жизненного уклада, которые в дальнейшем, уже в верхнем палеолите, привели к окончательному оформлению материнского рода, к становлению зрелого родового общества.

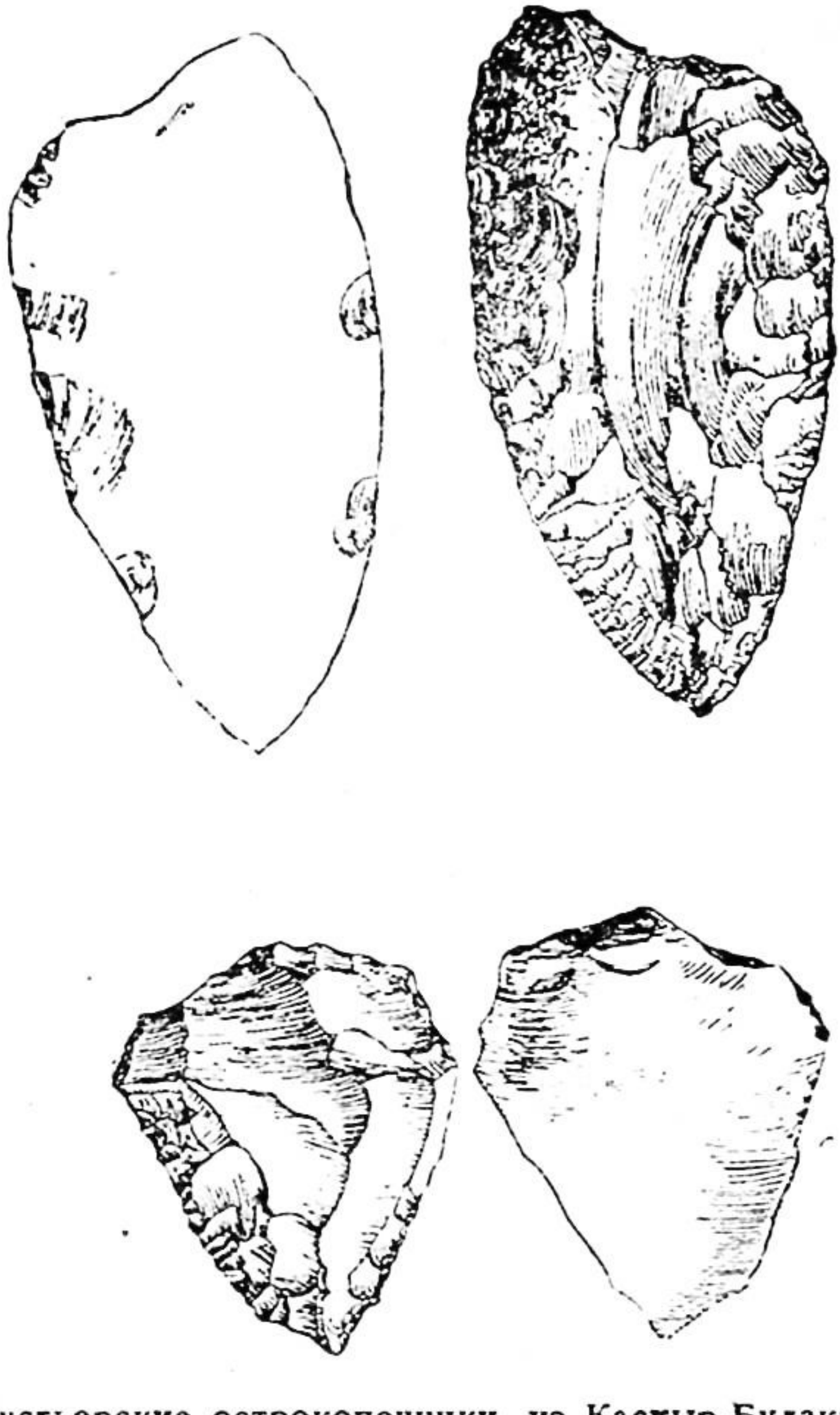
В Туркменистане пока еще не найдено костных остатков самого мустьерского человека. Но о его физическом облике можно судить по находке костей мальчика мустьерского времени в пещере Тешик-Таш в Байсунских горах Южного Узбекистана[2]. Это был, как показали исследования антропологов, человек неандертальского типа, сохранивший еще ряд

---

[1] А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова (отчет о полевых исследованиях в 1947 г.). Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 76 и 84.

[2] См. Тешик-таш. Палеолитический человек. Сборник МГУ, М., 1949.

признаков, унаследованных от обезьяновидных предков, но обнаруживающий, вместе с тем, и определенные черты прогрессивного развития. Таковы, прежде всего, некоторые осо-

Мустьерские остроконечники из Каскыр-Булака (из материалов ЮТАКЭ).

бенности строения мозга тешикташского человека, сближающие его с мозгом современного человека[1]. Эти прогрессивные

[1] В. В. Бунак. Муляж эндокранной полости палеолитического черепа из грота Тешик-таш (Узбекистан). Сб. Музея антропологии и этнографии, вып. XIII, 1951; он же. Происхождение речи по данным антропологии. Труды Института этнографии. Новая серия, т. XVI, М., 1951.

черты неандертальцев из Тешик-Таша дают право предполагать, что территория Средней Азии, во всяком случае ее южная часть, включая и Туркменистан, вместе с Южной Азией и Средиземноморьем входила в область, где из неандертальцев возникли предки современного человека.

3. Верхний палеолит и мезолит

Около 50 тыс. лет тому назад, в послемустьерское время происходят значительные изменения в природных условиях Прикаспия. Уровень Каспийского моря резко повышается, и его воды заливают значительные пространства прежней суши. Начинается так называемая хвалынская трансгрессия, когда высота вод Каспия достигла наибольшего уровня за все четвертичное время. Подъем воды в этом море был настолько значительным, что его воды затопили значительную часть Североприкаспийской низменности и образовали в Кара-Кумах обширный залив. Уровень Каспийского моря в хвалынское время был на 50 *м* выше, чем в предшествующее, хазарское время, и на 75 *м* выше, чем сейчас[1].

Хвалынская трансгрессия и следующее за ней время в геологической истории Прикаспия соответствуют, как полагают многие геологи, последнему или «вюрмскому» оледенению в Европе и Северной Азии. В истории палеолитического человека они совпадают с тем временем, когда он переходит на новую ступень культуры, от среднего палеолита к верхнему или позднему палеолиту.

Люди обладали тогда, несомненно, уже всеми основными физическими чертами человека современного типа, в том числе соответственно развитым интеллектом.

На том же участке вдоль древнего берега Каспийского моря, где были найдены каменные изделия человека конца нижнего и среднего палеолита, всего лишь в одном километре от них по направлению к востоку, между остатками размытых глинистых и галечных отложений уцелело множество обработанных человеком кремней, залегавших определенным скоплением на сравнительно небольшом пространстве. Основная масса обработанного кремня концентрировалась на площади около 100 *м*.

Как оказалось, здесь находилась когда-то своеобразная мастерская людей каменного века. Они собирали в ближайших окрестностях этой мастерской рассеянные там в огромном количестве желваки и гальки кремня, а затем подвергали

---

[1] Б. А. Федорович. Указ. соч.

их обработке. Среди кусков кремня, использованных человеком, здесь больше всего нуклеусов.

Среди многих тысяч отщепов и пластин, обнаруженных в мастерской, оказались и такие орудия, в первую очередь небольшие пластинчатые скребки и изящные тонкие острия — проколки, которыми можно было резать дерево или кость, выполнять тонкую гравировальную работу и, что особенно важно, проделывать отверстия в коже с тем, чтобы изготовлять из нее примитивную обувь, одежду, а может быть, посуду или хранилища для запасов пищи, вроде мешков, бурдюков, сумок.

Общий характер обработки камня в описываемой мастерской дает право сделать определенные выводы и о культуре людей этого времени в Туркменистане.

С этой стороны интересно, что каменные изделия из этой мастерской по своему характеру очень близки к наиболее ранним изделиям верхнепалеолитического времени в пещерах Палестины, лежащим в отложениях непосредственно над их мустьерской толщей. Такое же и даже еще более резкое сходство с находками из южных областей Азии, Европы и Африки имеют каменные изделия, обнаруженные в более поздних поселениях каменного века Туркменистана.

Значение этого факта огромно. Оно станет понятным, если обратиться к истории культуры верхнепалеолитического человека в целом. В нижнем и среднем палеолите, вследствие низкого уровня развития человека и его производительных сил, культура населения различных областей и стран имела довольно единообразный в основе характер. В верхнем палеолите обнаруживается глубокое различие в культуре населения суровых приледниковых областей Европы и Азии, с одной стороны, и южных стран, где не сказывалось прямое влияние ледников,—с другой[1].

Образ жизни охотников юга был более подвижным. В их хозяйстве несравненно большее значение, чем на севере, имело собирательство. Существенно отличался на юге от того, чем располагали северные племена, и ассортимент орудий труда. Здесь очень рано и широко распространяется специфическая техника изготовления каменных орудий из предварительно расколотых на части кремневых пластин правильной огранки. Из таких кусков рассеченных на части пластин выделывались удивительные по их геометрически правильным

---

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество, М.—Л., 1938; П. И. Борисковский. Начальный этап первобытного общества, Л., 1950, стр. 128; С. Н. Замятин. О локальных различиях в культуре палеолитического периода. Труды Института этнографии. Новая серия, т. 16, 1951.

очертаниям и миниатюрным размерам кремневые изделия в виде сегментов, трапеций, неравносторонних треугольников. Широкое распространение микролитических наконечников стрел было связано с развитием специфических приемов оснащения стрел каменными наконечниками и острыми шипами и, следовательно, было вызвано распространением лука, явившегося самым грозным, наиболее эффективным боевым оружием охотников и воинов каменного века.

Особо выдающееся значение лука и стрел в истории развития производительных сил общепризнано. Лук и стрелы явились, как указывал Ф. Энгельс, результатом постепенного и длительного накопления технического опыта, последовательного обогащения трудового опыта человека и его практических знаний.

Изобретение лука, «переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам» вызвали важные исторические изменения, привели к переходу от охотничьего образа жизни к приручению животных и первобытному скотоводству.

Типичные микролиты геометрических очертаний оказались, например, в пещере Дам-Дам-Чешме на Большом Балхане, около Небит-Дага[1]. Здесь, в древнем слое, залегали характерные изделия из превосходно ограненных кремневых пластин, имевшие вид крупных сегментов и равносторонних треугольных острий. Вместе с ними обнаружены призматические нуклеусы, нуклевидные скребки, скребки концевого типа и своеобразные пластинки с боковыми выемками. Одинаковые по типу кремневые изделия, но еще более многочисленные и разнообразные, обнаружены рядом с этой пещерой в другом гроте того же ущелья (Дам-Дам-Чешме II) и в навесе Кайлю, в 20 *км* от Красноводска.

Находки в пещерах Туркменистана позволяют теперь со значительной долей вероятности восстановить общую картину жизни их древних обитателей, живших здесь около 8—10 тыс. лет тому назад. Судя по многочисленным обломкам костей диких животных, жители этих пещер были охотниками.

Однако было бы неправильно представлять этих людей только как охотников на джейранов, диких лошадей, ослов и других животных. Даже обитатели таких пещер, как Дам-Дам-Чешме, в настоящее время отдаленных от водоемов десятками и сотнями километров, кроме охоты, занимались еще и рыбной ловлей. Вместе с костями диких животных в пещерах встречаются кости рыб, например, осетра и стерляди. Найденные в пещерах грубые зернотерки показывают,

---

[1] А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 98.

что в жизни мезолитических племен Туркменистана большое значение имело также и собирание дикорастущих съедобных растений, и в первую очередь злаковых.

В суровых климатических условиях степей и пустынь, особенно зимой, люди уже не ходили голыми или в небрежно наброшенных на плечи мохнатых шкурах. Они уже носили костюм, скроенный по определенному образцу и сшитый нитками, всего вероятнее — сухожильными. На этот факт прямо указывает найденная в нижнем слое пещеры Кайлю, первая и древнейшая пока в Средней Азии, костяная игла, снабженная миниатюрным просверленным ушком, предназначенным для вдевания нити.

Некоторое представление о духовной культуре, об эстетических вкусах этих людей дает их обычай украшать себя блестящими подвесками из морских раковин. В пещере Дам-Дам-Чешме найдены также и подвески из раковин денталий, имеющих вид суженных к одному концу трубочек.

В верхнем палеолите и мезолите, как показывает изучение памятников этого времени в Европе, Азии и Африке, повсеместно складывается зрелое родовое общество, основой которого был материнский род.

Как показывают этнографические данные, такие родовые группы представляли собой объединенные кровным родством группы родственников по женской линии. Вся жизнь их строилась на общественном домашнем хозяйстве, на коллективном производстве и совместном потреблении. Роды объединялись во фратрии, а последние образовывали племя. Так должно было жить, очевидно, и верхнепалеолитическое население Туркмении. Материнский род должен был существовать и у потомков верхнепалеолитических насельников Туркмении, у ее мезолитических и неолитических племен.

4. Неолитические охотники и собиратели на территории Туркменистана

Время раннего неолита (8000—6000 лет тому назад) в древней истории Туркменистана лучше всего представлено находками в гроте Джебел, обнаруженными в средней части отложений грота. Грот Джебел расположен на мысе Шахлу-Бурун, или иначе Шакул-Бурун, в 3—4 *км* к востоку от ст. Джебел. Сейчас у подножия грота и далеко перед ним простирается безводная пустыня. Однако при раскопке наслоений грота, в нем вместе с принадлежавшими древнему человеку различными каменными изделиями, относящимися к раннему неолиту, и костями таких типично степных живот-

ных, как джейран, неожиданно оказались кости рыб и притом таких, как стерлядь и сазан, которые живут в свежей проточной воде.

Где же были добыты рыбы, кости которых найдены среди пищевых отбросов ранненеолитических обитателей пещеры Джебел?

Древняя Пра-Аму-Дарья в раннем неолите уже не существовала. *Нанесенные гигантской рекой огромные массы песка* под действием ветра превратились в барханные скопления. Они образовали тот пустынный ландшафт, который мы видим в Кара-Кумах теперь. Но воды Аму-Дарьи в те далекие времена все еще свободно стекали в Каспийское море по Узбою.

В таких условиях древние люди, естественно, не только могли время от времени посещать пещеру Джебел, но и более или менее постоянно обитать в ней, о чем свидетельствуют оставленные ими многочисленные культурные остатки. Эти следы дают достаточно ясную общую картину культуры древних обитателей пещеры, которые были еще в полной мере людьми каменного века.

Техника обработки кремня в это время достигает наибольшего совершенства. В основе ее по-прежнему находится призматический нуклеус, огранка которого отличается предельной правильностью. Искусно снятые с таких призматических нуклеусов длинные и правильные ножевидные пластины часто шли в употребление без всякой обработки как режущие инструменты, заменяя современные кожи. В ряде случаев лезвия кремневых пластин подправлялись специальной ретушью. На некоторых из них имеются глубокие правильные выемки полукруглой формы. Такие выемчатые пластины, как и прежде, вполне могли служить специальными инструментами для выскребывания древков копий и стрел, а также других деревянных стержней. Кроме того, в распоряжении жителей пещеры по-прежнему был достаточно обширный ассортимент других мелких кремневых орудий, вроде скребков и проколок, унаследованный от их мезолитических предшественников.

От мезолита были унаследованы и микролитические изделия геометрических форм. Хотя жители пещеры Джебел уже не выделывали больше орудий типа сегментов, у них все еще широко употреблялись миниатюрные орудия в виде неравносторонних треугольников, оформленных специфической затупливающей ретушью вдоль краев. В ходу по-прежнему были также острия со скошенным краем, изредка — небольшие резцы. *Обычными для ранненеолитических слоев* грота являются трапециевидные изделия, поражающие свои-

ми миниатюрными размерами. Всюду, где встречаются микролитические изделия, появление таких миниатюрных трапеций определяет конец мезолитического времени и переход к неолиту.

Неудивительно поэтому, что в ранненеолитических слоях пещеры Джебел появляются изделия совершенно нового типа, в виде крупных кремневых острий и наконечников стрел двух видов. Одни из их — пластинчатые наконечники из слегка обработанных краевой ретушью пластин, в том числе с характерной боковой выемкой в основании. Вторая группа таких изделий представлена не многочисленными, но характерными изделиями в виде двустороннеобработанных листовидных клинков, часть которых могла употребляться и в качестве ножей.

Характерным является и такой существенный признак нового, неолитического, уклада жизни и материальной культуры, как керамика. В пещере Джебел обнаружены образцы глиняной посуды, самой древней для этих мест по типу и технике изготовления. Это были сравнительно небольшие сосуды с прямыми стенками и характерным заостренным днищем. Наружная поверхность их совершенно гладкая, иногда слегка лощеная. Почти тождественная, грубая и неорнаментированная керамика вместе с микролитическими изделиями тарденуазского типа, в том числе с более крупными, чем в Джебеле, асимметричными трапециями, обнаружена и в одной из пещер (Гар-и-Камарбанд) у южного побережья Каспийского моря, на севере Ирана.

Черты такого же прогрессивного развития видны и в других областях хозяйства и культуры древних обитателей пещер. Среди различных обломков камней и плит известняка, обнаруженных в пещере Джебел, выделяются плоские ровные плитки, поверхность которых сглажена и пришлифована в результате длительного употребления. Вместе с ними встречены обыкновенные овальные гальки известняка с уплощенной и сглаженной поверхностью, которые, несомненно, служили терочниками-курантами. Такими курантами, очевидно, растирали на каменных плитах съедобные зерна дикорастущих растений.

Искусство в Джебеле представлено только одним костяным острием, по-видимому, шилом, орнаментированным простыми симметричными насечками по ребрам. Зато довольно многочисленные украшения в виде бусин показывают, что жители пещеры любили щедро украшать себя. Как и прежде, бусы выделывались из местных материалов, преимущественно из окатанных морем обломков раковин дидакны или из целых раковин, специально для этого разбитых на части.

Все эти бусы имеют обыкновенно одну и ту же овальную форму, верхний конец их уже нижнего и снабжен отверстием для подвешивания. О том, что бусы выделывались здесь же, вблизи побережья Каспия, свидетельствует один из интереснейших бытовых памятников раннего неолита Туркменистана — замечательная мастерская «ювелира» каменного века, обнаруженная у подножья скалистой возвышенности мыса Кумба-Сенгир. На изолированном скалистом выступе, останце древней террасы, здесь обнаружено древнее углубление, сплошь заполненное супесью с культурными остатками. Основную массу находок в углублении, начиная от поверхности и кончая его дном, составляли овальные бусины из раковин, преимущественно ископаемых дидакн[1].

Вместе с готовыми бусами, аналогичными джебельским, здесь обнаружены заготовки для бусин и своего рода полуфабрикаты в виде овальных непросверленных еще кусочков, окатанных морскими водами, и остроугольных обломков раздробленных раковин. Всего таких бус и заготовок оказалось около девятисот. На многих бусах и на дне ямы была ясно видна более или менее интенсивная окраска красной минеральной краской — кровавиком. Вместе с большими овальными бусинами в яме оказались и миниатюрные белые бусинки, имеющие вид правильных толстых кружочков или отрезков цилиндра. Вместе с бусами лежали каменные изделия в виде асимметричных узких треугольников с притупленными краями. Такими остриями можно было с успехом сверлить отверстия в раковинах, для чего они, очевидно, и предназначались. В свою очередь, найденные рядом с ними скребки тоже могли употребляться для различных вспомогательных операций при изготовлении раковинных бусин.

Существование такой специализированной мастерской, возможно, указывает, что бусы, найденные у мыса Куба-Сенгир, пользовались широким по тому времени спросом не сколько в Прикаспии, сколько вдали от морских берегов. И действительно, одинаковые с найденными у мыса Куба-Сенгир бусы оказались на расстоянии нескольких сот километров отсюда, в глубине континентальных районов Туркменистана, на древнем поселении у Джейтуна, в 40 *км* к северо-западу от Ашхабада. Такие же бусы найдены по всему Узбою, на стоянках Присарыкамышской дельты.

---

[1] А. П. Окладников. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. 28. М.—Л., 1949, стр. 69; он же. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 87—89.

Таким образом, в этот период зарождаются относительно широкие межплеменные связи, во всяком случае уже выходившие за пределы какой-либо одной родовой общины.

На духовную культуру людей ранненеолитического времени бросает свет могильник этого времени, найденный вблизи пещеры Кайлю. Люди этого времени хоронили своих умерших у самого берега моря. Они рыли здесь могильные ямы, в которые укладывали умерших, обращая их головой на северо-запад. Так же, как их современники и верхнепалеолитические предшественники в других странах, они посыпали тела умерших растолченной в порошок красной охрой, клали с ними в могилу кремневые ножи в виде пластинок, иногда обработанных ретушью по краю. В могилах у пещеры Кайлю найдено много бус из морских раковин. Такие бусы украшали головной убор погребенных и целыми жгутами висели на их бедрах с правой стороны[1].

Погребения в Кайлю свидетельствуют о существовании родовых кладбищ-могильников и о вполне развитой уже вере в загробную жизнь.

Рядом с родовыми общинами тех охотников, рыболовов и собирателей, которые жили по берегам Каспийского моря, рассеяно было множество других, оставивших следы своих стоянок даже в самых безжизненных, самых пустынных сейчас пространствах. Они встречаются в глубине Красноводского полуострова, в Кара-Кумах, на Мангышлаке и далее на север — в глубине казахстанских степей[2]. Особенно много таких стоянок по Узбою. Почти непрерывной цепью тянутся они вдоль нижнего течения Узбоя и далее на север, к низовьям Аму-Дарьи[3].

В низовьях Аму-Дарьи, на территории древнего Хорезма, расположено одно из самых замечательных неолитических поселений Средней Азии — стоянка Джанбас-Кала 4, материалы которой дают представление о своеобразной неолитической культуре, названной кельтеминарской[4]. Культура эта принадлежала охотникам и рыболовам. На стоянке было

---

[1] А. П. Окладников. Изучение памятников каменного века в Туркмении (по данным работ IX отряда ЮТАКЭ в 1942 г.). «Известия АН ТССР», 1953, № 2, стр. 28—32.

[2] А. А. Формозов. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. «Вестник Каз. ФАН», 1945, № 2; он же. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. Краткие сообщения ИИМК СССР, вып. 25, II, 1949.

[3] С. П. Толстов. Археологические памятники на трассе Главного Туркменского канала. (Разведки Хорезмской экспедиции АН СССР в 1950—1951 гг.). «Вестник АН СССР», 1952, № 4.

[4] Он же. По следам древнехорезмской цивилизации, М.—Л., 1948. стр. 65—79; он же. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948, стр. 59—66

найдено огромное количество рыбных костей, главным образом сома и щуки. Среди костей животных оказались остатки дикой свиньи, благородного оленя, козули. Имеются также кости черепахи, птиц, скорлупа птичьих яиц, раковины моллюсков. Раскопки поселения дали обильный материал, рисующий яркую и выразительную картину жизни древних кельтеминарцев.

Стоянка Джанбас-Кала 4 находилась наподалеку от наполненного в то время водой русла Акча-Дарьи. Она, как полагает С. П. Толстов, представляла собой обширное жилище площадью 24×17 *м*. Основа сооружения состояла из столбов, между которыми помещались стропила, покрытые решеткой из жердей и слоем камыша. Столбы, стропила, каркас из жердей и слой камыша, покрывавший жилища, сгорели во время пожара и поэтому их остатки отчетливо сохранились в песке в виде углистых полос различной толщины, покрытых слоем камышовой золы; от столбов сохранились ямки глубиной в 30—40 *см*, заполненные черной золистой массой. Исходя из этнографических аналогий можно думать, что жилище имело вид многогранной призмы, причем центральные столбы достигали 8—10 *м* высоты. В центре жилища горел неугасимый костер, от которого уцелело очажное пятно, диаметром около метра. От входа в жилище к неугасимому огню вел узкий коридор, окаймленный двумя рядами столбов. Направо и налево от центрального очага располагались многочисленные кухонные очаги, вокруг которых концентрировалась основная масса найденных бытовых предметов.

В кельтеминарском доме обитала целая родовая община.

Материальная культура обитателей поселения Джанбас-Кала 4 находилась уже на уровне вполне развитого неолита. В технике изготовления каменных орудий имеются, правда, еще некоторые архаические черты, свидетельствующие о наличии каких-то традиций, уходящих в мезолит Средней Азии. Обитатели этого поселения по-прежнему применяли для оформления своих мелких каменных орудий специфический прием подправки лезвий кремневых пластинок крутой, «затупливающей» ретушью. Они иногда пользовались еще при изготовлении древков стрел и тому подобных деревянных изделий скобелями древних форм, в виде пластинок с боковыми выемками. У них обычными были еще наконечники стрел в виде узких ножевидных пластин с боковой выемкой в основании вместо черешка. Но жители поселения уже широко пользовались наконечниками стрел, изготовленными новой, чисто неолитической техникой. Наконечники эти имели ромбическую и листовидную форму. Обычным было приго-

товление крупных каменных орудий способом шлифования. Так отделывались крупные топоры из зеленого камня.

На стоянке найдены также обломки многочисленных глиняных сосудов. Все эти сосуды были, по-видимому, круглодонными. Среди них выделяются сосуды необычайной ладьевидной формы, в виде глубоких овальных чаш с суженным внизу дном. Сосуды были покрыты орнаментом в виде вдавленных ямок и линий, образующих довольно сложные орнаментальные композиции.

Кельтеминарская культура не старше III или конца IV тысячелетия до н. э. К тому же и более позднему времени относятся, вероятно, и находки в Джебеле, залегающие выше пятого слоя этой пещеры.

Древние кельтеминарцы, как и другие группы охотников, рыболовов и собирателей, обитавших в степях и пустынях Средней Азии, несмотря на примитивность их быта и хозяйства, не были изолированы друг от друга и от населения других, нередко весьма отдаленных областей. Об этом свидетельствуют находки в культурном слое жилища на стоянке Джанбас-Кала 4 многочисленных бус из морских раковин-денталий трех видов, чуждых Приаралью. Два вида этих раковин принадлежат моллюскам, обитающим только в бассейне Индийского океана — в Красном море, Персидском и Аравийском заливах.

Керамика же кельтеминарских поселений определенно доказывает наличие связи этой древней культуры Приаралья с культурой неолитических племен, обитавших далеко к северу и востоку от низовьев Аму-Дарьи. Таковы были, прежде всего, племена охотников и рыболовов, заселявшие Урал и соседние с ним лесные районы Западной Сибири, вплоть до Оби и даже до Енисея. В кельтеминарской керамике, особенно в технике нанесения орнамента и в его композиции, ясно вырисовываются также и связи кельтеминарцев с раннескотоводческими племенами степных областей Южной Сибири.

Такие же связи с другими областями, на этот раз южными, прослеживаются и в прикаспийских районах, где наряду с обломками примитивных глиняных горшков грубой выделки обнаруживаются другие, совершенно отличные от них по технике изготовления и форме, сосуды чужеземного происхождения. Сначала в пещерах Прикаспия появляются обломки сосудов с красной и реже черной лощеной поверхностью, изготовленных от руки. Затем, в слоях пещер, залегающих выше, начинают встречаться обломки изящных сосудов серого цвета, в том числе таких, которые были изготовлены уже на гончарном круге. Все эти обломки принадлежат, несомненно, привозным сосудам, доставленным из земледельческих

районов, где уже давно развивалась своеобразная и по тем временам высокая культура людей, оставивших после себя следы постоянных поселений, в нижних культурных слоях которых лежат черепки причудливо расписанной красками глиняной посуды, а выше — серой и черной лощеной.

Одновременно обнаруживаются и другие новые черты в культуре обитателей Прикаспия, свидетельствующие о важных переменах в их жизни. Об этих переменах наиболее отчетливо рассказывают находки в верхних слоях пещеры Джебел. Вместо микролитических наконечников стрел появились уже настоящие неолитические наконечники, оформленные с обеих сторон тончайшей отжимной ретушью.

В долине Узбоя к тому же времени относятся стоянки, где встречены хорошо отшлифованные топорики из камня, такие же, как в кельтеминарских стоянках. Совершенно одинаковые шлифованные топорики из камня, в том числе нефритовые, встречены и в верхних слоях пещеры Гар-и-Камарбанд в Северном Иране.

Вместо примитивных зернотерок в виде плоских плит появляются зернотерки специальной формы, ладьевидные, с плоскими верхними камнями, аналогичные древнеегипетским.

Позднее в пещере Джебел никто постоянно больше не жил. Люди останавливались в пещерах лишь изредка, и только в тех из них, внутри или вблизи которых имелись родники с чистой холодной водой.

Такое неожиданное запустение пещерных стоянок Прикаспия объясняется, по-видимому, тем, что в IV—III тысячелетиях до н. э. коренным образом изменяется самая основа жизни древнейшего населения Туркменистана.

В предгорьях Копет-Дага, вдоль быстрых ручьев и речек, пригодных для использования их вод в целях естественного орошения почвы, возникает новая культура и строится новая земледельческая жизнь. Именно эти предгорные области должны были отныне занять ведущее место в истории древнего населения Туркменистана и ближайших к нему районов.

В других соседних областях, где примитивное земледелие не могло существовать из-за суровых природных условий, совершается переход от охоты, собирательства и рыбной ловли к разведению домашнего скота, сделавшего жизнь людей несравненно более обеспеченной, чем прежде. Не случайно поэтому в верхних слоях Джебельской пещеры вместе с костями диких животных появляются кости домашней козы.

Время первобытной культуры бродячих охотников, рыболовов и собирателей в Туркменистане заканчивается. Земледелие в предгорьях, скотоводство в степях и пустынных областях — таковы те две основные линии прогрессивного хо-

зяйственного развития, которые выросли на основе этой древнейшей культуры.

Чтобы полностью понять ход событий, имевших здесь место в неолите, следует оставить пустыни и степи Туркменистана и перейти к предгорьям, в первую очередь туда, где над Кара-Кумами возвышается грандиозная скалистая стена Копет-Дага.

Именно здесь, на границе между Иранским нагорьем и равнинами Турана, обнаружены наиболее ранние памятники, рисующие истоки и первоначальное развитие одной из древнейших и передовых земледельческих культур земного шара. Самые древние из них относятся к тому времени, когда в пещере Джебел еще жили люди раннего неолита, т. е. примерно к V тысячелетию до н. э. Таково в первую очередь поселение у Джейтуна, в 30 *км* к северо-западу от Ашхабада.

5. Ранние земледельческо-скотоводческие племена

Новая эпоха в истории Туркменистана начинается с коренных изменений в хозяйственной жизни древних его обитателей: прежние охоту и собирательство сменяют земледелие и скотоводство. Это был большой скачок в жизни человеческого общества: от присвоения готовых продуктов человек перешел к их производству, что сделало его более независимым от природных условий. В V тысячелетии до н. э. в различных местах Ближнего Востока, на территории современных Египта, Сирии, Ирана и Северного Ирака возникают поселения древнейших земледельческо-скотоводческих общин[1].

Приблизительно к этому же времени относится переход к земледелию и некоторых племен, обитавших на юге Туркменистана в пределах сравнительно узкой полосы вдоль северных отрогов Копет-Дага. В других районах Туркменистана еще долгое время продолжала сохраняться культура неолитических охотников, рыболовов и собирателей, в то время как на юге сложились богатые оазисы оседлых земледельцев и скотоводов. Такому развитию прикопетдагских племен в первую очередь способствовали благоприятные природные условия. С гор стекали небольшие речки и ручьи, теряющиеся в заболоченных дельтах на краю современных песков. В весенние паводки вода разливалась и затопляла значительные пространства, которые, медленно высыхая, представляли наи-

---

[1] R. Braidwood. Near East and foundations for civilisation. Oregon, 1952.

более благоприятные условия для выращивания посевов. Дело в том, что в условиях засушливого климата Туркмениста-на, как и на всем Ближнем Востоке, земледелие возможно лишь при наличии искусственного орошения. Искусственное орошение всегда играло огромную роль в жизни стран Востока, определяя многие черты их исторического развития. Поэтому возникновение здесь земледелия было тесным образом связано с возможностями искусственного орошения древних полей.

Земледелие племен, населявших в древности Южный Туркменистан, можно представить себе следующим образом. В Юго-Западной Туркмении, да и в некоторых других районах, существует земледелие, основанное на так называемом лиманном орошении. Поля разбиваются на участки, огороженные валиками. В эти участки направляются паводковые воды и полностью их затопляют. По еще непросохшей глине разбрасываются семена. Можно считать, что этот очень простой, хотя и мало продуктивный способ орошения применялся древними земледельцами Южного Туркменистана[1]. Первоначально полями служили естественно затопленные участки в дельтах подгорных ручьев. На это указывает расположение наиболее ранних памятников в низовьях таких ручьев.

Одним из таких памятников является поселение Джейтун, расположенное в 30 *км* к северу от Ашхабада[2]. Здесь на вершине песчаного бугра располагались глинобитные постройки. Часть стен была сложена из глиняных комков цилиндрической формы, в более позднее время замененных продолговатыми сырцовыми кирпичами. Аналогичный характер имели постройки и на другом памятнике этого времени—Чопан-Депе, расположенном к востоку от Геок-Тепе. Эти два памятника относятся к своеобразной неолитической культуре, которую по наиболее характерному памятнику можно назвать джейтунской. Эта культура принадлежит древнейшим на территории СССР земледельческо-скотоводческим племенам. При раскопках Джейтуна и Чопан-Депе найдены отпечатки зерен ячменя, а также возможно пшеницы, и многочисленные кости домашних животных — козы, овцы, быка и собаки. Известную роль сохраняла и охота, на что указывают находимые здесь же кости джейрана[3]. Основным материалом для изготовления орудий по-прежнему служил кремень;

---

[1] Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия Туркменской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, № 3—4.

[2] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «Культур Анау». «Известия АН ТССР», 1954, № 1, стр. 27—29.

[3] С. А. Ершов. Холм Чопан-депе (отчет о стратиграфическом изучении холма в 1953 г.). Труды Института истории, археологии, и этнографии АН ТССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 21.

кремневые пластины и трапеции Джейтуна весьма близки аналогичным изделиям, употреблявшимся неолитическими обитателями пещеры Джебел. Однако в соответствии с новым образом жизни изменяется и назначение кремневых пластин: характерная заполированность многих из них указывает на то, что они являются вкладышами для серпов. Костяная оправа подобного серпа, в которую вставлялись кремневые вкладыши, была найдена на поселении Чопан-Депе. Подобные серпы служили древним земледельцам для уборки урожая. Возможно, что для обработки полей уже применялись примитивные мотыги. Для обработки продуктов земледелия служили каменные ступки и зернотерки. Характерной для джейтунской культуры является также хорошо обожженная плоскодонная посуда. Многие сосуды имели роспись в виде несложного орнамента из прямых или волнистых линий.

Особенно широко распространяются древнеземледельческие поселения в IV тысячелетии до н. э., когда оседлые племена, населявшие Южный Туркменистан, создают своеобразную и высокоразвитую для своего времени энеолитическую культуру.

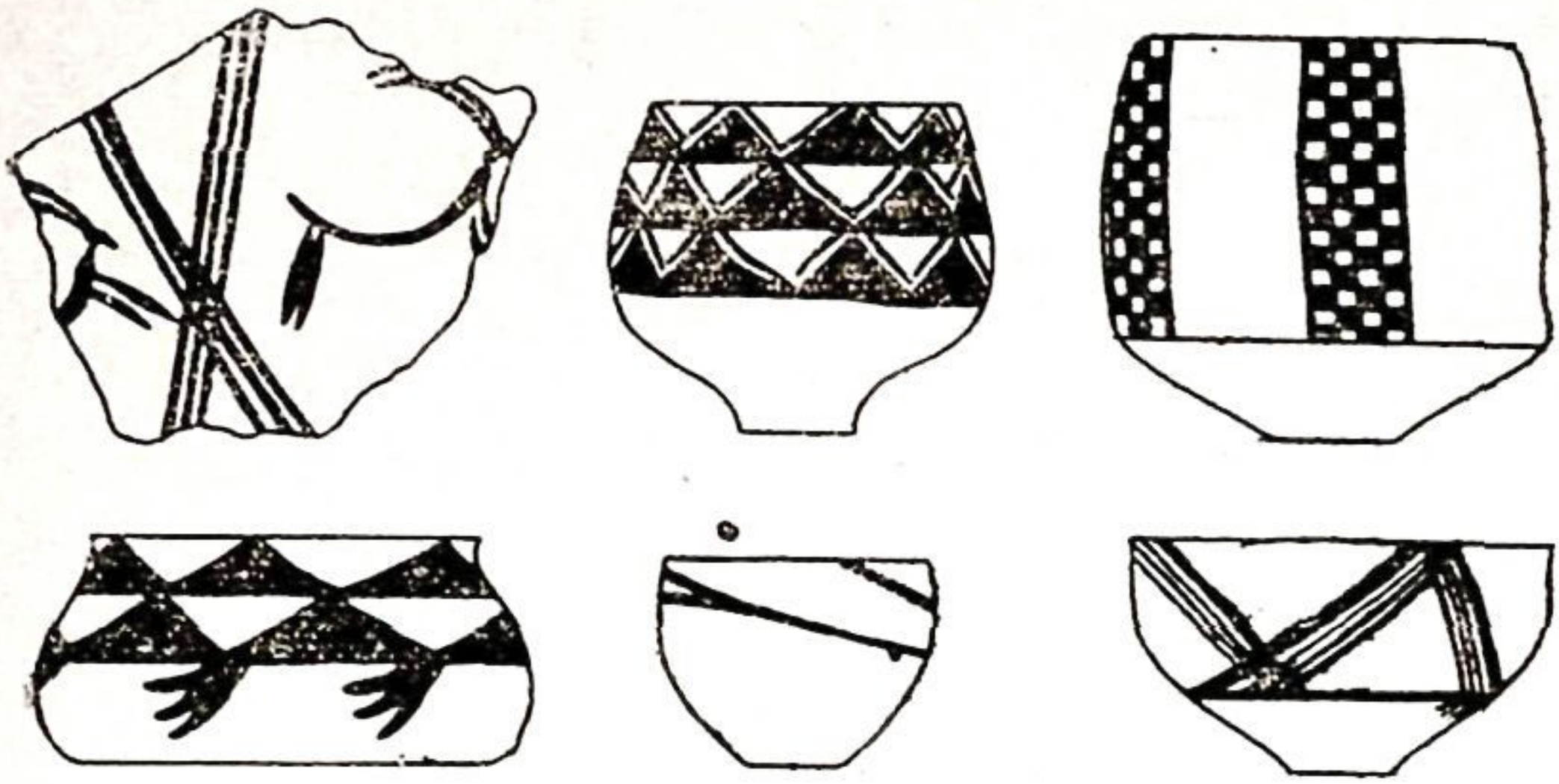
Материал для изучения этой культуры получен при раскопках древних поселений, сохранившихся в виде земляных холмов различной величины, называемых по-туркменски «депе». Образовались эти холмы за счет остатков разрушенных построек из сырцового кирпича. На развалинах пришедших в ветхость домов строились новые дома, и таким образом холмы достигали значительной высоты. Основное значение для изучения истории и культуры древнеземледельческих племен Южного Туркменистана имеют раскопки таких памятников, как два холма у селения Анау (северный и южный) и Намазга-Депе к западу от Каахка. При раскопках американской экспедицией в 1904 г. холмов Анау были выделены четыре культуры, соответственно названные Анау, I, II, III и IV[1]. Однако полученные при этих раскопках материалы получили у производивших их специалистов неверное историческое истолкование, слоям были даны фантастические датировки. Успешные работы советских археологов и прежде всего раскопки Намазга-Депе позволили внести в старую периодизацию существенные изменения[2]. Новые археологические комплексы, последовательно сменяющие друг друга, были названы Намазга I, II, III, IV, V и VI[3]. Смена археологиче-

---

[1] R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilisations of Anau. Vols. I—II, Washington, 1908.

[2] А. А. Марущенко. Анау. Историческая справка. В кн. Архитектурные памятники Туркмении, I, Москва — Ашхабад, 1939.

[3] Б. А. Куфтин. Указ. соч.; В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по материалам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

КЕРАМИКА

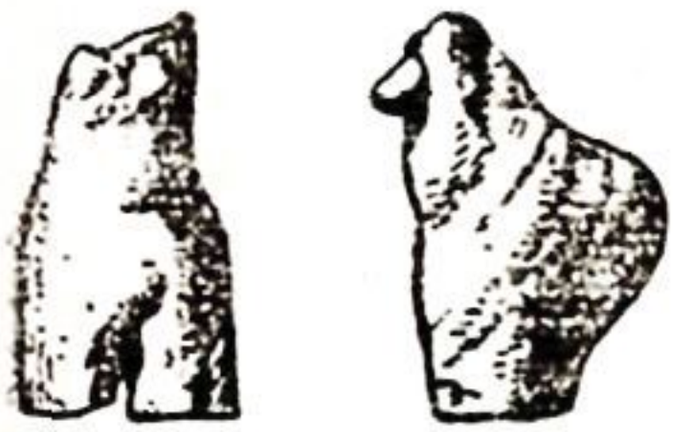
ГЛИНЯНЫЕ СТАТУЭТКИ

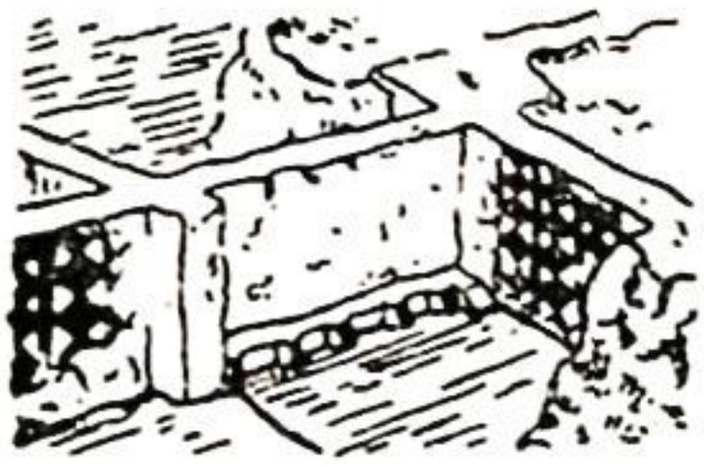

БУСЫ

МЕТАЛЛ

СТЕННАЯ РОСПИСЬ

Комплекс Намазга I (из материалов ЮТАКЭ).

ских комплексов, намеченная на Анау и Намазга-Депе, с различными местными вариантами повторяется и на других раскапывавшихся памятниках. Поэтому периодизацию, выработанную на основе изучения Анау и Намазга-Депе, можно распространять на всю территорию Южного Туркменистана.

Одним из ярких признаков для выделения археологических комплексов является расписная керамика; сделанная из глины посуда раскрашивалась различными цветными узорами. Этот признак характерен для целого ряда древнеземледельческих культур Ближнего Востока, Восточной Европы, Китая и Индии, называемых поэтому «культурами расписной керамики». Расписная керамика Южного Туркменистана имеет много общих черт с керамикой этих стран, особенно Ирана и Белуджистана. Иногда совпадение целого ряда элементов росписи настолько велико, что можно предполагать, помимо культурных связей, приход новых племен. Однако эти очень сложные вопросы еще слабо разработаны в науке.

Как отмечалось выше к IV тысячелетию до н. э. относится развитие в подгорной полосе энеолитической культуры (комплексы Намазга I и II). В это время здесь распространяются *металлические орудия. Первые металлические орудия* были повсюду медными, и камень продолжал еще играть значительную роль (кремневые наконечники стрел, вкладышевые серпы и т. п.). По этому признаку и весь период называется энеолитическим, а иногда «меднокаменным». Время более широкого распространения металлических орудий, обычно связанное с изобретением бронзы, т. е. сплава меди и олова, называется «бронзовым веком».

На территории Туркменистана энеолитические поселения известны в большом количестве, они занимали уже всю подгорную полосу от Кизыл-Арвата на западе до среднего течения Теджена на востоке. Остатками поселений этого времени являются Яссы-Депе у Каахка, Намазга-Депе, Кара-Депе у Артыка, Геоксюр в 20 *км* к востоку от г. Теджена и ряд других. Население жило в больших многокомнатных домах, *построенных из сырцового кирпича. На крупных поселениях,* вроде Геоксюра, дома разделялись узкими улочками.

Хозяйство племен, населявших Южный Туркменистан, получило в IV тысячелетии до н. э. дальнейшее развитие. Распространение энеолитических поселений показывает, что для земледелия осваивается большинство подгорных ручьев. Орошение полей, расположенных по среднему течению этих ручьев, требовало создания подпорных плотин и, надо полагать, проведения небольших арыков. К числу домашних животных, разводившихся в пору энеолита, относятся крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, верблюды, а по мнению не-

которых исследователей также и лошадь. Находки глиняных колесиков от моделей повозок показывают, что во всяком случае в конце этого периода скот начинает использоваться и как тягловая сила.

Значительную роль в жизни населения стали играть металлургия и керамическое производство. Медных изделий известно сравнительно мало: их берегли и редко теряли, а при поломке они тут же шли на переплавку. Найдены медные шилья, булавки, наконечник дротика или копья, различные мелкие украшения. Изготовление посуды, значительная часть которой расписывалась яркими красками, все более совершенствуется. Особенно хороши тонкостенные сосуды из слоев Намазга II с полихромной (многокрасочной) росписью. Наряду с геометрическими орнаментами изредка встречаются изображения козлов. На распространение ткачества указывают частые находки глиняных и каменных пряслиц.

Какой же был общественный строй древних земледельческо-скотоводческих племен Южного Туркменистана? Земледелие развилось непосредственно из собирательства и началось с ухода за естественно произрастающими растениями. Поскольку собирательство было в первую очередь делом женщины, то и раннее земледелие стало в основном отраслью женского труда, что сохраняло значение материнского рода, особенно, надо полагать, в пору существования джейтунской культуры. Однако все большее усложнение разнообразной производственной деятельности и в частности необходимость применения в земледелии искусственного орошения, связанного с более или менее значительными земляными работами, все более повышало роль мужчины. На этой основе начали складываться новые отношения, стал намечаться переход от матриархата к патриархату. Можно допустить, что многокомнатные дома позднего энеолита служили местом обитания большесемейных общин, в которых главную роль играл уже мужчина.

Энеолитические племена Южного Туркменистана оставили разнообразные памятники искусства, указывающие на высокий уровень развития культуры. В это время стены домов начинают украшаться росписью. Так на Яссы-Депе, расположенном в 9,5 *км* от Каахка, стены одного из центральных помещений были покрыты многокрасочной росписью, изображающей ромбы и треугольники. Возможно, это помещение имело культовое значение, играло роль своеобразного святилища. Из глины делались статуэтки сидящих или стоящих женщин с пышными бедрами и опущенными вниз руками. Вероятно, они изображают женское божество, связанное с культом плодородия и широко распространенное среди древ-

неземледельческих племен. О вере в загробную жизнь свидетельствуют часто находимые при раскопках захоронения. Скелеты находились в скорченном положении, около них располагались бусы и другие украшения, а иногда один-два сосуда. В антропологическом отношении погребенные принадлежат к длинноголовому (долихоцефальному) европесидному типу. Этот антропологический тип является наиболее распространенным в Туркменистане и в настоящее время.

Таким образом, на территории Южного Туркменистана в V—IV тысячелетиях до н. э. произошли решающие перемены в хозяйстве. Земледелие, скотоводство, все более развивающиеся металлургия и гончарное производство сменили охоту и собирательство (которые, однако, еще долго продолжали сохранять свое прежнее значение на западе и севере страны). На этой основе начали складываться патриархальные отношения; оседлые оазисы Прикопетдагской полосы опережают в своем развитии другие районы Средней Азии. В значительной степени этому способствовали благоприятные природные условия. Кроме того на протяжении энеолита и бронзового века Южный Туркменистан имел, по сравнению с другими среднеазиатскими областями, более тесные связи с высокоразвитыми культурами Древнего Востока.

Энеолитическая культура Южной Туркмении образовывала один из северных центров древнеземледельческих культур «расписной керамики», протянувшихся от Балканского полуострова через Закавказье и Иран до Северного Белуджистана и низовьев Инда.

6. Развитие патриархальных общин

В III тысячелетии до н. э. среди оседлых племен Южного Туркменистана продолжалось развитие патриархальных отношений. В это время еще продолжают сохраняться заметные различия в развитии отдельных районов. На севере, в Хорезме, все еще существовала неолитическая культура кельтеминарских племен, заселяющих долину Узбоя. Неолитические охотники-рыболовы жили еще и в Прикаспии. Только на юге страны на сравнительно ограниченном участке вдоль северных отрогов Копет-Дага существовала высокоразвитая земледельческая культура.

К первой половине III тысячелетия до н. э. относится комплекс Намазга III. Характерным памятником этого времени является Кара-Депе у Артыка, где раскопано несколько многокомнатных домов. В это время относительно широко распространяются изделия из меди, среди которых надо отметить небольшой меч, найденный на Кара-Депе. Наличие

именно медных предметов характерно для древних культур Южного Туркменистана и Северного Ирана. Здесь редко встречаются изделия, сделанные из сплава меди и олова. Эти районы были удалены от месторождений олова и приплавкой к меди служили мышьяк и сурьма[1].

В росписи посуды, наряду с геометрическим орнаментом, часто встречаются изображения птиц, коров, козлов и, видимо, барсов. Эта расписная керамика находит близкие параллели в одновременных памятниках Ирана (Тепе-Гиссар, Тепе Сиалк, Тепе Гиян, Сузы) и Белуджистана (Кветта, Кулли), что указывает на широкие культурные связи населения Южного Туркменистана того времени[2].

Хозяйство земледельческих племен в первой половине III тысячелетия до н. э. получает дальнейшее развитие. В слоях все чаще встречаются колесики от моделей повозок и можно предполагать, что тягловая сила животных начала использоваться и при обработке полей. Усложняется производственная деятельность: изготовляются многочисленные металлические предметы, совершенствуется гончарное дело. О значительном развитии производства свидетельствует тот факт, что именно в это время Намазга-Депе складывается как крупное поселение, занимающее площадь около 50 *га* и в несколько раз превосходящее поселение, существовавшее здесь в IV тысячелетии до н. э.[3]. Более высокий уровень хозяйства, в котором производилось больше продуктов, позволял нескольким общинам селиться в одном месте и создавать такие крупные поселения. Дальнейшее развитие производительных сил и усложнение производственной деятельности явилось предпосылкой для окончательной смены матриархальных отношений патриархальными. Основной экономической единицей общества в период патриархата была большая патриархальная семья, объединявшая несколько поколений ближайших родственников. Из больших многокомнатных домов таких семей, видимо, и состояли поселения, подобные Кара-Депе у Артыка.

Можно полагать, что отражением развития патриархальных отношений является появление мужских статуэток, часто встречающихся в слоях первой половины III тысячелетия до н. э. Вместе с тем среди племен, основным занятием кото-

---

[1] R. Pumpelly. Указ. соч., стр. 132; E. F. Schmidt. Excavations. at Tepe—Hissar. Philadelphia, 1937, p. 360.

[2] D. Mc. Cown. The Comparative stratigraphy of Early Iran. Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilisation. № 23. Chicago, 1942; S. Piggott. Prehistoric India down to 1000 B. C. London, 1950.

[3] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 25.

рых оставалось земледелие, по-прежнему большой популярностью пользовалось женское божество, связанное с культом плодородия. Много глиняных статуэток (сидящих женщин, становящихся, правда, все более схематичными) найдены при раскопках Кара-Депе у Артыка. На одном фрагменте расписной керамики, найденном здесь же, изображена такая женская статуэтка, по обе стороны которой стоят две, по-видимому, поклоняющиеся ей человеческие фигуры. К числу культовых предметов несомненно принадлежит и найденная на Кара-Депе мраморная статуэтка быка.

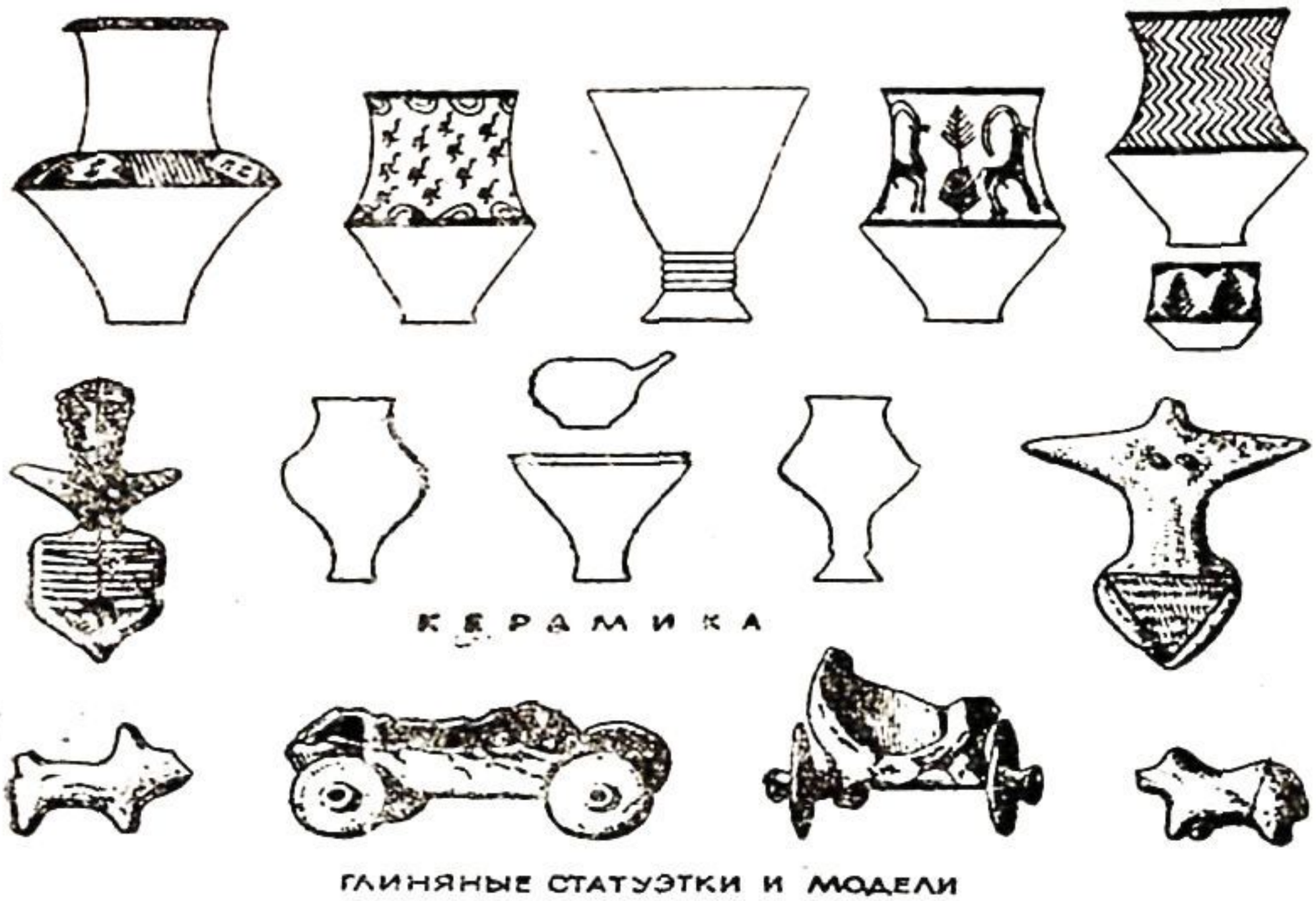
Культура патриархальных общин Южного Туркменистана достигает своего наивысшего подъема во второй половине III—начале II тысячелетия до н. э. К этому времени относятся археологические комплексы Намазга IV и V. В это время можно отметить существование двух типов поселений: крупных, занимающих площадь в несколько десятков гектар и небольших, видимо, состоящих из одного-двух многокомнатных домов. Примером поселения первого типа является Намазга-Депе. Произведенные здесь в различных местах раскопки открыли остатки больших домов, разделенных узкими улочками. Около домов находились керамические печи. Другими менее значительными, но также крупными поселениями были Алтын-Депе у Меана и Улуг-Депе (или Яссы-Депе) у Душака. Поселения второго типа представлены южным холмом Анау и поселением Ак-Депе под Ашхабадом. На Ак-Депе здание располагалось на высоком холме, образованном остатками построек более раннего времени. Всего было раскопано 12 комнат, причем можно определить жилые помещения, кухню, помещения для хранения припасов.

Археологические материалы широко характеризуют хозяйство рассматриваемого периода. При раскопках, помимо пшеницы и ячменя, найдены также зерна винограда и нута (растение из семейства бобовых). Важную роль играло и скотоводство, характер которого, однако, изучен еще очень слабо.

Из числа производств особенного подъема достигает керамическое, начинающее приобретать уже ремесленный характер. Керамика Намазга IV имеет пеструю «ковровую» орнаментацию, но сохраняются также изображения козлов и птиц. Однако роспись постепенно исчезает и появляются сосуды, сделанные на гончарном круге. Посуда Намазга V уже вся нерасписная, как правило, сделана на круге и отличается высоким техническим совершенством и законченными, выработанными формами. Обжигалась посуда в специальных печах, которых раскопано около полутора десятков. Печи были двухъярусные с центральным столбом для поддержания

свода топки. В плане они имели самую разнообразную форму — овальную, прямоугольную, круглую и т. п.

В поселениях изготовлялись и металлические изделия. На Намазга-Депе найдены характерные ложки-льячки[1], остатки печи, возможно, служившей для плавки металла. Орудия

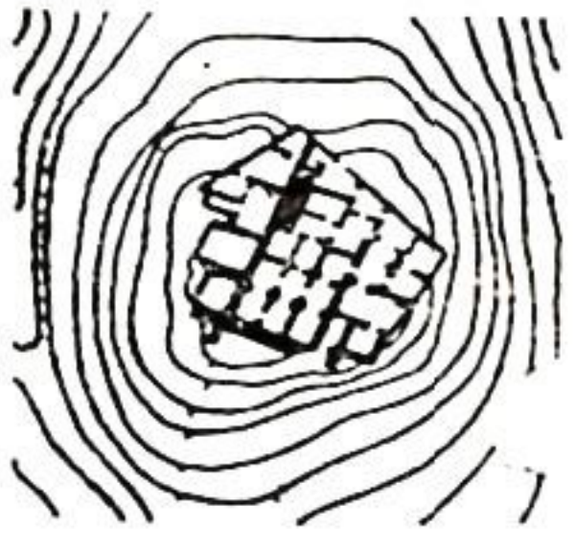

КЕРАМИКА

ГЛИНЯНЫЕ СТАТУЭТКИ И МОДЕЛИ

МЕТАЛЛ

АРХИТЕКТУРА

Комплекс Намазга IV—V (из материалов ЮГАКЭ).

оставались в основном медными, но встречен также сплав меди и цинка, т. е. латунь. При раскопках встречены медные ножи или кинжалы, булавки, овальные или крестообразные печатки. Развивалось и производство изделий из камня. Помимо предметов, изготовлявшихся и в предшествующее время

[1] Ложки для разливки расплавленного металла в формы.

(зернотерки, ступки, кремневые наконечники стрел), из камня вытачивались и тщательно отшлифовывались разнообразные сосуды. Для их изготовления использовался белый камень с темными извилистыми прожилками, что придавало сосудам нарядный вид.

Для завершения характеристики культуры следует упомянуть глиняные статуэтки животных и людей. И те и другие очень условны, особенно человеческие изображения, среди которых можно определить сидящих и стоящих женщин, иногда с тяжелыми косами, опадающими на грудь. Женские статуэтки, как правило, сильно уплощены: скульптурная передача объема тела, характерная для более раннего времени, почти полностью исчезает. Широко распространены модели повозок, бывших, судя по этим моделям, двух типов — двухколесные, вроде колесницы, и четырехколесные, тяжелые, вроде телеги. У одной модели в передней части изображена голова верблюда. Охарактеризованная выше культура была распространена в районах Ахала и Атека. В Юго-Западной Туркмении, в горных долинах Копет-Дага, мы находим небольшие селения общин, близких по характеру культуры к астрабадскому бронзовому веку, известному по раскопкам Тюренг-Тепе и Шах-Тепе. Так, у селения Дайна были найдены характерный топорик-мотыга и глиняные сосуды типа Шах-Тепе II[1]. Небольшое селение, видимо, располагалось у аула Парау .

Таким образом, во второй половине III—начале II тысячелетия до н. э. экономика оседлых общин Южного Туркменистана достигла значительного развития. Земледелие, ведущееся с использованием тягловой силы животных и основанное на искусственном орошении при помощи небольших каналов, а также отделяющееся от земледелия ремесло составляли основу хозяйства. Развитие орудий, рост производительности труда, специализация отдельных отраслей производства повышают роль больших патриархальных семей. Вместе с развитием обмена и повышением производительности труда начинает исчезать прежнее имущественное равенство и выделяются более богатые семьи. О развитии собственности отдельных семей, а возможно, и частной собственности, свидетельствует распространение печатей. Эти же явления прослеживаются и на материале памятников Северного Ирана, развитие которого протекало в сходных условиях и примерно такими же темпами. На Тепе-Гиссар около Дамгана в слоях конца III — начала II тысячелетия до н. э. имеется ряд погребений с богатым инвентарем, выделяющихся из числа ря-

---

[1] А. Ф. Ганялин. Археологические памятники горных районов Северо-Западного Копет-Дага. «Известия АН СССР», 1953, № 5.

довых могил. О накоплении сокровищ говорит находка на Тюренг-Тепе около Астрабада так называемого «астрабадского клада», относящегося к тому же времени и состоящего из золотых и бронзовых предметов[1].

Увеличение производства во всех отраслях хозяйства повлекло за собой еще одно важное изменение. Человек получил возможность производить большее количество продуктов, чем было необходимо для поддержания своей жизни. «Привлечение новых рабочих сил стало желательным. Война доставляла их: военнопленных стали обращать в рабов»[2]. Возникает новая форма собственности: право собственности распространяется на человека. Первоначально применение труда рабов не играло большой роли в хозяйстве. Рабы часто включались в состав патриархальной семьи. Такое неразвитое рабство называется патриархальным. Вполне можно допустить, что в Южном Туркменистане рассматриваемого периода уже зарождалось патриархальное рабство.

Следует отметить, что в известной мере уровень развития производительных сил, охарактеризованный выше, выходит за рамки первобытно-общинного строя и знаменует происходящие процессы разложения этого строя. Однако пока отсутствуют данные, которые свидетельствовали бы о развитии в это время в Южном Туркменистане классового общества. Крупные поселения не имели обособленных укреплений, защищавших поселения и поэтому нет оснований называть их городами. На поселениях отсутствуют и цитадели, являющиеся одним из верных археологических признаков социальной дифференциации.

Характеризуя общественный строй Южного Туркменистана в эпоху бронзового века, следует учитывать природные условия. Известно, что сами по себе они не играли определяющей роли в развитии общества, но способствовали более ускоренному его ходу, или же, наоборот, замедляли его. Влияние природных условий на развитие общества при низком уровне производительных сил было сильнее, чем на последующих, более высоких ступенях его истории. В прикопетдагских оазисах земледелие было связано с использованием для орошения небольших ручьев. Здесь не было необходимости ни в создании крупных ирригационных сооружений, ни в сложной системе управления ирригационным хозяйством. Организа-

---

[1] M. Rostovzeff. Sumerian Treasure of Astrabad. Journal of Egyptian Archaeology, v. VI, 1919; T. Burton-Brown. Studies in Third millenium History. 1946, pp. 98 sqq.

[2] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Изб. произв., т. II, М., 1952, стр. 294.

ция орошения, основывающегося на небольшой речке или ручье, была вполне по силам отдельным первобытным общинам. Кроме того, возделывание полей давало здесь меньше прибавочного продукта, чем в долинах Нила и Евфрата, где плодородный ил, оседавший на поля при ежегодных разливах рек на огромной территории, позволял собирать богатые урожаи. В конкретных исторических и природных условиях древнее общество Южного Туркменистана, несмотря на значительный подъем производительных сил, продолжало развиваться в рамках первобытно-общинного строя. Вместе с другими, близкими по характеру культурами Ирана, Закавказья и Белуджистана южнотуркменистанские поселения входили в обширный пояс земледельческих общин, примыкающий к городским цивилизациям Инда и Двуречья.

7. Разложение первобытно-общинного строя и зарождение древней государственности

Развитие хозяйства, связанное уже с начинающимся отделением ремесла от земледелия, и одновременно происходящие процессы роста имущественной дифференциации и зарождения патриархального рабства означали разложение первобытно-общинного строя. Насколько можно судить по имеющимся материалам, интенсивный процесс разложения этого строя и развитие социальной дифференциации происходят на территории Туркменистана во второй половине II и начале I тысячелетия до н. э. Все эти явления были в первую очередь связаны с решающими изменениями в основе хозяйства страны — в земледелии, основанном на искусственном орошении. Имеющиеся археологические данные позволяют представить общий вид этих изменений.

Для рассматриваемого времени на территории Туркменистана можно наметить существование четырех групп племен: в Юго-Западном Туркменистане, в подгорной полосе, по нижнему течению Мургаба, и на севере, с центром в низовьях Аму-Дарьи.

В Юго-Западном Туркменистане жили племена, оставившие культуру, названную в литературе культурой архаического Дахистана[1]. Основные памятники этой культуры сосредоточены на Мисрианской равнине (Изат-Кули, Мадау-Депе), но небольшие поселения встречаются также вдоль Западного Копет-Дага (холмы у Парау, Бами, Беурме). Здесь сохраняются отмеченные выше два типа поселений: небольшие и

---

[1] В. М. Массон. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. «Известия АН ТССР», 1954, № 2.

более крупные. Однако, в отличие от Намазга-Депе, крупные поселения вроде Изат-Кули или Мадау-Депе уже не образуют беспорядочного соединения многокомнатных домов: в середине этих поселений находится центральное укрепление. Весь облик памятников архаического Дахистана ярко характеризует высокоразвитую для своего времени культуру оседлых земледельцев-скотоводов. Прекрасная посуда, обычно серого цвета, изготовлена на гончарном круге и покрыта лощением. О высоком уровне гончарного производства свидетельствует и наличие многочисленных печей для обжига керамики, сосредоточенных на поселениях в двух-трех местах. Найдено также много каменных зернотерок и кремневых вкладышей для серпов. Хотя все известные пока металлические изделия архаического Дахистана являются бронзовыми (булавки, бусы-пронизки, наконечники стрел, небольшой меч), на поселениях встречаются и куски оруденевшего железа, возможно остатки шлаков, что позволяет относить конец культуры архаического Дахистана уже к поре раннежелезного века и датировать ее в целом второй половиной II тысячелетия — первой третью I тысячелетия до н. э.

Культура племен, населявших в эту пору Юго-Западный Туркменистан, несколько отличается от культуры племен центральной части подгорной полосы и по своим традициям связана с культурой астрабадского бронзового века, распространившейся, как отмечалось выше, и на район Юго-Западного Копет-Дага.

Появление крупных земледельческих поселений на Мисрианской равнине указывает на важные изменения в истории и хозяйстве земледельческих общин юго-запада. Земледелие на этой равнине невозможно без проведения специальных оросительных каналов, и действительно оплывшие русла древних каналов, проведенных из Сумбара и Атрека на расстояние до 50—60 *км*, расположены неподалеку от поселений архаического Дахистана. В основе земледелия на Мисрианской равнине уже лежала довольно сложная ирригационная система.

Аналогичные процессы расширения территории, занятой оседлыми земледельческими племенами, можно наблюдать и на остальной территории Туркменистана. В подгорной полосе к середине и второй половине II тысячелетия до н. э. относится комплекс Намазга VI. Крупные поселения, подобные Намазга-Депе или Алтын-Депе, в это время забрасываются. Им на смену приходят поселения небольших общин, территория которых ограничена полутора-двумя гектарами (Тек-

кем-Депе у Каахка[1], северный бугор Анау, северный бугор на Намазга-Депе). Материальная культура этого времени продолжает традиции предшествующего периода. Посуда по-прежнему изготовляется на круге и обжигается в специальных печах. Формы ее несколько огрублены, по сравнению с более древними сосудами. Как и в более ранних слоях, здесь встречаются каменные зернотерки, ступки, кремневые наконечники стрел, каменные и металлические печатки, колесики от моделей повозок. Плоская женская статуэтка из Янгикалинского могильника (к югу от Геок-Тепе)[2] и обломки глиняных статуэток животных с других памятников свидетельствуют о сохранении традиций мелкой скульптуры. Появляются схематические рисунки, вырезанные на кости (человеческое лицо) и на керамике (козел, лук со стрелой).

Если в это время в подгорной полосе крупные поселения приходят в запустение, то именно тогда же возникают первые земледельческие поселения в дельте Мургаба. Исследованиями последних лет установлено, что вдоль одного из русел древней дельты Мургаба располагается ряд небольших поселений поздней бронзы (Аучин-Депе, Тахирбай 3)[3].

Ряд особенностей в материальной культуре позволяет характеризовать их как мургабский вариант культуры Намазга VI, принадлежащий особой группе племен, родственной племенам подгорной полосы. Это были наиболее древние земледельческие поселения в дельте Мургаба, и есть основания полагать, что именно в середине II тысячелетия до н. э. начинается освоение земледельцами нижнего течения этой реки.

Археологические данные свидетельствуют о процессах большой важности, происходивших во II тысячелетии до н. э. Прежде всего возникает вопрос — с чем можно связывать запустение поселений вроде Намазга-Депе и Алтын-Депе.

По этому вопросу высказывались различные предположения — о сокращении полей в связи с наступлением общего усыхания, так называемого ксеротермического максимума, о борьбе с надвигающимися с севера скотоводческими племенами и т. п. Представляется возможным, что объяснение можно дать и не привлекая внешних факторов, а исходя из внутренних процессов развития земледелия в подгорной полосе. Вероятно, при существовавшей тогда технике возможности дальнейшего роста посевных площадей исчерпали се-

---

[1] А. Ф. Ганялин. Теккем-депе. Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР, т. II, Ашхабад, 1956.

[2] Он же. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-кала. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

[3] В. М. Массон. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. «Известия АН ТССР», 1956, № 2.

бя, что при росте населения должно было привести к известному экономическому кризису. Вероятно, в результате этого кризиса распадаются старые союзы общин и часть общин, расселившись небольшими поселениями, остается в подгорной полосе, а другая часть осваивает новые земли в дельте Мургаба. Характер культуры мургабских поселений этого времени не оставляет сомнений, что такое освоение было произведено именно выходцами из подгорной полосы. Видимо, пришельцы проводят для орошения полей первые небольшие каналы. По мере необходимости дальнейшего расширения полей в дельте Мургаба все более настоятельным становилось сооружение более сложной ирригационной сети, создание которой мы и наблюдаем в первой трети I тысячелетия до н. э., на следующем этапе исторического развития.

К этому времени относится археологический комплекс, лучше всего изученный при раскопках нижних слоев поселения Яз-Депе в дельте Мургаба (Яз-Депе I). В эту пору небольшой оазис позднебронзового века, вытянувшийся вдоль одного из русел Мургаба, приходит в запустение. Зато к западу от него возникают два новых оазиса, для орошения которых проводятся большие магистральные каналы, с целой сетью отходящих от них боковых ответвлений. Так здесь возникает довольно сложная ирригационная система, являющаяся далеким предшественником знаменитой системы водного хозяйства средневекового Мерва. Центрами новых оазисов становятся крупные поселения с цитаделями — Аравали-Депе и Яз-Депе. Из них лучше всего изучено поселение Яз-Депе, бывшее, видимо, в это время своеобразной столицей племен, обитавших в низовьях Мургаба. Основной массив поселения Яз-Депе занимает площадь около 16 *га*. Центром его является цитадель, в основании которой лежит платформа из сырцового кирпича, достигающая высоты 8 *м*. В юго-западной части цитадели раскопаны остатки монументального здания, видимо, развалины дворца или храма.

Наиболее крупным поселением и своеобразным центром подгорной полосы в начале I тысячелетия до н. э. было поселение Елькен-Депе у Каушута. В центре его находится высокий бугор, напоминающий центральные укрепления Изат-Кули и Мадау-Депе. Можно полагать, что уже в рассматриваемое время здесь существовала цитадель. Вокруг нее кольцом расположено поселение. На поселении обнаружены остатки меднолитейного производства.

Помимо изготовления орудий и оружия из меди и бронзы, в начале I тысячелетия до н. э., как есть основание полагать, появляются первые изделия из железа. Но таких изделий еще мало, и их широкое распространение относится уже к VII—

V вв. до н. э. (слои Яз II и III или Анау IV по Пампелли). Основная масса посуды типа найденной в нижних слоях Яз-Депе сделана от руки и иногда покрыта грубой росписью. Наряду с нею встречается также и керамика, сделанная на гончарном круге.

Если три рассмотренные выше группы племен, обитавших в Южном Туркменистане, были в основном связаны с земледелием, то в хозяйстве племен, занимавших обширные пространства северной и центральной части страны, весьма значительную роль играло скотоводство. II тысячелетие до н. э. *было вообще временем интенсивного развития скотоводческо-*земледельческих племен, которые в этот период занимают территорию Поволжья, Казахстана и большую часть территории Средней Азии. Памятники этих племен обнаружены под Ташкентом, в Фергане и в низовьях Зерафшана. В низовьях Аму-Дарьи советскими археологами обнаружены памятники так называемой тазабагъябской культуры, созданной племенами, которые жили здесь во второй половине II тысячелетия до н. э.[1]

Культура эта тесно связана с андроновской культурой Казахстана и Южной Сибири.

Исследованы как стоянки, так и могильники, относящиеся к тазабагъябской культуре. Стоянки, например Ангка-Кала 5, образованы группой прямоугольных землянок. Посуда лепилась от руки и украшалась резным или штампованным орнаментом. Поселения расположены по боковым протокам древних дельтовых русел. В хозяйстве скотоводство и мотыжное земледелие сочеталось с охотой и рыболовством. Культурный слой стоянок невелик, что указывает на сравнительную недолговременность их обитания. По-видимому, характер хозяйства в условиях постоянно меняющейся дельты Аму-Дарьи требовал периодического перехода с одного места на другое.

Изученные тазабагъябские памятники в основном расположены в правобережном Хорезме, но проведенные разведки показывают, что такие памятники распространены также на левом берегу Аму-Дарьи и встречаются в долине Узбоя. Имеющиеся данные показывают, что тазабагъябские племена распространяются и дальше на юг, вступая в контакт с оседлыми земледельческими общинами подгорной полосы и дельты Мургаба.

---

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 71; он же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. «Советское востоковедение», 1955, № 6.

В правобережном Хорезме со стоянками тазабагъябской культуры сосуществуют, по мнению С. П. Толстова, поселения суярганской культуры, к которым относится стоянка Джанбас-Кала 6, где раскопано овальное жилище со столбовой конструкцией. Население этой стоянки, подобно обитателям тазабагъябских поселений, занималось земледелием, скотоводством и рыболовством. Происхождение суярганской культуры, тесно связанной с тазабагъябской, пока остается неясным.

В благоприятных природных условиях Хорезма земледелие постепенно стало играть все большую роль в жизни некоторых обитавших здесь племен. Эти племена начинают отличаться от своих соседних сородичей, по-прежнему занимавшихся главным образом скотоводством, рыболовством и охотой. Так происходит разделение на преимущественно земледельческие и преимущественно скотоводческие племена. В конце II и начале I тысячелетия до н. э. в Хорезме начинается развитие примитивных форм поливного земледелия, предшествующих созданию развитой системы каналов.

Как можно было видеть, в Туркменистане второй половины II тысячелетия — начала I тысячелетия до н. э. наблюдается значительное развитие производительных сил и подъем экономики. Наиболее значительные изменения происходят в земледелии, где для орошения начинают проводиться довольно крупные каналы. Повсеместно происходит резкое увеличение районов, освоенных земледельческой культурой. Новые большие земледельческие оазисы возникают на Мисрианской равнине и в дельте Мургаба. Начинает складываться земледельческий оазис в низовьях Аму-Дарьи. Освоение этих новых оазисов было связано именно со строительством значительных каналов. Ограниченные возможности развития земледелия в Прикопетдагской полосе исчерпали себя. Древние общины, накопившие многовековой опыт использования для орошения небольших речек и ручьев, приступили теперь к созданию крупных ирригационных систем. Ранние каналы южных оазисов отличаются значительной длиной, вероятно, связанной с забором воды из реки без создания подпорных сооружений. На десятки километров тянутся сейчас заплывшие русла древних каналов.

Видимо, с начала I тысячелетия до н. э. распространяется железо, постепенно вытесняющее бронзу. Применение железа сыграло важнейшую роль в истории общества. «Железо, — писал Ф. Энгельс, — сделало возможным полеводство на крупных площадях расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия та-

кой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов»[1].

Все это говорит о значительном разложении первобытно-общинного строя. Дальнейшее развитие ремесла, все более отделяющегося от земледелия, создавало основу для регулярного обмена и развития имущественной дифференциации. Развитию обмена способствовало также наличие племен с преимущественно земледельческим и преимущественно скотоводческим развитием хозяйства. Увеличивается возможность накопления богатств в руках некоторых патриархальных семей, выделяющихся из общей массы общинников. Возникает и усиливается богатая и влиятельная племенная аристократия. Старое равенство членов родовых коллективов сменяется разделением на бедных и богатых. О таком развитии имущественной и социальной дифференциации свидетельствует появление на крупных поселениях центральных укреплений и цитаделей.

Создание и поддержание крупных ирригационных систем требовало объединения под одной властью значительных территорий и организации сложных общественных работ. Вместе с тем, оно открывало широкие возможности для применения труда рабов, хотя первые каналы, вероятно, создавались еще самими общинниками. Таким образом, можно считать, что в первой трети I тысячелетия до н. э. население Туркменистана жило в условиях последней стадии первобытно-общинного строя, перераставшего в классовое общество. Наиболее интенсивно эти процессы протекали в самых развитых оазисах юга страны.

В этот период в различных частях Средней Азии, в Бактрии, в Маргиане, в Парфии начинают складываться первые, еще примитивные государственные образования. В Хорезме союз племен также начинает перерастать в государственную организацию. Но, как справедливо отмечал М. М. Дьяконов, «крупных государственных объединений тогда в Средней Азии еще не было, границы первоначальных государств совпадали с границами ирригационных систем и орошенных ими земель»[2].

Время проникновения на юг тазабагъябских племен и сложения новых земледельческих оазисов должно было иметь большое значение и для этнической картины страны, но эта

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, М., 1952, стр. 295.

[2] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в северной Бактрии. «Советская археология», XIX, М., 1954, стр. 138.

сложная и ответственная проблема еще почти не исследована. Показательно, что материальная культура четырех охарактеризованных выше племенных групп непосредственно связана с культурой середины I тысячелетия до н. э., когда здесь жили парфяне, хорезмийцы и гирканцы, говорившие на языках иранской группы индо-европейских языков. Это обстоятельство позволяет предполагать, что в Туркменистане в конце II—начале I тысячелетия до н. э. мы находим прямых предков этих племен, устанавливающихся как этнические общности. Сложная история их этногенеза уходит вглубь тысячелетий. В степных и полупустынных районах страны на основе ряда тазабагъябских племен складываются кочевые племена, часть которых была позднее известна под именем массагетов и саков.

Рассматриваемый период подводит нас к тому времени, когда история Туркменистана, как и всей Средней Азии, начинает освещаться данными письменных источников. Некоторые древнегреческие писатели сообщают о подчинении Ассирией отдельных среднеазиатских областей. Так, Ктесий рассказывает о войне ассирийского царя Нина и его жены Семирамиды против Бактрии, в результате которой эта страна была подчинена[1]. Однако эти сведения носят полулегендарный характер и едва ли имеют под собой реальную основу.

К VII в. до н. э. относится образование Мидийской державы, прошедшей путь развития от союза племен к примитивному государству типа восточной деспотии. В конце VII в. до н. э. под ударами мидийских и вавилонских войск пало ассирийское государство. Видимо, Мидии следует приписать уничтожение и другого большого древневосточного государства—Урарту[2]. Мидийская держава во многих отношениях была предшественником сменившего ее государства Ахеменидов. Возможно, что уже мидийские правители разделили свои владения на сатрапии, начали строительство дорожной сети и т. д. Можно предполагать, что на востоке власть Мидии распространялась на Парфию и Гирканию.

В самом начале своего возникновения Мидии пришлось выдержать тяжелую борьбу с кочевыми скифскими племенами, вторгшимися через Кавказ на Ближний Восток и сыгравшими большую роль в падении Ассирийского и Урартского государств[3]. На территории Средней Азии жили в это время кочевые племена, называвшиеся в древнеперсидских источ-

---

[1] Ктесий в изложении Диодора, II, 5, 6.

[2] М. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам. «Вестник древней истории», 1952, № 2

[3] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 295 и сл.

никах саками. Сохранилось упоминание, что в результате отпадения Парфии от Мидии произошла сако-мидийская война, кончившаяся поражением саков. Судя по отдельным подробностям, рассказ этот заимствован сохранившим его Ктесием из сакского героического эпоса[1].

Во всяком случае, начиная с этого времени, племена и народности Туркменистана, как и всей Средней Азии, начинают играть все большую роль в политической истории Востока.

[1] В. В. Григорьев. О скифском народе саках, СПб., 1871. Дата, как впрочем и достоверность рассказа, еще не вполне ясна. Ктесий сообщает, что эта война происходила при мидийском правителе Артине, который по мнению ряда исследователей соответствует Киаксару, упоминаемому Геродотом и правившему в конце VII в. до н. э. G. Cameron. History of Early Iran. Chicago, 1936, p. 216.

ГЛАВА II

НАРОДЫ ТУРКМЕНИСТАНА В ЭПОХУ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ И ЕГО КРИЗИСА (VI в. до н. э. — V в. н. э.)

1. Племена и народности Туркменистана в VI—IV вв. до н. э.

Имеющиеся источники позволяют нарисовать следующую картину расположения кочевых племен и оседлых оазисов на территории Туркменистана в середине I тысячелетия до н. э. На юге страны, в районах, где уже долгое время развивалось земледельческое хозяйство, находились Парфия и Маргиана. В состав Парфии входила вся Прикопетдагская полоса и северо-восточная часть современного Ирана. Западным соседом Парфии была Гиркания, лежавшая у юго-восточного побережья Каспийского моря. Крупным центром Северной Парфии являлось поселение Елькен-Депе у Каушута; возможно, что это было поселение Патиграбана, упоминаемое в Бисутунской надписи. На востоке Парфия граничила с Маргианой, занимавшей долину р. Мургаб, где продолжали развиваться земледельческие оазисы, существовавшие еще в начале I тысячелетия. Центрами их были крупные поселения с цитаделями (Яз-Депе, Арвали-Депе). Политически Маргиана часто объединялась с Бактрией, центр которой находился в пределах современного Северного Афганистана и южных частей Таджикской и Узбекской ССР. В состав Бактрии входила также узкая полоса по среднему течению Аму-Дарьи (район Керков и, возможно, Чарджоу). Четвертой крупной областью оседлой культуры был Хорезмский оазис в низовьях Аму-Дарьи, где поселения середины I тысячелетия до н. э. встре-

чаются как на правом, так и на левом берегу реки. По сообщению Гекатея, там находился город Хорасмия, но его местоположение пока не установлено.

В тесном соседстве с оседлыми областями жили различные кочевые племена, занимавшие степные и пустынные районы современного Туркменистана. Их кочевое скотоводческое хозяйство сложилось в результате развития скотоводческо-земледельческого хозяйства племен, носителей тазабагьябской культуры. Выпас скота на кочевьях, сменяемых в определенной последовательности, позволял резко увеличить количество скота, что и вызвало переход значительной части этих племен к кочевому образу жизни. Переход к кочевничеству в VIII—VII вв. до н. э. происходил почти одновременно на огромном пространстве среднеазитских, казахстанских и южнорусских степей, которые тогда населяли кочевые племена, во многом сходные между собой по облику материальной культуры, а вероятно, и по своим нравам и обычаям.

Многочисленные кочевые племена, известные в древнеперсидских надписях под названием саков, а у греческих авторов под собирательным именем скифов, жили в середине I тысячелетия до н. э. и на территории Средней Азии. Из кочевников, обитавших в степях к востоку от Каспийского моря и в междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи наиболее известны массагеты. По словам Геродота[1], массагеты «ничего не сеют, питаясь домашними животными и рыбой, которую в изобилии доставляет им река Аракс» (Аму-Дарья). Свое вооружение (секиры, наконечники стрел и копий) массагеты изготовляли из меди; железо в это время еще не получило широкого распространения в среде среднеазиатских кочевых племен. Предметы украшения выделывались из золота. Район Юго-Западной Туркмении, возможно, уже в середине I тысячелетия до н. э. занимали дахи или даи.

В политической жизни того времени кочевники, обладавшие прекрасно вооруженной и быстро продвигавшейся конницей, играли, несомненно, очень большую роль. Это повышало и значение Хорезма, находившегося в центре кочевого мира и тесно с ним связанного. Можно предположить, что в VII—VI вв. до н. э. существовало значительное политическое объединение в Бактрии, в состав которого, видимо, входила также и Маргиана. Парфия и Гиркания, как отмечалось выше, скорее всего находились в сфере влияния Мидийской державы.

---

[1] Геродот, I, 216.

Таким в общих чертах представляется положение на территории Туркменистана к середине VI в. до н. э., когда на древнем Востоке образовалась новая мировая держава — государство Ахеменидов. Основателем этой державы явился Кир — вождь персидских племен, входивших в Мидийское государство. В 550 г. до н. э. Кир захватил в плен царя Астиага, взял и разграбил столицу Мидии Экбатаны. Вскоре вся территория, ранее подчинявшаяся мидийцам, перешла во власть Кира, начавшего проводить активную внешнюю политику и в 547 г. до н. э. присоединившего к своим владениям знаменитое своим богатством государство Малой Азии — Лидию. После покорения Лидии «на пути Кира, — по словам Геродота, — лежали Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне; в войне с ними он собирался предводительствовать лично»[1]. В 539 г. до н. э. Вавилон был взят и Кир обратил свои завоевательные помыслы против народов Средней Азии[2].

Значительное развитие культуры и хозяйства среднеазиатских областей делали их заманчивым объектом завоевания. Возможно, что Гиркания и Парфия, признавшие в какой-то форме мидийское владычество, попали под власть Кира еще в период между 550 и 547 гг. до н. э.[3] Во всяком случае, *имеется сообщение, что Кир назначил взятого в плен мидий*ского царя Астиага правителем Гиркании[4]. В письменных источниках не сохранилось описания похода Кира против Бактрии, но отдельные описания у Ктесия, сочинения которого не являются, правда, вполне достоверным источником, позволяют считать, что Кир встретил здесь серьезное сопротивление. Вместе с Бактрией под власть Ахеменидов попали Маргиана и Согд—страна бассейна Зерафшана и Кашка-Дарьи. Видимо, вскоре был присоединен и Хорезм. Таким образом, Кир пришел в непосредственное соприкосновение с кочевыми племенами Средней Азии, подчинение которых составляло одну из важных задач его внешней политики. Однако предпринятый против них в 530 г. до н. э. большой поход оказался неудачным для персов и закончился гибелью самого Кира. Смерть могущественного царя и разгром его войск кочевыми племенами произвели сильное впечатление на современников. Это способствовало созданию различных легенд и версий, по-разному описывающих и объясняю-

---

[1] Геродот, I, 153.

[2] Б. А. Тураев. История древнего Востока, М.—Л., 1935, стр. 118. Развиваемая в западной литературе старая точка зрения Прашека о завоевании Средней Азии в период между 547 и 539 гг. представляется менее вероятной. I. D. Prasek. Kyros der Grosse. Alte Orient., 1911, t. 13, h. 3, s. 20; A. T. Olemstead. History of Persian Empire, Achaemenid Period, Chicago, 1948, p. 37.

[3] Юстин, XII, 1.

[4] Юстин, I, 6.

щих поразившее современников событие. Даже имя кочевых племен—противников Кира—различно в разных источниках. По Геродоту это были массагеты, по Ктесию — дербики, а согласно Беросу—даи (дахи). Наиболее общепринятой и вероятной является версия, изложенная у Геродота[1].

Согласно этой версии, Кир направился против массагетов, правительницей которых была Томирис. Для передвижения войск были наведены мосты через р. Аракс (Аму-Дарью) и оборудованы суда с башнями. Продвинувшись вглубь страны массагетов, Кир по совету лидийского правителя Креза оставил в лагере треть войск, а сам отступил к Аму-Дарье. Отряд массагетов захватил лагерь, но потом подвергся неожиданному нападению персидской армии и попал в плен. Тогда выступила с главными силами массагетов сама Томирис. Произошло жестокое сражение, закончившееся полным разгромом персидской армии и смертью Кира.

По версии, передаваемой Геродотом, Томирис приказала найти труп Кира, отрубить ему голову и опустить ее в мешок, наполненный кровью. Как бы то ни было, поход против кочевых племен Средней Азии кончился полным поражением Ахеменидов. Однако присоединенные Киром оседлые области остались в составе Персидской державы.

После смерти Кира царем стал его сын Камбис (530—522 гг.). Бардия, младший сын Кира, был назначен, по Ктесию, правителем Бактрии, Хорезма, Парфии и Карамании, а по Ксенофонту — правителем Мидии, армян и кадусиев. Основное внимание Камбиса было уделено завоеванию Египта, где им, в частности, был проведен очень тяжелый поход на юг. О положении в Средней Азии в годы его правления письменные источники ничего не сообщают. Конец царствования Камбиса ознаменовался большим кризисом, потрясшим до основания всю Ахеменидскую империю. За происходившей в это время династической борьбой можно видеть глубокие внутренние причины, связанные с противоречиями, раздиравшими основанную Киром державу. В ее состав вошли многие страны и народы, ранее пользовавшиеся независимостью и стремившиеся вернуть себе былую свободу. Кроме того, в среде самих персидских и мидийских племен, занимавших в Ахеменидской державе привилегированное положение, шли глубокие процессы классовой дифференциации, связанные с возвышением знати и усиливающейся порабощением рядовых общинников[2]. Эти же процессы классовой дифференциации усиливались

---

[1] Геродот, I, 205—214.

[2] В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. «Вестник древней истории», 1949, № 2; В. О. Тюрин. Социальное положение Kur-tas по документам из «сокровищницы» Персеполя. «Вестник древней истории», 1951, № 3.

и в среднеазиатских владениях Ахеменидов, где местная знать в ряде случаев встала на сторону иноземных завоевателей, поддерживавших ее против собственного народа. Усиление рабовладельческой знати вызвало широкие волнения рядовых общинников. С этими волнениями несомненно были связаны многие бурные события 523—522 гг. и, в частности, народное движение в Маргиане. Политическая сторона событий этого времени выглядит следующим образом.

Камбис тайно убил своего брата Бардию. Во время египетского похода Камбиса один мидийский жрец, по имени Гаумата, воспользовавшись тем обстоятельством, что убийство Бардии сохранилось в тайне, объявил себя сыном Кира. Этому лже-Бардии, поддерживаемому своим братом, также жрецом (магом), удалось в 522 г. захватить власть в Персии. Камбис, срочно возвращаясь из похода, умер, наткнувшись на меч, или даже, по другому толкованию, покончил с собой. Вся обширная Ахеменидская держава оказалась во власти удачливого самозванца. Однако в этом огромном государстве, раскинувшемся от Эгейского моря до берегов Инда, не было спокойствия: его потрясали различные волнения и восстания. Из слов Геродота и по тексту большой Бисутунской надписи ясно видно, что эти волнения начались еще в конце правления Камбиса. Как показало исследование В. В. Струве, в короткий период правления Гауматы началось народное движение в Маргиане[1]. Видимо, в это время произошли волнения, и в ряде других областей, недовольных господством Ахеменидов. Гаумата попытался удержаться у власти чрезвычайными мерами. Как сообщает Геродот, он отменил на три года налоги с покоренных стран и поставку ими воинских контингентов в персидскую армию. Однако против него сложился заговор в среде персидской аристократии. Группу заговорщиков возглавил представитель младшей линии Ахеменидов Дарий. В сентябре 522 г. Гаумата и его брат были убиты заговорщиками в одной из мидийских крепостей. Во главе Ахеменидской империи встал Дарий I (522—486 гг.), немедленно приступивший к подавлению народных волнений и различных смут. Об этом подробно рассказано в большой Бисутунской надписи. В Мидии восстал Фравартиш, выдававший себя за потомка Киаксара—одного из мидийских царей. К движению Фравартиша примкнули Парфия и Гиркания, объединявшиеся тогда в одну сатрапию во главе с Гистаспом, отцом самого Дария. Первое сражение с восставшими парфянами произошло в марте 521 г. у поселения Вишпаузатиш и, видимо, не имело решающего характера, ибо восстание продолжалось. Тем вре-

---

[1] В. В. Струве. Указ. соч., стр. 25.
[2] Геродот, III, 67.

менем против Фравартиша выступил сам Дарий и одержал в мае месяце победу над мидийцами в сражении в области Рага, приблизительно соответствующей району современного Тегерана. Фравартиш был посажен на кол в Экбатане, а к Гистаспу было послано подкрепление. Получив его, Гистасп вторично выступил против парфян и 12 июля 521 г. нанес им тяжелое поражение у поселения Патиграбана, после чего власть Ахеменидов в Парфии была полностью восстановлена. По сообщению Бисутунской надписи, парфяне потеряли в сражении у Патиграбаны 6500 убитыми и 4200 пленными.

Еще раньше, чем в Мидии и Парфии, началось восстание в Маргиане, где восставшие избрали своим вождем («наибольшим») маргианца по имени Фрада. По мнению исследователей, маргианцев поддержали соседние сакские племена. Против восставших выступил сатрап Бактрии Дадаршиш и 10 декабря 522 г. разгромил их, убив, по сообщению Бисутунской надписи, свыше 55 000 и взяв в плен 6500 человек. Хотя это число, скорее всего, является преувеличенным, несомненно, что маргианское восстание охватило широкие круги населения, а поспешность, с которой бактрийский сатрап был направлен на его подавление, указывает на большие опасения, которые вызывало у Ахеменидов это движение[1]. Можно считать, что в движении Фрады наряду с антиахеменидской направленностью проявилось также выступление широких масс порабощаемых общинников против рабовладельческой аристократии.

В результате решительных действий Дария I и его сторонников уже к концу 521 г. до н. э. волнения были подавлены. Вместе с тем Дарий I был вынужден провести некоторые реформы, которые хотя бы ненадолго должны были облегчить положение рядовых общинников. В большой надписи Бисутуна Дарий говорит об этом: «Я вернул народу пастбища[2], имущество, жилища, которые Гаумата-маг у него отнял. Я восстановил страну в прежнем виде, и Персию и Мидию и другие страны». Однако эти реформы не могли остановить процесса обнищания и порабощения рядовых общинников.

Другим крупным мероприятием Дария был поход против кочевых племен Средней Азии, которые со времени неудачной попытки Кира продолжали оставаться независимыми от Ахеменидов.

Как показали последние исследования, поход Дария I против кочевых племен, названных саками, можно датиро-

---

[1] В. В. Струве. Указ. соч., стр. 10 и сл.

[2] В Бисутунской надписи—abicaris. Перевод этого слова как «пастбища» не является общепринятым. См. F. H. Weissbach. Die Keilenshriften der Achämeniden, Leipzig, 1911, S. 20—21; H. Herzfeld. Altpersische Inshriften. Berlin, 1938, Ss. 50—54.

вать 517 г. до н. э.[1] Об этом походе рассказывается в официальной версии, изложенной в пятом столбце Бисутунской надписи, а также в отрывках, сохраненных писателем II в. н. э. Полиэном и, видимо, восходящих к сакскому героическому эпосу. Для похода на саков Дарий I, как и Кир, навел мост через Аму-Дарью и сумел по частям разбить саков, вождем которых в это время был Скунха. Вместо захваченного в плен Скунхи Дарий поставил вождем другого представителя знати, придерживавшегося, надо полагать, ахеменидской ориентации. О значительных затруднениях, с которыми столкнулся Дарий в этом походе, можно судить по рассказу Полиэна о героическом подвиге сакского пастуха Сирака, завлекшего персидскую армию вглубь безводной пустыни. Чтобы войти в доверие к Дарию, Сирак жестоко изуродовал себя, сказав, что это сделали сакские вожди и представился сторонником персов. По словам Полиэна, только дождь спас персов от неминуемой гибели в знойных песках.

В результате Ахеменидам удалось распространить свое влияние на значительную часть кочевых племен Средней Азии. Если в Бисутунской надписи среди подчиненных Дарию народов саки названы только один раз, то в составленной позднее Накширустемской надписи мы уже находим, кроме саков-амюргиев, видимо, соответствующих сакам Бисутунской надписи, также саков-тиграхауда («носящих острую шапку») и саков-тояйта-радарайя, т. е. саков, живущих за «морем», (draya—дайра—дарья—море, крупная река) в данном случае, видимо, за Аральским морем, если только не имеются в виду такие крупные среднеазиатские реки как Аму-Дарья и Сыр-Дарья.

Среднеазиатские владения играли важную роль в Ахеменидской державе. Об этом можно судить даже на основании тех отрывочных и косвенных сведений, которые сохранились в письменных источниках. Во главе, например, Бактрии обычно стояли члены правящей династии. Развитая экономика, значительные военные силы и стремление к политической независимости способствовали тому, что в Бактрии неоднократно происходили выступления против правящего представителя рода Ахеменидов. При вступлении на престол Ксеркса (486—465 гг.) другим претендентом на престол выступил его брат Ариамен, управлявший Бактрией. Только значительные подарки и обещание положения второго лица в государстве склонили Ариамена к признанию власти своего брата. При Ксерксе произошли некоторые изменения в границах ахеменидских владений на северо-востоке. В одной надписи Ксеркса, отно-

---

[1] В. В. Струве. Поход Дария I на саков-массагетов. «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. III, № 3, 1946; он же. Датировка Бисутунской надписи. «Вестник древней истории», 1952, № 1.

сящейся к первым годам его правления, в числе подвластных стран и народов упомянуты даха, т. е., видимо, дахские племена, одним из центров расселения которых в первые века до н. э. был район Юго-Западной Туркмении (Дахистан)[1]. Возможно, это упоминание дахских племен свидетельствует о каком-то походе, совершенном Ксерксом против кочевых племен Средней Азии[2]. Но основное внимание Ксеркса было уделено большому походу на Грецию. В многочисленном войске Ксеркса были таже и представители среднеазиатских народов, образовывавшие отдельные отряды: бактрийцы, саки, парфяне, хорезмийцы и согдийцы[3]. Интересно отметить, что, наряду с конницей, сакские племена выставили также и пешие отряды. Так например, саки, наряду с персами и мидянами, были в экипаже боевых судов[4].

Поражение, понесенное персами в их греческом походе, способствовало начавшемуся ослаблению Ахеменидской державы. Борьба за престол порождала династические смуты, а отдельные области постепенно становились все более независимыми от центральной власти. В полной мере это следует относить и к среднеазиатским владениям Ахеменидов. Характерен в этом отношении следующий эпизод, описанный Геродотом. Масиста, один из сыновей Дария, оскорбленный своим братом, царем Ксерксом, направился в Бактрию «с намерением взбунтовать бактрийский округ и причинить царю величайшие беды»[5]. Ксерксу, однако, удалось убить Масисту еще по дороге в Бактрию, что предотвратило почти несомненное, по мнению Геродота, отпадение бактрийцев и соседних с ними саков. Разумеется, здесь дело было вовсе не в любви, которую, по словам Геродота, саки и бактрийцы якобы питали к Масисте, а во все растущих сепаратистских стремлениях среднеазиатских сатрапий.

Во время борьбы за престол между сыновьями Ксеркса — Артаксерксом I (465—423 гг.) и Гистаспом — последний также опирался на Бактрию, Артаксерксу удалось победить своего брата лишь после второго сражения. Вскоре отделяется от Ахеменидов и становится независимым Хорезм. Время отделения Хорезма не вполне ясно, но, видимо, оно приходится на IV в. до н. э., поскольку еще в конце V в. до н. э. хорезмийцы входили в состав персидского гарнизона, расположенного на египетском острове Элефантине. В перечне войск Дария III

---

[1] В. И. Абаев. Антидэвовская надпись Ксеркса. Иранские языки, I, М.—Л., 1945, стр. 135.

[2] Образование особой дахской сатрапии, как это предполагает Олмстэд, представляется маловероятным.

[3] Геродот, VII, 64—66.

[4] Геродот, VII. 184.

[5] Геродот, IX, 113.

(336/5—330 гг.), последнего ахеменидского монарха, хорезмийцы уже не упоминаются, а саки названы союзниками[1], что, по всей вероятности, указывает на усиление самостоятельности и кочевых племен. Таковы известные из источников политические события, происходившие на территории современного Туркменистана в период господства на Ближнем Востоке державы Ахеменидов.

В каких же формах выступала зависимость среднеазиатских областей от ахеменидского «царя царей»? Все Ахеменидское государство было разделено на отдельные области, называвшиеся сатрапиями. Это разделение, по-видимому, было проведено еще Киром или Камбисом, поскольку такие сатрапии, как Парфия, Бактрия и Арахозия, упоминаются уже в Бисутунской надписи Дария I. При Дарии I все персидские владения были разделены на 20 сатрапий, список которых приводится у Геродота. Согласно этому списку, Бактрия образовывала двенадцатую сатрапию, саки и каспии — пятнадцатую, а парфяне, хорезмийцы, согдийцы и арейцы (жители Ареи, современный район Герата) — шестнадцатую сатрапию[2]. Надо оговориться, что в списке Геродота многое вызывает сомнение. В частности, Согд скорее всего входил в одну сатрапию с Бактрией.

Изображение среднеазиатских данников на рельефах ахеменидского дворца в Персеполе.

Во главе сатрапии стоял правитель — сатрап, располагавший административно-фискальным аппаратом и вооруженными силами. Сатрап имел секретаря и управляющего финансами. Для усиления централизации Дарий I создал систему надзора за сатрапами, но эта система не могла ограничить постоянные сепаратистские стремления правителей крупных областей.

Области и народы, включенные в состав Ахеменидской державы, должны были уплачивать значительные подати и поставлять воинские контингенты в персидскую армию. Система податей была упорядочена Дарием I, но впервые введена еще

---

[1] Арриан, Анабасис, III, 8.
[2] Геродот, III, 92—93.

при Кире, поскольку, как мы видели выше, Гаумата имел возможность отменить уплату податей на три года. По сведениям Геродота, относящимся, как полагают, к правлению Артаксеркса I, шестнадцатая сатрапия уплачивала в царскую казну 300 талантов, в то время как Бактрия вносила 360 талантов, а наиболее развитая страна Ближнего Востока — Вавилония — 1000 талантов. В состав этой дани, видимо, не входили некоторые особые налоги, как например, за пуск воды на поля[1] или поставки материалов для строительства царских дворцов. Так, при строительстве Дарием I дворца в Сузах, из Бактрии доставлялось золото, из Согда—лазурит и, видимо, сердолик, а из Хорезма какой-то камень, возможно, тальковой породы из Султан-Уиздага[2]. Несмотря на эти налоги и поборы, хозяйство населения Туркменистана середины I тысячелетия до н. э. достигло значительного для своего времени развития. Его отличительной чертой было разделение страны на оседлые области и на области, занятые кочевыми племенами. Между этими областями все более развивался обмен. При этом ведущую роль в хозяйстве играли оазисы, занятые трудолюбивым земледельческим населением. Поля орошались водой, подававшейся развитой системой каналов, остатки которых сохранились в Хорезме и Маргиане. От магистрального русла в обе стороны отходили небольшие арыки, орошавшие поля и сады, расположенные по их берегам. Иногда поля разделялись на участки, огороженные валиками. В Маргиане, помимо ранее существовавших оазисов, начинает осваиваться район к северо-востоку от современного Байрам-Али, где возникает новое крупное поселение (у Эрк-Калы), со временем ставшее столицей Маргианы.

В подгорной полосе уже существовала система подземных каналов—кяризов. Поскольку проведение кяризов было связано с большими трудностями, то лица, проведшие кяриз, освобождались на весьма значительный срок от уплаты податей[3]. Другие ирригационные сооружения, как можно судить по рассказу Геродота о р. Акес[4], наоборот, перешли в собственность ахеменидского царя и служили для взимания дополнительных податей с покоренных народов, пользовавшихся водой, проходившей через эти сооружения. Во время нехватки воды жители этих районов, по словам Геродота, отправляются в Персию к царскому дворцу и просят открыть шлюзы. За открытие шлюзов Ахемениды взимали сверх обычных налогов большие день-

---

[1] Геродот, III, 117.

[2] В. И. Абаев. Надпись Дария I о сооружении дворца в Cvзе. Иранские языки, I, М.—Л., 1945, стр. 130; М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953, стр. 10.

Полибий, X. 28.

[4] Геродот, III, 117.

ги. Продолжалось развитие и совершенствование ирригационных систем. Например, если в Маргиане более ранние каналы, по всей видимости, получали воду из реки без создания подпорных сооружений, то с середины I тысячелетия до н. э. на Мургабе как, можно полагать, появились крупные плотины, начала создаваться та сложная система орошения, которая позднее, в IX—X вв. н. э., вызывала восхищение описывавших ее авторов[1]. Об устройстве плотин, регулировавших поступление воды, сообщает и Геродот. Создание подпорных плотин и выведение каналов в верхнем течении позволило оросить новые площади, лежавшие выше уровня рядом протекавшей реки.

На орошавшихся полях, помимо зерновых культур (пшеница, овес, просо), возделывались также технические культуры — кунжут и, возможно, хлопок, о выращивании которого в это время в Северо-Западной Индии сообщает Геродот[2]. Наряду с сельским хозяйством, большое развитие получило и ремесло, ставшее предметом деятельности специалистов-профессионалов. Помимо медного производства, все более развивается и железоделательное. Из железных предметов известны топоры и тесла, найденные на Яз-Депе в Маргиане[3], и серпы, сбнаруженные на южном кургане Анау[4], а также при раскопках хорезмийского поселения Кюзели-Гыр[5].

Шлаки и крицы, указывающие на производившуюся выплавку железа, были найдены на Елькен-Депе и на ряде хорезмийских и маргианских поселений. Специализированным ремеслом стало производство керамики. Посуда изготовлялась на гончарном круге и обжигалась в специальных печах, которые имели сложную систему патрубков, подававших горячий воздух в камеру обжига. Специализированные формы посуды, одинаковые на большой территории и Парфии, и Хорезма, и Маргианы, и Бактрии и даже соседнего Согда указывают на известную стандартизацию продукции, являющуюся одним из признаков ремесленного производства[6].

---

[1] М. Е. Массон. О работах Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Тезисы докладов на Сессии Отделения исторических наук и Пленума ИИМК АН СССР, М., 1954, стр. 42.

[2] Геродот, III, 106.

[3] В. М. Массон. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. «Известия АН ТССР», 1956, № 2, стр. 24.

[4] См. R. Pumpelly. Explorations in Turkistan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilisations of Anau. Vols I—II, Waschington, 1908.

[5] С. П. Толстов. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. «Вестник древней истории», 1955, № 3, стр. 197.

[6] М. М. Дьяконов. Развитие классового общества в Северной Бактрии. «Советская археология», XIX, М., 1954, стр. 136; М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. Автореферат диссертации. Краткие сообщения Института этнографии, XXII, 1955, стр. 72—74.

В связи с таким развитием ремесла крупные поселения, бывшие ранее лишь центрами сельскохозяйственных районов, теперь становятся также местами сосредоточения ремесленного производства и приобретают черты поселений городского типа.

В Бисутунской надписи упоминаются два города в Парфии — Патиграбана и Вишпаузатиш. О городах (полисах) Средней Азии VI—IV вв. до н. э. сообщают и греческие авторы. Исследования, проведенные в Маргиане, показали, что здесь в это время, так же как и в подгорной полосе в пору развитого бронзового века, существовало два типа поселений. Небольшие поселения, лишенные укреплений, напоминают поселения бронзового века, но зато в крупных поселениях мы наблюдаем уже новые черты: их центром являются крупные цитадели, расположенные на высоких платформах.

Именно в поселениях подобного типа следует видеть «города» древнеперсидских и древнегреческих источников. Те же два типа поселений можно наблюдать и в Северной Парфии. В Хорезме исследованное поселение этого времени — Кюзели-Гыр — занимает большую площадь и обнесено крепостной стеной из сырцового кирпича. Центром его являлось какое-то крупное здание, но цитадели здесь еще нет[1]. С развитием ремесла в хозяйстве оседлых оазисов стали развиваться товарные отношения.

Показательна следующая особенность маргианских поселений: почти на всех небольших поселениях имеются следы керамического производства, указывающие на то, что проживавшие в этих поселениях общины сами изготовляли для себя глиняную посуду; на крупных же поселениях гончарные печи сосредоточены в одном месте, образуя как бы особые гончарные центры, обслуживающие в целом все поселение, где проживало по меньшей мере несколько общин. В этом случае изготовление глиняной посуды приобретало уже черты товарного производства. Еще в большей степени это было характерно для изготовления предметов из меди и железа. Возможно, что товарные отношения частично стали распространяться и на сельскохозяйственное производство.

Развитию товарных отношений способствовало включение Средней Азии в состав державы Ахеменидов, что укрепило торговые связи среднеазиатских областей с высокоразвитыми странами Ближнего Востока. Ахемениды уделяли большое внимание организации торговли и проведению дорог, облегчав-

---

[1] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 195—196; он же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 104; Д. Дурдыев. Античные памятники Ташаузской области Туркменской ССР. Автореферат диссертации, М., 1954, стр. 6—7.

ших торговые связи. Прекрасно организованная дорога связывала одну из ахеменидских столиц — Сузы с побережьем Малой Азии. Были проложены дороги и в других областях обширной державы Ахеменидов. В письменных источниках сохранилось умоминание о дороге, шедшей из Персии в Бактрию и Индию[1].

Возможно, что направление этой дороги совпадало с маршрутом, *описанным в парфянский период в дорожнике Исидора* Харакского[2].

С развитием торговли и товарного производства связано и начало денежных отношений на территории Средней Азии. Конечно, 300 талантов, поступавших от шестнадцатой сатрапии, включавшей Парфию и Хорезм, были в основном денежным исчислением натуральных поставок, но возможно какую-то их часть составляли уже и монеты. О взимании денег за открытие шлюзов сообщает и Геродот. Правда, находки ахеменидских монет золотых (дариков) или серебряных (сиклей) на территории Средней Азии единичны, что указывает на низкий уровень развития денежных отношений. В связи с развитием товарного производства и товарных отношений в Бактрии и Северо-Западной Индии в V—IV вв. до н. э. начинается чеканка собственной монеты[3].

Значительно хуже освещено источниками состояние хозяйства кочевых племен. Основу их благосостояния составляли многочисленные стада, среди *которых большую роль стали играть* табуны лошадей. Племена, жившие по берегам рек, занимались также и рыболовством. Искусные мастера изготовляли оружие и украшения, хотя часть этих предметов получалась, очевидно, путем обмена с оседлым населением оазисов. Вероятно, путем обмена или в результате военных походов были добыты роскошные ковры среднеазиатского или ближневосточного происхождения, обнаруженные при раскопках могил вождей кочевых племен горного Алтая, культура которых была тесно связана с культурой кочевников Средней Азии.[4]

Дарик. ахеменидская монета.

---

[1] G. B. Gray and M. Gray. The Reign of Darius. Cambridge, Ancient History. V. IV. Cambridge, 1926. p. 193.

[2] Б. А. Тураев. Указ. соч., стр. 140.

[3] R. Curiel, D. Schlumberger. Trésors monétaires d'Afghanistan. Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, *t. 14. Paris*, 1953, pp. 31—45.

[4] С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время, М.—Л., 1953.

Наличие городов, развитие товарного производства и зарождение денежного обращения свидетельствуют о существовании в оседлых районах Туркменистана VI—IV вв. до н. э. классового, рабовладельческого общества. Верхушку этого общества составляла аристократия, богатства которой не были затронуты ахеменидским завоеванием. Представители этой аристократии, участвуя в системе управления персидской империи, еще более противопоставляли себя рядовым общинникам. Историк Арриан упоминает парфянина Амминаспа, бывшего в IV в. до н. э. сатрапом в Египте, а затем назначенного правителем Парфии[1]. Видимо, именно представителям аристократии принадлежали цитадели, образующие центр крупных поселений. Около цитаделей в больших неукрепленных поселениях жили крестьяне и ремесленники, находившиеся в зависимости от своих богатых соплеменников. Длительное сохранение общин, образующих основную хозяйственную единицу общества, было характерной чертой развития классового общества на Востоке[2]. Однако не было имущественного равенства и внутри общины. Она распадалась на более бедных и более богатых общинников. Вероятно, именно богатые общинники составляли отряды всадников, о которых часто упоминают письменные источники, в то время как их менее состоятельные соплеменники образовывали пехоту. Содержание коня и вооружение конного воина, уже тогда носившего панцырь, было много дороже вооружения пехотинца. В то же время увеличивалось число рабов. Имеющиеся источники не позволяют дать конкретной характеристики форм рабовладения, существовавших в Туркменистане и всей Средней Азии в середине I тысячелетия до н. э. Видимо, рабами становились как пленные, захваченные во время различных войн, так и порабощенные общинники. Включение областей Средней Азии в состав Ахеменидской державы должно было способствовать дальнейшему развитию рабства. Позднее, при завоевании Средней Азии Александром Македонским сопротивлявшиеся иноземцам жители обращались в рабство. Подобные действия практиковались еще и при Ахеменидах. Например, Дарий I обратил в рабство жителей ливийского города Барка и сослал их на поселение в Бактрию. Видимо, такое же происхождение имело поселение Гиркания, существовавшее в Малой Азии[3]. Рабы из Средней Азии попадали и в другие сатрапии Ахеме-

---

[1] Арриан. Анабасис, III, 22.

[2] К. Маркс. Британское владычество в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 349.

[3] J. Prasek. Geschichte der Medes und Perser, Bd. I, Gotha, 1906, S. 239.

нидской империи. Так в 512 г. до н. э. рабыни из Бактрии продавались в Вавилоне[1]. Одно из сообщений Ксенофонта[2] позволяет допускать, что рабы из Средней Азии встречались на Ближнем Востоке еще в первой половине VI в. до н. э.

Иным был общественный строй многочисленных кочевых племен, среди которых господствовали патриархальные отношения. Пережитками матриархата у кочевников являлось высокое положение женщины, равенство которой с мужчиной подчеркивают все древние авторы. Как и у общинников оседлых областей, в среде кочевых племен шел процесс имущественной дифференциации и выделения богатой племенной аристократии, но все эти процессы происходили еще в недрах первобытно-общинного строя: у кочевых племен еще не сложилось классовое общество. Во главе племен и племенных союзов стояли вожди, которых древнегреческие авторы обычно называют «царями». Часто такими вождями были женщины (Томирис у массагетов, Зарина у саков). После смерти вождя над его погребением воздвигали большие надгробные курганы, требовавшие очень большой затраты труда и участия значительной части членов племени. Несомненно, именно такой курган имел в виду Ктесий, когда описывал «пирамиду», воздвигнутую Зарине[3]. Подобные курганы, содержавшие захоронения вождей, раскапывались на Алтае и в Казахстане. При этом было найдено большое число украшений из золота, различные предметы утвари, многоцветные ковры и кошмы. В Средней Азии раскопки подобных курганов пока еще не производились.

Нам остается остановиться на культуре племен и народов, живших на территории Туркменистана в рассматриваемый период. Культура населения оседлых оазисов во многом продолжала древние традиции. Дома по-прежнему строились из сырцового кирпича, но в связи с развитием классового общества получает все большее значение новая отрасль строительства — фортификация. Цитадели крупных поселений Парфии и Маргианы строятся на высоких платформах, возведенных полностью или частично[4] из сырцового кирпича. Значительный интерес представляют оборонительные сооружения хорезмийской крепости Кюзели-Гыр[5]. Крепостная стена Кюзели-Гыра имела

---

[1] F. H. Weissbach. Указ. соч., стр. 144. Наличие идеограммы âlu (поселение) вместо matu (страна) позволяет думать, что эти рабыни происходили непосредственно из столицы Бактрии — города Бактр.

[2] Ксенофонт. Киропедия, IV, 5, 56.

[3] Ктесий в изложении Диодора, II, 35.

[4] Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кала в старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, 1949.

[5] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., стр. 194 и сл.

овальные башни, стрелковую галерею и расположенные в шахматном порядке бойницы.

Весьма ограничено число известных в настоящее время памятников искусства середины I тысячелетия до н. э. В Хорезме при раскопках городища Калалы-Гыр обнаружена часть алебастровой формы, предназначавшейся, видимо, для отливки скульптуры. В найденной части формы отливалась голова грифона — фантастического животного с птичьей головой. Видимо, к середине I тысячелетия до н. э. относится золотая серьга из Геок-Депе и часть предметов из так называемого «Амударьинского клада», в частности золотая модель колесницы и изображение сакского воина на золотой пластинке.

Несколько более полны имеющиеся данные о религии населения Туркменистана рассматриваемого времени. В оседлых оазисах уже в первой половине I тысячелетия до н. э. распространяется зороастризм, основателем которого был легендарный пророк Зороастр или Заратуштра. Время жизни Зороастра, так же как и место создания священной книги зороастризма — Авесты, до сих пор является предметом значительных дискуссий в науке. Однако многие исследователи склоняются к той точке зрения, что родиной Авесты была Средняя Азия[1].

В гимнах-гатах, являющихся древнейшими частями Авесты и отражающих поэтическое народное творчество, упоминаются, наряду с другими областями Средней Азии, Парфия, Маргиана, Хорезм и Гиркания. В основе зороастрийской религии лежит дуалистическое учение о непрестанной борьбе добра и зла, светлого духа Ахурамазды и «врага человечества» Ангримайнью (Ахриман). Наряду с Ахурамаздой в Авесте упоминаются также различные другие божества — Митра, мужское божество, и Ардвисура—Анахита, богиня небесных вод, покровительница животных и плодородия.

Среди массагетов почиталось божество, близкое Митре. По словам Геродота, массагеты из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей[2].

Что же является характерным для развития Туркменистана в VI—IV вв. до н. э.? Прежде всего, в этот период в оседлых областях складывается классовое рабовладельческое общество. Сложение классового общества было завершением процессов имущественной и социальной дифференциации, начавшихся на территории Туркменистана в предшествующие тысячелетия. Вместе с тем, в развитии классовых отношений большую роль сыграло вхождение Парфии, Маргианы, Хорез-

---

[1] В. В. Струве. Родина зороастризма. «Советское востоковедение», V, М.—Л., 1948.

[2] Геродот, I, 216.

ма и других областей Средней Азии в состав Ахеменидской державы. С одной стороны, это завоевание поставило народы под двойной гнет — персидского государственного аппарата и местной аристократии. С другой стороны, вхождение Средней Азии в состав обширного государства усилило связи с наиболее развитыми странами Переднего Востока, способствовало усилению торговли, развитию товарного производства. Переход на сторону завоевателей верхушки местной аристократии приводил к усилению классовых противоречий; по существу, восстания против иноземного господства иногда являлись одновременно и формой классовой борьбы, как это, видимо, имело место во время восстания в Маргиане.

Вместе с тем, усиливается стремление к политической самостоятельности. Борьба народов Средней Азии против Ахеменидов привела уже в IV в. до н. э. к восстановлению самостоятельности Хорезма. Обладавшие высокой культурой и развитым хозяйством среднеазиатские области уже к концу правления Ахеменидов стали полусамостоятельными. И к тому времени, когда на границах Средней Азии появилась армия Александра Македонского, мы уже не находим в источниках каких-либо упоминаний о персидских гарнизонах, стоящих в Парфии, Согде или Бактрии. Этот процесс роста политической независимости получил свое завершение в середине III в. до н. э. с созданием самостоятельного Парфянского государства.

2. Поход Александра Македонского в Среднюю Азию. Освобождение страны от греко-македонского владычества

Начавшееся еще при Дарии I столкновение Греции и ахеменидского Ирана после долгой борьбы за мировое господство закончилось полным поражением Ахеменидов в результате похода Александра Македонского. В 334 г. до н. э. греко-македонские войска под начальством самого Александра — одного из наиболее выдающихся полководцев древности — переправились через Дарданеллы и вступили в пределы Ахеменидской державы. Войска последнего ахеменидского царя Дария III были разгромлены в трех решающих сражениях. В последней из этих битв, происшедшей в июле 331 г. до н. э. у селения Гавгамелы в Месопотамии, на стороне персидского царя участвовали вспомогательные войска из среднеазиатских сатрапий. Положение в Средней Азии в это время значительно отличалось от той обстановки, которую можно было наблюдать при Дарии I или Ксерксе. Многие народы уже освободились от власти Ахеменидов, а области, остававшиеся еще в системе Персидской державы, фактически были почти неза-

висимы от центральной власти. Это отразилось, в частности, на составе воинских контингентов, участвовавших в сражении у Гавгамел. Там уже не было хорезмийцев, а значительные воинские силы, в состав которых входили бактрийцы, согдийцы и индийцы, выступали под начальством бактрийского сатрапа Бесса, положение которого во главе одной из важнейших сатрапий во многом обусловило роль, сыгранную им в ходе дальнейших событий. На правах союзников, а не подданных, выступали сакские стрелки. Парфянской и гирканской конницей руководил сатрап Парфии Фратаферн[1].

Александр Македонский.

Как и предшествующие сражения с греко-македонской армией, битва у Гавгамел была неудачна для Дария III. Несмотря на упорное сопротивление отдельных отрядов, ахеменидские войска были полностью разгромлены Александром. Сам Дарий с некоторыми приближенными и бактрийскими всадниками, руководимыми Бессом, бежал в Мидию, а затем в Парфию. По словам одного из древних историков, Дарий III решил здесь выждать дальнейших действий со стороны Александра и, в случае, если македонский полководец продолжит свое наступление, отступать дальше, вплоть до Бактрии и опустошать на пути Александра все земли, чтобы затруднить его продвижение. Опасения Дария полностью оправдались: Александр энергично продолжал наступление. Захватив одну из ахеменидских столиц—Пасаргады—греко-ма-

---

[1] Арриан. Анабасис, III, 8, 3. Пагинация дается по изданию: Arriani de expeditione Alexandrii Rec. Geier. Lipsiae, 1873.

кедонская армия двинулась по следам бежавшего «царя царей» и вступила в западные пределы парфянской сатрапии. Тем временем среди лиц, сопровождавших Дария III, возник заговор против последнего Ахеменида. Представители персидской знати во главе с Бессом объявили Дария III низложенным, а затем, по приближении македонских отрядов, убили его. Свергнув Дария, Бесс вернулся в Бактрию, и там провозгласил себя «царем Азии»[1], приняв тронное имя Артаксеркса. Бессу подчинялись, помимо Бактрии, также Согд и Арея (область современного Герата) и, видимо, Гандхара, а на основании одного сообщения Арриана можно судить, что он пытался распространить свою власть и на Парфию[2]. Вне зависимости от личных качеств самого Бесса, который, впрочем, оказался довольно заурядным человеком, следует отметить, что намеченное им «царство Азии», в случае осуществления этой идеи, могло бы соответствовать стремлениям среднеазиатских областей к политической независимости и явиться важным шагом на пути к их полному осуществлению. Однако Бесс, насколько можно судить по сообщениям источников, сразу стал проводить великодержавную политику, вызвавшую недовольство местной знати, что и послужило одной из причин его быстрого падения.

Пока Бесс, находясь в Бактрии, пытался организовать военные силы своего новоявленного царства, Александр приступил к присоединению областей Средней Азии. Первоначально это присоединение протекало относительно мирно и ограничивалось признанием новой власти местными сатрапами, поставленными еще Дарием III. Однако при этих сатрапах назначались греческие или македонские представители, располагавшие некоторыми вооруженными силами. Первоначально Александр, до вступления в Гирканию, назначил сатрапом Парфии и Гиркании парфянина эмигранта Амминаспа. Однако, когда греко-македонские отряды вошли в Гирканию, к ним добровольно явился с сыновьями сатрап Парфии Фратаферн и, признав новую власть, был оставлен в своей должности. Парфия, как умиротворенная страна, была избрана осенью 330 г. местом сбора в ней греко-македонских войск, стягивавшихся здесь отовсюду перед походом вглубь Средней Азии через территорию современного Афганистана.

Во время длительного спокойного пребывания в Парфии Александр впервые надел тиару и богатую восточную одежду смешанного с греческой типа для демонстрации сближения со знатью подчинившейся без сопротивления страны. Как толь-

---

[1] Арриан, III, 25, 3.
[2] Арриан, IV, 7, 1.

ко греко-македонская армия двинулась в Арею по пути, пролегавшему по южным землям Парфии, Бесс попытался вызвать в этой стране волнения, направив туда своего сторонника Барзана, который однако не оправдал возлагавшихся на него надежд, так как вскоре же был схвачен. В конце 330 г. Фратаферн по приказу Александра участвовал со всей конницей в подавлении вспыхнувшего в Ареи восстания, а позднее доставил ему пленных наиболее опасных врагов Барзана и Армаза на инсценированный в Зариаспе процесс над Бессом. Фратаферну же Александр дал ответственное поручение арестовать сатрапа мардиев.

Попытка Бесса создать на развалинах Ахеменидской империи новую державу не имела успеха. Среднеазиатские народы, только что избавившиеся от ахеменидского господства, не желали великодержавной власти нового царя и, судя по ходу событий, Бесс не пользовался поддержкой даже со стороны местной аристократии. И, когда весной 329 г. греко-македонские войска вступили в Бактрию, Бесс был вынужден отступить на север за Аму-Дарью. Здесь его захватили представители бактрийской и согдийской знати и выдали одному из полководцев Александра Македонского. Несмотря на выдачу Бесса, Александр, переправившийся со своим войском через Аму-Дарью, продолжал наступление. В это время уже ясно проявилось его стремление создать новую «мировую империю», установив свою власть над всеми народами, входившими в состав Ахеменидской державы. В Средней Азии завоевательная политика Александра вызвала сильный отпор со стороны местного населения и привела к большому восстанию свободолюбивых народов, возглавленному одним из представителей согдийской знати Спитаменом. С 329 по 327 г. до н. э., в течение трех лет, греко-македонской армии, только что победившей величайшую державу того времени — ахеменидскую Персию — пришлось вести тяжелую борьбу с народами Средней Азии, упорно отстаивавшими свою землю от незванных пришельцев. Основные события этой трехлетней борьбы протекали на территории Согда[1]. Александру пришлось несколько раз выступить против свободолюбивых согдийцев. В ходе ожесточенной войны были разрушены города и селения, опустошены цветущие оазисы, перебито много местных жителей (по одному источнику число убитых в Согде достигло 120 тыс. человек).

В сопротивлении греко-македонским завоевателям принимали участие и соседние с согдийцами кочевые племена, называемые в источниках массагетами или дахами, причем

[1] См. К. В. Тревер. Александр Македонский в Согде. «Вопросы истории», 1947, № 5.

вполне возможно, что в борьбу были вовлечены и те части этих племен, которые жили на территории современного Туркменистана. Так например, в набеге на греко-македонские гарнизоны в Бактрии в 328 г. до н. э. под «скифскими всадниками» (Арриан), видимо, имелись ввиду те кочевые племена, которые располагались в Юго-Восточном Туркменистане на границах маргианских оазисов.

Согласно сообщению Квинта Курция, одного из древних авторов, описывающих поход Александра Македонского, греко-македонские войска совершали поход и в Маргиану[1]. Направляясь в Маргиану, Александр будто бы переправился через реки Окс (Аму-Дарья) и Ох (Мургаб? Келифский Узбой?) и, прибыв к городу Маргинии, в районе которого на небольшом расстоянии основал шесть городов-крепостей: два на юге и четыре на востоке. Это сообщение Квинта Курция подвергается некоторыми исследователями сомнению[2], но о постройке в Маргиане Александрии упоминает также и Плиний[3]. Поэтому можно считать, что сообщения Квинта Курция отражают какие-то реальные события, происходившие зимой 329 или весной 328 г. до н. э., хотя, возможно, поход в Маргиану и основание там одного или нескольких городков были осуществлены не самим Александром, а кем-либо из его полководцев[4].

В это же время к Александру в Бактрию прибыли посольства сакских племен и хорезмийского царя Фарасмана, причем, согласно Арриану, Фарасман прибыл лично в сопровождении 1500 всадников[5]. Оба посольства предложили Александру союз, а Фарасман прибавил еще, что Хорезм является соседом колхов и амазонок, живущих у Черного моря и если Александр захочет совершить поход в эту сторону, хорезмийцы могут предоставить ему провиант и проводников. Как считает большинство исследователей, в подобном сообщении нель-

---

[1] Квинт Курций Руф, VII, 10, 15. Пагинация по изданию E. Hecliche. 1908.

[2] Сторонником реальности этого похода был известный русский историк-востоковед В. В. Григорьев. См. его статью—Поход Александра Великого в Западный Туркестан. Журнал Министерства народного просвещения, 1881, октябрь, стр. 177.

[3] Плиний. Естественная история, VI, 47.

[4] Об Александрии Маргианской см. W. W. Тарн. Указ. соч., I, стр. 76; II, стр. 234—235; М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. «Вестник древней истории», 1951, № 4, стр. 93. Не к этому ли времени относится основание Александрополя в области парфянской Нисы, о чем сообщает Плиний (VI, 26)? Правда, это сообщение Плиния нельзя считать вполне достоверным источником. См. М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, ч. I, Ашхабад, 1949, стр. 36—37.

[5] Арриан, IV, 15, 4—6; По Квинту Курцию царь Хорезма, ошибочно названный Фратаферном (VIII, 1, 8), ограничился присылкой посольства.

зя не видеть косвенного указания на распространение власти Хорезма на кочевые племена Прикаспия, видимо, в это время в какой-то форме признававшие хорезмийскую гегемонию[1]. Александр от похода отказался, но заключил с Хорезмом и сакскими племенами дружественный союз[2]. Однако то были лишь племена, проживавшие к северу от Сыр-Дарьи, поскольку на территории Согда продолжались действия Спитамена, поддержанного кочевниками. В подавлении этого движения, закончившегося весной 328 г. гибелью самого Спитамена, принимал участие со своим отрядом и парфянский сатрап Фратаферн[3].

Стараясь укрепить свою власть во вновь присоединенных областях, Александр применил кроме жестокого террора и иные методы. Он начал привлекать на свою сторону представителей местной знати. Лица, признавшие македонское владычество, подобные упоминавшемуся Фратаферну, согдийскому Хорену, бактрийскому Оксиарту и др., не только сохраняли свое имущество и владения, но часто и увеличивали их. Александр стремился закрепить свои позиции в покоренных областях Средней Азии и путем брачных союзов. Сам он взял в жены красавицу Роксану, дочь Оксиарта, а один из его полководцев Селевк был женат на Апаме, дочери Спитамена. Вместе с тем в греко-македонскую армию было набрано 30 тыс. юношей из числа местного населения, причем, как отмечают даже древние историки, они должны были одновременно играть роль и воинов и заложников. Применяя подобного рода политические методы, с одной стороны, жестоко подавляя народные движения, а с другой — привлекая на свою сторону местную знать, предававшую интересы народа, Александр сумел укрепить свою власть над частью оседлых областей Средней Азии, в том числе и над оазисами Южного Туркменистана. Летом 327 г. до н. э. греко-македонские войска, перейдя Гиндукуш, направились в поход против Индии. Вскоре после окончания этого похода в 323 г. Александр умер в центре созданной им огромной империи, в г. Вавилоне. Его смерть означала начало нового периода в политической истории стран Востока, в том числе и среднеазиатских областей.

Каково же историческое значение похода Александра Македонского в Среднюю Азию? Прежде всего следует отметить, что этот поход привел лишь к смене одной чужеземной власти властью других иноземных завоевателей. Место ахеменидского «царя царей» занял Александр Македонский, считавший се-

---

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 17—18.

[2] Видимо, именно заключение этого союза имел в виду Юстин (XII, 6, 14), когда писал о подчинении Александру хорасмов и даев.

[3] Арриан, IV, 18, 1.

бя прямым преемником Ахеменидов. В Парфии, Согде и Бактрии были размещены греко-македонские гарнизоны. Поэтому ближайшей исторической задачей оставалось завоевание политической независимости и изгнание иноземных правителей и их гарнизонов. Военные действия, связанные с греко-македонским завоеванием, сопровождались массовыми избиениями жителей и разрушением городов и селений, что нанесло сильный удар стране и ее хозяйству. Правда, видимо, разрушения военных лет в большей степени коснулись Согда и Бактрии, чем Парфии и Маргианы.

Но это была лишь одна сторона последствий похода Александра Македонского. Победа Греции и Македонии над ахеменидским Ираном явилась в значительной мере победой более развитых форм рабовладельческого хозяйства над более отсталыми формами. Во вновь подчиненных областях наследовавшие Александру селевкидские правители основывали города, заселяя их колонистами из Греции, Македонии и из числа эллинизированного населения Сирии и Малой Азии. Создавались благоприятные условия для дальнейшего развития хозяйственных связей, все шире развертывалась торговля, налаживалось регулярное денежное обращение. Все это не могло не способствовать дальнейшему развитию рабовладельческих отношений, игравших в то время прогрессивную роль.

У народов Средней Азии, в том числе и Туркменистана, также стали развиваться новые формы рабовладельческих отношений, что и здесь подготовляло почву для возникновения новой эпохи в истории культуры Востока, известной под названием «эллинистической».

Однако все эти процессы в лучшем случае получили лишь свое начало в бурное время 20-х годов IV в. до н. э. Они развивались впоследствии в иной политической обстановке, а результаты их сказались значительно позднее. Рассматривая же непосредственные результаты похода Александра Македонского, необходимо подчеркнуть, что многие области Средней Азии сильно пострадали от греко-македонского завоевания и что иноземное иго продолжало давить свободолюбивые народы Парфии, Маргианы, Бактрии и Согда. Хорезм же и кочевые племена дахов, массагетов и саков сохранили свою независимость. Это обстоятельство сыграло значительную роль в ходе событий, последовавших за смертью Александра и распадом созданной им державы.

Его огромная империя, включавшая в себя страны от Греции до низовьев Инда, подобно Ахеменидской империи была непрочным военно-административным объединением. Она включила в свой состав страны, стоящие на различном уровне хозяйственного и культурного развития, в том числе ряд стран,

аристократическая верхушка которых стремилась к восстановлению независимости и проведению самостоятельной политики. Стремились вернуть себе независимость и народы, принужденные к внешней покорности лишь силой оружия. Греко-македонские гарнизоны, являвшиеся опорой завоевателей в покоренных странах, требовали возвращения на родину. Так например, когда в 325 г. до н. э. разнесся ложный слух о гибели Александра в тяжелом индийском походе, в Бактрах восстал трехтысячный гарнизон, привлекший на свою сторону местное население и избравший «царем» некоего Афинодора. Основным требованием восставших было возвращение в Грецию и Македонию.

Все эти причины обусловили распад «мировой державы» Александра Македонского, начавшийся вскоре после смерти ее основателя. Наступило время ожесточенных и кровопролитных войн между его полководцами, стремившимися или наследовать Александру в управлении всей огромной империи или, по крайней мере, получить в собственность наиболее богатые и доходные сатрапии.

Первый раздел покоренных стран произошел в 323 г. до н. э. в г. Вавилоне. Согласно заключенному здесь договору правителем Парфии назначался некто Филипп, а правителем Гирканнии — Фратаферн, бывший сатрапом Парфии и Гирканнии еще при Дарии III[1]. По другим источникам Филипп был назначен правителем Согда и Бактрии и получил вместо этих областей Парфию лишь по новому переделу, состоявшемуся в 321 г. до н. э. в Трипарадизе[2]. Возможно, что договор 323 г. сохранял сатрапа, утвержденного еще Александром Македонским, а по Трипарадизскому соглашению этот сатрап был смещен и заменен представителем греко-македонской знати. В 318 г. до н. э. сатрап Мидии Пифон вторгся в Парфию, выгнал Филиппа и поставил во главе страны своего брата Евдама. Однако правители соседних областей, в частности, Персиды (юго-западная часть Ирана), обеспокоенные таким усилением своего соседа, объединились и заставили Пифона очистить Парфию. Наконец, по персепольскому договору 315 г. до н. э. Парфия была отдана Стасанору, до этого управлявшему Бактрией[3] и Согдианой.

Письменные источники, подробно описывающие вооруженные столкновения, происходившие в это время на территории Греции и Передней Азии, почти ничего не сообщают о поло-

---

[1] Юстин, XIII, 3, 20—24.

[2] W. W. Tarn. The Heritage of Alexander. CAH, VI. Cambridge, 1927, p. 470; N. C. Debevoise. A. political History of Parthia, Chicago, 1938, p. 7.

[3] E. Bevan. The House of Seleucus. London, v. I, p. 267.

жении среднеазиатских областей. Вполне возможно, что в условиях ослабления греко-македонских гарнизонов и усиливавшейся освободительной борьбы среднеазиатских народов, договора о перемещении правителей из одной области в другую в ряде случаев оставались соглашениями на бумаге.

Еще в 323 г. до н. э., узнав о смерти Александра, 20 тыс. пехотинцев и 3 тыс. всадников из числа войск, составлявших греко-македонские гарнизоны в Средней Азии, покинули Согд и Бактрию, стремясь возвратиться на родину. Хотя они и были разбиты одним из полководцев Александра Македонского, это событие не могло не привести к ослаблению власти завоевателей в покоренных ими областях Средней Азии. Впоследствии часть военных сил, стоявших в Парфии, Бактрии и Согде, была отозвана для участия в решительных сражениях, происходивших в Сирии и Малой Азии. Активизируется и борьба среднеазиатских народов. Видимо, в это время была разрушена восставшим местным населением Александрия, построенная в Маргиане[1]. Некоторые исследователи полагают, что одновременно был разрушен ряд других поселений, основанных Александром Македонским в Средней Азии[2].

Ожесточенная борьба полководцев Александра между собой привела постепенно к установлению на территории его империи новых государственных образований, одним из которых была держава Селевка I (312—283 г.), захватившего в 312 г. до н. э. Вавилон и присоединившего затем Сирию и среднеазиатские области. Так, около 306 г. до н. э. Селевк завоевал Бактрию[3], после чего он вел не вполне удачную войну с индийским царем Чандрагуптой. Вероятно, незадолго перед этим была подчинена и Парфия. По имени создавшего его завоевателя новое государство получило название Селевкидского.

Среднеазиатские области, вошедшие в состав Селевкидского государства, переживали определенный упадок после кровопролитных войн Александра и последовавшего за ними смутного времени. В этих странах все больше проявлялось недовольство греко-македонским владычеством. Поэтому Селевкиды на первых порах уделили большое внимание своим среднеазиатским владениям. В 292 г. до н. э. сын Селевка I Антиох был назначен соправителем отца на востоке[4]. Резиденцией Антиоха скорее всего был город Бактры, подобно тому, как при Ахеменидах этой областью управляли представители царского

---

[1] Плиний. Естественная история, VI, 16; С. П. Толстов считает, что это событие относится ко времени войны Селевка I с Чандрагуптой, т. е. к 305—303 гг. до н. э. (Древний Хорезм, 231—232).

[2] W. W Tarn. Alexander the Great, v. II. Cambridge, 1951, p. 235.

[3] Юстин, XV, 4, 12.

[4] App. Suriace, 59.

рода[1]. Антиох, сын Селевка от дочери Спитамена, был по своему происхождению наполовину согдийцем. С его назначением соправителем Селевка I наступает этап определенного подъема среднеазиатских областей. Прежде всего, с именем Антиоха связано проведение строительных работ в ряде городов. Известны строительные работы в Маргиане, где центр области, развалинами которого является городище Гяур-Кала, получил название Антиохии Маргианской, а вокруг возделываемых земель оазиса была воздвигнута стена для защиты со стороны степей[2]. Эта стена имела в окружности 1500 стадий, или около 250 *км*. Ее остатки, сохранившиеся в виде оплывшего вала, открыты советскими археологами к северу от города Байрам-Али[3]. Другая Антиохия была основана в верхнем течении Мургаба, видимо, в районе позднейшего Мерверуда[4]. Была укреплена Антиохом и столица Ареи Артакоана[5]. В Бактрах, а возможно и в некоторых других городах, начался регулярный выпуск монеты, причем в отношении бактрийского чекана весьма показательным является следующее обстоятельство. Большинство серебряных монет этого времени чеканилось по аттическому номиналу: вес тетрадрахмы 17 *г*, вес драхмы 4,27 *г*. Однако среди селевкидских монет, выпущенных в Бактрах между 292 и 283 гг., имеются монеты, чеканенные по так называемому индийскому номиналу: вес тетрадрахмы 13,5 *г*, вес драхмы 3,5 *г*[6]. Это показывает, что при Антиохе в Бактрии была произведена реформа, заменившая общегосударственный аттический стандарт другим стандартом, по-видимому, распространенным у местного населения. Хотя это нововведение было недолговечным (вскоре был возобновлен выпуск монет по аттическому стандарту), в нем нельзя не видеть попытку Селевкидов привлечь на свою сторону верхушку местного общества, связанную, в частности, с проведением торговых операций. С заботой о расширении торговли была связана и посылка полководца Патрокла для продолжения начатого Гераклидом по распоряжению Александра Македонского обследования Каспийского моря и выяснения вопроса о том, не соединяется ли оно с Черным морем и Индией[7].

---

[1] Говорс считал, что столицей восточных владений Селевкидов была Ниса. (H. H o w o r t h. The Eastern Capital of the Seleucidae. Numismatic Chronicle, 1888, pp. 297—298). Однако эта точка зрения мало вероятна.

[2] П л и н и й. Естественная история, VI, 16; С т р а б о н, XI, 10, 2.

[3] С. А. В я з и г и н. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ, т. I, 1949.

[4] В. В. Б а р т о л ь д. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 48.

[5] П л и н и й. Естественная история, VI, 33.

[6] B. H e a d. The earliest Graeco-Bactrian and Graeco-Indian Coins. Numismatic Chronicle, 1906, pp. 12—15.

[7] С т р а б о н, II, 1, 17.

Наконец, при Антиохе была проведена административная реформа управления, когда вместо крупных сатрапий, существовавших при Ахеменидах и Александре Македонском, на первый план стали выдвигаться более мелкие административные единицы. Так например, Парфия была разделена на такие области, как Аставена, Парфиена и Апаварктикена[1]. Можно полагать, что эта реформа имела целью облегчить управление завоеванными странами, и в то же время ликвидировать опасность сепаратизма со стороны крупных сатрапий, образующих экономическое и культурно-этническое целое.

Таким образом Селевкиды пытались укрепить свою власть в среднеазиатских областях. Однако начавшийся подъем хозяйства Парфии, Маргианы и Бактрии во многом обусловил все большее стремление их к политической самостоятельности. Этому способствовало также наличие на севере независимого Хорезмского государства и многочисленных кочевых племен, не подчинявшихся Селевкидам и непрестанно тревоживших их своими набегами. Селевкидские государи вступили на западе в тяжелую и продолжительную борьбу с птолемеевским Египтом. Используя создавшиеся условия, правители среднеазиатских областей становились все более независимыми от центрального правительства. В 277 г. до н. э. Антиох I, сменивший в 283 г. своего умершего отца, получил 15 слонов, присланных ему правителем из Бактрии. Но с вступлением на престол Антиоха II (261—247 гг.) политическое обособление Бактрии постепенно усиливается, пока ее правитель Диодот около 250 г. не объявляет себя самостоятельным царем. Видимо, в середине III в. до н. э. становится самостоятельным и правитель Парфии, которого Юстин называет Андрагором[2]. Известны также монеты некоего Андрагора, выпущенные в Парфии в конце IV — первой половине III в. до н. э. Однако пока трудно судить, является ли Андрагор, выпускавший эти монеты, тем самым правителем, которого упоминает Юстин, или то были разные лица[3]. Во всяком случае, монеты свидетельствуют о значительной независимости чеканившего их тогда парфянского правителя. При Андрагоре произошло

---

[1] W. W. Tarn. Seleucid-Parthian Studies. Proceedings of the British Academy, v. XV, 1930, p. 129 и сл.

[2] Юстин, XII, 4, 8.

[3] По поводу этих монет существует большая литература. См. К. А. Марков. Неизданные арсакидские монеты. ЗВО, VI, СПб., 1892, стр. 266 —296. G. F. Hill. Catalogue of the Greek coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. London, 1922, CXLVIII—CLX.

Гипотеза Аллот-де-ла-Фюи, видевшего в Андрагоре бактрийца Оксиарта (Revue Numismatigue, 1910, pp. 284—292) исторически маловероятна. См. W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951, p. 524.

восстание дахских и парнских племен, кочевавших вдоль границ Парфии. Вожди этих племен, братья Аршак и Тиридат, захватили Парфию и убили Андрагора. Греко-македонская власть в стране была окончательно свергнута. Вместо селевкидской сатрапии возникло независимое парфянское государство Аршакидов.

Несмотря на сравнительно неблагоприятные политические условия, хозяйство Парфии, Маргианы и Хорезма продолжало развиваться. Для южных областей Туркменистана в этом отношении особенно характерна первая половина III в. до н. э., время, непосредственно предшествующее образованию независимых государств в Парфии (Аршакиды) и в Бактрии (так называемое Греко-Бактрийское царство). Продолжался дальнейший подъем ирригационного земледелия. В Маргиане именно тогда становится центром оазиса величественная Антиохия Маргианская. Земледелие в этом районе возможно в широких масштабах лишь при наличии плотин и водохранилищ, сооруженных выше по течению Мургаба. Можно предполагать, что в IV—III вв. до н. э. на Мургабе было создано крупное водохранилище, вероятно, находившееся в том месте, где позднее располагалась Султанбентская, ныне Колхозбентская плотина.

Был покрыт густой сетью оросительных каналов и Хорезм, где к рассматриваемому времени относятся такие крупные городища, как Джанбас-Кала и Базар-Кала. Располагавшиеся в пределах города жилые дома были обнесены мощной крепостной стеной, но цитадели на этих городищах еще нет[1]. Культурный слой IV—III вв. до н. э. на территории Хорезма встречен также на городище Калалы-Гыр и в интересной круглой крепости правобережного Хорезма Кой-Крылган-Кала[2]. Находки на этих памятниках свидетельствуют о значительном развитии ремесла. Здесь обнаружена художественная гончарная посуда с рельефами, изображающими всадников, птиц, верблюдов, джейранов, а также найдены различные терракотовые статуэтки.

В связи с развитием ремесла усиливается и значение торговли как внешней, так уже в известной мере и внутренней. Внешней торговле селевкидские правители уделяли большое внимание. Через территорию Южного Туркменистана проходил использовавшийся еще при Ахеменидах торговый путь, соединявший Индию и Бактрию с Двуречьем и Сирией. Начи-

---

[1] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 88—98.

[2] Он же. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. «Вестник древней истории», 1955, № 3, стр. 198—203.

нается в рассматриваемое время и регулярный выпуск монет в Бактрии, а также эпизодическая чеканка монет в Согде и Парфии. Правда, первоначально здесь выпускались лишь дорогостоящие золотые (статеры) и серебряные монеты (драхмы и тетрадрахмы), предназначавшиеся для крупных торговых оборотов. Однако позднее все большее значение приобретает чеканка монет мелких номиналов (оболы и медные монеты), тесно связанных уже с розничной торговлей[1]. Возможно, некоторая часть налогов при Селевкидах имела денежную форму[2].

Развитие ремесла и торговли обусловило и значительное увеличение числа городов, строительству которых, как уже отмечалось выше, Селевкиды уделяли особенное внимание. Часто для заселения городов привлекались греки, македонцы и жители эллинизированных городов Сирии и Малой Азии. Некоторые исследователи стремятся всячески преувеличить значение градостроительной деятельности Александра и Селевкидов, представляя дело так, что эти правители принесли свет греческой городской цивилизации Востоку, который превратно изображается царством сплошной тьмы, где не существовало ничего, кроме общинных деревень и «феодальных» замков[3]. Однако можно легко видеть, что роль мероприятий этих правителей в оживлении городской жизни в странах Востока западноевропейскими исследователями тенденциозно преувеличивается и что они искажают историческую действительность. Поселения, основанные в Средней Азии самим Александром, видимо, первоначально были не более как военными лагерями, чего не отрицают и буржуазные историки[4]. Что же касается строительной деятельности Селевкидов, привлекавших колонистов из других стран, то она, конечно, имела большое значение для развития хозяйства и культуры стран Востока, но своим процветанием города Средней Азии, в том числе Туркменистана, были обязаны отнюдь не только греко-македонским правителям. Как мы видели выше, города

---

[1] Э. Невелл считает, что отсутствие в бактрийском чекане Антиоха I мелких номиналов серебра свидетельствует о том, что уже при этом правителе выпускались медные монеты. E. T. Newell. The Coinage of the Eastern Seleucid mints from Seleucus I to Antiochus III. American Numismatic Society. Numismatic studies, 1938, № 1, p. 243.

[2] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 141.

[3] Английский историк Тарн, описывая поход Александра Македонского в Среднюю Азию, утверждает буквально следующее: «Александр вступил в часть мира, где города были почти совершенно неизвестны... Если Александр желал иметь здесь города, то он должен был их построить». W. W. Tarn. Alexander the Great, v. II, Cambridge, 1951. p. 60.

[4] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, стр. 143.

существовали в Средней Азии еще в середине I тысячелетия до н. э. Их дальнейшее развитие являлось закономерным процессом, происходившим в новых условиях, но имевшим глубокие местные корни, и было связано, в первую очередь, с подъемом ремесла и торговли, расширением товарного производства и обращения. Именно эти явления экономической жизни стран Средней Азии обусловили значительный рост как величины городов, так и их числа. С другой стороны, есть серьезные основания считать, что форма греческого города — полиса, степень распространения которой в Средней Азии еще требует своего исследования, наиболее отвечала степени развития местного общества[1].

Таким бразом, имеющиеся пока еще во многом ограниченные данные позволяют утверждать, что в IV—III вв. до н. э. на территории Туркмении происходило дальнейшее развитие рабовладельческого общества. Многочисленные войны этого времени способствовали увеличению числа рабов. Экономически окрепшая местная знать все более стремилась к политической самостоятельности, чтобы самой эксплуатировать массы рабов и общинников, не делясь доходами с греко-македонскими наместниками.

Большое значение рассматриваемый период имел и для культуры страны. В это время резко усиливается проникновение передовой для своего времени греческой культуры. Греческое влияние значительно сказывается на местном искусстве, что хорошо видно на примере раннехорезмийских терракот. Такие памятники искусства отнюдь не являются плодом слепого подражания греческим образцам, а, напротив, свидетельствуют о творческом их восприятии и переработке местными мастерами. Сложный процесс синтеза двух культур, греческой и восточной, в рассматриваемое время лишь начался, а его наиболее плодотворные результаты сказались много позднее, когда в странах Средней Азии было уже свергнуто политическое господство греков и македонян.

Что же является характерным и главным для рассмотренного периода истории Туркменистана? Этот период относительно короток во времени, но заполняющие его события весьма важны и знаменательны. Этот период в первую очередь был временем перехода рабовладельческого общества Средней Азии на новый этап своего развития, называемый в советской литературе временем расцвета рабовладельческих отношений. В области экономики он прежде всего характеризуется ростом торговли, ремесел и соответственно городов и товарно-денеж-

---

[1] М. М. Дьяконов. Очерки истории Ирана. «Вопросы истории», 1946, №1, стр. 135.

ных отношений. События похода Александра Македонского и постепенное освобождение от селевкидского владычества явились как бы политическим обрамлением этого основного процесса развития общества. Вхождение Парфии, Маргианы и Хорезма в тесный контакт с передовыми рабовладельческими государствами того времени способствовали усилению этого процесса и в ряде случаев придавали ему эллинизированные формы. Подъем хозяйства и экономики и борьба за ликвидацию политической зависимости от иноземных правителей в свою очередь обусловили вторую характерную черту рассматриваемого периода. Это — время все большего роста политической самостоятельности Парфии, Маргианы и Бактрии, приведшего в середине III в. до н. э. к полному освобождению страны от греко-македонского владычества и к созданию суверенного государства Аршакидов. Юг Туркменистана был теперь так же независимым, как и ранее освободившийся север. Эти политические результаты способствовали дальнейшему развитию рабовладельческих отношений.

3. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства

Области Южного Туркменистана были частью той территории, где началось сложение рабовладельческого Парфянского государства Аршакидов. Возникновение его было результатом успешно завершившегося в середине III в. до н. э. освободительного движения местного населения против греко-македонского владычества.

Из слов Трога Помпея можно заключить, что Парфянская провинция отложилась от Селевкидов при их наместнике Андрагоре до захвата власти Аршакидами. В ту же пору отложился наместник Бактрии Диодот, положивший начало существованию Греко-Бактрийского царства. Осуществлявшиеся Диодотом мероприятия с целью обезопасить свои владения от кочевников привели к тому, что часть парнов, входивших в состав дахов и кочевавших тогда вдоль реки Оха[1] (Теджена) вдали от основной массы этого племени, перешла под предводительством Аршака[2], а по другому варианту — двух брать-

---

[1] Реку Ох чаще всего отождествляют с Тедженом. Не исключена возможность, что под этим названием подразумевается обводненное в античное время русло Келифского Узбоя. См. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 10; С. А. Вязигин. Реки Туркмеиистана по сведениям античных географов. «Известия ТФАН СССР», 1946, № 3—4, стр. 38—41; О. М. Джумаев. К истории орошаемого земледелия в Туркменистане, Ашхабад, 1951, стр. 34—43.

[2] Страбон, XI, 9, 2—3.

ев—Аршака и Тиридата, потомков Фриапата, сына Аршака[1], в Парфию, где парны возглавили народное восстание, направленное против бывшего селевкидского наместника, а в то время самостоятельного ее правителя[2]. Он был убит повстанцами, власть перешла в руки парнских вожаков движения, а сама область послужила ядром будущего крупного государства Аршакидов.

Аршак I в парфянском народном костюме.

Основа этого государства была заложена в третьей четверти III в. до н. э. при Тиридате I, причем ядром его владений на первых порах явились области Парфиена (с центром в Нисе, ныне селение Багир, в 18 *км* к северо-западу от Ашхабада); Апаварктикена (область Каахка с прилежащим горным районом) и Астауэна (или Аставена, область по Кешефруду). Вскоре после вступления на престол Тиридату удалось занять еще и Гирканию. Опасаясь нападения как со стороны Селевкидов, так и со стороны Греко-Бактрийского царства, Тиридат заблаговременно создал большое войско

Установление в 239 г. до н. э. мира с птолемеевским Египтом позволило Селевку II некоторое время спустя начать поход на Восток. Военные действия на территории Парфии развернулись в основном в 237 г.[3], протекали вначале не в пользу парфян и вынудили их отступить вглубь пустыни к апасиакам («водным сакам»). Новое завоевание Парфии оказалось, однако, непрочным. Аршакидский государь сумел обеспечить

---

[1] Арриан. Отрывки, 248.

[2] Арриан называет его Фероклом, поставленным еще Антиохом Теосом. Синкел именует его Агафоклом. По восточным источникам, сатрап Парфии в это время носил имя Антеджеша, может быть, соответствующее переданному Юстином как Андрагор.

[3] В русской литературе чаще указывается дата 228 г., взятая из Cambridge Ancient History — IX, 1932, p. 722. Принятая W. Tarn'ом (The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938, p. 74) датировка основана на расчетах путем всяких домыслов возможной даты смерти Диодота I, для точного установления каковой нет никаких исторических данных.

себе левый фланг заключением союза со вступившим на греко-бактрийский престол Диодотом II, а затем возобновить борьбу против Селевкидов. Главной причиной успеха этой борьбы был ее освободительный характер, объединивший народные массы в стремлении сбросить ненавистное чужеземное иго. В генеральном сражении с войсками Селевка II парфянская армия одержала победу. Этот день парфяне отмечали затем как памятную дату своего освобождения.

В первой четверти II в. до н. э. Парфия, остававшаяся еще небольшим государством, в основном развивала экспансию в *западном направлении. Превращение Парфии в крупную дер-*жаву произошло в середине II в. до н. э. в годы правления Митридата I (171 (?) — 138 гг.) С этого времени начинается цепь хищнических завоевательных войн, в которых была заинтересована знать, но не парфянский народ в целом. Первые территориальные приобретения были сделаны за счет Греко-Бактрии, у которой парфяне отняли две мелкие сатрапии — Туривию и Аспиону[1].

Дальнейшее, более значительное расширение границ оказалось возможным в связи с происходившем раздроблением государства Селевкидов на ряд мелких самостоятельных владений. В 50-х годах Митридат завоевал Мидию[2]. Получение большой военной добычи (особенно разграбление храмов в Сузах при завоевании Элимаиды) значительно пополнила парфянскую казну. Занятие же Селевкии на Тигре и провозглашение Митридата «царем Вавилона» явилось внешним выражением превращения Парфии в великую державу древнего мира.

Последовавшее вскоре под натиском кочевников падение Греко-Бактрийского царства принесло немало осложнений всему Парфянскому государству и особенно областям современного Южного Туркменистана. В 30-х —20-х годах II в. до н. э. парфяне вынуждены были вести трудную борьбу с появившимися у их северо-восточных пределов саками, которых они одно время пытались использовать в качестве союзников в войне с Селевкидским государством. Обманутые в своих ожиданиях военной добычи и ожесточенные отказом парфян от выплаты договоренной суммы, саки, прибывшие уже после разгрома селевкидских войск, подняли мятеж. В одной из битв с ними пал аршакидский государь Фраат II (138—129/8 гг.).

---

[1] Страбон, XI, II, 2. Некоторые исследователи отождествляли Туривию с Тапурией. О возможном местонахождении последней см. М. Е. Массон. О северо-восточных пределах Парфянского государства. Краткие сообщения ИИМК, в. XXXVIII, М., 1951, стр. 147.

[2] Юстин, XLI, 5.

Подвергнув жестокому опустошению северные области Парфии, саки повернули на юг и заняли Дрангиану, получившую после того наименование Сакастан (Сакастена, нынешний Сеистан). В северо-восточных областях Парфии погиб и преемник Фраата II, Артабан II (129/8—124 гг.), получивший здесь тяжелое ранение в битве с тохарами[1].

Привести саков к покорности парфянам удалось лишь при Митридате II (124—87 гг.). К середине последней четверти II в. до н. э. после нескольких сражений Сакастена была превращена в парфянскую сатрапию. Примерно тогда же прочно были завоеваны вся Ария и Маргиана. С этого времени вплоть до 30-х годов I в. до н. э. Парфянское государство переживало пору наивысшего развития своей мощи и военных успехов. При Митридате II значительно расширяются пределы Парфии, в состав которой были включены, между прочим, часть Армении и некоторые отвоеванные у тохаров области на северо-востоке. По договору Парфии с Римом границей между этими двумя мировыми державами был признан Евфрат. В 92 г. Сулла добивается союза с парфянами, чтобы общими усилиями разгромить в Малой Азии Понтийское царство. В 88 г. *был захвачен в плен селевкид Димитрий II Филопатор.*

Из Парфии дипломатические посольства выезжали и в Рим и в Китай. В китайской официальной хронике, на основании данных китайских дипломатических агентов конца II—I вв. до н. э., отмечается, что Парфия (Аньси) «имеет в своем владении около ста больших и малых городов, занимает обширное пространство земель и считается величайшим государством»[2]. Митридат II первым из аршакидских государей присваивает себе титул «царь царей». Парфия в ту пору представляла могущественную рабовладельческую монархию, внешний блеск которой покупался ценою беспощадного ограбления народов Ирана, Месопотамии, Армении и эксплуатации своего собственного народа.

В 65 г. до н. э. из-за обладания спорной Кордуеной произошло первое вооруженное столкновение между Римом и Парфией, положившее начало длительной борьбе между этими государствами. Апогея успехов своего оружия Парфия достигла в середине I в. до н. э. при Ороде I (55—38/37 гг.). В мае 53 г. парфянский полководец из рода Сурен нанес решительное поражение римской армии Красса, из которой более половины пало в битвах, около четверти с трудом пробилось

---

[1] Юстин, LXII, II, 1—2.

[2] История Старшего дома Хань. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М. — Л., 1950, стр. 183.

Мраморная статуя из Старой Нисы (из материалов ЮТАКЭ).

в Сирию и около 10 тыс. человек было взято в плен. Эти пленные римские солдаты на несколько десятков лет были размещены на поселение в Маргиане, а захваченные значки-сигнум римских легионов были розданы по парфянским храмам для хранения в виде трофеев. Несколько лет спустя у Парфии искали помощи во внутренней междоусобной борьбе римские полководцы Помпей, Брут и Кассий. После покорения всей Сирии, Палестины, районов финикийского побережья и части Малой Азии Парфия на некоторое время оказалась обладательницей значительной части земель Древнеперсидского царства Ахеменидов, за исключением, впрочем, почти всех стран Средней Азии.

Пора с 30-х годов до н. э. до конца первого десятилетия н. э. была временем политического и экономического ослабления Парфянского государства. Внешне он был ознаменован рядом военных поражений, приведших к гибели наиболее талантливых полководцев парфянской армии, к отречению от престола Орода I и его убийству собственным сыном Фраатом IV, в 37 г. После победы парфян в 36 г. над вторгшейся в страну армией Антония, которая понесла большие потери убитыми и пленными, борьба с Римом шла с переменным успехом. В ходе династических смут соперники прибегали к помощи саков. В 20-м г. до н. э. парфяне оказались вынужденными заключить с Октавианом Августом мирный договор. Развернувшаяся среди парфянской знати борьба за власть, сопровождавшаяся свержением, изгнанием и убийством претендентов на престол, привела к полному истреблению всех членов царской семьи по мужской линии из старшей ветви парфянских Аршакидов.

Второй большой период в истории Парфии характеризовался новым направлением в политике и иным течением в развитии местной парфянской культуры.

Своим орудием для проведения нового курса политики парфянская знать наметила Артабана — правителя Мидии и зятя покойного Фраата IV. Поддержанный вельможами, Артабан в 10 г. н. э. поднял восстание, вынудил бежать римского ставленника на престол Вонона и сам был провозглашен царем. Оправдывая в той или иной мере возлагавшиеся на него надежды, новый государь, положивший начало так называемой младшей ветви Аршакидов, царствовал тридцать лет, в трудных обстоятельствах дважды лишаясь престола.

Когда в 35 г. римские войска вторглись глубоко в Парфию и заняли ее столицу Ктесифон, Артабан перенес свое местопребывание в северо-восточные провинции. Здесь, в Гиркании, он оставался до 36 г., пока столица государства не была освобождена от врага. Здесь же разыгрались события, связан-

ные с борьбой приемного сына Артабана III, Готарза, с его братьями, особенно с Варданом I (41—45 гг.). Готарз базировался в основном на северные области и опирался на гирканцев и дахов. Вызванное им движение оказалось настолько серьезным, что вынудило противника перебросить свои главные силы на крайние северо-восточные границы государства («поля Бактрии» у пределов Маргианы). После достигнутого между братьями временного соглашения Готарз направился в Гирканию, где, поддержанный военной знатью, опять стал концентрировать около себя войска. Вардан снова вынужден был выступить на север, разбил армию соперника при переходе через реку Эринду (или Харинд) и после нескольких сражений подавил сопротивление «народов, проживавших между Эриндой и рекой Синд, на границе дахов и ариян»[1].

Положение в северо-восточных областях не раз влияло на политику Парфянского государства в целом. Из-за волнений среднеазиатских кочевников на восточных окраинах Вологазу I (51—77/8 гг.) приходилось идти на вынужденный сговор с римлянами. Так, в частности, было достигнуто решение, касавшееся Армении, где в конце концов укрепился брат Вологаза — Тиридат, признанный Римом и положивший начало династии армянских Аршакидов, сохранившей в своих руках власть до 428 г.

Вторжение большой группы дахов и саков в коренные земли Парфии, которые они предали грабежу, заставило Вологаза прервать однажды военные операции против подчиненного владения Адиабены[2].

Весной 61 г., после упорной борьбы с Гирканией, Аршакиды вынуждены были признать ее автономию. Вслед за ней обособился также ряд других провинций, в том числе и Маргиана.

Особое положение занимали более восточные области, прилегавшие к Аму-Дарье и входившие ранее в состав Греко-Бактрийского царства. После его падения они в конце II—начале I вв. до н. э. постепенно оказались в значительной части занятыми тохарами (юэчжи). В связи с образованием в первой половине I в. н. э. мощного Кушанского государства, объединившего при Кадфизе I все пять разрозненных кушанских владений, упомянутые области вошли в его состав. Этот правитель при расширении границ своего государства, по данным китайской хроники, «начал воевать с Аньси», т. е., оче-

---

[1] Тацит. Анналы, XI, 8—10; у Аммиана Марцеллина — река Charindas (XXIII, 6)

[2] Иосиф Флавий, XX, 4, 91.

видно, вторгся в пределы ослабленной внутренними раздорами Парфии[1].

Ничем не подтверждается предположение, будто кушаны захватили низовья Мургаба еще до завоевания Кабулистана. Наоборот, археологическое изучение развалин городов и селений парфянского времени на территории Маргианы убеждает, что последняя и в первых веках нашей эры имела тесные экономические, политические и культурные связи с коренными землями Парфии. Но появление на восточных пределах аршакидской Парфии нового крупного рабовладельческого государства кушан имело большие последствия для ее истории на протяжении всего второго периода.

Попытки аршакидских государей во второй половине I в. н. э. по возможности поддерживать «добрососедские отношения» с Римом, а также сорокалетний мир с ним с 122 г. по 162 г. обусловлены были в известной мере появлением опасного соперника на Востоке в виде Кушанской державы. Вероятно, именно боязнь активных захватнических действий с ее стороны вызвала отправку в Китай в 87 г. парфянского посольства на предмет выяснения возможности получить союзника против общего врага, поскольку расширение Кушанского государства в сторону Восточно-Туркестанских областей затрагивало интересы Китайской империи.

Заключительный этап в истории Парфянской державы — с конца II по начало III вв. н. э. — характеризуется распадом самой государственной системы при окончательном ослаблении центральной власти. Ему сопутствуют падение торговли с Китаем, усиление нажима кочевых племен с севера и участившиеся столкновения с Римом.

Перед самым концом Парфянского государства почти все провинции управлялись самостоятельно или правителями из числа боковых ветвей Аршакидов, или чаще «царями племен» и наследственными владетельными династами из местной родовой знати. Даже в областях, оставшихся в подчинении центрального правительства, одновременно правили два государя: Вологаз V и Артабан V. Судя по часто встречающимся в Средней Азии монетам Вологаза V, северные земли Парфии, в том числе и сама Парфия, входили в состав его владений.

Роль главного «могильщика» Аршакидского государства выпала на долю области Персида (Фарс), где незадолго до этого власть перешла к потомкам Сасана. Один из них, Арташир, успешно закончивший объединение в своих руках всех земель Фарса, в двадцатых годах III в. возглавил борьбу про-

---

[2] История Младшего дома Хань. Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 227.

тив Артабана V. Произошли три сражения, в последнем из которых Артабан был убит. Этого было достаточно для окончательной гибели Парфянского государства в 224 году[1].

Население, жившее на территории современного Туркменистана в пору существования Парфянского государства, было пестрым по своему составу. В смысле антропологическом в южных районах продолжал значительно преобладать древний местный европеоидный долихокранный тип; в северных (нынешняя Ташаузская область ТССР) и в восточных (приамударьинских) — большой процент должен был приходиться на брахицефальный европеоидный тип[2].

О племенном составе населения северо-восточных провинций Парфянского государства можно судить по очень отрывочным сведениям. В перечне племен, живших восточнее Каспийского моря, между Гирканией и рекой Охом, Страбон, отмечая главнейшие народности, занимавшие земли оседлой культуры, называет «народы»: парфянский, маргианский и арианский[3]. Все они около начала нашей эры представляли уже собой собирательное наименование для обозначения объединений различных родственных общеязычных племен, проживавших на какой-нибудь одной территории. Лежавшие к северу степные пространства занимали, по словам того же автора, «скифские и кочевые племена», причем «большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями (дахами)». Дахи составляли конфедерацию, в состав которой входили апарны или парны (проживавшие ближе остальных к Каспийскому морю и Гирканнии), ксандии и писсуры (обитавшие восточнее первых вдоль Ахала и Атека — вплоть «достраны, лежащей против Арии»[4]). Среди дахов не все были кочевниками-скотоводами. Это явствует уже из косвенного показания, что они давали хороший контингент воинов-пехотинцев, тогда как кочевники обычно выступали как всадники. К северу от Кизыл-Атрека на территории Мешхеди-Мисрианской равнины, еще в средние века сохранявшей древнее наименование Дехистан (Дахистан), установлено наличие развитой ирригационной сети, функционировавшей в пору рабовладельческого общества. Основание здесь главного города ранне-средневековые источники приписывали деятельности Аршакида Нарсе, принадлежащего к дому Готарза и, видимо,

---

[1] См. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 18; Н. В. Пигулевская. Иран в III веке нашей эры и возникновение городов. Ученые записки ЛГУ, № 195, Л., 1956, стр. 117—118.

[2] См. Л. В. Ошанин. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен, «Известия АН ТССР», 1952, № 4, стр. 27—34.

[3] Страбон, XI, 8, I.

[4] Страбон, XI, 7, I; XI, 8, 2.

являвшегося одним из наследственных правителей Гирканин конца I — начала II в. н. э.[1]

Далее к северу и востоку обитали различные племена массагетов и саков. На окраинах культурных земель по нижнему и среднему течению Аму-Дарьи проживали оседлые хорезмийцы и бактрийцы.

Парфяне искони обитали в трех областях: Парфиене, Апаварктикене и Астауэне. Это древний народ, по имени которого называлась область Парфиена, а в дальнейшем все Аршакидское государство в целом; часть Копет-Дагского хребта именовалась горами Партау[2]. Борьба парфян за свою самостоятельность против Ахеменидского государства, стоившая им больших потерь в людях (только в одном сражении с войсками Дария у Патиграбаны[3] в пределах Парфии потери убитыми и пленными исчислялись цифрой свыше 11 тыс. человек), и их участие в качестве конных воинов в ахеменидских армиях, а в войске Ксеркса, по Геродоту, и в составе пехоты, рисует их как воинственный и свободолюбивый народ. Вместе с тем, соседство с обширной безводной пустыней Кара-Кум, через которую, по словам Страбона, «приходили народы в продолжительных странствиях, совершая вторжение в Гирканию, Нисаю и равнины парфян», приводило оседлое население последних к столкновениям с кочевниками. Постоянные чередующиеся нападения с обеих сторон, захват добычи, выплата дани, заключение и нарушение соглашений — такова внешняя сторона их взаимоотношений, по свидетельству того же греческого автора[4].

Основная масса населявших Парфию кочевников была родственна парфянскому оседлому населению. Это еще один пример, подтверждающий выясненное К. Марксом положение, что «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»[5]. Однако

---

[1] J. Markwart A Catalogue of the Provincial Capitals of Eranshahr. Analekta orientalia, 3, Roma, 1931, pp. 12, 53, 55.

[2] Павел Оросий, I, 36; Ср. средневековое название Парау, в арабской транскрипции — Фарау (искаженное европейскими ориенталистами в «Фераве»); также современное наименование мазара Парау-би-би к юго-западу от Кизыл-Арвата.

[3] Сопоставление Е. Херцфельда Патиграбаны с названием современного селения Багир (E. Herzfeld. Medisch und Partisch. Archeologische Mitteilungen aus Iran. B. VII. H. I, 1934) не имеет под собой солидного основания. Это текинское селение сложилось на территории пришедшего к началу XIX в. в упадок города Нисы и получило свое название лишь несколько более ста лет назад.

[4] Страбон, XI, 8, 3.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 73.

эти кочевники и в ту пору не были совершенно однородны по своему племенному составу, пополняясь выходцами из соседних стран, по тем или иным причинам вынужденными оставлять прежние места обитания. После захвата власти Аршакидами парны легко смешались с родственными жителями Парфиены и на них перешло наименование «парфяне». С течением времени это название распространилось и на другие родственные племена, покоренные или мирно вошедшие в состав народа-победителя. В первую очередь это коснулось кочевников к северу от Копет-Дага, которые в представлении Плиния были «потусторонними парфянами»[1]. После образования крупного государства парфянских Аршакидов термином «парфяне» соседние народы стали обозначать и других жителей страны, подразумевая под этим подданных Парфянской державы.

Соответственно с изменением содержания термина «парфяне» расширилось и значение термина «Парфия». Если прежде им обозначалась собственно одна относительно небольшая область Парфиена, то уже при первых Аршакидах он распространился на всю территорию, получившую в III в. н. э. при Сасанидах название Хорасан («восток»), которое сохранило в полном объеме свое значение, как географический термин в средневековой и более поздней арабо-персидской литературе, для обозначения коренных земель древней Парфии[2]. У соседних народов, входивших в соприкосновение с Аршакидской державой, термин «Парфия» получил широкое политическое значение, в который вкладывали понятие обо всем обширном Парфянском государстве.

Весь массив дахо-парфянского населения северо-восточных провинций Парфянской державы, включавший в себя, помимо дахо-парфянских, еще и другие племена, в том числе массагето-сакской группы, был не только смешанным по своему этническому составу, но и неоднородным по своему хозяйственному и бытовому укладу. Его составляли большие группы оседлых земледельцев и кочевников, а также значительно меньшие по численности полуоседлые скотоводы и более отсталые горные племена, в хозяйстве которых видную роль играла охота. О горных племенах Маргианы и Арии известно, что они жили в шалашах[3] и что занимавшее горную область от Маргианы до самых Бактр племя мардов отличалось независимостью и дикостью[4].

Территория современного Южного Туркменистана включает частично или полностью следующие северо-восточные обла-

---

[1] Плиний, VI, 25.

[2] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 42.

[3] Страбон, XI, 10, 1.

[4] Плиний, VI, 46.

Мраморная статуя из Старой Нисы (из материалов ЮТАКЭ).

сти Парфянского государства: Дахистан, Парфиену, Апаварктикену и Маргиану. Дахистан, представлявший собою обособленную область, отделенную от Гиркании степью Дешт-и-Гурган, вначале, вероятно, был самостоятельной сатрапией. Судя по комплексам археологических памятников, в его состав входили земли по Атреку, по Сумбару с частью горного района до Беурмы на северо-востоке. Мешеди-Мисрианское плато имело тогда свою развитую ирригационную систему с преимущественным использованием воды из Атрека, перебрасывавшейся по акведуку через Сумбар. Дахистан в пору автономного существования полусамостоятельного Гирканского владения, видимо, входил в его состав. Через Дахистан с севера на юг пролегала торговая дорога из Хорезма через Кара-Кумы в Гирканию, разветвляясь далее по нескольким направлениям.

Восточнее начиналась Парфиена, вытянутая с запада на восток и включавшая земли позднейшего Ахала с прилежащим южным горным районом. Более бедная в природном отношении, чем Гиркания и Маргиана, Парфиена обращала на себя внимание весьма резкими колебаниями климата[1]. Около двух тысяч лет назад ее горы были значительно облесены[2]. При ином режиме наземных и подземнотекущих вод имелась возможность орошать несколько большие площади, чем это бывало позднее, но все же обработанные земли составляли незначительный процент всей ее территории.

Через Парфиену проходила большая оживленная дорога, имевшая международное значение. Она являлась срединным отрезком сухопутного, так называемого «шелкового пути», по которому совершали свои медленные многомесячные рейсы вооруженные караваны с товарами дальнего следования, связанные с международной торговлей между Китаем, Индией и Европой. В пределах Парфянского государства эта дорога, по данным, относящимся к концу I в. до н. э., начиналась у западных границ на Евфрате, шла через Экбатаны в Гирканию, проходила по Парфиене, Апаварктикене, Маргиане, затем, *отклоняясь на юг, через Арию, Дрангиану и Сакастену, достигала* Арахозии (области современного Кандагара), где тогда была восточная граница парфянских владений. Эта дорога пролегала по 19 сатрапиям. Считалось, что в границах Пар-

---

[1] Говоря о резкой смене в Парфии температур, Юстин отмечает одновременное наличие на горах снега, а в равнинах страшной жары. Юстин, XI, I, 1.

[2] «Парфия невелика... лесиста, гориста и бедна». Страбон, XI, 9, 1.

фии она тянулась на 685 схойн[1]. Отрезок ее в пределах Парфиены исчислялся в 25 схойн, т. е. около 140 *км*.

Из Астауэны, находившейся к югу от Парфиены, дорога шла по горному ущелью, в шести схойнах от которого (около 33 *км*) располагался главный город Ниса или Парфавниса, известный грекам под названием Нисайя (на землях селения Багир близ Ашхабада). В шести схойнах западнее дорога пересекала небольшой город Гатар, располагавшийся там, где теперь находятся развалины крепости у поселения Анау XIX в. Многогранная площадь возвышающегося укрепленного парфянского городища имеет около 9 *га*. Пройдя отсюда примерно 5 схойн, попадали в Сирок. Это был укрепленный городок меньших размеров, чем предыдущий; его развалины находятся близ селения Гяурс.

На протяжении пути по Парфиене, по данным дорожника Исидора Харакского, деревень не было, кроме одной, называвшейся Сафри[2]. Она располагалась на восточной окраине области и для античных авторов служила определенным географическим ориентиром. Примерно от ее долготы западные хребты Копет-Дага носили уже иное название[3]. Археологически установлено, что на территории Парфиены имелось множество других крупных населенных пунктов, не упомянутых в дорожнике лишь потому, что они находились в стороне от «шелкового пути» и не были связаны с местами остановок караванов. Среди них были и крепости, обладавшие сильными фортификационными сооружениями, и укрепленные, разбросанные на большой площади сельские поселения. Примером последних может служить парфянская деревня, развалины которой расположены в 1,5 *км* к востоку от конца ущелья Чули (западнее Ашхабада). Площадь ее застройки, примерно в 3 *га*, обнесена стеной, имеющей в плане вид пятиугольника.

К востоку от Парфиены начиналась область, носившая название Апаварктикена[4] (у Плиния—Апавортена), иногда входившая в ее состав, а в конце I в. н. э. бывшая на положении особой сатрапии. Она также была вытянута с запада на восток, а на юге включала значительную горную полосу. «Шелковый путь» пролегал по ее северным подгорным оази-

---

[1] Исидор Харакский, 1—18. Известны три схойны: малая (около 5.5 *км*), средняя (около 6 *км*) и большая (около 11 *км*). В дорожнике Исидора Харакского исчисление ведется на средние или даже, вернее, на малые.

[2] Исидор Харакский, 12.

[3] Ср. Селение Сафия «между дахами, сакаравками и парфиенами», упомянутое Павлом Оросием, I, 43; См. также Птолемей, VI, 10, где приводится, по-видимому, в искаженной форме, название «гор Сарифы».

[4] Плиний, VI, 46.

сам на протяжении 27 схойн (около 150 *км*) и, следовательно, весь Атек входил целиком в состав Апаварктикены. Местонахождение ее главного города Апаварктика еще не установлено.

Местами следующих остановок караванов в сторону Маргианы были город Рагав и две деревни, расстояние между которыми составляло около 30 *км* и местоположение которых пока не установлено[1].

За Апаварктикеной «шелковый путь» вступил в Маргиану, о которой Плиний писал, что со стороны других областей «подступы к ней затруднены песчаными пустынями» протяжением около 100 *км*. Площадь ее оазиса считалась имеющей в окружности до 160 *км*, климат пользовался исключительной славой, и сама она ошибочно признавалась единственным из тех мест, где «вызревает виноград»[2]. Объяснение того обстоятельства, что Маргиана вместе с Арией являлись «самыми лучшими местами в этой части Азии» усматривали в том, что, во-первых, их обступают горы, во-вторых, — «что места жительства имеют на равнинах»[3].

Для остановки караванов международного «шелкового пути» автор дорожника указывает в Маргиане только один ее главный город, Антиохию[4], имевшую в то время эпитет «Эндрос» (снабженная водой, полная водой). Указание Исидора Харакского в разделе, посвященном Маргиане, — «деревень нет» — не следует понимать буквально. Смысл этих двух слов заключается в том, что на протяжении 30 схойн пути по Маргиане и окружающим ее пескам караваны, после совершения однодневных переходов, не могли рассчитывать на остановки в населенных пунктах, ибо таковых там не было, и что ночные привалы приходилось совершать в безлюдных урочищах, очевидно, у колодцев.

В отношении занятой маргианцами области в целом имеется прямое указание, что «хотя большая часть их земель пустынна, вследствие недостатка влаги, у них есть, однако, несколько городов»[5]. Наиболее полный перечень городов парфянской Маргианы с указанием, правда, далеко не точным, их координат приведен автором первой половины II в. н. э. Клавдием Птолемеем. Размещая их между 102 и 106° восточной долготы, он дает названия следующих девяти городов, считая с юга на север: Нигея (Нисея), Гуриана, Рея, Антиохия, Маргиана, Иасоний, Аргадина (Арадена), Сена (Сина), Арата и

---

[1] Обоснование возражений против высказывавшегося отождествления Рагава с Серахсом. См. Труды ЮТАКЭ, т. II, стр. 30.

[2] Плиний, VI, 46.

[3] Страбон, XI, 10, 1.

Исидор Харакский, 14.

[5] Аммиан Марцеллин, XXIII, 6.

Ариака[1]. К числу наиболее известных из них, вероятно, по величине и значению, причислялся наряду со столицей Иасоний[2], местоположение которого по координатам указывается к северо-западу от Антиохии Маргианской[3].

Работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции впервые открыты на территории Маргианы города и селения парфянского времени в бо́льшем количестве, чем указано в списке Птолемея. Развалины их концентрируются преимущественно севернее былой столицы. Установлено, что в пору рабовладельческого общества в основном было обжито правобережье низовьев Мургаба, а левобережью удалялось самое незначительное количество воды из этой реки, почему здесь и не сложилось большого числа поселений. Вместе с тем, выяснено, что во время существования Парфянского государства возведенная в III в. по распоряжению селевкидского правительства стена, служившая для ограждения оазиса от набегов кочевников и одновременно в качестве заслона от надвигающихся песков, уже не являлась границей культурных земель. Русла каналов кое-где были выведены за ее пределы, и здесь появились в связи с этим новые поселения. Некоторые населенные пункты парфянского времени сложились на месте бывших задолго до того поселений родового общества, другие появились уже в пору существования государства Аршакидов. В частности, это касается целого ряда укрепленных городов Маргианы первых веков н. э. Для этих городов типично наличие четырехугольной крепости, — вместилища гарнизона, арсенала, иногда дворца правителя и убежища для обитавших вокруг нее жителей. Густо заселенная внешняя часть поселения обводилась часто наружным кольцом стены, овальной в плане, вытянутой в зависимости от направления магистральных каналов[4] .

Самым большим городом Маргианы и всех северо-восточных провинций Парфянского государства был Мерв. Он славился еще в пору раннерабовладельческого общества, когда его ядром была мощная многогранная крепость Эрк-Кала площадью около 0,2 *кв км*, под прикрытием которой постепенно обживалась обширная прилежащая территория, но окончательно оформился как крупный среднеазиатский рабовла-

---

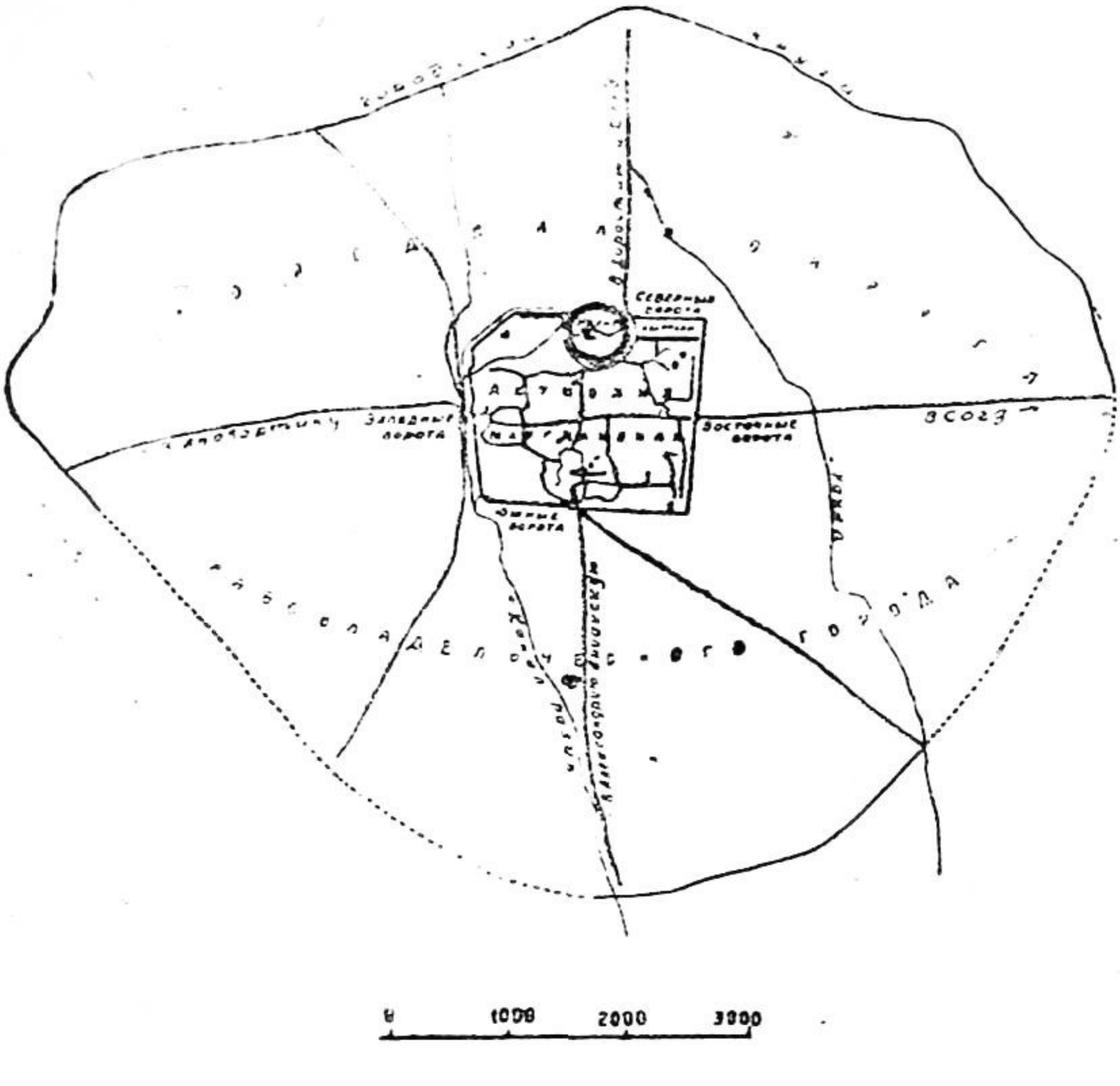
[1] Птолемей, VI, 10. Если Нигея соответствует Нисайе Парфянской, то, очевидно, она попала в перечень маргианских поселений по недоразумению.

[2] Аммиан Марцеллин, XXIII, 6.

[3] В противоречии с этим находится второе показание Птолемея, что «у этого города соединяется с Маргом другая река, текущая с гор Сарифов». Она заставляет искать Иасоний южнее Антиохии Маргианской — у места впадения в Мургаб р. Кушки.

[4] Установлено работами ЮТАКЭ 1952 г.

дельческий город, по-видимому, лишь в системе Парфянского государства. Старая крепость Эрк-Кала выполняла функции цитадели-арка. Здесь на центральном холме устроены арсенальные печи для обжига глиняных ядер.

Мерв парфянского времени (из материалов ЮТАКЭ).

Собственно город (ныне Гяур-Кала) занимал приближающуюся к четырехугольнику площадь примерно в 3,5 *кв км*, обнесенную мощной стеной, свыше сотни башен которой не отступали наружу от общей линии фаса. Во внутренней планировке города отмечается известная регулярность, определявшаяся пересекающимися главными уличными магистралями, которые отходили к центру от четырех городских ворот. Один из каналов, питавший водой часть города и крепость, был про-

пущен внутрь Мерва в северном отрезке западного фаса; второй имел ввод у юго-западного угла городской стены.

В застройке внутренних кварталов явно отмечается классовая дифференциация. Несколько изолированно стояли богатые дома — дворцы крупных рабовладельцев, привилегированных граждан города из числа аристократии и отчасти купцов. Обособленно, в отдельных кварталах размещаются домики различных мелких производителей, свободных ремесленников, совмещающие жилую площадь с мастерскими-лавками. Город имел несколько значительных площадей для базарной торговли и приема караванов. За пределами собственно города располагались земли городской округи. Тут размещались обширные усадьбы рабовладельцев, храмовое хозяйство, участки общинников, виноградники, поля, бахчи, сады. Они образовывали полусельский пригород, обведенный огромной глинобитной стеной крепостного типа со многими воротами, которая охватывала площадь свыше 60 *кв км*[1]. Протяжение этой внешней стены Антиохии Маргианской, сохранившейся в виде прерывающегося кое-где вала Гилякин Чильбурдж, было не менее 27 *км*, т. е. по крайней мере на 9 с лишним километров больше, чем самое обширное кольцо стен Рима в конце III в. н. э. при Аврелиане.

Своим исключительным развитием Мерв был обязан не только тому, что являлся главным городом богатого оазиса и столицей автономного владения (во второй половине правления Аршакидов), но и своему положению на «шелковом пути», который разветвлялся здесь по нескольким направлениям. В конце I в. до н. э. главным путем на Индию являлась шедшая вначале вдоль Мургаба дорога на Ариану и далее к современному Кандагару. Не меньшее значение для мировой торговли имели дороги на Китай, из которых одна отходила на Балх, а другая на Амуль (Старый Чарджоу) и далее на Согд.

Несколько иной характер имела Ниса, или, как ее называли греки, Парфавниса, главный город Парфиены, выросший, как показало археологическое изучение, на месте поселения родового общества. В государстве Аршакидов Ниса была вполне развитым рабовладельческим городом, уступая Антиохии Маргианской по размерам, но, подобно ей, состоя из трех частей. Собственно город занимал имевшую изломанный периметр возвышенную территорию, площадью около 18 *га*, заключавшую в южной части еще более возвышающуюся пятиугольную в плане цитадель. Она могла служить последним

---

[1] Подробно о выясненной ЮТАКЭ исторической топографии Антиохии Маргианской см. М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. «Вестник древней истории», 1951, № 4, стр. 89—101.

Мраморные женские головки из Старой Нисы (из материалов ЮТАКЭ).

убежищем в случае захвата города неприятелем, в связи с чем была обнесена очень высокой стеной с одними воротами. Внутри крепости имелись: собственный источник водоснабжения, укрепленный замок правителя области, административные учреждения, казармы, храмы и местные святыни. От античных акрополей ее отличает наличие большой жилой застройки, связанной с домами рабовладельческой знати. Тут обычны небольшие, частного пользования зернохранилища и «хумханы» (хранилища для вина). Остальная площадь городища, обнесенная толстыми стенами с башнями, имела одни ворота в северо-восточной части.

Проезд между воротами города и цитадели, деливший всю Нису надвое, являлся главной уличной артерией. Внутригородская территория в основном включала жилую застройку. Здесь также было немало домов рабовладельческой аристократии и богатых купцов, о чем свидетельствуют находки разнообразных предметов роскоши. В северной части города, неподалеку от ворот, располагался некрополь парфянской знати, функционировавший в течение нескольких столетий; тут находились специальные культовые сооружения. Отмечается обособленная концентрация кварталов ремесленников, в частности к западу от цитадели.

Значительно меньшая, чем у Мерва, городская округа Нисы также была обнесена глинобитной стеной с несколькими воротами. Общее ее протяжение было не менее 7 *км*. Территория этой округи, как и у главного города Маргианы, имела характер полусельского пригорода. Благодаря большему, по сравнению с теперешним, количеству наземно текущих вод ближайшие окрестности Нисы парфянского времени были в большей мере орошены и хорошо озеленены[1].

К юго-востоку от Нисы, почти тотчас за стеной городской округи изолировано располагалась крупная крепость особого назначения, служившая одной из резиденций парфянских царей и, вместе с тем, их родовой усыпальницей. Судя по выкопанным здесь документам II—I вв. до н. э., тут же было местопребывание сатрапа (хшатрап или пехата), возможно, из рода Аршакидов. К этой крепости, именуемой теперь «Старой Нисой», являвшейся своего рода династическим заповедником, относятся слова Исидора Харакского в описании Парфавнисы: «там находятся царские гробницы»[2]. Городище Старая Ниса расположено на естественном холме, в известной мере обжи-

---

[1] Описание Нисы и ее историю, выясненную в результате работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, см. в ряде статей, помещенных в I томе Трудов ЮТАКЭ, Ашхабад, 1949.

[2] Исидор Харакский, 12.

том до образования государства Аршакидов, при которых холм был искусственно выравнен в виде мощной платформы. Старая Ниса занимает площадь в виде вытянутого с севера на юг неправильного пятиугольника, примерно в 14 *га*. Ее стены имели вдоль всех фасов и на углах 43 выступавших наружу башни. Почти вся территория Старой Нисы была густо застроена. Особо выделяются два архитектурных комплекса. Южный слагается из дворцово-храмовых сооружений, а северный состоит преимущественно из специальных строений: огромного многокомнатного здания — сокровищницы, многочисленных крупных хранилищ для вина, разных подсобных помещений. Вдоль крепостных стен шли помещения арсенального назначения, казарм, конюшен. В фортификационном отношении Старая Ниса представляла сильную крепостную твердыню. В связи с культом династии Аршакидов она приобретала в Парфянском государстве кроме того особое значение. Поэтому в царской крепостной резиденции, наряду с гарнизоном и разнообразным придворным штатом из светских лиц, постоянно находились многочисленные жрецы. Называлась она Митридатакерт («крепость Митридата»).

Материальной базой экономики северо-восточных областей Парфянского государства являлось сельское хозяйство. Однако скотоводством занимались не только кочевые и полуоседлые племена, но и земледельцы. Наряду с разведением крупного и мелкого рогатого скота, важными отраслями животноводства являлись верблюдоводство и коневодство, поставлявшие основные средства передвижения и перевозок.

Равнины Туркменистана вдоль северного склона Копет-Дага (наряду с Индией и Арменией) считались одним из главных районов разведения породистых лошадей. Потомками этих животных, составлявших славу парфянской кавалерии, являются современные породы прекрасных туркменских коней[1]. Среди отраслей производства, связанных со скотоводством в хозяйстве коренных земель Парфии, письменные источники отмечают ковроделие и выделку кож. Вытканные из мохнатой шерсти особой выделки парфянские ковры были известны в Риме[2] и, вероятно, генетически являлись предшественниками современных туркменских ковров.

Значительно большее значение имело земледелие. Только на нем фиксируют свое внимание китайские посланники, когда в своих донесениях, расчленяя сведения о западных зависящих от парфян землях (Тяочжи) и о собственно Парфянском государстве (Аньси-Ансак, т. е. владение аршакидского царя),

---

[1] См. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 20—22.
[2] Плиний, VIII, 48, 192.

сообщают: «Там ведут оседлую жизнь и занимаются земледелием: сеют рис и пшеницу, делают вино из винограда»[1]. При нехватке воды для полива, культура риса была возможна лишь кое-где и в ограниченных размерах. Наоборот, другие зерновые культуры, виноградарство и виноделие были широко распространены.

Обилие винограда в древности расценивалось как наиболее яркий пример плодородия той или иной страны[2]. Античные авторы сообщают о высокой культуре виноградарства в Маргиане. Ахеологические исследования установили наличие виноградарства и виноделия также в долине Сумбара, в Апавархтикене и особенно в Парфиене. Согласно открытым за последние годы советскими учеными парфянским документам II—I вв. до н. э., в это время в окрестностях Нисы были десятки виноградников. Некоторые из них, судя по количеству вина, представляемому ими в порядке годового взноса (2 тыс. и более литров вина с одного урожая), были очень велики. Вино поступало как местному правителю, находившемуся в крепости городища «Новая Ниса», так и в склады царского заповедника на «Старой Нисе». Последние в своих помещениях («хумхана») одновременно вмещали многие сотни крупных глиняных корчаг-хумов с вином.

Добыча полезных ископаемых за годы правления Аршакидов значительно возросла по сравнению с предшествующим временем, но никогда не достигала крупных масштабов. Наряду с разработкой различных керамических глин и минеральных красок (охра, киноварь), в связи с ростом городов усиленнее шла добыча различных строительных материалов (гипсов, зеленого песчаника, хорасанских мраморов и других). Археологические находки на территории парфянских городов и селений указывают на повышенную добычу так называемой нишапурской бирюзы и различных поделочных камней, особенно горного хрусталя и стеатита. Несомненно также использовались в известной мере месторождения серы и нефтяных продуктов.

Из местных рудных ископаемых, которыми Парфия была не очень богата, наибольшее значение для нее имело железо, известное в ту пору под названием «маргианского». Его ценили за особые качества, благодаря которым оно без добавочных примесей легко перерабатывалось на высокосортные стальные изделия. Из него изготовлялось, между прочим,

---

[1] Извлечение из отчета Чжан-Цяна (конец II в. до н. э.). Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 151.

[2] В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 10.

парфянское оружие, в частности, «ослепительно ярко сверкавшие» шлемы и панцыри[1], очевидно, делавшиеся из вороненой стали. Маргианское железо высоко ценилось в Риме. Считалось, что оно уступает только китайскому[2]. Большое количество железных криц и шлаков среди развалин парфянских городов и селений как Маргианы, так и других областей современного Южного Туркменистана свидетельствует о довольно интенсивном железоделательном промысле, сырьевой базой для которого служили преимущественно месторождения Астауэны (в округе Туса). В горном деле при добыче полезных ископаемых и при плавке руды в основном применялся рабский труд.

Пора существования Парфянского государства, по сравнению с предшествующим временем, на территории Южного Туркменистана характеризуется заметным подъемом экономики городов и их дальнейшим количественным и территориальным ростом. Появляется ряд новых городов. Старые становятся многолюднее. В городскую жизнь оказываются вовлеченными большие массы населения. Отмеченное раньше увеличение площадей городской округи с обнесением их внешними стенами говорит о присоединении к городам обширных земельных территорий.

Археологически установлено чрезвычайно широкое развитие разнообразных отраслей ремесленной промышленности в парфянских городах Южного Туркменистана. Потребности обширного строительства вызывают к жизни деятельность больших строительных объединений, базировавшихся, по всей вероятности, в основном на массовом рабском труде и осуществлявших изготовление крупноразмерного кирпича, облицовочных плит, каменных деталей. Они же выполняли весь комплекс строительных работ: возведение стен крупных сооружений, нанесение декора. В связи с широким спросом на бытовую утварь в большом количестве функционируют гончарные печи, мастерские металлистов, стеклоделов, ювелиров и других ремесленников.

Усиление роли рабов в сельском хозяйстве и ремесле приводит к росту товарного производства. Все это, наряду с уже повысившимся потребительским спросом, не могло не сказаться прежде всего в сфере торговой. В первых веках до нашей эры на территории Южного Туркменистана происходил оживленный внутренний товарооборот, в котором особое место принадлежало торговле с кочевниками. Вскрытие на территории древней Парфии курганных погребений с могильным инвентарем документально показало, что в кочевнической среде воз-

---

[1] Плутарх. Марк Красс, 24.
[2] Плиний, XXXIV, 145.

Ритон из Старой Нисы (из материалов ЮТАКЭ).

рос спрос на различные бытовые товары городского ремесленного производства, включая предметы керамической утвари, которые кочевники получали в обмен на продукцию своего скотоводческого хозяйства.

На рынках внутри оазисов в среде оседлого населения меновая торговля постепенно вытесняется торговлей с денежным расчетом. Государство увеличивает монетные эмиссии, причем в этом отношении особенно показателен факт обильного выпуска в I—II вв. н. э. в Маргиане своей медной разменной монеты, явно рассчитанной только для внутреннего местного оборота. Монетные кружки этого местного выпуска обычны среди находок даже в сельских маргианских поселениях.

Монетная система Парфянского государства была основана на серебре. Золотых монет не чеканили. Единицей считалась драхма, первоначально выпускавшаяся по греко-македонскому («аттическому») стандарту. С середины II в. до н. э. в эмиссиях начинает устанавливаться свой собственный стандарт. Его колебания находились в связи с внешней торговлей. Соперничая с Римом на многих рынках Переднего Востока, Парфия вынуждена была в интересах торговых операций своих купцов уравнивать кружки собственных монет с римским денарием. Так как с I в. н. э. Рим окончательно перешел на золотую валюту при одновременном ухудшении металла серебряных денариев, вскоре стал также уменьшаться вес и ухудшаться проба парфянских драхм, что сказалось на торговых отношениях. До того, примерно с конца II в. до н. э. до середины I в. н. э., парфянская драхма занимала видное место в денежном обращении на рынках сопредельных стран. Известны находки парфянских серебряных монет в Восточном Туркестане, на территории среднеазиатских республик[1], по среднему течению Волги[2], на Кавказе[3] и в других местах. Среди встречающихся здесь кружков парфянского чекана особенно много выпущенных в середине I в. н. э.[4] до «порчи» их по-

---

[1] См. шесть статей М. Е. Массона под заглавием Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии, опубликованных с 1928 по 1949 г. О находках парфянских монет на территории Туркменской ССР см. Материалы ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 129—130, 138—139.

[2] Б. Зайковский. Из монетной летописи Нижне-Волжской области. Труды Нижне-Волжского научн. о-ва. Саратов, 1926, вып. 35, ч. I, стр. 41.

[3] См. работы Е. А. Пахомова, вышедшие в Баку четырьмя выпусками под заглавием Монетные клады Азербайджана (и других республик, краев и областей Кавказа) *на протяжении* 1926—1949 *гг.*

[4] О преобладании среди кавказских находок драхм Готарза (40/1—51), Фраата IV (38/7—3/2), Митридата II (123—83) и Орода I (57—37). См. А. Н. Зограф. Находки античных монет на Кавказе. Эрмитаж. Труды отдела нумизматики, т. I, Л., 1945, стр. 42. В Средней Азии вне территории Туркменской ССР преобладают серебряные монеты второй половины I в. до н. э. — первой половины I в. н. э.

вышенным содержанием лигатуры, после чего приток их на внешние рынки резко оборвался.

Сама внешняя торговля парфян, оперировавшая почти исключительно с дорогостоящими товарами, преимущественно предметами роскоши, обслуживала ими только узкий круг рабовладельческой верхушки тогдашнего общества. Однако, вовлекая большое количество лиц и способствуя установлению культурных связей между различными народами, она имела большое значение для государств, по территории которых пролегали ее дороги. В этом отношении Парфия находилась в особо выгодном положении, имея определение преимущества перед Римом. Занимая промежуточное положение между ним, Индией и Китаем, она в течение долгого времени получала возможность господствовать над узлом двух главнейших сухопутных международных путей. Один из них, по которому шли товары из Индии в Переднюю Азию и Европу через Пенджаб, Бактрию, Мидию, захватывал парфянские земли уже со времени походов Александра Македонского. Другой, связывавший Парфию по более короткому направлению с Китаем, особенно оживился после того как с ним непосредственно ознакомились в конце II в. до н. э. сами китайцы. Почти исключительно по этому «шелковому пути» китайские товары в течение нескольких столетий продвигались в страны греко-римского мира. Им парфяне всегда стремились владеть «монопольно», ведя борьбу с конкурентами всякими способами. Они не пропускали через свою территорию ни римских, ни иноплеменных восточных купцов, «желая одни снабжать Рим (Дацинь) китайским шелком», как отмечает «История Младшего дома Хань»[1].

Во втором периоде существования Аршакидского государства посредническая деятельность парфянских купцов в торговле шелком была сильно затруднена, так как уже с конца I в. до н. э. начало устанавливаться морское сообщение между Индией и Египтом, покоренным к тому времени Римом[2]. С тех пор подавляющее большинство индийских товаров и часть китайских стали поступать в Рим через Египет, минуя Парфию. Однако значительная часть китайских и некоторое количество индийских товаров вплоть до конца существования Аршакидского государства продолжала проходить по великому «шелковому пути» через парфянские области современного Южного Туркменистана.

Караваны дальнего следования были немногочисленны, но отличались очень большими размерами, представляя собой по существу единовременные объединения — «оказии» из не-

---

[1] Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 225—227.
[2] М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта, Казань, 1907, стр. 156.

скольких караванов отдельных купцов. В их составе бывали и члены дипломатических миссий. Из Китая ежегодно приходило от 5 до 12 таких объединенных караванов. Часть привозившихся ими грузов парфянские купцы доставляли на ежегодную сентябрьскую ярмарку восточных товаров в верхнемесопотамский город Батну (или Батиах). Здесь они продавали сирийским, греческим, римским и другим европейским купцам кожи, шелка, индийские хлопчатобумажные материи, вавилонские ткани, драгоценные камни, изделия из маргианского, сирийского и индийского железа, эбеновое дерево из Передней Индии, слоновую кость, благовония, мази, специи и другие иноземные и парфянские товары. Парфянские караваны на западе достигали Армении, Пальмиры, Каменистой Аравии, Палестины, Египта. Известны находки парфянских предметов на территории древне-греческих городов северного побережья Черного моря.

По данным китайских источников, парфянские купцы вели торговлю с соседними странами как по сухопутному, так и по водным путям, являясь иногда владельцами морских и речных судов. По одному из вариантов русского перевода текста «Исторических записок» (Шицзы), парфянские купцы, проживавшие по р. Аму-Дарье, пользовались здесь речным транспортом[1]. Тут на прямом пути из Мерва в Согд, на левом берегу Аму-Дарьи, на месте средневекового Чарджоу, в парфянское время уже находился город, известный по более поздним источникам под названием Амуль. Он был промежуточным пунктом, в котором «шелковый путь» пересекался с дорогой из Тохаристана в Хорезм.

Международная торговля парфян была не только транзитной. Как отмечалось выше, парфянское купечество, бывшее разноплеменным по своему составу, наряду с прочими «восточными» товарами вывозило за пределы своего государства предметы собственной продукции. Есть данные утверждать, что парфянские мастерские художественных изделий из драгоценных металлов, цветных поделочных камней и слоновой кости работали с расчетом и на внешний сбыт[2]. С другой стороны, часть товаров международной торговли оседала внутри страны, в том числе в коренных областях Парфии.

Раскопки в Нисе и Мерве показали, что в обиходе пар-

---

[1] Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 151.

[2] Об экспорте мнимо-сасанидской серебряной утвари см. В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос. «Известия РАИМК», т. II, П., 1922, стр. 367; о находке в окрестностях Ольвии резных парфянских пластинок из слоновой кости с барельефными изображениями парфянского царя, вельмож, нагих женских фигур и нагих юношей—акробатов и музыкантов. См. Отчет Археологической комиссии за 1906 г., СПб., 1909, стр. 39—44, рис. 35—48.

фянской знати бытовало немало предметов целиком привозного происхождения или изготовленных из импортных материалов. К их числу относятся изделия из индийской слоновой кости, крупные и мелкие раковины с побережья Индийского океана, изделия из никелевой греко-бактрийской бронзы, египетские сосуды из алебастрового камня, сирийское и римское стекло, малоазиатская художественная бронзовая утварь, мраморные эллинистические скульптуры и другие такого же порядка предметы, не говоря уже о монетах иноземного чекана. Все это является отражением оживленных сношений и взаимного культурного обмена областей Южного Туркменистана с далекими странами древнего мира.

Вопреки концепции об извечности феодализма на Востоке, что в частности пропагандировалось в отношении Парфии М. Ростовцевым и вслед за ним В. Тарном, советскими учеными доказывается, что время существования государства Аршакидов падает на пору расцвета рабовладельческого общества в Средней Азии. Судя по имеющимся данным, в Парфии не было тех крайних проявлений рабовладения в общественной жизни, какие столь типичны для этой формации в странах греко-римского мира, так как оно здесь сосуществовало с примитивными формами земельных отношений, с пережитками патриархально-родового уклада и первобытных демократических традиций. Эта специфика производственных отношений парфянского общества сказывалась на различных сторонах общественной и политической жизни, будучи в известной мере источником силы для самих парфян в их борьбе за образование и существование своего государства[1].

Парны (как и все дахские племена) в момент появления на исторической арене при Аршакидах, будучи в основном кочевниками и полуоседлыми скотоводами, находились на стадии патриархально-рабовладельческих отношений, хотя наряду с ними пережиточно существовали социальные отношения, свойственные поре разложения общинного строя. Выделение знати со своей обособленной собственностью (сперва в виде стад и рабов, а затем и земель), что во время войны подчеркивалось выступлениями ее представителей в виде привилегированных отрядов тяжеловооруженных всадников, поставило остальных соплеменников в зависимое от нее положение. Это явствует из термина «пелаты», каким греческие авторы называли основную массу парфянской народности и который соответствует латинскому — «клиенты»[2].

---

[1] С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 193.

[2] Это толкование характеристики, данной Плутархом основному составу парфянского войска, впервые предложено академиком В. В. Струве.

Именно находившихся в такого рода пожизненной зависимости от знати подразумевал в основном Юстин, говоря, что большая часть парфянского войска состоит из несвободных и что никому не дана власть освободить их от их состояния (в то время как раба могло отпустить на волю любое владевшее *им лицо). Этот римский автор прилагал для определения их* положения, не имевшего полных аналогий в римском обществе и в начале обусловленного родовыми отношениями, термин от слова servitium (рабство, невольничество, подчиненность, подвластность). Что это отнюдь не были рабы, вытекает из описания Юстина: знать заботливо воспитывала их, обучала верховой езде, стрельбе из лука и поставляла царю на войну в качестве легковооруженных всадников[1].

Подчиненные племена стали «коллективными клиентами» по отношению к отдельным парно-парфянским племенам — покорителям и «покровителям», с обязательством служить в их военных отрядах. Родовые отношения мало-помалу вытеснялись новым видом зависимости, обусловленной рабовладельческим строем. Ускорение этого процесса в немалой степени содействовало включению в состав парфянского войска подлинных рабов. Они составляли в нем иногда большой процент. Однако дошедшее до нас сообщение о том, что против войск Антония парфяне выставили армию в 50 тыс. всадников, из которых только 400 были «свободными», нельзя понимать в том смысле, что все остальные были рабами. В их числе большинство составляли упомянутые «пелаты-клиенты»; значительно меньше было рабов. Под «свободными» же подразумевались представители крупной рабовладельческой знати как парфянской, так и покоренных владений.

Рабы несомненно были многочисленны и в северо-восточных провинциях Парфии. Они, по всей вероятности, составляли здесь основу производительных сил тогдашнего общества, хотя в нем пережиточно еще и сосуществовали свободные сельские общины. Роль рабов была особенно велика в районах, где развитое сельское хозяйство требовало производства крупных ирригационных работ.

Именно на пору расцвета местного рабовладельческого общества приходится окончательное сложение маргианской ирригационной системы. Следы ее в виде заброшенных русел каналов и валов от выбрасывавшихся из них при чистке земляных наносов встречаются в низовьях Мургаба даже за пределами орошавшихся в средневековье земель. Крупными каналами были, по-видимому, те два русла, о которых К. Птолемей сообщал, будто они являлись рукавами р. Марга и меж-

---

[1] Юстин, XLI, 2.

ду ними располагалась Антиохия Маргианская[1]. В свидетельстве Плиния, что воды р. Марг отведены в Зота[2] (или Зотал), содержится указание или на созданное в Маргиане искусственное водохранилище, или на какие-то иные гидротехнические работы, осуществленные в долине Мургаба.

Устройство сложных ирригационных систем, в том числе подземных кяризов, их дальнейшее поддержание, производство работ на вновь осваиваемых землях, не принадлежавших общинам и захватывавшихся знатью с санкции царя, наконец, многообразные работы в хозяйствах знати — все это требовало большого числа рабов. Известный процент их давали так называемые «бандаки» — «доморощенные рабы», труд которых использовался в домашнем хозяйстве, в храмовых хозяйствах, а также в сельском хозяйстве и на рудниках. Но основную массу составляли «чужеродные», иноплеменные рабы — «аншахрики», контингент котрых пополнялся главным образом путем захвата пленных во время ведения военных действий[3].

Аншахрики использовались по преимуществу в сельском хозяйстве. Наряду с дальнейшим усилением частновладельческого рабства продолжало оставаться своеобразное, сложившееся в течение столетий государственное рабство. Вероятно, на положении таких государственных рабов были и тысячи римских солдат, которые оказались захваченными в плен при разгроме армий Красса и Антония и не случайно были сосредоточены в Маргиане. Здесь созданные из них колонии, возможно, выполняли не только трудовые государственные повинности, но несли также функции охраны оазиса от набегов кочевников.

На протяжении существования Парфянского государства потребность в рабах не оставалась неизменной и все возрастала, в частности в связи с интенсивным ростом городов и созданием на северо-восточных границах государства оборонительных сооружений в виде отдельных крепостей (особенно в большом числе сосредоточенных в Маргиане) и в виде длинной стены, остатки которой под названием валов Мерз прослеживаются примерно от Баба-Дурмаза до Чаача на протяжении около 150 *км*. Повышали спрос на рабский труд и многочисленные города, появление и рост которых в Парфии были

---

[1] Птолемей, VI, 10; С. А. Вязигин. Сведения Клавдия Птолемея по географии Туркменистана. «Известия ТФАН СССР», 1946, № 1, стр. 3.

[2] Плиний, VI, 46 (Corrivo, I — отводить и проводить воду в одно место). Ср. перевод И. П. Цветкова — «река Марг, отведенная в озеро Зота». «Вестник древней истории», 1949, № 2, стр. 304.

[3] А. Г. Периханян. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. «Вестник древней истории»; 1952, № 4, стр. 15 и сл.

Вакхическая сцена с фриза ритона (из материалов ЮТАКЭ).

обусловлены высоким уровнем общественного развития. Археологические исследования парфянских городов Южного Туркменистана показывают, что они были центрами различного ремесленного производства и оживленной внутренней торговли. Их развитию способствовала также значительная для своего времени транзитная торговля. Среди торговцев появились купцы, ставшие благодаря значительным оборотам настолько крупными рабовладельцами, что их причисляли к привилегированным горожанам и с ними вынуждены были считаться аршакидские цари.

Все это, а также задачи весьма трудоемкого для той эпохи ирригационного строительства создавало потребность в привлечении труда рабов во все возраставших размерах. Увеличение числа магистральных каналов, дамб, водохранилищ, запруд, вододелителей в условиях низкого уровня техники рабовладельческого общества обусловливало одновременно и рост потребности в необходимой для их обслуживания силе рабов. В конечном счете, к III в. н. э. старые производственные отношения уже не соответствовали росту производительных сил и становились тормозом их дальнейшего развития. Разрешить этот конфликт простым количественным увеличением числа рабов одряхлевший социальный строй был уже бессилен. Надо отметить, что со II в. н. э. и самый приток рабов в Парфию неуклонно уменьшался. Войны на западе и северо-западе, когда они там велись, большей частью протекали не в пользу парфян. На восточных и юго-восточных пределах активные военные действия исключались наличием мощного Кушанского государства. Набеги в северном направлении парализовались сложением новой обстановки, связанной с крупным историческим явлением, так называемым «великим переселением народов». Появлявшиеся в полосе пустынных степей все новые и новые агрессивно действовавшие орды кочевников включали в свой поток родственные парфянам племена, приводя их в движение против ослабленного Парфянского государства.

С сокращением притока рабов стала повышаться роль мелких производителей — городских ремесленников и свободных, хотя и полузакабаленных крестьянских общин, сохранивших в своей среде все необходимые трудовые навыки. Характерно, что в позднe-парфянском обществе рабы-аншахрики получают право распоряжения определенной долей своего труда (1/10—1/4); появление же издольщины уже знаменует собою зародыш новой, феодальной формы эксплуатации. Так, к моменту политического крушения Аршакидской державы в конце первой четверти III в. н. э. наметился переход от рабовладельческих отношений к новым формам, складывавшимся в процес-

се дальнейшей борьбы сельских общинников с рабовладельческой знатью.

Рабы составляли основной класс в антагонистической системе парфянского общества. Из числа трудовых сословий свободной части этого общества следует назвать, помимо упоминавшихся сельских общинников, также ремесленников. Последние в основном были связаны с развитием крупных парфянских городов, где они группировались целыми кварталами, производя, в ряде случаев при посредстве рабов, разнообразную продукцию, удовлетворявшую потребности населения городов, деревень и кочевых станов.

На противоположном полюсе стоял класс рабовладельческой знати, среди которой, кроме царствовавшего рода Аршакидов, особое положение занимали пять, а впоследствии семь наиболее знатных парнских родов, считавшихся равными Аршакидам по происхождению. Аршакидские цари в полной мере осуществляли власть над столицей государства и коренными парфянскими землями (Хорасаном). Представители же остальных знатных родов с титулом «мегистан» являлись наследственными правителями разных других областей.

Царская власть считалась закрепленной за родом Аршакидов, причем порядок наследования ее на протяжении существования Парфянского государства подвергался различным изменениям[1]. Теоретически власть парфянского царя признавалась абсолютной. В действительности она была кое в чем ограничена наличием двух «советов»: совета сородичей и совета мудрых и магов[2]. Первый состоял из более узкого круга лиц. В него входили представители парфянской воинской знати, которые стояли во главе парнов и некоторых покоренных племен и народностей. Совет выбирал из своей среды[3] («из ближайшего к царскому достоинству сословия») в мирное время правителей областей, а во время войны—полководцев. Второй, более расширенный совет включал в свой состав представителей высшей бюрократии и духовенства, т. е. опять же рабовладельческой верхушки. Храмы разных культов обладали крупной земельной собственностью. Они представляли собой порой небольшие городки, насчитывавшие тысячи жителей из людей, «посвященных богу», и храмовых рабов, обладали большими сокровищами, являвшимися заманчивой добычей для римлян. Во главе храмов, в качестве их хозяев и полноправных правителей нахо-

---

[1] T. Wolski, Remarques critiques sur les institutions des Arsacides. Eos, Commentarii societatis philologae Polonorum, v. XLVI, Wratislaviae, 1954, p. 59 и сл.

[2] Страбон, XI, 9, 3.

[3] Юстин, XL, 1, 2.

дились старшие жрецы[1]. Оба совета вместе образовывали «сенат», который выбирал царя и не останавливался перед его изгнанием, организуя дворцовые перевороты (как это имело место с Митридатом III)[2]. Напоминая собой «совет старейших» поры первобытно-общинного строя, пережитком какового он и являлся по существу, этот совет сковывал во многом деятельность главы государства. Некоторые государи бывали почти беспрекословными исполнителями воли аристократической знати. Другие вынуждены были вести с ней упорную борьбу. Ни один даже из наиболее самостоятельных царей не мог не считаться с мнением «совета». Смерть царя, которая неизбежно влекла за собой новые выборы, обычно сопровождалась смутами.

Такое положение сказывалось на всей государственной организации Парфянского царства, сообщая ей, несмотря на известную централизацию власти, характер некоторой рыхлости и непрочности.

То немногое, что известно о структуре Парфянской державы, позволяет определить ее как централизованное военно-бюрократическое рабовладельческое государство. Его государственный аппарат, о котором дошло очень мало сведений, говоря словами В. И. Ленина, был технически слабым, однако все же «принуждал рабов оставаться в рабстве, удерживал одну часть общества в принуждении, угнетении у другой»[3].

При сложной политической обстановке практиковалось назначение соправителя, выбиравшегося из числа сыновей государя. Обычно в таких случаях сам царь пребывал в северо-восточных коренных землях Парфии, а соправитель находился в западных областях. Крупной персоной в бюрократическом аппарате являлся хазарапат, как еще при Ахеменидах именовался начальник охраны в тысячу человек, бывший и тогда первым чиновником в государстве. При Аршакидах он был, вероятно, на положении везира[4].

Унаследованное от Селевкидского государства деление на сатрапии было сохранено, но сами сатрапии разукрупнены. Так, прежняя обширная Гирканская сатрапия, включившая в себя все земли Парфии, при Аршакидах была расчленена на следующие: собственно Гирканию, Комисену (средне-

---

[1] Представление об аналогичных храмах соседних стран эллинизированного Востока лучше всего дают описания Страбона (XII, 2, 3— храма в Каппадокии) и Лукиана («О сирийской богине» — храм-город неподалеку от Евфрата, посвященный Гере ассирийской).

[2] Юстин, XL, II, 4.

[3] В. И. Ленин. О государстве. Соч., т. XXIX, стр. 442.

[4] В сасанидской Персии титул «хазарапат» носил «великий везир», замещавший царя в его отсутствии и ведший дипломатические переговоры. Он не имел права назначать своего преемника и наместников, а также отрешать от должности чиновников, назначаемых царем.

вековый Кумис с Семнанским и Дамаганским округами), Астауэну, Парфиену и Апаварктикену[1]. Всего в Парфянском государстве было несколько десятков сатрапий, управляющихся парфянскими сатрапами, назначенными царем. В середине I в. н. э. происходит процесс децентрализации и известного распада Парфянского государства с выделением ряда автономных областей; по Плинию, в нем насчитывалось 18 «царств»[2], из которых одиннадцать в северной части и семь в южных районах.

Сатрапии и области членились на гипархии и статмы[3]. Последний термин, обозначавший «почтовые станции», возможно, прилагался в парфянское время к сельским районам, включавшим в себя укрепленный административный пункт и группировавшиеся около него поселения. Большое значение придавалось военным властям. В городах права стратега и эпистата объединялись часто в одном лице. Начальник гарнизона именовался аркапат.

С образованием Парфянского рабовладельческого государства и с его почти полутысячелетней упорной борьбой за свою самостоятельность против сильных соседних держав связано сложение и развитие парфянской армии, ставшей грозной соперницей римских легионов.

Первые Аршакиды опирались в значительной мере еще на сложившееся в условиях родовой организации народ-войско, в котором, помимо парнского ядра, большую роль играли пешие и конные ополчения других дахо-парфянских племен. В пору постепенного покорения отдельных владений Парфянским государством эти родо-племенные контингенты по мере надобности прибывали в порядке выполнения «союзнических» обязательств под командой своих вождей и со своим далеко не однородным вооружением.

Территориальное расширение государства, увеличение его экономической мощи, отмечавшиеся выше социальные изменения внутри самой парфянской среды, наконец, постоянные вооруженные столкновения с соседями не проходили бесследно для состояния военного дела парфян. Накапливавшийся опыт ведения войны наглядно показывал необходимость, для успешной борьбы с армиями соседних эллинизированных государств, противопоставить им новую организацию парфянских вооруженных сил. Их реформа была осуществлена при

---

[1] Подробные соображения о том, что раннеселевкидские гипархии превращались в более позднее время, в том числе при Аршакидах, в сатрапии см. W. W. Tarn Указ соч., pp 442—445.

[2] Плиний, VI, 25.

[3] Эти греческие термины употреблены в так называемом Авроманском документе I и в пергаментах Дура Европос. Как эти административные деления назывались по-парфянски, неизвестно.

Митридате II (123—88 гг.). Не в пример эллинистическим армиям, где основу составляла пехота, в особенности тяжеловооруженная, в Парфянском государстве главную силу войск составляла конница, которая, начиная с Митридата II, строго делилась на две группы: легковооруженных всадников (исключительно лучников) и тяжеловооруженных (копьеносцев-клибанариев и лучников-катафрактариев).

В состав тяжеловооруженных входили исключительно «свободные», т. е. представители рабовладельческой парфянской знати. Знатные тяжеловооруженные всадники сводились иногда в крупные соединения[1]. Из них же комплектовались особо привилегированные отряды «неранимых», имевших вместо знамен изображение дракона[2].

Легковооруженные конные лучники пополнялись главным образом «зависимыми» клиентами (и якобы даже рабами) и представляли собой основную массу парфянской конницы. Их было почти в десять раз больше, чем тяжеловооруженных всадников. Считалось, что парфяне могли выставить до 40 тыс. своих конных лучников, которых приводила с собой на войну знать[3].

Пехоте в реорганизованной парфянской армии отводилось второе место по значимости. На ней, главным образом, лежала в мирное время постоянная гарнизонная служба, тогда как массы кавалерии призывались при открытии военных действий. В оборонительных и наступательных операциях парфяне стремились в первую очередь охватить врага полукольцом рассыпного строя конных лучников и издали поражать его массой стрел. Часто они обращались при этом в притворное бегство, с тем, чтобы вызвать расстройство рядов преследующего их противника, и, добившись этого, поворачивали на врагов и вновь расстреливали их из лука или вступали с ними в рукопашную. Всадники легкой кавалерии бились иногда, соскакивая с коней.

Владея в совершенстве рассыпным строем и в отступлении и в преследовании, легковооруженные конные лучники успешно заманивали неприятеля в засаду и тут очищали место для действия своих укрытых металльщиков копий. Только предельно деморализовав и ослабив врага длительными непрерывными атаками конных лучников, наносивших с недосягаемых для неприятеля дистанций большой урон своими тучами стрел, парфяне вводили в битву соединения тяжелой конницы копьеносцев-клибанариев. Этому предшест-

---

[1] Ород I выделил Сурене около тысячи латников для встречи армии Красса.

[2] Изображение парфянского дракона имеется на оттиске одной печати из Нисы.

[3] Плутарх. Марк Красс, 18, 25.

вовала соответствующая психологическая обработка вражеских солдат ревом многочисленных литавр и эффектом действий, производимых всадниками, сбрасывавшими по команде плащи, дабы при свете солнца неожиданно предстать в ослепительном блеске стальных лат. Удар сомкнутого треугольником строя конных копьеносцев обычно решал исход боя[1]. Но больше всего, по собственному признанию римлян, их солдаты страшились «стрел парфян и их отбега вспять», т. е. притворного отступления[2]. Применением своей собственной тактики парфяне нарушали планы ведения боя, разработанные римлянами, которые обвиняли парфян в том, что они вообще «не умеют вести вблизи регулярной битвы»[3].

Во втором периоде существования Парфянского государства, когда стремления парфянской знати к децентрализации власти привели ее к конфликтам с царствующими Аршакидами, произошли обусловленные этим изменения и в составе армии. Государи искали опору в лично от них зависевших отрядах телохранителей, выполнявших функции гвардии. При проведении внешней политики, не встречавшей сочувствия в среде родовитой рабовладельческой аристократии, аршакидские цари, начиная с Артабана III (10/11—40 гг.), все чаще были вынуждены прибегать к найму чужеземных войск, которые при неудачах иногда одни только и оставались на их стороне.

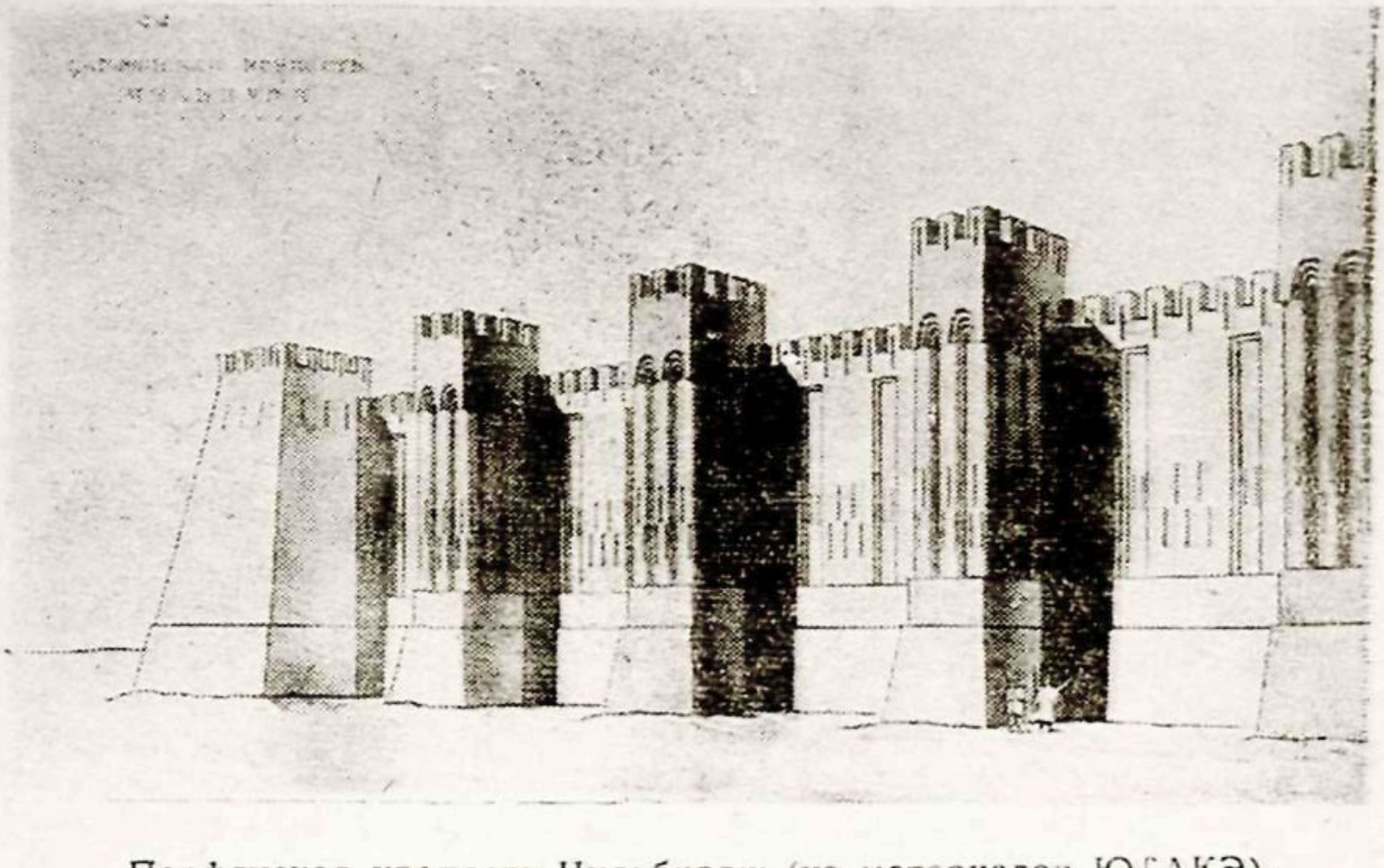
Археологическое изучение городищ и развалин крепостей на территории Южного Туркменистана показывает, что парфяне для своего времени достигли высокого уровня в фортификации и обороне городов. На первом этапе стены городов имели башни, расположенные по наружному фасу в одной плоскости со всей стеной, но затем как угловые, так и промежуточные бурджи прямоугольного плана выносятся значительно вперед, создавая этим возможность более активной фланговой обороны. Во втором периоде истории Парфянской державы появляются башни новых конструктивных форм: с овальным передним фасом или прямоугольного же плана, но с разделкой на некоторой высоте поверхности «гофрами», наподобие трех сомкнутых овальных полубашен. Усиление фланговой обороны позволило сократить число щелей-бойниц в стенах и башнях, расположив их более рационально. При этом для введения в заблуждение неприятеля устраивалось множество чисто декоративных ложных бойниц, иногда в два-три раза превышающих число подлинных.

В областях Южного Туркменистана для первых веков нашей эры характерно возведение особенно большого числа

---

[1] Плутарх. Марк Красс, 24; Юстин, XL, I, 2; Тацит, VI, 35.
[2] Гораций. Оды, II, 13.
[3] Юстин, XL, 1, 2.

крепостей в связи с происходившим в Средней Азии передвижением кочевых племен. В обороне против преимущественно конного врага использовался древний фортификационный

Парфянская крепость Чильбурдж (из материалов ЮТАКЭ).

прием выведения своеобразного «предвратного лабиринта» в виде узкого коленчатого коридорообразного прохода, устраивавшегося перед самыми воротами. Для удержания всадников на возможно дальних от стен дистанциях в широкое употребление в это время вошли машины метательной артиллерии, с помощью которых бросались ядра из обожженной глины.

Парфянское войско, как и всякая армия рабовладельческого государства, являлось опорой власти династии Аршакидов, средством утверждения господства правящих классов, подавления трудящихся и ведения грабительских войн. Вместе с тем, ему не раз приходилось также отстаивать самостоятельность Парфянского государства, особенно против захватнической политики, проводившейся на Востоке рабовладельческим Римом. Успешно выступая на полях сражений соперником римской армии, парфянское войско, вместе с тем, отличалось от нее своим составом, организацией, вооружением и тактикой.

Государство Аршакидов не имело единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Среди многих

языков его племен и народностей господствующее место занимал парфянский. На нем говорила обширная группа людей, сформировавшаяся в результате сложения Парфянского государства в новую парфянскую народность. По своему грамматическому строю и по словарному составу парфянский язык принадлежал к иранской группе, являлся языком основной массы населения коренных парфянских областей и, несомненно, включал немало диалектов и говоров, один из которых был присущ парнам. Пережив Аршакидскую державу, парфянский язык в его литературной форме оказал влияние на среднеперсидский или пехлевийский язык, который употреблялся в Сасанидском государстве, а за его пределами в течение нескольких столетий был главным языком восточно-манихейской церкви, только с VI в. уступив место согдийскому. Исчезнув свыше тысячи лет назад, парфянский язык оставил след в лексике пришедших ему на смену таджикского и персидского языков, в которых отдельные парфянизмы живут до сих пор. Часть его диалектов говоров вместе с мидийскими легла в основу северо-западных новоиранских прикаспийских и центральных диалектов, а также курдского языка.

Памятников парфянского языка и письменности времени Аршакидского государства сохранилось крайне мало. При таком положении совершенно исключительное значение имеет открытие советскими археологами в Нисе на протяжении 1948—1956 гг. свыше полутора тысяч парфянских документов II—I вв. до н. э. Написаны они в основной массе на остраконах, неоформленных кусках битых толстостенных глиняных корчаг-хумов. Тексты, нанесенные с помощью кисти черными чернилами, выполнены, судя по почерку, руками опытных писцов и написаны своим местным парфянским алфавитом. Возникший на основе так называемой арамейской письменности, этот алфавит, возможно, был создан при Митридате I и имеет довольно архаический облик, сближающий его с арамейской канцелярской письменностью ахеменидского времени. Каждый знак написан отдельно, без всякой тенденции к слиянию с другими.

Язык нисийских документов принадлежит одному из коренных парфянских диалектов. Часть слов изображена арамейскими идеограммами (или гетерограммами), т. е. написана целиком по-арамейски, а произносилась по-парфянски. Судя по именам составителей нисийских документов (Ариабарзан, Артавирашт, Бахтдатак, Вахуман, Михредат, Роштан и др.), сами писцы по своему происхождению были парфяне[1]. Из расшифрованных уже документов основная масса отра-

---

[1] И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Новые находки парфянских документов. «Известия АН ТССР», 1953, № 6.

жает обязательства по доставке с того или иного виноградника указанного на определенный год количества вина в хумах[1]. Наряду с этим имеются остраконы с иным содержанием, в частности хозяйственно-учетного порядка.

Наряду с парфянским языком и парфянской письменностью в Аршакидском государстве были в употреблении греческий язык и греческая письменность, которые частично употреблялись в канцелярских нуждах при официальных сношениях с подчиненными эллинизированными городами и даже некоторыми селениями в западной части государства. С греческими надписями на греческом же алфавите на протяжении нескольких столетий выбивались монеты общегосударственного чекана. Лишь при младших Аршакидах, с середины I в. н. э. на монетных кружках начинают появляться отдельные знаки парфянского алфавита, и только примерно с середины II в. н. э. (с царствования Митридата IV) часть монетных эмиссий выпускается с полными парфянскими легендами как по шрифту, так и по языку.

Кроме остраконов, в парфянской среде для писания использовывались навощенные дощечки, оправленные в деревянную рамку и скреплявшиеся иногда при помощи шнура друг с другом по две, по три и более в виде книжки. Писали по натертой воском поверхности, процарапывая буквы острием небольшой палочки-стиля, а затирали ненужный текст противоположным тупым и плосковатым его концом. Наконец, в качестве материала при написании важных документов, священных текстов и иного характера крупных произведений письменности применяли прочные, сделанные из кожи, дорогостоящие пергаментные свитки или волюмены.

Грамотность имела слабое распространение в парфянском обществе. Письменность всецело была в руках знати, жрецов, представителей высшей бюрократии и крупных купцов. Однако потребность ведения разнообразной документации вызвала появление большого числа профессиональных писцов, наиболее образованные из которых владели, наряду с парфянской письменностью, греческой, нормами канцелярского стиля и соответствующей юридической терминологией.

Представляя конгломерат племен и народностей, Парфянская держава в течение долгого времени не имела государственной религии. Одновременно сосуществовали многочисленные переплетавшиеся между собой культы различных областных и племенных божеств, олицетворявших под разными именами одни и те же силы или явления природы. Ре-

---

[1] См. И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон. Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы. Материалы ЮТАКЭ, вып: II, Л., 1951.

лигиозные представления в самой дахо-парно-парфянской среде также не были однородны, завися от разного уровня общественного и хозяйственного развития отдельных племен. У оседлого земледельческого населения религиозные представления были сведены безусловно в более стройную систему, чем у полуоседлых скотоводов и кочевников, хотя и у тех и у других боги и духи были уже подразделены на высших и низших. Особым почитанием пользовалось божество солнца, которое и раньше в массагетской среде среднеазиатских кочевников занимало первое место и которому они приносили в жертву коней[1]. В дахо-парфянской среде ему, в образе сына Ахура-Мазды, Митры, бога растительности и одновременно покровителя пастухов и особенно воинов, также посвящали коней. Связь одного из главнейших богов с конем объясняется той крупной ролью, какую играли эти домашние животные в жизни парфян. По-видимому, здесь слились два культа: коня и солнца.

Из женских божеств парфянами особенно чтилась великая богиня-матерь. В ней сложно сплетались представления о целомудренной девственнице и матери, о богине животворных сил природы вообще и плодородия в частности. От глубокой древности были унаследованы представления о связи ее с текущей водой, что вполне закономерно в условиях бедных влагой коренных парфянских областей. Судя по большому количеству терракотовых скульптурных женских идолов, находимых среди развалин парфянских городов и селений Маргианы, там в народе особой популярностью пользовалась богиня-матерь в образе задрапированной в тяжелые одежды женщины с зеркалом в руках. Наряду с этим встречаются народные терракотовые скульптуры с изображением нагой женской фигуры с крупными бедрами, пышной грудью и тиарообразным головным убором.

Глубокие корни в парфянской среде имела созданная еще при Ахеменидах религия, слившая в себе религию Ахурамазды Дария и Ксеркса, магизм Мидии и среднеазиатский зороастризм с его членением на доброе и злое начало и с поддерживавшимся им культом огня. Одним из главнейших святилищ «неугасимого огня» был хорасанский храм в Асааке.

Еще больший хаос в религиозные представления внесла своим синкретизмом филэллинствовавшая парфянская знать во главе с аршакидскими царями. Правящая верхушка ввела в свой быт изображения греческих богов разных рангов, отождествив их со своими народными божествами (например, Зевс был сопоставлен с Ахура-Маздой, Апполон—с Митрой, Геракл—с Артагной и т. д.). В парфянских храмах, царских

---

[1] Геродот, I, 216.

Парфянский документ из Старой Нисы (из материалов ЮТАКЭ).

дворцах, домах рабовладельческой парфянской аристократии в больших количествах появлялись купленные или захваченные в виде добычи статуи, передававшие в канонизированных эллинистическим искусством формах образы главных и второстепенных эллинских божеств.

При таком положении во втором крупном периоде истории Парфянской державы, для получения нового средства объединения внутренне слабо спаянных между собой народностей и владений, наметилась государственная необходимость в учреждении «имперской религии». Основой для нее послужил зороастризм—наиболее всеобъемлющая, оформившаяся при поздних Ахеменидах религия, включавшая в себя элементы нескольких наиболее распространенных в Парфянском государстве религиозных течений. Чтобы приблизить ее к потребностям условий новой исторической эпохи, при Вологазе I (52—77/8 гг.) была составлена первая редакция Авесты. В этот книжный свод оказались включены, очевидно, с каким-то отбором, различные сохранившиеся в письменной форме или в устной передаче отрывки религиозной литературы, гимны, молитвы, исторические предания и обрядовые предписания, которые затем были канонизированы.

В самой парфянской среде преобладали религиозные представления, близкие к исповедывавшимся в других среднеазиатских странах, что наглядно проявлялось в погребальном культе. Погребальный обряд у парфян состоял в том, что тела умерших отдавали на съедение птицам или собакам, а потом обнаженные кости зарывали в землю[1]. Искусство парфянского времени на территории Южного Туркменистана предстает очень ярко при рассмотрении его под углом зрения проблемы «двух культур», закономерно приложимой к исследованию рабовладельческого Парфянского государства, как и всякого другого общества с антагонистическими классами. Прежде всего, найденный инвентарь правящей верхушки общества по своему составу отличается от инвентаря, имевшегося у широких народных масс. Наряду с этим в культуре и искусстве местных рабовладельческих городов ясно проступают два направления, разные по содержанию и значимости в смысле взаимоотношения «двух культур» парфянского общества. Первое — «филэллинское», когда в памятниках искусства, принадлежавших крупным рабовладельцам, видны явные признаки заимствований форм, когда цари и представители верхушки тогдашнего парфянского общества пытались изучать греческий язык, механически переносили в Парфию некоторые достижения эллинистической культуры и даже усваивали иногда чуждые им придворные обычаи греко-рим-

---

[1] Юстин, XLI, 3.

ской рабовладельческой среды. Вкусам царского двора и знати противостояла высокая традиция местного народного творчества, которая на базе освоения достижений ближневосточного эллинизма по существу и создала своеобразную парфянскую культуру. Второе направление в культуре и искусстве— филопарфянское — выросло на базе полной переработки «эллинистических» начал и торжества местных народных традиций при резком усилении движения против всего римского.

У парфян была своя историческая литература[1], но она полностью утрачена. Почти ничего не сохранилось от художественной парфянской литературы, если не считать двух уцелевших в поздней персоязычной литературе произведений—«Спор пальмы и козы» и «Память о Зарире». Однако влияние эпохи существования Парфянского государства сказалось в некоторых разделах эпического творения Фирдоуси «Шах-Наме», где в жизнеописания героев введены эпизоды подлинной деятельности представителей династии Аршакидов. Так, обращает внимание совпадение имен эпического Гударза, имевшего сына Гива и получившего во владение Джурджан и Исфахан, с историческим Готарзом, сыном Гива, бывшим правителем Гиркании. В повествовании об эпическом Гистаспе отдельные моменты совпадают с биографией Вологаза I: составление свода Авесты и борьба с аланами, которые впервые совершили набеги на парфянские владения как раз при этом Вологазе I[2]. Большой цикл сказаний о богатыре Рустаме в основе своей восходит, по-видимому, к сако-парфянской среде.

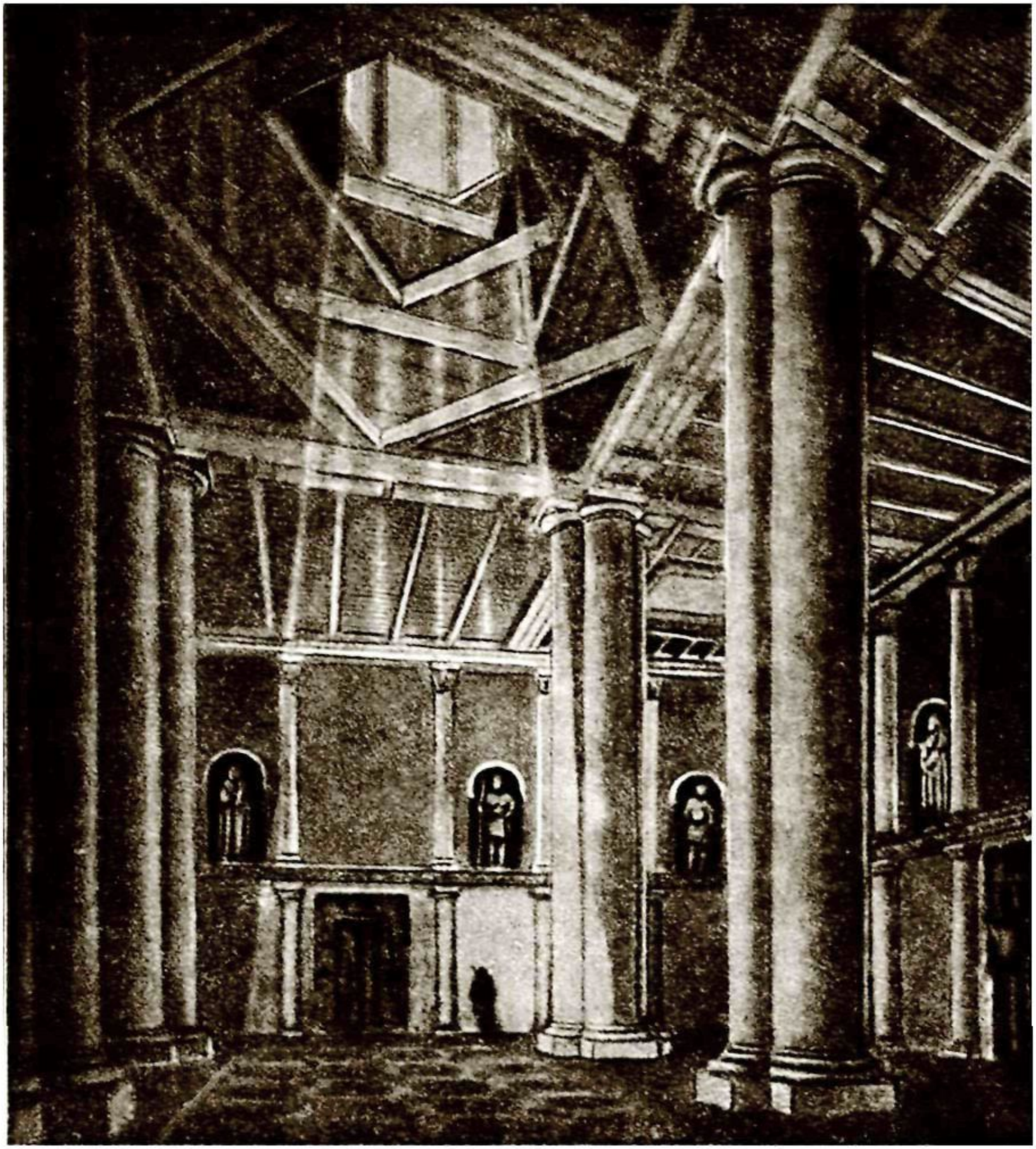
Высокого развития в Парфянскую эпоху достигла архитектура Южного Туркменистана. Уже в первом, «филэллинском» периоде, наряду с переработкой классических форм на местной творческой основе, для нее характерны своеобразные решения планов и объемов зданий. Во втором периоде вполне завершается процесс сложения величавого парфянского стиля.

Основными строительными материалами служили битая глина-пахса и сырцовый кирпич. Использовались также дерево, жженый кирпич, камень, гипс. Постройки имели мощные стены. Плоские перекрытия нередко покоились на деревянных или кирпичных колоннах с разнообразно оформленными капителями и профилированными базами. Стены штукатурились глиной или алебастром, а иногда окрашива-

---

[1] Ср. хотя бы слова Моисея Хоренского, который при описании поры владычества Парфии отметил, что эта эпоха имеет много историков из числа персов (парфян) и сирийцев, а также греков. Моисей Хоренский. История Армении, М., 1898, кн. II, 69, стр. 116.

[2] В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса. ЗВО РАО, т. XXII, вып. IV, 1915, стр. 258, 253—255.

Квадратный зал в Старой Нисе (реконструкция Г. А. Пугаченковой).

лись в малиновый цвет, в оформлении их нередко использовались терракотовые тяги, пояски, фигурные плиты.

Остатки монументальных сооружений парфянского зодчества сохранились в Нисе. В числе их — небольшой храм на территории новонисийского некрополя парфянской знати: прямоугольный, приподнятый на невысокой платформе, обведенный колонным портиком-айваном. Тогда же возник и квадратный дом-хранилище в Старой Нисе. Он заключает двор, обведенный колонными айванами, с каждой стороны которого размещено по три продолговатых комнаты с колоннами на осях. Этот дом-хранилище, очевидно, был связан с культом предков парфянских царей.

Огромный архитектурный комплекс дворцово-храмовых строений располагался в южной части Старой Нисы[1]. Здесь вскрыт большой квадратный аудиенц-зал площадью 400 *кв м*. Стены его оформлены в два яруса пристенными колоннами, причем во втором ярусе стояли в нишах крупные глиняные статуи. Перекрытие покоилось на стенах и на четырех мощных четырехлопастных столбах. Комплекс включал целую группу жилых и хозяйственных помещений, колонные дворики-перестили, монументальную храмовую башню, обведенную коридорами, и круглый с 17-метровым пролетом храм, в котором располагались главные статуи божеств.

Парфянская скульптура Южного Туркменистана дошла до нас в разнообразных образцах и в разной технике исполнения: лепке (преимущественно из глины), высекании и резьбе на камне, отливке и чеканке металла, в керамических изделиях (терракоты). Глиняные статуи, украшавшие интерьеры дворцов и храмов, были значительно больше натурального человеческого роста. Они характеризуются гармоничностью пропорций, тщательностью отделки и некоторой обобщенностью форм; статуи по поверхности окрашены в разнообразные цвета. В Маргиане большого совершенства достигли коропластика — изготовление миниатюрных, высокохудожественных терракотовых фигурок божеств, людей и животных. У парфян процветала глиптика, т. е. искусство резьбы гемм, служивших украшениями, амулетами, личными печатями, обычно оправленными в перстни. На Старой Нисе обнаружены несколько самих гемм и десятки оттисков таких печатей, в изображении которых—сцены венчания царя, охота, различные божества, животные, символы. Монеты старших Аршакидов содержат выразительные портреты царей, выполненные парфянскими медальерами. Парфянские мастера великолепно владели искусством резьбы по кости, выдаю-

---

[1] Г. А. Пугаченкова Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 201—240.

щимися образцами чего являются царские ритоны—рогообразные сосуды из Нисы[1]. В древнем мире высоко ценились парфянские ковры и камнерезные изделия парфянских мастеров, причем особой славой пользовались так называемые «мурриновые чаши» из плотного флюорита, рисунчатого агата и т. п. Археологическими исследованиями в Южном Туркменистане установлено большое развитие парфянского гончарного производства, выделывавшего высококачественную посуду разнообразных форм.

Вопреки утверждениям буржуазной науки о якобы несамостоятельном, эклектическом характере парфянской культуры памятники этой культуры наглядно показывают, что она в основе своей была и до конца оставалась местной, самобытной, созданной народами, издревле населявшими коренные области Парфии. Эта культура на определенном этапе использовала и перерабатывала эллинистические элементы, но при этом полностью сохраняла свое содержание.

В своих исторических выписках Карл Маркс отметил, что «из *Парфянской империи* развилась *Новоперсидская*»[2]. Изучение за последние годы сельских парфянских поселений Южного Туркменистана, чуть ли не на столетие переживших Парфянскую державу, показывает, что хотя падение государства Аршакидов и приход к власти династии Сасанидов были вызваны началом кризиса рабовладельческой формации, окончательное крушение рабовладельческого общества с резкой переменой экономического базиса произошло лишь в IV в. и сопровождалось, в частности, упадком на некоторое время развитой до того жизни сельских районов[3].

Историко-археологическое изучение Южного Туркменистана в целом установило непрерывную линию развития местных культур в разные эпохи, их самобытность и преемственность, а также наметило культурные и этногенетические связи туркменского народа с парно-парфянскими племенами. Древнейшей территориально-политической общностью, в рамках которой начался процесс этногенеза туркмен, являлись дахо-массагетские племенные союзы[4]. Парфяне же были одной из нескольких этнических групп древности, к ко-

---

[1] М. Е. Массон. Некоторые новые данные по истории Парфии. «Вестник древней истории», 1950, № 3, стр. 45—46.

[2] К. Маркс. Хронологические выписки. Римская империя до завоевания Италии остготами. «Вестник древней истории», 1939, № 2, стр. 5.

[3] М. Е. Массон. Новые археологические данные к истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. Из работ ЮТАКЭ 1951 г. «Вестник древней истории», 1953, № 1, стр. 143—160.

[4] С. П. Толстов. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 303.

торым одновременно восходит этногенез туркменского народа—наследника богатого культурного прошлого обитаемой им страны.

4. Народы Северного Туркменистана времени государств Кангюй и Кушан

Образование самостоятельных политических объединений—Парфии и Греко-Бактрийского царства — в областях, лежавших на юг от Хорезма, заставило хорезмийцев направить свои захватнические устремления на север и северо-запад. Видимо, к этому времени следует отнести растущую экспансию Хорезма на степных просторах Северного Прикаспия и Поволжья, а также и на Восток.

В связи с этим, III—II вв. до н. э. могут считаться временем нового расцвета древнего Хорезма, когда он выступает в роли одного из крупных государств Средней Азии. Однако трудно судить, принимали ли какое-нибудь участие хорезмийцы в отпадении Парфии и ее борьбе с Селевкидами[1].

Период конца IV в. до н. э. — I в. н. э. характеризуется политической гегемонией Хорезма на северо-западе Средней Азии и первым расцветом городов и ремесел в сфере его экономики. Многочисленные городского типа поселения этого периода, продолжающие существовать в это время, как Калалы-Гыр I, Кой-Крылган-Кала и другие, расположенные на левобережьи и правобережьи Аму-Дарьи, дают представление о характере селений и социально-экономической структуре «эллинистического» Хорезма. Основными типами поселений,—как утверждает С. П. Толстов, — становятся город со сплошной внутренней застройкой и отдельно стоящий укрепленный дом-массив, выступающий как основная форма сельского поселения (Кой-Крылган-Кала, Кюнерли-Кала и другие)[2]. Какой бы ни была планировка города этого времени — прямоугольной, как Калалы-Гыр I, или же в виде концентрических сооружений, как Кой-Крылган-Кала,—и тот и другой представляли собой поселения, где в больших домах-массивах жили целые общины. Над этими общинами, которые переживали сложную эволюцию внутреннего развития, возвышалась политическая центральная власть, бравшая на себя заботу о защите всего населения и поддерживавшая систему искусствен-

---

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 124.

[2] Он же. Древний Хорезм, стр. 32; он же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 114.

ного орошения. Площадь орошаемых земель значительно расширяется. На естественных протоках Даудана возникают городища Кандум-Кала, Мангир-Кала, Топрак-Кала (левобережная), Акча-Гелин. На Дарьялыке (Куня-Дарье) — Айбугир-Кала и другие. На канале, выведенном из бокового протока Северного Даудана, появляется городище Куня-Уаз (нижний слой) в 65 *км* к западу от Ташауза, а на сбросовых водах Чермен-Яба — Канга-Кир-Кала. На восточном ответвлении канала Чермен-Яб — городище Шах-Сенем, а на самом канале продолжает существовать в раннекангюйское время крепость Калалы-Гыр I (слой IV—III вв. до н. э.) и Калалы-Гыр II[1]. Каналы этого времени, в отличие от архаического периода, обычно узкие, 10—15 *м* ширины, и глубокие. Распределительная и оросительная сеть расположены уже под острым углом, т. е. более экономична и сравнительно более совершенна[2]. В это время вступают в строй главные каналы левобережья — Куня-Уазский, Мангырский, и оросительная сеть достигает значительного развития. Эти благоприятные для развития земледелия условия привели к расцвету земледельческого хозяйства и его доминирующей роли в описываемый период.

В III—II вв. до н. э. достигает высокого развития местное ремесло и керамическое производство. Осваивается техника формовки сосудов на ножном круге, который появляется еще в предшествующем периоде. Керамические изделия Хорезма представляют тонкостенные сосуды из хорошо обожженой глины, покрытые обычно красным, коричневым, иногда черным ангобом. Коллекции Исторического музея в Москве и Музея антропологии и этнографии в Ленинграде хранят типичные виды хорезмской керамики. Керамика этого времени отличается высоким качеством выработки, пропорциональностью форм и обычно наличием росписи красной и коричневой краской по светлому ангобу. Типичны также плоскодонные широкие чаши, кувшины с валикообразным отогнутым венчиком и большие расписные хумы с яйцевидным туловом[3]. Появляются и новые формы сосудов — кувшины, ритоны, фляги и т. д. Известного развития достигло ремесло,

---

[1] С. П. Толстов. Работа Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции 1951 г. «Вестник АН СССР», серия истории и философии, 1952, № 4, стр. 47; Д. Дурдыев. Античные памятники Ташаузской области Туркменской ССР, стр. 106.

[2] С. П. Толстов. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1951—1954 гг. «Вопросы истории», 1955. № 3. стр. 176.

[3] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи, М., 1954, стр. 5.

Бытовая сцена с фриза ритона (из материалов ЮТАКЭ).

которое уже отделялось от сельского хозяйства. В каждом доме-массиве были свои керамические мастера, возможно, из ремесленников-рабов[1].

Многолетние работы Хорезмской экспедиции дали достаточно материала для суждения об экономических и торговых связях Хорезма с различными областями Туркменистана и с соседними странами. Одним из свидетельств этого является распространение хорезмского типа античной керамики. Так, многочисленные находки ее в поселениях междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и прослеживаемые транскаракумские караванные пути, связывавшие Хорезм с низовьями Мургаба, подгорной полосой Центрального Копет-Дага и североатрекской степью, дают основания судить о былых развитых торговых отношениях между отдельными областями Туркменистана.

Еще более показателен импорт изделий, особенно бус из Сирии, Египта, а также городов Северного Причерноморья. Разнообразный по времени и месту изготовления ассортимент этих изделий свидетельствует об исключительно широких внешних торговых связях античного Хорезма. Хорезмийцы были одним из народов, следовавших авестийской (зороастрийской) религии. Для нее характерно наличие дуалистических элементов, проявлявшихся в форме постоянной борьбы между Ахурамаздой и Ангримайнью, начал добра и зла, созидания и разрушения. Богиней плодородия, земледелия и воды считалась красавица Анахита. Облик Анахиты в золотой диадеме, с серьгами, ожерельем на шее, одетой в богатые одежды из 30 шкурок выдр, воспроизведен в среднеазиатских терракотах и описаниях авестийского цикла. Авестийская обрядность определила и погребальные обычаи хорезмийцев. Согласно авестийского погребального обряда, очищенные от мяса кости сохранялись в глиняных или каменных ящиках-костехранилищах (оссуариях)[2]. Наиболее ранние погребения такого рода в Хорезме представлены весьма оригинальными гробиками в виде скульптурных изображений фигур людей.

Во II в. до н. э. в Приаралье появляются новые центральноазиатские скотоводческие племена—юечжи и другие, которые сыграли значительную роль в истории Средней Азии. Возможно, уже в конце III в. до н. э. эти племена стояли на

---

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 118.

[2] См. С. А. Вязигин. Оссуарии с городища Калалы-Кыр I, Ташаузской области, Туркменской ССР. «Вестник древней истории» 1948, № 3, стр. 150—155.

границах Греко-Бактрийского царства и именно о них, как о страшной угрозе, говорил бактрийский царь Евтидем Селевкиду Антиоху III[1].

После разгрома Греко-Бактрийского царства кочевыми племенами в конце II в. до н. э. Парфия, Хорезм и даже Китай в борьбе за политическое преобладание неизменно стремились привлечь кочевников на свою сторону. Вполне вероятно, что именно эти сложные взаимоотношения с кочевым миром, необходимость создания мощного политического объединения для борьбы с наступающими из Монголии гуннскими племенами привели к созданию в Приаралье и центральной части Средней Азии Кангюйского царства.

По сведениям китайских источников это государство граничило с Ферганой на востоке, с Парфией и Бактрией на юге; в состав его на западе входили Хорезмийский и Бухарский оазисы. По мнению С. П. Толстова, Кангюй китайских источников вообще идентичен с Хорезмом античных авторов и с Кангхой Авесты и локализуется в Хорезме. Кангюйцами же С. П. Толстов вслед за Гутшмидтом считает упоминаемых античными авторами сакарауков, которые в свою очередь отождествлялись с «большими юечжи» китайских источников[2].

Однако, наряду с этим, другие исследователи локализуют Кангху в Восточном Туркестане, в Ташкенте; третьи — в Бухаре. По мнению А. Н. Бернштама, Кангюй находился в областях расселения тюркских кочевников Сыр-Дарьи и Каратау, а Хорезм являлся лишь периферией этого государственного объединения. Несмотря на неразрешенность этой проблемы в целом, не подлежит сомнению, — как указал С. П. Толстов, — что Хорезм входил в состав Кангюйского государства, расцвет которого относится к I в. до н. э. — началу I в. н. э.[3].

В середине I в. до н. э. в Приаралье проникают гунны. Здесь происходит длительный процесс ассимиляции ими старых местных скотоводческих племен. Возможно, эти пришельцы привнесли новый компонент в сложение туркменской народности.

В I в. н. э. на огромной территории от Приазовья до Приаралья распространяются племена алан, ставшие одним из новых важных составных компонентов в этногенезе населения Северного Туркменистана. Одновременно с этим, как сообщают древние авторы (Иосиф Флавий, Светоний, Дион Кас-

---

[1] Полибий, XI, 34.
[2] См. С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 20—24.
[3] Там же.

сий)[1], орды алан вторгаются через Гирканию в Мидию и Армению, угрожая пределам Римской империи.

Античные историки считают алан массагетами, т. е. потомками древних местных скотоводческих племен, северных и восточных соседей Хорезма[2]. Греческий историк II в. н. э. Дион Кассий прямо указывает на массагетское происхождение алан[3].

Аланские владения охватили громадную территорию от Аральского моря до Урала. Сказанное намечает контуры крупных этнических и политических сдвигов, происходивших в смежных с Северным Туркменистаном областях и захвативших территорию самого Туркменистана. На территории Юго-Восточной Европы, аланы возглавили сарматское объединение племен[4], в западных районах Средней Азии — в Туркменистане — они сыграли ту же роль по отношению к дахскому союзу племен. Так произошло образование нового политического объединения — аланского союза племен.

Каковы были взаимоотношения этого аланского племенного союза с Хорезмом, по дошедшим до нас источникам установить трудно. Тем не менее, как известно из скудных сведений китайских авторов, владения Янцай-Аланья находились в зависимости от Кангюя.

Основным занятием алан было скотоводство. По рассказу историка Аммиана Марцеллина, аланы жили рассеяно между многолюдными и многочисленными племенами — массагето-дахским населением Северного Туркменистана, от которого отличались «своими обычаями, диким образом жизни и одинаковым вооружением»[5], т. е. стояли на более низкой ступени социально-экономического развития. Это были кочевники-скотоводы, жившие в повозках, в которых они передвигались по беспредельным степным просторам.

В социальной структуре аланского племенного союза намечался процесс усиления имущественной дифференциации, классового расслоения и выделения племенной знати. Естественно поэтому, что более высокая социально-экономи-

---

[1] Flavii Ioseph i. De bello iudaico, VII, 7, 4. Русский перевод. Иосиф Флавий. Иудейская война. Пер. с греч. Г. Г. Генкеля. СПб., 1900; Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей. Домициан, 2; за 1933, перев. с латин. Д. Н. Кончаловского. Cassii Dioni. Cocceiani Historiarum Romanorum guae supersunt, LXIX, 15, 1.

[2] Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt, XXIII, 5, 16; XXXI, 2, 12, rec. C. Clark, Ber., 1910. Русский перевод. Аммиан Марцеллин. История. Пер. с латин. Ю. Кулаковского и А. Сонни. Киев, 1906.

[3] Дион Кассий, LXIX, 15, 1.

[4] Л. А. Мацулевич Аланская проблема и этногенез Средней Азии. «Советская этнография», т. VI—VII, 1947, стр. 141.

[5] Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 17.

ческая организация местного массагетского населения ускорила и углубила у аланских племен процессы классообразования.

В I в. н. э. оформляется новая крупная империя в Средней Азии — государство Великих Кушанов. В истории своего времени Кушанская империя выступает наряду с Римом, Парфией и Китаем.

Время существования Кушанского государства в истории Хорезма составляет один из блестящих этапов его развития. Границы Хорезма кушанского периода значительно расширяются. В это время здесь появляется ряд новых укрепленных поселений: З Мукшир, Кунсай-Кала, Гяур-Кала I, Дев-Кескен, Бутентау-Кала[1]. Дальнейшего развития достигает ирригационная сеть — действуют Чермен-Ябский и Куня-Уазский каналы.

Наиболее характерным городищем этого времени является Куня-Уаз (верхний слой). Это городище представляет собой правильный квадрат (308×308 *м*), ориентированный углами по странам света, обнесенный стеной из сырцового кирпича. Городище защищено башнями. С внешней стороны стен проходит глубокий ров и вал. Внутренняя застройка городища имеет крестообразный план. В центре городища находятся помещения с парадными комнатами, имеющими лепные украшения. На городище найдено много зерен различных злаков и сельскохозяйственные орудия, что свидетельствует о развитом земледелии. Обнаружены многочисленные терракоты и каменные статуэтки, показывающие высокий уровень искусства Хорезма[2]. В социальном отношении это было время развитых рабовладельческих отношений, наметившегося распада общины и выделения из ее состава аристократических фамилий. В связи с этим происходит отпадение от больших общинных укреплений кангюйского времени патриархального типа большесемейных общин, видимо, близких к типу античной familia, живущих в больших домах отдельными, хотя еще и связанными друг с другом усадьбами[3].

Одним из следствий новых социальных отношений в Хорезме было появление новых поселений типа Аяз-Кала (село) и Топрак-Кала (город) на правобережьи Аму-Дарьи.

В отличие от прежних огромных, многокомнатных укрепленных домов-массивов (Кюнерли-Кала) и мелких городков, (Джанбас-Кала) в кушанский период появляются большие неукрепленные крестьянские усадьбы, жилое помещение кото-

---

[1] Д. Дурдыев. Указ. соч., стр. 106.
[2] С. П. Толстов. Археологические исследования Хорезмской экспедиции АН СССР. «Вестник АН СССР», 1953, № 8, стр. 41—42.
[3] Он же. Древний Хорезм, стр. 104.

рых в 10—15 комнат заселялось выделившейся из родовой общины отдельной патриархальной семьей.

В первых веках нашей эры происходит распад традиционной родовой общины свободных граждан рабовладельческого государства, разделяющейся на отдельные патриархально-рабовладельческие фамилии, из которых резко выделяется немногочисленная, но могущественная земледельческая аристократия[1].

Оазис в это время был защищен системой пограничных укреплений. Центральное правительство Хорезма берет на себя защиту страны. Вместо суверенитета городской общины выступает суверенитет империи. Уже не укрепленные, полунезависимые города, а воздвигнутые центральным правительством и занятые гарнизонами постоянной армии империи крепости охраняют границы оазисов от степных племен и враждебных государств[2].

В городах Хорезма в первых веках нашей эры сохраняются еще огромные дома-массивы общинников, но центральное место занимает уже замок правителя. Процесс централизации государственного аппарата и создания деспотической власти завершается полным отделением правителя от общины, ростом его политического значения.

Государство Великих Кушанов для земель Северного Туркменистана в культурном отношении сыграло большую роль. В местной культуре появились элементы индийского мира с эллинистическими чертами. Этот сложный синкретизм восточной и греческой культуры нашел живое отражение в местных традициях. Женские статуэтки в греческо-буддийской трактовке, появление необычайных и чуждых Хорезму изображений обезьян показывают проникновение новых мотивов в искусстве[3].

В III в. н. э. Хорезм переживает период нового, на этот раз чрезвычайно краткого расцвета. Этот этап истории античного рабовладельческого Хорезма характеризуется дальнейшим распадом общинных отношений и ростом централизованного аппарата, последним расцветом культуры античного Хорезма. Раскопки Хорезмской экспедиции АН СССР в Топрак-Кала, интереснейшем памятнике этого времени, познакомили нас с величественной архитектурой замка правителя Хорезма, его монументальными стенными росписями и замечательной глиняной скульптурой.

Громадные залы замка оказались богато украшенными стенной живописью, пышным декоративным орнаментом из

---

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 159.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 160.

черно-желтых перекрещивающихся полос, розетками и листьями аканфа. Одним из лучших украшений дворца были живописные изображения, в особенности изящно выполненное изображение арфистки, фрагменты тонко очерченных женских лиц, великолепный профиль женской головки и др.

Весьма выразительны выполненные с исключительным реализмом головы найденных в Топрак-Кала статуй. По тонкости исполнения, выразительности и высокому зрелому мастерству исполнения они не уступают лучшим образцам скульптуры любого другого центра позднеэллинистического искусства[1]. Спокойная, несколько тяжеловесная красота головы статуи предполагаемой супруги хорезмшаха Вазамара, мужественная энергичная манера исполнения так называемой «красной головы», надменный хищный профиль птицы с короны Вазамара, наконец, чрезвычайно интересные фигуры темнокожих гвардейцев[2] — являются характерными образцами самобытного и своеобразного искусства древнего Хорезма.

Другим свидетельством высокого самобытного мастерства в области изобразительного искусства древнего Хорезма являются портретные изображения его царей на аверсах (лицевой стороне) монет. Тонкая, изящная передача индивидуальных черт лица, а также высокое художественное мастерство изображений с некоторым влиянием греко-бактрийской техники чекана, вместе с тем совершенно самобытны по манере исполнения. Монеты царей древнего Хорезма дают ценные сведения не только для истории местного искусства, но и еще в большей степени для изучения малоизвестных периодов в истории страны.

Наконец, хорезмийская письменность, впервые обнаруженная в развалинах городища кангюйского времени — Кой-Крылган-Калы, являющаяся одной из первых систем письма в Средней Азии[3], с несомненностью свидетельствует о высоком развитии местной цивилизации. Находки древнехорезмийских документов на коже и дереве из Топрак-Калинского дворца, являющихся остатками дворцового архива, позволяют охарактеризовать эту систему письма как близкую к арамейскому алфавиту и занимающую промежуточное положение

---

[1] См. С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 177—186.

[2] Он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1948 г. «Известия АН СССР» Серия истории и философии, т. VI, № 3, М., 1949, стр. 258—259, он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 38—39.

[3] Он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, I, М., 1952, стр. 44.

Серебряное блюдо хорезмийской работы (по С. П. Толстову).

между «аршакидским пехлеви» и древнесогдийским алфавитом[1].

5. Кризис рабовладельческого строя в Южном Туркменистане

Истощенное бесконечными войнами и раздираемое внутренними противоречиями Парфянское царство в 224 г. н. э. пало под ударами Сасанидского государства, образовавшегося на территории нынешнего Ирана. В состав этого государства были включены: Маргиана, северные предгорья Копет-Дага, Дахистан, а затем и левый берег Аму-Дарьи. Хорезмское царство сохраняло независимость.

На смену Парфянскому государству, состоявшему из отдельных мало связанных между собой провинций, появляется гораздо более централизованное государство Сасанидов[2]. Гибель Парфии и возникновение Сасанидской державы нельзя рассматривать только как смену династий. В структуре парфянского и всего средневосточного рабовладельческого общества произошли большие изменения, свидетельствующие о развитии глубокого кризиса рабовладельческих отношений. К этому времени в Сасанидском государстве рабовладельческие производственные отношения перестали соответствовать характеру производительных сил. Рабы не были заинтересованы в росте производительности труда и усовершенствований орудий и приемов, которые все шире применялись в земледелии и ремесле. Поэтому рабовладельческий строй, исчерпав свои возможности, зашел в тупик и не мог обеспечить растущие потребности производства, создать условия, необходимые для дальнейшего прогресса хозяйства.

Следует остановиться на некоторых своеобразиях, характерных для эпохи рабовладельческих отношений в Средней Азии. Здесь, как и на всем древнем Востоке, в рассматриваемое время сохраняются сельские земледельческие общины, состоявшие из больших патриархальных семей. Хотя и сельские общины применяли рабский труд, он не был основой сельскохозяйственного производства[3].

Параллельно с общинной собственностью на землю, су-

---

[1] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, 1949. «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. VII, № 6, 1950, стр. 518—519.

[2] Энгельс называет его «упорядоченным персидским царством Сасанидов». К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 75.

[3] А. Ю. Якубовский Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. 28, М.—Л., 1940, стр. 31.

ществовали также и крупные частные земельные владения представителей господствующего класса и жречества. В хозяйствах этих крупных землевладельцев рабский труд применялся в более широких масштабах, в частности, это относится к поместьям, принадлежащим зороастрийским храмам.

Вместе с тем, применение одного только рабского труда в хозяйстве не удовлетворяло крупных землевладельцев. Они стремились к тому, чтобы использовать рабочую силу земледельцев общинников, заставить их работать на себя, распространить свое господство и на эту категорию производителей материальных благ. Но земледельческие общины оказались очень устойчивыми. Оказывая упорное сопротивление рабовладельческой знати, они сохранились вплоть до сложения феодальных отношений в Средней Азии, а частью и значительно позже.

К сожалению, в письменных источниках мы имеем весьма мало данных, характеризующих социально-экономический строй на Среднем Востоке, в частности, на территории современного Туркменистана в период кризиса рабовладельческого общества. Поэтому материал для характеристики экономики этого периода могут дать, главным образом, археологические памятники, которые, однако, к настоящему времени изучены еще в недостаточной степени.

Завоевание Сасанидами Южного Туркменистана в условиях растущего кризиса рабовладельческого строя резко отразилось на экономическом состоянии страны. Коренные парфянские области с городом Ниса, оказавшись после перехода их под власть Сасанидов на окраине государства, теряют прежнее значение и переживают в IV в. н. э. период упадка. Заповедник парфянских царей в Нисе был разрушен и разграблен еще в III в., после падения государства Аршакидов. При археологических раскопках городища Новая Ниса были обнаружены развалины зданий парфянского времени, оставшиеся после того в заброшенном состоянии в течение нескольких десятилетий[1]. Крупных работ по восстановлению города до второй половины V., по-видимому, не производилось.

В предгорьях Центрального Копет-Дага, как показали археологические исследования, резко уменьшилось число поселений и сократились размеры посевных площадей на орошаемых землях[2]. Заселенная полоса придвинулась здесь ближе к горам, к источникам воды, орошавшим поля.

---

[1] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 52

[2] А. А. Росляков. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 84—86.

Этот упадок наблюдается и на территории Апаварктикены (районе современного Каахка). Здесь при раскопках городища Хосров-Кала в слоях, относящихся ко времени кризиса, отмечается резкое огрубение керамики[1].

Кризис рабовладельческого общества охватил и территорию Западной Туркмении (Дахистан)[2].

Наиболее крупным городом в восточной части Сасанидского государства был Мерв (нынешнее городище Гяур-Кала у Байрам-Али). Исследования, произведенные за последние годы на этом городище, показали, что в III в. н. э., несмотря на смену центральной власти, в Мерве существенных изменений не произошло ни в размерах заселенной территории, ни в облике бытового инвентаря. Большие перемены намечаются лишь в IV в. в результате развивавшегося кризиса рабовладельческого строя[3]. Город стал хиреть вследствие упадка торговли и ремесла. Заселенная площадь его значительно сократилась, изменился характер инвентаря, находившегося в пользовании местного населения. Замирает жизнь и в сельских районах Маргианы — ряд поселений в окрестностях Мерва в IV в. н. э. прекратил свое существование[4]. Упадок сельского хозяйства и городского ремесла вызывали значительные изменения в экономике страны и нарастание кризиса, разрушавшего основы рабовладельческого строя. Зарождение феодальных отношений происходило в недрах рабовладельческого строя, и постепенное развитие их представляло собою длительный процесс, совершившийся в течение нескольких столетий.

Свободные крестьяне-общинники, попадая сначала в экономическую зависимость от крупных землевладельцев, в дальнейшем прикрепляются к земле, превращаются в крепостных. Таким образом на развалинах рабовладельческого строя создавались новые, феодальные отношения.

Смена рабовладельческого строя феодальным происходила в обстановке роста и обострения классовой борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

---

[1] Труды Института истории, археологии и этнографии, Ашхабад, 1956, стр. 136.

[2] М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 229.

[3] Он же. Новые данные по древней истории Мерва. «Вестник древней истории», 1951, № 4, стр. 101.

[4] Он же. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. «Вестник древней истории», 1953, № 1, стр. 159.

6. Народы Северного Туркменистана и государство Афригидов в Хорезме

На территории Северного Туркменистана наметившиеся еще в первых веках нашей эры проявления кризиса осложнились крупными внешними конфликтами, связанными с передвижениями кочевых или полукочевых племен.

В IV в. эта территория не осталась в стороне от событий, связанных с гуннскими племенами, и была затронута одной из волн массовых этнических сдвигов в Евразии, известных в истории под названием великого переселения народов. Нашествие гуннов распространилось к этому времени на громадные пространства от Китая и Монголии до границ Казахстана и Средней Азии[1].

Современник и очевидец нашествия гуннов на Европу историк Аммиан Марцеллин описал ужасы их вторжения, надвинувшегося с Востока. По словам этого историка, гунны— «подвижный и неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до аланов», т. е. до населения, — как объясняет дальше историк, — обитавшего на местах «прежних (veteres) массагетов»[2] — которые, как мы знаем, жили в степях Казахстана и Северного Туркменистана.

Аланы и гунны оказывали большое влияние на положение оседлого земледельческого населения низовьев Аму-Дарьи. В борьбе с активизирующимся кочевническим миром происходит новая политическая консолидация Хорезма. В начале IV в. здесь появляется новая династия Афригидов, по имени царя Африга[3]. Как сообщает Бируни, хорезмийцы «ведут летоисчисление от него (Африга) и потомков его»[4]. Таким образом, в отличие от территории Южного Туркменистана, где во второй четверти III в. утвердилась власть иноземной династии Сасанидов, территория Северного Туркменистана объединилась под властью местной династии.

Время Афригидов связано с крупными социальными переменами в обществе Хорезма. Это время знаменует собою упадок античной рабовладельческой культуры Хорезма и появление первых элементов новых феодальных отношений. Неко-

---

[1] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, 1950, вып. XXXIV, стр. 114.

[2] Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 12. кн. I; Ср. относящиеся к середине IV в. китайские сообщения о захвате хуннами владения Судэ в древности называвшегося Эньцай (т. е. область Аланов); Н. Я. Бичурин (Иакинф). Указ. соч, т II, стр. 260.

[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 127.

[4] Там же.

торую роль в этом сложном процессе сыграли, вероятно, и затруднения в приобретении рабов из среды окружающих алано-гуннских племен. В период кушанских царей, ведших войны с Индией, аршакидским Ираном и владениями современного Китайского Туркестана, оттуда могли поступать квалифицированные рабы. Захваченные же в плен аланы были в массе незнакомы со сложной техникой городского ремесленного производства.

Области Хорезма, являвшиеся своеобразным форпостом рабовладельческого общества Средней Азии на границах с кочевническим алано-сарматским миром, переживавшим начальный этап сложения классового общества и разложения первобытно-общинных отношений, оказались в первую очередь в орбите постоянных набегов кочевников.

Среди аланов, по свидетельству современника, наиболее почитались отличившиеся в войнах: «все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами», поклоняются богу войны Марсу и наибольшее удовольствие им доставляют опасности войны. В этой несколько односторонней оценке, явно навеянной страхом перед грозными вторжениями варваров, — «яростных воителей»[1], отразился панический ужас современников перед кочевниками. «Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, производя страшное убийство»[2]. Казалось, невозможно остановить эту опасность.

Культурные области и города Хорезма, подвергавшиеся жестокому натиску кочевых племен, приходили в запустение. Нарушались экономические и торговые связи, становилось небезопасным передвижение по дорогам, разорялись торговые центры.

Тревожное время отразилось в памятниках той эпохи, в стремлении найти убежище за мощными крепостными стенами, в создании невиданных прежде огромных замков, в постройке неприступных крепостей. Один из наиболее архаичных памятников этой эпохи — Малая Кават-Кала, а затем в еще большей степени Пиль-Кала, представляют собою крупнейшие замки, обнесенные несколькими рядами стен с системой повышающихся террас, увенчанных донжоном[3]. Все это отражает важные изменения, происходившие в социальной структуре хорезмского общества. Глубокий кризис и упадок городской ремесленной техники сказался также в появлении большого количества грубой, домашнего производства, кера-

---

[1] Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 9.
[2] Там же.
[3] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 125.

мики, сделанной без гончарного круга. На правобережье Аму-Дарьи сохранилось большое количество памятников этого времени, но и здесь несомненные признаки говорят о наличии такого же кризиса, как и на левобережьи реки[1]. Топрак-Кала, еще в III в. представлявшая собою цветущий город, в VII в. находилась в запустении и превращается в некрополь[2]. Еще раньше запустели Кырк-Кыз-Кала и Малый Кырк-Кыз.

Одновременно с уменьшением количества городов происходит значительное сокращение ирригационной сети, что влечет резкое сокращение обрабатываемых земель и упадок земледелия. В III—VI вв. н. э. сокращается ирригационная сеть и в Левобережном Хорезме[3] прекращается жизнь на землях западнее Змукшира, некоторые города с VI в. н. э. пустеют (Куня-Уаз, Мангыр-Кала, Камга-Кыр-Кала).

Как показывают археологические наблюдения, в частности резкое сокращение количества городов, центры общественной жизни переносятся из городов в деревни, которые постепенно приобретают доминирующее положение[4], что обычно свойственно переходным этапам к феодализму. Появляются изолированные и укрепленные усадьбы, что характерно как раз для этого времени.

Вместе с тем, в афригидский период намечаются уже элементы нового иерархического расчленения общества, что можно заметить в фактах группировки укрепленных усадеб вокруг больших замков. Так, в VI в. н. э. вдоль Беркут-Калинского канала располагалось от 8 до 13 групп замков, которые базировались на определенные ответвления канала, контролирующиеся более крупными замками — Кум-Баскан, Тешик-Кала Беркут-Кала и Уй-Кала[5]. Благодаря этой сложной системе, крупные замки могли контролировать поступление воды на земельные участки крестьянских полей. Это было новой стадией в создании зависимых отношений земледельческого населения от формирующегося класса феодалов.

Как видно из археологических обследований, крупные замки становились вместе с тем центрами, вокруг которых сосредоточивалось ремесленное население и возникали посады. Это был еще один шаг в переходе к феодализирующе-

---

[1] С. А. Ершов. Краткие итоги археологических исследований в Ташаузской области ТССР. «Известия ТФАН СССР», 1946, № 2, стр. 10.
[2] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 124.
[3] М. В. Сазонова. К этнографии узбеков Южного Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, стр. 254.
[4] С. П. Толстов. Указ. соч., стр 124.
[5] Там же.

муся хозяйству. Таким образом, уже в III—V вв. в Хорезме выступают черты новых производственных отношений, которые длительное время сосуществуют со старыми рабовладельческими отношениями.

В результате кризиса рабовладельческой системы резко ослабевала сопротивляемость централизованного государства — афригидского Хорезма, становившегося беспомощным перед усиливающимся натиском кочевых племен. Здесь, как это было и на Западе, объединение всех «варваров» в борьбе против общего врага сыграло решающую роль в ликвидации рабовладельческой системы и переходе к феодализму.

7. Эфталиты

После распада Кушанской империи под ударами кочевников на территории Средней Азии ведущая роль переходит к племенам, известным под названием хонов (хоннов) или хионитов и эфталитов.

В IV в. н. э. борьба среднеазиатских племенных объединений с Сасанидским государством приобрела особенно напряженный характер. Хионито-эфталитские объединения представляли собою конгломерат племен, по-видимому, различных по своему происхождению и языку, и в исторических источниках мы встречаем их под разнообразными наименованиями. В римских и византийских источниках они именуются белыми гуннами, хионитами, кидаритами и эфталитами (иногда — абдель), в армянских — «хептал» или «тетал», в китайских летописях—«иеда» или «иданъ», авторы, писавшие на арабском языке, называют их «хайтал».

Памятников письменности эфталитов не сохранилось никаких, кроме надписей на монетах, а на основании подобного рода источников точное определение языка племени или народа затруднительно. Китайские источники, говоря об эфталитах, сообщают, что «язык» их отличен от тюркского»[1]. Последние исследователи эфталитских надписей признают их относящимися к тохарским письменам. По-видимому, в состав племенного объединения хионитов-эфталитов входили как тюркоязычные, так и ираноязычные племена.

По сведениям китайских источников, правители эфталитов были родственны кушанам[2]. Под натиском других кочевых племен эфталиты двинулись на юг, и в IV в. к ним перешла наиболее активная роль в борьбе среднеазиатских народов с сасанидским Ираном. Ими было создано государство, в сос-

---

[1] Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 268.

[2] Там же, стр. 322.

тав которого вошла значительная часть нынешнего Туркменистана, от Каспийского моря до Аму-Дарьи, области за Аму-Дарьей и некоторые территории нынешнего Афганистана.

Имеющиеся данные исторических источников позволяют допускать, что именем «эфталиты» называлась правящая династия в государственном образовании хионитов. Автор VI в. Феофан Византийский сообщает, что эфталиты получили свое название от имени их царя Эфталана[1]. Китайские летописи сообщают в одном месте, что имя царя — «Иеда» (или Иедэ) превратилось в название государства[2], а в другом месте, что царь народа «хоа» назывался «Иета-и-ли-то»[3]. На некоторых эфталитских монетах рядом с именем царя (Эфталан, Акун и другие), по мнению Р. Гиршмана, стоит и название народа в форме «хион»[4].

Эфталитские племена сыграли определенную роль в этногенезе туркменской народности и несомненно были одним из компонентов, вошедших в ее состав. Возможно, что одно из наименований эфталитов — абдалы — сохранилось в названии родовых группировок туркменских племен—човдуров и сарыков[5]. Имеются предположения, что от этого наименования эфталитов произошло и название крупнейшей группы афганских племен — абдали.

Сведения об образе жизни эфталитов V и VI вв. мы находим в китайских и византийских источниках. Китайские летописи говорят о «иеда» (эфталитах) как о кочевом народе: «они городов не имеют, живут в кибитках»[6]. Однако тот же источник сообщает, что царь эфталитов живет в большом городе, в котором много буддийских храмов и обелисков, украшенных золотом[7]. Византийский историк VI в. Менандр Протектор передает слова прибывших к византийскому императору тюркских посланников, которые характеризовали эфталитов как народ, живущий в городах[8]. Эти сведения не-

---

[1] C. Müllerus. Fragmenta Historicorum Graecorum, IV, Parisiis, 1858, p. 270. Русский перевод — Г. Дестунис. Византийские историки, СПб., 1861, стр. 493.

[2] Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 322.

[3] E. Chavannes. Documents sur les tou-kiue occidentaux. Paris, 1903, p. 223. Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 48.

[4] R. Ghirshman. Les Chionites-Hephtalites. Le Caire, 1948, pp. 10—14, 19—21.

[5] Г. И. Карпов. Племенной и родовой состав туркмен. Полторацк (Асхабад), 1925., стр. 4; он же. К истории туркмен-сарыков, Ашхабад, 1945, стр. 5; он же. О туркменах эсенхановского юрта. «Известия ТФАН СССР», 1946, № 3—4, стр. 21, 23.

[6] Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 268.

[7] Там же.

[8] C. Müllerus. Fragmenta Historicorum Graecorum, p. 226. Русский перевод, стр. 374.

сомненно свидетельствуют о разнородности состава племен, входивших в эфталитское объединение. Среди них одни еще сохраняли кочевой образ жизни, а другие уже переходили к оседлости; третьи именовались эфталитами в смысле подданных Эфталитского государства.

Византийские историки, называя эфталитов белыми гуннами или гуннами-эфталитами, подчеркивают, что они резко отличаются от настоящих гуннов. Наиболее подробные описания эфталитов дают Аммиан Марцеллин (IV в.) и особенно Прокопий (VI в.), который сообщает, что «унны-эфталиты... не смешаны с известными нам уннами, не живут вместе с ними и не имеют смежной с ними области... Они не кочевники, подобно другим уннским племенам, но издревле населяют плодоносную страну... Они белы телом и не безобразны лицом... образом жизни они не похожи на других уннов и не живут как те по-скотски, но состоят под управлением одного царя, составляют благоустроенное гражданство. Соблюдая между собой и с другими справедливость, не хуже римлян или кого другого»[1].

Описание внешности эфталитов указывает на европеоидный характер их типа, резко отличающийся от монголоидного типа, который был свойствен гуннам и другим тюркским племенам. Сохранившиеся на монетах изображения эфталитских царей также не имеют признаков монголоидного типа[2]. Вместе с тем, необходимо обратить внимание еще на одну характерную черту, свойственную, по словам Прокопия, эфталитам: они имели государственное устройство, основанное на установленных законах, и этим отличались от гуннских племен, находившихся на более низком уровне общественного развития. Название «гунны» было присвоено эфталитам, может быть, в связи с тем, что они некогда входили в гуннский племенной союз.

Сведения, сообщаемые письменными историческими источниками, показывают, что обострение классовых противоречий достигло у эфталитов значительной степени. Однако в массе эфталитов сохранились еще пережитки первобытно-общинного строя. Китайские источники сообщают о существовавшем у эфталитов суровом наказании за кражу. За всякую кражу, независимо от количества украденного, была установлена смертная казнь посредством отсечения головы, причем

---

[1] Procopii Keasariensis de bello Persico, III, 16, Lipsiae, 1905 Русский перевод Прокопия Кесарийского. История войн с персами, вандилами и готфами. Перевод с греческого С. Дестуниса. СПб., 1862, стр. 14.

[2] R. Ghirshman. Указ. соч., pp. 10—11, 19—22; fig. 5—8, 17—23

взыскивалась десятикратная стоимость украденного имущества[1]. Эти суровые наказания показывают, что имущественное расслоение у эфталитов зашло уже достаточно далеко и представители классовой верхушки были очень озабочены сохранением принадлежащих им богатств.

Царская власть передавалась не по наследству, а способнейшему из родственников[2], в чем можно видеть сохранение пережитков родо-племенных отношений. Свидетельство о росте классовых противоречий общества эфталитов мы находим в описании их погребальных обрядов. Китайские источники сообщают, что умерших из богатых домов хоронили в каменных склепах, а бедных в выкопанных могилах, причем вместе с покойником клали в могилу принадлежащие ему вещи[3]. У византийского историка VI в. н. э. Прокопия мы находим рассказ о пережитке древнего обычая, сохранившемся в высших слоях эфталитского общества[4]. «Самые богатые из них приобретают себе друзей, человек до двадцати и более. Друзья всегда обедают вместе с ними, разделяют их достаток, имея на него общее с ними право. Когда же тот, кто приобрел друзей, умрет, то по закону и они должны быть положены в гроб вместе с ним, живые».

Историк Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.) сообщает о похоронах сына царя хионитов, убитого в бою во время войны Римской империи с сасанидским Ираном, в войске которого в качестве союзников принимали участие хионитыы[5]. Труп убитого был помещен на высоком помосте, вокруг которого было расставлено десять лож с изображениями умерших людей, так хорошо исполненными, что они совершенно походили на покойников. В течение десяти дней все люди пировали и пели погребальные песни. После этого труп умершего вместе с окружающими его изображениями был предан огню, а кости были собраны в серебряную урну.

Приведенные сведения указывают, что в обществе эфталитов, несмотря на сохранившиеся пережитки, уже выделилась классовая верхушка.

Относящиеся к IV—VI вв. археологические памятники племен, объединившихся под властью эфталитов, обнаружены в Западном Туркменистане к северу от реки Атрека — в об-

---

[1] Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 269.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Прокопий Кесарийский. III, 16. Русский перевод, стр. 14.
[5] Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt. Berolini, 1910, I, XIX, I, 7—11; 2, 1. Русский перевод Аммиан Марцеллин. История. Перевод с латинского Ю. Кулаковского и А. Сонни, вып. I. Киев, 1906, стр. 249.

ласти, получившей название Дахистан, по имени племени дахов, населявших ее в древности. Обширная территория прикаспийских степей, как и в предшествующее время, представляла собою культурные земли, орошавшиеся густой системой каналов, снабжавшихся водой из реки Атрека. В западной части прикаспийских степей обследованы археологические памятники, представляющие собою остатки общинных поселений оседлых скотоводов, занимавшихся также земледелием[1]. В этих поселениях (городище Кайрахи и др.) были устроены укрепленные загоны для скота. Значительная площадь, размером в несколько сот квадратных метров, была окружена стеной из сырцового кирпича и служила убежищем, куда во время опасности местное население скрывало свой скот, являвшийся для него основным средством к существованию. Эти археологические памятники представляют собой поселения тех племен, которые входили в состав государства эфталитов.

Кроме укрепленных общинных поселений, в прикаспийских степях были распространены и укрепленные усадьбы отдельных представителей землевладельческой знати. Эти усадьбы были окружены стенами и башнями, внутри ограды располагались жилые строения с хозяйственными постройками[2]. Наличие этих двух основных типов населенных мест—поселений крестьян-общинников и усадеб землевладельцев — показывает, что классовое расслоение в среде прикаспийских племен, входивших в государство эфталитов, достигло значительной степени.

Были здесь и города[3] (городище Геокчик, Шаудуз, Ханлы-Депе и другие), являвшиеся центрами торговой и ремесленной деятельности. Возле этих городов, непосредственно к ним примыкая, располагались крепости, служившие для их обороны. Археологические памятники племен, входивших в состав хионитского и эфталитского объединений, открыты также на территории Ташаузской области. К ним относятся верхние слои городищ — Куня-Уаз и Канга-Кала. Жители этих городищ вели земледельческое хозяйство, используя для орошения каналы, выведенные из Аму-Дарьинских протоков. Судя по археологическим находкам, они занимались также скотоводством.

Основная масса эфталитов занималась земледелием и скотоводством. По сообщению китайского источника, у эф-

---

[1] В. М. Массон. Материалы к изучению древней культуры Дахистана (отчет о работах 10 отряда ЮТАКЭ в 1951 г., хранящийся в ЮТАКЭ), 1952, стр. 51, 61, 94, 96.

[2] Он же. Изучение древнего Дахистана в 1951 г. (из работ ЮТАКЭ 1951 г.). «Известия АН ТССР», 1953, № 1, стр. 56.

[3] Там же, стр. 57.

талитов было много лошадей и верблюдов[1]. Наличие большого количества домашних животных, используемых для транспорта, показывает, что передвижения играли важную роль в жизни эфталитов. У части населения, ведшего кочевой образ жизни, происходили частые перекочевки с места на место; с другой стороны, у эфталитов была развита и караванная торговля.

Кочевые племена, входившие в состав государства эфталитов, заняли и подчинили своей власти земледельческие оазисы, бывшие еще в древности центрами земледелия и торговли. Местное население продолжало вести прежний образ жизни. В государстве эфталитов было много городов, которые представляли собой старые торгово-ремесленные центры, подчинившиеся новой государственной власти. Столицей государства эфталитов был, по одним предположениям, Пейкенд[2] (между Бухарой и Аму-Дарьей), по другим — город Балх[3], по третьим — Бадахшан[4], в качестве их столицы называют и Бамиан.

Широкое распространение имела торговля. Государство эфталитов занимало промежуточное положение между Византией, Ираном, с одной стороны, Китаем и Индией — с другой. В руках эфталитов находилась часть упоминавшегося выше «шелкового пути» — караванной дороги, по которой шла торговля шелком между Китаем и Передней Азией. Торговые операции эфталитов имели главным образом транзитный характер, оседлое население выступало в качестве посредника в торговле между Китаем и Византией. Кроме шелка, предметами торговли было стекло, пряности, драгоценные камни[5], кораллы, косметики и отчасти материя, в частности легкие ткани Мерва.

Как сообщает Феофан Византийский, во владении эфталитов были торговые гавани, ранее принадлежавшие Сасанидам[6], через которые шла торговля шелком. По-видимому, эти гавани находились на восточном побережье Каспийского моря. В связи с торговлей в государстве эфталитов было широко распространено монетное обращение. Помимо эфталитских монет собственной чеканки, в обращении находились и монеты сасанидские. При чеканке монет эфталиты

---

[1] Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 269.
[2] История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, Ташкент, 1955, стр. 106, 109.
[3] R. Ghirshman. Указ. соч., p. 91.
[4] По предположению В. В. Бартольда.
[5] Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, М.—Л., 1951, стр. 198—199; История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, стр. 110.
[6] C. Müllerus., Fragmenta. Historicorum Graecorum, IV, p. 270. Русский перевод, стр. 493.

пользовались тохарской письменностью[1], которая была распространена в восточной части Средней Азии и представляла собой видоизменение индийской письменности. На некоторых сасанидских монетах, находившихся в обращении у эфталитов, кроме надписей, сделанных принятыми в Иране пехлевийскими письменами и содержащих имя иранского шаха, имеются еще дополнительные эфталитские надписи.

В рассматриваемый нами период эфталиты находились на таком уровне общественного развития, когда уже требовалась государственная власть для обуздания обостряющихся классовых противоречий, для укрепления власти господствующего класса. Созданное ими государство, по-видимому, возникло на основе разложения первобытно-общинного строя.

Взаимоотношения хионитов и эфталитов с Иранским государством начались с IV в. После распада Кушанского государства к Ирану были присоединены обширные владения на левом берегу Аму-Дарьи. Но в середине IV в. народы Средней Азии организовали отпор завоевательным стремлениям Сасанидов и оттеснили их от Аму-Дарьи. На северной границе Сасанидского государства появились хиониты, в Бактрии возникло новое Кушанское государство царя Кидары, получившее независимость в результате войны с Ираном[2]. Под именем Цидоло (или Кидолу) он известен и в китайских летописях, как владетель Большого Юэчжы[3]. Известно, что именем «Большой Юэчжы» китайцы называли Кушанское государство I—III вв. н. э.[4].

По сведениям китайских источников, Кидара (Цидоло) вскоре был разбит хионитами, которые вынудили его уйти в Северную Индию. Там еще в течение некоторого времени существовало государство, во главе которого стоял сын Кидары[5].

Хиониты первоначально признавали верховную власть Сасанидов. Шах Шапур II обязал царя хионитов принять участие в его войне с Римской империей. Историк Аммиан Марцеллин сообщает о боевых действиях при осаде города Амиды (в Сирии) в 359 г.[6], в которых принимали участие

---

[1] R. Ghirshman, Указ. соч., pp. 11—14.
[2] Marquart. Eransahr..., Berlin, 1901, S. 50.
[3] Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 264, 266.
[4] Там же, стр. 183—184, 227—228.
[5] Там же, стр. 266.
[6] Аммиан Марцеллин, XVII, 5, 13; XIX, 1—2; Русский перевод, вып. 1, стр. 174 и 248—249.

хиониты в качестве союзников сасанидского Ирана. Сохранились монеты, представляющие собою кописсии сасанидских монет шаха Шапура II, с эфталитской надписью, по чтению Р. Гиршмана, «Эфтал царь хионитов»[1].

В V в. н. э. хиониты продолжали борьбу с Сасанидами, причем им даже удавалось проникать и в центральные области Ирана[2]. Во второй четверти V в. шах Варахран V (Бахрам Гур), опасаясь все усиливающегося могущества хионитов, вел против них войны на восточных границах своего государства. Войска Варахрана V одержали победу в бою у Кушмейхана (нынешнее городище Кишман-Депе, в 30 *км* к северу от Байрам-Али) в одном дне пути от города Мерва[3]. Затем был убит царь хионитов и захвачена огромная добыча. Захваченная в плен жена хионитского царя была направлена в качестве прислужницы в храм огня в Ганзаке.

Позднее Иездегерд II (438—457 гг.) разбил хионитов в районе Балхан, причем убил самого хионитского царя в городе Чол. По мнению некоторых исследователей, «Чол» название не города, а обитавшего здесь племени, по имени которого назывался тогда и район. Слово «чол» может быть объяснено из тюркских языков: «чёл»—«степь» в современном туркменском языке.

Между хионитами и сасанидским Ираном здесь шла борьба за овладение и обладание культурными областями Прикаспия и морским побережьем, имевшим большое значение для международной торговли. Чтобы удержать побережье Каспийского моря[4] в своих руках, Иездегерд II построил здесь крепость «Шахристан-и Иездегерд», но все же его войско не смогло сломить упорное сопротивление местных племен.

Сын Иездегерда Пероз (457—484 гг.) или Фируз, как его называют арабские источники, вел удачную борьбу с кидаритами у побережья Каспийского моря, где, по сведениям источников, находился город Горго[5]. На восточной границе Ирана, нынешнего Афганистана между Мургабом и Аму-Дарьей) по

---

[1] R. Ghirshman. Указ. соч., p. 11.
[2] Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber... Leyden, 1879, S. 99.
[3] Abu Hanifah, ad Dinawari. Kitab al ahbar at tiwal, Leiden, 1838, S. 58.
[4] Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 44. По мнению других историков, слово «чол» в данном случае являлось названием огорода, где жил царь хионитов.
[5] Прокопий Кесарийский, III, 16. Русский перевод, стр. 18.

направлению на Балх, войска Пероза сражались против эфталитов[1].

Постоянные войны, которые приходилось вести Сасанидам на северной границе своего государства в V и VI вв. н. э. заставляли их сооружать ряд крепостей и других оборонительных сооружений на Атреке в предгорьях Копет-Дага и в долине Мургаба.

Стремясь преградить эфталитам путь в центральные области Ирана, Пероз построил к северу от р. Гюрген (Горган) стену протяжением около 300 *км*.

Исследования последних лет показали, что вал Мерз, ограждавший с севера Атекский оазис, очевидно, также был возведен при Перозе. В это время восстанавливается в качестве пограничной крепости ранее разрушенный город Ниса.

Для обороны северо-восточных границ своего государства Сасаниды создали в V в. в районе Мерва укрепленную линию из военных поселений армянских и грузинских отрядов.

Во второй половине V в. окончательно сформировалось независимое государство эфталитов, охватившее восточное побережье Каспийского моря, пустыни Туркменистана, области по течению Аму-Дарьи, обширные территории к востоку от этой реки и верхнее течение рек Мургаба и Теджена (нынешний Северный Афганистан). Северные предгорья Копет-Дага и оазисы по нижнему течению Мургаба и Теджена оставались под властью сасанидского Ирана.

Первая война, которую Пероз вел против эфталитов, закончилась победой иранцев. Но вскоре положение изменилось, он попал в плен к эфталитам и освободился лишь за огромный выкуп, дав при этом клятву не переступать границы своего государства. Однако через некоторое время Пероз, нарушив данную им клятву, снова выступил против эфталитов. При этом, как сообщает историческое предание, он велел передвигать вперед пограничную башню с помощью 50 слонов[2], чтобы таким образом уклониться от исполнения своего обязательства не переходить через границу. Решительное сражение произошло в 484 г. возле упоминавшегося города Горго. Преследуя эфталитов, обратившихся в притворное бегство, Пероз погиб вместе с большей частью войска. Остальная часть войска и весь лагерь Пероза были захвачены эфталитами. После этого тяжелого поражения Иран был вынужден платить эфталитам дань в течение длительного времени.

---

[1] C. Müllers. Fragmenta Historicorum Graecorum, IV, p. 109. Русский перевод, стр. 97.

[2] Th. Nöldeke. Указ. соч., S. 129.

К середине V в. государство эфталитов охватило восточное побережье Каспийского моря, пустыни Туркменистана, области по течению Аму-Дарьи, верхнее течение рек Мургаба и Теджена (нынешний Северный Афганистан). Кроме того, эфталиты заняли Мерв, Согд, области Восточного Ирана, Восточный Туркестан и северную часть Индии.

Таким образом, эфталиты, так же как в свое время кушаны, создали огромную державу.

Глава III

РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА в VI в.—НАЧАЛЕ XI в.

1. Возникновение феодальных отношений в Туркменистане

В первые два века существования государства Сасанидов положение свободных общинников значительно ухудшилось. Частые войны и стихийные бедствия тяжело отражались на земледельческом населении. Сельская община, состоявшая из больших патриархальных семей, постепенно расслаивалась, из нее выделялись полузависимые крестьяне-кедиверы, уже испытавшие на себе тяжесть эксплуатации со стороны крупных землевладельцев. Закабалению обнищавших свободных земледельцев в значительной мере способствовали распространение издольной аренды и тяжкие узы долговой зависимости[1]. Наряду с этим, центральная власть производила раздачу государственных земель представителям землевладельческой знати и этим усиливала их влияние и могущество.

Кризис рабовладельческого строя в государстве Сасанидов все более усиливался. Имеются сведения об активных выступлениях рабов против своих владельцев[2]. Обострение классовой борьбы выразилось в больших народных движениях, развернувшихся в III и V вв. н. э. Они имели свое-

---

[1] А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века. Краткие сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XXXVIII, М.—Л., 1949, стр. 32.

[2] См. работу Н. В. Пигулевской. Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке. «Вопросы истории», 1953, № 3, стр. 55.

образный характер, определявшийся условиями того времени, когда всякий протест против государства и государственной религии облекался также в религиозную форму.

В середине III в. н. э. в Иране выступил религиозный проповедник по имени Мани. Учение его распространялось преимущественно среди тех слоев городского населения[1], положение которых ухудшалось в связи с ростом налогов и упадком ремесла и торговли. Сторонники нового учения, называемые (по имени его основателя) манихейцами, учили, как и последователи зороастризма, что в основе всего происходящего в мире лежит борьба двух начал—мрака и света, добра и зла. Манихейцы верили, что силы добра победят и люди обретут счастье, но средствами для достижения этого, по имеющимся в исторической литературе сведениям, признавали проповедь, убеждение словом и делом, запрещая пролитие крови не только людей, но и животных[2]. Однако они сурово осуждали государство и господствующую религию, рассматривая их как олицетворение и воплощение зла. Проповедь таких взглядов вызвала жестокие преследования манихейцев со стороны господствующего класса. Хотя в 276 г. сам Мани и его ближайшие сподвижники были казнены, их взгляды получили широкое распространение не только в Иране, но и далеко за его пределами. Во многих городах и областях Средней Азии манихейство сохранялось в течение ряда столетий[3]. Имеются данные о том, что в Средней Азии оно имело многочисленных сторонников и среди местного сельского населения[4]. Среди манихейских сект, продолжавших развивать далее учение своего основоположника, вызревали и опасные для господствующего класса идеи о необходимости активного искоренения зла.

Учение манихейцев подготовило почву для выступления Маздака, происходившего из сословия жрецов, но возглавившего в конце V в. борьбу народа против знати и жречества в сасанидском Иране. К сожалению, сведения о Маздаке и его сторонниках до нас дошли только в изложении авторов, занимавших по отношению к ним классово-враждебную позицию, и крайне тенденциозных. Умалчивая об истинных масштабах этого движения, они представляют в искаженном ви-

---

[1] A. Christensen. L'Iran sous les Sessanides. Copenhague. 1944, pp. 183—194.

[2] А. Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 29 (в дальнейшем—Очерки...).

[3] См. История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, стр. 174.

[4] На наличие таких данных, ссылаясь на исследования А. М. Беленицкого, указывал А. Ю. Якубовский. См. Очерки..., стр. 28.

де поступки и идеи его участников, не останавливаясь перед клеветническими измышлениями. Литературные произведения, написанные самими моздакитами, полностью уничтожены их врагами, представителями имущих классов. Маздак призывал людей активно бороться против всех проявлений зла. Основной причиной зла он считал общественное неравенство, возникшее в результате насилия, тогда как людям предоставлены средства к существованию для того, чтобы они поровну делили их между собою. Поэтому, чтобы восстановить первоначальное равенство, надо взять у богатых их имущество и дать бедным. Запрещая вообще пролитие крови, как проявление зла, Маздак, однако, разрешал в виде исключения убивать людей с целью активной борьбы со злом, с социальной несправедливостью[1].

Проповедь Маздака привлекла подвергавшиеся эксплуатации широкие народные массы государства Сасанидов, главным образом, крестьян-общинников, положение которых было крайне тяжелым. Повсеместно начали вспыхивать крестьянские восстания, направленные против крупных землевладельцев. Были разгромлены владения многих представителей знати, а имущество их разделено между участвовавшими в движении крестьянами-общинниками[2].

Маздак стал во главе созданной им организации единомышленников и руководил народным движением, охватившим все владения Сасанидов, в состав которых входили и территории южной части нынешнего Туркменистана.

Восстание маздакитов приняло столь широкие размеры, что царь Ирана Кавад I (488—496 и 499—531 гг.) не решился выступить против него, а пытался, руководствуясь соображениями политического характера, использовать его в своих интересах, чтобы ослабить землевладельческую знать и зороастрийское жречество, проявлявшие тенденции к сепаратизму и децентрализации в ущерб интересам государственной власти.

Представителям знати удалось приостановить широко разросшееся движение и свергнуть в 496 г. Кавада с престола. Но Маздак пользовался таким большим влиянием в стране и любовью народа, что его вначале не рискнули тронуть. Кавад бежал к эфталитам и с их помощью, несколько лет спустя, возвратил себе власть.

В последние годы правления Кавада представители гос-

---

[1] Н. В. Пигулевская. Маздакитское движение. «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. I, 1944, № 4, стр. 171—181, А. Ю. Якубовский. Очерки..., стр. 29 (со ссылкой на Макдиси).

[2] Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 173.

подствующего класса землевладельцев приняли решительные меры к полной ликвидации маздакитского движения, видя в нем опаснейшую угрозу. Маздак и его ближайшие сподвижники были убиты, начались жестокие репрессии против сторонников этого учения.

Скрываясь от преследований, маздакиты уходили в Северный Азербайджан и Среднюю Азию, где последователи учения Маздака сохранялись в виде небольших групп в течение нескольких столетий. Идеи, вдохновлявшие маздакитов, продолжали жить среди широких масс населения и неоднократно служили знаменем народных восстаний в Средней Азии и Иране.

Маздакитское движение представляло собой массовый протест трудящихся против растущего гнета эксплуататоров. Крестьяне-общинники, бывшие основными участниками этого движения, боролись за восстановление свободной общины и стремились установить всеобщее равенство на основе форм уже отжившего первобытно-общинного строя. Эта попытка скончилась неудачно, но тем не менее восстание имело прогрессивный характер, так как оно объединяло широкие массы в борьбе против эксплуататоров.

Восстание маздакитов было крупным событием времени перехода от рабовладельческих отношений к феодальным на территории Средней Азии и Ирана. Его следует рассматривать как одно из звеньев в цепи народных движений, разрушавших рабовладельческий строй. Эфталиты также внесли свою долю в дело разрушения отживших общественных отношений. Падение рабовладельческого строя было итогом народных восстаний, расшатавших его изнутри, и нашествий новых «варварских» народов, сокрушивших его извне.

В результате разорения крупных рабовладельческих хозяйств аристократии и зороастрийского жречества в Сасанидском государстве были окончательно подорваны основы рабовладельческого строя. На смену отжившим классам выдвинулись средние землевладельцы, ставшие опорой центральной власти и основой складывавшихся феодальных отношений[1].

В связи с формированием феодальных отношений постепенно смягчался острый экономический кризис IV—V вв. н. э., о котором свидетельствуют археологические памятники Туркменистана. Новые производственные отношения создавали благоприятную почву для роста производительных сил, для экономического и культурного развития общества.

---

[1] Н. В. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосроя Ануширвана. «Вестник древней истории», 1937, № 1, стр. 143.

Археологические исследования, проведенные в предгорьях Центрального Копет-Дага, дают материал, свидетельствующий о прогрессе техники обработки продуктов земледелия. Ручные мельницы — жернова окончательно вытеснили в эту эпоху былые зернотёрки. Ручные мельницы найдены, между прочим, в мервском квартале мукомолов III в. н. э., на развалинах замка Кюня-Кала (селение Кеши близ г. Ашхабада), существовавшего до V в. н. э.[1] и др. местах В Дахистане мельничные жернова обнаружены на памятниках с V в. н. э.[2]. Через несколько столетий после этого в письменных источниках сообщается уже о водяных мельницах на территории нынешнего Туркменистана[3].

Эволюция техники мукомольного дела является для рассматриваемого времени весьма существенным показателем, отражающим рост производительных сил, а в определенных условиях и соответственные ему изменения производственных отношений. Как известно, К. Маркс придавал этому показателю серьезное значение, обращая внимание на то, что «ручная мельница дает... общество с сюзереном во главе»[4].

Рассмотрение приведенных выше фактов, характеризующих эволюцию техники мукомольного дела на территории Туркменистана, в совокупности со всеми другими имеющимися сведениями дает основания считать, что в V—VII вв. здесь совершался переход к феодальному строю.

Развитие торговли, широко распространенной в сасанидском Иране, способствовало росту товарного производства в сельском хозяйстве и ремесле. Значительные для своего времени масштабы имела в этом государстве международная торговля. Иран держал в своих руках пересечения всех важнейших сухопутных путей между Средиземноморьем и странами Востока. Один из этих путей шел через Южный Туркменистан — по северным предгорьям Копет-Дага, с выходом к Каспийскому морю. За обладание им сасанидский Иран вел упорную борьбу со своими северными соседями—эфталитами. Особенно большие выгоды приносила торговля шелком. Первоначально шелк вывозился исключительно из Китая, в дальнейшем же в Средней Азии появились свои центры шелководства.

---

[1] А. А. Росляков и О. Дерякулиев. Древности села Кеши. Архив ТГУ, рукопись, стр. 4.

[2] В. М. Массон. Древняя культура Дахистана (историко-археологические очерки), М.—Л., стр. 13.

[3] Табари, МИТТ, I, стр. 93, 95, 97, 110. Сведения о водяных мельницах в Туркменистане, сообщаемые Табари, относятся к середине VII—началу VIII в.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV, 1955, стр. 133.

В предгорьях Копет-Дага с начала VI в. вновь осваиваются старые культурные земли, заброшенные в первые века господства династии Сасанидов, возникают новые населенные пункты на местах бывших парфянских поселений, например, между селениями Багир и Безмеин и в оазисе Гюль-Заде, к северо-западу от г. Ашхабада[1].

Восстанавливается и разрушенный город Ниса, где производилась чеканка монеты; следовательно, этот город был тогда довольно крупным торговым и ремесленным центром. В дальнейшем этот город становится резиденцией полунезависимых феодальных владетелей[2].

Повсеместно в Туркмении появляются во множестве укрепленные замки-усадьбы, представлявшие собою жилища феодализирующейся земледельческой знати. Недостаток земли, пригодной для орошаемого земледелия, препятствовал возникновению крупных земельных владений в предгорьях Копет-Дага.

В окрестностях Ашхабада обнаружены развалины укрепленных усадеб, обнесенных оградой в виде стены с угловыми башнями, с жилыми зданиями внутри ограды[3]. Вместе с тем, укрепленные общинные поселения, широко распространенные при парфянах, начинают приходить в упадок[4].

Развалины укрепленных замков-усадеб, сооруженных на высоких насыпных земляных платформах, имеются также в различных местах к западу и к востоку от Ашхабада (в Бахарденском и Каахкинском районах). Найденные там грубая керамика и керамические шлаки показывают, что глиняная посуда изготовлялась на месте, в этих усадьбах[5].

Постоянные войны, которые приходилось вести Сасанидам на северной границе своего государства в V и VI вв. н. э., заставляли их сооружать ряд крепостей и других оборонительных сооружений в предгорьях Копет-Дага. Для обороны северо-восточных границ своего государства в V в. н. э. эти правители создали, как уже говорилось, в районе Мерва укрепленную линию из военных поселений[6].

В Мургабском оазисе в VI в. по-прежнему самым крупным городом был Мерв, ставший административным центром

---

[1] См. А. А. Росляков. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. Труды ЮТАКЭ, т. V.

[2] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 53.

[3] А. А. Росляков. Указ. соч., стр. 87—88.

[4] Там же, стр. 33.

[5] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 39.

[6] Т. Тер-Григорян. Борьба закавказских народов против Сасанидов в V в. н. э. «Исторический журнал», 1943, № 8—9, стр. 35—36.

Хорасана и резиденцией начальника области (марзбана). Город вышел из полосы упадка, и территория, занятая им, значительно расширилась в западном направлении, за пределы укрепленной ограды (теперь городище Гяур-Кала). О подъеме городской жизни в VI в. говорит возникновение и рост в Мургабском оазисе ряда новых поселений городского типа (нынешние городища Топ-Депе, Торгай-Депе, Кара-Депе и другие в северной части оазиса) с караван-сараями и другими постройками общественного назначения[1]. Новые города становятся центрами ремесленной деятельности; в них возникают отдельные кварталы ремесленников, занятых выделкой глиняной посуды и металлических изделий[2]. Имеющиеся уже в нашем распоряжении данные ясно показывают рост производительных сил на территории Туркменистана в VI в.

В середине VI в. Иран смог настолько укрепить свои силы, что, воспользовавшись ослаблением эфталитов, прекратил платить им дань[3]. Эфталитам вскоре пришлось столкнуться с новым противником, появившимся у их восточных пределов. К середине VI в. сложилось большое государство кочевников — Тюркский каганат, в состав которого вошли различные племена и народности Алтая, Центральной Азии и Семиречья. Распространив свою власть на значительную часть Средней Азии, Тюркский каганат вступил в вооруженный конфликт с эфталитами и, действуя совместно с сасанидским Ираном, нанес им решительный удар. С середины 60-х годов VI в. государство эфталитов перестало существовать как самостоятельное владение. Шах Хосров I (531—579 гг.) захватил обширную территорию на востоке до Аму-Дарьи, которая стала границей между сасанидским Ираном и Тюркским каганатом[4]. Прикаспийские племена оставались независимыми от Сасанидов[5], но в какой-то мере подчинялись власти правителей Тюркского каганата. Под натиском этих племен при Хосрове I граница Ирана была передвинута на юг, и вместо прежней пограничной стены Пероза была сооружена южнее ее новая стена[6] от моря до гор (к юго-западу от нынешнего Астрабада).

---

[1] Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 216, 229—230.
[2] В. М. Массон. Развалины Генугирда. «Известия АН ТССР», 1951, № 3, стр. 13.
[3] R. Ghirshman. Les Chionites—Heptalites, Le Caire, 1949, pp. 18, 93.
[4] I. Marquart. Eransahr... S. 64.
[5] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Туркмения, т. I, Л., 1929, стр. 12.
[6] Он же. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., Ташкент, 1902, стр. 28.

Тюркский каганат был военно-политическим объединением ряда племен, различных по своему этническому составу, по уровню хозяйственного и культурного развития и по образу жизни[1]. Начало этому объединению положили тюркские племена Алтая, выступавшие совместно с некоторыми соседними племенами.

Полагают, что само слово — «тюрк» первоначально имело не этническое, а политическое значение[2]. По-видимому, оно применялось для обозначения различных племен, подчинявшихся тюркским каганам. В дальнейшем, в результате ассимиляции разнородных этнических элементов образовалась большая группа племен и народностей, говоривших на близких друг другу тюркских языках и наречиях.

Тюркские племена, сохранявшие за собою руководящую роль в созданном их знатью государстве, занимались в основном кочевым скотоводством и, продолжая оставаться в степях, ограничивались взиманием дани с оседлого населения. Верховная власть находилась в руках кагана, который избирался советом старейшин (курултаем). Исторические источники содержат некоторые сведения о классовой структуре тюркского общества того времени, выделяя «карабудун» — простой народ, трудящиеся массы, и «эль» — господствующую верхушку. Знатные люди назывались беками.

Союзнические отношения, установившиеся между Тюркским каганатом и сасанидским Ираном во время совместной борьбы с эфталитами, вскоре сменились враждебными. В этом большую роль сыграло соперничество из-за обладания торговым путем из Передней Азии на Дальний Восток.

В 80-х годах VI в. вследствие внутренних междоусобий, осложненных поражением со стороны Китая, Тюркский каганат распался. Из него выделилась западная часть, называемая Западно-Тюркским каганатом, объединявшая обширные территории степей Казахстана и земледельческую область Согда, пользовавшуюся, по-видимому, некоторой автономией.

В начале VII в. Западно-Тюркский каганат достиг значительной степени могущества и представлял собою большое государство, охватывавшее территорию от Каспийского моря до Северной Индии. Но в середине VII в. это государство не выдержало нового натиска со стороны Китая и подчинилось его власти. Хорезм и в период кратковременного могущества

---

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 491.

[2] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 9; С. Толстов. К истории древнетюркской социальной терминологии. «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 81; С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 501.

Тюркского каганата сохранял независимое положение. Династия Афригидов, управлявшая Хорезмом, продолжала чеканить собственную монету[1].

Обитавшие в прикаспийских степях и в Дахистане (Дехистане, как его стали называть в средние века) независимые от Ирана тюркские племена, подчинявшиеся правителям Тюркского каганата, после его ослабления и распада добились известной независимости и образовали самостоятельные владения во главе с правителями из местной знати.

Во время господства Тюркского каганата на территорию Туркменистана переселилось много новых тюркских племен. Эти племена в дальнейшем также явились составными частями, из которых впоследствии сложилась туркменская народность.

В восточной части Хорасана, по среднему течению Мургаба и Теджена, в конце VI и в начале VIII вв. оставался ряд местных племен, которые входили ранее в состав Эфталитского государства. После его гибели они представляли собою полунезависимые владения, правители которых номинально подчинялись Сасанидам. Пользуясь поддержкой Тюркского каганата, они продолжали борьбу против Ирана, отстаивая свою независимость[2].

2. Народы Туркменистана в борьбе против арабских завоевателей

Южный Туркменистан в середине VIII в. н. э. представлял собою страну с высокой земледельческой культурой, развивавшейся на основе искусственного орошения.

В Южном Туркменистане получают распространение водяные мельницы, что означало для того времени значительный прогресс техники, — была использована энергия падающей воды, заменившая действие мускульной силы человека.

Имеются сведения о том, что водяные мельницы были на Мургабе[3] и на Гюргене[4] в Прикаспии. Несомненно, их устраивали и на других реках. Было освоено производство мельничных жерновов, требующее специальных приспособлений. Их

---

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 219; он же. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 194.

[2] J. Marquart. Указ. соч., 65—67; Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber... SS. 478—487; К. Патканьян. Опыты истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями. СПб., 1863, стр. 59—61.

[3] Белазури, МИТТ, I, стр. 63; Табари, МИТТ, I, стр. 93, 95, 97.

[4] Табари, МИТТ, I, стр. 92.

изготовляли мастера-каменотесы[1]. Эти сведения позволяют утверждать, что в хозяйстве Южного Туркменистана того времени важную роль играло разведение зерновых культур, продукты которых в массовом количестве были предметом торговли.

В Мургабском оазисе тогда уже сложился значительный центр шелководства. Имеются письменные известия, что именно из этого оазиса шелководство было впоследствии перенесено в прикаспийские области и в другие районы Ирана[2].

Рост производительных сил и товарного производства способствовал развитию торговли. В числе предметов торговли источники называют продукты сельского хозяйства, мелкий рогатый скот, шелковые и полотняные ткани[3].

Экономическое развитие Южного Туркменистана в середине VII в. было на время задержано арабским завоеванием.

По уровню своего хозяйственного и культурного развития арабские племена накануне завоевания Средней Азии стояли ниже, чем народы Средней Азии; подавляющая часть населения вела кочевой и полукочевой образ жизни, другие жили в городах. Города Аравии были центрами древней и для своего времени высокой культуры, но в VI—VII вв. находились в состоянии упадка. Кризис рабовладельческого строя, охвативший в эту пору почти весь древний мир, тяжело сказался и в Аравии. Сокращалась торговля, ранее приносившая большие доходы населению страны, обострялись классовые противоречия в городах и среди кочевых племен.

В первой половине VII в. в Аравии появилось и быстро распространилось новое религиозное учение—ислам; основоположником этой религии был Мухаммед, житель Мекки, одного из важнейших торговых городов Аравии.

Новая религия была использована классовой верхушкой кочевых арабских племен для создания государства, во главе которого стал Мухаммед, объединивший в своих руках как духовную, так и светскую власть. Преемники Мухаммеда назывались халифами, т. е. наместниками, а созданное арабами государство получило название «халифат».

Вновь возникшее государство с первых же лет своего существования начало вести захватнические войны, стремясь таким путем найти выход из создавшегося кризиса. Правящая верхушка была заинтересована в ведении этих войн, предполагая за счет захваченной добычи удовлетворить мас-

---

[1] Табари, МИТТ, I, стр. 92.

[2] М. Е. Массон. Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда Bombix mori, Белек С. Е. Малову. Сборник статей КирФАН СССР, Фрунзе, 1946, стр. 49—51.

[3] Табари, МИТТ, I, стр. 126, 128.

сы недовольных и этим смягчить остроту классовой борьбы.

Арабы объявляли, что ведут священную войну за веру с целью распространения новой религии. Но, как часто бывало в истории, религиозные лозунги служили лишь прикрытием материальных интересов, в данном случае грабительских намерений арабской знати.

Государство Сасанидов, ослабленное тяжелыми и продолжительными войнами с Византией и Тюркским каганатом, не смогло оказать серьезного сопротивления наступательной силе арабов.

Трудовое эксплуатируемое население Ирана, обремененное налогами и повинностями, находившееся под тяжелым классовым гнетом и страдавшее от беспрерывных войн, не оказало поддержки иранским царям в борьбе с завоевателями. Правители отдельных областей также не поддержали центральное правительство.

В это время элементы децентрализации в Иране уже значительно выросли. Последний Сасанид — царь Иездегерд III бежал от нашествия арабов в Хорасан, надеясь здесь, на северо-восточной окраине своего государства организовать сопротивление завоевателям. Но, не получив никакой помощи ни от местных тюркских и эфталитских племен, ни от правителя сбласти, он был убит в 651 г. в окрестностях г. Мерва[1]. В этом же году арабскими войсками был занят весь Хорасан. Города Ниса и Абиверд сдались арабам без сопротивления, обязавшись уплатить дань[2]. Правитель Серахса пытался дать отпор, но ему не удалось удержать город в своих руках, и защитники Серахса были перебиты завоевателями[3]. Правитель Мерва отправил к арабским военачальникам посольство с изъявлением покорности. Мир был заключен с условием уплаты дани. Вследствие отсутствия у жителей Мерва денег, дань была уплачена натурой. Кроме того, по договору жители Мерва должны были представить арабам место для постоя в своих жилищах[4]. Только одно селение в Мервском округе, называемое Синдж, оказало сопротивление арабскому войску и было взято ими после упорного боя[5]. Таким образом, арабским халифам удалось сравнительно легко захватить весь Хорасан. Представители местной знати, желая сохранить свои богатства и влияние, предпочитали сдаваться, не оказывая сопро-

---

[1] Белазури, МИТТ, I, стр. 62—63; Табари, МИТТ, I, стр. 92—97.

[2] Белазури, МИТТ, I, стр. 67.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же; В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 60.

тивления. Продвижение арабских войск вверх по Мургабу сказалось для них более трудным. Им оказывали сопротивление местные тюркские и эфталитские племена, объединявшиеся под властью полунезависимых правителей. Город Мерверруд на Мургабе, на месте современного Меручака, и крепости, находившиеся в его округе, были взяты арабами лишь после продолжительных военных действий[1].

Источники сообщают, что при халифе Али (656—661 гг.), в связи с междоусобием, происходившим в халифате, Хорасан вышел из повиновения халифа на несколько лет. Население Хорасана, воспользовавшись временным ослаблением халифата, предприняло попытку сбросить власть завоевателей и подняло восстание. Это восстание, однако, не имело успеха. Вскоре после утверждения в халифате династии Омейядов Хорасан вновь был подчинен власти арабов.

Однако местные племена продолжали оказывать стойкое сопротивление завоевателям еще в течение нескольких десятков лет. Борьбу возглавлял владетель Бадгиса (местности между Серахсом, Гератом и Мургабом), независимый правитель объединения тюркских и эфталитских племен, известный в арабских источниках под именем Низак Тархан. Сохранились выпущенные им монеты с расшифровываемыми Р. Гиршманом надписями на тохарском и пехлевийском языках как «Шах Тарака Нисага»[2].

Источники сообщают, что в Хорасане против арабских халифов выступали тюрки, с которыми арабам приходилось вести борьбу[3]. Сопротивление арабам оказывал и «тюркский хакан» (правитель карлуков), находившийся в Балхе. В составе войска Низака Тархана, по сведениям источников, были тюрки, а также, по-видимому, и эфталиты[4].

Борьба Низака Тархана против арабских завоевателей продолжалась до начала VIII в. В 709 г. он был вероломно схвачен арабскими военачальниками и казнен .

Предпринятые арабскими халифами в конце VII в. попытки завоевать области, прилегающие к Каспийскому морю (Табаристан, Гурган и Дахистан), кончились неудачей: местное население оказало упорное сопротивление, и арабское войско было истреблено[5].

---

[1] Белазури, МИТТ, I, стр. 68; В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903, стр. 25—28, 30—34; Он же. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 48, 57, 60.
[2] R. Ghirshman. Указ. соч., pp. 23—26.
[3] Белазури, МИТТ, I, стр. 69.
[4] Табари, МИТТ, I, стр. 98.
[5] Там же, стр. 91.

В 716 г. арабы вновь двинулись с крупными силами на Дехистан. Против завоевателей выступил владетель этой области, известный из арабских источников как тюрок Сул[1].

Арабские войска осаждали город в течение шести месяцев. Осажденные тюрки оказывали упорное сопротивление, делали вылазки и вступали в сражения. Наконец, из-за отсутствия пригодной для питья воды, среди осажденных начались болезни, так как им приходилось пить соленую воду, застаивавшуюся в песках. Тогда Сул вынужден был просить о мире. Арабские завоеватели согласились на мир при условии *пощады только самого Сула и трехсот его приближенных.* При взятии города было перебито 14 000 пленных тюрок[2]. После этого все население Дехистана было принуждено подчиниться халифату. Однако Сул не прекратил сопротивления. Укрепившись в городе Аль-Бухейра (впоследствии Дехистани-Сур) на берегу Каспийского моря, он продолжал борьбу в течение нескольких месяцев. Но из-за отсутствия пресной воды ему пришлось опять просить мира.

Даже сдавшихся на милость победителя неумолимые завоеватели подвергли мучительной казни. По образному выражению современников, вода в реке покраснела от крови убитых и казненных[3].

Таким образом, арабские халифы в 716 г. завершили завоевание южной части современного Туркменистана от Каспийского моря до берегов Аму-Дарьи.

Хорезм до начала VIII в. н. э. сохранял самостоятельность и был независим от арабского халифата. Во главе государства стоял хорезмшах из династии Афригидов, власть которого опиралась на все растущее могущество земельной аристократии. Стремление знати закабалить свободных общинников-крестьян вызывало с их стороны протест, направленный против складывающихся феодальных отношений. В Хорезме в начале VIII в. остро протекала династическая борьба. Восставший против хорезмшаха его младший брат, Хурзад, жестоко расправлялся с приверженцами государя, захватывая их имущество, скот и женщин. Хорезмшах обратился к арабам за помощью. В это время арабский наместник Хорасана Кутейба ибн Муслим готовил войско для окончательного завоевания всех среднеазиатских областей и подчинения их халифату. По просьбе хорезмшаха в 712 г. Кутейба из Мерва с большим войском появился в Хорезме. Восстание было подавлено, 4000 из числа его участников были захвачены ара-

---

[1] Белазури, МИТТ, стр. 64.
[2] Табари, МИТТ, I, стр. 107, 109.
[3] Там же, стр. 111.

бами в плен и перебиты. Один из предводителей восстания, Хамджерд, пал в битве, а Хурзад был казнен хорезмшахом.

Вскоре после ухода арабских войск хорезмшах был убит восставшим народом, возмущенным его предательской политикой. Тогда Кутейба снова явился с войском в Хорезм. Власть над правобережным Хорезмом была передана арабскому ставленнику Аскаджамуку, сыну убитого хорезмшаха, но, чтобы еще больше упрочить влияние арабского халифата в Хорезме, Кутейба назначил при нем в качестве соправителя своего брата Абдаллаха. Преемники Абдаллаха — арабские наместники имели резиденцию в Ургенче (нынешний Куня-Ургенч), а столицей хорезмшахов был город Кят—на правом берегу Аму-Дарьи (возле нынешнего Шаббаза). По позднейшему преданию, Кутейба после присоединения Хорезма уничтожил большое число хорезмийских памятников письменности и подверг жестокому преследованию местных ученых и хранителей преданий.

Подчинив Хорезм, арабские военачальники, после упорной борьбы, продолжавшейся в течение нескольких лет, завоевали области, расположенные за Аму-Дарьей, названные арабами «Мавераннахр» («То, что за рекой»). Таким образом, в начале VIII в. н. э. народы Туркменистана оказались под властью арабского халифата, под тяжелым гнетом иноземных завоевателей.

При завоевании какой-либо местности с покоренного населения единовременно взималась дань, размер которой обычно зависел от усмотрения арабского военачальника. Население, вошедшее в состав халифата, должно было платить налоги—поземельной (харадж) и подушный (джизья). Поземельный налог вносило все население в размере не менее $^1/_3$ урожая, а иногда и значительно больше. Подушный налог вносило только население, не принявшее ислам. Перешедшие в новую религию должны были освобождаться от уплаты подушного налога. Но на практике это далеко не всегда соблюдалось, и вследствие злоупотреблений местных представителей власти большое число мусульман платило подушный налог[1].

Покоренное население было обременено всякого рода натуральными повинностями в пользу завоевателей: его привлекали к работе по проведению каналов, устройству дорог, сооружению крепостей. Одной из самых тяжелых повинностей была обязанность предоставлять в своих домах помещения для арабских воинов. Взимание налогов завоевателями произво-

---

[1] Табари, МИТТ, I, стр. 118.

дилось с жестокостью и беспощадностью и сопровождалось действиями, которые глубоко оскорбляли местное население. На шеи плательщиков налогов навешивались особые печати, которые снимались только после уплаты налогов[1]. Это унизительное мероприятие вызвало гнев и возмущение свободолюбивого населения Средней Азии, и арабские правители скоро были вынуждены отказаться от его применения.

Завоевание арабскими войсками территории Туркменистана принесло разорение культурным земледельческим областям. Правда, наиболее крупные города, сдавшиеся арабам без боя, как например, Ниса и Мерв, не подвергались разрушению. Но некоторые города и селения, оказавшие сопротивление завоевателям, были разрушены. Кроме того, археологические исследования на территории Туркменистана обнаружили развалины крепостей, городов и сел, прекративших свое существование на протяжении VIII в., что явилось прямым последствием арабского завоевания[2].

Арабские завоеватели насильственно навязывали покоренным народам свою религию—ислам и уничтожали созданные местным населением произведения литературы и искусства с целью устранить влияние других религий. Религиозные верования местного населения—зороастризм, манихейство, христианство и буддизм—постепенно уступают натиску религии завоевателей. Принятие населением Туркменистана новой религии представляло собою длительный процесс, завершившийся лишь в течение нескольких столетий.

Арабы, пришедшие в Среднюю Азию, не представляли собой вполне однородной массы. В их число входили различные арабские племена, которые зачастую находились между собою во враждебных отношениях. Борьба между представителями различных племен и политических группировок часто доходила до открытых вооруженных столкновений.

В первой половине VIII в. в халифате разгорелась династическая борьба. Династия Омейядов, правившая с 661 г., не пользовалась всеобщей поддержкой среди арабов. Существовала группировка, которая отстаивала право на верховную власть в халифате потомков халифа Али—мужа Фатимы, дочери Мухаммеда. Эта группа называла себя шиитами (слово

---

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, Ташкент, 1955, стр. 151—152.

[2] М. Е. Массон. Отчет о работе ЮТАКЭ за 1951 г., стр. 18; В. М. Массон. Материалы к изучению древней культуры Дахистана (отчет о работе V отряда ЮТАКЭ в 1951 г.), стр 105.

«шиа» по-арабски означает «партия», «группировка»). Более всего претендовали на захват власти потомки Аббаса, дяди Мухаммеда, называемые Аббасидами, которые широко развернули агитацию в свою пользу по своему халифату.

Народы Туркменистана, как и все население Средней Азии, неоднократно поднимали восстания против арабского владычества, прилагая все усилия, чтобы свергнуть ненавистную им власть чужеземных завоевателей.

В первой половине VIII в. на территории Туркменистана произошел ряд вооруженных выступлений, направленных против правящей в халифате династии Омейядов, деятельностью которых были недовольны широкие массы населения. Организаторы этих восстаний выступали против правительства по соображениям политического или религиозного характера. Хотя эти восстания не ставили своей целью свержение арабского владычества, а задачей их была лишь смена правящей династии, народы Туркменистана принимали в них активное участие. При этом некоторые участники восстаний надеялись на улучшение их положения в связи со сменой власти, другие же рассчитывали на возможность шире развернуть восстание и обратить его против всех арабов.

В 30-х годах VIII в. в Хорасане выступил Харис ибн Сурейдж[1]. Восстание начали хариджиты — секта, возникшая в халифате с первых лет его существования. Сторонники ее не считали законной существовавшую практику наследственной передачи власти халифа. Они отстаивали принцип верховной власти общины, избирающей главу государства на основе личных качеств претендента. Несмотря на то, что эти лозунги в значительной мере были чужды местному населению, в восстании приняли участие землевладельцы (дехканы) Мерва и других областей со своими военными отрядами[2]. Это восстание окончилось неудачей и было подавлено правительственными войсками.

Еще более широкое участие приняло местное население в восстании Абу-Муслима, целью которого было свержение династии Омейядов и установление власти Аббасидов. Аббасиды в этот момент не скупились на обещания, желая привлечь на свою сторону возможно более широкие слои населения. Они обещали уменьшить налоги и повинности и привлечь местную знать к участию в управлении страной.

Восстание началось в окрестностях Мерва в 747 г[3]. Абу-Муслим со своими сторонниками расположился к западу от

---

[1] Табари, МИТТ, I, стр. 113.
[2] Там же, стр. 114.
[3] Там же, стр. 129—132.

Мерва, создав здесь несколько укрепленных пунктов. Его главным опорным пунктом было селение Махуван (возле нынешнего г. Мары), где он находился в течение четырех месяцев. Призывы Абу-Муслима имели большой успех среди местного населения. Источники сохранили сведения о численности присоединившихся к Абу-Муслиму крестьян; жители некоторых селений предоставляли в его распоряжение до 1000 пехотинцев. Под знаменем борьбы с арабским владычеством объединились представители всех классов; наряду с крестьянами и бедными ремесленниками, в войсках Абу-Муслима были купцы и представители местной землевладельческой знати.

В Махуване Абу-Муслим создал центр управления всеми своими отрядами. Здесь велись списки вступивших в его войско, и каждому воину выдавалось определенное жалование. К Абу-Муслиму явились и рабы, выразившие желание принять участие в организуемых им отрядах. Абу-Муслим принял рабов, но не включил их в общий состав отрядов, а организовал для них особый лагерь[1]. Следовательно, в войсках Абу-Муслима рабов было много; все они надеялись добиться улучшения своего положения в результате победы восстания.

Воспользовавшись межплеменной враждой арабов, Абу-Муслим захватил Мерв. Существует предположение, что городище Шаим-Кала (восточнее шахристана средневекового Мерва) представляет собою развалины укрепленного лагеря Абу-Муслима, сооруженного им перед взятием Мерва[2]. В дальнейшем восстание проходило еще более успешно. На призыв Абу-Муслима шли люди из всех городов Восточного Хорасана: из Мерва, Серахса, Абиверда, Нисы, Герата, Талькана, Балха и других; собралось восставших до 100 тыс. человек[3].

Собрав большое войско, Абу-Муслим выступил против центрального правительства. Сторонники династии Омейядов были разбиты, халиф свергнут с престола и убит.

Власть в халифате захватила новая династия Аббасидов. Однако представители этой династии не выполнили обещаний, данных ими во время борьбы. Улучшилось положение только местной земледельческой аристократии, которая наряду с арабами была привлечена к участию в управлении государством. Но трудящимся массам—крестьянам и городским

---

[1] Табари, МИТТ, I, стр. 132.

[2] М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 217.

[3] Табари, МИТТ, I, стр. 134; А. Ю. Якубовский. Восстание Муканны и движение людей в «белых одеждах». «Советское востоковедение», V, М.—Л., 1948, стр. 39.

ремесленникам, страдавшим под бременем налогов и повинностей, смена династии не принесла облегчения. Напротив, при Аббасидах еще более возросла кабальная зависимость крестьян от феодалов. Поэтому вскоре трудящиеся массы арабского халифата поднялись на вооруженную борьбу против Аббасидов, против феодального гнета и произвола арабских чиновников. Народные восстания произошли в конце VIII в. в Средней Азии и Хорасане. Некоторые из этих восстаний по своей идеологической направленности были связаны с учением Маздака.

Идеи маздакизма прочно держались среди широких слоев населения[1]. Последователей маздакитов в Хорасане называли хурремитами, по имени Хурремы—жены Маздака, по преданию, бежавшей на Восток после гибели мужа[2]. Хурремиты принимали участие во всех восстаниях против арабского владычества. Своей эмблемой они сделали красный цвет, поэтому их называли «сурх-алем»[3], что значит по-персидски «краснознаменные».

Во главе самого крупного из народных восстаний в Средней Азии стал Хашим ибн Хаким, по прозвищу Муканна, уроженец одной из деревень в окрестностях Мерва. В молодые годы он был одним из военачальников в войске Абу-Муслима[4]. Слово «муканна» означает «закрытый покрывалом». Такое прозвище ему дали якобы потому, что он закрывал себе лицо зеленым шелком[5]. О Муканне, как и о Маздаке, мы имеем сведения только от авторов, враждебно относившихся к его учению и сообщающих о нем много клеветнических измышлений.

Сторонники Муканны, получившие название «люди в белых одеждах», приняли лозунги маздакитов[6] и своей целью поставили уничтожение общественного неравенства и освобождение от арабского владычества. В восстании приняли участие широкие массы трудящихся, в основном крестьяне и частично городские ремесленники[7]. Восстание Муканны носило ярко выраженный классовый характер и этим резко отли-

---

[1] А. Ю. Якубовский. Указ, соч., стр. 40—41.
[2] Сиасет-наме. Книга о правлении везира XI столетия Низам аль-Мулька. Перевод Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949, стр. 205; А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 40.
[3] А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 41.
[4] Наршахи. История Бухары. Перевод Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 85.
[5] Бируни. Китаб аль-асар ан аль-курун аль-халия, МИТТ, I, стр. 219.
[6] Там же.
[7] А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 47—48.

чалось от народных движений, происходивших в Хорасане в первой половине VIII в.

Народное движение, начавшееся возле Мерва в 776 г., вскоре перебросилось за Аму-Дарью—в Мавераннахр и приняло там широкие размеры. К восставшим присоединились тюркские племена[1], активно участвовавшие в борьбе оседлого населения Средней Азии с арабами. Арабские правители, поддержанные местной знатью, направили против Муканны крупные силы. Однако подавить восстание им удалось только после нескольких лет упорной борьбы. Муканна со своими ближайшими сторонниками заперся в крепости и при взятии ее арабами, не желая сдаваться живым, покончил с собою. Последователи Муканны, несмотря на жестокие преследования, еще долго держались в разных местах Средней Азии[2].

Народные восстания в Туркменистане, направленные против арабского владычества, кончались неудачно. Причиной этого явилась, прежде всего, измена землевладельческой аристократии, переход ее на сторону арабских завоевателей. Кроме того, арабские войска имели значительное превосходство над повстанцами как по численности, так и в вооружении. Но несмотря на неудачи, эти восстания имели большое значение для объединения сил трудящихся, для роста их классового самосознания в борьбе с эксплуататорами и угнетателями. Опыт массовых движений раннего средневековья не остался без результатов, он был использован в дальнейшем, в ходе классовой борьбы в средние века. В совместной борьбе против угнетателей и эксплуататоров росла и укреплялась дружба народов Средней Азии, — предков туркмен, узбеков и таджиков.

Борьба народных масс за свою свободу и независимость против арабского владычества продолжалась в Средней Азии и в начале IX в. Восстания, почти непрерывно следовавшие одно за другим, сильно расшатали могущество халифата. Результатами этой борьбы сумели воспользоваться господствующие классы в захваченных арабами областях. Представители местной землевладельческой знати, стоявшие во главе управления Хорасаном, укрепили свое положение и стали добиваться полной независимости от халифата. Это им удалось. С 822 г. наместники Хорасана — Тахир ибн Хусейн и его потомки стали управлять областью совершенно самостоятельно, сохраняя лишь видимость вассальной зависимости от халифа.

---

[1] Наршахи, стр. 88.

[2] Бируни, МИТТ, I, стр. 219; А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 54.

Период арабского владычества в Туркменистане фактически закончился. Власть перешла к представителям местной знати, к династии Тахиридов.

3. Культура Северного Хорасана и Хорезма VI—VII вв.

Крупные социальные потрясения, сокрушившие в IV—V столетиях рабовладельческий строй на территории Туркменистана, не могли не сказаться на развитии местной культуры.

О характере литературы и науки в этих областях в VI—VII вв. мы пока располагаем очень скудными сведениями. Археологические изыскания в Мерве выявили несколько десятков документов, писанных тушью на черепках битых хумов-корчаг, а также на отполированных лопатках животных. Документы выполнены письмом лигатурного пехлеви; расшифровка их—дело будущего.

Уроженцем Мерва был знаменитый врач Барзуе (VI в.)[1], впоследствии придворный медик Хосрова Ануширвана. О Барзуе сохранилось много легенд и преданий.

Согласно этим преданиям, Барзуе был выходец из состоятельной семьи (отец его принадлежал к военному сословию, мать—к жреческому роду) и с юных лет проявлял горячий интерес к наукам, особенно к медицине, которой посвятил свою жизнь.

В своих философских воззрениях Барзуе выступал как рационалист, скептически относившийся к различным религиям, конкурировавшим в ту пору в государстве Сасанидов. «Каждый считает, что лишь он обладает верой истинной и праведной, в то время, как вера других не что иное, как ошибочное заблуждение, — писал он. — Я решил изучать и наблюдать, но убедился, что все лишь повторяют традиционные вымыслы, каждый хвалит свою религию и осыпает оскорблениями все другие». Сам Барзуе отличался исключительным бескорыстием, никому не отказывал в помощи, считая гуманное служение народу жизненным назначением врача, призванного облегчать и побеждать людские страдания.

Рассказывают, что для расширения своих познаний Барзуе совершил путешествие в Индию. Ему приписывается перевод с санскрита на язык пехлеви сборника басен, известного под названием «Калила и Димна».

Можно думать, что в VI—VII вв. в областях этих были известны в среде местных ученых выполнявшиеся при Саса-

---

[1] Истахри, МИТТ, I, стр. 174; Казвини, МИТТ, I, стр. 508; Nöldeke. Barzoes Einleitung zu dem Buche Kalila wa Dimna, Strassburg. 1912, s. II sqq; A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, Copenhague, 1944, p. 423 sqq.

нидах переводы на язык пехлеви естественно-научных и философских трудов греко-римских авторов. Этому могли способствовать и те изгнанные из Византии представители «еретических» христианских сект и вероучений, особенно несторианe[1], которые обосновались в VI в. на территории современного Туркменистана и в некоторых других странах Востока.

Другим выдающимся уроженцем Мерва был музыкант и певец Барбуд или Пахлабад (от «пахлав»,—т. е. «парфянин» или «богатырь»). Исторические предания приписывают Барбуду создание основ той музыкальной системы, которая затем стала ведущей на Среднем Востоке. В расцвете творчества Барбуд занял место первого музыканта Хосрова II Парвеза (VII в.). По рассказу, в его репертуаре было ежегодно 360 мелодий—новая на каждый день. Упоминаются созданные им величавые религиозные гимны, героические песни народного эпоса, исторические сказы, восхваления царя, песни, посвященные народным празднествам, радостям жизни, красотам природы[2].

Несомненно, что Барбуд не был автором и композитором всего этого огромного числа песнопений. То был гениальный народный певец, ставший профессионалом, но сохранявший в своем творчестве как музыкальную, так и литературную народную основу героических преданий, лирических мотивов и торжественных гимнов.

Несколько больше известно о развитии в VI—VII вв. архитектуры и изобразительных искусств на территории Туркменистана. Переход от рабовладельческого строя к феодализму, захирение крупных городов античной эпохи, рассредоточение общественной жизни в сельскохозяйственные округа—все это вызвало коренные изменения в архитектуре Туркменистана VI—VII вв.

Повсюду в полосе земледельческих оазисов появляются многочисленные замки феодалов — «кёшки», в местной терминологии. К ним тяготеют небольшие поселения крестьян и ремесленников. Планировка их была радиальной—кёшк являлся как бы центром, от которого радиусами расходились основные улицы селения. В Хорезме крестьянские усадьбы были разбросаны в нескольких сотнях метров друг от друга, а участки их окружены садами и полями[3]. Города в эту пору край-

---

[1] Несторианство — течение в христианстве, связанное с античной философией. В V—VI вв. несториане массами изгонялись из Византии.

[2] К. Иностранцев. Сасанидские этюды, СПб, 1909; A. Christensen, op. cit., pp. 484 sqq; M. Barkechly, L'art Sassanides basé de la musique arabe, Teheran, 1947, p. 26.

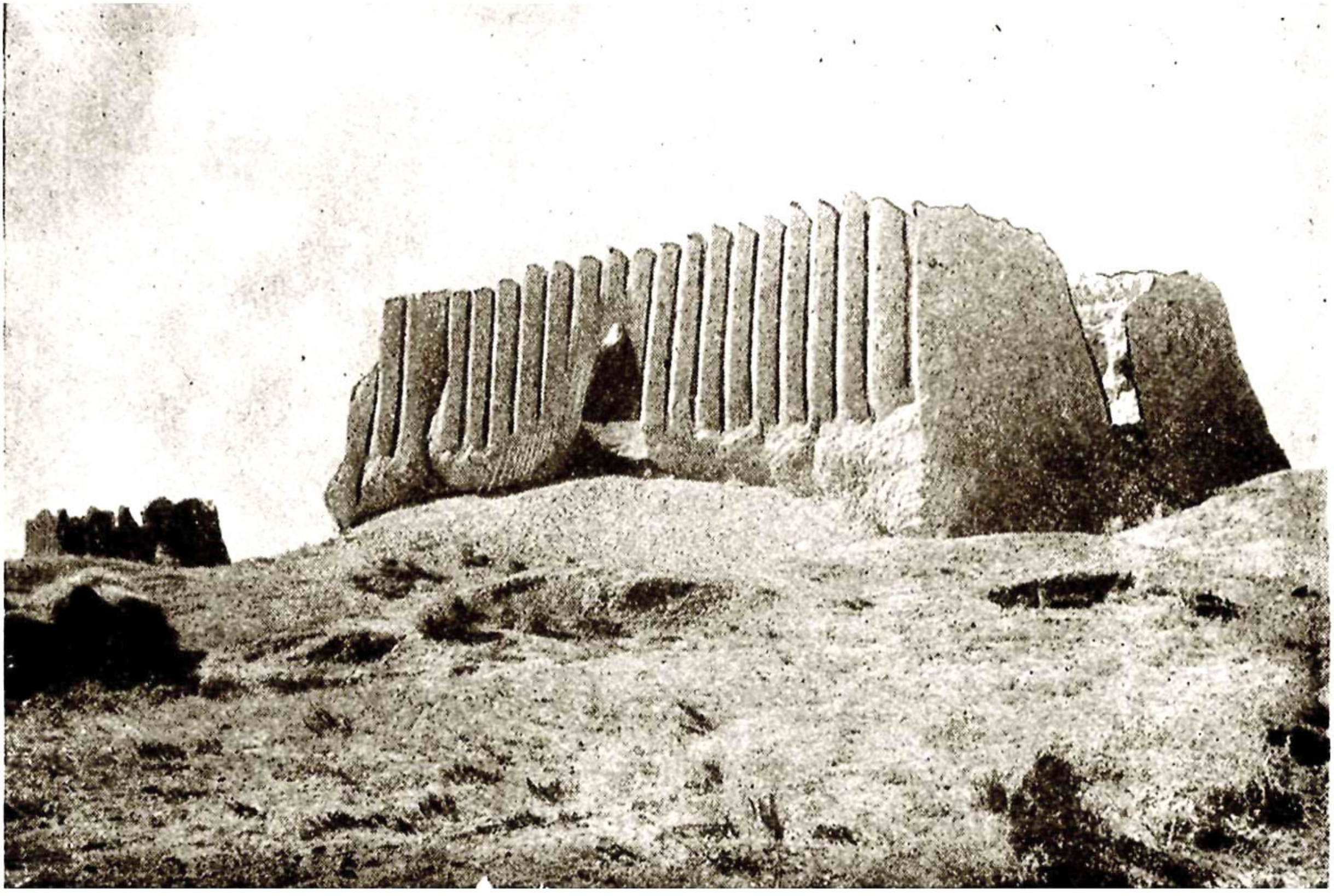
[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 128 и сл.; Е. Е. Неразик. Афригидские памятники Хорезма. Автореферат диссертации, М., 1954, стр. 7 и сл.

не малочисленны. Они наследуют от античной эпохи мощные крепостные ограды (например Мерв).

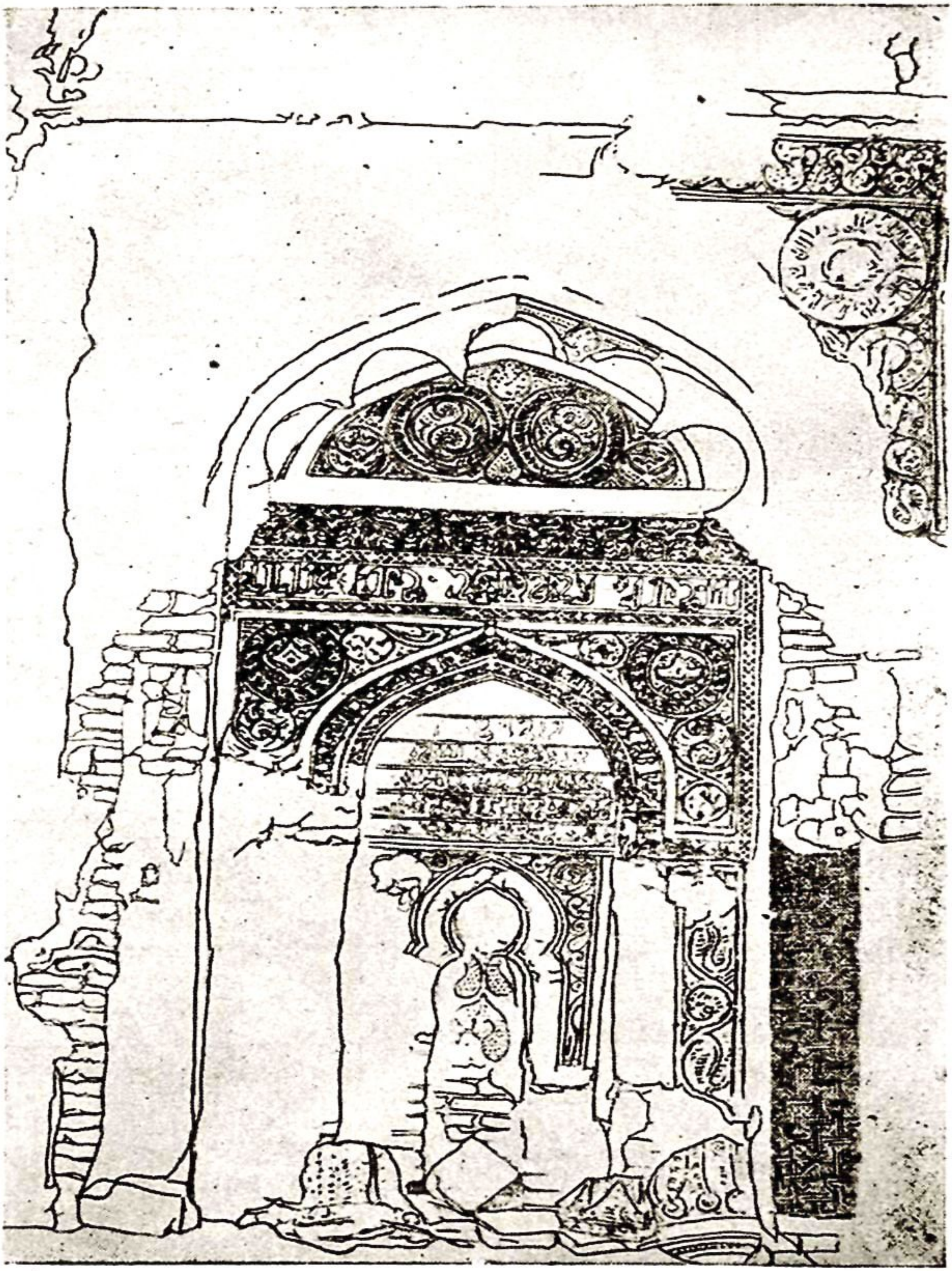
Ранние феодальные (дехканские) замки Туркменистана возводились в большинстве случаев на высоких глинобитных платформах с очень крутыми гранями; над платформами высились неприступные для врага мощные стены. Внутри огороженного пространства располагался двор, служебные постройки и кёшк. Строительными материалами служили сырец или кладка из глинобитных блоков (пахсы), применявшиеся также в сочетании друг с другом. Некоторые замки очень велики, другие имеют менее значительные размеры, но все они сохраняют общий архитектурный принцип, придающий им чрезвычайную монументальность: оформленный в виде высокой платформы со скошенными гранями первый этаж и покрытые сомкнутыми полуколоннами (так называемыми «гофрами» стены второго и иногда третьего. Гофры поверху соединяются арочками, выше—над гладью верхнего участка стены—располагается фигурный фриз, выложенный кирпичом, а над ним зубчатый парапет. Представление о внешнем виде таких кёшков, дошедших до нас, как правило, в руинах, дают Большая и Малая Кыз-Кала в Мерве, Большая и Малая Нагим-Кала близ одноименного селения Марыйской области, Тешик-Кала в Хорезме и другие.

В этот период развиваются и совершенствуются сводчато-купольные конструкции, возведенные из сырцового кирпича. Применение их предпочтительно перед плоскими балочными перекрытиями вызвано было стремлением сэкономить дорогостоящий лес. Преимущество сводчатых систем заключалось также в том, что выведение их могло быть осуществлено без деревянных форм—кружал.

Внутренняя планировка кёшков наглядно отражает особенности зарождающегося феодального уклада. Здесь царит суровая замкнутость, забота об обороне, патриархальная организация быта. Кёшк обычно имеет центральное обширное и высокое помещение, род приемной комнаты—«михман-ханы», вокруг которой группируются жилые комнаты владельца и его семьи, помещения для слуг, кладовые для припасов зерна, воды, вина и т. п. Внутри кёшка царил постоянный полумрак: в глухих ограждающих стенах лишь изредка делались узкие щелевидные оконца, служащие одновременно бойницами, но обычно освещение осуществлялось с помощью светильников. Вход в замок устраивался прямо во второй этаж, либо по отлогому скату—пандусу, либо через подъемный мост, соединяющий кёшк с близ расположенной отдельно стоящей башенкой.

Кыз-Кала в Старом Мерве (из материалов ЮТАКЭ).

Резной михраб мазара Шир-Кабир в Мешхеди-Мисриане.

Дома крестьян и ремесленников, в быту которых была еще сильна большесемейная патриархальная организация, характеризует очень рациональное оформление многокомнатного плана. Таковы дома на городищах VI—VII вв. Мервского оазиса — Кара-Депе, Мунон-Депе, Торгай-Депе и других; они прямоугольны, имеют один или два внутренних дворика, окруженных помещениями, в распределении которых ясно видна четкость и правильность архитектурной разбивки[1]. Материалы и конструкции те же, что и в кёшках, однако стены не столь мощны, а общее число комнат значительно меньше.

Преемственная связь с архитектурой античной поры более всего сохраняется в эту пору в культовом зодчестве, всегда более консервативном, чем гражданское. Зороастризм оставался при Сасанидах государственной религией. В крупных населенных пунктах находились обширные храмы огня, а в малых—небольшие святилища. Есть данные о том, что один из так называемых «великих огней» зороастризма был перенесен бежавшим Иездегердом из Рея в Керман, а оттуда в Мерв. Здесь, в расстоянии двух фарасахов (12 *км*) от города, в особом саду был воздвигнут «дом со сводом»—здание храма[2].

Ранние арабские писатели донесли до нас сведения об одном из редкостных святилищ Мерва, именовавшемся Кей-Марзубан. На высоте человеческого роста каждая из четырех сторон его имела монументальные деревянные статуи—две мужские и две женские; внутри были какие-то загадочные изображения, обильно украшенные золотом. По словам историков, Кей-Марзубан почитался талисманом, охранявшим город от несчастий[1]. Кей-Марзубан представлял собой интереснейший образец местного зодчества, сочетавший архитектуру и монументальную скульптуру в едином синтетическом решении. Здесь мы видим сохранение позднеантичных традиций, запечатленных еще в дворцовых комплексах Парфии (Ниса) и Хорезма (Топрак-Кала) с их парадными залами, украшенными скульптурными фигурами божеств и царей.

В VI—VII вв. закостеневший в мертвой обрядности зороастризм встречает соперничество иных религий, в частности, с ним успешно конкурируют христианство, особенно разнообразные христианские «еретические» секты. В Мерве в 420 г. несторианская епископия была преобразована в митрополию, в подчинении которой находилось немало христианских общин. Мерв при Сасанидах был одним из трех главных цент-

---

[1] Дома эти обследованы ЮТАКЭ в 1951 г.
[2] Табари, МИТТ, I, стр. 87.
[3] См. МИТТ, I, стр. 151; В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, СПб., 1894, стр. 17, 32, 53, 118.

ров несториан. Особой известностью пользовался тамошний епископ первой половины VI в. Федор, автор многих сочинений. В том же столетии упоминается епископ в Абиверде. В середине VI в. часть эфталитов приняла христианство. В самом Мерве, в нижнем течении канала Маджан, в местности Ба-и Бабан, располагался обширный сад мервского митрополита. В нем стояло сводчатое здание для епископских собраний. Сюда, между прочим, перенесли в 651 г. тело убитого Иездегерда, погребли его и замуровали вход. По другому варианту для погребения шаха посреди митрополичьего сада был сооружен специальный «наус»[1]. В северной части Мервского оазиса, близ городища VI—VII вв. Дуе-Чакын, высятся руины Хароба-Кошук, являющиеся, по-видимому, развалинами христианской церкви того времени. Это длинное здание, перекрытое сводами, в юго-восточном отделе его располагалась алтарная часть — «транспет». В архитектурно-конструктивном отношении здание целиком связано с местной строительной традицией[2].

Массовые народные верования эпохи отражены в мелкой терракотовой скульптуре. Распространение ее пока установлено в пределах Мерва и приамударьинских областей. Видимо, отражением все возрастающего значения «рыцарского» сословия—дехкан является тот факт, что образы «богини-матери» античной Маргианы и Анахиты Хорезма сходят на нет, уступая место теме всадника. Иногда это—бородатый муж, мчащийся на как бы игрушечном коньке с раздвинутыми ногами, иногда—грубо вылепленный уродец с птичьим носом, лепешечками вместо глаз, схематично переданной лепкой тела. Это уже не изящная скульптура античности, а примитивные грубые идольчики.

Керамика рассматриваемого времени характеризуется заметным огрубением, сравнительно с предшествующей эпохой. Сосуды крупны, толстостенны, малоизящны по очертаниям. Украшения несложны, они выполняются особыми «гребенками», которыми при вращении сосуда наносятся волнистые или концентрические линии.

Высокого развития достигает искусство художественной обработки металла (торевтика) в изделиях, сработанных для высших общественных классов. Среди многочисленных объектов так называемого «сасанидского металла» многие, бесспорно, принадлежат работе среднеазиатских мастеров. Сюжеты их нередко связаны с мотивом героизации феодалов. Очень

---

[1] Табари, МИТТ, I, стр. 96, 97.

[2] См. Г. А. Пугаченкова. Хароба кошук. «Известия АН ТССР», 1954, № 3.

выразительна сцена единоборства, изображенная на серебряном блюде, видимо, хорезмийского происхождения, хранящемся в Государственном Эрмитаже[1]. Рыцари в трехрогих шапках, с бармицей, охватывающей щеки, подбородки и плечи, в облегчающих пластинчатых панцырях, устремляют друг на друга—один копье, другой стрелу с натянутого лука. Вокруг валяются поломанные мечи, боевые секиры, палицы. Тема сражения представлена на блюде из сел. Аниковского, в отношении которого исследователи оспаривают его хорезмийское или согдийское происхождение[2]. На этом блюде изображен высокий кёшк с гофрированными стенами, за которым высится второе здание, видимо, культовое. Группа осаждающих в высоких шлемах и панцырях, вооруженных мечами и луками, несущих военные штандарты, окружают кёшк, с высоты которого отстреливаются воины в подобных же одеяниях. Тела убитых свешиваются из-за зубцов. Музыканты трубят в высоко поднятые трубы, подобные современным карнаям. Композиционное размещение зданий и фигур выполнено с большим мастерством, однако изображения людей отличает некоторая оцепенелость поз.

Развитию изобразительных сюжетов в искусстве Туркменистана помешало арабское завоевание. Оно резко пресекло подъем культурно-созидательной деятельности, наметившейся в недрах вновь слагающейся феодальной системы. Многочисленные холмы-депе дают выразительную картину разрушения и запустения поселений в начальный период владычества арабских халифов. Сами арабы руками покоренного населения воздвигали на земле Туркменистана лишь особые «укрепления борцов за правую веру» — рабаты или рибаты. Они представляли собою обычно прямоугольное пространство, обведенное высокими стенами. Развалины этих рибатов можно видеть на городищах Парау, Меана, Чугундор и других.

В своем культурном развитии арабы—кочевники стояли ниже покоренного ими оседлого населения Хорасана и Средней Азии. Еще в VIII в., живя в городах и поселениях, они сохраняли примитивные традиции кочевого быта.

Табари сообщает[3], например, что инициатор аббасидского движения Абу-Муслим жил в одной из мервских деревень в палатке; при переезде в Махуван за ним были привезены

---

[1] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, СПб., 1909, табл. XXIII.

[2] А. И. Тереножкин. К истории искусства Хорезма. «Искусство», 1939, № 2, Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. Академия наук УзССР. Труды Института истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, т. II, Ташкент, 1950, стр. 51 и сл.

[3] Табари, МИТТ, I, стр. 130, 132.

«балдахины, шатры, кухни, кормушки для лошадей и сосуды из кожи для воды»—то есть обычная экипировка кочевника.

Положение меняется лишь со второй половины VIII в., когда сам арабский халифат прочно становится на путь феодального развития, когда в завоеванных областях (в частности в Хорасане и Хорезме) арабская знать вступает в контакт с местным дехканством, когда после подавления народных движений намечается централизация государственной власти в пределах крупных областей, при номинальном подчинении халифу.

Последующие события блестяще подтверждают ту общую историческую закономерность, сформулированную К. Марксом, согласно которой «варвары-завоеватели сами оказывались завоеванными высшей цивилизацией покоренных ими народов»[1]. Новый этап развития местной культуры целиком базируется на местной творческой основе, вне каких бы то ни было арабских «влияний», о которых так много говорится в зарубежной науке; более того, — сами арабы вводят на своей родине многое, воспринятое ими у завоеванных народов.

4. Развитие феодальных отношений у степных скотоводческих племен в IX в.—начале XI в.

В то время, как в земледельческой полосе Средней Азии власть арабских халифов сменялась властью местных феодальных династий, у степных скотоводов в ходе ожесточенных межплеменных войн складывались союзы кочевых племен и новые раннефеодальные государства, сменившие Тюркский каганат.

Уже в начале VII в. когда стало намечаться ослабление Западно-Тюркского каганата, степные племена северных районов Средней Азии начали добиваться независимости. После недолгого усиления в первой половине VIII в. в Семиречье власти тюргешских ханов, по распоряжению одного из которых в 740 г. был убит последний хан Западно-Тюркского каганата, китайцы в 748 г. захватывают и разрушают большой город Суяб, находившийся в районе Чуйской долины. С 766 г. этот город делают своей столицей карлуки, положившие конец владычеству тюргешей. В Восточном Туркестане создается Уйгурское государство, в Семиречье главенство переходит к знати карлукских племен, а в Приаральских степях—к знати огузских племен.

В IX—XI вв. в степях и городах Средней Азии жило много кочевых скотоводческих племен. Это были частью потомки

[1] К. Маркс. Будущие результаты британского владычества в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, М., 1952, стр. 311.

древнейших обитателей среднеазиатских степей—дахов, массагетов, саков, говоривших на языках индо-европейской семьи[1], частью тюркоязычные пришельцы из Центральной Азии. Особенно много центральноазиатских племен переселилось в Среднюю Азию в VI—VIII вв., в период существования Тюркского каганата. Среди них необходимо отметить халаджей, карлуков и огузов. Халаджи в VII—X вв. продвинулись на территорию современного Афганистана. Карлуки находились в Семиречье и в районе Балха. Главная масса огузов жила в IX—X вв. вокруг Аральского моря и в нынешнем Центральном Казахстане от Каспийского моря и р. Эмбы на западе до Исфиджаба (севернее Ташкента) на востоке и от оазисов Средней Азии на юге до р. Ишим на севере. Часть их еще раньше проникла в Хорасан и Сеистан.

Об истории огузов в предшествующие времена достоверных сведений у нас пока нет. По всей вероятности, их предки, так же как и другие тюркские племена Средней Азии, пришли с востока и с северо-востока. Однако и передвижения огузов в занятые ими в IX—X вв. области в известных нам источниках освещены мало. О месте их прежнего местожительства мы можем судить на основании туркменских преданий, дошедших до нас в очень позднем изложении хивинского хана и историка Абулгази, написавшего свое сочинение «Родословная туркмен» в XVII в.[2]. Учитывая, что касающиеся раннего времени сведения автора этого сочинения также интересны, хотя часто имеют легендарный или полулегендарный характер, приведен рассказ о первоначальном расселении огузов. Район их расселения определен следующим образом: на восток до Иссык-Куля и Алмалыка, на юг до Сайрама и гор Казыкурт-Таг и Караджик-Таг, на север до гор Улуг-Таг и Качит-Таг, на запад до города Янгикент при устье Сыр-Дарьи и до Кара-Кумов[3]. Этот район автор «Родословной туркмен» считал коренным местом расселения огузов, передавая предания о том, что ставка их мифического родоначальника Огуз-хана находилась на Иссык-Куле, где он, по древним сказаниям туркмен, поставил первую в мире юрту. Возможно, что указанные Абулгази восточные границы пер-

[1] Из потомков древних индо-европейских племен на территории Туркменистана еще в начале XI в. в районе Сарыкамышской впадины жили аланы и асы, вошедшие позднее в состав туркменского народа. А. Ю Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. «Советская этнография», 1947, № 3.

[2] Первый русский перевод этого сочинения выполнен А. Г. Туманским и издан под названием «Абулгази-Бохадур-Хан. Родословная туркмен». Перевод А. Туманского. Асхабад, 1897.

[3] Пустынь с таким названием в Средней Азии две — казахские в Северном Приаралье и туркменские; здесь имеются ввиду, очевидно, первые.

воначального расселения огузов отражают дошедшие до него в преданиях реальные события, связанные с тем, что предки огузов некогда действительно жили в районе Иссык-Куля и Чуйской долины, а затем, скорее всего после занятия карлуками Семиречья (что произошло в 766 г.), были вынуждены к массовому переселению на запад. Ибн аль-Асир, ссылаясь на одного из историков Хорасана, пишет, что, по словам этого историка, гузы—племя, которое во времена Махди «перешло в Мавераннахр из местной тогузгузов, из отдаленных мест (страны) тюрок»[1].

Источники X в. помещают основную массу огузов не в Семиречье, а в Приаралье. Автор «Родословной туркмен» отличает район от Иссык-Куля до Янгикента, в каковом, по его словам, огузы жили в течение 4—5 тысяч лет, от более позднего их района расселения на Сыр-Дарье (включая тот же Янгикент), где они жили «10 поколений».

Арабы называли огузов—«гузз», а китайцы—«гэс»[2]. В IX в. огузы упоминаются сравнительно редко, чаще речь идет о тюрках вообще. Положение меняется в X в., когда имя огузов становится самым распространенным на громадном пространстве степей Северного Туркменистана и Юго-Западного Казахстана. Эти степи получают название «гузской пустыни». Причиной широкого распространения имени «огузы», которое на время стало общим названием степняков приаральских степей, было, видимо, складывание ряда союзов племен во главе с огузской знатью. Как обычно бывает в таких случаях, имя наиболее сильного племени распространялось и на остальных.

Согласно преданиям, огузы делились на 24 племени. Но фактически средневековые авторы, перечисляя огузские племена, насчитывают меньше или больше этого числа. Так, в XI в. Махмуд Кашгарский называет 22 огузских племени, каждое из которых делится на колена и роды[3]. Махмуд Кашгарский говорит также, что к огузам раньше относилось племя халадж, которое позднее отделилось от них и в XI в. к ним уже не причислялось[4], равно как оно не включалось в

---

[1] МИТТ, I, стр. 389; Согласно этому сообщению массовое переселение огузов на запад произошло в 70—80-х годах VIII в.

[2] И. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. «Известия АН СССР», М.—Л., 1950, т. II, стр. 315.

[3] Махмуд Кашгарский. Диван лугат ат-тюрк. Стамбул. 1333 г. х. т. I, стр. 56—58 (МИТТ, I, М.—Л., 1939, стр. 309). Кынык, кайыг, бюндур, йиве (иве), салгур, афшар, бектили, бюгдюз, баят, язгыр, эймюр, кара-болюк, алка-болюк, игдер, урегир, (юрегир), тутырка, ула йондулуг, тюгер, печенег, джувалдар, джебни, джаруклуг.

[4] Там же, стр. 313.

число огузских племен ни одним из позднее писавших восточных авторов.

Следующий по времени перечень огузских племен сообщает историк XIII в. Рашид ад-дин, насчитывавший 24 «основных» и 6 «родственных» племен[1]. Он излагает также мифическую родословную огузов, сообщает об онгонах огузских племен[2] и приводит названия определенных частей мяса, полагавшихся каждому племени при разделе туши на пиру.

Третий перечень огузских племен мы находим у хивинского хана и историка XVII в. Абулгази[3]. Он называет те же племена, что и Рашид ад-дин, но делит их на 12 старших[4] и 12 младших[5] племен, присоединяет к ним 12 племен «подчиненных»[6] и еще 16 менее значительных племен,—всего 52 племени.

Многие из названий огузских племен мы встречаем в восточных исторических сочинениях, некоторые сохранились до недавнего прошлого в названиях туркменских родов и племен[7].

Степные племена Приаралья и восточного побережья Каспийского моря, которые у восточных средневековых авторов носят общее имя «огузы», в действительности представляли очень неоднородную массу, включавшую в себя и остатки древних среднеазиатских степных племен и пришельцев из Центральной Азии[8]. Пришлые тюркоязычные племена, в том числе огузы, постепенно ассимилировали в той или иной степени древнее местное население. Однако этот процесс ассимиляции проходил чрезвычайно медленно. К XI в. огузские племена еще очень сильно различались между собой и не представляли этнического единства. В частности, среди сырдарь-

---

[1] Рашид аддин. Джами ат-таварих, т. I, ч. I, АН СССР, 1952. стр. 83—90. Собственно огузские племена: кайы, баят, ал-карауйли, кара-уйли, языр, дукер, дедирга, япарлы, аушар, кызык, бек-дели, каркын (правое крыло); баюндур, бичинэ, джаулдур, чебни, салыр, имур, алюнтли, уркиз, бекдир, букдуз, йива, кынык, (левое крыло). Родственые племена: уйгур, канлы, кипчак, калач, агач-эри, карлук.

[2] Онгон—священная птица, убивать которую людям данного племени было запрещено.

[3] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 31—32, 58.

[4] Кайы, алка-ойлю, языр, дудурга, авшар, бекдили, баюндур, човдур, салыр, ала-юнтли, игдыр, иве.

[5] Баят, кара-ойлю, ясир, дюкер, карык, каркын, беджне, джебни, эймур, урекир, бюкдюз, кынык

[6] Кене, гюне, турбатлю, гирейли, султанли, оклы, гекли, кыргыз Многие племена здесь явно более позднего происхождения.

[7] Г. И. Карпов. Туркмены-огузы. «Известия ТФАН СССР», 1945, № 1.

[8] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 245, он же. Города гузов. «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 78—102.

инских огузов было много представителей монгольской расы. Географ Масуди пишет о сырдарьинских огузах: «...они самые маленькие из них (т. е. тюрков—*ред.*) ростом, и у них самые маленькие глаза»[1].

Неоднородным был и язык степных племен, населявших «огузскую пустыню». К XI в. здесь решительно господствовали языки, принадлежащие к огузской группе тюркской семьи языков. К этой группе принадлежит и современный туркменский язык[2]. Однако аланы и асы Южного Усть-Урта еще в начале XI в. сохраняли свой особый язык, который, по словам Бируни, был смесью печенежского с хорезмийским[3]. Даже у собственно огузских племен не было языкового единства; по словам Махмуда Кашгарского, некоторые огузские племена, например, кайы, сохраняли свои особые языки, которые Махмуд Кашгарский даже отличает от тюркских вообще (хотя, наряду с этим, кайы говорили и по-тюркски)[4]. Таким образом, в XI в. еще не был завершен процесс ассимиляции языков и наречий отдельных степных племен побеждающим огузским языком, данные о котором сообщает Махмуд Кашгарский[5].

В исторической литературе огузов иногда целиком отождествляли с туркменами. Однако с этим нельзя согласиться.

Термин «туркмены» по созвучию иногда сближают с географическим наименованием «Tö-kü-möng», приводимым в такой передаче по упоминанию в китайской энциклопедии VIII в. Тун-дянь и являющимся одним из названий страны Су-и (Судэ[6]—может быть долина реки Чу). Если только такое сближение справедливо, это упоминание слова «туркмен» следовало бы считать самым ранним из до сих пор известных. Однако строить на этом предположении какие-либо выводы о территориальном размещении предков современных туркмен в то время было бы преждевременным.

В средневековых сочинениях, написанных на арабском языке, термин «туркмены» впервые появляется в конце X в. у

---

[1] Масуди, МИТТ, I, стр. 166.

[2] Н. А. Баскаков. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. Труды Института языкознания АН СССР, 1952, т. I, стр. 30—34.

[3] С. Л. Волин. К истории древнего Хорезма. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 194.

[4] Махмуд Кашгарский, т. I, стр. 30; С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 200.

[5] Об огузском языке см. Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 33—34.

[6] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Туркмения, т. I, Л., 1929, стр. 7.

географа Макдиси (Мукаддаси)[1]. Из его слов явствует, что туркмены обитали на обширной территории нынешнего Юго-Западного Казахстана, примерно к северу от большого торгового пути, проходившего через Исфиджаб (между Ташкентом и Сайрамом), Тараз (Джамбул) и далее на восток. Отношения князя (мелика) туркмен с владетелем (сахибом) Исфиджаба внешне выражались доставлением ему подарков, систематически посылаемых туркменским меликом. Резиденцией этого князя туркмен был небольшой город Орду. Он находился восточнее расположенного в Чуйской долине Мерке, имел стену с наполненным водою рвом и дворец в кухендизе. Часть пограничных с северными владениями Саманидов туркмен уже исповедывала тогда ислам.

Основная же масса огузов, жившая в районе Приаралья, туркменами, видимо, в X в. не называлась. Таким образом, понятия «туркмены» и «огузы» в X в., видимо, не вполне совпадали. В XI в. Махмуд Кашгарский называл туркменами не только огузов, но и карлуков[2]. Вместе с тем, ни в одном источнике X—XI вв. туркмены не встречаются как особое племя, не связанное с карлуками или огузами. При перечислении тюркских племен туркмены также нигде не упоминаются.

Махмуд Кашгарский объяснял слово «туркмен» как «похожий на тюрка». Однако он приводит эту версию в явно фантастическом рассказе, сообщая будто это название туркменам дал уже Александр Македонский «...сказал: «тюркмен энд», что значило: «вот эти похожи на тюрок». В своде летописей Рашид ад-дина, составлявшемся в начале XIV в., то же самое объяснение изложено более пространно в следующей версии: «Слово туркмен встарину не существовало: все племена степные тюркского типа называли вообще тюрками; каждому племени было определенное и особенное наименование. В то время как те племена Огуза из своих областей вступили в области Мавераннахра и землю Иранскую, и в этой стране они рождались и размножались, внешний облик их... мало-помалу стал походить на облик таджиков. Так как они не были собственно таджики, таджикские племена называли их туркменами, т. е. подобными тюркам»[4]. Этой же версии придерживался и автор XVII в. Абулгази[5]. Возможно, что содержащееся в такой версии объяснение было навеяно обли-

---

[1] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 5; Макдиси, МИТТ, I, стр. 185
[2] Махмуд Кашгарский, т. I, стр. 56, 393, т. III, стр. 304. МИТТ, I, стр. 309—312.
[3] Махмуд Кашгарский, т. III, стр. 304—307; МИТТ, I, стр. 312—313.
[4] Рашид ад-дин, МИТТ, I, стр. 498—499.
[5] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 39.

ком большинства туркмен XIV—XVII вв., отличавшихся от многих других тюрков (сохранявших монголоидные черты) по своему внешнему виду, но говоривших на сходном с их языками тюркском языке. По словам автора начала XII в. Марвази, туркменами стали называть (по-видимому, с X в.) ту часть огузов, которая приняла ислам.

Очевидно, туркменами в X—XI вв., а может быть и значительно раньше, называли ту часть степного тюркоязычного населения, независимо от племенной принадлежности, которая в наибольшей степени была связана с оседлым хорасанским и хорезмийским населением. Она размещалась на границах среднеазиатских земледельческих областей и внутри этих областей, а кроме того, имела в своем составе остатки древних степных племен Средней Азии. Есть основания считать, что туркмены X—XI вв. отличались от многих других среднеазиатских тюркоязычных племен в хозяйственном отношении (большая степень развития земледелия), в культуре (большая близость с культурой оседлого населения), в языке, а может быть только в лексике (большое количество таджикских и иранских корней) и в социальном отношении (большая степень развития феодальных отношений и распространение ислама). Во второй половине XI в. Махмуд Кашгарский писал про карлуков, что «они тоже туркмены». Постепенно термин туркмен распространялся все шире, особенно со второй половины XI в. Когда он впервые стал применяться в отношении тюркизированной части коренного населения современного Туркменистана пока неизвестно.

Значительную роль в истории Туркменистана и туркменского народа сыграли огузские племена IX—XI вв. Племена эти занимали большую часть пустынь и пустынных степей Средней Азии. При этом, пустынные степи охватывали лишь северную часть населенных тогда огузами земель, т. е. территории центральных областей нынешнего Казахстана.

Для всей области расселения огузов IX—XI вв. характерен резко континентальный климат с холодной зимой и жарким летом, с обилием солнечных дней и очень малым количеством осадков. Скудный и редкий растительный покров состоит преимущественно из типчака и полыней в области пустынных степей, полыней и солянок — в пустынях. В большинстве районов вода имеется только в колодцах и каках (ямах для сбора дождевой воды). Лишь в некоторых гористых районах (Мугоджары, Улу-Тау, Большие Балханы, хребет Кара-Тау на Мангышлаке) встречаются небольшие источники с пресной водой. Довольно многочисленные озера, почти все соленые, сильно распространены солончаки и солонцы.

Географическая среда, в которой жили огузские племена IX—X вв., способствовала развитию у них, при тогдашнем состоянии производительных сил, экстенсивного скотоводческого хозяйства, требующего—при учете бедности растительного покрова—огромных пространств земли и связанного поэтому с периодическими перекочевками. Но в двух районах —на побережье Каспийского моря и в долине Сыр-Дарьи — имелись условия для развития рыболовецко-земледельческого хозяйства в довольно значительных размерах. К этим районам тяготели в экономическом отношении прилегающие степные районы: к первому—Западный Усть-Урт и западная часть Кара-Кумов, ко второму—Кизыл-Кумы и северное побережье Аральского моря. Третий важный экономический район охватывал степи Центрального Казахстана, где развивалось преимущественно скотоводческое хозяйство при совершенно незначительной роли земледелия на базе мелких источников Мугоджар и Улу-Тау.

Основным занятием огузов в IX—XI вв. было кочевое скотоводство, что видно из состава стад: это, главным образом, лошади, верблюды[1] и особенно бараны[2], т. е. животные, способные совершать большие переходы. Но вместе с тем у огузов IX—X вв. упоминаются и быки[3].

Знать огузов, по словам арабского писателя X в. Ибн Фадлана, обладала огромными стадами скота[4]. О кочевом быте огузов сообщается в географическом сочинении X в. «Худуд аль-алям» («Граница мира» или «Пределы мира»)[5] Ибн Фадлан пишет об огузах: «И вот они кочевники; у них дома войлочные и они останавливаются или уезжают. Ты видишь их дома (то) в одном месте, то такие же в другом, как делают кочевники в своих переселениях»[6]. Упомянутые в приведенном описании «войлочные дома» огузов — это разборные юрты, типичное жилище кочевников. Из рассказов Ибн Фадлана и Якуби ясно, что у огузов были тогда именно разборные жилища, а не передвижные кибитки на колесах[7].

---

[1] Путешествие Ибн Фадлана, АН СССР, 1939, текст, л. 200-а, 200-б, 201-б и др.

[2] Ибн Хаукаль, МИТТ, I, стр. 181; Гардизи, МИТТ, I, стр. 229.

[3] Худуд аль-алям, МИТТ, I, стр. 211.

[4] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 223-а.

[5] МИТТ, I, стр. 211.

[6] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 199-б.

[7] Там же, л. 200-б, 201-б, 202-б; Якуби, МИТТ, I, стр. 149—150. Передвижные кибитки, установленные на повозках, известные в древности у скифов, а затем у тюркских племен VI—VIII вв., до сравнительно недавнего времени сохранялись у казахов (XVI в.), а в некоторых местах до XVIII или даже XIX вв.

Однако сообщения большинства средневековых писателей X—XI вв. Якуби, Масуди, Идриси[1] — особенно такого осведомленного автора, как Махмуд Кашгарский[2], а также данные археологии, безусловно опровергают представления о кочевом скотоводстве, как единственном занятии огузов. Махмуд Кашгарский и Масуди говорят об оседлых огузах, наряду с кочевыми. Первый сообщает много огузских слов, относящихся к земледелию: эгин—пашня, ашлык—пшеница, тарыг—просо, кешур—морковь, юринча—люцерна и другие. Якуби пишет о посевах проса.

Просо, очевидно, было одной из самых распространенных у огузов сельскохозяйственных культур и было знакомо им очень давно[3]. Весьма показательно, что от названия именно этой сельскохозяйственной культуры произошло огузское слово — «пахарь» — «тарыгчы»[4].

Пашни огузов были расположены в первую очередь в болотистых низовьях Сыр-Дарьи. Кроме того, посевы, несомненно, имелись на Больших Балханах (горы Геркез и Дюнеш-Кала, где и поныне сохранились следы какого-то старинного земледелия), а также на Мангышлакском Кара-Тау и у тюрков Дехистана. Идриси сообщает о земледелии у северных огузских племен[5]. К сожалению, мы пока ничего не знаем о технике земледелия у огузов.

Своего хлеба огузам не хватало. Об их нужде в хлебе красочно рассказывает Ибн Фадлан[6]. Как и все степняки-скотоводы, огузы потребляли очень мало хлеба, обычную их пищу составляли мясо и молоко[7].

Скотоводство и земледелие составляли основу хозяйства огузов. Но у них сохранились и некоторые более древние отрасли хозяйства. Несомненно, что известное хозяйственное значение сохраняла охота. Якуби, близко знакомый с тюрками—соседями Хорасана (т. е. скорее всего с балханскими огузами), говорит, что они «больше всего едят дичь»[8]. В «Худуд аль-алям» также сообщается, что огузы занимались охотой, впрочем немного[9]. Преувеличивать роль охоты в хозяйстве огузов нет оснований. Скотоводческо-земледельческое хозяй-

---

[1] МИТТ, I, стр. 150, 166 220.
[2] Махмуд Кашгарский, т. II, стр. 43, т. III, стр. 11; МИТТ, I, стр. 312.
[3] Как и остальным кочевым и полукочевым скотоводческим племенам и народам Средней Азии, в том числе казахам и киргизам.
[4] Махмуд Кашгарский, т. II, стр. 43; МИТТ, I, стр. 312.
[5] МИТТ, I, стр. 211.
[6] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 200-б, 202-б.
[7] Якуби, МИТТ, I, стр. 150.
[8] Там же.
[9] МИТТ, I, стр. 221.

ство приаральских степняков издавна отличалась от охотничье-скотоводческого хозяйства степных племен Монголии.

Большое значение, вероятно, имела рыбная ловля на Каспийском и Аральском морях и особенно на Сыр-Дарье. Об огузах-рыбаках на Аральском море говорит Идриси; у некоторых огузских племен, по его словам, рыба была главной пищей[1]. О мореплавании и морских набегах огузов на Каспийском море упоминается в «Худуд аль-алям»[2]. Таким образом, уже в IX—X вв. у западных огузов существовало мореплавание, сохранившееся и позднее у прикаспийских туркмен.

Довольно мало известно о ремеслах огузов. Средневековые восточные авторы неоднократно упоминают о тюркском войлоке (кошмах), который шел на покрытие домов[3]. Якуби говорит о среднеазиатских тюрках IX в., включая в них карлуков, токузогузов, тюргешей, **кимаков, гузов и** т. д., что это — «самый искусный народ в приготовлении войлока, потому что из него их одежда»[4]. Существовало, очевидно, примитивное ткачество, ковроделие, шорничество, гончарное искусство, имелись некоторые навыки в постройке лодок. Современный термин «киме», служащий для наименования крупных плоскодонных барок-каюков на Аму-Дарье, близок к средневековому слову «геми», обозначающему, по Махмуду Кашгарскому, у огузов и кипчаков «судно». Мало что известно о металлургии и оружейном деле. Часть тюрок, проживающих на границе тахиридских владений к северу от Ташкента и находившихся в некоторой зависимости от хорасанских правителей, вносила в казну Абдаллаха ибн Тахира ежегодную подать, в состав которой входило 1300 сегментообразных кусков кричного железа. Этот металл поступал в виде налога с тех годных для военной службы молодых тюрок, которые не несли почему-либо порученной им охраны пограничной полосы от набегов других кочевников. В ту пору разработка месторождения железа велась в районе Исфиджаба и в некоторых местах хребта Каратау[5]. Якуби пишет про среднеазиатских тюрок, что «железа у них мало, и стрелы они делают из костей»[6]. Зато славились луки огузов. Хорошие луки изготовлялись в X в. в городе Сыгнаке и служили предметом вывоза оттуда в разные места[7]. В общем, ремесло повсемест-

---

[1] МИТТ, I, стр. 220—222.
[2] Там же, стр. 210.
[3] Путешествие Ибн Фадлана. Текст. л 198-б; Идриси, МИТТ, I. стр. 220.
[4] МИТТ, I, стр. 150.
[5] М. Е. Массон. К истории черной металлургии Узбекистана, Ташкент, 1947, стр. 31—32.
[6] МИТТ, I, стр. 150.
[7] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 15.

но имело у огузов, видимо, чисто домашний характер и не отделилось от сельского хозяйства.

Состояние и характер производства у огузов определяли и характер торговли. Преобладание скотоводства при недостаточном развитии земледелия и ремесла в хозяйстве огузов создавало потребность в хлебе и ремесленных изделиях, при излишке продуктов скотоводства. Раннее и широкое развитие обмена на границе скотоводческих и земледельческих областей вообще характерно для большой части Азии. Источники сообщают о ввозе хлеба в Янгикент, находившийся в низовьях Сыр-Дарьи. Его доставляли на судах вниз по реке[1]. Помимо хлеба, в страну огузов ввозились текстильные изделия (готовая одежда, куски материи, покрывала и т. п.), а также перец, изюм, орехи[2]. Ввоз ремесленных изделий не ограничивался тканями,—недаром пограничные городки —рабаты были настоящими ремесленными центрами[3].

Вывозились из страны огузов бараньи шкуры, мясо (в том числе прекрасная баранина)[4], скот (бараны[5], верблюды[6]), а также рабы[7]—военнопленные[8]. Ибн Хаукаль, отмечая наличие в Туркестане особой породы смушковых овец, сообщает, что особенно высоко ценились черные, которые шли по цене 2—3 золотых динара и более за одну шкуру; дешевле считались красные, за которые платили от 2 данеков до четверти динара, в то время как обычные шкурки продавались по 10 штук за 1 диргем[9]. Очевидно, наряду со степными курдючными овцами и другими местными породами, у огузов в X в. разводились овцы, близкие к породе овец, известной с XIX в. под названием «каракульской»[10].

Основные статьи вывоза из страны огузов (не считая работорговли) составляли продукты скотоводства. Следует отметить развитие торговых сношений огузов с земледельческими областями Средней Азии (вероятно, также с хазарами и с булгарами) в X в., что было связано с быстрым развитием ремесла в городах Хорасана, Хорезма и Мавераннахра и со значительным ростом скотоводства в огузских степях.

---

[1] Ибн Хаукаль. МИТТ, I, стр. 184.
[2] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 200.
[3] Очерки..., стр. 86—87.
[4] Ибн Хаукаль, МИТТ, I, стр. 181; Истахри, МИТТ, I, стр. 177—178.
[5] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 201-а.
[6] Там же, л. 199-а; Идриси, МИТТ, I, стр. 222.
[7] Истахри, МИТТ, I, стр. 177; Макдиси, МИТТ, I, стр. 205.
[8] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 38—39.
[9] Ибн Хаукаль, МИТТ, I, стр. 181.
[10] См. М. А. Манукян. Исторические вехи породообразования в овцеводстве Туркмении. «Известия ТФАН СССР», 1945, вып. 3—4.

Большую роль в этой торговле играли купцы из Шаша (Ташкента)[1] и других городов Мавераннахра, но особенно купцы Хорезма, в экономике которого торговля со степными племенами имела выдающееся значение[2]. Для торговли в степи огузов отправлялись многочисленные купеческие караваны с вооруженной охраной[3]. Важную роль играл институт своеобразного куначества,—каждый купец должен был иметь «друга» из огузов, у которых он и останавливался, приезжая в степь с товарами. Купец вручал при этом своему другу подарки и получал от него юрту, лошадей, верблюдов, овец и все, что было необходимо на время пребывания в степи. В свою очередь огуз, приезжая в Хорезм или Хорасан, также останавливался у своего друга-купца[4]. Несомненно, что этот обычай способствовал втягиванию в торговлю и огузской знати.

Существовали и другие обычаи, характеризующие весьма примитивный характер огузской торговли того времени; сохранялись даже следы древнего обычая обмена подарками, зародышевой формы торговли.

В IX в. Якуби, имея в виду условия движения купеческих караванов севернее границ Саманидского государства, отмечал, что у среднеазиатских тюрок нет ни укреплений (т. е. придорожных укрепленных караван-сараев), ни постоялых дворов, что живут они «в ребристых шатрах»[5]. Вместе с тем, хотя в «Худуд аль-алям», отражающем данные об огузах первой половины X в., сообщается, что у них нет ни одного города[6], это нужно понимать лишь как свидетельство, что в ту пору сами они не основывали собственных городов. Вообще же в занятых огузами областях тогда существовали принадлежащие им города, которые играли в их жизни немалую роль. По Сыр-Дарье такие подвластные тюркам города, признававшие в первой половине IX в. некоторую зависимость от государства Тахиридов, вносили в его казну в 826/7 г. 46 400 «черных дирхемов» хорезми и мусейяби[7]. По данным автора XII в. Идриси, сведения которого о гузах относятся к значительно более раннему времени, у них было много небольших, напоминающих крепости городов в труднодоступных горных районах, в основном, очевидно, Кара-Тау и Таласского Ала-

---

[1] Идриси, МИТТ, I, стр. 222.
[2] Истахри, МИТТ, I, стр. 180.
[3] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 202-б.
[4] Там же, 200-б.
[5] Якуби, BGA, VII, стр. 295.
[6] Худуд аль-алям, стр. 18-б.
[7] Ибн Хордадбех, BGA, VI, стр. 38. По словам этого автора, всего у тюрков в то время насчитывалось 16 городов.

Тау, поскольку из одного делались набеги на Тараз (на месте современного Джамбула), а от другого было относительно недалеко до разрабатывавшихся месторождений серебра. Даже Хиам, главный город гузского племени хандага, расположенный на вершине одной горы, характеризуется, как маленький, хотя и чрезвычайно укрепленный.

В X в. с огузами были тесно связаны расположенные по среднему течению Сыр-Дарьи города Саманидского государства: Сюткенд, Кедер, Сабран и другие. Сюткенд, успешно отражающий все попытки военного захвата его тюрками, является местом, где постоянно собирались те, как их тогда называли, «мирные тюрки», из огузов и карлуков, которые уже приняли ислам[1]. Сабран (или Сауран) представлял собой еще более сильную, обнесенную семью оборонительными стенами, пограничную крепость против огузов и кимаков. Это был расположенный тогда на краю полосы культурных земель богатый город с пригородом, куда огузы собирались для переговоров о перемирии и для торговли, и где имели пребывание связанные с этим купцы[2]. Богатым считался и небольшой город Сунах в округе Фараб (позднее Сугнак, Сунак), откуда, как отмечалось выше, вывозились луки.

В числе принадлежавших в X в. огузам городов в низовьях Сыр-Дарьи упоминаются Хора (Хвара), Дженд и Дех-и Нау или Янгикент. Ибн Хаукаль, сообщая, что в них живут «мусульмане», подчеркивает, что власть там принадлежит гузам. Дех-и Нау («Новое селение», по огузски Джаныкент), считался «столицей», так как в нем на зиму останавливался князь (малик) местных гузов, а преобладающим населением в округе являлись оседлые и кочевые огузы[3].

В XI в. с падением Саманидского государства положение на среднем и нижнем течении Сыр-Дарьи изменилось. Фараб, былой Прикаратауский округ (Карачук) отошел к огузам со всеми своими городами, из которых Махмуд Кашгарский называет «гузскими» следующие: Ситкун (Сюткент), Карнак, Сабран и Сугнак[4]. По словам этого автора, осевшие в городах огузы, порвавшие с кочевьем и не участвующие в военных предприятиях, именовались «ятук» (или «джатук»)[5]. Такое наименование, очевидно, соответствует позднейшему казах-

---

[1] Ибн Хаукаль, BGA, II, стр. 391; Худуд аль-алям, л. 24-б.
[2] Там же; Макдиси, BGA, III, стр. 276.
[3] Ибн Хаукаль, BGA, II, стр. 393; Худуд аль-алям, л 26-а; Масуди, Les prairies d'or, t. I, p. 212.
[4] Махмуд Кашгарский, т. I, стр. 364, 369, 392, 393.
[5] Махмуд Кашгарский, т. III, стр. 11.

скому термину «джатак», т. е. бедняк, не имевший скота и потому лишенный возможности вести кочевое хозяйство.

В низовьях Сыр-Дарьи с XI в. роль главного города перешла к Дженду, по имени которого Арал стал именоваться «Джендским морем». В XII в. Сугнак превратился в центр местного «немусульманского владения», причем проживавшие здесь кипчаки приняли ислам только после покорения их государством хорезмшахов[1].

Итак, для огузов характерно было сочетание экстенсивного скотоводства, отсталого и незначительного по масштабу земледелия, рыболовства, охоты и домашнего ремесла, производившего все необходимое для нужд несложного хозяйства степняка-скотовода эпохи раннего средневековья. Представление об огузах, только как о кочевниках, не соответствует действительности: часть их была связана с оседлым земледельческим и рыболовецким хозяйством. Но, конечно, экономический строй разрозненных отдельных племен не был одинаков. У северных племен, при наличии незначительного земледелия, было сильно развито скотоводство, главным образом кочевое. Важнейшими отраслями хозяйства прикаспийских племен были скотоводство и рыболовство при некотором развитии земледелия. Наконец, сырдарьинские огузы имели сравнительно наиболее сложное и развитое хозяйство, в котором часть населения (богатые владельцы скота) кочевала, а другая, более бедная, круглый год оставалась в районе зимовок, занимаясь обработкой земли и рыбной ловлей.

У огузов IX—X вв. сохранилось много элементов родового строя. Каждый отлично знал, к какому роду и племени он принадлежит и был знаком с генеалогией своего племени и рода. По словам Махмуда Кашгарского, огузы, встретив друг друга, прежде всего спрашивали: «Бой ким?», — осведомляясь из какого рода (племени, народа) происходит собеседник. Приводя слово «гок» — («корень»), Махмуд Кашгарский дает его тут же в составе такого выражения: «гокюнг ким», что значит: «от кого твой корень, из какого племени происходишь»[2]. В одном из торговых обычаев—куначестве явно отразились древние установления коллективной ответственности всего рода за поступки одного из сородичей. Именно этот обычай описывает Ибн Фадлан, рассказывая, что если задолжавший огузу купец умрет, не вернув долга, то кредитор взыскивает оставшееся за покойным с других мусульман-

---

[1] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 150.

[2] Махмуд Кашгарский, т. II, стр. 226, т. III, стр. 103; МИТТ, I, стр. 312.

ских купцов, говоря: «Это твой двоюродный брат, и тебе более всего надлежит уплатить за него»[1].

Легенды и приведенные выше родословные огузских племен, а также сообщения Махмуда Кашгарского показывают, что у огузов IX—XI вв. род был отцовским. Род делился на патриархальные семьи, во главе которых стоял мужчина, глава семьи, владелец имущества и в первую очередь—скота. Приниженное положение женщины видно из того, что мужчина покупал жену, уплачивал выкуп ее родным. По словам Ибн Фадлана, этот выкуп состоял из хорезмийских одежд, лошадей, верблюдов и другого имущества[2]. У огузов существовал обычай левирата (туркм. дакылма), — после смерти мужчины, его младший брат женился на вдове покойного. Так, сельджукский вождь Тогрул-бек женился на вдове своего старшего брата Чагры-бека[3]. По словам Ибн Фадлана, существовал и другой обычай: после смерти огуза на вдове женился его старший сын, если только эта вдова отца не была его матерью[4]. Этот обычай показывает, что у огузов, как и у многих других народов Средней и Центральной Азии, существовало многоженство. Как и у других степняков-скотоводов[5], у огузов личное имущество и дом умершего отца наследовал младший сын (система минората). Так, в семье Сельджукидов титул ябгу (вождя) получал старший сын, а титул йинала (наследника)—младший.

Но было бы неправильным считать, что огузы IX—XI вв. находились на стадии родового строя. Первобытные родо-племенные союзы, основанные на действительном кровном родстве, у них разложились и перемешались.

Как уже говорилось, огузские племена в X—XI вв. не укладывались в традиционное число 24 и не были однородны. Более того, старые племена, названия которых по традиции сохранились в генеалогической структуре огузов, никогда не выступали в качестве реальных политических единиц. Фактически действовали совершенно иные объединения—смешанные группировки, состоящие из обломков многих старых родов и племен и называвшиеся обычно по имени возглавлявшего их вождя или рода. Таковы были сельджуки, а также ягмури и кызыли[6]. Из племен такого рода, относящихся к более позднему времени, отметим санджари[7]. В рассказе «Родословной

---

[1] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 200-б.
[2] Там же, л. 200-а.
[3] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 373.
[4] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, лл. 200-а, 200-б.
[5] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 54—55.
[6] Тарих-и Бейхаки, МИТТ, I, стр. 260.
[7] Низам ад-дин Шами. Зафар-наме, МИТТ, I, стр. 513.

туркмен» о бурных событиях после победы Тогрула над Шахмеликом также отразился факт смешения огузских племен[1].

Наряду с этим, у огузов имелось значительно имущественное неравенство и связанное с ним общественное расслоение. Ибн Фадлан, живший некоторое время среди огузов, рассказывает, что на похоронах, в зависимости от богатства покойника, режут от одной до двухсот лошадей,—разница очень значительная. Он говорит также о богачах, имеющих до 10 тыс. лошадей и 100 тыс. баранов, и о бедняках, челяди; о рабовладельцах и о рабах, которых бросают в пустыне, если они заболеют[2]. Итак, мы можем отметить в огузском обществе существование по меньшей мере до трех общественных слоев: знати, бедняков и рабов.

Рассмотрим подробнее, из каких общественных слоев состояли огузские племена IX—XI вв.

а) Аристократия

Высший слой огузского общества составляли знатные люди, обычно называемые беками. Это были владельцы огромных стад скота и другого имущества, окруженные отрядами вооруженных дружинников. Ибн Фадлан дает яркое описание богатой и своевольной огузской знати, которая имела тысячи коней, десятки тысяч баранов, много рабов и рабынь, носила парчевые одежды. Вокруг бека собирались обедневшие соплеменники, жившие за счет его подачек. «И вот у него челядь и свита и большие дома» — пишет Ибн Фадлан об одном из таких огузских аристократов, являвшемся начальником их войска[3].

Но беки выделялись не только своим богатством. Есть основания считать, что огузские беки IX—X вв. были представителями старой родо-племенной знати, захватившей в свои руки родо-племенную организацию. Они, по-видимому, не только пользовались влиянием, но располагали известной властью над своими соплеменниками. Ибн Фадлан сообщает, что сородичи вынуждены были называть их господами и спрашивать у них совета во всех делах[4]. Зато сами они, опираясь на своих дружинников и вооруженных клиентов, не желали считаться с какой-либо высшей властью, разве что с мнением соседних беков[5].

---

[1] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 33.
[2] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 210-б, 203-а.
[3] Там же, л. 20-а.
[4] Там же, л. 199-б.
[5] Например, при обсуждении дела об арабском посольстве в 922 г. Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 202.

Огромные массы скота необходимо было перегонять по пустынным степям на большие расстояния и защищать от набегов враждебных соседей. У сырдарьинских огузов, имевших наиболее развитое хозяйство, в X в. кочевал даже их мелик, возвращаясь на Сыр-Дарью лишь к зиме[1].

Вместе с тем, огузская знать была экономически связана с земледельческими областями путем торговли, была втянута в товарно-денежные отношения, хотя бы и примитивные. Уже говорилось, что огузы не только торговали с мусульманскими купцами, приезжавшими в огузскую степь, но и сами совершали торговые поездки в города Средней Азии[2].

Наконец, огузские ханы и беки, подобно аристократии других народов на стадии разложения первобытно-общинного строя и складывания классового общества, являлись организаторами грабительских набегов, которые в это время становятся «постоянным промыслом»[3]. Набеги, производимые подобными «аристократическими шайками» во главе с беками и ханами, создавали обстановку непрерывной войны на границах страны огузов и внутри ее. Эти войны приводили к разорению народа и еще больше возвышали знать.

Знатные огузы, подобно другим тюркам, носили титулы ханов (военный вождь, предводитель)[4], беков (знатный человек, вождь рода или племени) и, вероятно, тарханов (знатный человек)[5]. В состав привилегированной части общества входили также богатые купцы и шаманы (знахари-жрецы)[6]. Вся эта пестрая масса сливалась в один господствующий класс, который эксплуатировал не только рабов, но также и обедневших соплеменников. При этом аристократия у огузов уже стала наследственной, как это можно видеть на примере знатной семьи Сельджукидов.

б) Зависимые элементы

Эксплуатируемые слои населения у огузов IX—X вв. состояли из рабов, зависимых от бека сородичей и подчиненных родов и племен.

1. Рабы. О рабах и рабынях у огузов упоминает Ибн Фадлан, но он почти ничего не сообщает об их количестве и

---

[1] Ибн Хаукаль, МИТТ, I, стр. 184.
[2] Путешествие Ибн Фадлана. Гекст, л. 200-б.
[3] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. ГИПЛ, стр. 170.
[4] Хорезми, МИТТ, I, стр. 218.
[5] Там же, стр. 219.
[6] Худуд аль-алям, МИТТ, I, стр. 211.

положении[1]. Рабство было патриархальным; раб мог в ином случае высоко подняться по социальной лестнице, особенно благодаря тому, что рабы использовались в качестве чиновников[2] и дружинников[3]. Источником рабства была война, — об этом прямо говорят предания огузов[4]. Рабы больше шли на продажу за пределы страны огузов, чем использовались в хозяйстве.

2. Полусвободные. Средневековые восточные историки и географы, рассказывая об огузах и вообще западных тюрках, употребляют такое выражение, как «мавали», т. е. зависимые или клиенты, а также «ضِبْنَة» —«прихлебатели», «паразиты»[5]. Здесь речь идет, несомненно, не о рабах, а о зависимых от бека соплеменниках. Семья степного аристократа всегда была окружена множеством зависимого люда[6]. В этом была сила знатного человека. Часто в положении зависимых оказывались обнищавшие сородичи бека, разоренные войной или стихийными бедствиями. Они использовались в качестве пастухов, может быть, работали на пашнях в районе зимовок, составляли дворню бека. Хозяйственное положение их, таким образом, было близким к положению рабов. А это неизбежно понижало и их общественное положение: в период разложения первобытно-общинного строя и складывания классового общества потеря собственности означала и потерю некоторых прав, так как такой человек выбывал из числа полноправных членов общины. Ибн Фадлан пишет, что заболевшего бедняка (как и раба) бросают в пустыне в то время как умершего «человека», т. е. полноправного и свободного огуза, хоронят с оружием по определенному обряду[7].

3. Зависимые роды и племена. У монголов XII—XIII вв. существовали целые роды и племена, попавшие в зависимость от аристократии чужих, более сильных племен. Эти зависимые роды и племена сохраняли свою родо-племенную организацию, владели имуществом, скотом, а их старейшины имели даже рабов. Но, с другой стороны, они носили родовое имя своего владельца, кочевали по указанию последнего и были обязаны службой, в том числе военной[8].

---

[1] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 201-б.
[2] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 52.
[3] Ибн аль-Факих, МИТТ, I, стр. 153.
[4] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 38.
[5] Ибн аль-Факих, МИТТ, I, стр. 153; Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 202-а.
[6] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, АН СССР, 1934, стр. 71—76.
[7] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 201-б.
[8] Б. Я. Владимирцов. Указ соч., стр. 64—65.

Подобное явление имело место и у огузов IX—XI вв. Уже говорилось о существовании смешанных группировок, состоявших из осколков различных подразделений, но носивших общее имя владельческого аристократического рода (например, сельджуки). «Родословная туркмен» в символической форме говорит о «неравноправии племен, часть которых обязана была служить «старшим племенам»[1]. Вожди сельджукидов писали в 1025 г.: «*Эти туркмены были нашими рабами, слугами*, подданными и зависимыми, выполняли приказания (наши) и служили у (наших) ворот»[2]. Вместе с тем, эти туркмены имели своих вождей[3], много скота[4] и представляли серьезную военную силу.

в) Свободные общинники

Несмотря на наличие в огузском обществе IX—X вв. ряда категорий зависимых людей, основу общества составляли свободные огузы — земледельцы и скотоводы, организованные в общины, но ведущие свое индивидуальное хозяйство.

Ибн Фадлан, как уже говорилось, отличает похороны раба и бедняка от похорон «человека», т. е. полноправного члена общества, на могиле которого резали лошадей в зависимости от богатства покойника — от одной до двухсот. Это свидетельствует о распространении понятия «человек» и на сравнительно небогатых людей (по понятиям степняков-скотоводов), т. е. на рядовых членов общества, из которых состояла основная масса огузов. В эту категорию входили и кочевники Казахстана, Кара-Кумов и Усть-Урта и оседлые земледельцы и рыбаки низовьев Сыр-Дарьи и побережья Каспийского моря. Однако, у огузских племен, у которых кочевое скотоводство являлось основным занятием, оно давно уже было экономической базой аристократии и «старших» (т. е. главенствующих) племен кайы, баят, баюндур и других. В кочевой огузской среде свои собственные соплеменники по какой-либо причине не занимавшиеся скотоводством и оседло проживающие в городах, именовались обидным прозвищем «ятук», что Махмуд Кашгарский переводит как «заброшенные, ленивцы»[5]. Вероятно, этот термин прилагался не только к горожанам, но и вообще к оседлым огузам. С этим словом, как отмечалось выше, связано относящееся к недавнему прошлому казахское слово «джатак», употреблявшееся для обозначения бедняка, не имеющего скота и потому лишенного возможности коче-

---

[1] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 31—32.
[2] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 364.
[3] Гардизи, МИТТ, I, стр. 229; Абулгази. Родословная туркмен, стр. 58—59.
[4] Гардизи, МИТТ, I, стр. 229.
[5] Махмуд Кашгарский, МИТТ, I, стр. 312.

вать и вынужденного заниматься обработкой земли на зимовках богатых скотоводов. По всей вероятности к XI в. большая часть оседлых общин на территории огузских поселений оказалась в подчинении у знатных родов, связанных с кочевым скотоводством.

О повинностях, лежавших на свободных общинниках, почти ничего неизвестно. Во всяком случае нет никаких данных, что свободные огузы были обязаны работать на бека или выплачивать ему подать. Несомненно лишь, что каждый свободный (по-видимому, исключая горожан) был обязан по призыву хана или бека участвовать в военных предприятиях, возможно, и в облавной охоте. Кроме того, у огузов, вероятно, существовал обычай «помочи»[1], который мог быть использован беками для эксплуатации сородичей.

Для того, чтобы представить конкретные формы и методы эксплуатации в огузском обществе IX—X вв., необходимо учесть, что беки были в то же время родовой знатью и использовали старые родовые обычаи и институты для установления своего господства над сородичами. В руках беков был суд[2]. Они на правах родовых вождей могли распоряжаться общинными землями и источниками. Все это ставило массу огузов в зависимое положение от бека.

Характеристика огузского общества была бы неполной без учета той роли, которую играла в нем война. О постоянных войнах в степи и набегах огузов на соседей говорят все средневековые авторы[3]. Эти войны имели целью захват скота и рабов[4]. Они велись также за овладение наиболее богатыми районами «гузской степи», например, низовьями Сыр-Дарьи, обильными травой и рыбой.

Предания справедливо приписывают организацию грабительских походов и набегов представителям знати и, в первую очередь, самому Огуз-хану, мифическому устроителю огузских племен. Пользуясь своим влиянием в общинах, знать вовлекла в такие походы массу рядовых огузов. Этот «налог кровью» был немаловажным звеном в цепи развивавшихся патриархально-феодальных отношений. Участие в войнах отрывало людей от хозяйства, неизбежные потери в боях создавали многочисленных калек, вдов, сирот, которым оставалось

---

[1] Сравн. с туркменским обычаем «ёвар». См. Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. Среднеазиатский этнографический сборник, М., 1954.

[2] По рассказу Ибн Фадлана (Путешествие, текст, л. 201-а) народ присутствовал на суде, но не участвовал в нем.

[3] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 38—44; Якуби, МИТТ, I, стр. 149; Масуди, МИТТ, I, стр. 166; Истахри, МИТТ, I, стр. 169; Худуд аль-алям, стр. 211.

[4] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 38.

лишь обращаться за помощью к той же знати, переходить на положение зависимых людей.

Нельзя, однако, представлять огузов только в роли инициаторов войн и набегов,—они в такой же мере подвергались им сами. Туркменские предания говорят о набегах, совершавшихся на их предков печенегами[1]. Средневековые авторы сообщают о нападениях на огузов со стороны карлуков, кимаков[2], башкир[3]. Часто совершали походы в степь феодальные государи Мавераннахра, Хорасана и Хорезма, постоянные набеги на степняков производили отряды газиев—«борцов за веру», размещенные в пограничных крепостях-рабатах. Множество пленных огузов (мужчин и женщин) ежегодно продавалось купцам, отправлялось на невольничьи рынки Бухары, Хорасана и Ирана.

Необходимость защищаться от этих набегов приводила к еще большему росту авторитета и влияния военных вождей всех рангов. Опытный и удачливый вождь, окруженный сильной и хорошо вооруженной дружиной, рассматривался всем племенем как надежный защитник от набегов и грабежей соседей, и поэтому ему иногда сходили с рук и жестокость, и произвол, и откровенное стремление к подчинению и эксплуатации собственных соплеменников.

Таким образом, мы находим у огузов IX—X вв. сохранение значительных элементов древнего общинного уклада — наличие сильных патриархально-родовых пережитков, массу свободных общинников, составлявших основной слой огузского общества, частичное сохранение наиболее древних и отсталых форм хозяйства. Рабство носило патриархальный характер и не являлось основой производства.

Наряду с этим, зарождались феодальные отношения; знать огузских и других степных племен сливалась в один господствующий класс, подчиняя себе и осколки чужих родов и собственных соплеменников, низводя их на положение клиентов, людей зависимых, обязанных службой. Нет никаких данных, позволяющих говорить о полной победе феодальных отношений у степняков в IX—X вв., но эти отношения непрерывно развивались и укреплялись. Одним из путей возникновения феодальных отношений у огузов было использование знатью в своих интересах родовых учреждений и правовых норм. В качестве родового вождя бек использовал военную силу своей группировки, вероятно, привлекал сородичей к работе в своем хозяйстве в виде организации «помочи», судили их. Даже обязанность помогать обедневшим членам рода ста-

---

[1] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 39.
[2] Масуди. МИТТ, I, стр. 166.
[3] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 202-б.

новилась формой эксплуататорских отношений, так как «облагодетельствованные» бедняки превращались в покорную челядь бека, о которой пишет Ибн Фадлан. Возможность использовать родо-племенные институты для эксплуатации общинников была настолько важна для знати огузов, как и других степняков, что это обстоятельство следует рассматривать как одну из главнейших причин длительного сохранения родо-племенной организации, удерживавшейся, несмотря на фактическое разложение родового строя и замену старых кровнородственных союзов, смешанными группировками из осколков различных родов и племен. Таким образом, возникающие феодальные отношения сочетались с патриархальными отношениями и маскировались ими.

Основной линией общественного развития огузских племен была замена патриархальных отношений патриархально-феодальными, что означало захват знатью общинных земель и закабаление свободных огузских скотоводов и земледельцев. В силу этого основным направлением классовой борьбы была борьба между возвышавшейся знатью и терявшими свою свободу и собственность рядовыми общинниками.

Власть хана и бека над народом была основана не только на использовании родо-племенных институтов, но и на прямом насилии. Подчиненные семьи, роды и племена, включенные в состав группировки какого-либо знатного рода, силой удерживались от перехода к другому аристократу или от полного освобождения. Об этом можно судить по формам классовой борьбы в огузском обществе.

Средневековые историки и туркменские предания, записанные Абулгази, довольно часто говорят о случаях ухода отдельных родов и целых группировок из под власти особенно жестоких и несправедливых ханов, что характерно не только для огузов, но и для всех кочевых племен вообще. Так, историк Гардизи рассказывает, что в 1025 г. четыре тысячи туркменских семей бежали к султану Махмуду Газневи и «пожаловались» на притеснения (со стороны) их «эмиров» (т. е. беков) и на обиды, которые они претерпевают»[1].

Вероятно, к этому же периоду относится рассказ Абулгази о «смуте» у огузов в связи с борьбой Тогрула и Шахмелика, в результате чего множество огузов перекочевало в Балханы. Хорасан и даже Южный Иран[2]. Впрочем, на новых местах беглецам пришлось еще хуже, и это довело их уже в

---

[1] МИТТ, I, стр. 229.
[2] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 58—60.

1027 г. до открытого восстания, на этот раз против Газневидов[1].

Стремясь укрепить свой авторитет и найти новое идеологическое обоснование для господства над народными массами, знать огузов уже с начала X в. (если не раньше) начинает принимать ислам. В отличие от языческой религии огузов, сложившейся в период первобытно-общинного строя и недостаточно пригодной поэтому для оправдания и утверждения эксплуататорских феодальных порядков, ислам IX—X вв. был типичной феодальной религией, являвшейся идеологической основой угнетения и произвола. Недаром коран призывает верующих повиноваться богу, его пророку и тем, кто имеет власть.

Но народ сопротивлялся введению новой религии. Ибн Фадлан рассказывает, что когда в начале X в. один из огузских вождей, Йинал младший, принял ислам, огузы сказали ему: «Если ты принял ислам, то ты уже не наш глава». Сопротивление народа заставило Йинала отречься от ислама и вернуться к старой религии[2]. Другой огузский аристократ, Атрак, был вынужден вести переговоры о принятии ислама ночью, тайно от всех, причем дал Ибн Фадлану уклончивый ответ[3].

Успешнее распространение ислама шло в наиболее экономически развитой части страны огузов—по Сыр-Дарье[4], так как там патриархально-феодальные отношения были, очевидно, наиболее развиты. Макдиси и анонимный автор «Худуд ал-алям» сообщают, что во второй половине X в. здесь было уже много туркмен-мусульман[5]. В конце X в. ислам принял Сельджук, наиболее крупный из вождей феодальной знати[6]. В XI в. громадное большинство огузов, если не все они, стали мусульманами, что отражает большие успехи в развитии феодальных отношений. Но народ, несмотря на формальное обращение в ислам, надолго сохранял враждебное отношение к новой вере и упорно придерживался старых обычаев и верований, которые частично сохранялись до недавних дней. В этой борьбе против новой религии также проявилась борьба народных масс против новых и ненавистных феодальных отношений.

О политическом строе огузов нам известно очень мало.

---

[1] Гардизи, МИТТ, I, стр. 230. Ср. Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 362, 366.
[2] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 201-а.
[3] Там же.
[4] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 12—20.
[5] МИТТ, I, стр. 185, 216.
[6] Мирхонд, МИТТ, I, стр. 451.
[7] См. Б. Кулиев. Социально-экономические корни доисламской религии туркмен. Рукопись, фонд ТГУ.

В IX—X вв. племена огузов не были политически объединены[1]. Предания, записанные в «Родословной туркмен»[2], говорят, что племена огузов некогда были объединены, но позднее распались на несколько группировок. Может быть, в народной памяти сохранились воспоминания о Западно-Тюркском каганате и его гибели[3]. В IX—X вв., согласно «Родословной туркмен», существовало три объединения огузов. Во главе одного стояло племя языр, во главе второго — племена кайы и баят, во главе третьего—салыр. К каждому из главных племен присоединялось по нескольку других, более слабых[4].

Язырское объединение располагалось на Каспийском побережье, занимая Большие Балханы, Джанак и, вероятно, Мангышлак и Усть-Урт. На связь усть-уртских аланов с язырами указывает приводимое Абулгази имя бека Алан из племени языр[5]. Географ Бекран говорит, что к язырам, занявшим Балханские горы, присоединилось одно племя из Мангышлака и другое из Хорасана[6]; названия этих племен неизвестны. Абулгази называет также племя кумы, подчиненное язырам в древности[7]. Можно думать, нынешнее название языров—карадашлы (черно-каменные) происходит от названия мангышлакских огузов (сиякхух, черногорские, т. е. обитатели тамошних «черных гор», Кара-Тау). По словам Бекрана, мангышлакские огузы присоединились к язырам.

Во главе второй группировки стояли племена кайы и баят — оба североказахстанского или центральноазиатского происхождения. Можно предположить, что она размещалась первоначально в степях Центрального Казахстана и объединяла отсталые скотоводческие племена. Названия остальных племен, входивших в ее состав, неизвестны, но весьма вероятно, что среди них были также баюндуры и, отчасти, печенеги, также населявшие северные степи[8].

Третья группировка — салырская — занимала, очевидно, побережье Сыр-Дарьи. Недаром позднее в составе сельджукской группировки салыры играли заметную роль[9]. Очевидно, туда входило и племя кынык, из которого вышла сельджук-

---

[1] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 17—18
[2] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 24—37.
[3] Ср. МИТТ, I, стр. 494, примечание 2.
[4] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 38.
[5] Там же, стр. 36.
[6] МИТТ, I, стр. 349.
[7] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 31.
[8] Гардизи относит баюндуров к кимакам; о местонахождении печенегов см. Путешествие Ибн Фадлана. Текст, лл. 202-б, 203-а.
[9] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 58—59.

ская династия, а также и некоторые другие племена, например, эймур.

Позднее, по данным «Родословной туркмен», вторая и третья группировки объединяются, причем во главе их становится хан из племени кайы[1]. Это, очевидно, и вызвало создание наиболее мощного политического объединения огузов с центром в низовьях Сыр-Дарьи. Объединение огузских племен, конечно, не было добровольным. Из того, что старшими позднее считались кайы, баят, баюндур и печенег, можно сделать вывод, что преобладание в новом объединении получила северная группировка, которая, видимо, после борьбы одержала верх над сырдарьинскими огузами (салырской группировкой) и получила возможность распоряжаться богатыми угодьями низовьев Сыр-Дарьи, располагаясь там на зимовки. Племена салыр, кынык и их союзники оказались побежденными, что вполне согласуется с последующей ролью этих племен в сельджукском движении.

Основным вопросом при изучении политической организации огузов IX—XI вв. является вопрос о наличии у них государства. До настоящего времени он окончательно не разрешен.

Уровень развития общественно-экономического строя огузских племен в IX—X вв., наличие у них классовых отношений и классовой борьбы позволяет предполагать существование у них раннефеодального государства, как организации, созданной огузской феодально-родовой знатью в целях подавления рабов и закабаляемых свободных общинников. Это допустимо, поскольку политическим объединениям огузов предшествовали Западно-Тюркский каганат — типичное раннефеодальное государство степняков, а в VIII в. Тюргешское государственное объединение, в котором даже выпускались медные литые монеты, иногда с именем тюргешского кагана.

В политической организации огузов, во всяком случае в сырдарьинской группировке, можно усмотреть элементы государственной организации.

Во главе сырдарьинских огузов стоял вождь с тюркским титулом «ябгу» или «джабгу» (владетельный князь; по Хорезми — «джаббуйя») как и у главы карлуков. Ибн Хордадбех для правителей первого ранга у среднеазиатских тюрков приводит шесть титулов, в состав которых входит слово хакан (т. е. «хан над ханами»)[2]. Правитель кимаков в X в. именовался хаканом[3]. Возможно, что этот титул, принадле-

---

[1] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 40.
[2] Ибн Хордадбех, «Вестник древней истории», VI, стр. 61.
[3] Худуд аль-алям, л. 18-б.

жавший в свое время верховному правителю тюркского каганата впоследствии утратил свое былое значение «главного государя тюрок», как его по старому трактовал Хорезми[1]. В письменных источниках нет сведений, чтобы глава сырдарьинских огузов титуловался хаканом. Средневековые восточные авторы обычно именуют его «меликом тюрков-гузов» или просто «меликом» (т. е. князем, владетелем и т. п.) В VI — VII вв. меликами назывались мелкие наследственные феодальные правители Нишапура, Мерва, Серахса, Нисы, Абиверда и др., а также такие правители второго ранга, как согдийские ишхиды Тархун, Гурек, и т. п.

Вместе с тем, в начале X в. «ябгу» огузов приравнивался к «эмирам» каковыми считались тогда по отношению к арабским халифам фактически независимые правители из династии Саманидов[2].

По словам Абулгази, до объединения салыров и кайы такие «цари туркмен», или их предводители выбирались народом[3]. Это соответствует обычным порядкам древнего племенного самоуправления. Но с момента объединения положение изменилось—власть ябгу стала наследственной в его роде. Хотя каждый новый ябгу выбирался знатью и утверждался народным собранием; власть ябгу, если судить по истории рода сельджукидов, передавалась вместе с титулом старшему из оставшихся членов рода (сыну или брату). Но по обычаям кочевников-скотоводов наследником имущества отца был младший сын[4].

Последние ябгу, по словам Хорезми, носили титул «Йинал-тегин», или «князь-наследник», поскольку «йинал» обозначал вообще наследника у каждого предводителя тюрок—меликa или дехкана[5]. В начале X в. Ибн Фадлан отметил, что первым из встреченных посольством тюркских меликов (их, видимо, было несколько) и главарей был некий «Янал младший», но являлся ли он «младшим наследником» ябгу, или это было собственное имя лица, по тексту установить нельзя[6]. Крупную общественную роль играла иногда и старшая жена (хатун) ябгу[7].

---

[1] МИТТ, I, стр. 219.

[2] «Мелика тюрок-гуззов называют ябгу. Это прозвище эмира. Каждый из меликов этого племени именуется этим прозвищем». Ибн Фадлан, 202-а.

[3] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 38—46.

[4] В. С. Батраков. Особенности феодализма у кочевых народов. Научная сессия АН УзССР 9—14 июня 1947 г., Ташкент, 1947.

[5] МИТТ, I, стр. 219.

[6] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, лл. 201-а, 202-б.

[7] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 365. Мирхонд, МИТТ, I, стр. 451.

Ябгу сырдарьинских огузов, ведя кочевой образ жизни, на зиму в X в. избирал себе резиденцией, как отмечалось, укрепленный город Янгикент, который играл тогда роль столицы. В отличие от него, упоминавшийся выше город Орду, резиденция мелика туркмен, был, по-видимому, не сезонной «столицей», а постоянным его местопребыванием.

Состояние источников не позволяет решить вопроса о степени полноты власти, сосредоточенной в руках ябгу. Во всяком случае, он не был самодержцем, как и все раннефеодальные государи. Богатая и своевольная огузская знать, располагавшая собственной военной силой в виде своих дружин и ополчений, зависящих от знати родо-племенных группировок, не склонна была покорно подчиняться воле ябгу и серьезно ограничивала его власть.

Наряду с ябгу, мы видим у огузов совет знати, в состав которого входили его родственники, а также наиболее влиятельные беки и военачальники. Историк Равенди говорит о совете у сельджуков в середине XI в. в таких выражениях: «...Оба брата, Чагры-бек и Тогрул-бек, их дядя Муса ибн Сельджук, которого называли Ябгу-Калян,... дети дяди, вельможи-родственники и воины из войска сели для совета вместе и заключили договор согласия друг с другом»[1]. Об одном таком совете знатных лиц в X в. говорит и Ибн Фадлан. На нем присутствовали один начальник войск огузов, один тархан, Янал и еще два знатных огуза[2]. Самого ябгу не было, так как дело происходило вдали от его зимовок. О совете «тюркских эмиров» и «сановников» пишет также историк Мирхонд, рассказывая об огузах X в. на Сыр-Дарье. Этот совет решал важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, а также военные дела[3]. Он серьезно ограничивал права ябгу, как это было, например, во время столкновения ябгу со знатным огузским вождем Тукаком[4].

Кроме совета знати, у огузов, видимо, существовало в рассматриваемое время и народное собрание, о котором сохранились воспоминания в «Родословной туркмен»[5]. Однако точных данных об этом нет. Во всяком случае, у печенегов в начале XI в. народное собрание еще сохранялось[6].

Однако источники содержат данные о существовании у туркмен-огузов IX—X вв. таких неотъемлемых элементов го-

---

[1] МИТТ, I, стр. 354.
[2] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 202-а, перевод, стр. 64—65.
[3] Там же, л. 202; Мирхонд, МИТТ, I, стр. 450.
[4] Мирхонд, МИТТ, I, стр. 450. (Мирхонд передает имя этого вождя Дукак).
[5] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 39—52.
[6] Письмо архиепископа Брунона к императору Генриху II. Киевские университетские известия, 1873, № 8.

сударственной организации, как специальный аппарат управления и постоянные налоги. Это дает основание считать, что в рассматриваемое время народное собрание у огузов, если оно и сохранялось, было оттеснено на второй план советом знати, особенно после создания сырдарьинского владения.

Заместитель сырдарьинского ябгу огузов именовался «кударкин», каковой титул прилагался к каждому лицу, замещавшему у них главу. Посольство Ибн Фадлана имело дело с кударкином, являвшимся главою одного из огузских племен, в котором он пользовался правом производства суда[1]. Распространялись ли его судебные полномочия на огузов других племен, данных нет. Известен огузский титул или звание «сюбаши», т. е. «начальник войска»[2] в арабской передаче—«сахиб-джайш». Права сюбаши остаются пока невыясненными, равно как неизвестно, был ли он единственным и верховным военачальником сырдарьинских огузов или это звание носило одновременно несколько лиц. Абулгази в «Родословной туркмен», скорее всего на основании преданий, говорит об инаках и везирах у царей огузов, причем один из инаков был по происхождению рабом, но благодаря своей верности и преданности поднялся выше огузских беков—непокорных и своевольных[3].

Если Абулгази не допустил анахронизма и модернизации в терминологии, то его сообщение представляет определенный интерес. Раб или вольноотпущенник в качестве ближайшего помощника вождя—фигура совершенно немыслимая для родоплеменной организации, но весьма обычная для раннефеодальных государств[4].

Ибн аль-Асир пишет о сборщиках налога—хараджа у сырдарьинских ябгу X в.[5]. Идриси сообщает о специальных людях, которые охраняют землю огузов по поручению их князей[6]. Все это позволяет сделать вывод, что у сырдарьинских огузов был государственный аппарат, хотя и весьма примитивный.

Что касается налогов, то, если даже оставить в стороне не вполне достоверное сообщение Абу-Дулефа о «величественном царе огузов», который взыскивает с них харадж, достаточно привести сообщение Ибн аль-Асира о том, что сыр-

---

[1] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, лл. 201-а, 202-а.
[2] Хорезми, МИТТ, I, стр. 219; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 365.
[3] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 52.
[4] См., напр., Lex salica, LIV, 2 (о сацебароне из рабов).
[5] МИТТ, I, стр. 365.
[6] Там же, стр. 220.

дарьинский ябгу взимал харадж с населения Дженда, для чего туда приезжали специальные сборщики[1].

Важной составной частью государственной организации является армия. Военная организация огузов IX—X вв. также типична для периода возникновения феодальных отношений[2]. Основу войска огузов составляло поголовное родо-племенное ополчение. Ибн Фадлан сообщает, что в могилу каждого «человека» из них (огузов) кладут лук, «человек» — это прежде всего воин[3]. Ношение оружия и участие в войне было правом и обязанностью свободного огуза.

Войско огузов было довольно многочисленным, как и вся-кое родо-племенное ополчение. Можно предположить, что отдельные огузские племена и их группировки могли выставить до 10—20 тыс. всадников[4]. Государство сырдарьинских ябгу в период своего расцвета могло, вероятно, выставить много больше. Это массовое конное войско, вооруженное луками, стрелами, палицами и ножами (сабли имели только богатые), было для своего времени грозной силой.

Кроме того каждый хан и бек имел свою собственную дружину, которая состояла из родственников, клиентов и наиболее верных рабов[5]. Такие дружины редко насчитывали более сотни всадников, но имели хорошее оружие: сабли, копья, шлемы, кольчуги и щиты. Позднее, в период сельджукских завоеваний численность дружин сельджукских вождей дошла до нескольких тысяч панцырных всадников.

Дружины были не только ядром войска во внешней войне, но и зародышем постоянной армии, орудием, с помощью которого огузская знать осуществляла свое господство над соплеменниками. Войско огузов было организовано по родо-племенному признаку, что обеспечивало взаимную поддержку и повышало стойкость в бою. Отряды возглавлялись родо-племенной знатью, старейшинами, беками. Военные состязания на праздниках, участие в перекочевках и облавной охоте, а главное—частые войны и набеги—все это обеспечивало боевую подготовку вождей и воинов.

Изложенные выше сведения дают основания полагать, что сырдарьинская группировка огузов являлась в X в. раннефеодальным государством. Существовала ли в это время государственная организация у прикаспийских племен — неизвестно.

---

[1] МИТТ, I, стр. 365; См. также Мирхонд, МИТТ, I, стр. 451.

[2] Подробно см. А. А. Росляков. Военное искусство туркмен-огузов X—XII вв. Рукопись, фонд ТГУ.

[3] Путешествие Ибн Фадлана. Текст, л. 201-б.

[4] См. Гардизи, МИТТ, I, стр. 230; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 364; Тарих-и Бейхаки, МИТТ, I, стр. 246, 248, 277, 295.

[5] О составе дружины у тюрков см. аль-Факих, МИТТ, I, стр. 153.

Состояние исторических источников не позволяет в настоящее время восстановить подробно историю огузов.

О внутренней их истории мы имеем лишь поздние предания, изложенные в «Родословной туркмен», где названы имена 15 правителей Янгикента из племени кайы: Иналь-Яви, Дуйли-Кай, Ирки, Туман, Канлы-Яули, Мур-Яви, Кара-хан, Богра-хан, Кузы-Тегин, Арслан, Осман, Исли, Шейбан, Буран и Али-хан, последовательно сменявшие друг друга. Приведены некоторые факты, относящиеся к правлению каждого из них, названо даже число лет правления каждого. Но в настоящее время невозможно определить, что из этих преданий соответствует исторической истине, а что является вымыслом. Нет уверенности, что все перечисленные правители (в частности, Богра-хан) действительно являлись огузскими государями, несомненно преувеличена продолжительность правления многих ханов и т. д.

Относительно лучше известна внешнеполитическая история огузов. Все авторы исторических сочинений X в., говорящие об огузах, утверждают, что они совершали непрерывные набеги на земледельческие области Средней Азии[1]. Но когда дело доходит до рассказа о конкретных событиях на границе, то гораздо чаще речь идет о торговле с «гузами», о «мирных тюрках, принявших ислам»[2], о взаимных путешествиях мусульманских купцов в степь и богатых огузов—в города Хорезма и Мавераннахра[3]. В период правления династии Саманидов в Средней Азии (1874—999 гг.) мы почти не видим крупных военных столкновений с огузами и нового крупного строительства укреплений на границе со степью. Напротив, хотя набеги огузов и имели место, Исмаил Саманид (892—907 гг.) даже решил отказаться от трудоемких работ по поддержанию длинной стены в нижнем течении Зерафшана, некогда сооруженной для защиты Бухарского оазиса от степняков[4]. Это ослабление пограничных войн с огузами, особенно в X в., являлось, несомненно, следствием развития хозяйства и оживления обмена, о котором говорилось выше и в который втягивалась часть огузской знати, особенно на среднем течении Сыр-Дарьи[5].

---

[1] Истахри, МИТТ, I, стр. 178; Худуд аль-алям, МИТТ, I, стр. 211; Наршахи. История Бухары. Перев. Н. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 45—46. Масуди, МИТТ I, стр. 166 и другие.

[2] Худуд аль-алям, МИТТ, I, стр. 216; Ибн Хаукаль, МИТТ, I, стр. 183.

[3] Путешествие Ибн Фадлана, МИТТ, I, стр. 160—161; Идриси, МИТТ, I, стр. 222.

[4] Наршахи, стр. 46—47.

[5] С. П. Толстов. Города гузов. «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 89.

Отношения огузов с Хорезмом издавна были напряженными. Как сообщает Бируни, набеги степняков заставляли царей Хорезма каждую осень выходить с войсками к границам степи[1]. Воинственность жителей Хорезма, воспитанных в непрерывных войнах с огузами, отмечали неоднократно восточные писатели[2]. Все границы Хорезма были защищены цепью укреплений[3]. Однако в X в. дело, по-видимому, осложнилось соперничеством Хорезма и нарождавшейся степной державы янгикентских ябгу.

Хорезм, издавна связанный с Хазарией, не желал допустить ее захвата огузами или Русью; уже в 965 г. хорезмийские войска были двинуты против огузов на соединение с остатками хазар[4]. Мы не можем выяснить всех подробностей затянувшейся борьбы за землю хазар; она шла с переменным успехом. В конце концов большая часть Хазарии осталась за Хорезмом, часть за Русью, огузы прочно утвердились на берегах Волги. В 985 г., как сообщает русская летопись, киевский князь Владимир вместе с «торками» (под этим именем в летописи выступают огузы) совершил поход по Волге на камских булгар и нанес им сильный удар, не сокрушивший, однако, булгарского царства.

Усиление огузского владычества было недолгим—в огузском обществе давно уже назревал острый конфликт между ябгу, опиравшимся на североогузские племена, и знатью сырдарьинских огузов, в первую очередь из племени салыр и кыныk. Позднейшие туркменские предания говорят о ряде войн ябгу против ханов отдельных племен (например, афшаров)[5], в частности, о войне ябгу против правителя южных огузов[6], о заговорах враждебной знати[7], о том, как в результате этих междоусобий распалось объединение огузов и начались длительные и тяжелые скитания огузских племен[8].

Противоречия между отдельными группировками огузской знати, осложненные классовой борьбой внутри огузского общества, привели в конце X в. к открытому столкновению янгикентского ябгу с вождем племени кыныk—Сельджуком, который восстал против ябгу во главе многочисленных сторонников. Так, в результате сепаратистских тенденций окрепшей

---

[1] МИТТ, I, стр. 219.
[2] Напр., Истахри, МИТТ, I, стр. 180.
[3] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, АН СССР, 1948, стр. 249—250.
[4] Там же, стр. 252.
[5] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 43—54.
[6] Там же, стр. 46.
[7] Там же, стр. 52 и сл.
[8] Там же, стр. 55—59.

феодально-родовой знати начался развал сырдарьинского владения огузов.

5. Раннефеодальное общество в Хорасане и Хорезме в IX в.—начале XI в.

В IX—XI вв. большая часть территории современного Южного Туркменистана с городами Мерв, Серахс, Абиверд, Ниса, Фарау и другими входила вместе с некоторыми областями современного Восточного Ирана и Западного Афганистана в Хорасанскую область, являвшуюся временами наместничеством, временами (особенно в IX в.) ядром самостоятельного феодального государства. Единство политической истории средневекового Хорасана заставляет при рассмотрении истории Южного Туркменистана постоянно касаться и других частей Хорасана, независимо от нынешних государственных и этнических границ, сложившихся в более поздние исторические времена.

В начале IX в. былое могущество багдадских халифов начало клониться к упадку. С одной стороны, развитие феодальных отношений у самих арабов все более увеличивало противоречия между богатой и высокомерной арабской знатью и простыми арабами-скотоводами, земледельцами, ремесленниками, что ослабляло военную мощь арабов, подрывая единство и моральный дух их племенных ополчений. С другой стороны, народные движения, широко развернувшиеся в покоренных арабами странах, подрывали власть халифата. Стремясь упрочить свое положение, халифы все шире привлекают в гражданскую администрацию и войско местную знать подвластных земель. Но это заставляет багдадских повелителей все больше и больше считаться с местной знатью, особенно в период феодальных смут и усобиц, часто раздиравших их государство.

Уже в 818 г. халиф Мамун заключил договоры с «царями Хорасана», т. е. местными крупными феодалами, чтобы обеспечить мир в области. Но в 819 г. смуты в Хорасане вспыхнули вновь, и в 821 г. Мамун был вынужден назначить правителем Хорасана Тахира Зу-ль-Яминейн, крупного южно-хорасанского феодала, потомка наследственных владетелей Бушенга в Гератской области[1].

Тахир был известным полководцем: именно ему халиф Мамун был в значительной степени обязан победой над своим братом Амином в междоусобной войне 809—813 гг. После этого Тахир стал одним из крупнейших вельмож халифата; он был назначен наместником северной части Месопотамии

---

[1] Якуби, МИТТ, I, стр. 85.

(аль-Джезира) заведующим натуральными повинностями Савада и одновременно военным начальником Багдада и т. д. Однако в 821 г. он предпочел сменить все свои высокие должности на пост эмира (правителя) Хорасана.

Тахир не случайно сделал этот выбор,—дальнейшее показало, что он рассчитывал стать независимым государем Хорасана. Якуби пишет, что Тахир «проявил неповиновение и не обнажал головы своей»[1]. Со своей стороны и Мамун с подозрением относился к своему сверх меры могущественному сановнику. Отношения все более обострялись, и в 822 г. Тахир сделал решительный шаг—приказал исключить имя Мамуна из хутбы (торжественной пятничной молитвы) и вычеканил от своего имени золотые динары, без упоминания халифа, что было равносильно провозглашению независимости Хорасана. Но вскоре он внезапно умер, по-видимому, отравленный тайными агентами халифа.

Однако Мамун был вынужден оставить Хорасан в руках потомков Тахира. Вторым эмиром из династии Тахиридов, правившей Хорасаном с 821 по 873 г., был сын Тахира Абдаллах, от имени которого первое время правил его брат Тальха ибн Тахир (822—828 гг.) Оставаясь фактически полунезависимым правителем, он сохранял внешнюю покорность халифу. Это изменение политики было обусловлено не только судьбой Тахира, но и усилившимся народным движением. В Сеистане продолжалось восстание хариджитов, причем порой оно перебрасывалось и в Хорасан[2]. Все правление Тальхи ибн Тахира прошло в тщетных попытках подавить это антифеодальное движение. Хариджиты сами неоднократно переходили в наступление. В 828 г. они нанесли сильное поражение тахиридским войскам, причем погиб один из братьев Тальхи, Али ибн Тахир. В том же году умер и сам Тальха. После его смерти восстание хариджитов усилилось. В 830 г. восстало крестьянство Южного Хорасана[3]. Тогда в Хорасан выехал сам Абдаллах ибн Тахир, который до этого выполнял ответственные поручения халифа в Сирии и Египте.

Абдаллах ибн Тахир (828—844 гг.) был наиболее крупным государем Тахиридской династии. В качестве «наместника Востока» (амир ал-машрик) он правил не только Хорасаном, но также Мавераннахром, Хорезмом, Сеистаном, Табаристаном, Гурганом и вообще всеми провинциями восточной половины халифата. Опираясь на местную аристократию, он

---

[1] МИТТ, I, стр. 85.

[2] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, СПб., 1900, стр. 222.

[3] Т. Кадырова. Абу-л-Аббас Абдаллах ибн Тахир и его время, Л., 1949, стр. 10.

самовластно действовал в Хорасане и Мавераннахре, но не порывал связей с халифом и даже, подобно отцу, занимал важные посты в Ираке. Важнейшей функцией Тахиридского раннефеодального государства было подавление сопротивления крестьян установлению феодальных отношений. Первым деянием Абдаллаха по прибытии в Хорасан была свирепая расправа с восставшим хорасанским (таджикским) крестьянством и решительная борьба с хариджитами Сеистана, которых, однако, ему удалось сломить лишь после двухлетней войны[1].

Абдаллах провел ряд мероприятий с целью укрепления феодального государства. Он добился значительного увеличения государственных доходов. Об этом можно судить по росту доли хараджа и прочих налогов, отправлявшихся ежегодно багдадскому халифу. За время с 836 по 844 г. сумма их выросла с 38 до 48 млн. дирхемов[2]. Значительная часть налоговых поступлений оставалась в руках самого Абдаллаха и расходовалась по его усмотрению, главным образом на содержание войска, духовенства и чиновничества[3].

Стремясь ослабить крестьянские волнения, Абдаллах боролся против злоупотреблений чиновников, ограничивал до известной степени их произвол по отношению к крестьянам. Но это не означало, разумеется, борьбы против феодальной эксплуатации. Напротив, основной функцией раннефеодального государства Тахиридов было активное содействие оформлению и укреплению феодальных производственных отношений и прежде всего основы феодализма—феодальной собственности на землю[4]. В условиях Средней Азии особенное значение имела собственность на орошаемую землю. По приказанию Абдаллаха ибн Тахира феодальные законоведы кодифицировали нормы водопользования, — составили «Китаб аль-куни» («Книгу о кяризах»). Эта книга оставалась основным источником права в вопросах о воде в течение ряда столетий.

Однако крестьянские восстания не прекращались. К концу правления Абдаллаха вновь усилилось движение в Сеистане[5]. В 839 г. произошло восстание крестьян в Табаристане, воз-

---

[1] Т. Кадырова. Указ. соч., стр. 10.
[2] В. В. Бартольд. Туркестан..., т. II, стр. 227.
[3] Т. Кадырова. Указ. соч., стр. 13.
[4] Мероприятия Абдаллаха можно сопоставить с кодификацией феодальных повинностей крестьян, проходившей в Европе в эпоху раннего средневековья.
[5] Т. Кадырова. Указ. соч., стр. 12—13.

лавленное местным правителем Мазьяром. Но оно было подавлено войсками Абдаллаха ибн Тахира[1].

Наряду с этим, Абдаллах вел борьбу и с внешними противниками, особенно с огузами. На границах Хорасана не затихала жестокая пограничная война, непрерывные грабительские набеги. Пятая часть награбленной добычи шла Тахиридам. Тахир сын Абдаллаха по его приказу ходил с войском в страну огузов[2], «и он завоевал места, до которых не доходил никто до него»[3]. Но не видно, чтобы эти победы, если они и были одержаны, дали прочный результат.

Абдаллах предпринял также крупные фортификационные работы на северо-западной окраине Хорасана, т. е. против огузов Балхан и Усть-Урта. Здесь был отстроен ряд пограничных крепостей (рабатов)—Дехистан, Фарава, Шахрастана, Куфан. Подавление крестьянских восстаний и феодальных мятежей, укрепление государства—все это значительно повысило авторитет Абдаллаха. С ним серьезно считались багдадские халифы. Поэтому после его смерти все его владения беспрепятственно получил его сын Тахир (844—862 гг.), продолжавший политику отца. Восемнадцатилетнее правление Тахира прошло без крупных потрясений и конфликтов, но это лишь означало, что трудящиеся, придавленные мощью Тахиридского государства, копят силы для новых выступлений.

Уже в конце правления Тахира ибн Абдаллаха в Сеистане начался новый подъем народного движения, связанный с выступлением «газиев»—воинов-пограничников, составлявших гарнизоны рабатов на окраинах государства. В их число входило немало разорившихся крестьян, и поэтому газии, с точки зрения феодальных властей, являлись «беспокойным элементом», хотя средн них было много воинов-профессионалов, оторвавшихся от народа.

Из среды газиев вышел Якуб ибн Лейс, основатель династии Саффаридов. В 861 г. он захватил Сеистан и начал ожесточенную войну с Тахиридами, в 863 г. захватил Герат и ввел свое имя в хутбу[4]. Затем, вступив в 873 г. в столицу Нишапур, сверг с престола и заточил в крепость Тахирида — Мухаммеда Тахира, а сам захватил власть над Хорасаном. По данным Наршахи, власть Саффаридов в Северном Хорасане не была прочной. В Мерве держался тахирид Хусейн ибн Тахир, а затем его сын Али. Хусейн был связан с Хорезмом

---

[1] В. В. Бартольд. Из истории крестьянских движений в Персии. Сборник в честь Н. И. Кареева. Из далекого и близкого прошлого. П.—М., 1923.

[2] Он же. Очерк истории туркменского народа, стр. 16.

[3] Белазури, МИТТ. I, стр. 78.

[4] Б. Н. Заходер. История восточного средневековья, стр. 55.

и, опираясь на хорезмийское войско, пытался захватить Бухару, но был выбит оттуда восставшим местным населением.

Якуб Саффар пришел к власти, используя недовольство народа; он был связан не только с газиями, но и с хариджитами и карматами (последняя секта представляла, главным образом, крестьянство). Но нет оснований считать его народным вождем. Не видно, чтобы при нем сокращалась феодальная эксплуатация. Якуб не снизил налогов, разорявших крестьянство. Это быстро оттолкнуло от него народ, но и хорасанские феодалы не пожелали ему подчиняться. Когда в 876 г. Якуб Саффар двинулся в поход на Багдад, хорасанские феодалы покинули его в решительной битве[1]. Он был разбит войсками халифа, отступил в Иран и вскоре умер. Правителем Хорасана стал его брат Амр ибн Лейс (879—900 гг.).

Амр попытался завоевать не только весь Хорасан, но и Мавераннахр. Он собрал огромные сокровища и располагал большим и хорошо вооруженным войском. Ему удалось покорить Мерв, Балх и Гузган, а затем он двинулся в поход на Мавераннахр[2]. Однако здесь он встретил упорное сопротивление со стороны бухарского правителя Исмаила, основателя династии Саманидов.

Возвышение знатной таджикской семьи Саманидов связано также с временем халифа Мамуна. С 819 г. они стали правителями различных областей Мавераннахра, причем долгое время были подчинены Тахиридам, хотя постепенно эта зависимость ослабела. Усиление Саманидов в IX в. во многом объясняется тем, что они в своей борьбе против Тахиридов, а позднее Саффаридов, опирались на поддержку населения Мавераннахра, заинтересованного в независимости своей страны. В то же время Саманиды были типичной феодальной династией, жестоко расправлявшейся с крестьянскими движениями и поэтому пользовавшейся симпатиями феодалов Мавераннахра. Падение государства Тахиридов создало благоприятные условия для возвышения первых Саманидов, ставших фактически самостоятельными правителями.

Подлинным основателем Саманидского государства был Исмаил ибн Ахмед (874—907 гг.). Он подавил народное движение в Бухаре, отбил нападение на Мавераннахр Хусейна Тахирида, правителя Мерва и, очевидно, Хорезма[3], лишил фактической власти своего старшего брата Насра и сделался государем всего Мавераннахра. Его столицей стала Бухара.

---

[1] Сиасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька. Перев. Б. Н. Заходера. АН, 1949, (в дальнейшем Сиасет-наме), стр. 17—19.

[2] Наршахи, стр. 108—109.

[3] Там же, стр. 103.

В начале 890-х годов Исмаил нанес сильное поражение тюркским племенам и на некоторое время обезопасил Мавераннахр от нападений с севера. После этого он двинулся на запад, откуда надвигались на Мавераннахр войска Амра ибн Лейса.

Историк Наршахи описывает военные действия между этими претендентами на верховную власть в Средней Азии, развернувшиеся на берегах Аму-Дарьи и в окрестностях Балха[1]. В решительный момент Исмаил собрал народное ополчение Бухары, включая ремесленников[2] и с этим войском двинулся навстречу завоевателям. В 900 г. Амбр ибн Лейс был разбит саманидскими войсками, захвачен в плен и впоследствии отослан в Багдад, где его казнили по приказу халифа[3]. Хорасан и Хорезм вместе с рядом других областей вошли в состав государства Саманидов и оставались в руках его правителей до конца X в.

Таким образом, в течение почти трех столетий Хорасан и Мавераннахр были политически объединены сначала в пределах хорасанского наместничества, впоследствии в составе государств Тахиридов и Саманидов. Эта политическая общность, прерывавшаяся лишь ненадолго, при наличии однородности хозяйственного укладка и этнической близости, способствовала оживлению и укреплению экономических и культурных связей. По мнению Б. Г. Гафурова, в IX—X вв. земледельческое население Хорасана и Мавераннахра консолидируется в единую таджикскую народность[4], при этом сохранялось, как обычно бывает в феодальную эпоху, множество местных диалектов и говоров[5].

Несколько особняком стояли хорезмийцы, близкие к таджикам по происхождению, хозяйственному укладу и культуре, но имевшие, в силу исторических причин и географической обособленности Хорезма, больше местных особенностей, чем население других земледельческих областей Средней Азии, и поэтому сложившиеся в особую народность[6]. Самостоятельным был язык населения Хорезма, принадлежащий к иранской семье языков[7]. Помимо общего названия «таджик», существовали и местные, областные названия; так, таджики Хорасана в источниках часто именуются хорасанцами, «людьми Хора-

---

[1] Наршахи, стр. 108—112.
[2] Там же, стр. 111.
[3] Там же, стр. 108—109.
[4] Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, т. I, стр. 173—174.
[5] Макдиси, МИТТ, I, стр. 204.
[6] Хорезмийцев, в отличие от хорасанцев, таджиками никогда не называли.
[7] А. А. Фрейман. Хорезмийский язык. АН, 1951.

сана»[1]. Это явление было вызвано тем, что в силу господства натурального хозяйства население каждой области и каждого города сравнительно мало общалось с населением остальных областей и поэтому, наряду с общенародными чертами, сохраняло немало местных особенностей в культуре, быте и языке.

Освобождение Мавераннахра, Хорасана и Хорезма от иноземного владычества способствовало значительному развитию производительных сил. Источники IX—X вв. и археологические наблюдения рисуют картину значительных успехов сельского хозяйства, ремесла и торговли в Средней Азии и, в частности, на территории нынешнего Южного Туркменистана.

Важнейшей отраслью хозяйства явилось поливное земледелие. Ирригационная сеть составляла гордость страны и основу ее благосостояния. Особенно развитой была ирригационная система Мервского оазиса. Географ Истахри, писавший около 930—933 гг., сообщает, что Мервский оазис орошался большими каналами, выведенными из Мургаба выше города Мерва у селения Зарк и Разик (там, где ныне находился Туркмен-Кала). Перечислив крупнейшие из идущих через город каналов — Хурмузфарра, Маджан, Разик и Асади, — Истахри пишет: «Мерв имеет большую реку, от которой отделяются все упомянутые каналы и каналы волостей (рустак)... Разделение этой реки начинается у деревни Зарк[2], где водораздел Мерва. И устроены для каждого квартала и улицы из этой реки малые каналы, на которых деревянные доски, а в них сквозные отверстия, которыми люди уравниваются при получении их доли воды. И когда вода увеличивается, берет каждый пользующийся свою долю из избытка, и так же точно, когда вода убавляется (получает менее). И управляет этою водою отдельный начальник, и он имеет больше значения, чем заведующий налогами. И сказали мне, что кормится на этой воде более 10 тыс. человек,—у каждого из них при этой воде должность»[3].

Еще более подробные сведения сообщает географ Макдиси, писавший в 80-х годах X в.: «Река обоих Мервов[4] начинается у подножья Гура и тянется к верхнему Мерву, потом спускается к нижнему (Мерву). Не доходя до него (Мерва) приблизительно на день пути, с ней встречается большая долина, перегороженная с обеих сторон удивительными деревянными (плотинами), вода задерживается и становится вровень

---

[1] Например, у Табари, МИТТ, I, стр. 142.
[2] Чаще это село называется Разик.
[3] МИТТ, I, стр. 173—174.
[4] Т. е. Мерва и Мерверруда (города, находившегося по исследованиям ЮТАКЭ у Меручака, на верхнем Мургабе).

с местом, через которое она должна перелиться; потом (она) течет к Мерву. Управляет ею (рекой) эмир более сильный, чем заведующий налогами (эмир ал-химаят); ему подчиняются 10 тыс. человек, получающих жалованье; при ней есть сторожа, следящие за тем, чтобы она не разлилась. Ты не увидишь лучшего и более искусного в распределении воды, чем на ней... (на реке) поставлена доска с поперечными делениями вдоль нее через 1 ша'иру. Когда вода высоко, то доходит до 60 делений по длине, и это год урожайный, народ радуется этому, и доли (воды) увеличиваются. Когда же бывает 6 делений, то это год засухи. Место, где измеряется (вода), в фарсахе[1] от города, оно похоже на круглый пруд. Когда управляющий им измерит (воду), он посылает особого спешного гонца в диван реки, потом оттуда посылают гонцов ко всем управляющим мелкими каналами, и они делят воду согласно этому измерению»[2].

Перечислив упомянутые четыре канала, орошающие город Мерв (названия те же, что у Истахри). Макдиси пишет дальше: «У них (мервцев) есть водоемы крытые и открытые, со ступеньками и воротами, которые открываются и соединяют их с каналом по мере надобности. И у них есть колодцы с хорошей водой. Если описать полностью все каналы и водоемы, то книга станет длинной и наводящей скуку»[3].

О сложной организации учета и распределения воды в Мерве говорит Абу-Абдаллах аль-Хорезми, писатель X в. По его словам, в диване кастабазуд[4] (учреждении, ведавшем учетом налогов) «...хранятся (списки) хараджа каждого владельца воды, (в них отмечается) увеличение, уменьшение и перенос его (хараджа) с одного имени на другое; а в диване воды[5] хранятся (списки) количества воды, которой владеет каждый из них, (и отмечается) то, что из нее (воды) продается и покупается»[6].

В «диване воды» пользовались сложной и подробной терминологией, некоторые важные термины из нее приводит Хорезми в разделе «О словах, употребляемых в диване воды». В частности, он разъясняет значение термина «баст», указывая, что так называлась «мера, которую применяют жители

---

[1] 6—7 *км.*
[2] МИТТ, I, стр. 203.
[3] Макдиси, МИТТ, I, стр. 203.
[4] По разъяснению Хорезми, «кастабазуд» арабизированная форма, происходящая от «каст афзуд», а буквальное значение этого термина — «уменьшение и прибавление».
[5] Учреждение, ведавшее мервской ирригационной системой; вероятно, тождественно с «диваном реки» Макдиси.
[6] МИТТ, I, стр. 217.

Мерва, это проход для воды через отверстие, длина и ширина которого 1 ша'ира»[1]. Затем упоминается «файкал», соответствовавший 10 бастам. Очень интересно, что термин «файкал» употреблялся марыйскими туркменами в форме «пейкал» вплоть до самого недавнего прошлого. Этот факт можно рассматривать как одно из свидетельств большой давности знакомства туркмен с поливным земледелием. Во всяком случае несомненным является сохранение в Марыйском оазисе некоторых земледельческих традиций, восходящих ко временам, отдаленным от нас на тысячу лет. Сохранение таких традиций говорит о тесных многовековых связях туркмен с оседлым населением Мервского оазиса.

Особую заботу вызывала главная плотина. «В месте, описанном нами, — пишет Макдиси о плотине, — находятся 400 водолазов, которые наблюдают за рекой днем и ночью: иногда им приходится входить в воду во время большого холода, они (при этом) намазываются воском. И на обязанности этих людей собирать в определенном на каждый день количестве дерево и хворост, к которым они прибегают в случае надобности»[2] (т. е. для ремонта). Прорыв плотины грозил населению большими бедствиями. «Она прорвалась, — пишет тот же Макдиси,—когда я был в Нишапуре, люди были близки к выселению[3] и на нее было истрачено много денег[4].

Развитая система каналов — больших и малых — орошала также земли Дехистана и Хорезма. Каналы Хорезма были так велики, что по некоторым из них ходили суда. Особенно большим был канал Ведак, подававший воду к столице Северного Хорезма — городу Гургандж (нынешний Куня-Ургенч)[5]. В Прикопетдагской полосе поля орошались мелкими арыками, выведенными из горных ручьев, и многочисленными кяризами.

Орошаемые посевы назывались «сакий» (от «сака»—орошать). Различалось орошение с помощью самотечной воды («сайх») и с помощью водоподъемных приспособлений («гарб»)[6].

Хорезми приводит ряд названий водоподъемных приспособлений, применявшихся в Средней Азии в IX—X вв.: дулаб,

---

[1] МИТТ, I, стр. 218. В комментарии к этому месту отмечено, что по Бартольду «ша'ира» соответствовала 3 *см*.

[2] Макдиси, МИТТ, I, стр. 203.

[3] Т. е. выселению из Мервского оазиса.

[4] Макдиси, МИТТ, I, стр. 203.

[5] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 81—82.

[6] Хорезми, МИТТ, I, стр. 218; В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 55.

далия, гарраф, зурнук, наура, манджанун[1] — но, к сожалению, не говорит об их устройстве. В. В. Бартольд считает все их разновидностями чигиря (водоподъемного колеса)[2]. Однако, вероятно, что в их число входили и более примитивные сооружения, вроде «нова». Во всяком случае чигирь (дулаб) был наиболее важным средством для орошения высоко расположенных полей. Один из видов чигиря—далия — приводился в движение верблюдами. Были чигири, для приведения в действие которых использовалась сила движения воды в каналах.

Помимо искусственно-орошаемых посевов, были и посевы под дождь (бахси). Хорезми называет еще несколько терминов для обозначения богарного земледелия (изй, асари, бал)[3]. Практиковались также посевы на заболоченных землях в низовьях больших рек (например, Теджена-Герируда)[4].

Земледельцы Хорасана и Хорезма в IX—X вв. выращивали множество различных сельскохозяйственных культур. Основное значение в их хозяйстве имели злаковые—пшеница, ячмень и, вероятно, просо. Важнейшими зерновыми районами были Дехистан, Ниса, Абиверд и Мервский оазис; Макдиси и Истахри с особенной похвалой отзываются о мервском хлебе, «лучшем в Хорасане»[5]. Из этих районов хлеб вывозился в другие области. Но посевы хлеба имелись повсюду в земледельческих областях—в Хорезме, на средней Аму-Дарье, в горах Копет-Даг. Даже в тех предгорных районах, где преобладало скотоводство — Серахс, Гузган, — серьезное значение имели богарные (под дождь) посевы зерновых[6].

В Мерве, Хорезме, Нисе и Абиверде возделывалось много кунжута, из которого вырабатывали масло. Вероятно, сеяли и рис, хотя Макдиси упоминает о торговле рисом только в Балхе[7].

Повсеместно было распространено виноградарство и садоводство. Особенно крупную роль играло виноградарство в Мервском оазисе; в частности, по словам Якуби, славился изюм из города Кушмейхан[8]. Виноградарством занимались и в Хорезме, где, по словам Макдиси, было множество давильных прессов для винограда. Имелось оно также и в оазисах среднего течения Аму-Дарьи: только в Даргане насчитыва-

---

[1] Хорезми, МИТТ, I, стр. 218.
[2] В. В. Бартольд, Указ. соч., стр. 28.
[3] МИТТ, I, стр. 218.
[4] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 45.
[5] Истахри, МИТТ, I, стр. 174; Макдиси, стр. 202.
[6] Истахри, МИТТ, I стр. 175.
[7] Макдиси, МИТТ, I, стр. 202.
[8] Якуби, МИТТ, I, стр. 148.

лось 500 виноградников[1]. Производство фруктов было также более всего развито в Мерве и вообще в долине Мургаба, но садами и фруктами славились и Хорезм, и Ниса, и Средняя Аму-Дарья[2]. Из отдельных сортов фруктов в источниках упоминаются вишни в Мерве[3]. В Гюргене (южнее Атрека) были распространены субтропические культуры—лимоны, апельсины, оливки, смоквы и даже финики, но Макдиси сообщает, что финиковые пальмы там иногда погибают от мороза[4].

Бахчеводством также занимались жители всей земледельческой полосы. Особенно славились мервские дыни, которые резались ломтями и вывозились в Ирак (очевидно, в вяленом виде)[5]. Меньше известно об огородничестве, однако оно уже в X в. процветало в Нисе, так как Макдиси говорит о нисийских баклажанах, как о не имеющих себе равных[6].

Немалое значение в сельском хозяйстве Хорасана имел хлопок. Основным хлопковым районом был Мервский оазис[7]. Там выращивался отличный сорт хлопка «мерви», вывозившийся в разные страны, а частью перерабатывавшийся на месте. Еще чаще в источниках сообщается о шелке. Шелк-сырец в значительных количествах вывозился из Мерва, который, по словам Истахри, был одним из самых давних очагов шелководства, откуда эта культура распространилась во многие другие области Хорасана и Ирана[8]. Характерно, что из Мерва и в рассматриваемое время вывозились не только шелк-сырец, шелковые ткани и покрывала, но также и грена[9]. Широкой известностью пользовались тюрбаны «шахиджани», славились тончайшие одежды «марви», в которые облачались мужчины и женщины багдадской знати. К лучшим сортам мервских материй относились ткани с шелковыми надписями. Макдиси отмечает также производство шелка в Нисе и Абиверде[10]. Есть указание о вывозе шелка и хлопка из Дандаканана. В Мерве, по-видимому, возделывался и лен, так как Истахри упоминает о выделке там льняных тканей[11]. К поль-

---

[1] Макдиси, МИТТ, I, стр. 185, 188.
[2] Истахри, МИТТ, I, стр. 174—180; Макдиси, МИТТ, I, стр. 185 — 207; Худуд аль-алям, МИТТ, I, стр. 213—216.
[3] Макдиси, МИТТ, I, стр. 191.
[4] Истахри, МИТТ, I, стр. 168.
[5] Макдиси, МИТТ, I, стр. 207—208.
[6] Там же, стр. 202.
[7] Истахри, МИТТ, I, стр. 174; Худуд аль-алям, МИТТ, I, стр. 213.
[8] МИТТ, I, стр. 174—180.
[9] М. Е. Массон. Фрагменты из истории распространения в древности шелкопряда Bombix mori. Белек, С. Е. Малову. Сборник статей. Кир. ФАН СССР, Фрунзе, 1946, стр. 49.
[10] Макдиси, МИТТ, I, стр. 202.
[11] МИТТ, I, стр. 177. Остатки средневековых льняных тканей обнаружены при раскопках ЮТАКЭ.

зовавшимся известностью экспортным товарам Мерва принадлежали также ковры.

Меньшую роль, чем земледелие, играло скотоводство. В Мерве, Прикопетдагском оазисе и Дехистане оно было второстепенным занятием и поэтому почти не отражено в источниках; только Макдиси пишет, что в числе предметов торговли Мерва были коровы и сыр[1]. Разводились и ослы[2]. Сравнительно большее значение скотоводство имело в Хорезме, где оно было одним из основных источников дохода населения[3]. В частности, из сообщения Ибн Хаукаля можно заключить, что в Хорезме, как и у тюрков, уже разводились каракульские овцы, дававшие смушку коричневую, черную и других цветов[4].

Преимущественно скотоводческими районами были Серахс (в этот район средневековые авторы включали, очевидно, также Бадгыс и Теджен), окрестности Земма (Керки) и та часть Гузгана, которая входила в нынешний Туркменистан. В Серахсе разводились верблюды, которые служили предметом торговли, наряду с хлебом[5]. Население окрестностей Земма разводило баранов и верблюдов[6]. Там жили кочевые или полукочевые арабы, халаджи и туркмены[7]. Истахри отмечает, что халаджские бараны отправлялись на продажу в Хорасан[8]. Те же племена, очевидно, составляли и кочевое население Гузгана, который славился своим скотом — верблюдами, баранами — и различными продуктами скотоводства, в частности шагреневой кожей[9].

Некоторое значение имело рыболовство на Каспийском море и в низовьях Аму-Дарьи[10], а также охота: Ниса, например, была известна своими охотничьими соколами, а также мехом лисиц[11]. Но в целом рыболовство, а тем более охота, большой роли в экономике не играло.

---

[1] Макдиси, МИТТ, I, стр. 202.
[2] Кудама ибн Джафар, МИТТ, I, стр. 165.
[3] Истахри, МИТТ, I, стр. 180.
[4] МИТТ, I, стр. 181.
[5] Макдиси, МИТТ, I, стр. 202; Истахри, МИТТ, I, стр. 176.
[6] Истахри, МИТТ, I, стр. 178.
[7] Сиасет-наме, стр. 112, упоминает халаджей и туркмен вместе. Относительно халаджей известно, что они жили на левом берегу Аму-Дарьи («по эту сторону реки», МИТТ, I, стр. 144), там сейчас находится Халачский район и старинный мазар Халаджи баба. По письменным источникам IX—XIII вв., однако халаджи жили в основном южнее, на территории нынешнего Афганистана.
[8] МИТТ, I, стр. 176.
[9] Истахри, МИТТ, I, стр. 175 Худуд аль-алям, МИТТ, I, стр. 214—215.
[10] МИТТ, I, стр. 150, 169, 179, 182, 202, 208, 210.
[11] Макдиси, МИТТ, I, стр. 202.

Высокого развития достигло ремесло, значение которого в хозяйственной жизни населения Средней Азии того времени было очень велико. Есть основания полагать, что там существовали цеховые организации[1]. По уровню ремесленного производства Хорасан и Хорезм в IX—X вв. вряд ли уступали любой передовой стране своего времени. Наиболее крупным центром ремесла был Мерв, где имелся ряд ремесленных кварталов. В работе академика В. В. Бартольда «К истории Мерва» отмечается, что в этом городе жили и трудились ремесленники многих специальностей[2]. Особенно славились мервские шелковые ткани и одежда[3], вырабатывались также суконные, хлопчатобумажные и льняные ткани[4]. Судя по археологическим данным, Мерв являлся крупным центром керамического производства. Есть также сведения об обработке кожи, производстве пищевых продуктов и некоторых других изделий[5]. Другим значительным городом, хотя и меньшим, чем Мерв, была Ниса. Археологическими работами ЮТАКЭ установлено, что в IX—X вв. быстро рос рабад Нисы, где жили купцы и ремесленники[6]. Там обнаружены остатки керамических печей, железные крицы, медные шлаки, стекольный брак, что свидетельствует о развитом и разнообразном ремесленном производстве. В Нисе было развито и текстильное производство[7]. Остатки изящной домашней утвари свидетельствуют о зажиточности горожан. Крупным ремесленным центром был Хорезм с городом Ургенч и рядом других. В городах Хорезма также изготовлялись шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, луки, кошмы, металлические и многие другие изделия[8]. Ремесленное производство имелось в Гургане, Дехистане, Абиверде, Серахсе городах Мургабского оазиса и побережья Аму-Дарьи.

Ремесло в городах Северного Хорасана и Хорезма в IX — X вв. значительно перерастало рамки домашнего производства, его продукция поступала не только на местный, но и на международный рынок. Ремесленными центрами международного значения были Мерв и Гургандж. Узкий местный ры-

---

[1] А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой. МИУТТ, Л., 1932, стр. 32.

[2] В. В. Бартольд. К истории Мерва. ЗВО, т. XIX; СПб., 1910.

[3] Макдиси, МИТТ, I, стр. 202.

[4] Истахри, МИТТ, I, стр. 177; Макдиси, МИТТ, I, стр. 202; Очерки .., стр. 206.

[5] Худуд аль-алям, МИТТ, I, стр 213; Очерки...., стр. 206.

[6] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I, стр. 55—58.

[7] Макдиси, МИТТ, I, стр. 202.

[8] Истахри, МИТТ, I, стр. 180; Макдиси, МИТТ, I, стр. 202; Худуд аль-алям, МИТТ, I, стр. 216.

нок обслуживали менее значительные города—Шахрастана, Абиверд, Мехне, Дехистан и другие.

В скотоводческих районах преобладало домашнее ремесло — производство паласов, ковров, кошм, обработка кожи[1]. Но оно также было отчасти связано с рынком[2].

Развитие ремесла способствовало росту внешней и внутренней торговли. Продукция не только городского, но и кочевого производства вывозилась за пределы страны. Через территорию нынешнего Туркменистана пролегали важные торговые магистрали, связывавшие Ближний Восток с Дальним, Среднюю Азию с Восточной Европой.

Один из главных путей, соединявших ближневосточные страны с Китаем, вел от Нишапура к Серахсу, богатства которого основывались на торговле хлебом и скотом. Отсюда, через промежуточные подорожные городки Уштурмагак, Тильситанэ, Данданкан, Генугирд, путь приводил к Мерву. На рынках этого города осуществлялись крупные коммерческие операции. В Мерве сходился узел больших торговых путей. Один из них через Кушмейхан (ныне городище Кишман) вступал в пески Кара-Кумов, где на расстоянии дня верблюжьего хода расположены были благоустроенные станции («манзиль») с караван-сараями: Диван, Тахмаладж, Мансаф, Ахса, Осман, Акир. В конце X в. взамен некоторых из этих названий приводятся уже иные наименования. Археологическими обследованиями ЮТАКЭ установлено, что станции эти располагались возле колодцев, на развеянных среди барханных гряд такырах. Караван-сараи были хорошо благоустроены. Выстроены они из сырца, имеют мощные глухие стены, гарантирующие безопасность пришельцам, заключают внутренний двор, обведенный сводчатыми галлереями для скота и тюков, жилые покои для людей[3]. Трудный путь этот завершался в г. Амуле (старый Чарджоу), где находилась одна из главных речных переправ через Аму-Дарью к г. Фарабу. Отсюда караваны двигались на Бухару. Однако иногда они направлялись на юг к Бурдалыку или Земму (Керкух, Керки), где также были крупные переправы.

Из Амуля на север, вдоль левого побережья Аму-Дарьи, то по поросшей тугайной растительностью пойме реки, то по обрывистому, занесенному песками крутому берегу, пролегал один из путей на Хорезм. После Амуля упоминаются города и постоялые дворы: Виза, Мардус, Асбас, Сайфина, Тахирия,

---

[1] Макдиси, МИТТ, I, стр. 201—202; Худуд аль-алям, МИТТ, I, стр. 215—216.

[2] Макдиси, МИТТ, I, стр. 202; Худуд аль-алям, МИТТ, I, стр. 215.

[3] М. Е. Массон. Средневековый путь из Мерва на Амуль (Чарджоу). «Известия АН ТССР», 1955, № 1.

Джигирбенд, Дарган, Садывар, Хазарасп. Остатки некоторых из этих пунктов обследованы и отождествлены со средневековыми названиями при работах ЮТАКЭ и Хорезмской археологической экспедиции.

Использовался также другой более короткий путь, из Хорасана в Хорезм, проходящий от Мерва прямо на север. Здесь от города Хурмузфарра (ныне городище Кишман-Депе) начиналась зона сыпучих песков. Караваны передвигались от остановки к остановке, затерянным среди барханов пустыни Сайфине, простиравшейся до границ Хорезма и выходили обычно к одноименной станции, предшествовавшей городу Тахирия.

От Мерва на юг, вдоль побережья Мургаба вела большая дорога на Балх, оттуда в Индию. Станциями на этом пути были: Фаз Мехбиабад, Каринейи (ныне Имам-Баба), Асхабад, Хаузан, Каср-Ахнаф, г. Мерверруд и далее.

Через Хорезм осуществлялась транзитная торговля с Восточной Европой, особенно с Русью. Торговля эта способствовала экономическому процветанию столичных городов—Кята, затем Гурганджа. Путь ее пролегал от Гурганджа через рабат Занджан (Баб-ат-Тюрк), Хабаб, трудно проходимое плоскогорье Усть-Урт, Чинк, Эмбу и далее на нижнюю Волгу.

Приводим описание транзитной торговли через территорию современного Туркменистана, принадлежащее А. Ю. Якубовскому.

«Торговые караваны заключали от нескольких сот до нескольких тысяч людей и вьючных животных (главным образом, верблюдов). Караваны охранялись наемными военными отрядами, так как дорога часто бывала небезопасна. Продвижение их длилось неделями и месяцами — так, знаменитый караван Ибн Фадлана затратил на путь Багдада до Болгар свыше десяти месяцев, правда, с рядом непредвиденных задержек. Все это требовало хорошего оснащения караванов продуктами, одеждой, дорожным инвентарем, оружием.

Торговля осуществлялась и по водным артериям — по Аму-Дарье, Мургабу, Каспийскому морю. Оживленная торговля велась по хорезмско-волжскому пути. Макдиси сообщает, что через Хорезм из Восточной Европы идет множество товаров: «соболя, серые белки, горностаи, степные лисицы, куницы, лисицы, бобры, крашеные зайцы, козы, воск, стрелы, белая кора тополя, колпаки, рыбий клей и рыбьи зубы, бобровая струя, амбра, «кимухт», мед, лесные орехи, соколы, мечи, кольчуги, береза, рабы из славян, бараны и коровы»[1]. Ра-

[1] Макдиси, МИТТ, I, стр. 202.

бы, скот и меха ввозились также из «страны гузов»[1]. Торговля с северными соседями была важным источником обогащения горожан Хорезма: «...большая часть их богатства—от торговли с тюрками», замечает о хорезмийцах Истахри[2].

Арабский писатель IX в. Ибн Хордадбех писал, что купцы-руссы часто появлялись также в Джурджане (Гургене), откуда везли свои товары на верблюдах в Багдад; у них имелись переводчики из славян. Путь этот пролегал через рабат Дехистан (ныне городище Мисриан). Таким образом, торговля с руссами шла не только через Хорезм, но и через прикаспийские районы Туркменистана.

Развитие транзитной торговли приводит к концу X в. даже к некоторым ограничениям со стороны государственной власти. В связи с истощением в государстве Саманидов серебра и надвигавшейся угрозой так называемого «серебряного кризиса», а также необходимостью обеспечения серебряной монетой торговли с Россией, вывоз серебра за пределы Мавераннахра облагается высокими пошлинами. Одновременно, поскольку к этому же времени заметно снизился приток рабов, вывоз их за пределы Мавераннахра также был ограничен: на амударьинских переправах перевоз на южный берег тюркских гулямов осуществлялся лишь с разрешения самого султана, причем каждый из рабов облагался пошлиной от 70 до 100 дирхемов. Для переправы женщин-тюрчанок разрешения не требовалось, но взималось от 20 до 30 дирхемов за каждую. Пошлина взымалась на Аму-Дарье по разработанному тарифу также со свободных людей разных категорий и за животных. С этой целью там были установлены специальные таможенные посты[3].

Хорезмские и хорасанские купцы IX—X вв. имели большой торговый опыт. В их руках была система сложных торговых сделок, причем они нередко прибегали к помощи городских саррафов (менял) с функциями маклеров, производивших расчеты не только наличными деньгами, но и расписками типа чеков. Купцы, ведущие большую транзитную торговлю, были объединены в кампании. Строительство крупных городских и подорожных караван-сараев нередко осуществлялось по инициативе и на средства этих купеческих объединений».

Наряду с крупной караванной торговлей, велась и мелкая торговля на городских и сельских базарах. Обследование сельских поселений Северного Хорасана и Хорезма указы-

---

1 МИТТ, I, стр. 158, 177, 180, 211 и др.
2 Истахри, МИТТ, I, стр. 180.
3 Макдиси, BGA, III, стр. 340—341.

вает, что сюда проникали как высокосортная, так и массовая дешевая городская керамика, изделия из стекла, из металла. Археологические данные говорят о развитии в IX—X вв. внутренней торговли между городом и деревней и о развитии товарного производства. Обилие медных монетных эмиссий и обнаружение медной монеты местного чекана не только в городах, но и в сельских поселениях свидетельствует о развитом денежном обращении. Для торговли с кочевым населением из городов вывозились текстильные изделия, некоторые виды оружия (например, луки), сушеные фрукты, дыни. В страну огузов, т. е. вообще к степнякам, вывозились железо, хлеб, различные ремесленные изделия. Со своей стороны кочевники пригоняли на продажу скот и доставляли продукты скотоводческого хозяйства — кожи, войлок, шерсть и т. п. Характерно, что при Мамунидах главная площадь Гургенджа, где располагались дворцы и великолепные городские ворота, служила главным скотным рынком столицы.

Рост производительных сил и общий хозяйственный подъем IX—X вв. привели к значительным сдвигам в производственных отношениях. Прежде всего следует отметить сокращение роли рабского труда в производстве. Правда, рабство сохранилось как уклад. Упоминаются рабы (славяне и тюрки), рабыни-тюрчанки[1]. Ибн Хордадбех говорит, что в харадж Кабула в первой половине IX в. входило 2000 тюркских рабов общей ценой в 600 тыс. дирхемов[2]. Это позволяет установить примерную цену раба—300 дирхемов. Правительство контролировало работорговлю[3], так что она не была вполне свободной. Но какова была судьба этих рабов? Рабыни частью шли в гаремы[4], где становились наложницами или служанками. Большое число рабов попадало в ряды гулямов—профессиональных воинов (в качестве гулямов особенно ценились тюркские рабы, как опытные наездники и стрелки). Но в источниках почти ничего не говорится об использовании рабов в производстве—в сельском хозяйстве, ремесле и горном деле. Конечно, это не означает, что рабы в производстве уже не использовались совершенно, однако не вызывает сомнений тот факт, что рабство в Северном Хорасане и Хорезме в IX—X вв., как и в других странах Востока, стало все больше приобретать характер домашнего рабства, столь характерного для феодального Востока и сохранявшегося там вплоть до XIX в.

---

[1] Макдиси, МИТТ, I, стр. 202, 205; Истахри, МИТТ, I, стр. 177. 180; Абулгази. Родословная туркмен, стр. 38—39.
[2] Ибн Хордадбех, МИТТ, I, стр. 146.
[3] Макдиси, МИТТ, I, стр. 205.
[4] См., например, Бейхаки, МИТТ, I, стр. 263.

Наряду с постепенным сокращением рабовладельческих отношений мы можем, несмотря на крайнюю бедность материала, отметить усиление феодальных отношений в Северном Хорасане и Хорезме в IX—X вв., особенно при Саманидах. Прежде всего следует отметить рост крупной феодальной собственности на землю—этой основы феодальной эксплуатации. В условиях господства поливного земледелия речь иногда идет формально не о земле, а о воде, но это не меняет сути дела, так как фактически подразумевается земля, орошаемая этой водой. Бороться за неорошаемую землю не было смысла, поскольку ее было более чем достаточно.

Уже говорилось о жестокой борьбе за воду в Хорасане, которая, очевидно, и заставила Абдаллаха ибн Тахира составить «Книгу о кяризах», а также о захвате Тахиридами общинных земель. Этот процесс продолжался и при Саманидах. Макдиси для конца X в. сообщает о резком недостатке воды в Мерве: «Большая часть недостатка воды (происходит) из-за султанских поместий»[1]. Бартольд отмечает в своей работе «К истории орошения Туркестана», что захват и освоение феодалами земель на Среднем Мургабе привели к постепенному запустению земель на северной окраине оазиса[2]. Якуби упоминает о поместьях рода Али ибн Хишам ибн Фаррахосрау между Мервом и Серахсом[3]. Крупным феодалом был Абд аль-Касим аль-Микали, который в Прикопетдагской полосе (по одним данным около Фаравы, по другим — в районе Абиверда)[4] «...построил два рабата, истратил на них большие средства, послал туда некоторое число (людей) и много оружия, назначил для них известные вакфы, вырыл колодцы с хорошей водой и устроил там несколько поместий (дийа)...»[5].

Крупная земельная собственность создавалась, как становится очевидным из приведенных сообщений, путем скупки земель и прямого захвата их, в том числе, вероятно, путем проведения каналов и кяризов на ранее неорошаемые земли. В Мерве формально покупалась и продавалась не земля, а вода, с воды платили и харадж[6].

Но в IX—X вв. на всем Среднем Востоке, в том числе и в Хорасане с Хорезмом, распространяется еще один способ создания крупной феодальной собственности на землю — полу-

---

[1] МИТТ, I, стр. 191.
[2] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 62—63.
[3] МИТТ, I, стр. 147.
[4] Макдиси, МИТТ, I, стр. 201, 204.
[5] Имеются в виду, очевидно, кяризы; в другом варианте так и сказано: «...провел к ним подземные каналы от гор». Макдиси, МИТТ, I, стр. 204.
[6] Хорезми, МИТТ, I, стр. 217.

чение земли и икта[1]. Пожалование икта означало, что государство передавало право на получение хараджа с определенной местности (с селения или группы селений) в частные руки. Обычно икта жаловали за службу, особенно за военную. Человек, получивший икта, назывался иктадаром (по-арабски—мукта). Он не имел права передавать это пожалование по наследству, продавать его, не имел юридической власти над крестьянами (кроме сбора хараджа). Но институт икта постепенно менял свою сущность, развиваясь в сторону наследственной феодальной собственности. «Владельцы икта, — пишет А. Ю. Якубовский,—внедрялись в те пункты, откуда они получали свои доходы, и стремились закрепить за собой не только самые доходы, но и земли, а также распространить свою власть на крестьянство»[2]. С другой стороны, раздача земель в пожалования сокращала сумму государственных доходов и ослабляла центральную государственную власть. В том же направлении действовала и система передачи земель в вакфы, т. е. во владение мусульманского духовенства и на различные «богоугодные» дела.

В IX—X вв. продолжалось усиление и возвышение класса феодалов. Это были, во-первых, представители старинных аристократических родов—дехканы, владевшие наследственными землями. Особенно крепко держались они в горных районах, опираясь на свои неприступные каменные замки, высившиеся на вершинах утесов. «Над округами Джурджана, — пишет Ибн Хаукаль, — господствуют горы и неприступные крепости; там в наше время более тысячи крепостей, которые не достались Вашмгиру ибн Зияру[3] и не ушли из рук их владельцев; у каждой крепости из них одно или два поместья. Тому, кто владеет Джурджаном, следует с них деньги (мал), которые он и берет, а иногда они отказываются давать то, что с них следует в течение некоторого времени, а он по отношению к большинству из них может только договариваться и брать то, что можно взять миром: если же он обходится с ним грубо, они оказывают сопротивление, так как он не может с ними справиться»[4]. Подобные же крепости были разбросаны во множестве в горах Копет-Даг. Наследственные земли старой аристократии сохранялись и на равнине. Таковы, например, уже упомянутые поместья рода Фаррахосрау в Мерве.

---

[1] А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средине века. КСИИМК, вып. 28, стр. 36—37.

[2] Там же, стр. 37.

[3] Правитель Джурджана и Табаристана (935—967 гг.) из династии Зияридов.

[4] МИТТ, I, стр. 181—182.

В состав феодального класса входили многочисленные государственные чиновники, которые, пользуясь своим положением, скупали и захватывали земли. Макдиси, говоря о недостатке воды в Мерве, специально отмечает, что раньше население Мерва якобы не разрешало покупать поместья никому, состоящему на государственной службе, и связывает бедствия, постигшие население Мерва, с изменением этого порядка[1]. Известно, что в дальнейшем представители бюрократии стали одним из основных элементов феодального класса на Среднем Востоке[2].

В состав феодального класса входила также военная знать (частью происходившая из рабов-гулямов). Крупные военачальники имели в своем распоряжении значительные военные силы и пользовались поэтому особенно большим авторитетом. Кроме земель, полученных в икта (иногда целых провинций), они также усиленно скупали земли и вообще недвижимость. Низам аль-мульк, автор XI в., пишет от Алп-Тегине, саманидском сипахсаларе (главнокомандующем) Хорасана: «... у него в Хорасане и Мавераннахре было имение с пятьсот деревень и не было города, где бы он не владел дворцом, садом, караван-сараем, баней, он имел многочисленные склады зерна, в царстве Саманидов владел тысячью тысяч баранов и овец, ста тысячами лошадей, верблюдов и мулов»[3]. Эти данные, конечно, преувеличены, но все же дают представление о богатстве одного из крупнейших феодалов Средней Азии в середине X в.

Четвертую группу феодалов составляли представители высшего мусульманского духовенства—имамы, шейхи, сеиды — обладатели громадных земельных владений как собственных, так и вакфных. В IX—X вв. основную массу феодальной знати составляло дехканство, но служилая аристократия — гражданская и особенно военная—быстро усиливалась и росла численно.

Верхний слой феодальной знати составляли эмиры—правители областей и городов, частью назначенные центральным правительством, частью наследственные. Последние, как например, правители Гарчистана, Хорезма, Гузгана, не платили хараджа[2] и были фактически полными хозяевами своих княжеств, к чему стремились и остальные эмиры. К верхушке феодальной знати относились и высшие гражданские сановни-

---

[1] МИТТ, I, стр. 191.

[2] Б. Заходер. Хорасан и образование государства Сельджуков. «Вопросы истории», 1945, № 5—6; И. Петрушевский. Городская знать в государстве Хулагуидов. «Советское востоковедение», V, 1948.

[3] Сиасет-наме, стр. 117.

[4] Макдиси, МИТТ, I, стр. 205.

ки—везиры, сахиб-диваны—и высшие руководители духовенства — устады (позднее—шейх-уль-ислам) и т. п.

Низший, наиболее многочисленный слой феодалов, составляли мелкие и средние дехканы, а также масса низших военачальников, гражданских чиновников, духовенства.

Для Хорасана и Хорезма, как и для всего Среднего Востока в IX—X вв., характерно засилье феодалов в городах. Многие феодалы были тесно связаны с торговлей и сами занимались ею, приобретали караван-сараи и базарные помещения, стремясь участвовать в торговых прибылях[1]. Такое положение сохранилось на много веков и привело к тому, что феодальные элементы в городах Хорасана и всей Средней Азии упорно сохраняли здесь главенствующую роль, в отличие от городов Западной Европы, где рано возвышается бюргерство — купцы и ремесленники.

Эксплуатируемое население Хорасана и Хорезма состояло из крестьян, ремесленников и рабов.

Часть крестьян в IX—X вв., как и несколько позже, продолжала жить в укрепленных селениях и, вероятно, сохраняла земельные наделы. Все крестьяне, в том числе и владеющие наделами, платили харадж, причем при Саманидах харадж в Хорасане был удвоен. По словам Макдиси, удвоение хараджа было произведено эмиром Нухом (943—954 гг.) и сохранилось после него. Это резкое усиление налогового гнета разоряло население[2].

Крестьяне беднели, разорялись, теряли землю, во-первых, из-за высоких ставок хараджа, а во-вторых, вследствие захвата феодалами земли и, главное, воды. Разоренные крестьяне не могли вести самостоятельного хозяйства, вынуждены были продавать землю и превращались в издольщиков, арендующих землю за определенную долю урожая. Издольщик получал от $^1/_3$ до $^1/_{12}$ части урожая в зависимости от того, ему или землевладельцу принадлежали семена, рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь. Обычно издольщики получали от $^1/_3$ до $^1/_5$ урожая[3], так как основную массу их составляли не безземельные, а малоземельные крестьяне, еще сохранившие скот и инвентарь. Издольщик попадал в экономическую зависимость от крупного землевладельца.

Установлению зависимого положения крестьян способствовало и распространение икта, так как все крестьяне селений, пожалованных в икта, должны были платить харадж не государству, а иктадару, что ставило их в прямую зависимость

---

[1] См. Б. Н. Заходер. Указ. соч.
[2] Макдиси, МИТТ, I, стр. 191.
[3] История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 236.

от этого феодала. Однако нет данных, что в IX—XI вв. в Хорасане и Хорезме имело место крепостничество, личная зависимость крестьянина. Отчасти это связано с тем, что сложное интенсивное земледельческое хозяйство на Востоке требовало наличия работника, максимально заинтересованного в труде, т. е. свободного или почти свободного; во-вторых, процесс феодализации на территории Туркменистана в IX—XI вв. еще не был полностью завершен.

Огромные налоги в пользу государства, жестокая эксплуатация издольщиков феодальными землевладельцами, произвол иктадаров — все это делало положение крестьян поистине невыносимым, вело их к неизбежному разорению и закабалению. Некоторые крестьяне бросали землю и бежали в города, пополняя ряды газиев, ремесленников, а то и простонищих. Этим объясняется рост населения городских пригородов рабадов в IX—X вв.

Но и положение массы городского населения было незавидным. Наряду с владельцами ремесленных мастерских (мастерами-устадами) в ремесле было занято множество работников (ахл ал-амал), которых обычно называли «муздвар», т. е. получающими плату[1]. Они, очевидно, были близки к подмастерьям Европы. Упоминаются также и ученики-шагирды. Выучившись, они сами могли стать мастерами[2]. В IX—X вв. в городах Хорасана ремесленники, видимо, уже начинали организовываться. Например, в Нишапуре были особые рынки и караван-сараи с многочисленными лавками сапожников, веревочников и ремесленников других специальностей[3]. В том же Нишапуре упоминаются шейхи (старосты) кварталов-махалля[4], которые, возможно, возглавляли ремесленников, населявших эти кварталы. О Мерве Истахри говорит, что этот город «...обособленностью разных ремесленников на базарах превосходит прочие города Хорасана»[5]. Все это заставляет предположить, что у ремесленников Хорасана в IX—X вв. уже складывалась цеховая организация, достоверные известия о которой относятся, однако, к более позднему времени.

Маркс и Энгельс так определяют возникновение цеховой организации в Европе: «Необходимость объединиться против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в эпоху, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны стекав-

---

[1] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. I, стр. 3—4.
[2] Сиасет-наме, стр. 88.
[3] Ибн Хаукаль, МИТТ, I, стр. 182.
[4] Макдиси, МИТТ, I, стр. 197.
[5] Истахри, МИТТ, I, стр. 174.

шихся в расцветавшие города беглых крепостных, феодальный строй всей страны—все это породило *цехи*»[1]. Те же причины действовали и в Средней Азии.

Основной производственной ячейкой здесь, как и в европейских городах, была маленькая мастерская, где работал ее собственник — мастер, имевший одного-двух учеников[2], иногда одного-двух подмастерьев. Сам мастер обычно бывал очень небогатым человеком, а подмастерья еще того беднее. Макдиси, говоря о ремесленниках Хорасана (в частности о мервских), неоднократно подчеркивает, что заработки их скудны, трудны, недостаточны[3].

Жестокая эксплуатация крестьян и ремесленников феодалами и купцами вызвала обострение классовых противоречий и классовой борьбы в государствах Тахиридов и Саманидов.

Крестьянство и в X в. продолжало открытую, часто вооруженную борьбу с притеснителями. В конце IX и начале X в. в Восточном Хорасане распространяется учение карматов, выдвигавших на первое место в обществе свободное крестьянство и осуждавших его закрепощение (но не отрицавших рабства)[4]. Особенный успех карматство имело в тех районах, где процесс феодализации не успел зайти достаточно далеко, где было еще много свободных крестьян, сопротивлявшихся закабалению, например, в Мерверруде, Гарчистане и Гуре. В течение всей первой половины X в. там не прекращалась деятельность карматов и открытые восстания.

В 907 г. в пределах Гура и Гарчистана поднял восстание Абу-Билаль[5]. Он выступил с карматскими и маздакитскими лозунгами, и в короткий срок к нему собралось свыше десяти тысяч крестьян-земледельцев и скотоводов. Исмаил Саманид спешно отправил в Герат отборный отряд гулямов, к которым присоединились воины правителя Герата. Пройдя тайно по горным тропам, они врасплох напали на лагерь восставших и истребили их. Абу-Билаль и его ближайшие сподвижники были схвачены и погибли в темнице и на виселицах. Исмаил приказал казнить пленных в разных городах своего государства, чтобы их смертью устрашить недовольных.

Но движение не прекращалось. Параллельно с проповедью карматства в городах проповедовалось шиитское учение, в то время близкое к карматству, но имевшее основную массу последователей из числа ремесленников и торговцев.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 14—15.
[2] Сиасет-наме, стр. 54—55.
[3] МИТТ, I, стр. 194—197.
[4] История народов Узбекистана, т. I, стр. 264.
[5] Сиасет-наме, стр. 218—219.

В самой Бухаре карматский проповедник Мухаммед Накшеби нашел покровителей среди части высшей знати, и, наконец, добился содействия самого эмира Насра (914—943 гг.), надеявшегося использовать карматов против мятежных феодалов. Но военная знать и ортодоксальное духовенство устроили заговор против эмира и решили свергнуть его с престола. Сыну эмира — Нуху ибн Насру — удалось подавить заговор, но он использовал этот критический момент для того, чтобы свергнуть и бросить в темницу отца и захватить власть. Эмир Нух (943—954 гг.) щедро одарил знать и немедленно принялся за свирепую расправу с карматами и шиитами. «Где бы кто ни стал еретиком, в Мавераннахре ли, в Хорасане ли, — заявил он своим вельможам, — где бы кто ни принял ту веру, что принял мой отец, начнем там священную войну, где бы ни нашелся какой-либо кармат или какой-либо маздакит, всех перебьем; имущество и достояние—ваше». Одними из первых были убиты Мухаммед Накшеби и его ближайшие сподвижники. Затем началось массовое истребление шиитов и карматов по всей стране, «...так что в Хорасане и Мавераннахре была прекращена основа их пропаганды и эта вера стала тайной», — пишет Низам аль-мульк[1]. Однако, по свидетельству Бируни, остатки маздакитских и карматских сект сохранялись в Средней Азии еще много десятилетий спустя[2].

Незавершенность процесса феодализации Средней Азии и, в частности, необходимость жестокой борьбы за окончательное закабаление крестьянства, обусловливали сохранение деспотического государства с развитым бюрократическим аппаратом и сильным постоянным войском. Таким и было государство Саманидов (875—999 гг.). Довольно хорошо известна организация центрального управления при Саманидах. Главой государства был эмир, формально утверждавшийся багдадским халифом, но фактически неограниченный и суверенный государь. Его ближайшим помощником был везир или «главный ходжа» (ходжа-и бузург), возглавлявший всю гражданскую администрацию. Главнокомандующим войском являлся сипахсалар. Наряду с ним видную роль при дворе играл хаджиб-и бузург (великий хаджиб), глава всех гвардейских гулямов, один из первых сановников в государстве.

Высшие органы управления делились на дергах (дворец) и диван (канцелярию). В дергах входило и постоянное войско, составленное из гулямов (рабов).

Диванов, собственно, было десять: диван везира, диван мустауфи (он ведал учетом доходов и расходов), диван ар-

---

[1] Сиасет-наме, стр. 212—217.
[2] МИТТ, I, стр. 219.

расаил или инша (посольский; он также ведал составлением всех наиболее важных документов), диван шурат, ведавший снабжением войска, диван берид (почта), диван мухтасиба (мухтасибы наблюдали за порядком в городах, за торговлей, за продукцией ремесленников, за общественной нравственностью), диван мушрифов (т. е. наблюдателей), осуществлявший общий контроль[1], диван казия (судебный), диван ад-дийа (эмирских поместий), диван вакфов, т. е. имуществ мусульманских учреждений.

В дергах входили многочисленные дворцовые чиновники— сахиб-харас (исполнитель приговоров эмира, пользовавшийся огромной властью), векиль, ведавший хозяйством дворца, стольники, кравчие, конюшие, оруженосцы, ловчие и т. п.

В дергах входило и постоянное войско эмира, составленное из рабов-гулямов, по преимуществу тюркских. Эти «рабы» получали высокое денежное жалованье, коней и оружие, и пользовались большим влиянием. Наиболее способные из них после многолетней службы в качестве рядового пехотинца, всадника, «начальника палатки» (командира звена) могли подняться до положения хейль-баши (командира отдельного отряда) и даже хаджиба, т. е. крупного военачальника. Были случаи когда некоторые из гулямов получали звания эмиров и сипахсаларов[2]. Таким образом, эти тюркские воины могли подняться из рабов до положения крупного сановника. Такое профессиональное войско, состоявшее из чужеземцев, было оторвано от народа и могло быть с успехом использовано для подавления народных движений, а отчасти и феодальных мятежей. Впрочем, крупные военачальники сами постепенно превращались в феодалов. Некоторые из таких возвысившихся военачальников середины X в. сделались не менее, если не более опасными для государей, чем старая землевладельческая знать — дехканы. Войско гулямов было отлично вооружено, обучено, дисциплинировано и представляло для своего времени грозную силу. Оно было главной военной опорой Саманидов.

Помимо этого постоянного войска, первые Саманиды собирали иногда ополчение «из свободных дехкан (из тех), кто знает свой дом (дар), свое место, свою семью и своих соседей»[3], т. е. из мелких и средних феодалов, служивших на своих конях, со своим оружием и снаряжением. В это войско входили также и ополчения подвластных кочевых племен[4].

---

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, стр. 220.
[2] Сиасет-наме, стр. 110—111.
[3] История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, стр. 222.
[4] Например, сельджуков в 992 г.

Однако конные ополчения кочевников при Саманидах, видимо, не играли особенно значительной роли, в отличие от более позднего времени. Саманидское войско успешно действовало против внешнего врага и против собственного народа, но часто оказывалось ненадежным, когда требовалось подавлять мятежи феодалов-правителей провинций или тюркских хаджибов.

О местном управлении в государстве Саманидов мало что известно. По-видимому, в каждом областном городе имелись свои диваны. Так, мы знаем, например, что в Мерве были *диван реки и диван воды*[1] (*что, может быть, одно и то же*). В каждом городе были хаким и раис (кетхуда), но разграничение их функций не ясно. Раис назначался непременно из местной знати. В городах было множество чиновников — заведующий хараджем, заведующий другими налогами, заведующий почтой (он обязан был также исполнять роль секретного осведомителя), мухтасиб и т. п. Провинциальные эмиры, хакимы и другие высшие чиновники, а также крупные феодалы имели собственные канцелярии, в которых работали дабиры (писцы), игравшие весьма крупную роль в местном управлении. Еще ниже стояли шейхи (старшины) городских кварталов и раисы (старосты) сел и деревень.

Сильное централизованное государство Саманидов успешно выполняло свою основную функцию—подавление сопротивления угнетенных классов в тот критический момент, когда феодалы перешли в решительное наступление на крестьянство. Поэтому на первых порах феодалы поддерживали централистские тенденции Саманидов. Однако по мере развития феодальных отношений и закабаления крестьянства усиливались сепаратистские тенденции феодалов.

Наступила полоса феодальных усобиц и мятежей, разрушавших Саманидское государство. В них приняли активное участие и хаджибы тюркского войска, к тому времени уже превратившиеся в крупных феодальных землевладельцев и полусамостоятельных правителей больших областей, вроде упомянутого Алп-Тегина. Особенно упорны и ожесточенны были феодальные смуты и войны в Хорасане.

С 943 по 999 г. усобицы шли почти непрерывно. «...Каждый человек думал завладеть какой-нибудь областью», — замечает историк Наршахи[2]. В 944 г. произошло восстание в Хорезме. В 945 г. поднял мятеж эмир Хорасана Абу-Али Чага-

---

[1] Макдиси, МИТТ, I, стр. 203; Хорезми, МИТТ, I, стр. 217.
[2] Наршахи, стр. 121.

ни, которого Нух I пытался сместить. В течение 10 лет борьба с ним шла с переменным успехом. После его смерти наместники в Хорасане неоднократно сменялись, и происходили почти непрерывные феодальные смуты. Особенно тяжелыми для Хорасана были 986—987 гг., когда войска саманидских хаджибов и мятежных феодалов беспощадно грабили население. Одновременно с усобицами, почти 20 лет продолжались войны с иракскими правителями из династии Буидов. Конец X в. ознаменовался хозяйственным упадком Хорасана, ухудшением состояния ирригационных систем, обнищанием населения, новым обострением классовой борьбы, особенно в городах, что не раз отмечает Макдиси, говоря о Нишапуре, Мерве и других городах Хорасана[1].

Буквально то же происходило во всех областях Саманидского государства. Кровавые интриги при дворе, военные бунты, убийства, казни, мятежи, дворцовые перевороты ослабляли некогда сильную монархию. Попытки последних Саманидов восстановить былую централизованную систему только раздражали феодалов. Саманиды пытались укрепить свое положение, опираясь на знать кочевых племен, в первую очередь туркмен-сельджуков, кочевавших в конце X в. по южной окраине Кизыл-Кумов, но и эта политика не увенчалась успехом.

Уже с начала второй половины X в. начался распад государства Саманидов. В 962 г. добился независимости сипахсалар Алп-Тегин, захвативший город Газну в нынешнем Южном Афганистане и создавший там небольшое княжество. Его преемники — бывший гулям Себук-Тегин (из огузского племени кайы) и особенно сын Себук-Тегина, Махмуд, — превратили Газнийское княжество в большое государство, уже к концу X в. не уступавшее по силе Саманидскому.

Ослабленное феодальными мятежами государство Саманидов вскоре оказалось перед лицом грозной внешней опасности. Во второй половине X в. в Семиречье произошло объединение ряда тюркских племен (карлуков, чигилей, ягма и других), и к 90-м годам там создалось огромное государство, простиравшееся от Исфиджаба (к северо-востоку от Ташкента) до Кашгара. Во главе стояла династия Караханидов, вышедшая из племени ягма. Караханидские правители, заручившись поддержкой некоторых среднеазиатских феодалов, предприняли завоевание Мавераннахра, и в 999 г. Саманидская династия, ненавидимая народом, оставленная и дехканами, и тюркской военной знатью, и мусульманским духовенством, была свергнута. Ее последний представитель Абу-

---

[1] МИТТ, I, стр. 193, 194, 197, 198, 200, 201.

Ибрахим (известный под прозвищем Мунтасир), используя поддержку туркмен-сельджуков, пытался еще некоторое время продолжать борьбу, но не имел успеха. В 1005 г. он был убит. Мавераннахр окончательно перешел в руки Караханидов и политически оказался надолго разобщенным с Хорасаном.

Во второй половине X в. значительно усилился Хорезм. В этой окраинной области в X в. развернулся тот же процесс, который проходил в Хорасане в Мавераннахре уже в IX в.,— обезземеливание и закабаление свободного крестьянства, рост ремесла, торговли и городов. Исследования С. П. Толстова показали, что именно X в. был для Хорезма временем быстрого подъема феодального города и одновременно периодом продолжающегося падения древней земледельческой культуры и ирригационных систем, что было связано с массовым разорением свободного крестьянства, начавшимся еще в VIII—IX вв[1]. Однако процесс феодализации в Хорезме не закончился и в X в., о чем говорит сохранение архаического народного ополчения. Восточные авторы неоднократно отмечали «воинственность» населения Хорезма того времени. Судя по этому, значительная часть хорезмийского крестьянства тогда еще была вооружена, т. е. не опустилась до положения закабаленной «райи», которой повсюду на Востоке строго запрещалось носить оружие. Освобожденный от взноса в казну Саманидского государства ежегодной определенной суммы в виде хараджа, Хорезм в IX—X вв. состоял из двух полунезависимых владений.

В правобережном владении правили хорезмшахи, считавшиеся потомками древней династии Африга. Их резиденцией был город Кят на правом берегу Аму-Дарьи. Но постепенно все больше увеличивалось значение правителей левобережного Хорезма, которым управляли эмиры, сидевшие в городе Гургандж (современный Куня-Ургенч).

Возвышение Гурганджа в значительной мере было обусловлено быстро развивающейся торговлей с Восточной Европой, шедшей через этот город. Для IX—X вв. характерно развитие городов и ремесел именно в левобережном Хорезме, куда постепенно переходил центр экономической жизни страны. Здесь, помимо Гурганджа, выросли укрепленные города Дарган (в X в. второй по величине город после Гурганджа), Замахшар, Хазарасп, Кардаранхас и свыше двадцати других. От Гурганджа на северо-запад шла хорошо оборудованная караванная дорога — одна из важнейших торговых артерий

[1] С. П. Толстов. Указ. соч., гл. IX—X.

Средней Азии. Расцвет левобережного Хорезма привел к росту могущества эмиров Гурганджа. С середины 60-х годов X в. они энергично вмешиваются в политическую борьбу в Нижнем Поволжье, сначала пытаясь спасти от крушения Хазарское государство, а затем завладеть торговыми городами, чтобы сохранить в своих руках доступ к Волжскому торговому пути. Эта борьба, в которой, по мнению С. П. Толстова, хазарско-хорезмско-печенежская коалиция противостояла Руси и огузам, была долгой и упорной. Однако, эмирам Гургандджа удалось, видимо, на время пробиться к Поволжью. В те же годы правители Хорезма вмешиваются в феодальные усобицы на территории Хорасана. В 992 г. Нух II, желая разгромить мятежного хорасанского эмира Симджури, отдал Нису эмиру Гурганджа Мамуну, а Абиверд—хорезмшаху Абу-Абдаллаху.

Такое распределение уделов также не было случайностью. Макдиси, описывая Нису в 80-х годах X в., сообщает: «...ее уже опустошила междоусобица и завладели ее поместьями хорезмийцы. которые много читают коран и дважды повторяют азан и (в то же время) воюют с мусульманами»[1].

Таким образом, хорезмийцы и раньше втягивались в междоусобную борьбу в Хорасане и овладевали понемногу Прикопетдагской полосой, куда вели более короткие пути из Хорезма, позволявшие миновать основные владения Саманидов и избежать уплаты пошлин.

Борьба за Хорасан привела к столкновению между хорезмскими правителями. В 996 г. эмир Гурганджа Мамун разгромил хорезмшаха, захватил его владения и убил его самого. Эти события заставляли бежать из Хорезма двадцатитрехлетнего Абу-Рейхана аль-Бируни, будущего крупнейшего ученого средневекового Востока.

Объединенный Хорезм представлял собой уже серьезную силу. Однако его правитель вынужден был сразу же отступать перед более крупным феодальным хищником — Махмудом Газневи, который в 999 г., после падения Саманидов, захватил Хорасан. С этого момента в течение сорока лет Хорасан входил в состав Газневидского государства. А в 1017 г. Махмуд Газневи захватил и Хорезм.

Государство Махмуда Газневи отличалось строгой централизацией. Его правители располагали многочисленным хорошо вышколенным бюрократическим аппаратом и обладали большой постоянной армией, ядро которой составляли много-

---

[1] МИТТ, I, стр. 201.

тысячные отряды панцырных всадников-гулямов[1]. Не случайно впоследствии эта монархия служила предметом восхищения и подражания сторонников политической централизации на феодальном Востоке.

В действительности внешне сильное деспотическое государство Газневидов не было прочным. Еще в большей степени, чем держава Саманидов (имевшая, по крайней мере, прочное и устойчивое ядро в виде таджикских областей), Газневидская монархия была пестрой, лоскутной империей. Не только замученное поборами крестьянство, но и местная феодальная знать тяготилась игом газневидских деспотов, опиравшихся на тюркскую гвардию и умело использовавших межплеменную вражду своих многочисленных подданных. О поборах и произволе красноречиво рассказывает историк Бейхаки, крупный газневидский чиновник. Недаром Газневиды в память позднейших поколений вошли как злейшие притеснители.

Большинство населения мечтало о приходе любых завоевателей, как о единственном избавлении.

Махмуд, крупный полководец, совершил 17 грабительских походов на Индию, захватив несметную добычу. Он успешно отразил вторжения Караханидов в Хорасан, подчинил Ирак, Хорезм и Гурган, в 1025 г. совершил успешный поход в Бухару и т. д. Но при его преемнике Масуде индийские походы стали гораздо менее удачными, в Иране завязалась длительная и тяжелая борьба с местными феодалами и туркменами, грабительский поход на Гурган и Табаристан оказался недостаточно «доходным». В то же время вновь поднимался Хорезм. Если первый из его наместников, Алтунташ (1017—1032), оставался верным, то сын его Харун в 1034 г. открыто поднял мятеж и отложился от Газневидов[2].

Однако, несмотря на трудное внутреннее и внешне-политическое положение их государства, свержение власти Газневидов одними внутренними силами было в то время вряд ли возможно, так как классовые противоречия были настолько обострены, что феодальная знать и купечество боялись народа гораздо больше, чем газневидского произвола и всегда готовы были поддержать правителей в борьбе против народных движений. Закабаленная и разбитая в жестоких классовых боях VIII—X вв. беднота, разоруженная и в значительной мере утратившая прежнюю общинную организацию, также не могла рассчитывать на успех.

---

[1] А. Ю. Якубовский. Махмуд Газневи. Сборник «Фердовси». АН СССР, 1934.

[2] Тарих-и Бейхаки, МИТТ, I, стр. 239—245.

Не случайно именно в это время вместо недавно еще привлекавших многих людей маздакитских и карматских идей активной борьбы против зла на земле, вместо исканий социальной справедливости, в народных массах быстро распространяется суфизм, религиозно-мистическое учение, проповедовавшее суетность всего мирского и призывавшее к уходу от жизни в мир пассивного аскетизма. Для идеологии суфизма, при всем многообразии, течений, существовавших среди его приверженцев, типичными стали мотивы отчаяния, неверия в возможность победы справедливости на земле. Один из его основоположников, шейх Абу-Саид, жил в г. Мехне (Мейхене) и вел проповедь в городах Хорасана, причем имел множество последователей среди ремесленников.

Местная феодальная знать Хорасана была слаба для самостоятельной борьбы с Газневидами. Самый удобный выход для нее представлял выдвижение новой династии. Это и осуществилось во время сельджукского вторжения.

6. Культура Северного Хорасана и Хорезма в IX—X вв.

Завоевание Хорасана и Хорезма войсками арабского халифата лишь временно задержало развитие местной культуры. Уже с конца VIII в., когда на основе дальнейшего развития феодальных отношений вновь начинается рост городов, развитие ремесла, торговли и сельского хозяйства, особенно земледелия, вновь обозначается подъем местной феодальной культуры в различных ее областях.

Потребности поливного земледелия в Средней Азии, в частности в Хорезме и Северном Хорасане, целиком зависящего от режима основных водных источников—Аму-Дарьи, Мургаба, Атрека и других, — вызвали развитие здесь астрономии и различных математических дисциплин, особенно практической геометрии. Практическая геометрия имела большое значение для все возраставшего инженерного и архитектурного строительства. Частное владение на землю, потребности коммерческих расчетов и торговых сделок, денежные исчисления при наличии различных монетных номиналов, сложные разделы наследств и тому подобные задачи, выдвигаемые условиями жизни феодальных городов, обусловили развитие алгебры, дающей обобщенные решения частных случаев. Но наряду с разработкой чисто практических задач ученые поднимались к высотам широких теоретических обобщений, нередко далеко опережающих свою эпоху. В своих изысканиях ученые Средней Азии опирались на данные греческой

и древнеиндийской математики, астрономии, философии, развивая и продвигая дальше рациональные идеи этого научного наследия.

Крупнейшим ученым средневекового Востока был Мухаммед ибн Муса аль-Хорезми, сын видного математика. Родился Мухаммед во второй половине VIII в., умер в 30-х или 40-х годах IX столетия. Хорезмиец по происхождению, он находился в IX в . при дворе халифа Мамуна в Багдаде уже в качестве сложившегося ученого, работавшего в области математики, астрономии, истории и географии.

Труды Мухаммеда Хорезми характеризует большая широта исследуемых проблем. Астрономические изыскания его связаны с переработкой на основе новых наблюдений индийских астрономических таблиц, с составлением труда, посвященного применению астролябии, с определением радиуса и длины окружности земного шара. В математике ему принадлежат замечательные исследования по алгебре. Сам этот термин происходит от начала заглавия одного из его трудов: «Аль-джабр». Он плодотворно разрабатывал также методы исчислений с помощью цифр и чисто практических подсчетов площадей, размеров прибылей, долей наследства и т. п. Изыскания ученого, таким образом, были тесно связаны и с практическими потребностями развивающегося феодального общества. Теоретические же исследования Мухаммеда ибн Мусы аль-Хорезми способствовали прогрессу научного познания мира в области точных наук. Имя его, искаженно переданное в латинском написании как Algaritmi, сохранилось доныне в термине «лагорифм».

В IX в. при дворе халифов в Багдаде работал мервский ученый Хабаш, составивший к 832 г. три вида астрономических таблиц, широко использовавшихся астрономами в последующие века.

Одним из показателей развития культуры на территории Туркменистана в IX—X вв. являлись библиотеки — собрания рукописных книг при дворах отдельных эмиров и правителей. Наряду с ними, феодалами и отдельными лицами начали создаваться так называемые «дома науки», с помещениями и стипендиями для учащихся. Появились первые высшие духовные школы — медресе; в них преобладало преподавание богословских дисциплин.

В эту пору антиарабская борьба местного населения находит свое отражение в так называемой шуубитской литературе. Сторонники шуубизма, будучи убежденными мусульманами, противопоставляли, однако, древние культурные традиции своих стран и блестящую цивилизацию доисламского

Среднего Востока первоначальной примитивности кочевников арабов. По словам шуубитов, до Мухаммеда арабы не имели ни организованного государства, ни развитой науки, ни монументальной архитектуры, и лишь в поэзии могли соперничать с иными народами. Среднеазиатские шуубиты поднимали на щит культурные традиции своей доисламской старины, восхваляя государственную организацию Сасанидов, местные обычаи, героев народного эпоса[1].

Известны некоторые из северохорасанских поэтов этого направления. Одни из них группировались при дворах правителей, составляя в честь их хвалебные оды-касыды и этим обеспечивая себе относительные блага. Известно, например, что в 809 г., когда халиф Мамун находился в Мерве, местный поэт Аббас посвятил ему оду, написанную на родном (т. е. хорасанском) языке. При дворе Саманидов в Бухаре подвизался видный астроном и поэт Омар из Мерва (ум. в 970 г.).

Но в среде придворных одописцев выделялись подлинные поэты, которые основывали свои произведения на плодородной почве народного творчества.

В 822 г. при Тахире, наместнике Хорасана, было переработано в стихах с языка пехлеви на хорасанский разговорный язык старинное романтическое сказание «Вемак и Азра».

В X в. мервский поэт Масуди Мервези составил на основе народного эпоса книгу «Шах наме», от которой, однако, до наших дней дошло лишь несколько фрагментов. Впоследствии труд этот был использован величайшим поэтом, хорасанцем по происхождению, Фирдоуси (934—1027гг.) — автором поэмы «Шах-наме», которая представляет выдающийся памятник мировой поэзии. В числе своих предшественников сам Фирдоуси называет также мервского старца Азаде-Серва, у которого «Сердце было полно мудрости, голова полна красноречия, а на устах всегда были рассказы о древних временах. Происхождение свое он возводил к Саму, сыну Наримана и хранил в памяти много рассказов о подвигах Рустама». Видимо, Азаде-Серв был одним из мервских сказателей. Многие мотивы «Шах-наме», вобравшие в себя былинные сказы народного эпоса, перешли позднее в литературу туркменского народа.

Некоторые сведения о литературе на тюркских языках восходят еще к VIII в. Анализ енисейско-орхонских надписей 30-х годов VIII в. показывает, что некоторые элементы языка

---

[1] C. I. Goldziher. Muhammedanische Studien, Bd. II, Halle, 1889—1890; W. W. Barthold. Die Persiesche Su'ubija und die moderne Wissenschaft. Zeitschrift für Assyriologie. Bd. XXVI, Strassburg, 1912.

этих надписей сохранились в туркменских диалектах. Древнейшими образцами туркменского народного творчества являются многочисленные записи огузских (туркменских) пословиц, поговорок и стихотворных текстов, сделанные в XI в. Махмудом Кашгарским в его словаре «Диван лугат ат-тюрк». Сопоставлением этих записей с позднейшим туркменским фольклором, вплоть до наших дней, а также с творчеством поэтов XVIII в. (Махтумкули) устанавливается, что многое, созданное туркменами-огузами в X—XI вв., живет в туркменском фольклоре и поныне. Но в целом о народном творчестве туркмен-огузов IX—X вв. мы знаем чрезвычайно мало. Огузские легенды и предания, приводимые хивинским историком XVII в. Абулгази-ханом в его «Родословной туркмен», позволяют предположить, что уже в X в. у огузов сложился героический эпос, одним из главных героев которого был представитель огузской знати, богатырь Салыр-Казан. Легенды о Салыр-Казане широко распространены среди туркмен и в настоящее время.

Конец VIII—X вв. отмечен оживлением архитектурной деятельности в Хорезме и Хорасане. Основным строительным материалом зданий остается сырцовый кирпич, из которого мастера искусно выкладывают и стены и разнообразные сводчато-купольные перекрытия; массовый характер строительства побуждает их к особой экономии дорогостоящего леса.

Отражением крупной роли местного дехканства в общественной жизни страны является то, что кёшки—замки феодалов — по-прежнему занимают большое место в строительстве. Однако, в силу известного упрочения политической ситуации при централизации власти, кёшки до известной степени утрачивают свои былые оборонные функции. Замок уже не возводится на неприступной платформе, а ставится прямо на земле, не особняком от поселения, а в пределах жилой черты его. Вход в кёшк ведет не во второй этаж, а прямо в михман-хану (комнату для гостей) первого яруса. Размеры кёшков теперь не так грандиозны, как у ранних сооружений VI — VII вв., однако по традиции первый этаж имеет вид мощной платформы, второй оформлен сомкнутыми полуколоннами — гофрами. Основная задача, поставленная перед мастерами-строителями этих замков, — забота о внутреннем благоустройстве, удобном размещении комнат, оформлении парадной михман-ханы[1].

Дома зажиточного городского населения характеризуются крупными размерами, большим числом комнат, наличием од-

---

[1] Сулу-Кошук, Окуйли-Кошук и другие кёшки IX—X вв. в Марыйской области. Обследованы ЮТАКЭ в 1950—1952 гг.

ного или двух дворов, обведенных террасами. Дома же трудовых слоев населения невелики и густо жмутся друг к другу в тесной черте городской застройки. В селениях Мервского оазиса усадьбы крестьян тянулись вдоль длинной, единственной улицы, следующей направлению магистрального арыка, жилые дома были невелики, участки вытянуты, на них размещались сады, огороды, скотные дворы[1]. В Хорезме поселения, как и раньше, носили рассредоточенный характер, крестьянские усадьбы были обычно разбросаны на расстоянии 200—400 *м*, обнесены высокими дувалами, за которыми обитатели укрывались во время набегов кочевников[2].

Города IX—X вв., еще не крупные по масштабам, становятся местом сосредоточения интенсивной торгово-ремесленной жизни области или района. В планировке их важную роль играют рыночные магистрали и площади, обстроенные многочисленными лавками, «ханами» (складочными местами для товаров), караван-сараями, мастерскими. Отмечается специализация этих улиц и площадей по видам производства. Четко обозначается дифференциация застройки по классовому признаку, — особняком возводятся сооружения богатого купечества, отдельно—трудовых ремесленных слоев.

Представление о крупном городском караван-сарае дают развалины на городище Кишман, соответствующем средневековому городу Хурмузфарра, лежавшему у границы песков на пути из Мерва в Хорезм. Обширное пространство двора обведено навесами для стойл и выгрузки товаров, покоящимися на столбах, перекрытыми арками и куполами; в северной части располагается группа «худжр», — комнат для приезжающих[3].

У главной площади ранне-средневекового города группировались правительственно-административные здания — дворцы, «дом правления», тюрьма. Дом правления в Мерве, воздвигнутый в VIII в., представлял собою обширное здание, перекрытое куполом; на осях его лежало четыре двери[4].

К IX—X вв., с утверждением в областях Туркменистана мусульманства, здесь появляется много культовых зданий: мечетей (мест богослужения), мазаров (мест поклонения), медресе (высших духовных учебных заведений). В крупных городах, помимо квартальных мечетей, обязательно возводятся мечети соборные («масджиди-джума»). Как правило, собор-

---

[1] Данные обследования ЮТАКЭ в 1951 г.
[2] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 154 и сл.
[3] С. А. Вязигин. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 271—272.
[4] Истахри, МИТТ, I, стр. 172.

ная мечеть ставилась на одной из главных базарных площадей. Архитектура ее отличалась большими масштабами и тщательностью декоративной отделки.

Так, в соборной мечети Кята было множество резных деревянных колонн, стоящих на высоких базах из черного камня[1]. На старом кладбище близ городища Месториан сохранился «мешед» («святыня»), известный под названием Шир-Кабир, представляющий развалины упоминаемой средневековыми географами «старой мечети» ар-Рабата, где располагалась местная «святыня» — могила некоего Али ибн Суккари. Мечеть когда-то имела деревянные навесы вокруг главного здания, которое одно лишь и сохранилось до наших дней. Сложенное из сырца, оно все внутри, от пола до вершины купола, было покрыто богатой резьбой по ганчу (алебастру) с раскраскою. Резьба чрезвычайно искусная, но мотивы орнаментации исключительно отвлеченные: стилизованные растения, завитки, геометрические фигуры и надписи[2]. С утверждением ислама в местную архитектурную орнаментику прочно входят арабские надписи, выполненные трудно читаемым геометрическим почерком «куфи». Содержание их преимущественно религиозное: цитаты из корана, изречения, приписываемые Мухаммеду, и пр.; назначение их—настойчивая пропаганда художественными средствами основ мусульманского благочестия. В дехистанской мечети-мазаре Шир-Кабир особенно красиво оформлен михраб (молитвенная ниша), имеющий вид вписанных друг в друга арок, фестончатых и стрельчатой, с колонками на углах, со сложной орнаментацией.

Широкое развитие городской ремесленной промышленности в IX—X вв. ярко отражено в предметах быта, в изделиях прикладного искусства. Керамика совершенствуется; черепок становится очень крепким и тонким. Формы сосудов изящны, поверхность нередко покрывается гравированным, иногда налепным орнаментом. Важное технологическое достижение составляет применение глазурей. Поливная посуда обычно окрашивается, нередко расписывается. Сюжеты росписи—различные узоры, надписи, выполненные вычурными почерками и содержащие благопожелания, и, наряду с этим, изображения фантастических птиц, сказочных драконов—«аждарха» и др. Несмотря на установки мусульманства, осуждавшего изображения живых существ, изобразительные сюжеты сохраняются в традициях народного прикладного искусства.

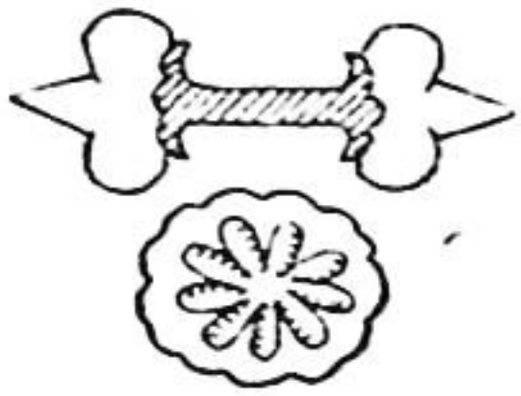
---

[1] Макдиси, МИТТ, I, стр. 187.

[2] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951.

Крупными центрами керамического производства, продукция которых обслуживала потребности больших сельскохозяйственных районов, были Мерв, Серахс, Абиверд, Ниса, Дехистан, Земахшар и др. Широкое распространение получило в эту пору стекольное производство; из разноцветного стекла изготовляются большие и малые бутылки, флаконы, бокалы, бусы и пр. Многие из городов Северного Хорасана (Мерв, Данданкан, Ниса и др.) славились изготовлением прекрасных шелковых, льняных и хлопчатобумажных тканей, одежд, головных уборов с художественной отделкой, вывозившихся купцами в дальние страны. До нас дошли редчайшие образцы мервских тканей X в. На льняной основе этих тканей вытканы красным шелком цветочные или чисто орнаментальные узоры и куфические надписи, заключающие имя халифа, дату изготовления ткани в дворцовой мастерской (тираз) г. Мерва и иногда имена мастеров-ткачей: в одном случае назван Иса, в другом — Сахль ибн Шадан. Во многих городских центрах халифата—в Исфахане, Шустере и других — пытались изготовлять ткани, подобные мервским, но все же последние считались непревзойденными по качеству и красоте выделки[1].

В целом культура Туркменистана IX—X вв. предстает не как порождение некой единой «общемусульманской», но как результат творческой активности народов Северного Хорасана и Хорезма, создавших в условиях развивающегося феодального строя на местной основе новые, самобытные материальные, художественные и духовные ценности.

[1] В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. «Эпиграфика Востока», III, М.—Л., 1949, стр. 7 и сл.

ГЛАВА IV

ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА В XI—XV вв.

1. Развитие феодальных отношений на территории Туркменистана в XI—XIII вв.

а) Сельджукские завоевания

Сельджукская группировка огузских племен сложилась еще в X в. Сельджук и его отец Тукак возглавляли группу огузских племен и родов на среднем течении Сыр-Дарьи и вступили во враждебные отношения к ябгу—правителю сырдарьинских огузов. Дело кончилось открытым разрывом (в конце X в.). Сельджук отложился от ябгу и бежал «вместе со своим родом и с теми, которые следовали за ним»[1], т. е. со своими зависимыми людьми и союзниками. У него имелось якобы в это время 1500 верблюдов, 50 тыс. баранов и дружина из 100 всадников. Сельджук со своими людьми принял ислам и стал вассалом Саманидов. Позднее он, по-видимому, сам принял титул ябгу.

Таким образом, сырдарьинские огузы разделились на две группировки — северную (янгикентскую) и южную (сельджукскую). В дальнейшем восточные авторы огузами преимущественно называли первую из них, а сельджуков часто называли туркменами.

Источники не содержат сколько-нибудь подробных данных о социально-экономическом строе сельджуков в начале XI в., но можно не сомневаться, что развитие феодальных

---

[1] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 365.

отношений у них ускорилось после вхождения в феодальное государство Саманидов и принятия ислама. Это подтверждается различными косвенными данными. Историк Ибн аль-Асир сообщает, что сельджукские вожди высокомерно относились к своим подданным, называли их своими слугами и рабами[1]. Историк Гардизи сообщает, что в 1025 г. часть родов и племен, входивших в состав сельджукской группировки, открыто выступали против Сельджукидов, жалуясь на какие-то притеснения и обиды. Четыре тысячи семей обратились к султану Махмуду Газневи с просьбой разрешить им перейти Аму-Дарью и поселиться в Хорасане. После некоторых колебаний Махмуд разрешил им поселиться в нынешнем Южном Туркменистане[2]. Очевидно мы имеем здесь дело с обычным у кочевников уходом части подчиненных племен и родов от не в меру жадного и жестокого степного феодально-племенного вождя.

В то же время та часть сельджуков, которая еще оставалась на территории Мавераннахра, оказалась в очень неблагоприятных политических условиях. Сельджукские предводители находились во враждебных отношениях с Караханидами — тюркской династией, владевшей Мавераннахром после падения Саманидов. В конце концов, в 1034 г. сельджуки вынуждены были покинуть Бухару и поселиться в Хорезм, но понесли и здесь огромные потери от нападений враждебных феодальных правителей. В 1035 г. сельджуки, во главе которых в то время стоял сын Сельджука ябгу Муса со своими племянниками Тогрул-беком и Чагры-беком, двинулись из Хорезма в Северный Хорасан и самовольно обосновались в области Нисы[3].

В это время в Хорасане назревали крупные события[4]. Политическая обстановка там давно была очень напряженной. Уже при Махмуде Газневи начались открытые восстания туркмен. Кочевые племена, наряду с остальным населением, подвергались жестокой эксплуатации. Очень тяжелым был налоговый гнет. В случае неуплаты податей чиновники захватывали не только имущество, но и семьи неисправных плательщиков. Под этот гнет попали и туркмены, перешедшие под власть Газневидов в 1025 г. «Начали ходить к ним сборщики, — пишет Ибн аль-Асир, — протянулись руки к их имуществу и детям»[5]. Наконец, туркмены не выдержали при-

---

[1] МИТТ, I, стр. 364.

[2] Там же, стр. 229—230.

[3] Тарих-и Бейхаки. Калькуттское изд., 1862, стр. 581—584—856—857; МИТТ, I, стр. 245—247, 305.

[4] О положении в Хорасане в начале XI в. см. работу Б. Н. Заходер. Хорасан и образование государства сельджуков. «Вопросы истории», 1945, № 5—6, стр. 119—141.

[5] МИТТ, I, стр. 366.

теснений и в 1027 г. подняли восстание. Как сообщает историк Гардизи, наместник Хорасана не мог справиться с ними, был разбит и потерял много воинов. Махмуд Газневи вынужден был выслать против восставших туркмен сильную армию из своих отборных частей. Решительное сражение произошло у Фарау (Парау). Газневидские войска одержали верх. В бою погибло до 4 тыс. туркмен[1], часть отступила на Балханы, часть двинулась в Иран и Ирак, надеясь где-нибудь захватить пастбища и поселиться.

Волнения туркмен продолжались и при сыне Махмуда, Масуде Газневи. Он приказал вероломно убить 50 туркменских вождей[2], но эта жестокая расправа, только усилила возмущение туркмен. Начались военные действия, участились набеги туркмен на Мерв, Серахс, Абиверд, сражения с газневидскими войсками. Масуд приказывал бросать пленных туркмен под ноги слонов, но все его зверства не запугали повстанцев, а лишь возбудили в них еще большую ненависть к Газневидам. В борьбу вступали все более значительные массы туркмен, населявших степи и горы современного Северо-Западного Туркменистана. Бейхаки упоминает племена кызыли, ягмури и балхан-кухов. Весь Южный Туркменистан оказался охваченным пламенем войны[3].

Одновременно начались открытые выступления оседлого населения Хорасана и других областей против тирании Газневидов. Если при Махмуде удачные военные походы и, в особенности, беспощадный грабеж Индии, давали значительную добычу, то при Масуде эта «статья доходов» резко уменьшилась, но зато вырос налоговый гнет внутри государства.

Доведенное до отчаяния трудовое население начало подниматься на стихийную вооруженную борьбу. В 1034 г. вспыхнуло крестьянское восстание в Южном Хорасане. Толпы повстанцев, вооруженных кетменями, лопатами и другими сельскохозяйственными орудиями, устремились к Нишапуру. Однако опытные и отлично вооруженные газневидские войска без особого труда разбили нестройные отряды крестьян и свирепо расправились с «мятежниками»[4].

Хорасанская знать также была недовольна самовластной и безрассудной политикой Газневидов. Боясь новых народных восстаний, эта знать, как уже говорилось, стремилась заменить Газневидов какой-либо другой феодальной динас-

---

[1] Гардизи, МИТТ, I, стр. 230.
[2] Тарих-и Бейхаки, стр. 171, 322—323; МИТТ, I, стр. 234—235; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 363.
[3] Тарих-и Бейхаки, стр. 460—548; МИТТ. I. стр. 237—240; Гардизи, МИТТ, I, стр. 230.
[4] Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 119—141.

тией, например, сельджукскими вождями. Хорасанские феодалы обратились за помощью к караханидской и сельджукской знати. Бейхаки рассказывает, что «вельможи (Хорасана)...написали письма в Мавераннахр, послали послов и молили вождей тюрок (т. е. Караханидов—*ред.*) побудить туркмен (к выступлению против Масуда)»[1]. Крупную роль в создании этого антигазневидского союза играли хорасанские суфии[2]; знаменитый шейх Абу-Саид из Мехне, опиравшийся на недовольство народа газневидами, стал духовным главой той части хорасанской знати, которая безоговорочно встала на путь борьбы против газневидского владычества в Хорасане, за создание нового государства во главе с династией сельджукского происхождения. Караханиды, ранее враждовавшие с сельджуками, также не имели ничего против их ухода из Мавераннахра в Хорасан и даже обещали сельджукской знати свою поддержку, надеясь ослабить Газневидов.

Таким образом, вторжение сельджуков в Северный Хорасан происходило в обстановке острого социально-политического кризиса, ослабившего Газневидское государство. Сельджукская феодально-племенная знать имела возможность использовать в своей борьбе с Газневидами помощь многих других туркменских племен, а также значительной части оседлого населения Хорасана, стремившегося свергнуть тяжелое иго Газневидов.

Конечно, в 1035 г. силы сельджуков были еще слишком малы для успешной борьбы с газневидской армией, считавшейся самой сильной на Среднем Востоке. Сельджуки имели лишь 10 000 всадников и не успели еще сплотить вокруг себя остальные кочевые племена. Поэтому, желая выиграть время, они направили газневидским властям просьбу разрешить им поселиться в областях Фаравы и Нисы.

Получив известие о вторжении сельджуков, газневидское правительство было охвачено тревогой. В ряде областей (в Хорезме, в Индии и Ираке) происходили народные восстания и феодальные мятежи, войска Масуда Газневи, находившиеся в это время в Гургане, были утомлены очередным походом и недостаточно подготовлены к новой войне[3]. Поэтому было принято коварное решение отправить сельджукским вождям ласковое письмо, усыпить их бдительность, а затем, тщательно подготовившись к походу, внезапным ударом уничтожить их. Масуд одобрил этот план и сельджукам было послано разрешение оставаться в области Нисы[4].

---

[1] МИТТ, I, стр. 233.
[2] Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 119—141.
[3] Тарих-и Бейхаки, стр. 586—587; МИТТ, I, стр. 248.
[4] Тарих-и Бейхаки, стр. 586—587; МИТТ, I, стр. 248—249.

19 июня 1035 г. 17 000 отборных всадников (в том числе 2000 дворцовых гулямов, личной гвардии Масуда) под командованием одного из виднейших газневидских военачальников, получив хорошее оружие, много денег, снаряжения и несколько боевых слонов, выступили из Нишапура в поход на сельджуков, с целью внезапно напасть и уничтожить их. В качестве авангарда был послан отряд в пятьсот всадников[1].

Сельджуки слишком поздно узнали о вероломном нападении и не успели сосредоточить силы. Их попытка вступить в переговоры не удалась[2], авангард газневидского войска смял сельджукских разведчиков и бросился грабить оказавшиеся поблизости кочевья. Было убито 700—800 сельджуков, захвачено много скота и добычи. Султану Масуду было послано ликующее донесение о полном разгроме сельджуков[3]. Войско занялось грабежом; удача передового отряда, захватившего большую часть добычи, вызвала зависть остальных; начались споры, вскоре перешедшие в рукопашную схватку.

Между тем, главные силы сельджуков, еще не были разбиты и внезапно обрушились на грабителей. Завязался ожесточенный бой, так как сельджукские воины понимали, что дело идет о существовании всего племени. Газневидские войска были опрокинуты и бежали в полном беспорядке. В руки сельджуков попала богатая добыча: слоны, кони, оружие, богатая одежда и вся казна противника[4]. Так началась пятилетняя война 1035—1040 гг.

Первые три года эта война шла без особого напряжения. боевые действия часто сменялись мирными переговорами. Тем временем сельджукские вожди сплотили вокруг себя кочевые племена Южного Туркменистана и их силы выросли до 20 тысяч всадников[5]. Они вступили в дипломатические сношения с соседними феодальными государями и с багдадским халифом[6].

Весной 1038 г., воспользовавшись тем, что силы Газневидов отвлечены на подавление очередного восстания в Индии, сельджуки перешли в решительное наступление и захватили Мерв[7], а затем в бою под Серахсом наголову разбили главные силы газневидов в Хорасане[8].

---

[1] Тарих-и Бейхаки, стр. 597—599; МИТТ, I, стр. 250—251; Гардизи, МИТТ, I, стр. 331; Равенди, МИТТ, I, 352; Ибн-аль-Асир, МИТТ, I, стр. 367.

[2] Гардизи, МИТТ, I, стр. 231.

[3] Тарих-и Бейхаки, стр. 599—600; МИТТ, I, стр. 251.

[4] Тарих-и Бейхаки, стр. 600—607; МИТТ, I, стр. 252—253; Гардизи, МИТТ, I, стр. 231.

[5] Тарих-и Бейхаки, стр. 712; МИТТ, I, стр. 277.

[6] Тарих-и Бейхаки, стр. 621, 657—658; МИТТ, I, стр. 257, 161—262; Имад ад-дин Исфахани (в сокращ. Бундари), МИТТ, I, стр. 322.

[7] Тарих-и Бейхаки, стр. 667—680; МИТТ, I, стр. 263—268.

[8] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 369. Хронология дается по Бейхаки

Газневидскую администрацию охватила паника, чиновники бежали или прятались. Население Хорасана волновалось, местами народ начал громить дома богачей, знать теперь видела своих единственных защитников в лице сельджукских феодально-племенных вождей, с которыми уже давно находилась в сношениях[1]. В середине июля 1038 г. передовые отряды сельджуков заняли Нишапур. Вскоре в Нишапур торжественно въехал один из предводителей сельджуков — Тогрул-бек, принятый хорасанской знатью с небывалым почетом.

«Тогрул был в сопровождении 3000 всадников, — передает Бейхаки со слов одного очевидца, — из которых большая часть была одета в кольчуги. Он имел лук с нацепленной тетивой, переброшенный через руку, заткнутые за пояс три стрелы и полное вооружение. На нем были надеты каба[2] из мульхама[3], чалма из таввази[4] и войлочные сапоги»[5]. Это самое подробное описание одежды и вооружения туркменского вождя XI в., дошедшее до нас.

Тогрул-бек был провозглашен султаном в Нишапуре, а его брат Чагры-бек — в Мерве. На их сторону перешло немало хорасанских феодалов и даже газневидских чиновников[6]. Сельджукские войска быстро росли за счет присоединившихся к ним хорасанских феодальных дружин и перебежавших на их сторону газневидских воинов[7].

Провозглашение сельджукских вождей независимыми государями Мерва и Нишапура и захват ими Хорасана вынудили Масуда лично выступить в поход против сельджуков. Он повел с собой сильное войско в 40—50 тысяч всадников и пехотинцев[8], при котором было много боевых слонов[9]. Военные действия завязались в марте 1039 г.[10]. После ряда мелких стычек, 27 июня 1039 г. произошла решительная битва южнее Серахса в местности Дех-и Базерганан[11].

Бой начался общей атакой сельджукской конницы. Сельджукские вожди управляли своим войском, находясь на высоком холме, где развевались их черные знамена. В решительный момент сам Чагры-бек повел в атаку две тысячи всадни-

[1] Тарих-и Бейхаки, стр. 680—681; МИТТ, I, стр. 268.
[2] Верхняя одежда.
[3] Высокосортная шелковая ткань, вырабатывавшаяся в Мерве.
[4] Таввази—тонкая шелковая ткань.
[5] Тарих-и Бейхаки, стр. 691; МИТТ, I, стр. 271—272.
[6] Тарих-и Бейхаки, стр. 713, 738; МИТТ, I, стр. 277, 286.
[7] Тарих-и Бейхаки, стр. 690, 713—714; МИТТ, I, стр. 271, 277—278.
[8] Тарих-и Бейхаки, МИТТ, I, стр. 273; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 369.
[9] Мирхонд. МИТТ, I, стр. 461.
[10] Тарих-и Бейхаки, стр. 708—709; МИТТ, I, стр. 275; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 369.
[11] Тарих-и Бейхаки, стр. 714—720; МИТТ, I, стр. 273—281.

ков в кольчугах—дружину Сельджукидов. Но силы были слишком неравны. Многочисленная и отлично вооруженная армия Масуда была еще достаточно сильна и после жестокой рукопашной схватки сельджуки были опрокинуты.

Газневидские полководцы не сумели, однако, использовать своей победы; преследование противника не было организовано, утомленная боем газневидская армия медленно продвигалась на север. Напротив, сельджуки не упали духом после поражения и вскоре возобновили борьбу. Они окружили газневидский лагерь кольцом мелких отрядов, не давали собирать топливо и фураж, пасти верблюдов. Газневидские военачальники не знали, что предпринять и беспомощно говорили, что для войны с туркменами-сельджуками нужны более решительные средства[1].

Положение Масуда стало весьма опасным. Голодные воины грозили мятежом. Улучшили дело только испытанные газневидские дипломаты, сумевшие заключить перемирие с сельджуками[2]. Масуд вернулся в Герат, а Мерв, Нишапур и Серахс остались за сельджукскими вождями[3]. Разъяренные неудачей газневидские власти свирепо расправлялись с непокорным населением Хорасана, сочувствовавшим сельджукам. По приказу Масуда с людей заживо сдирали кожу, других распинали; на всю Гератскую область был наложен громадный штраф[4]. Все эти жестокости, по расчету газневидского правительства, должны были запугать население Хорасана. Но результат оказался совершенно иным — жители стали еще более активно поддерживать сельджуков, видя в них защитников от газневидских зверств.

Осенью 1039 г. Масуд с сильной армией внезапно напал на Нишапур[5]. Отборная конница во главе с самим султаном попыталась перехватить дорогу из Нишапура в Нису, чтобы окружить Тогрул-бека и его войско. Но у сельджуков было хорошо организовано охранение. Тогрул-бек успел вырваться из кольца газневидских отрядов и ушел на север[6]. Все силы сельджуков собрались в Абиверде[7].

Вскоре Масуд с сильным конным войском без обоза совершил нападение на Абиверд. Сельджуки были вынуждены

---

[1] Тарих-и Бейхаки, стр. 720—724; МИТТ, I, стр. 281—282.
[2] МИТТ, I, стр. 283—284.
[3] Тарих-и Бейхаки, стр. 738—739; МИТТ, I, стр. 286; Гардизи, МИТТ, I, стр. 233; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 369.
[4] Тарих-и Бейхаки, стр. 737—738; МИТТ, I, стр. 286; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 369.
[5] Тарих-и Бейхаки, стр. 755—756; МИТТ, I, стр. 286—287; Гардизи, МИТТ, I, стр. 233; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 370.
[6] Тарих-и Бейхаки, стр. 757—758; МИТТ, I, стр. 287—288.
[7] Равенди, МИТТ, I, стр. 353; Мирхонд, МИТТ, I, стр. 464.

отойти к Нисе, затем к Фараве, а семьи и скот отослали на Балханы. Бейхаки пишет: «... Положение неприятелей было таково, что Тогрул в течение нескольких дней не снимал с себя ни сапог, ни кольчуги и, когда спал, клал щит вместо подушки. А когда таково положение предводителя племени, можно думать, каково было остальным его (подданным)»[1].

Однако Масуд не пошел дальше Нисы. Дело было не только в боязни газневидских военачальников углубляться в пустыню[2] — Масуда задержало активное и упорное сопротивление оседлого населения Хорасана. С оружием в руках против Газневидов выступили жители Абиверда. Крепость пришлось осаждать, ее защитники были захвачены и большинство их казнено[3]. Небольшой городок Мехне (Меана) также сопротивлялся в течение 40 дней, причем от стрел его защитников погибло много знатных газнийцев. За это 41 человеку из жителей Мехне отрубили правые руки[4]. Волнения происходили и в Нишапуре[5]. Вследствие этого, Масуд был вынужден прекратить преследование сельджуков и даже отступить из Нисы и Абиверда в Нишапур. Таким образом, несмотря на некоторые успехи, ему не удалось уничтожить основные силы сельджукского войска и восстановить власть Газневидов в нынешнем Южном Туркменистане.

Длительная война разорила население. Зимой 1039—1040 гг. и газневидские войска и сельджуки тяжело страдали от голода. Нишапур, где зимовала газневидская армия, был совершенно разорен, люди умирали от голода и холода[6]. Несмотря на это, Масуд продолжал войну и весной 1040 г. двинулся на Мерв — самый крупный город, оставшийся в руках сельджуков.

На совете сельджукских предводителей было решено отослать семьи и стада в пески под охраной молодых воинов, засыпать арыки и колодцы на дороге из Серахса в Мерв и встретить войско Масуда с оружием в руках, когда оно выйдет из пустыни[7].

Газневидская армия двигалась как по враждебной стране. Жители Серахса отказались платить харадж и оказали вооруженное сопротивление. Масуд был вынужден приостановить движение, осадил город и жестоко расправился с его защит-

---

[1] МИТТ, I, стр. 289.
[2] Тарих-и Бейхаки, стр. 760—761.
[3] Гардизи, МИТТ, I, стр. 233.
[4] Мухаммед ибн аль-Мунаввар Мейхени, МИТТ, I, стр. 344—345.
[5] Тарих-и Бейхаки, стр. 758; МИТТ, I, стр. 288.
[6] Тарих-и Бейхаки, стр. 761—766; МИТТ, I, стр. 289—292.
[7] Тарих-и Бейхаки, стр. 775—776; МИТТ, I, стр. 294—295.

никами[1]. Еще хуже пошло дело после выступления из Серахса на Мерв. Голод озлобил наемников Масуда, начался массовый падеж коней из-за бескормицы, воды не было, так как колодцы были засыпаны, сельджукские отряды все время тревожили газневидское войско короткими нападениями, угоняли скот, захватывали отставших[2]. Наконец, измотанное и ослабевшее войско Масуда 24 мая достигло находившегося среди песков небольшого городка Данданкан[3]. В этот момент в бой были двинуты главные силы сельджуков — 16 тысяч всадников[4].

В одном фарсахе (6—7 *км*) севернее Данданкана газневидское войско было окружено; началось решительное сражение. Дружный натиск сельджуков решил исход дела[5]. Разноплеменное войско Масуда обратилось в бегство. «Хаджиб Бектугды и гулямы мчались на верблюдах на край пустыни, — рассказывает Бейхаки, участвовавший в сражении, — индусы побежали в другую сторону. Курдов и арабов никто не видел. Хильташи бросились в третью сторону. Порядок на правом и левом флангах был нарушен и каждый кричал: «Спасайся, спасайся!»[6].

К моменту прибытия сельджукских вождей, возглавлявших резерв, все уже было кончено. Эмир Масуд бежал, загоняя одного коня за другим, преследуемый сельджукскими всадниками; его воины мчались кто куда, сбрасывая на ходу тяжелые доспехи. Тысячи пленных, обоз, казна, слоны, знамена, походная канцелярия Масуда — все попало в руки победителей[7].

Это было день падения владычества Газневидов в Хорасане. Победа сельджуков была обусловлена той поддержкой, которую оказало сельджукам население Хорасана, измученное тиранией Газневидов, превосходством тактики степняков в условиях борьбы в пустыне и их военной доблестью.

Разгром Масуда Газневи при Данданкане не привел, однако, к миру на Среднем Востоке. Феодально-племенные вожди сельджуков вовсе не собирались ограничиваться освобождением Хорасана от газневидского гнета. Успех, достигнутый ими благодаря героизму сельджукского войска и хорасанских повстанцев, они использовали для организации крупных гра-

---

[1] Гардизи, МИТТ, I, стр. 233.
[2] Тарих-и Бейхаки, стр. 767—779; МИТТ, I, стр. 292—296; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 370; Равенди, МИТТ, I, стр. 353.
[3] Ныне городище Даш-Рабат юго-западнее Мары.
[4] Тарих-и Бейхаки, стр. 781—782; МИТТ, I, стр. 296—297.
[5] Тарих-и Бейхаки, стр. 794; МИТТ, I, стр. 301—302. Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 370 и др.
[6] Тарих-и Бейхаки, стр. 788; МИТТ, I, стр. 297.
[7] Тарих-и Бейхаки, стр. 784—788, 794—795; МИТТ, I, стр. 298—302.

бительских и завоевательных походов на Иран, Закавказье и Переднюю Азию. Так справедливая война степных кочевников и оседлого хорасанского населения против деспотии Газневидов сменилась несправедливыми захватническими войнами, ведущимися исключительно в интересах военно-кочевой знати и прежде всего — рода Сельджукидов.

Уже летом 1040 г. Чагры-бек захватил Балх[1], а вслед за этим двинулся на Хорезм. Хорезм к этому времени был захвачен Шахмеликом[2], правителем Дженда, сыном последнего янгикентского ябгу Али-хана[3], старым ожесточенным врагом Сельджукидов. Война за Хорезм шла с переменным успехом, но весной 1043 г. сельджуки одержали здесь полную победу[4]. Затем Чагры-беком был завоеван Сеистан.

В то же время Тогрул-бек организовал поход на Иран, где после крушения власти Газневидов воцарилась феодальная анархия и не прекращались ожесточенные междоусобные войны. Он завоевал прикаспийские области (Гурган, Табаристан, Азербайджан), Южный Иран (Фарсистан) и перенес свою столицу в Рей. Одновременно начались грабительские набеги на Арменню, Грузию и Византию. В 1054 г. сельджукские войска двинулись в решительный поход на Ирак, а в следующем году Тогрул вступил в Багдад и лишил светской власти багдадского халифа. Теперь Сельджукидам принадлежала громадная территория — от Азербайджана до Балха и от Хорезма до Индийского океана.

Сельджукидские завоевания в 40—60-х годах XI в. сопровождались массовыми убийствами жителей Закавказья и Передней Азии, разрушением городов, уничтожением культурных ценностей, уводом пленных в рабство; они принесли тяжелые бедствия трудовому народу этих стран.

Эти захватнические войны велись по-прежнему силами туркмено-огузских племенных ополчений, что приводило к обнищанию и разорению рядовых кочевников. Туркменские воины, героически сражавшиеся и стойко переносившие всевоз-

---

[1] Тарих-и Бейхаки, МИТТ, I, стр. 302—303. В рассказе о действиях под Балхом имеются расхождения в деталях. Ибн аль-Асир (МИТТ, I. стр. 371) рисует ход боевых действий несколько иначе, но все источники признают, что в 1040—1041 гг. Балх был захвачен сельджуками.

[2] Тарих-и Бейхаки, стр. 865—867 (МИТТ, I, стр. 308); Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 372.

[3] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. АН СССР, 1948, стр. 270—271; Абулгази. Родословная туркмен, стр. 55 и сл., также говорит о Шахмелике, как о сыне янгикентского государя Али-хана; Ибн аль-Асир тоже называет Шахмелика сыном Али, МИТТ, I, стр. 372.

[4] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 372; Мирхонд, МИТТ, I. стр. 466

можные трудности и лишения в годы войны с Газневидами, стали тяготиться длительными завоевательными походами. В 1058 г. дело дошло до открытого восстания. Один из сельджукских вождей, Ибрахим Йинал, не поладивший с Тогрул-беком, восстал и объявил, что намерен прекратить дальнейшие походы. Его с восторгом поддержала масса рядовых воинов, стоявшая за прекращение ненужной народу войны. Тогрул, вчерашний завоеватель Ирана и Ирака, оказался без войска и вынужден был с большим трудом тайно бежать на восток к Чагры-беку, с помощью которого восстание было подавлено. Взятый в плен Ибрахим был задушен тетивою лука.

Завоевания продолжались. В последние годы жизни Тогрула военные действия были перенесены на территории малоазиатских провинций Византии и в Закавказье. В результате значительные массы туркмен-огузов и других степняков оказались в Азербайджане, Армении, а впоследствии и в Малой Азии[1]. Переселившиеся в эти страны туркмены-огузы постепенно смешались с местным населением, оторвались от своих среднеазиатских соплеменников, и дальнейшая история их связана уже не с историей среднеазиатских туркмен, а с историей азербайджанского и турецкого народов.

Для организации управления захваченными странами Сельджукиды не могли обойтись органами племенного самоуправления, существовавшими ранее у кочевников, вовлеченных в их завоевательные походы, — понадобилась государственная организация, специальный аппарат управления. Он стал зарождаться уже давно. Мы не знаем достоверно, какие органы управления существовали при первых Сельджукидах до переселения сельджуков в Южный Туркменистан, но уже в 1035 г. сельджукские вожди использовали в качестве послов бухарских, законоведов[2] очевидно состоявших при них в качестве чиновников. Бейхаки говорят о «дабирах» (писцах) у Сельджукидов. Создание большого государства потребовало значительного усложнения административного аппарата. У Тогрула появились везиры, хаджибы и другие сановники. Его первым везиром был знатный хорасанец Салар-и Бузган Абуль-Касим Кубани, перешедший на сторону сельджуков в 1038 г. Подобного рода сановники появились и у других сельджукских правителей[3]. Главную роль в складывающемся государственном аппарате играла хорасанская знать, сменившая прежних бухарских сановников. Но военные должности занимали преимущественно туркмены.

---

[1] В. Гордлевский. Государство Сельджукидов в Малой Азии. АН СССР, 1945, стр. 50—61.

[2] Тарих-и Бейхаки, МИТТ, I, стр. 254—257.

[3] Равенди, МИТТ, I, стр. 353.

Уже в процессе завоевания захваченные территории стали распределяться в качестве уделов между представителями рода Сельджукидов. Известно, что в 1036 каждый из трех виднейших предводителей — ябгу Муса, Тогрул-бек и Чагры-бек — получил определенные области. Области были перераспределены в 1038 г. в связи с захватом Серахса, Мерва и Нишапура[1].

После побед 1040—1042 гг. сельджукские вожди заново поделили захваченные земли[2]. Чагры-бек получил Мерв, Балх и Серахс, ябгу Муса — Герат, Буст и Сеистан, из которых его сын Хасан сохранил только Герат. Тогрул-бек получил Нишапур, но скоро расширил свои владения до границ Византии. Уделы получили и младшие члены рода Сельджукидов. В процессе завоевания распределение уделов несколько раз изменялось, но позднее они стали переходить по наследству от отца к сыну[3]. Сельджукские племенные вожди, владевшие наследственными уделами и собиравшие харадж с их населения, стали превращаться в феодальных правителей.

Сельджукские завоевания привели не только к созданию огромного нового государства, но и способствовали значительным сдвигам в общественном строе Туркменистана, Ирана и Передней Азии. Разгром централизованного государства Газневидов, замена сложной военно-бюрократической организации системой полунезависимых уделов, правители которых имели собственные войска (дружины и ополчения кочевых племен) и собирали в свою пользу харадж с податного населения, — все эти внешние изменения знаменовали собой значительные перемены в социально-экономическом строе, которые сводились к дальнейшему развитию и укреплению феодальных отношений в Туркменистане и других странах, завоеванных сельджуками. В феодальных институтах ленной системы, икта — кочевая сельджукская знать нашла для себя наиболее удобные формы управления и эксплуатации и поэтому широко использовала их. На это обратили внимание основоположники марксизма, Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» указывал, что «только турки впервые ввели на Востоке в завоеванных ими странах нечто вроде помещичьего феодализма»[4]. Конечно, было бы неправильным думать, что отсталые кочевые племена Сельджукидов принесли с собой феодальные отношения в более передовые оседлые районы Хорасана и Ирана. Как отме-

---

[1] Тарих-и Бейхаки, МИТТ, I, стр. 270.

[2] Тарих-и Бейхаки, МИТТ, I, стр. 300; Равенди, МИТТ, I, стр. 354—355; Фахр ад-дин Рази, МИТТ, I, стр. 349.

[3] Например, румынский султанат. Также и Хасан сын ябгу Мусы получил отцовский удел — Герат.

[4] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953, стр. 165.

чалось в предыдущей главе, феодальные отношения у оседлого населения развивались там задолго до сельджукского движения. Разгромив газневидскую деспотию и восприняв ленную систему и институт икта, сельджуки лишь способствовали окончательному оформлению феодального строя в Хорасане и Иране.

Сельджукское движение имело, кроме того, особое значение для истории туркменского народа. В сельджукский период усиливается процесс смешения огузов с их союзниками по сельджукской войне—как с остатками других местных кочевых племен, так и с коренным хорасанским оседлым населением Южного Туркменистана. В результате этого смешения несколько веков спустя завершилось формирование туркменской народности. Огузы являлись при этом не просто новым важным слагаемым, но организующим началом, включая постепенно в свой состав остатки других местных кочевых племен, а также хорасанское население Мерва, Серахса, Абиверда, Нисы, Дехистана. Вот почему туркменский народ является прямым наследником богатой древней и средневековой культуры Южного Туркменистана.

б) Туркменистан в составе Сельджукского государства (1040—1157 гг.)

Период XI—XII вв. был для Туркменистана временем значительного экономического подъема и дальнейшего развития феодальных отношений.

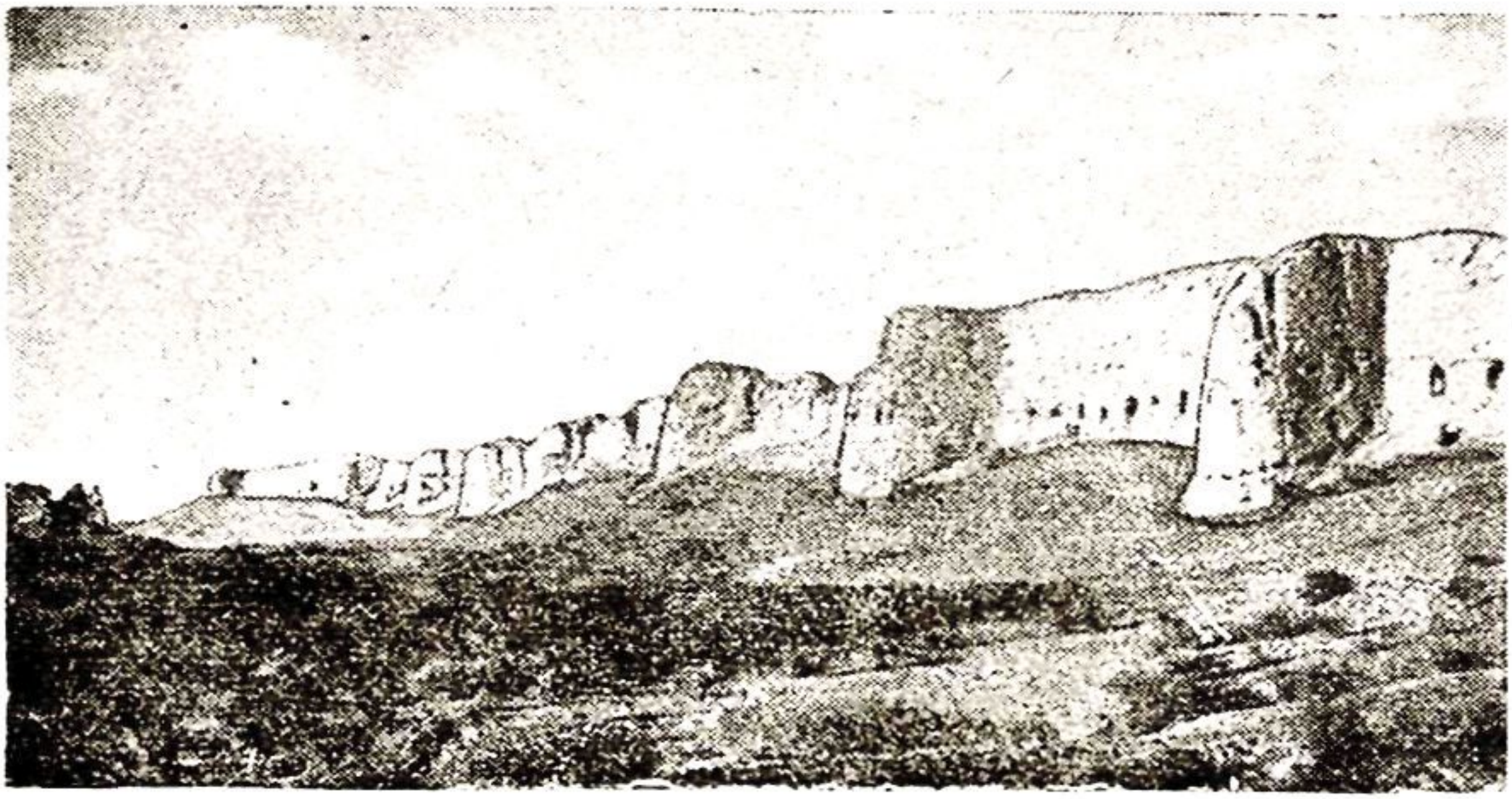
Война сельджуков с Масудом Газневи, как и всякая война, сопровождалась разорениями и опустошением. Особенно пострадали города Серахс и Абиверд, оказавшие упорное сопротивление войскам Газневидов. Но разгром газневидской военно-бюрократической монархии способствовал быстрому восстановлению разрушенного войной хозяйства и дальнейшему развитию производительных сил.

В XI—XII вв. быстро растут и развиваются города Хорасана и Хорезма. Увеличивается площадь городов, сооружаются караван-сараи, мечети и мавзолеи, растут старые и создаются новые ремесленные кварталы—гончаров, стеклодувов, мастеров по выделке жженого кирпича и т. д.[1] Данные археологии показывают, что средневековые города на территории Туркменистана достигли своего максимального развития именно в XI—XII вв.

---

[1] Отчеты ЮТАКЭ за 1946—1953 гг., стр. 78, 187.

Это прежде всего относится к столице хорасанского государства Сельджукидов—городу Мерву, развалины которого в последние годы изучаются Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией. В XI—XII вв. Мерв стал столичным городом, который по словам историка Равенди, «наполнялся запасами, кладами, сокровищами царей и эмиров государства»[1]. Город развивался и богател в эти годы за счет военной добычи, награбленной сельджукской знатью в покоренных странах. В Мерв стекалось множество ремесленников и торговцев, обслуживавших придворных и воинов[2].

Стены средневекового Мерва (из материалов ЮТАКЭ).

В XI—первой половине XII в. Мерв растет очень быстро. Густо заселенная его центральная часть, занимавшая площадь нынешнего городища Султан-Кала (около 4 *кв км*), была обнесена неоднократно разрушавшейся и вновь восстанавливавшейся стеной с башнями. Позднее, по преданию, при Меликшахе, т. е. в конце XI в., в северо-восточном углу устроили цитадель путем выделения значительной территории особой стеной. Внутри цитадели, именуемой ныне Шахрияр-арк («крепость государя»), был отстроен сохранившийся доныне в развалинах дворец. С севера и с юга примыкали еще две обшир-

---

[1] Равенди, МИТТ, I, стр. 356.

[2] О восточных городах-столицах см. письмо Маркса Энгельсу от 2 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. ОГИЗ, 1948, стр. 73—74.

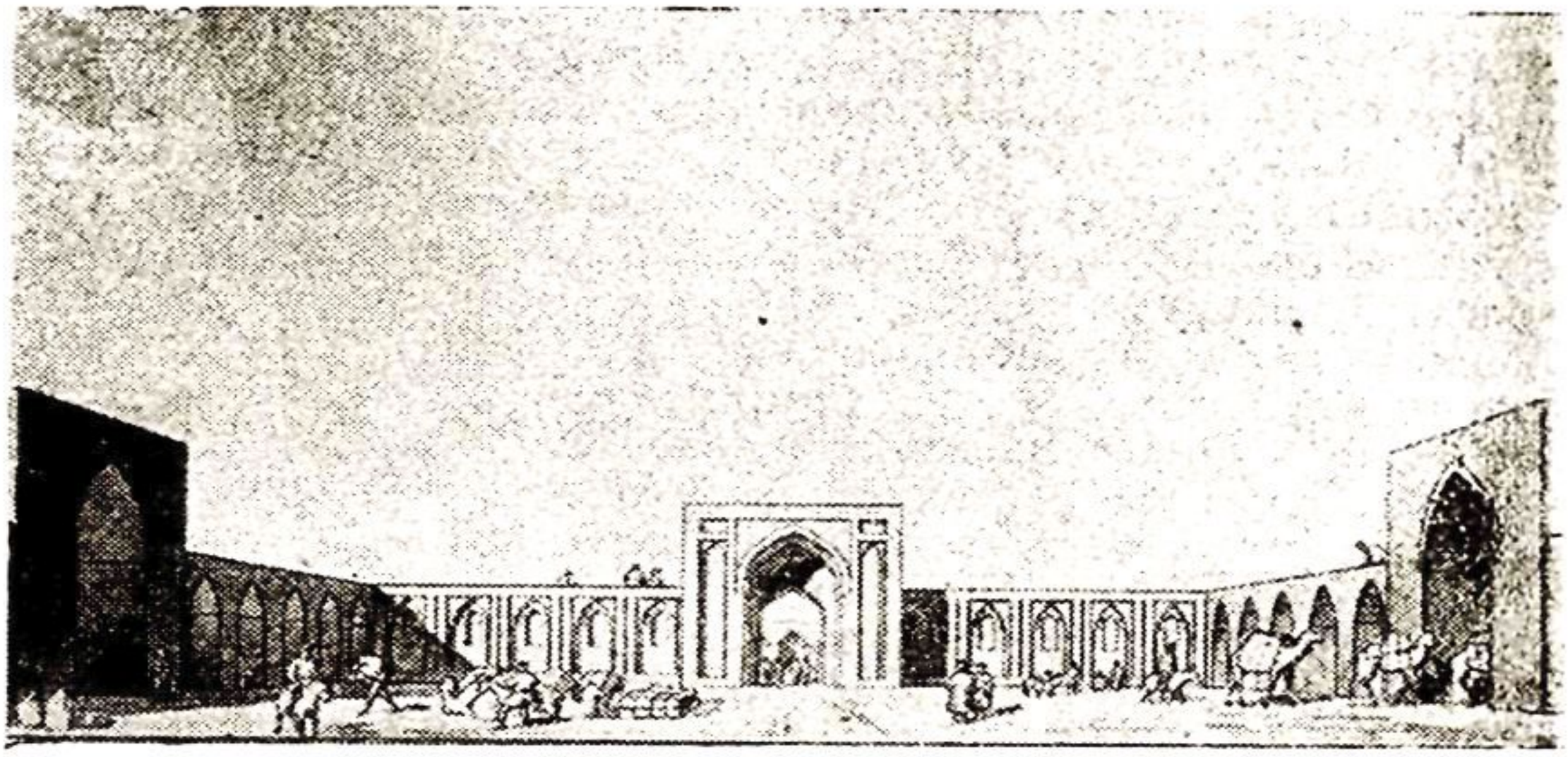
ных площади (в сумме около 3 *кв км*), также обнесенные стенами. Но и вне всех этих стен располагались многочисленные кварталы, в частности, западнее Султан-Калы были расположены обширные ремесленные кварталы. в их числе квартал гончаров[1]. Город настолько расширился, что местами даже перерос границу древнепарфянского Мерва — внешнюю городскую стену Гилякин Чильбурдж[2]. Основой экономики, как и в IX—X вв. было развитое ремесло. Здесь производились в XI—XII вв. высокосортные шелковые ткани (хотя изготовление знаменитой в X в. мервской ткани мульхам[3] уже прекратилось), а также различные высококачественные керамические и металлические изделия и другие виды ремесленной продукции[4]. Развитие ремесла и отделение его от сельского хозяйства обусловили рост городского населения и повышение спроса на сырье и продукты питания. Помимо «Старого базара» возле соборной мечети в Султан-Кале, в Мерве было, как пишет Самани, еще несколько базаров, на которых продавали пшеницу, хлеб и другие продукты питания. «Джубука—место в Мерве, где продают зелень и фрукты и оттуда они развозятся в лавки бакалейщиков и торговцев фруктами»[5]. Особые базары имелись даже в некоторых кварталах Мерва, например, в квартале Махиабад. В XII в. Мерв украшается рядом красивых зданий; первое место среди них принадлежит великолепному мавзолею султана Санджара. Этот мавзолей по праву считается одним из лучших памятников средневековой архитектуры Средней Азии. В Мерве имелись хорошие библиотеки, школы, в одной из школ подготавливались государственные чиновники[6].

Подъему Мерва в XI—XII вв., помимо его столичного положения, способствовало и то, что Мерв находился на важнейшей торговой дороге—на путях из Китая в Европу; часть этих путей проходила по территории современного Туркменистана через города Амуль (Чарджоу), Балх, Мерв, Серахс. Изучение этих торговых путей советскими археологами свидетельствует о значительном развитии международной караванной торговли в рассматриваемый период. В XI—XII вв. проводятся большие работы по благоустройству этого пути: расширяются старые и создаются новые укрепленные караван-

---

[1] М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 218.
[2] Отчеты ЮТАКЭ за 1946—1953 гг., стр. 78—79.
[3] Самани, МИТТ, I, стр. 341.
[4] В. В. Бартольд. К истории Мерва, ЗВО, т. XIX, СПб., 1909.
[5] Самани, МИТТ, I, стр. 330, см. также стр. 329, 333, 341.
[6] Самани, МИТТ, I, стр. 330 (упоминается учитель детей); Джувейни, МИТТ, I, стр. 442.

сараи, вроде огромного караван-сарая Акча-Кала между Амулем и Мервом, строятся сардобы (крытые водохранилища), сигнальные башни; большое строительство заставило здесь же на месте среди пустыни производить жженый кирпич. Весь путь торговых караванов усыпан множеством обломков керамики XI—XII вв., стеклянной посуды и тому подобное, что свидетельствует об оживленном движении. На развалинах городов XI—XII вв. встречается немало обломков привозной керамики — в Мерве, Нисе и Шахр-Исламе (развалины города Языр вблизи Бахардена) найден китайский селадон (высококачественный фарфор) XI—XII вв.[1], часто попадается дорогая

Двор караван-сарая Акча-Кала (реконструкция, из материалов ЮТАКЭ).

иранская люстровая посуда, на территории городов и сельских поселений много привозной из области Туса каменной стеатитовой посуды и т. п. Мервские купцы совершали далекие торговые поездки: в Багдаде, например, мервским купцам принадлежал целый квартал в пригороде, у них был там свой старшина и судья[2]. Развитая торговля породила и развитое денежное обращение, поэтому в Мерве усиленно работал монетный двор и были специальные ряды менял[3].

Вторым крупным городом Северного Хорасана была Ниса. Результаты археологических раскопок Нисы также указывают

---

[1] М. Е. Массон. Средневековый путь из Мерва в Амуль (Чарджоу). «Известия АН ТССР». 1955, № 1.
[2] Очерки, стр. 114.
[3] Самани, МИТТ, I, стр. 326.

на быстрое развитие города в XI—XII вв.[1]. Для Нисы этого периода характерно заселение заброшенного ранее шахристана, превращенного в крепость, расширение территории, занятой пригородными усадьбами богачей, широкое развитие ремесленного производства и вообще интенсивный рост города. В Нисе отмечено наличие керамического и стеклодувного ремесла, а также обработка железа (встречаются железные крицы). На бронзовом сосуде XII в., найденном археологами в Нисе, обнаружены остатки льняной ткани.

В XI—XII вв. значительным городом становится Дехистан, где было возведено несколько монументальных зданий; следует отметить, что дехистанские ремесленники владели секретом изготовления люстровой керамики и наладили ее производство.

Помимо крупных ремесленно-торговых центров, развиваются мелкие города, являющиеся центрами небольших сельскохозяйственных округов. Таков, например, Мехне, еще в X в. считавшийся ничтожным городком, а в XI в. превратившийся в богатый, процветающий город с правильной планировкой, имевший цитадель и внешнюю стену. Наиболее обжитая часть была разбита на небольшие, прямоугольные кварталы. Главный базар располагался возле крепости. В Мехне археологическим изучением отмечено производство в большом количестве жженых кирпичей, а также стеклянных, керамических, железных и медных изделий[2]. Быстрое развитие в XI—XII вв. многих мелких ремесленно-торговых центров и городских поселений—Шахрастаны, Куфена, Така, (Языра), Абиверда, Серахса, Ахура, а также Ургенча, Земахшара и других городов Хорезма, к которым тяготели небольшие сельскохозяйственные округа, говорят об углублении разделения труда, о дальнейшем развитии товарного производства как в городе, так и в деревне.

Феодальные города Хорасана и Хорезма, подобно феодальным городам Европы, играли активную роль во всех крупных событиях в политической жизни этих областей—в сельджукогазневидской войне 1035—1040 гг., в борьбе сельджукских государей с мятежными феодалами, в междоусобных войнах. Города обычно выступали на стороне центральной власти против мятежных феодалов. Например, восставший в 90-х годах XI в. в Хорасане феодал Арслан Аргун встретил сопротивление городского населения и в наказание за это снял ворота и разрушил городские стены Мерва, а также стены

---

[1] Отчеты ЮТАКЭ, стр. 18—81.

[2] М. Е. Массон. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана. «Известия АН СССР», 1951, № 1, стр. 95—96.

крепости Серахса, Шахрастана и других городов[1]. В городах существовали организации различных сословий (феодалы, купечество, ремесленники), вражда которых внешне прикрывалась, как и прежде, борьбой различных религиозных сект и толков[2]. Классовая борьба в городах, о подробностях которой средневековые феодальные историки, к сожалению, сообщают очень мало, доходила порой до кровавых столкновений между различными слоями городского общества.

На территории Туркменистана продолжали развиваться горные промыслы. В Западном Туркменистане близ Балханских гор добывали нефть, которую затем вывозили в другие страны. Географ Бекран сообщает также, что добытую из земли «черную нефть» путем перегонки превращают в «белую нефть» (т. е. очевидно керосин)[3].

В XI—XII вв. продолжалось развитие производительных сил и в сельском хозяйстве. Историк Самани, уроженец Мерва, называя множество селений на территории Северного Хорасана, неоднократно отмечает их благосостояние[4]. Упоминаются такие ирригационные сооружения, как водоподъемные колеса на р. Мургабе[5]. О величине многих селений можно судить по тому, что в них имелись свои кафедральные мечети и постоянные присутственные места судей-казиев (махкама)[6]. На всех развалинах сельских поселений XI—XII вв. встречается в большом количестве поливная керамика городского производства, а на развалинах более богатых усадеб также обломки дорогой стеклянной посуды и люстровой керамики, что говорит о втягивании сельского населения (не только феодалов, но и крестьян) в товарные отношения, во внутреннюю торговлю.

Вместе с тем, Самани говорит о запустении многих селений Мерва[7], большая часть которых была расположена на окраинах оазиса, на краю песков. Это подтверждают также и данные археологии[8]. Часть этих селений, например, селение Камсан, была разрушена во время войн; однако сводить только к этому причины запустения многих селений, особенно в северной части Мургабского оазиса, было бы неверно. Дело еще и в том, что феодалы сооружали каналы, ставили водоподъемные колеса на Мургабе выше Мерва, перехватывая во-

---

[1] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 382.
[2] А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. В кн. МИУТТ, стр. 33—34.
[3] Бекран, МИТТ, I, стр. 350.
[4] Самани, МИТТ, I, стр. 331—337.
[5] Там же, стр. 333.
[6] МИТТ, I, стр. 331—333.
[7] Там же, стр. 327—328, 331, 337—340.
[8] Отчеты ЮТАКЭ за 1946—1953 гг., стр. 188.

ду Мургаба[1], и становились собственниками вновь орошенной земли; в то же время крестьянские посевы на окраинах оазиса погибали от безводья.

В XII в. не только ухудшается экономическое положение крестьян, но растет и их личная зависимость от феодалов, появляются элементы крепостничества.

В этот период всеобщее распространение получает институт икта[2] — типичная феодальная форма землевладения, заключавшаяся в том, что земельный участок (икта) с живущими на нем крестьянами, передавался в пользование феодалу (мукта или иктадару), который собирал с крестьян харадж в свою пользу и на эти деньги содержал определенное число воинов. По закону иктадар не имел прав над личностью крестьянина, если тот исправно платил налог. «Мукта, у которых икта, пусть знают, — писал Низам аль-мульк, везир Алп-Арслана и Мелик-шаха, — что по отношению к народу им не приказано ничего, кроме как собирать добрым образом законную подать, что им препоручено; когда они это собрали, пусть будут у народа безопасным тело, имущество, жена и дети, пусть будут безопасны их вещи и владения, пусть не будет мукта к ним никакого пути»[3]. Низам аль-мульк возвращается к этому вопросу так часто, что становится несомненным частое превышение прав со стороны иктадаров (мукта).

Иктадары не были первоначально наследственными владетелями, Низам аль-мульк даже рекомендует сменять их каждые 2—3 года[4]. Тем более они старались обогатиться за счет временно отданной им «райа» (податного сословия), доводя крестьян до полного разорения и бегства[5].

Классовая структура Туркменистана XI—XII вв. сложна и недостаточно изучена. Феодальный класс состоял из ряда категорий: владетельные князья (наследственные правители уделов и областей), многочисленные иктадары, феодально-родовая знать кочевых племен, чиновничество, немногочисленные остатки древних дехканских фамилий. Неоднородным было и крестьянство, оседлое и кочевое. Эксплуатация оседлого крестьянства осуществлялась путем взимания хараджа феодальным государем или непосредственно иктадарами. Значительная часть крестьян уже опустилась до положения издольщиков-барзигаров. Важную составную часть класса крестьян составляли рядовые общинники степных и горных скотоводче-

---

[1] О росте феодальных имений, расширении культурной полосы южнее Мерва и запустении земель на северной окраине оазиса, см. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 62—63.

[2] В. В. Бартольд. Туркестан, ч. II, стр. 326.

[3] Сиасет-наме, стр. 34.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 140.

ских племен, сохранившие патриархально-родовую организацию; большая часть кочевников подвергалась уже сильной эксплуатации со стороны «своей» феодально-родовой верхушки.

Помимо феодалов и крестьян—основных классов феодального общества—оно включало также рабов и торгово ремесленное население городов. Рабство в Хорасане и Хорезме сохранялось как уклад, хотя давно уже не составляло основы производства. Торговцы делились на крупных купцов и мелких лавочников, «людей базара». К мелким торговцам примыкали многочисленные ремесленники, делившиеся на мастеров (уста) и учеников (шагирд) и организованные в цехи. Наконец, среди части степных племен (особенно на Усть-Урте и Мангышлаке) все еще, по-видимому, сохранялся значительный слой свободных и полноправных мелких собственников.

Государственный аппарат Сельджукидов некоторыми чертами напоминал сасанидский и газневидский, но он в значительной степени утратил былую стройность и организованность, что связано с феодальной раздробленностью государства.

Главой государства был султан[1] из рода Сельджукидов, имевший юридически неограниченную власть. «Все страшатся гнева и наказания государя,—говорится в книге «Сиасет-наме», написанной Низам аль-мульком.—Когда государь на кого-либо разгневается, он приказывает отрубить голову, отсечь руки и ноги, вздернуть на виселицу, бить палками, отвести в темницу, бросить в яму»[2]. «Царство и народ принадлежат султану», — пишет он в другом случае[3]. Султан раздавал дары и икта[4], лично камандовал войсками в важнейших походах[5], судил, отдавал приказания о проведении кяризов и каналов, постройке крепостей и рабатов[6]. Однако фактически власть султана была ограничена советом его эмиров — крупных феодалов, «высоким собранием», как называет его Низам аль-мульк.

Огромную роль в государстве играл везир — первый помощник государя и глава всей гражданской администрации[7]. Везир назначал и сменял чиновников[8], участвовал в обсужде-

---

[1] Первые Сельджукиды носили титул шаханшахов.
[2] Сиасет-наме, стр. 143.
[3] Там же, стр. 75.
[4] Там же, стр. 92.
[5] См. например, Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 374—375, 387, 390 и др.
[6] Сиасет-наме, стр. 12.
[7] Там же, стр. 171, 173.
[8] Там же, стр. 161.

нии важнейших политических мероприятий[1], ведал финансами. Иногда он назывался хаджэ[2], сохраняя старый газневидский термин. Везирами, как правило, назначались представители хорасанской знати[3].

В XII в. важное значение приобретают атабеги — обычно знатные туркмены, назначенные помощниками и советниками к молодым сельджукидским царевичам. Атабеги были также и военачальниками. Многие из них позднее стали наследственными правителями областей и основателями династий[4]. Крупным сановников был также туграи — хранитель султанской печати (тугра)[5].

Основная масса государственных чиновников была связана с финансовыми делами. Важнейшими представителями местных чиновников были амили, собиравшие харадж с определенной провинции[6]. Часть собранных средств амили тратили на местные нужды[7], они располагали и некоторой административной властью. Амили были влиятельными лицами; особенно важным был пост амиля Хорасана[8]. В некоторые области (особенно населенные кочевниками) назначались шихнэ — правители, которые подобно амилям собирали налоги, но были облечены широкими административными и, вероятно, судебными полномочиями[9]. Чиновники, ведавшие расходами, назывались мутассарифами[10]. Крупными чиновниками были мустауфи-казначеи[11].

Денежными делами войска ведали аризы[12]. Вторая категория чиновников была связана с судебными и полицейскими функциями. Судьями, как и раньше, были кази, знатоки шариата[13]. В крупных городах административно-полицейские обязанности выполняли мухтасибы, которые осуществляли надзор за торговлей на рынках, за соблюдением порядка и правил нравственности[14]. В городах и крупных селах сохранялись раисы — местные старшины. Значительно ослабело влияние эмир-и-харас — начальника тюрьмы и палачей, имевшего и

---

[1] Сиасет-наме, стр. 127.
[2] Там же, стр. 159, 313 (прим. Б. Н. Заходера).
[3] Напр., сын и внук Низам аль-мулька были везирами (Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 386—390).
[4] Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Перевод с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольда, СПб., 1899, стр. 133—139.
[5] Сиасет-наме, стр. 159.
[6] Там же, стр. 106, 316.
[7] Там же, стр. 35.
[8] Там же стр. 160.
[9] Сборник «Инша». МИТТ, I, стр. 314—315.
[10] Сиасет-наме, стр. 162 170, 317, 334 (прим. Б. Н. Заходера).
[11] Там же, стр. 159. 313 (прим. Б. Н. Заходера).
[12] Там же, стр. 160, 322 (прим. Б. Н. Заходера).
[13] Там же, стр. 44.
[14] Там же, стр. 47—48.

судебную власть.[1]. Часто приговоры султана приводились в исполнение его телохранителями—джандарами[2] и чаушами[3].

В связи с разделением государства на уделы и раздачу земель в икта, государственная власть постепенно стала раздробляться. Правители уделов, несмотря на возражения государственных чиновников[4], сами творили суд и расправу[5], налоги в значительной степени также собирались иктадарами и правителями уделов. У эмиров (обычный титул крупных феодалов) появляется свой государственный аппарат в лице секретарей-дабиров[6]. В XII в. источники все реже говорят о государственных чиновниках — их место занимают эмиры, фактические носители государственной власти. В центральном государственном аппарате большое значение приобрели своеобразные «государевы посланцы» — воины-гулямы, которые посылались султаном для выполнения какого-либо судебного поручения[7], минуя местные власти, что, конечно, вносило большую путаницу в управление, но позволяло султану вмешиваться в дела амилей, шихне и других представителей власти на местах и контролировать их.

При Сельджукидах сохранялось войско гулямов[8], с которым, очевидно, слилась их старая туркменская дружина, и ополчения кочевников, в первую очередь туркмен[9]. Но значительная часть войска уже не подчинялась непосредственно султану. Эмиры имели свою гвардию «огланов» (дружина), вооруженную копьями и саблями, причем не только люди, но и кони были покрыты броней[10].

Эмирам подчинялись и значительные отряды кочевников — ополчения племен, живущих на земле данного эмира[11]. Военный отряд имел и каждый иктадар[12]. Из этих феодальных дружин и кочевых ополчений составлялась основная масса военных сил Сельджукидов. При этом число гулямов, не имевших икта, по-видимому, постепенно сокращалось. В связи с этим уменьшалось значение постоянного войска государя за счет роста военных сил феодалов-эмиров.

---

[1] Сиасет-наме, стр. 143—146.

[2] О джандарах см. В. Гордлевский. Государство сельджукидов в Малой Азии, стр. 78, 158.

[3] Сиасет-наме, стр. 163.

[4] Там же, стр. 75—76.

[5] Ибн аль-Асир, МИТТ, I. стр. 382.

[6] Сиасет-наме, стр. 162.

[7] Там же, стр. 77.

[8] Там же, стр. 100.

[9] О роли ополчений кочевников в войске сельджукидов см. В. Гордлевский. Государство Сельджукидов в Малой Азии, стр. 148—149.

[10] Gesta Francorum et aliorum. Hierosoimitanorum, XXI, Bongara. Gesta dei Francos. Hannover, 1611.

[11] См., например, Ибн аль-Асир. МИТТ, I, стр. 38.

[12] Сиасет-наме, стр. 106.

Наиболее видным сельджукским чиновником был Низам аль-мульк, воспитатель и везир султанов Алп-Арслана и Мелик-шаха, выдающийся политический деятель и писатель XI в. (1017—1092 гг.)[1]. Низам аль-мульку принадлежит книга «Сиасет-наме» (по крайней мере, основная часть ее)[2], в которой изложена его политическая теория.

Взгляды Низам аль-мулька — хорасанского феодала, шафиита по своим религиозным убеждениям[3]—сводятся к стремлению централизовать и укрепить монархию Сельджукидов путем восстановления газневидской государственной системы. Он неоднократно осуждает феодальную раздробленность[4], зарождавшуюся уже при первых Сельджукидах, систему икта[5], разрушение прежней стройной государственной машины и строгого придворного этикета[6]. Главную опасность он видит в усилении независимости феодалов, в ослаблении центральной власти, что, по его мнению, приведет к величайшим несчастьям и разорению страны: «...друг на друга обнажатся мечи, польется кровь; тот, у кого сильнее длань, будет действовать, как захочет, так что грешные люди погибнут в этих несчастьях и кровопролитиях, подобно тому, как огонь, падая в заросль тростника, сжигает начисто не только то, что сухо, но и то из сырого, что соседствует с сухим[7].

Стремление Низам аль-мулька преодолеть усиливающуюся феодальную раздробленность и укрепить феодальную монархию было прогрессивным, но он не видел для этого иных средств, как восстановление уже изжившей себя газневидской государственной системы. Это сделало все его взгляды и планы утопическими и привело его самого к падению.

Сельджукское государство особенно усилилось во время правления султана Алп-Арслана (1063—1072 гг.) и его сына Мелик-шаха (1072—1092 гг.).

Войны с Газневидами прекратились еще при Чагры-беке[8], но затем сельджукские войска двинулись в Закавказье и Малую Азию на западе и за Аму-Дарью — на востоке. При Алп-Арслане была завоевана Армения (1064 г.), совершались грабительские походы в Грузию (1065 г.) и произошло крупное столкновение с Византией, окончившееся разгромом византийской армии в бою у Манцикерта (Меласгерд) в Армении, причем в плен попал сам император Роман Диоген.

---

[1] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 376—380.
[2] Сиасет-наме. Б. В. Заходер. Введение в изучение памятника.
[3] Там же, стр. 102.
[4] Там же, стр. 75—74 и др.
[5] Там же, стр. 106.
[6] Там же, гл. X, XI, XVI, XVII и др.
[7] Там же, стр. 11.
[8] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 373.

Продолжались войны и на востоке; Алп-Арслан подавил феодальные мятежи в Хутталяне, Чаганиане, Герате и Хорезме, а затем присоединил Дженд.

В 1070 г. султан провозгласил наследником своего сына Мелик-шаха и заново распределил уделы между членами рода Сельджукидов. Эмиры должны были принести Мелик-шаху присягу, он был посажен на царский трон и имя его внесено в хутбу (торжественную пятничную молитву)[1]. Таким образом, Мелик-шах становился как бы соправителем отца, что имело значение при неясности порядка престолонаследия.

1072 г. Алп-Арслан двинулся в поход с целью завоевания Мавераннахра. Он захватил Бухару, но затем был смертельно ранен одним из знатных пленников и умер в конце 1072 г.

Мелик-шах с помощью Низам аль-мулька стал султаном, но тревожная обстановка в Хорасане и Иране в связи со смертью Алп-Арслана и возможностью феодальных мятежей заставили его прекратить поход и вернуться в Хорасан, а затем в Ирак. Ему удалось сломить сопротивление родственников и своеволие феодального войска, причем крупные заслуги в этом принадлежали опять-таки Низам аль-мульку, которому восемнадцатилетний султан дал широчайшие полномочия, сделав его одновременно атабегом и хаджэ (т. е. везиром)[2].

При Мелик-шахе продолжались завоевания сельджуков. Воспользовавшись усобицами в Византии, сельджукские войска под предводительством Сулеймана ибн Кутулмыша вторглись в Малую Азию и уже в 80-х годах XI в. захватили ее почти целиком.

Одновременно сельджукские войска вторглись в Сирию. В 1076 г. сельджукский эмир Атсыз овладел Дамаском, откуда сделал набег на Каир. В 1078 г. Сирия стала уделом Тутуша, брата Мелик-шаха.

В то же время усилились феодальные усобицы. В 1081 г. восстал Текеш, брат султана, овладевший Мервом и Термезом. Осажденный в Термезе, он покорился, но в 1084 г. снова поднял мятеж, был разбит, взят в плен и ослеплен[3].

Лишь к концу 80-х годов Мелик-шаху удалось на время подчинить мятежных родственников и эмиров. В 1086 г. он лично совершил поход в Сирию и добился покорности многочисленных сирийских феодалов. В 1089 г. он совершил поход на Мавераннахр и занял Бухару и Самарканд, правитель которого Ахмед-хан возбудил недовольство феодалов и духовен-

---

[1] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 375; Мирхонд, МИТТ, I, стр. 467—468.
[2] См. Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 376—377.
[3] Там же, стр. 377—378.

ства[1]. Из Самарканда Мелик-шах двинулся на Фергану, где дошел до Узгенда. В 1090 г. из-за восстаний в Мавераннахре Мелик-шах вынужден был совершить сюда второй поход и снова доходил до Узгенда.

1089—1092 гг. были временем, когда власть Мелик-шаха была особенно сильна. Ему принадлежали нынешний Туркменистан, большая часть Узбекистана, Таджикистана и Афганистана, Иран, Закавказье, Сирия и Ирак. Хутба с его именем читалась в Багдаде — столице халифа. Он был, несомненно, одним из сильнейших государей конца XI в.

Но феодальные смуты, внешне подавленные, продолжали подтачивать государство Сельджукидов. При дворе султане феодальная знать во главе с женой султана Туркан-Хатун начала интриги против всесильного везира Низам аль-мулька. Удалось вызвать конфликт между султаном и его везиром, и 14 октября 1092 г. Низам аль-мульк был убит, видимо, не без ведома Мелик-шаха[2]. Вскоре, 19 ноября того же года, умер и сам Мелик-шах, и в стране воцарилась феодальная анархия.

Началась борьба за престол между сыновьями Мелик-шаха. В войнах, затянувшихся до 1101 г. приняли активное участие эмиры, многие из которых попытались стать независимыми государями. Так, еще в 1092 г. в Хорасане восстал брат Мелик-шаха Арслан Аргун[3]. Он захватил Мерв, Балх, Термез, Нишапур, разбил и приказал задушить своего брата Бурибаса. Ему пришлось выдержать упоминавшуюся выше упорную борьбу с городами Хорасана, пытавшимися сопротивляться этому мятежному феодалу. Мерв был взят и много его жителей перебито. Но в 1096 г. Аргун был убит одним из своих воинов, и Хорасан без боя перешел в руки Баркиярука, который в 1097 г. передал эту область своему младшему брату Санджару[4]. За этим последним Хорасан был закреплен и во время раздела империи сельджукидов в 1101 г., причем Санджар оставался правителем его на положении наместника до своего вступления на престол в 1118 г.

Санджар был последним из сильных государей сельджукидской династии. Он правил Хорасаном до 1157 г. Неудивительно, что его имя стало символом долголетнего правления. С 1118 г. он был признан верховным правителем сельджукидских земель (впрочем, лишь номинально) и сменил прежний титул «мелика» на титул «султана».

Правление султана Санджара было временем значительного усиления Хорасана. Столица его—город Мерв—украси-

---

[1] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 337—339.
[2] Ибн аль-Асир, МИТТ, стр, 380.
[3] Там же, стр. 381—382.
[4] Там же, стр. 382.

лась великолепными зданиями. Недалеко (в 2 фарсахах) от Мерва находился загородный дворец (довлет-хана) Санджара—Андераб[1]. В 1102 г. Санджар разбил Караханидов, пытавшихся после захвата Термеза продолжить намеченное вторжение во владения Сельджукидов. В 1117—1118 гг. он разбил Газневида Арслан-шаха и вскоре Газневиды стали вассалами Санджара. В 1130 г. он совершил поход в Мавераннахр и вновь покорил его правителей[2].

Таким образом, государство Санджара в 30-х годах XII в. включало, помимо Хорасана, Балх, Герат и Джурджан, причем ему подчинялись в качестве вассальных правителей (мулюк-и атраф) владетели Самарканда, Хорезма, Сеистана и Газны (последний, впрочем, был фактически независим).

Это большое государство не было прочным. Смуты конца XI в. окончательно разрушили сложную государственную организацию, на создание которой столько сил положил Низам аль-мульк и его сподвижники. Все реже слышим об амилях — их место занимают шихне, облеченные гораздо большей полнотой власти, а еще чаще эмиры, крупные феодалы, носители государственной власти в своих землях. Крупные государственные чиновники постепенно превращались в наследственных правителей областей — владетельных феодалов[3]. Почти полной независимости добились правители Хорезма, Гура и Сеистана; двое первых постоянно боролись с Санджаром, в войнах с ними он провел немало лет[4]. Независимо держались и второстепенные эмиры. Порой и они могли навязывать Санджару свое мнение[5]. Таким образом, центральная власть значительно ослабела.

XII в. ознаменовался значительным усилением эксплуатации и феодального произвола, помешать которым Санджар не мог и не хотел. «Аль-Китаб ас-Самарканди,—пишет академик Бартольд,—приводит характерный анекдот о султане Санджаре, который будто бы сказал, что ограждение сильных от обиды слабых еще более необходимо, чем защита слабых от произвола сильных; оскорбление слабых сильными — только несправедливость, тогда как оскорбление сильных слабыми — и несправедливость и позор. Если народные массы выйдут из повиновения, то произойдет полный беспорядок: малые будут

---

[1] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 63.
[2] Он же. Туркестан..., ч. II, стр. 342—343.
[3] Такими наследственными феодалами стали, например, эмиры Турайсиса; см. Якут, МИТТ, I, стр. 427—428.
[4] В. В. Бартольд. Туркестан., ч. II, стр. 351.
[5] Равенди, МИТТ, I, стр. 356.

исполнять дела великих, а великие не могут исполнять дела малых»[1]. Естественно, что в память народных масс XII в. Санджар вошел, как злейший притеснитель.

Таким он представляется в широко распространенной на Востоке легенде «О старухе и султане Санджаре», включенной Низами в его «Сокровищницу тайн». Нищая старуха, схватившн за повод султанского коня, гневно обличает Санджара[2]:

Ты крыши обрушил с жилья горожан,
Ты вытряс зерно из колосьев дехкан,
Но помни—удел не бессмертен земной,
Найдет тебя смерть и за царской стеной!

Обострение классовых противоречий и рост феодальной анархии привели к ослаблению Сельджукского государства в Хорасане. В 1141 г. Санджар потерпел в Мавераннахре жестокое поражение от кочевников каракитаев, которые вслед за этим заняли Бухару[3].

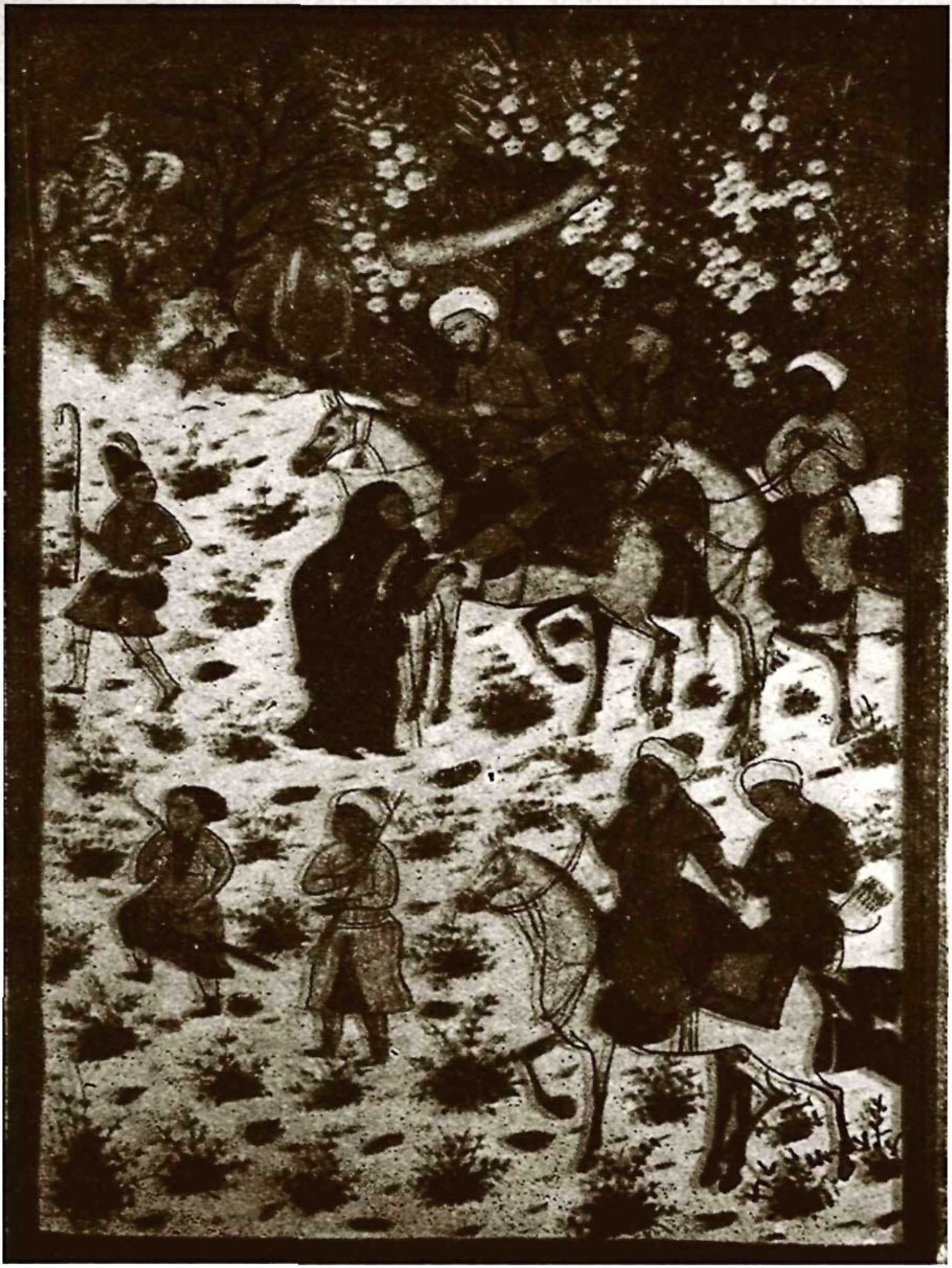
В Хорасане и Хорезме продолжались феодальные мятежи. Наконец в 1153 г. восстание огузов и других тюркоязычных племен привело к падению государства Сельджукидов.

Тюркоязычные степные племена южных районов Средней Азии, которых в XII в. все чаще называют общим именем туркмен, населяли в то время восточное побережье Каспийского моря, степи нынешнего Туркменистана, Северного Афганистана и Ирана. Они жили по-соседству с оседлыми таджиками, что способствовало экономическому и культурному сближению тех и других. О торговых связях кочевников с земледельцами говорит, например, указ Санджара о назначении шихнэ. Туркменские легенды племени солтаниз содержат воспоминания о том, что туркмены получали от Санджара земли в окрестностях Мерва.

Ополчения туркменских племен играли главную роль в создании Сельджукидского государства. Но это не означало, что в завоеванных землях туркмены заняли господствующее положение. Если верхушка туркменской знати и прежде всего род Сельджукидов вошли в состав феодального класса Хорасана, Хорезма, Ирана, Малой Азии и других завоеванных земель, то рядовые кочевники не воспользовались плодами этих побед, а постепенно стали сливаться с податным населением, с массой эксплуатируемой «райи»[4].

---

[1] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. I, стр. 71; ч. II, стр. 405.
[2] Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. Перев. М. Шагинян, Баку, 1947, стр. 67.
[3] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 349.
[4] В. Гордлевский. Государство Сельджукидов в Малой Азии, стр. 62—67.

Султан Санджар и старая ткачиха (средневековая миниатюра).

«Сельджуки..., говоря, что они братья (туркмен), — приводится в «Родословной туркмен», — народу и племени пользы не принесли. До того, времени, пока они не стали государями, они говорили, что они из туркменского рода кынык. После того, как они сделались государями, они говорили, что они из рода Афрасиада (т. е. Афрасиаба — *ред.*)[1] от того сына Афрасиада, который бежал от Кей-Хосроя к племени кынык и, выросши, там остался. Считая своих предков, они через пять поколений доходят до Афрасиада»[2]. Такое воспоминание сохранила народная память об отношении сельджукидов к туркменским племенам, завоевавшим для них громадную империю.

Туркменские племена принимали участие во всех войнах Сельджукидов в Иране, Малой Азии, Сирии. Отдельные группы туркмен проникли в Египет и даже в Испанию[3]. Позднее туркмены упоминаются в абиссинских хрониках. Эти переселения приводили к невероятному перемешиванию туркменских родов и племен, к еще большему разложению родовой организации. У туркмен развиваются феодальные отношения, хотя в обстановке кочевого или полукочевого хозяйства они сочетаются с сохранением патриархальных отношений. Этот же процесс, хотя и в более слабой степени, развивается у тех туркмен, которые остались на территории Туркменистана — в Дехистане, Гургане и других районах и в дальнейшем вошли в состав туркменской народности.

Развитию феодальных отношений у туркмен способствовала политика Сельджукидов, которые поддерживали туркменскую знать, «эмиров, салыров и мукаддамов», как именуются представители этой знати в документах XII в.[4]

Пастбища, необходимые кочевникам, закреплялись за вождями, а остальные кочевники официально признавались «подчиненными»; это способствовало развитию феодальной собственности на землю. Над туркменскими племенами ставились шихне, которые ведали распределением пастбищ между группировками, разбирали просьбы и жалобы туркменских вождей, а также собирали налоги, для чего назначались специальные сборщики. До нас дошел указ Санджара о назначении шихне над «эмирами и мукаддамами (предводителями)» туркмен Гургана[5]. В качестве податей, приносивших большой доход, доставлялся главным образом скот[6].

---

[1] Известие о принятии Сельджукидами этой генеалогии подтверждается Сиасет-наме, стр. 12.
[2] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 61.
[3] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 33.
[4] МИТТ, I, стр. 314—315.
[5] Там же.
[6] Равенди, МИТТ, I, стр. 355.

Весьма тяжелой повинностью туркмен была военная служба. Низам аль-мульк считал необходимым держать при дворце султана тысячу туркменских воинов, чтобы ознакомить их с придворными порядками и обучить владеть оружием. Во время войны он рекомендует привлекать значительные массы туркменской конницы. «Как только окажется необходимым, — пишет он, — сядут на коней пять или десять тысяч для службы, которая им будет назначена, в таком строю и с таким оружием и снаряжением как гулямы»[1]. Обязанность нести военную службу отличала туркмен от оседлого городского и сельского населения, которое (за исключением некоторых горных племен) в войско не привлекалось. Этот «налог кровью» был источником страданий и разорения родовых кочевников, но повышал роль и значение туркменской военно-кочевой знати в государстве Сельджукидов.

Туркменами в XII в. обычно называются те племена, которые участвовали в сельджукских завоеваниях и поселились на территории государства Сельджукидов. Племена Балхан и Северных Кара-Кумов назывались язырами, племена, кочевавшие в Северном Мавераннахре, сохранили старое имя огузов. Но и языры и огузы в XII в. иногда рассматривались как часть туркмен. Это говорит о начавшемся процессе складывания единой туркменской народности из отдельных племен и смешанных группировок кочевников.

Судьбы язырских племен в 1040—1153 гг. в настоящее время почти неизвестны. Нет никаких данных о том, что языры в это время покорялись Сельджукидам, хотя можно предположить, что страна языров, как Мангышлак и Дженд, считалась союзной пограничной областью[2] и формально признавалась зависимой от Мелик-шаха и позднее Санджара. Известно лишь, что в начале XII в. Мангышлак подвергся жестокому нападению хорезмских войск, но, видимо, не был подчинен, а только ограблен[3]. Несколько более известна судьба ядра старой сырдарьинской группировки огузов, которая в XI в. еще оставалось на Сыр-Дарье и в Северном Мавераннахре, а позднее была вытеснена оттуда более сильными соседями.

В 1130 г. огузы помогали Арслан-хану, правителю Бухары, в борьбе против Санджара[4]. Неизвестно, владели ли они в это время Дженд ом или, что более вероятно, были уже вытеснены оттуда кипчаками. Средневековые авторы говорят о столкновениях огузов с каракитаями и карлуками. В 1144 г. огузы да-

---

[1] Сиасет-наме, стр. 109.
[2] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 347.
[3] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 384.
[4] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 342—343; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 386.

же захватили Бухару и разрушили ее цитадель[1]. В результате этих долгих феодальных смут огузы были вынуждены перейти Аму-Дарью и подчиниться Санджару[2].

Огузы были отданы под власть крупного иктадара — эмира Кумача — и поселены на его землях в области Балха[3], где уже проживало немало кочевых тюркских племен—халаджей, тохаристанских карлуков и, вероятно, некоторое количество сельджукских туркмен. Вместе с прежним тюркским населением огузы оказались вовлеченными в кровавые распри местных феодалов. Они участвовали в войне между эмиром Кумачом и владетелем Тохаристана Ибн Халифа аш-Шейбани Зенги, кончившейся гибелью последнего. Эмир Кумач сначала убил сына Зенги и накормил отца мясом сына, а затем убил и самого Зенги[4]. Позднее гузы и другие тюркские племена поддержали владетеля Гура Ала ад-дина против Кумача, но во время решительного боя Ала ад-дина с Санджаром, двинувшимся в Гур, они перешли на сторону султана и стали его личными подданными (райят-и-хасс)[5].

Подчинение огузов лично султану должно было оградить их от произвола местных феодалов, но не означало освобождение от налогов и притеснений. Их вожди обязаны были нести службу в столице Санджара, а сами они ежегодно давали 24 тыс. баранов «для кухни султана», подчиняясь его стольнику—хансалару[6].

Вскоре притеснения сборщиков налогов вызвали конфликт. Даже средневековые историки, относящиеся к огузам враждебно, должны были признать, что «наглые притеснения из-за султанского скота перешли границы». Взяточничество, произвол и надменное поведение султанской челяди раздражали даже «эмиров огузов», и один из сборщиков был тайно убит. Хансалар пытался замять дело, но вмешался старый враг огузов эмир Кумач и добился того, что огузы были вновь переданы под его управление с задачей «усмирить мятежников»[7].

Огузы, понимая, чем грозит им «управление» мстительного и жестокого эмира Кумача, оказались подчиниться ему[8]. Впрочем, по другим сведениям, они пытались договориться с

---

[1] В. В. Бартольд. Указ. соч. стр. 350.
[2] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 388.
[3] Там же. Ср. Равенди, МИТТ, I, стр. 355.
[4] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 389.
[5] Там же. См. также Джуздджани, Табакат-и Насири. МИТТ, I, стр. 440
[6] Равенди, МИТТ, I, стр. 355.
[7] Там же, стр. 355—356.
[8] Там же, стр. 356.

Кумачом, но тот отверг все мирные предложения[1]. Результат похода Кумача оказался неудачным для него — огузы, сражавшиеся с величайшим мужеством, так как дело шло о самом существовании их племени, разбили войско эмира, захватили лагерь и убили Кумача и его сына[2]. Таким образом, конфликт перерос в вооруженное народное восстание огузов, во главе которого стояли их родо-племенные вожди.

Этот антифеодальный характер восстания по своему оценивали сельджукские феодалы. «Когда известие об этом было получено султаном,—пишет историк Равенди,—эмиры государства закипели (гневом) и сказали: «Невозможно потакать подобным поступкам...». Под давлением феодальных кругов султан Санджар отверг мирные предложения огузской знати, готовой уплатить крупный штраф за «мятеж», и выступил в поход против огузов[3].

Поход состоялся ранней весной 1153 г[4]. Огузы, к которым примкнули «другие тюрки» (очевидно, халаджи и тохаристанские карлуки), пытались избежать боя с грозным хорасанским воинством Санджара и отступили в Хутталян[5]— горную область в нынешнем Таджикистане. Дальше отступать было некуда, и они приготовились к решительному бою.

Огузы заняли выгодную позицию в горах, «сделали ограду из шатров, как стены, и за ними зажгли огни клинков в виде изгороди»[6]. Воины Санджара, утомленные долгим походом по горам, роптали. Но крупный феодал Муайид ай-Аба и внук Кумача настояли на продолжении похода[7]. В апреле — мае 1153 г. произошло сражение[8].

Ход его не совсем ясен. Видимо, значительный отряд гузов обошел в горах авангард войска султана и ночью ударил ему в тыл[9]. В бою погиб внук Кумача, а Муайид ай-Аба бежал. Разгром авангарда, мужество огузских воинов, сражавшихся «за жизнь и достояние»[10], недовольство походам—все это привело к бегству воинов Санджара; «гузы преследовали

---

[1] Имад ад-дин Исфахани, МИТТ, I, стр. 323.
[2] Равенди, МИТТ, I, стр. 356; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 389.
[3] Равенди, МИТТ, I, стр. 356.
[4] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 390; В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 352.
[5] По Джузджани (МИТТ, I, стр. 440) «из Хутталяна выступило племя огузов» Так как огузы жили в Балхе, то, очевидно, имеется в виду место решительного столкновения.
[6] Имад ад-дин Исфахани, МИТТ, I, стр. 323—324.
[7] Равенди, МИТТ, I, стр. 356; Ибн-аль-Асир говорит о внуке Кумача (МИТТ, I, стр. 390).
[8] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 390.
[9] Имад ад-дин Исфахани, МИТТ, I, стр. 324.
[10] Равенди, МИТТ, I, стр. 356.

их, убивая и беря в плен,—пишет Ибн аль-Асир, — трупы воинов лежали подобно холмам». Пленным эмирам Санджара восставшие отрубили головы[1]. Война огузских племен против феодальных угнетателей началась блестящими успехами огузов.

Санджар бежал в Балх, где в апреле — мае того же года произошло второе сражение. Санджар был снова разбит и бежал в Мерв. Огузы, однако, продолжали упорное преследование, добиваясь полной победы над противником. Приближение их к Мерву заставило деморализованных воинов Санджара разбежаться без боя. В конце лета 1153 г. Мерв был занят огузами, бежавший в селение Андераб султан был захвачен в плен. Однако «эмиры гузов» не только не убили его, но окружили внешним почетом, называли государем и действовали якобы от его имени[2]. Это показывает, что огузская знать, вовлеченная в народное движение и захватившая руководство им, стремилась сохранить и использовать государственную организацию Сельджукидов и опереться на авторитет «законного властелина», т. е. сохранить и использовать феодальную систему, а не разбивать ее.

В целом, однако, движение все еще носило характер стихийного антифеодального восстания и поэтому вызывало сопротивление феодальных кругов Хорасана. Поэтому средневековые историки настроены против огузов и стараются всеми способами очернить их движение.

В середине осени 1153 г. Мерв был вторично захвачен огузами, причем как сообщает Ибн аль-Асир, погибло много богачей и представителей высшего духовенства. Можно предположить, что дело шло о попытке выступления феодальных и купеческих кругов Мерва против огузов. Дело в том, что в это время собравшиеся в Нишапуре хорасанские феодалы провозгласили султаном сельджука Сулейман-шаха, который в сентябре 1153 г. нанес поражение одному из отрядов огузов, а затем выступил на Мерв[3], заручившись, очевидно, поддержкой городской верхушки. Но мервские союзники, а затем и феодальные войска Сулейман-шаха были разгромлены огузами и в панике обратились в бегство при первой же встрече с грозным и беспощадным врагом.

Огузы двинулись на Нишапур и захватили его в декабре 1153 г[4]. Ибн аль-Асир и другие восточные историки не нахо-

---

[1] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 388.

[2] Имад ад-дин Исфахани, МИТТ, I, стр. 324; Джузджанк, МИТТ. I, стр. 440.

[3] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 390.

[4] У Ибн аль-Асира, 1154, но это очевидная ошибка, так как по его рассказу поход на Тус и Нишапур состоялся непосредственно после победы над султаном Сулейманом.

дили слов, чтобы выразить свое возмущение действиями огузов в Хорасане в 1153—1154 гг. Причина ясна: из слов средневековых писателей видно, что огузы, в отличие от сельджуков XI в., беспощадно расправлялись с верхушкой феодально-купеческой знати, причем активную поддержку им оказывала хорасанская беднота. Восстание огузов послужило толчком для начала народного восстания в Южном Хорасане, которое продолжалось и после возвращения огузов в Мерв и Балх. Среди убитых огузами и «айарами» (бедноtой) были виднейшие руководители шафиитов[1]—представителей религиозного толка, объединявшего, главным образом, городскую знать.

Против огузов начал складываться союз всех окрестных феодальных правителей, встревоженных характером и успехами движения. Муайиду ай-Аба удалось даже освободить пленного Санджара, но султан этот умер весной 1157 г[2].

Смерть Санджара ускорила развал государства Сельджукидов в Средней Азии. Правители Хорезма, Сеистана и Гура стали фактически независимыми суверенными государями. В Нишапуре усиливалось влияние Муайида ай-Аба. Джурджан и Дехистан захватил эмир Инак (или Айтак[3]). Многие мелкие феодалы захватили отдельные города и крепости.

Не составили исключения и вожди огузов и других туркмен — Динар, Бахтиар, Тути, Арслан и другие. Еще в 1153—1154 гг., когда восставшие огузы и хорасанские бедняки расправлялись с угнетателями, «эмиры огузов», используя удобный случай, захватывали от имени пленного Санджара целые области, объявляя их своими икта[4]. Таким образом, ханы и беки огузов, продолжая внешне оставаться родо-племенными вождями своих группировок, превращались в настоящих феодальных правителей, взимавших харадж с оседлой «райи» и располагавших солидной военной силой в виде ополчений огузских родов и племен, обязанных военной службой.

Успех восстания 1153—1154 гг. огузская знать использовала для организации грабительских походов и завоеваний.

В 1156 г. огузы, очевидно опасаясь коалиции феодальных государей, оставили Мерв и ушли в Балх[5], однако после смерти Санджара вновь захватили его столицу. Султан Махмуд и Муайид ай-Аба попытались дать им отпор, но были разбиты после пятидневного боя 1—5 ноября 1156 г. в пустыне

---

[1] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 390—391; Равенди, МИТТ, I, стр. 357.

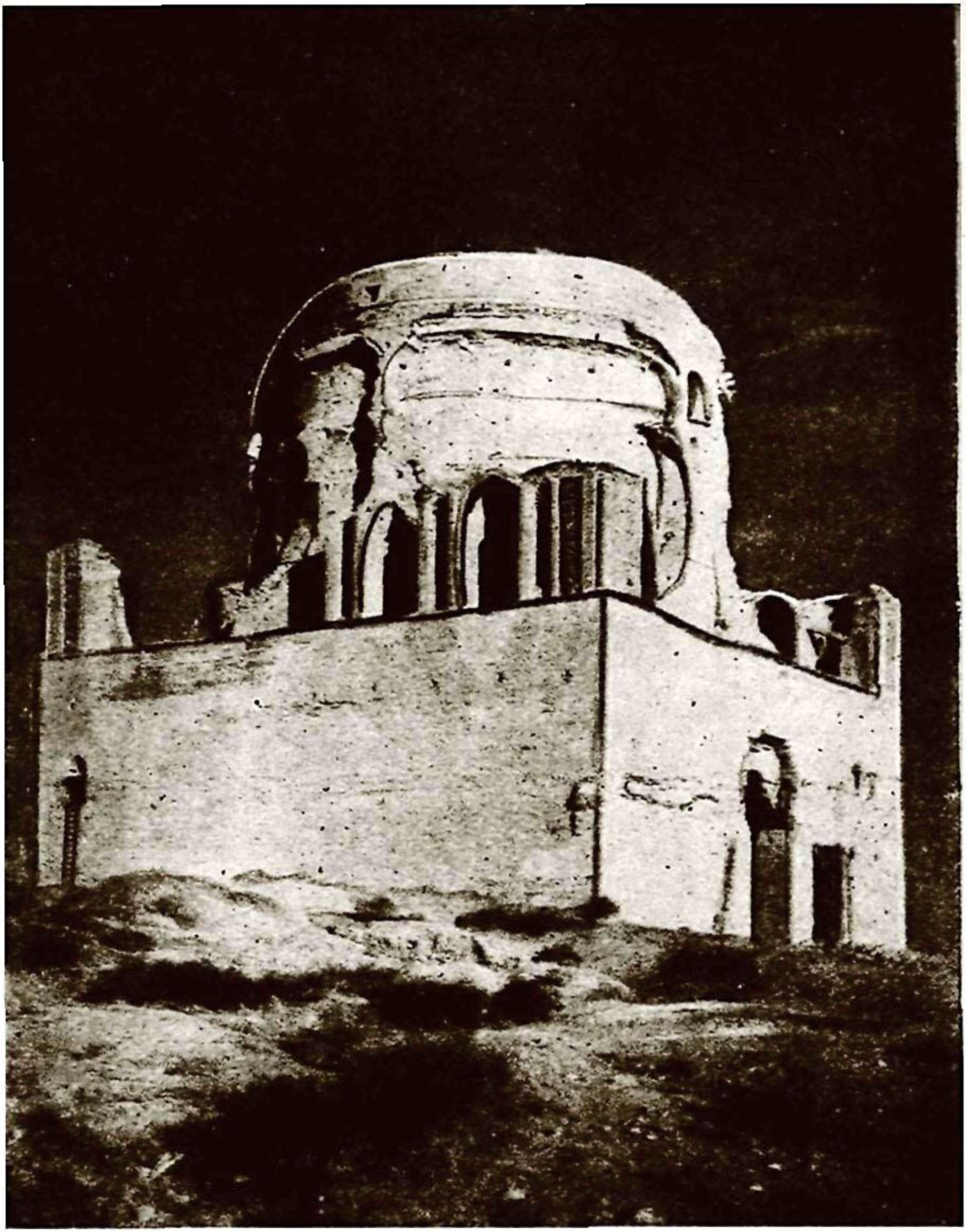
[2] Равенди, МИТТ, I, стр. 357; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 393; у Джувейни (МИТТ, I, стр. 444) несколько иная версия

[3] Первоначально он владел Нисой и Абивердом. МИТТ, I, стр. 397.

[4] Джуздджани, МИТТ, I, стр. 440.

[5] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 393.

[6] Там же, стр. 394.

Мавзолей султана Санджара в Старом Мерве (из материалов Исторического музея АН ТССР).

между Мервом и Серахсом[6]. Огузы вновь захватили мусульманские города, причем разрушили крепости Шамиран и Данданкан, в которых засели хорасанские отряды. Затем последовало новое вторжение в область Серахса и Нишапура. Правители Хорасана бежали в Гурган.

Характерно, что на этот раз средневековые историки не говорят уже о «разбоях» огузов, а, напротив, подчеркивают, что «гузы... стали хорошо управлять и почитать ученых и имамов, вроде Тадж-ад-дина Абу Сада ас-Самани, шейх-уль-ислама Али аль-Балхи и других»[1]. На этот раз имело место не народное восстание, а феодальное завоевание, и огузская знать постаралась заключить крепкий союз с феодальной верхушкой хорасанского населения, чтобы иметь возможность использовать ее для укрепления своей государственной организации, как это за 120 лет до них делали вожди сельджуков. В отличие от сельджуков, огузы XII в. управлялись не одним знатным родом, а целой группой собственно огузских, халаджских и карлукских вождей[2]. Их объединение было еще более рыхлым и неустойчивым, чем сельджукское.

Значительная часть огузов и халаджей, во главе которых стоял халаджский вождь Бахтиар, двинулась на юг, где захватила Газну[3], а затем втянулась в бесконечные феодальные войны в Северной Индии[4], где особенно выдвинулся халадж Мухаммед, сын Бахтиара, ставший фактически независимым правителем Бихара и Бенгалии. Другая группировка огузов во главе с эмиром Зенги осталась в области Балха[5]. Вождь третьей группировки, Динар, захватил Мерв и Серахс и стал называться мелик Динар[6]. Огузам подчинились феодальные правители Герата и Талькана.

---

[1] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 394.

[2] Там же, стр. 388, 389, 393; Равенди, МИТТ, I, стр. 357; Имад ад-дин Исфахани, МИТТ, I, стр. 323; Джуздджани, МИТТ, I, стр. 440. Упоминаются халадж Бахтиар, карлук Али-Бек, тюрк Арслан-Бука огузы Коркуд, Тутибек, Динар и вожди без указания племени — Ибрагим Хуттали, Джагыр (Чагры) и Махмуд. В дальнейшем серьезную роль играл Тадж ад-дин Зенги, владетель Балха.

[3] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 337 и 403. В его сообщениях есть противоречия.

[4] Это отразилось в «Родословной туркмен» Абулгази, стр. 22—23.

[5] Упоминаются три эмира с этим именем: Зенги ибн Халифа аш-Шейбани, убитый Кумачом в 40-х годах XI в., Зенги ибн Али Халифа аш-Шейбани, вождь огузов, захвативший ненадолго Газну в 1163—1164 гг. (МИТТ, I, стр. 403) и правитель Балха Тадж ад-дин Зенги, погибший в 1205 г. в войне с хорезмшахом (там же, стр. 449). Очевидно, это династия феодальных правителей Балха, примкнувшая к огузам и возглавившая часть их.

[6] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 405; Джувейни, МИТТ, I, стр. 445.

В то же время происходят крупные события в Западном Туркменистане. Инак, правитель Джурджана и Дехистана, союзник хорезмшаха Иль-Арслана, уговорил его напасть на языров, во главе которых стоял Ягмур-хан. Это нападение было, очевидно, результатом соперничества Ягмур-хана и Инака, которое в свою очередь явилось следствием усиления и активизации языров. Ягмур-хан был вынужден бежать к огузам, от которых получил помощь «как родственник». Вскоре войско огузов двинулось через Абиверд и Нису против Инака. Соединившись с язырами, огузы разбили Инака и его союзников и в начале 1161 г. заняли город Дехистан[1]. Затем огузы вернулись в Восточный Хорасан, а языры заняли города Ахала, в том числе Фарау и Шахристану[2]. Завоевание и заселение язырами предгорий Копет-Дага привело не только к сближению, а затем и к слиянию языров с местным населением, но, видимо, и к созданию Язырского государства, столицей которого стал город Языр (прежняя крепость Так); по имени его стала называться и вся область[3].

История Языра мало известна. Средневековые авторы сообщают только, что в Языре в конце XII или начале XIII в. одиннадцать лет правил владетель по имени Хинду-хан, получивший власть по наследству от своего отца; после его смерти страна была присоединена к Хорезму[4]. В Языре было несколько крепостей[5].

Несмотря на военные успехи огузов в 1153—1161 гг., их разрозненные феодальные государства оказались, подобно Язырскому государству, недолговечными. Мелик Динар, правивший Мервом и Серахсом около 20 лет, был в конце 70-х годов XII в. вытеснен феодальным авантюристом Султан-шахом и ушел сначала в Бистам, а затем в Керман[6], где его потомки продержались до монгольского завоевания в середине XIII в. В Балхе огузы держались до 1205 г., но были сильно ослаблены войнами с гурийскими султанами и окончательно разгромлены хорезмшахами, причем пленный Зенги был казнен[7].

В результате жестоких феодальных войн второй половины XII в. Южный Туркменистан был сильно разорен. Историк Самани, видный политический деятель середины XII в., описывая состояние области Мерва после смерти Санджара,

---

[1] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 396—399.
[2] Бекран, МИТТ, I, стр. 349.
[3] Б. А. Литвинский и В. Г. Мошкова. Изучение Така-Языра, Дуруна. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
[4] Несеви, МИТТ, I, стр. 471.
[5] Джувейни, МИТТ, I, стр. 449.
[6] Там же, стр. 446.
[7] Там же, стр. 449.

постоянно упоминает селения и города, ранее цветущие, а теперь лежащие в развалинах — Барванджирд, Шамиран, Гарк, Дукар и многие другие[1]. Это подтверждают Якут, Ибн аль-Асир и другие писатели. Опустошено было также Мехне (Меана)[2], пострадали окрестности Серахса[3]. Все это подтверждается и данными археологии, говорящими о разрушении и запустении ряда селений.

Таковы были последствия феодальной раздробленности на территории Туркменистана, особенно гибельной здесь потому, что во время бесконечных кровавых усобиц феодальные правители переставали заботиться о постройке и поддержания ирригационных сооружений; это расстраивало всю систему ирригации и приводило к сокращению посевных площадей. Наиболее сильно феодальные войны ударили по Мургабскому оазису с его сложной и развитой системой орошения, требующей централизованного управления и большого штата чиновников. Не случайно большинство разрушенных селений в окрестностях Мерва, местоположение которых указано ас-Самани достаточно ясно, лежали ниже Мерва на краю песков[4]. Несомненно, одновременно сократилось и население.

в) Туркменистан в составе государства хорезмшахов

Преодолеть феодальную раздробленность и создать единое феодальное государство удалось на время новым правителям Хорезма из династии Ануштегинидов, родоначальником которых был Ануш-Тегин, тюркский раб сельджукского эмира Бильге-Тегина, дослужившийся до высокой придворной должности при Мелик-шахе и носивший титул наместника Хорезма, хотя фактически не управляющий этой областью.

Основателем династии был его сын Кутб ад-дин Мухаммед, который, вскоре после убийства хорезмшаха Икинчжи в 1097 г., был назначен Баркияруком правителем Хорезма с древним титулом хорезмшаха.

Уже при Мухаммеде начались столкновения хорезмшахов с туркменами Мангышлака. Ибн аль-Асир рассказывает, что один из «тюркских государей» двинулся с войсками на Хо-

---

[1] МИТТ, I, стр. 327—336.

[2] Мухаммед ибн аль-Мунаввар Мейхени, МИТТ, I, стр. 348.

[3] Особенно во время войн Султан-шаха с меликом Динаром. Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 395—397; Равенди, МИТТ, I, стр. 357.

[4] Самани, МИТТ, I, стр. 327, 337, 338, 340. Во многих случаях указано только расстояние от разрушенного селения до Мерва, обычно значительное — 5—8 фарсахов (там же, стр. 334, 336, 340). Это заставляет предполагать, что эти села лежали на границе оазиса.

резм, что заставило Мухаммеда просить помощи у Санджара[1]. Опасность, видимо, была велика, так как Санджар двинулся с войском из Нишапура в Хорезм. Но еще до прихода Санджара тюрки ушли в Мангышлак, а вместе с ними бежал и их союзник, мятежный феодал Тогрул-Тегин, сын убитого хорезмшаха Икинчжи. Таким образом, на Мангышлаке в начале XII в. была значительная группировка туркмен; вероятно, их и упоминает географ Бекран под названием мангышлакских язырoв[2]. Известно также, что войска хорезмшаха под предводительством его сына Атсыза отправились в «страну врагов», где захватили город Мангышлак[3]. О наличии сильно укрепленного города Мангышлака упоминает и географ Якут[4]. Удержать Мангышлак хорезмшахи в начале XII в., однако, не сумели.

Мухаммед скончался в 1128 г. Подлинным основателем могущества династии хорезмшахов был его сын — коварный, жестокий и настойчивый Атсыз (1128—1156 гг). Все его правление прошло в непрерывных войнах и дипломатических переговорах и имело результатом значительное территориальное расширение Хорезма и завоевание независимости[5]. Для достижения этих целей он не останавливался ни перед какими средствами.

Восстание огузов в 1153 г. и пленение Санджара Атсыз первоначально хотел использовать для расширения своих владений и пытался захватить крепость Амуль (Чарджоу)[6]. Но вскоре успехи огузов и размах народного движения в Хорасане заставили Атсыза со всеми силами двинуться в Южный Туркменистан, где он занял Нису и начал сложные дипломатические переговоры с хорасанскими и иранскими феодалами о совместных действиях против мятежных огузов[7]. Он приветствовал бежавшего из плена Санджара и заявил о своей готовности служить ему[8].

Поход в Южный Туркменистан был последним делом Атсыза—30 июля 1156 г. он умер в Шахристане около Нисы, оставив Хорезм своему старшему сыну Иль-Арслану (1156—1172 гг.).

---

[1] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 384.
[2] Бекран, МИТТ, I, стр. 349.
[3] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 384.
[4] Якут, МИТТ, I, стр. 435. В настоящее время на полуострове Мангышлак имеется ряд развалин крепостей, но они не подвергались археологическому обследованию. Э. Э. Тейле. Список развалин, пещер, курганов и других памятников древности, находящихся в Закаспийской области. Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, вып. I, Ашхабад, 1915.
[5] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 346—352.
[6] Джувейни, МИТТ, I, стр. 443—444.
[7] Письма Атсыза, МИТТ, I, стр. 316—319.
[8] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 353—355.

«Иль-Арслан, — пишет акад. Бартольд, — бесспорно был самым сильным государем восточной части мусульманского мира... Свое правление он начал с того, что убил несколько человек из своих родственников и ослепил брата, но зато увеличил земельные наделы и жалованье войску. Укрепив этими мерами свою власть в Хорезме, он формально объявил себя независимым государем»[1].

Не ввязываясь в борьбу с огузскими вождями, Иль-Арслан добился подчинения Гургана и Дехистана. В 1165 г. Иль-Арслан отразил попытку Муайида ай-Аба захватить Нису, и там была установлена хутба с именем хорезмшаха. Оттуда хорезмшах двинулся к владениям своего союзника Инака. Тот поспешил перейти на сторону Муайида, но потерял город Дехистан, занятый хорезмским гарнизоном[2]. Дехистан стал важным оплотом Хорезма на юге Туркменистана; можно думать, что он был особенно сильно укреплен именно в это время. Видимо, и хан языров подчинился Иль-Арслану или, во всяком случае, стал его союзником.

В то же время Иль-Арслан вел упорные войны в Мавераннахре, но без особенного успеха. В этих войнах на стороне правителя Самарканда участвовали ополчения туркмен, кочевавших в степях между Каракулем и Джендом[3].

Значительных успехов Хорезм достиг при сыне Иль-Арслана хорезмшахе Текеше (1172—1200 гг.). Начало его правления ознаменовалось жестокими усобицами. Его брат и соперник Султан-шах, несмотря на помощь каракитаев, потерпел неудачу в борьбе за хорезмский престол, но зато захватил Мерв и принудил мелика Динара покинуть Южный Туркменистан. Феодальное владение Султан-шаха в Мерве и Серахсе просуществовало до его смерти в 1193 г. и было источником постоянных смут, тревог и конфликтов.

Тем временем Текеш в 1174 г. разбил владетеля Южного Хорасана Муайида ай-Аба и захватил его земли, причем этот старый феодальный хищник был взят в плен и казнен. Его сын Туган-шах признал себя вассалом Текеша, за что получил Нису. Царя Гура Текеш в письмах именовал сыном[4].

Но Текеш не довольствовался положением сеньёра. Он начал систематически уничтожать правителей из местных феодальных династий, заменяя их своими сыновьями и наместниками. В 1187 г. он захватил Нишапур, при этом правитель его

---

[1] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 355—357.
[2] Там же, стр. 359—360; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 396—404.
[3] Джувейни, МИТТ, I, стр. 444.
[4] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 361—371; Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 404—409 (приводятся все версии); Джувейни, МИТТ, I, стр. 445—446.

был отправлен в Хорезм и впоследствии ослеплен[1]. В 1193 г., после смерти Султан-шаха, Текеш захватил Мерв. И Ниша-пур и Мерв были отданы сыновьям Текеша[2]. При сыне Текеша — Ала ад-дине Мухаммеде II (1200—1220 гг.) был окончательно присоединен Языр, а бывший его правитель Омар-хан отправлен в Хорезм, в 1207 г. был присоединен Гур, порученный сыну Мухаммеда Джелаль ад-дину, в 1210 г. захвачен Мавераннахр и в 1212 г. казнен его последний самостоятельный правитель Осман. Несколько позднее были окончательно подчинены Сыгнак и Дженд[3]. С династией Хамзаидов, ставших с 1159 г. наследственными владетелями Нисы, хорезмшах Мухаммед расправился в 1202 г. Тогда же были разрушены стены этого города, а члены династии стали проживать на положении почетных пленников при хорезмском дворе[4].

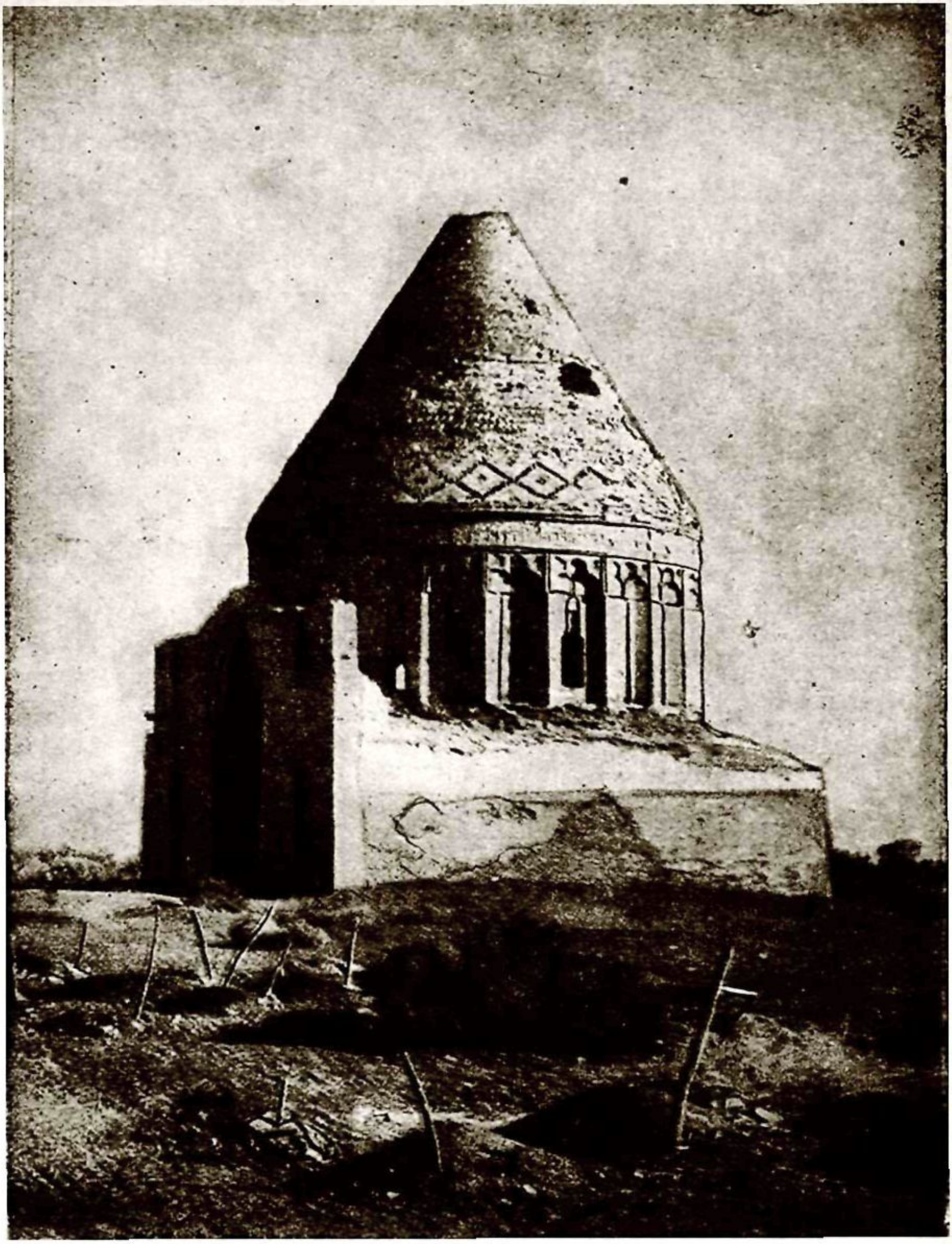
Победа над крупными феодалами означала серьезное укрепление феодальной монархии. Мухаммеда II подобострастно называли «вторым Искандером» (т. е. Александром Македонским) и величали «вторым Санджаром». В его великолепном дворце в Гургандже (ныне развалины около Куня-Ургенча) 27 заложников — сыновья покоренных государей — играли ежедневно зорю на золотых барабанах. Не доверяя непокоренному феодальному ополчению, Мухаммед II сохранил и усилил заведенное еще Атсызом сильное войско из ополчений кочевых племен — туркмен и канглы.

Укрепив свое государство, Текеш и Мухаммед II начали широкие завоевания и за пределами Средней Азии. Уже в 1194 г. были разгромлены войска сельджукского султана Тогрула́ в Ираке и заняты Рей и Хамадан, в 1196 г. были разбиты войска багдадского халифа. При Мухаммеде II совершались походы в Кашгар и в кипчакские степи. Весь Иран подчинился хорезмшахам. В 1216 г. Мухаммед II объявил низложенным багдадского халифа Насира, назначил халифом сеида Али аль-мулька из Термеза и начал решительную борьбу за овладение Багдадом[5]. Феодальные мятежи быстро и беспощадно подавлялись[6].

Укрепление феодальной монархии и временное прекращение усобиц благотворно повлияли на экономику Хорезма за счет покоренных стран. Географ Якут, живший на территории современного Туркменистана перед самым нашествием монголов, оставил яркое, но, как показали исследования ЮТАКЭ,

---

[1] Ибн аль-Асир, МИТТ, I, стр. 405.
[2] Джувейни, МИТТ, I, стр. 448.
[3] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 376—400.
[4] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 64—66, 74—76, 111—112; генеалогическая таблица династии Хамзаидов, стр. 115.
[5] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 372—374, 395—404.
[6] Джувейни, МИТТ, I, стр. 449.

Мавзолей хорезмшаха Текеша (из материалов Исторического музея АН ТССР).

чрезмерно преувеличенное описание богатства и благосостояния городов и сельских местностей, подчиненных Хорезму.

Самой богатой частью страны был, конечно, Хорезм. Якут пишет, что он «никогда не видел области более процветающей... В их степях множество отдельных домов и замков. Редко где падает твой взгляд на невозделанное место среди их волостей. Все это при обилии деревьев, преобладающее количество которых—тутовые и ивовые. Они нуждаются в них для построек и корма шелковичных червей. Нет разницы—итти ли по всем их волостям или итти по рынкам».

И о других областях Туркменистана Якут говорит примерно то же. Таков Пендждех (около нынешнего Тахта-Базара), «один из самых благоденствующих городов Хорасана»[1], Бихразан, «полный широкого довольства» городок с многолюдным рынком в области Нисы[2], Генугирд, большое селение с обширным базаром, хорошими домами, красивой мечетью, виноградниками и садами в 5 фарсахах от Мерва[3], Шаваш-хан[4], цветущее селение в 4 фарсахах от Мерва, где выделывался отличный шелк, Серахс[5], в котором было развито текстильное производство, и многие другие.

С особенным восторгом Якут описывает Мерв[6] — «знаменитейший из городов Хорасана». «Если бы не то, что произошло из-за нашествия татар на эти страны, и их разрушение, — говорит он, — я не покинул бы его (Мерва) до смерти». В Мерве было десять библиотек, подобных которым Якут, по его словам, не видел нигде в мире. В одной из них *было около 12 тысяч томов. В городе имелось также несколько* медресе. Однако археологические исследования последних лет наглядно показали, что Мерв до самого монгольского завоевания так и не оправился полностью после разгрома его огузами и площадь его была меньше, чем в первой половине XII в.

В конце XII—XIII вв. в самом Хорезме проводятся большие каналы, позволяющие орошать значительные массивы плодородных земель. В XII в. были освоены земли в окрестностях нынешних развалин Шахсенем и в бассейне канала Гавхоре. Быстро развивается ремесло — производство стекла, керамики и т. п., богато представленное археологическими находками[7].

---

[1] МИТТ, I, стр. 413.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 416.
[4] Там же, стр. 425.
[5] Там же, стр. 423.
[6] Там же, стр. 433—434.
[7] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 277—282; его же, Археологические работы Хорезмийской экспедиции АН СССР в 1952 г. «Вестник древней истории», 1953, № 2, стр. 162—163.

Археологические раскопки, проводившиеся ЮТАКЭ в Нисе, также показывают, что, несмотря на разрушения стен, в конце XII и начале XIII в. продолжалось развитие города. Шахристан густо застраивается жилыми домами богатых горожан, о зажиточности и относительно высоком культурном уровне которых свидетельствуют остатки бытового инвентаря. Вокруг Шахристана были разбросаны богатые усадьбы развалины которых содержат, как и в Хорезме, изящную, богато орнаментированную керамику, тонкие стеклянные сосуды, красивые светильники, покрытые яркой голубой или зеленой глазурью[1]. Подобные усадьбы в большом количестве были разбросаны также в окрестностях Мерва.

Особенно большие успехи сделали ремесло и торговля. Многочисленные фрагменты изящной керамики, стеклянных изделий, различных металлических украшений, орудий и предметов быта (например, набор железных предметов от деревянной двери, найденной в Нисе)[2]—все говорит о продолжающемся росте мастерства ремесленников и распространении их продукции в быту городского и сельского населения. Развитие кустарных промыслов в сельских местностях (шелководство, ткачество и т. д.), а также наличие базаров во многих селениях[3] показывают, что в товаро-денежные отношения все шире втягивалось сельское население. Об этом наглядно свидетельствует помимо выпуска в больших количествах золотых динаров, множество медной монеты, выпускавшейся одновременно в ряде городов, особенно при хорезмшахе Мухаммеде. Именно это развитие ремесла и внутренней торговли создавало предпосылки для дальнейшего укрепления феодальной империи хорезмшахов.

Помимо внутренней, развивалась и внешняя торговля. Как и прежде, важное значение в XII—XIII вв. имела торговля Хорезма с Восточной Европой, в том числе с русскими княжествами. Эта торговля велась через прикаспийские города Мангышлак и Саксин, по Каспийскому морю и реке Волге. Значение ее для экономики Хорезма подчеркивается завоеванием хорезмшахами Мангышлака, где при Атсызе создается сильная пограничная крепость, и туманным известием о якобы многолетней упорной борьбе хорезмшахов с гузами за овладение Саксином—городом на северном берегу Каспийского моря. По сообщению Якута, хорезмские купцы совершали дальние торговые экспедиции вверх по Волге и привозили от-

---

[1] М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 66—69.

[2] Там же, стр. 73; М. И. Вязьмитина. Археологическое изучение городища Новая Ниса. Труды ЮТАКЭ, т. I, стр. 160—164.

[3] Якут, МИТТ, I, стр. 409—438.

туда меха бобров, соболей и белок[1]. С другой стороны, русские купцы совершали частые поездки в столицу Хорезма — город Ургенч, где в начале XIII в. имелась постоянная русская колония[2]. По сообщению историка Ибн аль-Асира[3], русские, жившие в Ургенче, вместе с хорезмским населением сражались против монгольских завоевателей.

Наряду с этим надо отметить известный прогресс сельского хозяйства. *Даже после событий второй половины XII в. в* сельских местностях, по словам Якута, имелось много богатых садов и виноградников, большое количество деревьев. В окрестностях Серахса и в пустынях вокруг Хорезма преобладало скотоводство[4].

При всем своем внешнем могуществе и относительном (для средневековья) экономическом благосостоянии, империя хорезмшахов не отличалась большой внутренней прочностью.

В конце XII и начале XIII в. происходило дальнейшее развитие феодальных отношений и усиление феодальной эксплуатации; в результате жизненный уровень основной массы населения — крестьян и ремесленников — был крайне низким. Якут говорит о жителях Хорезма, что они «приучены к трудной жизни и к довольству немногим»[5]. Тем более это относится к жителям Хорасана, разоренного войнами второй половины XII в. По-прежнему сохранилась система икта[6], мюльки, наследственные феодальные владения, как например, крепость Харандиз[7], принадлежавшая с незапамятных времен предкам историка Несеви. Держатели икта и владетели мюльков получали харадж — феодальную ренту — с крестьян, живших на землях поместий. В конце XII в., как можно судить по фирману, выданному хорезмшахом Текешем мелику Туган-шаху, владевшему землями в окрестностях Нисы[8], иктадары имели право не только взимать харадж и другие налоги с крестьян, сидящих на данной земле, но и получили судебно-административную власть над ними. Таким образом, икта все больше и больше приближается к западноевропейскому феоду. Наряду с усилением гнета феодалов, сохранились высокие государственные налоги, тяжесть которых, а также произвол хорезмских наместников-везиров, приводила порой к восстаниям городского населения (например, в Са-

---

[1] Якут, МИТТ, I, стр. 409.
[2] Плано Карпини. История монголов, СПб., 1911, стр. 24.
[3] В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 35—36.
[4] Якут, МИТТ, I, стр. 420—423.
[5] Там же, стр. 419.
[6] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 406.
[7] Несеви, МИТТ, I, стр. 474.
[8] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. I, стр. 74.

марканде). Недаром хорезмшах Мухаммед разрушил укрепления некоторых городов.

Укрепление феодальной монархии не смягчило классовых противоречий, а только на время подавило сопротивление угнетенных масс.

Вместе с тем, и противоречия между государем и крупными феодалами не были и не могли быть ликвидированы полностью. Централизм, насаждаемый хорезмшахами, встречал сопротивление их же родственников и чиновников, занявших места прежних крупных владетелей — султана Гура, хана Мавераннахра, эмира Хорасана, хана Языра и других. Не случайно недоверие, которое хорезмшах Мухаммед чувствовал к сыновьям, в том числе к Джелаль ад-дину. Не случайны и его столкновения с матерью — властной и хитрой Туркан-хатун, сыгравшей роковую роль в его правлении.

В своей борьбе за власть над Хорезмом Туркан-хатун опиралась, как показал академик Бартольд[1], на высшее духовенство и реакционные военно-феодальные круги. Недостаточно надежной опорой центральной власти оказалось и кипчакское войско, так как кипчакские ханы — степная феодальная аристократия — быстро сумели понять невыгодные для них политические последствия чрезмерного укрепления власти Мухаммеда II и решительно поддержали Туркан-хатун. Среди военно-кочевой знати также не было единства. Против Туркан-хатун и кипчакских ханов выступила туркменская феодально-племенная знать, возлагавшая свои надежды на Джелаль ад-дина, одного из сыновей хорезмшаха. Мать Джелаль ад-дина была туркменкой; сам он был известен, как смелый воин.

Тайная борьба между различными группировками феодального класса привела в 1216 г. к казни связанного с Туркан-хатун шейха Тадж ад-дина Багдади, к высылке из Хорезма ряда других представителей высшего духовенства и к смещению в 1218 г. ставленника старой царицы везира Низам аль-мулька Мухаммеда ибн Салиха, замененного коллегией из 6 векилей. Глухое недовольство народа усилением феодальной эксплуатации и деспотическим правлением хорезмшахов дополняло картину.

Нельзя поэтому не согласиться с выводом академика Бартольда: «Мухаммед не мог опираться ни на один элемент правительственной системы и ни на один класс населения». Наряду с децентрализаторскими тенденциями и сепаратистскими стремлениями уцелевших феодальных правителей отдельных областей, этим объясняется неожиданно быстрый развал огромной империи хорезмшахов под ударами орд Чингис-хана.

---

[1] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 403—407.

2. Народы Туркменистана в период монгольского владычества

а) Монгольское нашествие

Монголы в XII в. по уровню своего социально-экономического развития принадлежали к самым отсталым кочевым племенам Азии того времени[1]. Основным занятием монголов являлись кочевое скотоводство и охота. В их общественном строе развивающиеся феодальные отношения еще не стали господствующими: они сочетались с многочисленными чертами патриархально-родового строя и с патриархальным рабством. Верхушку общества составляла влиятельная и богатая аристократия—нойоны, батуры. Они владели большими стадами скота, многочисленными рабами, имели дружины и предпринимали частые грабительские набеги на соседей. Основную массу общества составляли рядовые кочевники, часть которых уже попала в зависимость от нойонов. В особенно тяжелом положении находились рабы. Главным источником рабства был захват военнопленных.

Монголы делились на многочисленные роды и племена, населявшие степи и горы нынешней Монгольской Народной Республики и Бурят-Монголии. Во главе племен стояли ханы, прославившиеся своими набегами. Политическая история монголов в XII в. сводится к ожесточенным междоусобным войнам.

К началу XIII в. среди монгольских ханов выдвинулся Тэмучин, предводитель племен нирун, кият и некоторых других. В нескольких жестоких войнах он одержал победу над ханами других племен и в 1206 г. добился того, что собравшаяся на курултай монгольская знать провозгласила его верховным военным вождем (каганом) монгольских племен под именем Чингис-хана. Объединение монгольских племен было выгодно знати. Во-первых, создание сильной власти помогало ей быстрее и надежнее подчинить себе массу родовых кочевников; во-вторых, объединение монгольских племен делало возможным организацию грабительских набегов и походов в невиданных прежде масштабах. Жестокость, энергия и военные дарования Чингис-хана делали его в глазах знати самым подходящим кандидатом.

Чингис-хан не обманул ожиданий разбойничьей монгольской аристократии. Ставши каганом, он направил всю свою энергию на порабощение монгольского народа, на разграб-

---

[1] О монголах XII в. см. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, Л., 1934; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. АН СССР, 1950.

ление и порабощение соседних стран. Придя к власти, Чингис-хан создал примитивный государственный аппарат[1]. У монголов не было своей письменности, поэтому они приняли уйгурское письмо[2].

Чингис-хан (с китайского рисунка).

Все население Монголии при Чингис-хане было разделено на тумены, родо-племенные группировки, выставлявшие по 10 тыс. воинов; так назывался и сам военный отряд, выставленный этой группировкой. Тумены делились на тысячи, сотни и десятки. Тумены и тысячи были поручены родствен-

---

[1] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 410—411.
[2] Там же, стр. 416.

никам Чингис-хана и представителям монгольской знати. Рядовые монголы под страхом смерти не имели права самовольно переходить из одного подразделения в другое[1], что по сути дела означало закрепощение свободных кочевников, хотя осуществлялось оно путем военно-организационных мероприятий, в форме укрепления воинской дисциплины и порядка.

Особое внимание Чингис-хан обратил на военную организацию. Весь монгольский народ рассматривался как громадная армия, каждый взрослый мужчина был воином; по приказу кагана каждая группировка монгольских племен выставляла определенное число всадников, являвшихся со своими конями, оружием и снаряжением. В дальние походы воины шли с семьями, за войском следовали огромные обозы и стада скота.

Войско было конным, пехотинца монголы за настоящего воина не считали. Все были вооружены луками, богатые имели панцыри, шлемы и мечи. Как и у других степных племен Азии, монгольское войско было многочисленным, подвижным, стойко переносило тяготы и лишения походной жизни. В этом войске были хорошо организованы разведка и охранение, в бою оно искусно маневрировало, стремясь обойти и окружить врагов. Разбитого противника монголы обычно преследовали до полного уничтожения. Во вражеской стране воинам позволялось безнаказанно грабить и убивать мирное население, причем большая часть добычи шла вождям, т. е. монгольской знати.

В монгольском войске была установлена очень строгая дисциплина. За нарушение «ясы» — установлений Чингис-хана — грозила смерть или жестокие телесные наказания. Используя эту дисциплину, сохранявшуюся и в мирное время, монгольские нойоны все сильнее порабощали и эксплуатировали кочевников своих туменов, тысяч, сотен. Кроме того, рядовые кочевники платили большие налоги. Зато знатные люди — тарханы—не платили налогов, забирали в свою пользу всю захваченную ими на войне добычу, получали прощение за девять преступлений[2], которые, по законам Чингис-хана, карались смертью (т. е. несли ответственность лишь после того, как совершали десятое преступление).

Надежным оплотом кровавой власти Чингис-хана был постоянно находившийся при нем отряд войска (кэшик), состоявший из 10 000 отборных и отлично вооруженных всадников, набранных преимущественно среди аристократической моло-

---

[1] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 415.
[2] Там же, стр. 414.

дежи[1]. Каждый из этих воинов был знатным человеком и считался выше начальника тысячи простых воинов. Такая «гвардия» редко участвовала в боях, но всегда окружала ставку кагана и могла легко подавить любое восстание отдельного племени или даже группы племен. Один из монгольских вождей так характеризовал этих свирепых, «вскормленных человеческим мясом» сподвижников Чингис-хана: «у этих псов медные лбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плетки у них кривые сабли. Они пьют росу, ездят по ветру; в боях пожирают человеческое мясо. Теперь они спущены с цепи; у них текут слюни; они радуются»[2].

С 1211 г. начинаются походы Чингис-хана на Северный Китай[3]. С самого начала эти походы привели к крупным успехам завоевателей: множество городов было захвачено, население их частью вырезано, частью уведено в рабство, монголы захватили множество драгоценностей и ремесленных изделий — тканей, оружия и т. п. От грабительских набегов первых лет Чингис-хан перешел к окончательному завоеванию Северного Китая. В 1215 г. была захвачена его столица — Пекин. Страна была невероятно разорена, покрыта развалинами городов и сел и грудами человеческих костей. Захваченные в Китае запасы оружия и уведенные в плен ремесленники-оружейники позволили Чингис-хану снабдить свои войска хорошим оружием, в том числе и осадными машинами. Это придало конным массам степняков невиданную прежде силу.

Закрепив свои успехи в Китае, Чингис-хан предпринял поход в Среднюю Азию, о богатствах которой он хорошо знал от купцов, приходивших в Монголию с караванами. Некоторые из этих купцов, видя силу Чингис-хана, перешли к нему на службу[4].

Сношения Чингис-хана с Хорезмским государством начались еще в 1215 г.[5] В 1218 г. произошел конфликт, вызванный разграблением в Отраре монгольского каравана и убийством монгольских послов. Использовав этот предлог, Чингис-хан в 1219 г. с огромным войском численностью в 150—200 тыс. всадников[6], двинулся в поход на державу хорезмшахов.

---

[1] Сокровенное сказание. Пер. С. А. Козина, АН ТССР, 1941, стр. 169—170.
[2] Там же, стр. 147.
[3] И. Бичурин. История первых четырех ханов из дома Чингисова, СПб., 1829, стр. 45—46 и след.
[4] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, АН СССР, 1952. стр. 187—188.
[5] В. В. Бартольд. Туркестан. ч. II, стр. 423.
[6] Там же, стр. 435.

На военном совете, собранном хорезмшахом Мухаммедом II, один из сановников предложил созвать народное ополчение и встретить монголов на Сыр-Дарье, чтобы не пускать их вглубь страны[1]. Однако было принято другое решение: укрепить города Мавераннахра, занять их сильными гарнизонами, а главные силы хорезмской армии расположить на Аму-Дарье, куда стали собирать ополченцев из соседних областей. Каждый ополченец должен был иметь оружие, провиант и верблюда для их перевозки[2].

Пассивная стратегия хорезмшаха облегчила успехи Чингис-хана. Один город за другим переходили в руки монголов. Уже в феврале 1220 г. пала Бухара. Город был разграблен и сожжен. Множество жителей было перебито. Еще ужаснее была участь Самарканда, где завоевателям был дан более сильный вооруженный отпор. Большая часть гарнизона была перебита, около 30 000 человек уведены на осадные работы; примерно такое же количество ремесленников было распределено между сыновьями и родственниками Чингис-хана. Такая же участь постигла некоторые города на берегах Сыр-Дарьи. Народ повсюду отчаянно сопротивлялся, но феодалы и духовенство часто переходили на сторону монголов. В короткое время Мавераннахр, залитый кровью и разоренный, перешел в руки Чингис-хана и его разбойничьих орд. Чувство ужаса распространялось по всему Среднему Востоку. Разрозненное сопротивление завоевателям не имело серьезного успеха.

Хорезмшах, устрашенный быстрыми успехами монголов, растерялся и, не дожидаясь сбора ополчения, двинулся дальше на запад — в Нишапур, Бистам, Мазандеран. Чингис-хан выслал вслед за ним тридцать тысяч всадников под начальством своих полководцев Субутая, Джебе и Тогучара. Летом 1220 г. они ринулись в погоню за хорезмшахом. Покинутый своим разбежавшимся войском, он укрыл в крепостях казну (впоследствии она была захвачена монголами), а сам в сопровождении сыновей и немногочисленной свиты пытался скрыться от врагов на островах Каспийского моря, где и умер от воспаления легких в декабре 1220 г.

Бегство хорезмшаха вызвало волнения и растерянность в Хорасане, тем более, что он сам разослал указы, в которых советовал населению не оказывать сопротивления монголам и выражал надежду, что монголы лишь ограбят страну и уйдут[3]. Джувейни пишет о положении в Мерве летом 1220 г.

---

[1] В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 6.
[2] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 436.
[3] Несеви, МИТТ, I, стр. 472.

«...пришел указ султана, украшенный подписью и печатью и обрамленный трусостью и бессилием, такого содержания, что военачальники, солдаты, ремесленники должны укрыться в крепости Марга, а дехканы, которые не имеют возможности сняться с места, пусть останутся на месте и, как только появится татарское войско, пусть выйдут для приветственной встречи, (чтобы) сохранить жизнь и имущество, примут коменданта (шихне) и повинуются приказам монголов»[1]. Большая часть сановников и военачальников бежала, оставшиеся склонны были подчиниться монголам и направили послов к Джебе и Субутаю.

Но народные массы не желали подчиняться завоевателям. Туркменские племена, жившие в окрестностях Дженда, воины которых были насильственно зачислены в монгольское войско[2], подняли восстание. Монголы свирепо расправились с восставшими, и туркмены, бросая свои кочевья, бежали через Аму-Дарью, в Амуль (Чарджоу) и Мерв[3]. В самом Мерве и горожане, и крестьяне, и местные кочевники-туркмены решили оказать сопротивление монголам. Это движение возглавил туркменский предводитель Бука, к которому присоединились и туркмены, бежавшие из Дженда. Опираясь на народ Мерва и туркменские отряды, Бука сверг изменников-феодалов и захватил власть в Мерве[4].

В то же время тумен (десятитысячный отряд) Тогучар-нойона обрушился на города Северного Хорезма, где население также оказало сопротивление завоевателям. Жители Нисы наспех восстановили стены своей крепости, разрушенные по приказу Мухаммеда II, и встретили врагов стрельбой из луков, причем погиб один из монгольских военачальников. Завоеватели согнали окрестных крестьян для осадных работ и осадили крепость, пустив в ход 20 метательных машин (манджаник) и другие осадные сооружения.

После пятнадцатидневной осады монголы ворвались в город, вывели его население и перебили всех, включая женщин и детей. Затем началось планомерное разорение и опустошение городов и сел Хорасана. На сторону завоевателей перешли некоторые хорасанские феодалы[5].

Воины Чингис-хана грабили города и селения, угоняли

---

[1] МИТТ, I, стр. 488.

[2] Монголы всегда привлекали к военной службе покоренные кочевые племена: часто в монгольском войске собственно монголы составляли незначительное меньшинство.

[3] Джувейни, МИТТ, I, стр. 472—473.

[4] Там же, стр. 489.

[5] См. Несеви, МИТТ, I, стр. 472—474.

скот, уводили людей в рабство. Население бежало в горные замки, где из-за скученности начались эпидемии.

Среди моря крови, страданий и разрушений нетронутым оставался Хорезм — центр гибнувшей империи,—но и он оказался лишенным поддержки, по образному выражению Джувейни — «как палатка с обрезанными у нее веревками»[1]. Еще весной 1220 г. из него бежала Туркан-хатун, мать хорезмшаха, приказавшая предварительно умертвить всех владетельных князей, живших заложниками при дворце Мухаммеда II. Летом 1220 г. в Хорезм прибыл спасшийся от монголов отважный военачальник Тимур-мелик. Он попытался сам перейти в наступление на отряды Чингис-хана в долине Сыр-Дарьи, но смог лишь отнять у них Янгикент[2]. Зимой 1220—1221 гг. в Гургандж прибыли сыновья умершего Мухаммеда II, и наиболее талантливый из них, Джелаль ад-дин, был провозглашен хорезмшахом. Но против него выступили кипчакские феодалы, и вскоре он вынужден был бежать из Хорезма на юг. У Нисы Джелаль ад-дин разбил вражеский отряд и прорвался в Сеистан, где стал поспешно собирать войска. Вскоре из Хорезма бежали и его братья, но по пути были схвачены и убиты монголами[3].

Тем временем на Хорезм двинулись значительные силы монголов во главе с тремя сыновьями Чингис-хана — Джучи, Чагатаем и Угедеем. Правитель Хорезма эмир Хумар-Тегин сдался монголам[4]. Однако жители Гургандж решили сопротивляться.

В начале 1221 г. началась оборона Гургандж[5]. Население геройски защищалось, не страшась ни катапульт, бросавших сосуды с горящей нефтью, ни стенобитных машин, ни зверской расправы монголов. Несколько месяцев вокруг города и на его улицах шли бои. Монголы несли огромные потери. В одном из боев было окружено и перебито 3000 монгольских воинов. Наконец, к лету 1221 г. город пал. Монголы угнали в рабство ремесленников, детей и молодых женщин, а остальных перебили. «Потом они (татары), — пишет Ибн аль-Асир, — открыли плотину, которою удерживалась вода Джейхуна от города, вода вошла и затопила весь город, все постройки были разрушены и их место заняла вода... тот, кто спрятался от татар, того или затопила вода, или убили развалины...».

---

[1] МИТТ, I, стр. 486.
[2] В. В. Бартольд. Туркестан., ч. II, стр. 466.
[3] Несеви, МИТТ, I, стр. 476—477.
[4] Этот изменник надеялся на награду, но вместо этого был убит монголами. В. В. Бартольд. Туркестан., ч. II, стр. 471.
[5] Там же.

Еще осенью 1220 г. Чингис-хан со своими главными силами перешел в Гузган и Гарчистан, откуда стал рассылать отдельные отряды для захвата и разграбления различных областей. К этому времени еще не весь Хорасан подчинялся монголам. В разоренной Нисе и в Языре держались местные феодалы. В Газне Джелаль ад-дин собрал войско из туркмен, халаджей, афганцев, канглы и огузов и готовился перейти в наступление[1]. В Мерве появился бывший хорезмский везир Муджир аль-мульк, которому подчинился Бука. Муджир аль-мульк отбил нападения монгольских войск, казнил за измену мервского главу духовенства (шейх-уль-ислам), расправился и с другим изменником — правителем Серахса. Однако в Мерве начались разногласия между туркменскими ополченцами и городскими властями[2].

Между тем Чингис-хан, обеспокоенный антимонгольским движением в своем тылу, послал на Хорасан новое войско во главе со своим сыном Тулуем. Тулуй прежде всего захватил Серахс и Абиверд, а затем, согнав для осадных работ население этих областей, двинулся в поход на Мерв[3]. В конце февраля монгольские войска обрушились на Мервский оазис. Вначале внезапным ударом были разбиты туркменские ополчения, а затем настала очередь самого города. 25 февраля 1221 г. началась осада Мерва, продолжавшаяся, как видно из описания Джувейни, всего 8 дней. Население Мерва готовилось сопротивляться, но Муджир аль-мульк проявил трусость и 4 марта сдал город. «Монгольское войско вошло в город. Все население без различия имущественного положения было выведено за город... За исключением 400 ремесленников и некоторой части детей обоего пола, которые были уведены в плен, все мервское население вместе с женщинами и детьми было перебито», — пишет Джувейни[4]. По его словам, уцелело якобы всего около 5000 жителей. В Мерве был оставлен эмир Зия ад-дин и монгольский военачальник. Муджир аль-мульк и его сподвижники, которые сдали город, надеясь на пощаду, были, по словам Ибн аль-Асира, убиты монголами[5].

Затем Тулуй двинулся на остальные города Хорасана и в течение весны захватил их, в том числе Нису и Языр, что, конечно, опять было сопряжено с погромами, массовыми убий-

---

[1] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. вторая, М.—Л., 1952, стр. 220—221.

[2] Джувейни, МИТТ, I, стр. 490 (о причинах этих разногласий данных нет).

[3] Там же, стр. 491.

[4] МИТТ, I, стр. 491—492.

[5] В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 30.

ствами и грабежом[1]. Но и на этот раз присоединение прикопетдагских областей было непрочным. Несеви пишет, что в то самое время, когда пал Хорезм, в районе Нисы (Несы) против монголов выступил эмир Бедр ад-дин Инанж-хан, разбивший высланный против него монгольский отряд.

Летом 1221 г. положение монголов значительно ухудшилось, так как Джелаль ад-дину удалось собрать 60—70 тыс. войска и разбить 30-тысячный монгольский отряд[2]. Это известие всколыхнуло весь Хорасан. Инанж-хан захватил Абиверд[3]. В Герате, Серахсе и других местностях поднялись восстания против завоевателей[4]. Повстанцы разрушили временный пловучий мост через Аму-Дарью, построенный по приказу Чингис-хана[5], что создавало для монголов серьезную опасность в случае дальнейших неудач. Мервский правитель, монгольский ставленник Зия ад-дин выступил против Серахса, но в самом Мерве восстал народ, возмущенный отправкой мервских ремесленников в Бухару. Зия ад-дин, вернувшийся из Серахса, пытался сговориться с жителями Мерва но, вскоре был вынужден бежать из города, позднее был схвачен и казнен[6].

В Мерве укрепился Куш-Тегин, один из сподвижников султана Джелаль ад-дина. Началось восстановление городских стен и разрушенной мургабской плотины. В Мерв стали стекаться люди из различных областей. Несеви сообщает даже, что Куш-Тегин совершил поход на Бухару[7].

Но эти успехи были непрочными. Осенью 1221 г. Чингис-хан с главными силами монгольской армии двинулся против Джелаль ад-дина и 24 ноября уничтожил его войска в сражении на Инде. Погибла вся семья хорезмшаха, сам он с трудом спасся и вынужден был бежать вглубь Индии[8].

После этого монголы вновь двинулись на восставший Хорасан. Летом 1222 г. их отряды из Серахса и Нахшеба (Карши) начали наступление на Мерв. Куш-Тегин бежал, город был захвачен и жители его перерезаны, причем погибло якобы 100 тыс. человек.

В течение сорока одного дня специальный отряд занимался поисками и истреблением жителей непокорного города[9]. Затем монголы прошли по Западному Хорасану и в Джурд-

---

[1] Рашид ад-дин, стр. 219.
[2] Несеви, МИТТ, I, стр. 477—479.
[3] Там же, стр. 479.
[4] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 483; Джувейни, МИТТ, I, стр. 492.
[5] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 487.
[6] Джувейни, МИТТ, I, стр. 492.
[7] МИТТ, I, стр. 479.
[8] Рашид ад-дин, стр. 223—224.
[9] Джувейни, МИТТ, I, стр. 492—493.

жане разбили Инанджхана, своего последнего опасного противника в Хорасане[1].

Тогда же Чингис-хан повел свои полчища из разоренной Средней Азии обратно в Монголию. 6 октября он закончил переправу через Аму-Дарью и медленно двинулся на северо-восток, увозя награбленные сокровища и уводя массу рабов. Наместником Средней Азии он сделал хорезмийского купца Махмуда Ялавача, служившего монголам уже много лет[2].

Нашествие Чингис-хана было страшным бедствием для Средней Азии, как и для всех захваченных монголами стран. К. Маркс отмечает в своих «Хронологических выписках»: «...орды совершают варварства в *Хорасане*, *Бухаре*, *Самарканде*, *Балхе* и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к чорту»[3]. Особенно жестокий удар был нанесен земледельческим областям нынешней Средней Азии. В частности были разрушены Мерв и Ургенч, погибла высокоразвитая ирригационная система Мургабского оазиса и Хорезма[4]. Меньше, но все же в сильной степени пострадали города и села Прикопетдагской полосы, трижды—в 1220, 1221 и 1222 гг. — подвергшиеся опустошительному нашествию монголов. Данные археологии говорят о гибели множества сельских поселений в период монгольского нашествия[5]. Сильно пострадали и скотоводческие племена. В результате массовых убийств и увода в рабство сократилось население. Погибло множество культурных ценностей, в том числе знаменитые библиотеки Мерва. Часть сокровищ хорезмских библиотек была вывезена из Гурганджа в Нису, но здесь книги были расхищены во время погрома Нисы монголами и затем окончательно погибли во время феодальных смут[6]. Была надолго дезорганизована вся хозяйственная и культурная жизнь страны. Монгольское нашествие было воспринято современниками, как катастрофа еще невиданных масштабов.

б) Южный Туркменистан в 1223—1255 гг.

В первые годы после ухода полчищ Чингис-хана из Средней Азии монгольское владычество в Хорасане было непроч-

---

[1] Несеви, МИТТ, I, стр. 479—480.
[2] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 490 и сл.
[3] К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, ГИПЛ, 1938, стр. 221.
[4] О. М. Джумаев. К истории орошаемого земледелия в Туркменистане. Ашхабад, 1951, стр. 59.
[5] Отчеты ЮТАКЭ за 1946—1953 гг., стр. 189.
[6] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1944, стр. 75.

ным. Разоренная страна фактически находилась в руках множества мелких и средних феодальных владетелей, возвысившихся в смутное время монгольского нашествия. Джелаль-ад-дин не прекращал борьбы с монголами, пытаясь создать себе царство в горах Северного Ирана и при случае вернуться в Хорасан.

С целью окончательного укрепления власти монгольской аристократии в Средней Азии, сын Чингис-хана Угэдей (1227—1241 гг.), ставший каганом после смерти отца, вновь предпринял поход в Хорасан и Западный Иран. Поход возглавил нойон Чормагун, бывший оруженосец Чингис-хана, один из лучших монгольских полководцев с несколькими эмирами и 30—40 тыс. войска[1]. Рашид ад-дин называет его войско персидским термином «ляшкар-тама», что означало в монгольское время пограничную монгольскую армию, осуществлявшую окончательное завоевание какой-либо области и составлявшую ее гарнизон. В 1228 г. Чормагун огнем и мечом прошел по Хорасану и в Северо-Западном Иране завязал жестокую борьбу с Джелаль ад-дином[2]. Война вначале шла с переменным успехом, но в конце концов Джелаль ад-дин был вытеснен из Ирана и, потеряв надежду вернуться в Среднюю Азию, превратился в обычного феодального авантюриста и запятнал свое имя дикими жестокостями в Грузии и Азербайджане. Война, завязавшаяся между Джелаль ад-дином и ближневосточными феодалами, ослабила антимонгольские силы в Иране, Ираке и Закавказье и сыграла явно отрицательную роль в борьбе против монгольских завоевателей. Маркс писал о трехдневном решительном сражении под Хелатом в 1230 г. между Джелаль ад-дином и его противниками: «В нем гибнут *к выгоде для монголов главные силы магометан в Азии*»[3].

Хорасан тем временем был окончательно опустошен монголами. «Города же Хорасана, — пишет Ибн аль-Асир, — остались разоренными, и никто из мусульман не решался селиться в них. Что касается татар, то у них всякий незначительный отряд грабил (все), что видел, и страна была разорена до своих оснований»[4].

---

[1] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, АН СССР, 1952, стр. 98—99; Джувейни. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, стр. 21.

[2] Ибн аль-Асир. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 36—41.

[3] К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 222.

[4] Ибн аль-Асир. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, стр. 38.

Угэдей назначил наместником Хорасана и завоеванных областей Ирана Бейсил нойона, после которого этот пост занимали еще несколько человек, пока в 1243 г. «правление и баскакство» не перешло к эмиру Аргуну, бывшему монгольскому рабу, возвысившемуся при Угэдее[1].

Аргун оставался эмиром Хорасана тринадцать лет[2]. Ему удалось укрепить власть монголов, по крайней мере в Северном Хорасане, где поселился ряд тюрко-монгольских кочевых группировок, составлявших военную опору Аргуна. Одним из важнейших кочевых районов стал Бадгыс, под которым тогда понимали страну от Серахса до Кушки. Там жили не столько монголы, сколько смешанные группировки покоренного скотоводческого населения, так называемые карауны[3].

О положении коренного населения Северного Хорасана в эти мрачные и тяжелые десятилетия данных очень мало. Известно, что в Мургабском оазисе, разоренном и залитом кровью, *жизнь не замерла*[4]. Но сам древний город Мерв влачил, видимо, жалкое существование и большая часть его оставалась в развалинах.

В связи с прекращением водопользования на правобережье Мургаба из-за разрушения Султанбендской плотины, переброска части воды в левобережную часть оазиса привела к возвышению здесь селения Махан (недалеко от нынешнего города Мары) и сложению поселений в низовьях реки, от которых осталось ныне кладбище Гок-Гумбез с несколькими величественными мавзолеями XIII—XIV вв[5]. Вообще разгром Мерва не означал прекращения здесь власти уцелевших местных феодалов, которые быстро прибрали к рукам остатки трудящегося крестьянства Мургабского оазиса[6]. Аргун провел некоторое строительство в Мерве и его окрестностях. Так, в 1250 г. он приказал построить «султанский павильон» (летний дворец) в Разик-абаде[7]. Раскопки ЮТАКЭ обнаружили к югу от Султан-Калы (домонгольского Мерва) остатки богатого здания середины XIII в., построенного при участии китайских мастеров[8]. Но эти постройки являлись только новым

---

[1] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, АН СССР, 1952, стр. 141—143.

[2] До прихода в Хорасан Хулагу-хана в 1256 г. После этого он сохранил свое положение, но подчинялся уже не кагану, а Хулагу.

[3] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, стр. 163

[4] Отчеты ЮТАКЭ за 1946—1953 гг., стр. 189—190.

[5] Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 232—233.

[6] См. В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. I, тексты, стр. 117, где говорится о «сахибах» Мерва.

[7] Там же.

[8] Труды ЮТАКЭ, т. V, стр. 220 и 232.

бременем для местного населения, не способствуя восстановлению экономики страны.

Главную роль в антимонгольском движении, развернувшемся в Хорасане и Западном Иране в середине XIII в., играли исмаилиты — ассасины. Эта секта давно уже утратила свои связи с крестьянским движением и превратилась в религиозно-политическую организацию, возглавлявшуюся старинной полупатриархальной полуфеодальной знатью отсталых горных районов, — владельцами неприступных каменных замков Дейлема и других областей Северного Ирана. Но возможно, что в обстановке монгольских погромов и грабежей выступление исмаилитских вождей против монголов встретило поддержку народных масс. Во всяком случае, в 40-х годах исмаилиты значительно усилились и серьезно угрожали владычеству монголов. На исмаилитов жаловались кагану и монгольские военачальники, например, Байджу, сменивший в 1248 г. умершего Чормагуна, и представители перешедшей на службу к монголам местной знати, как кази Шамс-ад-дин Казвини[1].

В связи с этим новый правитель монголов Менгу-Каган (1248—1259 гг.) принял решение об окончательном завоевании всего Среднего, а если удастся, и Ближнего Востока.

в) Южный Туркменистан в составе государства Хулагу, Хулагуидов и позднее, до завоевания Тимуром

В 1252 г. Менгу-каган направил в Хорасан, Иран и Переднюю Азию своего брата Хулагу «с превеликим войском, с бесчисленной ратью». По словам историка Рашид ад-дина Хулагу получил приказ разгромить непокорных исмаилистских феодалов, укрепить власть монголов в Хорасане и Иране, завоевать Багдад, Сирию и Малую Азию[2]. В подчинение этого монгольского правителя переходил наместник Хорасана эмир Аргун и предводители монгольских войск, действовавших в Западном Иране и Северо-Западной Индии — Байджу-нойон и Даир-бахадур[3].

Осенью 1255 г. Хулагу-хан со своими кочевьями прибыл в Мавераннахр, где был встречен эмиром Аргуном и множеством феодальных правителей Ирана, Закавказья и Малой Азии, подчинившихся монголам и перешедших на службу к ним[4]. Вся эта высшая знать наперебой пресмыкалась перед монгольским ханом и интриговала, пытаясь задобрить завое-

---

[1] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 22.
[2] Там же, стр. 24.
[3] Там же, стр. 23.
[4] Там же, стр. 25.

вателя, заручиться его милостью и сохранить, а если удастся и приумножить свои владения. Первого января 1256 г. Хулагу переправился через Джейхун (очевидно, в районе Керки или Термеза) и вступил на территорию, которую ему предстояло завоевать.

Здесь уже шла война и лилась кровь. Еще в 1253 г. двенадцатитысячный монгольский авангард начал осаду исмаилитских крепостей Кухистана, производя повсюду резню и опустошения[1].

С прибытием Хулагу военные действия приобрели еще больший размах. В течение 1256 г. исмаилиты были окончательно сломлены, их глава захвачен в плен и убит, замки разрушены и защитники их истреблены[2]. В числе этих разрушенных замков были, вероятно, и некоторые горные крепости Копет-Дага, которые, судя по керамике, прекратили свое существование в монгольское время. Но в основном военные действия на этот раз не коснулись Северного Хорасана; его население было только обязано поставлять ханским войскам продовольствие[3].

В 1257—1258 гг. монголы захватили Западный Иран, Багдад (причем был убит последний аббасидский халиф), часть Закавказья и Сирии, но потерпели неудачу в борьбе с султанами Египта. Границы улуса Хулагу окончательно установились, формула «от Амуйе до Мисра», т. е. от Аму-Дарьи до Египта, стала обычной для обозначения пределов Хулагуидского государства[4]. Все территории современного Северного Туркменистана отошли к Золотой Орде, правобережье Аму-Дарьи и часть Южного Хорезма — к Чагатайскому улусу.

Теперешний Южный Туркменистан являлся лишь окраиной государства Хулагуидов. Однако для понимания истории Южного Туркменистана необходимо познакомиться с историей государства Хулагуидов.

Хулагу получил титул ильхана, который сохранили и его преемники. Государство ильханов сохраняло свою целостность с 1256 по 1335 гг. Большинство первых ильханов — Хулагу (1256—1265 гг.), Абага (1265—1282 гг.), Аргун (1284—1291 гг.), Кейхату (1291—1295 гг.) были типичными монгольскими вождями и правили покоренной страной, опираясь на ополчения тюрко-монгольских племен. Ханы отобрали у местных феодалов много земель и сделали их своей собственно-

---

[1] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 26—27.
[2] Там же, стр. 28—32.
[3] Там же, стр. 28.
[4] Там же, стр. 275, 282 и др.

стью (инджу)[1]. В первую очередь были захвачены земли, удобные для выпаса скота и для охоты — основных занятий отсталых монгольских племен. Сами ханы обычно кочевали в Азербайджане и Ираке, а их наследники — в Восточном Хорасане (Мерв, Теджен, Серахс, Бадгыс)[2].

Вместе с ханами и царевичами кочевала часть монгольского войска. Остальные земли и войска были разделены между монгольскими военачальниками — нойонами (их часто называли арабо-персидским термином «эмир». В руки этой военно-кочевой знати перешла теперь политическая власть[3].

Однако старая местная феодальная знать сохранила некоторое значение, так как Хулагуиды нуждались в опытных чиновниках[4]. Но эта знать потеряла, как уже отмечалось выше, значительную часть земли[5]. Ее интересы ущемлялись монгольскими военачальниками и она часто подвергалась насилиям и притеснениям с их стороны[6]. Большая часть ремесленников была угнана в Монголию или обращена в полурабское состояние. Во времена Хулагуидов были организованы крупные предприятия (кархане), производившие оружие и военное снаряжение, где наряду со свободными мастерами трудились рабы. Часть ремесленников стала рабами монгольских нойонов. Те ремесленники, которые сохранили свободу, были обложены тяжелым налогом — тамгой. Не менее ужасным было положение крестьянства, потерявшего значительную часть скота и земли. Полуразоренные крестьяне были обложены многочисленными налогами: подушной податью (купчур, позднее — саршумора), собираемой в размере 70 динаров с 10 человек, продуктовым налогом на содержание монгольского войска (тагар), земельным налогом (харадж, мал, малваджихат), доходившим иногда до 60% урожая, налогами с жилищ, налогами «за охрану ворот и дорог», различными чрезвычайными поборами[7]. На крестьянах лежали также расходы по оплате аппарата сборщиков налогов; эти расходы должны были составлять 10% основных налогов, но фактически дости-

---

[1] См. А. А. Али-Заде. К вопросу об институте «инджу» в Азербайджане. Сборник статей по истории Азербайджана, Баку, 1949.

[2] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 61, 114 и др.

[3] См. А. А. Али-Заде. Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII—XIV вв. «Вопросы истории», 1952, № 8.

[4] И. П. Петрушевский. Городская знать в государстве Хулагуидов, «Советское востоковедение», V, 1948.

[5] А. М. Беленицкий, К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху, «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 112—115.

[6] См., например, Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 251—252.

[7] См. А. М. Беленицкий. Указ. соч., стр. 115—118, 127 и сл.

гали 100%. Крайне тяжелой была для сельского населения почтовая повинность (улаг) — обязанность содержать «ильчи», т. е. всякого рода послов и гонцов, поездки которых по стране приобретали характер форменного грабежа, разорявшего население, так как «ильчи» захватывали силой лошадей, фураж и продовольствие. Наконец, сельское население несло и рекрутскую повинность — калан.

Налоги эти сами по себе были очень тяжелы; к тому же их собирали в повышенном размере, порой по десять или даже по тридцать раз в году. Сбор налогов обычно отдавался на откуп. Откупщик объезжал страну с вооруженным отрядом в несколько сот человек, причем такие поездки не отличались от военных походов. Узнав о прибытии сборщиков налогов, население в ужасе разбегалось и пряталось. «Те, которые оставались в городах, — пишет историк Рашид ад-дин, — большей частью закладывали двери домов камнем или оставляли в них узкое отверстие, входили и выходили через крышу домов и убегали из страха перед сборщиками. Когда сборщики отправлялись по околоткам, они находили какого-нибудь мерзавца, знавшего дома, и по его указанию извлекали людей из углов, подвалов, садов и развалин. Если не могли заполучить мужчин, то схватывали их жен, и, словно стадо овец, гоня перед собой из околотка в околоток, уводили к сборщикам. За ноги их подвешивали на веревке и били, и вопли и жалобы женщин поднимались к небу»[1]. Некоторые деревни выставляли дозорных, и при появлении монгольских чиновников все население пряталось в песках или кяризах. Рашид ад-дин — сам крупный сановник — искренне удивляется тому, что в этих нечеловеческих условиях крестьяне все же находили время и возможность обрабатывать землю[2].

Немногим лучше было положение трудящихся-кочевников, в том числе и самих монголов[3]. Все они были распределены между феодалами-военачальниками без права перехода, т. е. фактически закрепощены. Трудящиеся кочевники (рядовые воины) не освобождались от налогов (купчур) и почтовой повинности (улаг). Правда, на содержание войска собирался особый налог продуктами с земледельческого населения, но фактически эти продукты не доходили до рядовых воинов,

---

[1] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 251.
[2] Там же, стр. 265.
[3] А. А. Али-Заде. Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII—XIV вв.; Он же. К истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII—XIV вв. Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949.

а расхищались крупными и мелкими военачальниками[1]. Воин-кочевник существовал на доходы от собственного полунищенского скотоводческого хозяйства, да отчасти за счет грабежа земледельческого населения во время войны.

В период владычества монголов вновь выросло значение рабства. О рабах-ремесленниках уже говорилось выше. Кроме того, часть рабов была поселена на землю. Рашид ад-дин сообщает, что монгольский военачальник Сали-нойон, разграбивший в 50-х годах Северо-Западную Индию, прислал Хулагу-хану много индийских невольников, которые были поселены в деревнях инджу[2].

Монгольское владычество к середине XIII в. привело к неслыханному ухудшению положения трудящихся городов и сел, что препятствовало восстановлению производительных сил, разрушенных во время нашествия. Завоеватели не стремились к восстановлению земледелия и ремесленного производства. Напротив, среди монгольской военно-кочевой знати в XIII в. преобладало течение, стоящее за сохранение старомонгольских скотоводческих традиций, враждебно относившееся к городам и оседлому населению[3]. Представители этого течения видели в городах и селах покоренных стран только объект грабежа и неограниченной хищнической эксплуатации. Разорение богатых городов и опустошение земледельческих областей было в их глазах делом желательным, так как это увеличивало площадь пастбищ, необходимых для огромных стад богачей кочевой аристократии. «Например, монголы при опустошении России, — писал К. Маркс,—действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием»[4]. То же происходило и в Средней Азии.

Особенно тяжелым было положение Южного Туркменистана (Дехистана, Северного Хорасана, побережья среднего течения Аму-Дарьи). По всему Юго-Восточному Туркменистану, в том числе и по территории Мургабского оазиса, некогда восхищавшего своим плодородием и богатством античных и средневековых писателей, кочевали монгольские нойоны со своими

---

[1] А. А. Али-Заде. К вопросу об институте «икта» в Азербайджане при Ильханах (XIII—XIV вв.). Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949, стр. 128—129; Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 281.

[2] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. стр. 110.

[3] И. П. Петрушевский. Из истории Бухары в XIII в. Ученые записки ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып. I, 1949, стр. 111—113.

[4] К. Маркс. К критике политической экономии. ГИПЛ, 1953, стр. 210.

ордами и стадами[1]. Уцелевшее земледельческое население влачило жалкое существование в долинах Мургаба и Теджена. Крестьяне Герата, например, из-за отсутствия тягловой силы должны были сами впрягаться в плуги. Положение в Прикопетдагской полосе было, видимо, несколько лучшим, но и здесь имел место упадок городов, многократно разоренных в двадцатых годах XIII в.[2] Здесь также наблюдается упадок ремесла и внутренней торговли, регресс сельского хозяйства, что сказалось в сокращении посевов технических культур и в общем сокращении сельскохозяйственной продукции[3].

Тяжелое положение Хорасана усугублялось постоянными войнами на его территории. Монгольские царевичи чагатайского улуса стремились захватить богатые пастбища Бадгыса и вообще Восточного Хорасана. Походы их начались уже в 1267 г. В 1270 г. хан Борак, правивший Мавераннахром, захватил г. Амуйе и двинулся на Герат и Нишапур, производя по пути грабеж и опустошения, угоняя скот. Он был разбит войсками Абаги-хана[4], но эти войска в свою очередь разорили Герат и разогнали все его население[5]. В 1273 г. в ответ на набеги чагатайских царевичей хулагуидские войска двинулись в поход на Бухару, захватили город, целую неделю грабили и убивали его жителей, увели тысячи пленных[6]. Новая полоса войн и набегов падает на конец 80-х и начало 90-х годов XIII в. В 1288 г. чагатайское войско разграбило Мургабский оазис, Балх и Шиберган[7]. В 1289 г. поднял мятеж влиятельный феодал Новруз, сын эмира Аргуна, к которому в следующем году присоединились карауны Бадгыса[8]. В 1291 г. Новруз, получивший помощь от чагатайского хана Кайду, двинулся в поход на Хорасан[9]. «В том году, — пишет Рашид ад-дин, — в Хорасане случилось столько убийств, грабежей и разрушений, что нельзя не описать, ни рассказат»[10]. Разоренное население голодало, нельзя было даже собрать тагар (продо-

---

[1] См. Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 143, 156 и др.

[2] М. Е. Массон. Городища Нисы в ауле Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I, 1949, стр. 27, 111—112; Б. А. Литвинский. Средневековые поселения области Нисы (севернее Копет-Дага) в IX—XV вв. Ташкент, 1951, стр. 11—12.

[3] Подробнее об этом см. в работе А. А. Рослякова. К истории народного хозяйства Туркменистана. «Известия ТФАН СССР», 1953, № 1.

[4] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 68, 69, 81.

[5] И. П. Петрушевский. Из истории Бухары в XIII в., стр. 113.

[6] Там же, стр. 103, 118.

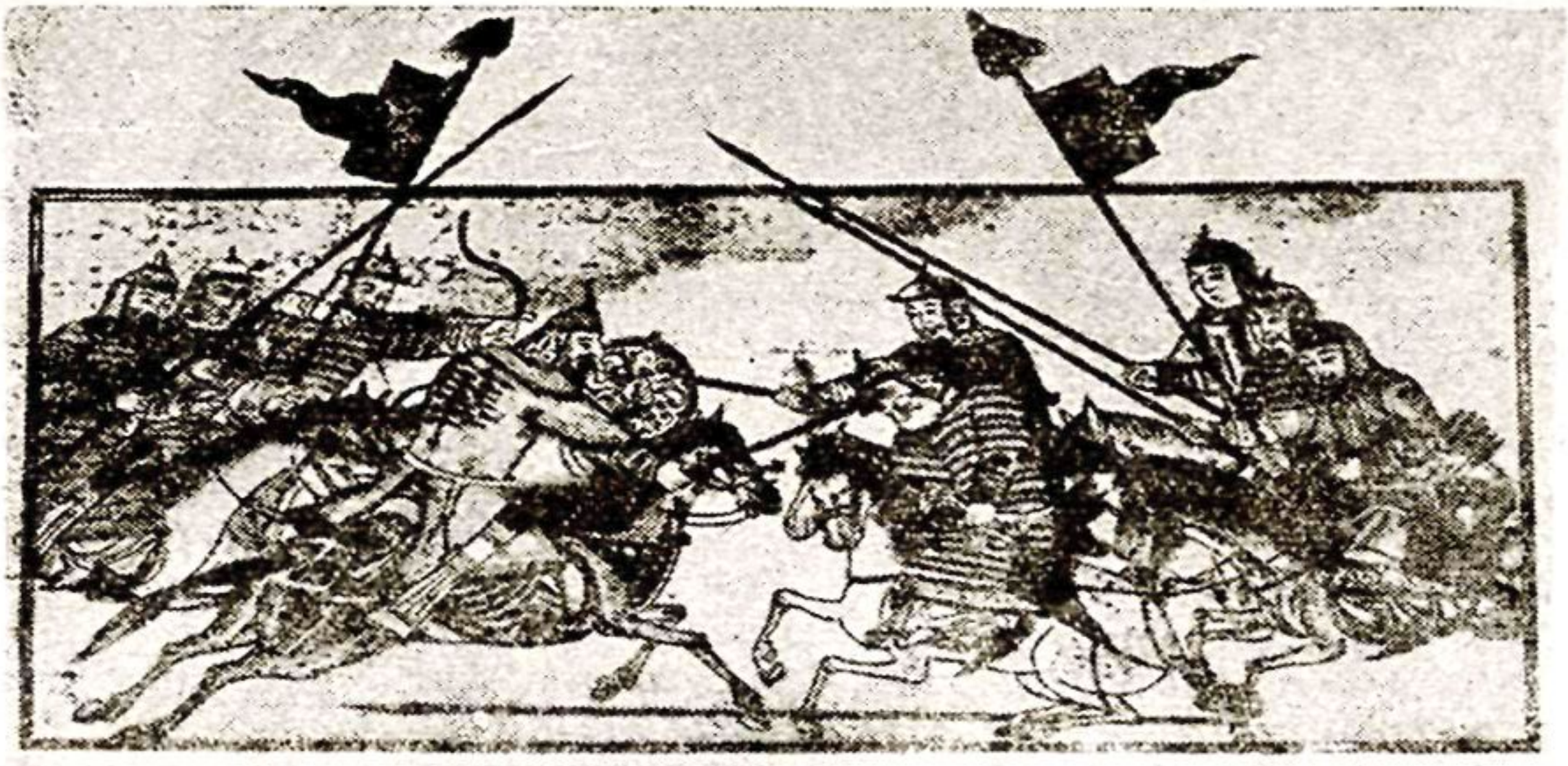
[7] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 117.

[8] Там же, стр. 143—148.

[9] Там же, стр. 148—151.

[10] Там же, стр. 150.

вольственный налог) для войск[1]. «Хорасан,—замечает Рашид ад-дин, — является самым тягостным краем. С древних времен и доныне чужеземные войска постоянно вторгаются с этой стороны, и не проходит года, чтобы не нужно было один-два раза выступать в поход[2].

Монгольские воины (средневековая миниатюра).

Разорение оседлого населения войнами и налогами, разрушение производительных сил страны, упадок городов и ремесла, мятежи военно-кочевой знати — все это привело царство Хулагуидов в 90-х годах к тяжелому экономическому кризису. Посевные площади и производство сельскохозяйственных продуктов, видимо, катастрофически сокращались[1]. Начался денежный кризис — из обращения исчезла серебряная монета. Попытка хана Кейхату в 1294 г. выпустить по китайскому образцу бумажные деньги (чао) привела, в условиях незнания законов денежного обращения, к прекращению торговли и бегству населения из городов[4].

Хищническая эксплуатация и дикий произвол монгольских военачальников и чиновников вызвали обострение классовых

---

[1] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 150—152.
[2] Там же, стр. 219.
[3] А. А. Али-Заде. Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII—XIV вв. «Вопросы истории», 1952, № 8.
[4] Он же. К истории рудников и монетного обращения в Азербайджане в XIII—XIV вв. Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949.

противоречий и новый подъем антимонгольского движения. Замученные крестьяне массами покидали деревни и разбегались куда глаза глядят. Постепенно эта пассивная форма уклонения от феодальной эксплуатации стала перерастать в активное сопротивление. В начале 90-х годов в Хорасане участились случаи отказа населения от уплаты налогов, случаи вооруженного сопротивления сборщикам налогов и открытых восстаний против монгольских ханов и местных феодалов. В Южном Хорасане восстали крестьяне и горожане Дамгана, Бушенджа, Хата[1]. Эти восстания вызывали свирепые расправы монголов с населением «Монгольские татары, — писал Маркс в работе «Секретная дипломатия XVIII в.»,—установили режим систематического террора, причем разорения и массовые убийства стали его постоянными институтами». И все же сопротивление монгольским захватчикам продолжалось и росло.

Социально-экономический кризис, охвативший государство Хулагуидов, требовал изменения политики первых ильханов — выразителей интересов хищной военно-кочевой знати. Еще в 1282—1284 гг. хан Текудер (Ахмед) пытался сблизиться с местной феодальной знатью и таким образом расширить социальную базу государства ильханов. Хан принял ислам и разрешил караванную торговлю с Египтом, но вскоре был свергнут и убит монгольской знатью.

Однако углубление кризиса и рост народных восстаний вынудили часть монгольских аристократов предпринять некоторые шаги по укреплению государства, пойти на сближение с местной знатью и попытаться в известной мере восстановить разрушенное земледельческое хозяйство. Этот новый политический курс победил при хане Газане (1295—1304 гг.), правой рукой которого был везир Рашид ад-дин, выразитель взглядов и стремлений старой феодальной знати, связанной с оседлым хозяйством и городами. Он и выступил инициатором ряда реформ, проведенных в правление Газан-хана[2]. Сущность этих реформ изложена в знаменитом труде Рашид ад-дина «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»).

Реформы свелись, в основном, к упорядочению налогов, и повинностей, особенно с оседлых крестьян (райятов), монетной реформе и наделению землей монгольского войска. Хан Газан принял ислам.

Для всего государства Хулагуидов была установлена единая монета: серебряный динар весом в 3 мискаля (золотника)

---

[1] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 117.
[2] Там же, стр. 17—18 (вступительная статья И. П. Петрушевского).

и серебряный дирхем весом в 3 мискаля. Это прекратило анархию в денежном обращении и способствовало некоторому оживлению торговли и ремесла.

Монгольские военачальники и воины, прежде имевшие довольно неопределенные районы для кочевок и получавшие от государства содержание деньгами и продуктами из налогов, собранных у оседлого населения, получали теперь земли в икта. Это было восстановлением старых, домонгольских порядков. Оно было связано с тем, что среди завоевателей усилилась тяга к оседанию и к земледельческому хозяйству, а среди их знати к приобретению крупной земельной собственности. Рашид ад-дин писал, что «в настоящее время большая часть воинов страстно желает иметь поместья и (вести) земледелие»[1]. Монгольские воины и военачальники получали земли икта в наследственное владение, собирали с их жителей в свою пользу все положенные государственные налоги, а сами должны были нести военную службу и ежегодно сдавать государству 50 манов зерна[2]. Икта получили и местные (таджикские) воины[3].

Многие ярлыки Газан-хана, приведенные в книге Рашид ад-дина и, видимо, изданные под его влиянием, запрещают владетелям икта самовольно увеличивать поборы с крестьян или требовать от них каких-либо работ[4]. Но фактически устанавливалась самая настоящая феодальная зависимость крестьян, усиленная формальным прикреплением их к земле владетеля икта: «Райятов, разбежавшихся тридцать лет тому назад... пусть возвратят обратно, у кого бы они ни находились. Если у них (воинов) окажутся райяты из других областей, то пусть они этих людей тоже возвратят обратно...»[5]. Прикрепление крестьян к земле иктадара наблюдалось в Средней Азии и раньше, но впервые появился указ о поголовном прикреплении к земле всех райятов. Эта реформа Газан-хана означала не только восстановление, но и дальнейшее укрепление и развитие феодальных отношений на Среднем Востоке. Владетели икта окончательно превратились в наследственных феодалов, самовластно распоряжающихся рабочей силой крестьян, усиленная формальным прикреплением их к земле владетеля икта: «Райятов, разбежавшихся тридцать лет тому назад... пусть возвратят обратно, у кого бы они ни находились. Если у них (воинов) окажутся райяты из других областей, то пусть они этих людей тоже возвратят обратно...»[5]. Прикрепление крестьян к земле иктадара наблюдалось в Средней Азии и раньше, но впервые появился указ о поголовном прикреплении к земле всех райятов. Эта реформа Газан-хана означала не только восстановление, но и дальнейшее укрепление и развитие феодальных отношений на Среднем Востоке. Владетели икта окончательно превратились в наследственных феодалов, самовластно распоряжающихся рабочей силой крестьян

---

[1] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 281.

[2] Там же, стр. 283—285.

[3] В ярлыках (указах) Газан-хана слово тазик (таджик) означает вообще оседлого жителя; тазики противопоставляются тюркам или монголам, т. е. кочевникам.

[4] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 247—256, 262—263 и др.

[5] Там же, стр. 283; И. П. Петрушевский. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества. «Вопросы истории», 1947, № 4.

янина, требующих от него не только установленных денежных и продуктовых податей, но и работы (бигар, барщина)[1]. Слово «бигар» в смысле принудительной неоплачиваемой работы на феодала употребляет уже Рашид ад-дин. Следует отметить, однако, что в отличие от евпропейской барщины, в порядке бигара производились не полевые работы, а всевозможные постройки, сооружение каналов и т. п.

Рашид ад-дин постоянно восхваляет Газан-хана, своего покровителя, за заботы о райятах и простом народе вообще. Но совершенно ясно, что ни Газан-хан, ни сам Рашид ад-дин — богатейший феодал и рабовладелец — не являлись защитниками народа. По словам Рашид ад-дина, сам Газан говорил своим монгольским военачальникам: «Я — де не держу сторону райятов-тазиков. Ежели польза в том, что всех их ограбить, то на это дело нет никого сильнее меня. Давайте, будем грабить вместе. Но ежели вы в будущем будете надеяться на тагар и столовое довольствие и обращаться (ко мне) с просьбами, то я с вами поступлю жестоко. Надобно вам поразмыслить: раз вы райятов обижаете, забираете их волов и семена и травите хлеба, то что вы будете делать в будущем»[2]. Борьба, завязавшаяся вокруг реформ Газан-хана, была борьбой двух группировок феодального класса, из которых каждая отстаивала свои методы эксплуатации оседлых крестьян и трудящихся кочевников.

Реформы Газан-хана, удовлетворившие ту часть феодальной знати, которая была связана с оседлым хозяйством и городами, были в общем прогрессивными. В начале XIV в. намечается определенный рост городов Хорасана. В Нисе строятся красивые и богатые здания (ханака Серави, загородная мечеть Намазгах), налаживается производство роскошной кашинной посуды[3].

Подъем городской жизни отмечается и в других городах Прикопетдагской полосы[4]. Развивается транзитная караванная торговля. Из Северного Ирана через Дехистан идет важная караванная дорога в Ургенч, выходящая на виднейшую торговую артерию XIV в. — торговый путь, соединявший Восточную Европу с Китаем[5].

---

[1] И. П. Петрушевский. Указ. соч.; А. А. Али-Заде. К вопросу об институте «икта» в Азербайджане при Ильханах (XIII—XIV вв.).
[2] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 263.
[3] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 112; Отчеты ЮТАКЭ за 1946—1953 гг., стр. 17.
[4] Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 12.
[5] В. В. Бартольд. Дорожник XIV в. от Бистама до Куня-Ургенча. ЗВО, т. XV, СПб., 1903.

Этот подъем был, однако, относительным. Южный Туркменистан и в первой половине XIV в. не достиг домонгольского уровня. По сообщению Хамдаллаха Казвини, хулагуидского сановника, хорошо знакомого с хозяйством страны, здесь преобладали посевы хлеба, сады и виноградники[1]. Технические культуры не упоминаются, хотя тот же Хамдаллах Казвини немало говорит о хлопке и шелке в Северном Иране. Зато посевы хлеба появились даже там, где в домонгольский период их не было, например, в Фарау, куда хлеб ранее доставлялся из Нисы и Дехистана, и в Языре, который авторами X—XII вв. никогда не отмечался как важный зерновой район. Становится очевидным, что сельское хозяйство сохранило, как и в XIII в., более примитивный, натуральный характер, что и вызвало развитие земледелия в тех районах, которые до монгольского нашествия могли жить привозным хлебом. Очень глухо говорят источники того времени о земледелии в Мерве, хотя там оно несомненно существовало. Зато чаще, чем прежде, упоминается Теджен, ставший также довольно важным зерновым районом; недаром Газан, еще будучи наместником Хорасана, построил плотину на р. Теджен.

Ремесло в Южном Туркменистане письменными источниками почти не упоминается. По данным археологии отмечается наличие керамического производства и обработки металлов в Мургабском оазисе (Мерв, Гок-Гумбез), в Абиверде, Нисе. В городах Западного Туркменистана (Дехистан, Фарау, Языр), тесно связанных с Ургенчем, городская жизнь развивается очень интенсивно; в Дехистане, например, производится высококачественная местная керамика типов «султанабад», «рей», «миная». Однако, ремесло городов Южного Туркменистана в XIV в. не играло уже такой роли в международной торговле, как в X—XII вв.[2]. Если учесть экономическое состояние тогдашнего Мерва, этого в прошлом крупнейшего ремесленного центра, неизбежен вывод, что ремесло в целом также не достигло домонгольского уровня.

Хищная военно-кочевая знать не желала уступать своего первенства и активно боролась против политической линии Рашид ад-дина, видя в ней опасное проявление антимонгольских тенденций. Пока были живы его покровители — Газан-хан и преемник Газана — Улджейту (1304—1316 гг.), — Рашид ад-дину удалось удержаться у власти в борьбе с политическими противниками. Но в 1318 г., в правление малолетнего Абу-Саида (1316—1335 гг.) верх одержала военно-кочевая

---

[1] МИТТ, I, стр. 506—511.

[2] Данные о ремесле см. в Отчетах ЮТАКЭ за 1946—1953 гг., стр. 89—91, 105, 161—162, 191—192.

тюрко-монгольская знать, и Рашид ад-дин был казнен вместе со своим старшим сыном. При Абу-Саиде ожесточенная борьба тюрко-монгольских феодалов против попыток централизации (в частности деятельность главного противника Рашид ад-дина — эмира Чопана из племени сулдуз) привела к ослаблению и упадку государства ильханов.

С 1335 г. ильханы были только подставными фигурами, фактически всем распоряжались влиятельные эмиры племен джаларир и сулдуз, ожесточенно боровшиеся друг с другом. Эти непрерывные междоусобные войны ослабили военную мощь государства, что использовали ханы Чагатайского улуса и Золотой Орды.

Уже в 1318—1320 гг. на Хорасан напал чагатайский царевич Ясаул, поддержанный могущественным золотоордынским наместником Хорезма[1]. В 1322 г. этот поход повторил чагатайский хан Кепек, поддержанный Узбеком, ханом Золотой Орды[2]. Территория Туркменистана вновь стала ареной широко развернувшихся военных действий. В 1335—1336 гг. Золотая Орда перешла в решительное наступление[3]. В 1354 г. окончательно пала династия Хулагуидов, а в 1357 г. золотоордынский хан Джани-бек, после ряда войн, овладел Азербайджаном и Хорасаном[4]. Но феодальная анархия вскоре подняла голову в самой Золотой Орде. Поэтому ханы Золотой Орды не удержали территорий, завоеванных Джани-беком. Бывшая держава Хулагуидов окончательно распалась на несколько враждующих государств.

В Южном Хорасане (от Бистама до Нишапура), где в большей степени сохранились города и оседлое население, развернулось широкое антимонгольское движение сербедаров, в котором участвовали крестьяне, ремесленники и рабы, однако руководящую роль играли мелкие феодалы. Это движение, возглавленное братьями Абд ар-Раззаком и Веджх ад-дином из феодальной фамилии Баштиниев[5], увенчалось некоторым успехом. «Община сербедаров», как ее называют историки XV в.[6], с 1337 по 1381 г. почти непрерывно сохраняла самостоятельность и отражала все попытки военно-кочевой знати восстановить свою власть в Южном Хорасане. Отзвуки сербедарского движения прокатились по всей Средней Азии и ряд

---

[1] В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 326, 387—388, 517—518.

[2] Там же, стр. 524—525.

[3] Там же, т. II, стр. 93.

[4] Там же, т. I, стр. 388—389.

[5] И. П. Петрушевский. Городская знать в государстве Хулагуидов. «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 90—91.

[6] Хафиз-и Абру, МИТТ, I, стр. 529.

народных движений XIV в., например, восстание в Самарканде в 1365 г., прошел под сербедарскими лозунгами[1]. Однако среди самих хорасанских сербедаров не было и не могло быть полного единства, что позднее облегчило покорение их Тимуром.

Иначе сложилась судьба Северного Хорасана, где разрушение оседлого хозяйства, особенно городов, было более значительным и поэтому власть осталась в руках военно-кочевой знати.

В пору существования государства сербедаров Серахс, Абиверд, Ниса, Кучан, Тус составляли владение двух братьев, Мухаммед-бека и Али-бека, потомков эмира Аргуна, бывшего в середине XIII в. наместником в Иране. Еще в XV в., в период правления Тимуридов, различали Хорасан Али-бека и Хорасан Али-Муайяда (последнего правителя сербедаров)[2]. Это не было случайностью: появление двух названий отражало зародившееся еще в XI—XII вв. и сложившееся в монгольский период различие между Северным и Южным Хорасаном. В то время, когда на юге сравнительно немногочисленное кочевое население постепенно ассимилировалось оседлой хорасанской средой, на севере степные тюрко-монгольские кочевники постепенно ассимилировали остатки оседлого населения; этот процесс облегчался и ускорялся оседанием степных племен. Различие между двумя частями Хорасана постепенно увеличивалось, пока процесс этногенеза в Северном Хорасане и других областях современного Туркменистана не завершился сложением туркменской народности, вобравшей в себя и оседлые и кочевые элементы. При Али-беке это разделение Хорасана далеко не было закончено. Политические границы его государства не совпадали с будущими этническими границами, но сам факт обособления Северного и Южного Хорасана весьма важен и показателен.

Государство Али-бека не охватывало всей территории нынешнего Туркменистана. Побережьем Аму-Дарьи владели эмиры Мавераннахра, средним течением Мургаба и Бадгысом — правители Герата[3]. Дехистан захватил с 1353 г. эмир Вали, правитель Мазандерана[4]. Феодальная раздробленность и междоусобные войны вели к новому упадку городов и хозяйства всей страны, еще не успевшей оправиться от последствий монгольского нашествия.

---

[1] Л. В. Строева. Сербедары Самарканда. Ученые записки ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып. I, 1949.

[2] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 42; Хафиз-и Абру, МИТТ, I, стр. 529.

[3] Хафиз-и Абру, МИТТ, I, стр. 529.

[4] Низам ад-дин Шами, Зафар-наме. МИТТ, I, стр. 520—522.

г) Северный Туркменистан в XIII—XIV вв.

История Северного Туркменистана в период монгольского ига освещена источниками очень слабо. Особенно мало мы знаем о положении туркменских племен, населяющих Кара-Кумы, Балханы, Усть-Урт и Мангышлак. Сведения о них приходится собирать буквально по крупицам, причем многие из этих сведений, содержащиеся в туркменских устных преданиях и родословых туркменских племен, являются легендарными.

При разделе империи Чингис-хана Хорезм почти целиком вошел в улус потомков Джучи. Меньше мы знаем о северных туркменских племенах. Позднее многие из них назывались туркменами — саинхани, а Саин-хан — прозвище Батыя[1]. На основании этого можно предложить, что они были покорены уже при Батые (1227—1256). Вероятнее всего, что подчинение их произошло в 1236 г., когда монголами был окончательно завоеван Дешт-и Кипчак[2], непосредственно прилегавший к Мангышлаку и Усть-Урту. Таким образом, весь Северный Туркменистан был включен в состав улуса Джучидов, вошедшего в историю под именем Золотой Орды[3].

Золотая Орда окончательно оформилась как государство в 40-х годах XIII в. после завоевательных походов Бату-хана (Батыя). В ее состав вошел Северный Кавказ, степи Северного Причерноморья, Нижнего и Среднего Поволжья, бассейн Камы, степи нынешнего Казахстана до Западной Сибири и низовьев Сыр-Дарьи, Хорезм и Северо-Западный Туркменистан. С северо-запада к ее территории примыкали вассальные русские княжества[4].

Походы Батыя, подобно походам Чингис-хана, сопровождались массовым истреблением населения и разрушением производительных сил, что вызвало общий упадок завоеванных стран.

Общеизвестны факты зверского опустошения батыевскими ордами русской земли, падение русского ремесла, городов и торговли. Жестокому разорению подвергались и прикаспийские степи. Географ Омари пишет о Поволжье, что до покорения этой земли татарами «она была повсюду возделана, теперь же в ней (только) остатки этой возделанности»[5].

---

[1] В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, стр. 503, 505.

[2] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. АН СССР, 1950, стр. 70 (в дальн. Золотая Орда).

[3] В восточных источниках термин «Золотая Орда» употребляется редко; обычно ее называют «Улусом Джучи».

[4] Золотая Орда, стр. 61.

[5] В. Тизенгаузен. Указ. сборник, т. I, стр. 233.

Однако после завоевания Батый, придерживавшийся, очевидно, взглядов своего отца Джучи, принял меры к некоторому восстановлению захваченных областей и прежде всего — развитию городов и торговли, приносившей большие доходы ханской казне. Как видно, нигде в монгольской империи мусульманские купцы не получали такого признания и таких выгод, как в Золотой Орде при Бату и его преемнике Берке[1]. Это прежде всего касается Нижнего Поволжья, в котором Батый видел экономический центр своих владений и где он основал свою столицу — Сарай Бату.

Громадное большинство населения Золотой Орды составляли покоренные народы и племена—кипчаки, аланы, булгары[2]. Самих монголов было немного. И монголы и покоренное население подвергались жестокой феодальной эксплуатации, едва прикрытой патриархальными формами[3]. Монах Плано Карпини, ездивший послом от римского папы к монгольскому кагану, пишет: «Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два или на три, как ему будет угодно; подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никакого свободного. И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно»[4]. В настоящее время выяснено тяжелое положение крестьян и рядовых кочевников Золотой Орды, отягощенных множеством повинностей в пользу государства и феодалов и в большинстве своем закрепощенных[5].

Оно было не лучшим, чем положение тех же слоев населения в государстве Хулагуидов. Среди населения Золотой Орды было много рабов, которые продавались в большом количестве в соседние страны[6].

Эксплуататорскую верхушку золотоордынского общества составляли многочисленные феодалы — потомки монгольской знати и перешедшей на монгольскую службу знати покоренных племен. В их число входили царевичи-чингизиды, беги и нойоны (часто получавшие тарханные ярлыки). Это были крупные феодалы, владевшие огромными земельными массивами, многотысячными стадами и табунами, возглавлявшие значительные группировки зависимого от них кочевого населения

---

[1] Золотая Орда, стр. 63.
[2] Там же, стр. 65—67.
[3] Там же, стр. 109—116 .
[4] Плано Карпини. История Монголов. Перев. А. И. Маленина. СПб., 1911, стр. 23—24.
[5] Золотая Орда, стр. 109—115.
[6] Там же, стр. 116—118.

(тумены и тысячи), владевшие десятками, а то и сотнями рабов. Были также феодалы менее крупного масштаба. Порой такие феодалы эксплуатировали и крестьян-земледельцев, а также получали пошлины с торговых городов, владели мельницами, банями, виноградниками и садами[1]. Но подавляющее большинство золотоордынских феодалов было связано в первую очередь с кочевым скотоводством.

Из феодалов состоял командный состав золотоордынского войска — темники, тысячники, сотники, десятники — и чиновничество. Главой гражданской администрации был, как и в государстве Хулагуидов, везир, возглавлявший диван (канцелярию)[2]. Большое значение имели букаулы, ведавшие выплатой жалованья войскам, распределением военной добычи, наблюдением за порядком в войске. Наибы и баскаки ведали покоренными земледельческими областями и странами и держали их в повиновении. В распоряжении высших сановников были многочисленные писцы, судьи и сборщики налогов[3]. Но в целом чиновничество в Золотой Орде играло меньшую роль, чем в государстве Хулагуидов, где в большей степени сохранились домонгольские традиции средневосточной государственности.

Политическая история Золотой Орды[4] была весьма бурной, полной внешними и внутренними войнами. При Батые (1236—1256 гг.) Золотая Орда была наиболее значительным и сильным из монгольских улусов и поэтому Батый играл важную роль в делах всей монгольской империи. В конце своей жизни он владел уже не только Золотой Ордой, но и Мавераннахром и частью Семиречья. При сыне его Берке-хане (1257—1266 гг.) Золотая Орда, хотя и утратила вскоре Мавераннахр, но стала независимым государством; тогда же начались упорные и многолетние войны ханов Золотой Орды с Хулагуидами за Азербайджан.

С середины 80-х годов XIII в. в Золотой Орде начинаются усобицы, связанные с усилением крупных феодалов, стремящихся максимально ограничить власть хана. В течение почти 20 лет в Орде самовластно хозяйничал темник Ногай, возводивший и свергавший ханов. Лишь в 1300 г. он был убит, и ханы Золотой Орды смогли несколько укрепить пошатнувшуюся власть, впрочем уже не в полном объеме: на рубеже XIII и XIV вв. Золотая Орда распадается на два улуса — Ак-Орду

---

[1] Золотая Орда, стр. 107—109.
[2] Там же, гл. 6.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 70—94 и 261—294.

(степи севернее и восточнее Аральского моря) и Кок-Орду, которую в дальнейшем обычно именуют Золотой Ордой[1].

Восстановителем могущества Золотой Орды был хан Узбек (1312—1342 гг.), при котором отмечается некоторый подъем торговли и ремесла, но вместе с тем возобновляются феодальные войны с Хулагуидами. При сыне его, Джани-беке (1342—1357 гг.) эти войны, как уже говорилось, завершились захватом Азербайджана и Хорасана. Джани-бек в 1356 г. начал чеканить монеты со своим именем в Тебризе — прежней столице Хулагуидов. Это время было вершиной внешнего могущества Золотой Орды. Однако это могущество было весьма шатким. Покоренные народы, в большинстве своем стоявшие значительно выше победителей по экономическому и культурному уровню, все усиливали борьбу против золотоордынского ига. Ведущую роль в этой освободительной борьбе играл русский народ, все теснее объединявшийся вокруг Москвы. В самой Золотой Орде степные феодалы тяготились властью хана и готовились в удобный момент выступить против него.

В 1357 г. Джани-бек умер, и после недолгого правления его сына Берди-бека (1357—1361 гг.) в Орде начались кровавые усобицы, длившиеся до 1380 г. Решительным ударом по Золотой Орде была Куликовская битва. Разгром хана Мамая рассеял миф о непобедимости татаро-монгольских войск и вдохнул новые силы во все народы, боровшиеся против ига золотоордынских ханов[2], в том числе и в туркменские племена. Хотя в конце XIV и начале XV вв. улус Джучидов несколько окреп под властью таких крупных и энергичных хищников, как ак-ордынский султан Тохтамыш (подчинивший и Кок-Орду) и ак-ордынский (мангытский) эмир Едигей, но не вернул уже былого могущества. Ослабленная после Куликовской битвы Золотая Орда не могла отразить сокрушительного натиска Тимура и в XV в. уже не выходила из состояния бесконечных усобиц и общей депрессии.

Во второй половине XIII в. Ургенч (Гургандж, нынешний Куня-Ургенч), так жестоко разгромленный монголами, быстро возродился[3]. Возрождение его было обусловлено тем, что через Ургенч шли старые караванные дороги, по которым уже при Батые возобновилась торговля Азии с Восточной Европой. Вскоре ургенчский путь оказался одной из важнейших

---

[1] В Русских летописях Кок-Орда носит название Золотой Орды, а Ак-Орда — Синей Орды.

[2] Золотая Орда, стр. 294.

[3] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 309; Он же. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. «Вестник древней истории», 1953, № 2, стр. 167—179.

торговых артерий своего времени. Свыше ста лет во второй половине XIII и в первых трех четвертях XIV в. основная масса среднеазиатских и китайских товаров шла в Европу этим путем; он начинался в Китае, через Семиречье и Отрар шел в Ургенч, а оттуда через Усть-Урт на Сарай Берке (около нынешнего Сталинграда) и затем в Крым. Эта большая торговая дорога была хорошо известна не только в Азии, но и в Европе: в 1340 г. итальянский купец Бальдуччи Пегалотти составил ее подробное описание[1].

В 1333 г. Хорезм посетил арабский путешественник Ибн Батута. Описав тяжелую дорогу из Сарая Берке через Усть-Урт, где воду можно найти только в «каках» (водосборных ямах), Ибн Батута с восторгом пишет об Ургенче: «Это один из самых больших, значительных и красивых тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотами»[2]. Ибн Батута особенно подробно описывает величину, богатство и оживленность ургенчских базаров[3]. Это подтверждает и Пегалотти, который пишет, что европейскому купцу дальше Ургенча можно не ездить, так как на ургенчских рынках он найдет все интересующие его азиатские товары[4]. Работами Хорезмской экспедиции АН СССР в Куня-Ургенче изучены развалины большого караван-сарая XIV в., фасад которого был богато декорирован поливными и терракотовыми изразцами[5]. Ургенч также был крупнейшим ремесленным центром[6].

Под влиянием Ургенча развивалось золотоордынское ремесло в Нижнем Поволжье[7]. Ургенчского типа керамика XIV в. была обнаружена во многих городах Юго-Западного Туркменистана[8], через которые проходил путь, связывавший Ургенч с государством Хулагуидов, а также в городах Ахала. Нет сомнения, что ургенчские ремесленники могли снабжать своими изделиями и все северо-туркменские степные племена. В Ургенче было также несколько медресе.

Расцвет Ургенча не означал расцвета Хорезма в целом. Тот же Ибн Батута мимоходом сообщает, что в Южном Хо-

---

[1] Золотая Орда, стр. 155—159.
[2] В. Тизенгаузен. Указ. сборник, т. I, стр. 308.
[3] Там же, стр. 309.
[4] Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской республик. АН СССР, 1932, стр. 46.
[5] С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. «Вестник древней истории», 1953, № 2, стр. 173.
[6] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. ИГАИМК, т. VIII, вып. 2—3, 1931.
[7] Он же. Развалины Ургенча. ИГАИМК, т. VI, вып. 2, 1930.
[8] Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 6:

резме он не встретил никаких поселений, кроме города Кята. А. Ю. Якубовский и С. П. Толстов с полным основанием видят в этом запустении Южного Хорезма следствие монгольского погрома[1]. Общий упадок древней земледельческой культуры Хорезма явствует и из того, что, по свидетельству Ибн Батуты, Хорезму, этой плодороднейшей области Средней Азии, нехватало хлеба — пшеница и ячмень привозились в Ургенч из Термеза. Правда, тут же он сообщает о вывозе из Хорезма некоторых сортов дынь[2]. Сокращение орошаемого земледелия и разрушение ирригационных систем в период монгольского нашествия обусловили резкое изменение режима Аму-Дарьи[3]. Часть ее вод прорывается на западе, обводняет старое русло Дарьялык и заливает обширную Сарыкамышскую впадину. Под водой оказываются некоторые ранне-средневековые города. Джувейни определенно сообщает это о городке Субурни[4]. На основе использования этих вод в Западном Хорезме создается большой земледельческий район и ряд городов, существовавших вплоть до XVII в.[5]. Этот район играл значительную роль в истории туркменских племен XIV—XVI вв.

Для характеристики исключительного значения Хорезма в золотоордынском государстве показательно, что наместником (наибом) его в первой половине XIV в. был самый крупный и влиятельный феодал Золотой Орды — эмир Кутлуг-Тимур, который в 1312 г. возвел на престол хана и в первое время «распоряжался управлением государства, устройством дел и сбором податей его»[6]. Позднее в Ургенче он продолжал вести себя как правитель, обладающий большой самостоятельностью. В надписи на громадном минарете, построенном при нем в Ургенче, он именует себя, упоминая «могущественного султана Узбек-хана», «мелик (князь) могущественный, патрон царей арабов и не-арабов, блеск земного мира и веры, величие ислама и мусульман, Кутлуг-Тимур, сын великого Надж ад-даула ад-дина»[7]. Это показывает, что возрождающийся Хорезм фактически превращается в полусамостоятельное государство, что вполне соответствовало его экономической мощи. В самом начале 60-х годов XIV в. Хорезм добился почти полной самостоятельности; здесь правила собственная феодальная династия Суфи из отюреченного монгольского племени кунграт, причем, своя золотая, серебряная и медная монета выбива-

---

[1] Золотая Орда, стр. 159; С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 295.
[2] В. Тизенгаузен. Указ. сборник, т. I, стр. 309, 313.
[3] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 308.
[4] МИТТ, I, стр. 445.
[5] С. П. Толстов. Указ соч., стр. 311—316.
[6] Золотая Орда, стр. 90.
[7] Там же, стр. 95.

лась в 762 г. х. (1360/1 гг.) часто без упоминания ханов Золотой Орды[1].

Жизнь степных туркменских племен Балхан, Мангышлака, Усть-Урта и Северных Кара-Кумов в описываемый период менее известна. Основным источником наших сведений об этих племенах является труд хивинского хана Абулгази (1643—1663 гг.) «Родословная туркмен». Труд этот составлен отчасти по устным преданиям, отчасти по письменным источникам. Сопоставление сведений по истории туркмен, имеющихся в сочинении Абулгази, с сообщениями других авторов, что предпринял уже В. В. Бартольд, позволяет выявить некоторые более или менее достоверные данные[2].

Прежде всего следует отметить, что источники ничего уже не говорят об упоминавшемся выше язырском государственном объединении. У Абулгази языры — оседлое племя, живущее в районе Дуруна[3]. Очевидно, в период монгольского нашествия некогда значительная язырская группировка распалась и перестала существовать. Можно предположить, что в середине XIII в. руководящую роль в северо-туркменских степях играла салырская знать, так как позднее салыры считались старшими из северо-туркменских племен[4]. Было бы очень соблазнительно использовать для воссоздания политической истории туркмен легенду о Салыр-Огурджике[4], который якобы является родоначальником всех северных туркменских племен (салыров, сарыков, эрсари, теке, номутов и др.), кроме човдуров и некоторых других родственных им племен, но сделать это трудно. Сама мысль о том, что Салыр-Огурджик был реальным вождем туркменской группировки на Мангышлаке, а позднее на Балханах, весьма правдоподобна, но его врагами (по легендам) являются не монголы, а канглы. Если легенды в данном случае в основном верно сохраняют канву исторических событий, то деятельность Салыр-Огурджика скорее могла относиться к концу XII в., когда канглы и туркмены действительно были соседями и противниками. Возможно, что в легенде о Салыре-Огурджике мы имеем воспоминание о возникновении салырской группировки на Балханах и Мангышлаке в домонгольский период.

Выше уже говорилось, что северные туркменские племена были подчинены скорее всего Батыем. Для их дальнейшей

---

[1] М. Е. Массон. Монетный клад XIV века из Термеза. Бюллетень САГУ, в. 18, Ташкент, 1929, стр. 56 и 63—64.
[2] В. В. Бартольд. Указ соч.
[3] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 53.
[4] См. МИТТ, I, стр. 227.
[5] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 64—67.

истории большое значение имело то обстоятельство, что они занимали бедную ресурсами страну, удаленную от больших торговых дорог, — одну из самых делеких и глухих областей улуса Джучидов, на которую, видимо, мало было претендентов из монгольских феодалов. Отсутствуют сообщения о монгольских походах на страну северных туркмен, хотя это и не значит, что таких походов не было.

Большое место в «Родословной туркмен» Абулгази занимает рассказ об Эрсари-бае[1] (или, как его теперь называют туркменские предания, — Эрсари-баба). Он происходил якобы из племен салыров, но затем стал знатен, богат и возглавил собственную значительную группирову на Балханах, которая стала рассматриваться как особое племя (позднейшее племя эрсари). Был ли он действительно салыром по происхождению, трудно сказать. Дело в том, что «родословные» поздне-средневековых степных племен политические связи часто представляют в виде связей родственных, причем подчиненные группировки объявляются младшими по происхождению. Весьма вероятно, что Эрсари-бай возглавлял группировку, подчинявшуюся салырам, но позднее добился независимости от них. «Родословная» говорит, что он был ревностным сторонником ислама и за 40 верблюдов получил от шейха Шереф-ходжи книгу «Муин аль-Мюрид»; эта книга написана в 1313—1314 гг., что, по мнению В. В. Бартольда, и определяет время жизни Эрсари-бая[2].

Ничего неизвестно об отношении эрсаринской группировки к Золотой Орде. Весьма вероятно, что золотоордынские усобицы конца XIII в. позволили туркменам Балхан, наиболее удаленным от Сарая, добиться значительной самостоятельности. Это, возможно, и было одной из причин стремления Эрсари-бая укрепить ислам и тем усилить идеологическое воздействие на низы туркменского общества с целью предотвратить антифеодальные выступления в таких условиях, когда нельзя было рассчитывать на помощь со стороны монгольского государства.

Туркменские предания сообщают, что хан «персидских монголов» (т. е. один из Хулагуидов) требовал себе в жены дочь Эрсари-бая; возможно, что это предание отразило попытку Хулагуидов подчинить себе эрсаринскую группировку. Позднее на эрсаринцев напал некий Кама-бек. Сам Эрсари-бай был убит у колодца Дукер (может быть, Туар-Кыр, где и сейчас показывают его могилу), дочь его захвачена в плен и пле-

---

[1] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 68—69.
[2] В. В. Бартольд. Указ соч., стр. 44.

мя разгромлено[1]. Время этого события неизвестно, но оно совершилось, если только предание о сватовстве хана «персидских монголов» соответствует действительности, до 1354 г., т. е. до падения династии Хулагуидов.

Позднее туркмены Балхан, Северных Кара-Кумов и Усть-Урта подчинялись Джани-беку[2]. Они были обложены податью, в счет которой давали хану верблюдов[3]. Этих верблюдов ханские пастухи (дюечи) пасли здесь же на Балханах. Кроме того, туркмены, как и все кочевые племена, обязаны были выставлять войско[4]. На Балханы прибыл с многочисленной свитой наместник Джани-бека, уйгур Санклы-Син, который собирал налоги и воинов и творил суд и расправу. Это укрепление власти Золотой Орды над туркменами произошло за год до смерти Джани-бека, т. е. было связано с успехами его захватнической политики в Азербайджане и Хорасане в 1355—1356 гг.

Балханские туркмены поднялись против притеснителей[5]. Санклы-Син был убит, а его приспешники бежали. В это время умер Джани-бек, а его преемник Берди-бек был слишком занят борьбой с мятежными феодалами, чтобы предпринять поход против «непокорных» туркмен. Даже раб Аяз, убивший Санклы-Сина, остался безнаказанным и проживал среди балханских туркмен (он якобы стал основателем рода эски). Но формально туркмены (или часть их) считали себя подданными Берди-бека и на Балханах по-прежнему паслись ханские верблюды[6].

Однако после смерти Берди-бека, во время смут в Золотой Орде, положение изменилось. Туркмены, видя ослабление своих угнетателей, взялись за оружие, захватили ханские стада (отнятые ранее у них в виде налога) и разогнали пастухов-дюечи. Те, очевидно, также вовсе не желали возвращаться в золотоордынскую кабалу и поселились южнее Балхан на берегу моря, уже как свободные люди[7]. Позднее они стали рассматриваться как особый род и вошли в состав племени иомутов.

Таким образом, туркмены активно участвовали в борьбе покоренных народов против ига золотоордынских ханов.

Ослабевшая после Куликовской битвы Золотая Орда не

---

[1] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 68—69.
[2] Там же, стр. 67.
[3] Там же, стр. 71—72. Вероятно это был «купчур», т. е. однопроцентный налог со скота.
[4] Там же, стр. 67.
[5] Там же, стр. 67—68.
[6] Там же, стр. 72.
[7] Там же.

смогла, очевидно, восстановить свою власть на Балханах и Узбое. С этого времени в источниках уже не упоминается о подчинении живших там туркменских группировок Золотой Орде или хотя бы о походах монгольских войск в страну туркмен.

Отсутствие упоминаний о таких туркменских племенах, как салыры, иомуты, теке, заставляет предположить, что они в XIV в. еще не освободились от власти монголов; самые ранние известия об этих племенах, относящиеся к началу XVI в., свидетельствуют, что они размещались на Мангышлаке и Усть-Урте, вплоть до Хорезма, а эти места (кроме Хорезма) и во второй половине XIV в. прочно удерживались монголами. Так, Туйходжи-оглан, отец хана Тохтамыша, в 50—60-х годах XIV в. правил Мангышлаком[1]. О туркменах на Мангышлаке и Усть-Урте сообщает, видимо, и Омари[2].

О хозяйстве и общественном строе северных туркмен в XIII—XIV вв. мы знаем еще меньше, чем об их политической истории. Приведенное выше сообщение Абулгази о том, что туркмены платили налог скотом и выставляли войско, позволяет заключить, что они были кочевниками-скотоводами, тем более, что о кочевничестве туркмен Абулгази говорит неоднократно. Несомненно, что значительная часть туркмен вела полукочевой образ жизни, характерный для туркмен и в более позднее время. Абулгази так описывает жизнь приузбойских туркмен: «Весной жители уходили на места возвышенные; когда появлялись мухи и слепни, люди, имевшие стада, уходили к дальним колодцам, находившимся на расстоянии почти в два дневных перехода от реки; когда же прекращался овод, они приходили опять на берега реки[3].

Огромное значение для развития хозяйства северных туркмен имел прорыв после монгольского завоевания Аму-Дарьи на запад, обводнение Дарьялыка и Сарыкамыша. По Дарьялыку и северо-восточным берегам Сарыкамыша возникают многочисленные земледельческие поселения, наиболее крупными из которых были города Везир (ныне развалины Дев-Кескен), Терсек (Щемаха-Кала) и Адак или Янгишехер (Ак-Кала). Население было смешанное[4], но нет никакого сомнения, что туркмены играли здесь крупную роль; недаром одно из туркменских племен, сложившееся в XIV—XV вв., носило название адаклы или адаклы-хызр[5]. По берегам Сарыкамыш-

---

[1] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, АН СССР, 1941, стр. 211.

[2] В. Тизенгаузен. Указ. сборник, т. I, стр. 243.

[3] Цитируется по С. П. Толстову. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 308.

[4] Там же, стр. 314.

[5] В. В. Бартольд. Очерк, стр. 45.

ского озера начала создаваться сложная ирригационная система, остатки которой сохранились до наших дней.

Абулгази помещает туркменское племя хызр-или, занимавшееся земледелием, на верхнем Узбое, но оно, очевидно, распространялось и восточнее. Часть его, жившая в Адаке и его окрестностях, и получила, вероятно, название адаклы. Земледелие развивалось не только на Дарьялыке и Сарыкамыше, но и на Узбое, где поля орошались, очевидно, такырными водами, для сбора которых устраивались простейшие водосборные приспособления. Еще и сейчас на дне Узбоя видны остатки древних пашен[1]. Развитие земледелия было тем более необходимо, что разорение монголами ирригационных систем Мерва и Хорезма и запустение Дехистанского оазиса с конца XIV в. должно было резко сократить размах хлебной торговли на территории Туркменистана. Это заставляло степные племена увеличивать собственные посевы. Можно не сомневаться, что к земледелию у степняков переходила по преимуществу беднота, не имевшая достаточного количества скота. Абулгази ясно говорит, что кочевали не все туркмены, а только те, кто имел скот. Это первое сообщение[2] о делении туркмен на чомур (земледельцев) и чарва (скотоводов).

Изучая социально-экономический строй северных туркмен XIII—XIV вв., нельзя пройти мимо факта массового переселения в Северо-Западный Туркменистан беглых из соседних областей. Абулгази так описывает создание племени хызр-или, «родоначальником» которого был бай Хызр-Джуре, занимавшийся земледелием в районе колодцев Куртыш (верхний Узбой): «Четыре монгола пришли и поступили к Хызр-Джуре в работники. Затем шесть салыров пришли и тоже поступили в работники. Все они разбогатели. С разных сторон собрались голодные, отощавшие и ограбленные и, присоединившись к ним, поселялись»[3].

Подобным же образом возникло в XIV в. и племя алили, жившее в то время на среднем Узбое, западнее хызр-или. Его основателем (т. е., очевидно, первым вождем) «Родословная» называет Али-Джуре[4], богатого земледельца, жившего также около середины или во второй половине XIV в. «Бедняки и голытьба из туркмен и узбеков около него поселились. Всех их

---

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 308.

[2] Если не считать сообщения Махмуда Кашгарского о наличии «ятуков» — оседлой прослойки у огузов.

[3] Абулгази. Родословная туркмен. Пер. А. Г. Туманского, стр. 69.

[4] По Абулгази, он был рабом, по алилинским устным преданиям — братом Эрсари-бая.

навывают Али-или» — говорит Абулгази. Так возникло и племя кара-ойли, жившее на нижнем Узбое и по берегу Каспийского моря; это была беднота, занимавшаяся, очевидно, рыболовством, подобно присоединившимся к ним дюечи[1].

Что заставляло людей бежать в эти суровые, выжженные солнцем степи и нагорья? Вероятно, многие из беглецов появились здесь уже в XIII в., спасаясь от монгольских погромов. Этот приток населения в туркменские степи продолжался и позже, когда крестьянство Хорасана, задавленное чудовищными налогами и поборами, частью восставало с оружием в руках, частью бежало, стремясь спастись от произвола хулагуидских чиновников и иктадаров, как об этом сообщает Рашид ад-дин. Бежала беднота из Золотой Орды (вспомним монголов в составе хызр-или и алили), вероятно, и из Хорезма. Бежало так много «голодных отощавших и ограбленных», что из них складывались целые группировки, которые в условиях сохранения патриархально-родовой организации у туркмен, постепенно превращались в новые «племена».

Одна из причин этой массовой эмиграции была, должно быть, в том, что на далекой и труднодоступной окраине монгольских государств, какую представлял Северо-Западный Туркменистан, меньше ощущался гнет золотоордынских и хулагуидских ханов и их приспешников — «кровавая грязь монгольского рабства» (по выражению К. Маркса). Весьма вероятно, что именно эти массовые побеги хорасанских крестьян на Узбой после юридического закрепощения крестьян при Газан-хане и вызвали у Хулагуидов стремление подчинить Балханы, что отразилось в рассказе о сватовстве хана «персидских монголов» к дочери Эрсари-бая[2].

Патриархальные отношения в Северо-Западном Туркменистане XIII—XIV вв., конечно не были господствующими, сочетаясь с феодальными отношениями и патриархальным рабством; легенды говорят, что беднота как местная, так и пришлая подвергалась жестокой эксплуатации.

Основой этой эксплуатации была крупная земельная собственность. В «Родословной» Абулгази определенно говорится, что Эрсари-бай купил шесть источников на Больших и Малых Балханах, и эти источники перешли по наследству к его потомкам[3]. Сопоставление этого сообщения Абулгази с теми формами собственности на землю и воду, которые существо-

---

[1] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 70—72.
[2] Там же, стр. 68—69.
[3] Там же, стр. 72.

вали у туркмен позднее, в XVIII—XIX вв.[1], дает основание считать, что у туркмен XIV в. формально в частной собственности была не земля, которой было очень много, а немногочисленные водные источники, необходимые для скотоводства (водопои) и орошаемого земледелия.

«Родоначальники племен» в рассказе Абулгази выступают перед нами в виде крупных земельных собственников, эксплуатирующих пеструю и разноплеменную массу бедноты, сидящую на их земле и частично кочующую вместе с ними. Вся эта группировка и именовалась племенем. В наиболее тяжелом положении были рабы, хотя рабство было патриархальным и рабов часто отпускали на свободу; впрочем, даже отпущенные рабы и их потомство рассматривались как низшая часть общества[2].

Нечто подобное происходило и севернее — на Усть-Урте и Мангышлаке, где, как уже говорилось, жили салыры, иомуты, теке, сарыки и, вероятно, човдуры. И здесь складывались из различных элементов новые смешанные группировки, которые лишь иногда (салыры, човдуры, абдалы, может быть, и теке) можно связать с каким-либо одним древним племенем, хотя и в этих случаях к основному ядру, несомненно, присоединилось много пришлого элемента; важно при этом, что сложились новые родо-племенные группировки в обстановке дальнейшего развития феодальных отношений в Золотой Орде.

Еще Г. И. Карпов пришел к выводу, что возникновение большинства поздне-средневековых туркменских родо-племенных подразделений (тайпа и тире) относится именно к монгольскому периоду[3]. С этим выводом следует согласиться. Эти новые группировки связывались не столько родственными отношениями, сколько отношениями господства и подчинения, основанными на крупной феодальной земельной собственности (формально—собственности на водные источники) степных феодально-родовых вождей. Эти классовые отношения прикрывались родо-племенной формой, так как в силу отсталости хозяйственного строя в общественном строе сохранилось много патриархально-родовых пережитков. Такие отношения следует охарактеризовать как полупатриархальные — полуфеодальные.

Классовая борьба, шедшая в туркменском обществе, обусловливала необходимость государственной организации. Се-

---

[1] Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1955, стр. 68—71 (выступление А. Каррыева).

[2] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 70—71 .

[3] Г. И. Карпов. Туркмены-огузы. «Известия ТФАН СССР», 1945, № 1, стр. 8.

верные туркмены в это время не были политически независимыми племенами—они входили в состав Золотой Орды, — и позднее туркменские феодально-родовые вожди носили золотоордынские звания, например, онбеги (десятник)[1]. Не видно, впрочем, чтобы туркменская знать играла в Золотой Орде важную политическую роль — мы не находим среди туркменских вождей каких-либо крупных сановников и военачальников, даже сотников[2]. Туркменские феодально-родовые вожди заботились об укреплении феодальной политической и идеологической надстройки, в частности религии ислама. Это не мешало туркменским вождям, как и монгольским нойонам и эмирам, добиваться максимальной политической самостоятельности, возможной в условиях вхождения в Золотую Орду. Самостоятельного же государства у туркмен в XIII—XIV вв. не было.

В этот период возобновляется и усиливается процесс формирования туркменской народности, замедленный вторжением монголов. Ее основу составили туркменские племена, издавна населявшие Северный Туркменистан, Усть-Урт и Мангышлак. В XIII—XIV вв. эти племена перемешиваются, старые кровнородственные объединения окончательно заменяются новыми феодальными, территориальными, что способствует постепенному стиранию прежних родо-племенных различий и особенностей; вместе с тем, в новые объединения включается множество разноплеменных переселенцев, которые с течением времени ассимилируются туркменской массой. Так постепенно складывается туркменская народность, сохранившая в условиях феодальной раздробленности много элементов неоднородности, но при всем этом четко отличавшаяся от соседей (кочевников-узбеков, оседлых таджиков, хорезмийцев и хорасанцев) своим полукочевым хозяйством, особенностями физического облика, культуры и быта. Эти особенности позволяли впоследствии безошибочно отличать туркмена от узбека, таджика, казаха, хотя при более внимательном наблюдении можно было заметить разницу между отдельными туркменскими племенами, которая самим туркменам была отлично известна и могла иногда даже заслонять в их глазах общенародное единство.

---

[1] См., например, Мунис, МИТТ, II, стр. 329. Эти звания у алили и теке сохранились и в XIX в.

[2] В виде исключения можно назвать туркменское тире бекаул, связанное с монгольским званием букаул, которое, возможно, носил основатель этой группировки. По Абулгази (Родословное древо тюрков, стр 207), оно называлось букаул. Позже оно объединилось с тире кара и стало называться карабекаул.

д) Последствия монгольского ига

Общие последствия монгольского завоевания и свыше чем столетнего монгольского ига были крайне тяжелы для Туркменистана, как и для всех стран, покоренных монгольскими степными феодалами. К. Маркс пишет, что монгольское иго «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой».

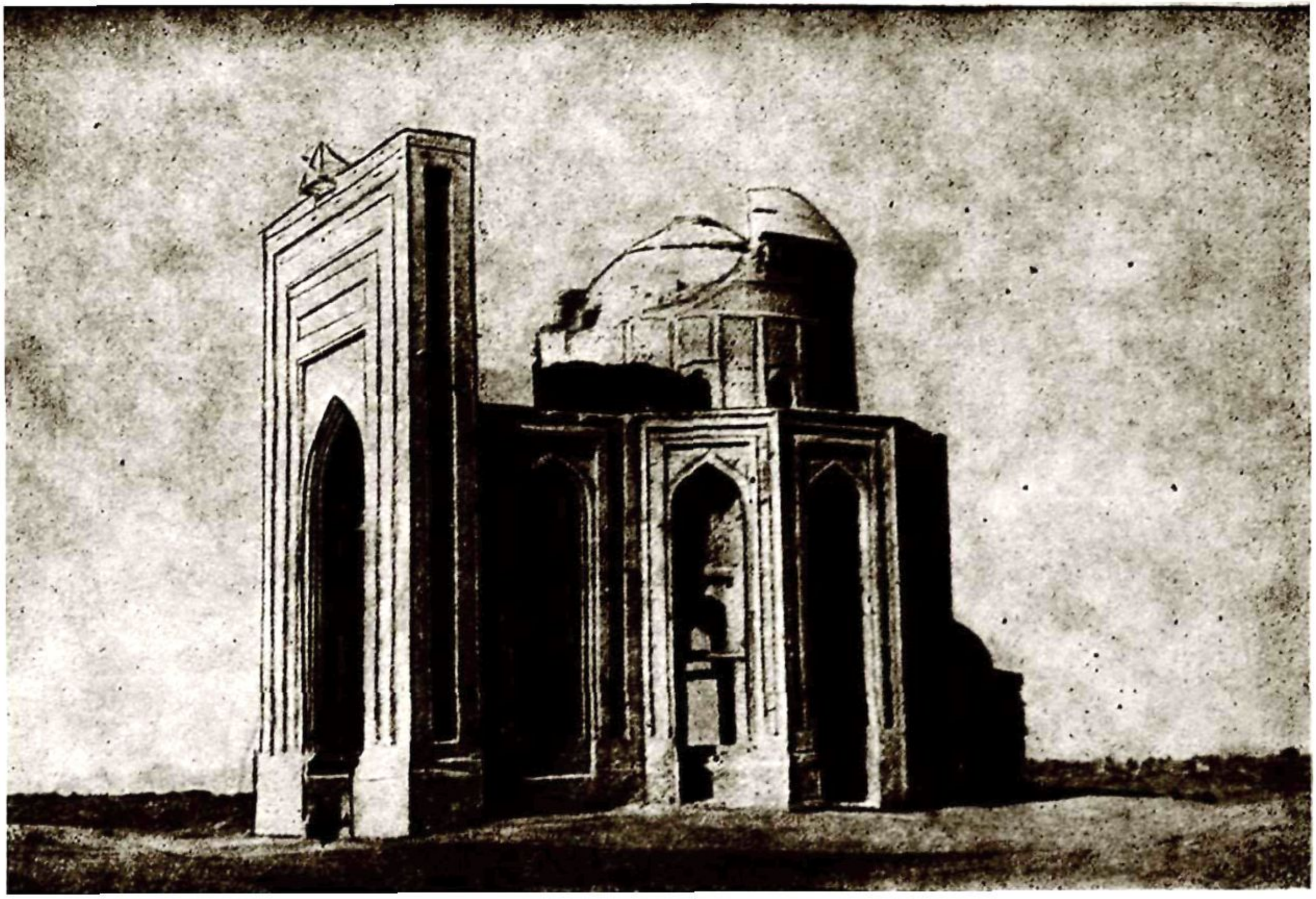
Монгольское нашествие не изменило основ общественного строя Средней Азии; завоеванные ими страны остались, как и были, феодальными. Сохранилась основа феодальной эксплуатации — феодальная собственность на землю. Географ Омари, например, указывает, что после захвата Хорезма монголами «...у войск хорезмийских остались прежние отведенные им земли; все, что находилось в руках их отцов, теперь остается в руках их сыновей»[1]. Но производительные силы в период монгольского нашествия жестоко пострадали, а тяжкое монгольское иго препятствовало их восстановлению.

Особенно пострадал от монгольского нашествия Северный Хорасан и Хорезм. Погибли высоко развитые ирригационные системы, запустели некогда богатые города, было перебито множество населения. В меньшей степени, но все же сильно пострадали и кочевые племена, в частности туркмены. Истребление значительной части оседлого населения, упадок орошаемого земледелия и ремесла и переселение на территорию Туркменистана крупных масс тюрко-монгольских кочевников привели к повышению роли кочевого скотоводства в хозяйстве, и свойственных кочевникам того времени патриархально-феодальных отношений в общественном строе. Руководящая роль в политической жизни перешла к военнокочевой знати, наиболее реакционной и отсталой части феодального класса. Все это привело к общему упадку страны. Хозяйство, как сельское, так и городское стало более примитивным, удельный вес товарного производства резко сократился. В условиях господства монгольской кочевой знати восстановление хозяйства шло крайне медленно. Лишь Ургенч в XIII—XIV вв. достигает нового расцвета, превратившись в один из важнейших пунктов на большой дороге из Китая в Восточную Европу.

Воспрянувший из развалин с середины XIII в. Мерв, хотя и стал снова крупным городом, все же не достиг в XIV столетии не только высокого уровня времен Сельджукидского государства, но даже того состояния, в каком он находился к моменту монгольского завоевания.

---

[1] В. Тизенгаузен. Указ. сборник, т. 1, стр. 243—244; здесь речь идет, очевидно, об «икта».

Усыпальница династии Суфи в Куня-Ургенче.

Тяжелый феодальный гнет, дикий произвол монгольских ханов и перешедших на их службу местных феодалов — все это заставляло множество крестьян искать спасения в бегстве. Беглецы искали укрытия в далеких и труднодоступных областях Северо-Западного Туркменистана. Жившие там туркменские племена, ассимилируя массу пришлого люда, консолидировались постепенно в туркменскую народность. Другая часть туркмен продолжала жить оседло или полуоседло в Южном Туркменистане. В XIV в. у туркменских племен полностью складываются типичные для отсталых полукочевых племен и народов патриархально-феодальные отношения, появляется крупная феодальная собственность на землю и водные источники.

3. Феодальное общество на территории Туркменистана при Тимуре и Тимуридах

а) Южный Туркменистан и Хорезм

В конце XIV в. Туркменистан вошел в состав империи эмира Тимура[1].

Тимур был выходцем из тюрко-монгольской кочевой знати. Свою молодость он провел в междоусобных и в разбойничьих набегах в Мавераннахре, пытаясь выдвинуться и стать главой какого-нибудь владения. Это была бурная жизнь феодала-авантюриста. Не раз Тимур оказывался в тяжелом положении, а в 1362 г. был даже вынужден бежать из Мавераннахра в Сеистан. Во время бегства Тимур попал в плен к туркменам Махана[2], но его выручили друзья, в том числе Мубарек-шах, один из кетхуда туркменского племени санджари[3]. Позднее Тимуру и его соправителю эмиру Хусейну удалось захватить власть над большей частью Мавераннахра, они подавили народное восстание в Самарканде и овладели в 1366 г. этим городом[4]. В 1370 г. Тимур одержал победу над Хусейном и затем стал единовластным правителем Мавераннахра. К этому времени Тимур уже проявил себя крупным полководцем, сумевшим развить военную систему монголов. Обеспечив

---

[1] Биографические данные о Тимуре обстоятельно изложены в работе А. Ю. Якубовского «Тимур (опыт исторической характеристики)» «Вопросы истории», 1946, № 5—6.

[2] Около нынешнего Мары.

[3] Низам ад-дин Шами. Зафар-наме, МИТТ, I, стр. 513—514.

[4] *История Узбекской ССР*, т. I, кн. первая, стр. 317.

твердую власть в Мавераннахре, он предпринял ряд завоевательных походов на соседние страны.

В Хорезме тогда правила династия Суфи из племени кунград. Претендуя на все наследие чагатайского улуса, Тимур потребовал, чтобы эмир Хусейн Суфи вернул ему Хиву и Кят, ранее входившие в состав этого улуса, но в середине 1360-х годов подпавшие под власть правителя Хорезма. Получив отказ, Тимур в 1372 г. двинул свои войска на Хорезм. Крепость Кят была взята штурмом, разграблена и население ее перебито. Конные отряды Тимура опустошали страну. Хусейн Суфи пытался оказать сопротивление, но внезапно умер, а его преемник Юсуф Суфи поспешил заключить мир с Тимуром[1].

Однако мир был непрочным. Юсуф Суфи неоднократно пытался вернуть Кят. После двух столкновений в 1373 и 1376 гг., не имевших решительного исхода[2], Тимур в начале 1379 г. вновь выступил на Хорезм и осадил Ургенч[3]. Осенью того же года Юсуф Суфи умер; в Ургенче начались феодальные смуты, и Тимур легко овладел этим городом: «крепость захватили, разграбили, отобрали пленных, разрушили то место и захватили имущество и добро без меры», — пишет Низам ад-дин Шами[4]. Другой историк добавляет, что часть населения Ургенча, в том числе ремесленники, была уведена в Мавераннахр[5]. Это был жестокий удар по цветущему городу. Но худшее было впереди. Еще более сильный удар Ургенчу был нанесен Тимуром в ходе многолетней борьбы его против Золотой Орды, которая завязалась еще в 70-х годах.

К 1379 г. Тимуру удалось сделать своего ставленника Тохтамыша ханом Ак-Орды. Но Тохтамыш обманул надежды покровителя; воспользовавшись поражением Мамая на Куликовском поле, Тохтамыш сверг этого правителя и объединил обе части улуса Джучидов, превратившись из ставленника Тимура в опасного соперника[6]. Сулейман Суфи тотчас признал верховную власть Золотой Орды над Хорезмом и с 781 г. х. (1379—1380 гг.) стал снова чеканить монету от имени ее нового хана Тохтамыша.

В 1388 г., когда Тимур ушел из Средней Азии в завоевательный поход на запад, Тохтамыш и Сулейман Суфи напали на Мавераннахр. Однако поспешное возвращение Тимура

---

[1] Низам ад-дин Шами, МИТТ, I, стр. 514—516.
[2] Там же, стр. 516—517.
[3] Там же, стр. 518.
[4] МИТТ, I, стр. 519.
[5] Шереф ад-дин Езди. Зафар-наме, МИТТ, I, стр. 519, сноска 3.
[6] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, АН СССР, 1950, стр. 316—335.

заставило их бежать[1]. Тимур в пятый раз двинулся на Ургенч, который был без боя покинут Сулейманом Суфи и его сторонниками[2]. Город подвергся жестокому разгрому. Многих жителей увели в Мавераннахр. Тимур приказал сравнять Ургенч с землей и землю эту засеять ячменем[3]. В течение десяти дней его воины грабили, жгли и разрушали город. Однако совершенно снести старый Ургенч с лица земли не удалось, и в нем сохранилось несколько замечательных зданий. В 1391 г. Тимур повелел возродить город, но по словам Шереф ад-дина Али Иезди, в Ургенче, в исполнение этого приказа, был восстановлен только один квартал[4]. Впоследствии Ургенч более основательно отстроился, но так и не приобрел своего прежнего значения одного из важнейших торговых центров Востока. Это во многом определялось общим упадком северного торгового пути, проходившего по территории Золотой Орды через Хорезм и подорванного вначале войнами Тимура, а затем дальнейшим ослаблением хозяйственных связей золотоордынских городов со Средним Востоком. После Ургенча Тимур разгромил города Нижнего Поволжья — Сарай-Берке и Хаджи-Тархан (Астрахань)[5]. Все эти события нанесли очень тяжелый удар торговле и ремеслу Хорезма, превратив некогда цветущие торгово-ремесленные области в глухую и отсталую провинцию[6].

Южный Туркменистан также стал добычей Тимура. В 1381 г. он осадил и взял сильно укрепленный Герат, столицу владений династии Куртов. Устрашенные этим Али-бек, правивший Келатом, Мервом и Нисой, а также эмир Вали, под властью которого находились Гурген, Мазандеран и Дехистан, выразили покорность грозному завоевателю[7].

Однако Али-бек и эмир Вали все же надеялись отстоять свои владения и вскоре выступили против Тимура, что вызвало новый поход его на Хорасан в 1382 г. Пройдя через Махан, войско Тимура осадило крепость Келат. Осада затянулась, Тимур приказал восстановить старую крепость Каахка[8], оставив там войско для наблюдения за Келатом, а сам двинулся против эмира Вали. Тот снова смирился, а вскоре сдался и

---

[1] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ соч., стр. 333—335.
[2] Низам ад-дин Шами, МИТТ, I, стр. 523—524.
[3] История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, стр. 321.
[4] Там же, стр. 321—322.
[5] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 372—373.
[6] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 311—322.
[7] Низам ад-дин Шами, МИТТ, I, стр. 519—520.
[8] Ныне развалины Куня-Каахка севернее ст. Каахка, где встречается керамика XIV в.

Келат. Али-бек был увезен в Андижан и там казнен, а племя джунгурбани переселено в Ташкент[1].

На этом борьба не закончилась. Непокорство эмира Вали дало Тимуру повод в 1384 г. вновь совершить поход в Южный Туркменистан; пройдя через города Серахс, Абиверд, Нису и Дурун, он завоевал Гурген и Мазандеран[2].

Затем Тимур совершил ряд опустошительных вторжений в Иран, Индию, Закавказье и Малую Азию. Завоевания в этих странах создали ему славу непобедимого полководца, но вместе с тем человека чудовищной жестокости. По его приказам истреблялись десятки тысяч пленных, вырезывалось население больших городов, таких, например, как Дели и Исфахан. Имя его вошло в память покоренных народов, как символ кровавых ужасов войны и всеобщего опустошения. «Политика Тимура заключалась в том, — пишет К. Маркс, — чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом *всюду* наводить *ужас*»[3]. Войска Тимура проходили, оставляя за собою сожженные города и села, безмолвие кладбищ и башни из человеческих черепов.

Часть населения завоеванных стран, особенно ремесленники, уводились в Мавераннахр. Столица Тимура город Самарканд и Кеш (Шахрисябз), главный город вилайета, в котором он родился, украсились великолепными зданиями. Самарканд превратился в один из крупнейших торговых и ремесленных центров Востока того времени.

Тимур железной рукой подавил феодальные мятежи, что само по себе создавало благоприятные условия для хозяйственного развития его громадного государства. Но деятельность его была полна противоречий. Маркс пишет, что Тимур «...дал своему новому царству *государственное устройство* и *законы*, представляющие большой контраст с теми зверствами и дикими разрушениями, которые *по его приказам* совершали татарские орды»[4].

Основу войска Тимура составляли ополчения кочевых племен[5]. К этой службе привлекалась и туркменская конница, вынужденная участвовать в далеких походах Тимура. Так, в его походе на Золотую Орду в 1391 г. выдвинулся туркмен Шейх

---

[1] Низам ад-дин Шами, МИТТ, I, стр. 520—523.
[2] Там же, стр. 523.
[3] К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. VI, ГИПЛ, 1939, стр. 185.
[4] Там же, стр. 184.
[5] См. Клавихо. Жизнь и деятельность великого Тамерлана. АН СССР. Сборник Отд. русск. яз. и словестн., т 28. СПб., 1881, стр: 209—221.

Дауд, отличившийся удачной разведкой[1]. Туркменские отряды принимали участие и в других походах Тимура.

Громадное государство Тимура было типичной феодальной империей, созданной путем завоеваний и не имевшей единой экономической базы. Такое военно-административное объединение не могло быть прочным. Население Хорасана и других покоренных областей с ненавистью относились к жестокому завоевателю. В 1391 г., несмотря на страшный пример Ургенча, восстали туркмены Южного Хорасана (вероятно, баяты) и оседлое население. Восставшие объявили о своем переходе на сторону золотоордынского хана Тохтамыша и стали чеканить монету и читать хутбу с его именем. Восстание было подавлено сыном Тимура, Миран-шахом, который приказал умертвить 10 тыс. человек и из голов убитых построить башню[2].

Тимур умер в 1405 г. в самом начале тщательно подготовленного им похода на Китай. После смерти этого правителя его империя начала быстро распадаться.

В течение 1405—1409 гг. шли ожесточенные войны между потомками Тимура за его наследство. Тем временем Едигей, влиятельный эмир Золотой Орды, захватил Хорезм[3].

Лишь в 1409 г. Шахруху, сыну Тимура, правившему при жизни отца Хорасаном, удалось одержать победу над своими соперниками и стать номинально верховным правителем государства, хотя фактически оно превратилось в объединение многочисленных феодальных владений, во главе которых стояли потомки Тимура. Родственные связи, разумеется, не мешали им вести бесконечные интриги и войны друг против друга и против старшего в роде Шахруха.

Хорасан оставался в руках Тимуридов до 1507 г., т. е. немногим более ста лет. За это время в нем вновь окрепли феодальные отношения, некоторые успехи сделало земледелие и городское ремесло, но все же тяжелые последствия монгольского ига далеко не были преодолены, а кровавые усобицы Тимуридов мешали серьезному экономическому подъему страны.

Шахрух (1405—1447 гг.), как и большинство Тимуридов, опирался не на военно-кочевую знать, а на более передовые элементы феодального класса, связанные с земледелием и торговлей. При нем был проведен ряд мероприятий, рассчитанных на поднятие земледельческого хозяйства и городов.

---

[1] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, АН СССР, 1941.

[2] Низам ад-дин Шами, МИТТ, I, стр. 523.

[3] Абд ар-Раззак Самарканди, МИТТ, I, стр. 531—533.

Еще при Тимуре началось сооружение каналов для орошения земель в верховьях Мургаба[1], где в начале XV в. размещались многочисленные кочевья чагатайских племен[2]. Но большие работы по восстановлению ирригационной системы Мервского оазиса были проведены лишь при Шахрухе. С 1410 г. началось восстановление плотины и очистка занесенных каналов[3]. Ширина главного канала в головной части составляла 20 гязов, глубина—не менее 5 гязов. «Когда эта плотина была возведена и вода стала действовать в той области, — пишет географ и историк начала XV в. Хафиз-и Абру, — со всех сторон и концов люди выразили желание и стремление поселиться и остановиться в ней. Обстроили базары, заблистали мечети, заложили бани и караван-сараи. Во дни его (Шахруха) благополучной державы были устроены и заведены ханаки, медресе, рабаты и мосты»[4]. Так возник поздне-средневековый Мерв, ныне городище Абдулла-Хан-Кала около города Байрам-Али. Впрочем, часть населения продолжала жить на старом месте (нынешнее городище Султан-Кала)[5].

Хафиз-и Абру и повторяющий его рассказ Абд ар-Раззак Самарканди, по-видимому, преувеличивают хозяйственные успехи, достигнутые в Мервском оазисе во времена Шахруха. В действительности тимуридский Мерв оставался сравнительно небольшим городом, площадью всего в 0,4 *кв км*, значительно уступая домонгольскому Мерву.

Как показали работы ЮТАКЭ, во второй половине XV в., когда население Мерва заметно увеличилось, создалась необходимость в расширении укрепленной площади города. В связи с этим с юго-западной стороны была дополнительно обведена с трех сторон новой стеной вплотную примыкающая площадь в 0,35 *кв км* соответствующая руинам, известным теперь под названием Байрам-Али-Хан-Кала. Но и после этого Мерв тимуридского времени по территории был в несколько раз меньше города поры расцвета Сельджукидского государства.

Исфизари, писатель конца XV и начала XVI в., сообщает, что в Мерве выращивался великолепный хлопок, что хлопок-сырец и хлеб из Мерва вывозились в Герат[6]. Из этого рассказа видно, что Мервский оазис стал преимущественно сельскохозяйственным районом, и Мерв уже не восстановил своего былого значения крупнейшего ремесленно-торгового центра, хо-

---

[1] Хафиз-и Абру, МИТТ, I, стр. 524.
[2] Клавихо, стр. 214.
[3] Абд ар-Раззак Самарканди, МИТТ, I, стр. 530.
[4] Хафиз-и Абру, МИТТ, I, стр. 525—526.
[5] Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 (1953), стр. 411.
[6] В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, стр. 72.

тя в XV в. там существовали отдельные кварталы ремесленников, как например, металлистов[1].

Создание новых населенных пунктов продолжалось и позже. Так, в середине XV в. в Ахале возник город Багабад. Можно отождествить его с развалинами города Анау[2] в 13 *км* восточнее Ашхабада. Наряду с этим, отмечается обеднение и опустение сельских местностей как отдельных пунктов (например, Языр), так и целых районов[3].

Забота о развитии земледелия не означала, однако, повышения благосостояния крестьянства. Хорасанские крестьяне в тимуридский период были задавлены налогами и влачили жалкое существование, не говоря уже о разорениях во время частых войн.

Главным налогом был харадж, поступавший в пользу государства или отдельных феодалов. Очень тяжелой повинностью для крестьян был бигар—принудительные работы, также в пользу государства и феодалов. Кроме того, крестьянин платил подушную подать (сар-шумар), сбор с упряжек скота (кош или джуфти-гау), особые сборы на содержание местной администрации (мирабов, сборщиков налогов и т. д.) и всевозможные чрезвычайные налоги, весьма многочисленные. Крестьяне несли также перевозочную повинность (улаг); вдобавок ко всему этому, государственные власти устанавливали заведомо пониженные цены на продукты, поступавшие в виде налогов, что еще более отягощало крестьян[4].

Для того, чтобы понять истинное положение хорасанских крестьян XV в., нужно также учесть, что громадное большинство крестьян обрабатывало не свои земли, а земли феодалов, получаемые на основе издольной аренды. При Тимуре и в тимуридский период мы наблюдаем дальнейшее развитие крупной земельной собственности, этой основы феодальной эксплуатации. В это время наряду с хараджными землями, налоги с которых поступали непосредственно государству, существовал ряд категорий привилегированных земельных владений[5].

Важнейшим видом феодальной земельной собственности в тимуридских государствах был «суюргал», близкий к запад-

---

[1] Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 (1953), стр. 221.

[2] А. А. Марущенко. Существенные поправки. Туркменоведение, 1930, № 12.

[3] Труды САГУ, в. XLIX, Ташкент, 1953, стр. 10.

[4] А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои. «Родоначальник узбекской литературы». Сборник статей об Алишере Навои, Ташкент, 1940.

[5] См. А. А. Молчанов. Указ. соч. История Узбекской ССР, кн. первая, стр. 326—328 и др.

но-европейскому феоду. Суюргал являлся наследственным владением, его держатель имел судебно-административный иммунитет, собирал в свою пользу налоги с населения и мог требовать выполнения бигара. Часто в суюргал отдавались целые районы и области, иногда весьма обширные. Так, Шахрух пожаловал в суюргал своему сыну Байсункару весь Хорасан, а Хорезм передал Шах-мелику и т. д.[1] Эмир Санджар получил от царевича Абул-Касима Бабура в качестве суюргала Мерв[2]. Являясь носителем государственной власти в своих владениях, держатель суюргала назначал чиновников, командовал войсками и был связан с центральной властью только вассальными отношениями.

Привилегированными земельными владениями были мюльки, освобожденные от налогов полностью или обложенные десятиной (ушрия, десятая часть урожая; последний вид мюльков принадлежал обычно сеидам и некоторым духовным лицам), а также вакуфные земли, составлявшие основную часть богатств мусульманского духовенства[3].

Все права на эти привилегированные владения подтверждались особыми грамотами; очень часто феодалы получали тарханную грамоту, приносившую освобождение от налогов и от наказания за девять преступлений. Количество привилегированных земель росло непрерывно, что приводило к сокращению налоговых поступлений в государственную казну. Тимуридские царевичи и их сановники находили «выход» из создавшегося затруднения в том, что вводили новые и новые чрезвычайные налоги на крестьян и ремесленников[4].

При Тимуридах особенно четко оформляется феодальная система ленов, владетели которых были связаны между собой отношениями вассалитета. Каждый держатель суюргала имел свой вооруженный отряд нукеров. С ним он обязан был являться по призыву «сеньёра», т. е. более крупного феодала, от которого он получал суюргал. Каждый из крупных феодалов имел собственный двор, повторявший организацию двора Герата или Самарканда. Подробное описание этой феодальной организации, военных и придворных порядков, дает тимуридский царевич Захир ад-дин Мухаммед Бабур в своем автобиографическом сочинении «Бабур-наме».

Средневековые историки, интересовавшиеся в первую очередь делами феодалов, сообщают множество фактов о мятежах феодалов против центральной власти, об изменах беков

---

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, стр. 352.
[2] Абд ар-Раззак Самарканди, МИТТ, I, стр. 534.
[3] А. А. Молчанов. Указ. соч., стр. 162—165.
[4] Там же, стр. 168.

и дружинников своим господам, о бесконечных взаимных набегах и усобицах, в результате которых феодальные владения кроились и перекраивались, объединялись и распадались.

Гораздо меньше внимания историки XV и начала XVI в. (Хафиз-и Абру, Абд ар-Раззак Самарканди, Мирхонд, Хондемир и другие) уделяют описанию классовой борьбы в тимуридском обществе. Враждебное отношение к народным низам мешало этим историкам объективно и добросовестно изобразить тяжелое положение народных масс, их справедливое недовольство феодальным строем и справедливую борьбу против угнетателей; лишь немногие серьезные проявления классовой борьбы нашли свое отражение в трудах этих историков.

Народные волнения, выражавшиеся порой в виде вооруженных восстаний, отмечались во многих областях Тимуридского государства. В Герате и его окрестностях, например, в народе ходила «книга смутьянов», в которой в форме хадисов и стихов корана излагались положения, призывающие к ниспровержению существующего государственного строя[1]. В 1470 г. дело дошло до восстания в Герате. Восстание это было вызвано насилиями тимуридских чиновников над населением города. Лишь с большим трудом и используя различные методы, властям удалось справиться с этим крупным народным движением[2]. Все эти факты, которые не могли скрыть даже феодальные историки, несмотря на свою классовую ограниченность и тенденциозность, свидетельствуют об упорном сопротивлении народных масс жестокой феодальной эксплуатации. До нас дошли сведения и о восстаниях туркменских племен. В 1405—1406 гг., воспользовавшись феодальными смутами после смерти Тимура, восстали туркменские племена в Огурче (город на берегу Каспийского моря, близ впадения Узбоя) и Дехистане. Они пытались эмигрировать куда-либо, скорее всего на Балханы, но вынуждены были в 1409 и 1410 гг. вернуться обратно; их старшина (калантар) Тимур-Султан явился к Шахруху и получил разрешение жить на прежних местах[3].

Очень немного (кроме рассказов о восстановлении Мерва) сообщают историки XV в. о событиях, происходивших на территории нынешнего Южного Туркменистана.

Этнический состав населения Северного Хорасана был в то время очень пестрым и неоднородным. Здесь, несомненно, сохранялось старое таджикское население в городах и селах, но наряду с этим, во многих местах жили туркмены. Они

---

[1] А. А. Молчанов. Указ. соч., стр. 156.
[2] См. История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, стр. 360.
[3] Абд ар-Раззак Самарканди, МИТТ, I, стр. 529—530.

находились в районе опустевшего к этому времени Языра[1], в окрестностях Нисы (селение Салур)[2], на Атреке[3] и в Дехистане[4]. Здесь находились также различные тюрко-монгольские «чагатайские» группировки—арлаты, джалаиры и другие[5]. Видимо, все это пестрое, разноплеменное и разноязычное население было все же довольно однородным по своему социальному строю. Действительно, среди феодальной знати мы видим людей различных племен: Парка—монгол, Искандер—туркмен, Мирек—туркмен, Пир-Дервиш—каучин, Хасан—арлат и т. д.[6]

Столь же пестрым был и этнический состав эксплуатируемого трудящегося населения. В основном это были таджики, туркмены, чагатаи, перемешанные по территориальным округам и феодальным владениям.

С конца XIV в. отмечается постепенное запустение в Дехистане[7], где в XV столетии городская жизнь уже совсем замерла. Позднее он превратился в пустыню, заселенную кочевниками. Запустение Дехистана, наряду с факторами географического порядка, было связано с падением Ургенча при Тимуре. Последовавшее перемещение торговых путей привело к расцвету Герата, но резко сократило значение торговой дороги из Гургена в Хорезм, что повлекло за собой упадок городов Юго-Западного Туркменистана.

В Ахале и Атеке Хафиз-и Абру отмечает ряд городов и селений[8]. Некоторые из них сохранились поныне. Вся Прикопетдагская полоса делилась на три округа по числу трех городов — Языр с городом Дурун, Ниса и Абиверд. К ним относилось множество селений, причем большая часть этих селений находилась в горах[9], южнее нынешней государственной границы. В числе селений Языра упоминаются Фавара (вероятно, искаженное Фарау — ныне развалины Парау), Нохур, Джармаба (Гермаб), Мурси (Мурча?). Описывая город Нису, Хафиз-и Абру, называет 13 городских кварталов (махалля). Археологическими исследованиями ЮТАКЭ установлен квар-

---

[1] Они оставались там с XII по XVIII в.
[2] Хафиз-и Абру, МИТТ, I, стр. 528.
[3] Мирхонд, МИТТ, I, стр. 541.
[4] Абд ар-Раззак Самарканди, МИТТ, I, стр. 529—530.
[5] См. Абулгази. Родословная туркмен, стр. 70; Мирхонд, МИТТ, I, стр. 537.
[6] Абд ар-Раззак Самарканди, МИТТ, I, стр. 534, 535; Мирхонд, МИТТ, I, стр. 535; В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Пг., 1918, стр. 89.
[7] Отчеты ЮТАКЭ за 1946—1953 гг., стр. 95.
[8] МИТТ, I, стр. 527—529.
[9] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 81.

тал богачей, располагавшийся внутри хисара Нисы вдоль восточного фаса городской стены; к Нисе относилось 5 булюков (районов) с многочисленными селами и деревнями. В числе прочих указано селение Канат-Мелик Фируз (Фирюза), упоминается также селение Салур. Округ Абиверда имел 13 булюков, в том числе булюки Чехардех, ныне городище Чехардах около ст. Душак, Мехне (Меана) и Тежен (Теджен). В булюке Теджен, вместо приводимого для других булюков перечня селений, дается название пяти каналов, два из них носят имена каких-то феодалов (мелик Мухаммед Зирири и мелик Адрин-бек) и, очевидно, принадлежали им и их потомкам. Многие селения и булюки лежали южнее нынешней государственной границы.

Дальше на восток лежал округ Серахса. Город Серахс был сильной крепостью, но воды было мало—река Теджен, как и ныне, в основном разбиралась в Гератской долине, и летом вода до Серахса не доходила. Имеются сведения, что в районе Серахса сеяли пшеницу (очевидно, богарную) и сажали дыни.

О восстановлении Мургабского оазиса уже говорилось выше. При Тимуре началось возрождение Меручакского и Пендинского оазисов, где, по словам Хафиз-и Абру, «каждый из эмиров и вельмож державы провел канал и устроил на нем постройки и посевы»[1]. Всего было проведено 20 каналов. Больше всего здесь сеяли хлеб, но были и сады и огороды. В основном, однако, эти районы остались скотоводческими. Данные Хафиз-и Абру подтверждаются рассказом Клавихо. Что касается Мерва, то, по словам Абд ар-Раззака Самарканди[2], в первый же год после восстановления плотины, на обработке земель там было занято 500 упряжек (кошей) рабочих быков. Археологи обнаружили в Мерве XV в. косточки арбузов, помидоров, винограда и джиды[3]. Развитию земледелия в Мерве препятствовал разбор воды в Меручаке и Пенде[4]. В XV в. была сделана попытка возобновить ирригационную сеть между Мервом и Серахсом. Однако эта работа не была доведена до конца. Ирригационные работы велись также между Мервом и Меручаком.

Об оазисах среднего течения Аму-Дарьи известные нам письменные источники XV в. не содержат никаких сведений. Судя по археологическим памятникам, здесь в XV в., как и в

---

[1] МИТТ, I, стр. 524.
[2] Там же, стр. 530.
[3] Отчеты ЮТАКЭ за 1946—1953 гг., стр. 166.
[4] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 65.

XIV в., не было оседлых поселений, кроме Амуля и Земма. Остальные земли были заняты кочевниками[1].

Хафиз-и Абру, рассказывая о сельском хозяйстве Южного Туркменистана, называет почти исключительно хлеб и дыни[2], да изредка сады, но ничего не говорит о технических культурах и даже о виноградниках. Но Исфизари в конце XV в. пишет об отличном хлопке, вывозившемся из Мерва в Герат. По сравнению с X—XII вв. на территории Южного Туркменистана имел место несомненный регресс сельского хозяйства—снизилось значение технических культур, сельское хозяйство стало менее товарным.

О городском ремесле и о торговле на территории нынешнего Южного Туркменистана авторы XV в. почти не упоминают, только Хафиз-и Абру пишет о базаре около «моста Табана»[3], (ныне Ташкепри на среднем течении Мургаба)[4]. Однако на помощь приходит археология. Археологические данные указывают на интенсивную жизнь некоторых городов Мургабского оазиса и Прикопетдагской полосы в XV в.

Раскопки городища Новая Ниса, проведенные в ЮТАКЭ[5], позволили установить, что в XV в. Ниса была небольшим, но густо населенным городком, где производилась великолепная кашинная керамика, расписанная кобальтом по белому фону в подражание китайскому фарфору. Найдено также много фрагментов настоящего китайского фарфора с марками императоров Минской династии. Это свидетельствует об укреплении связей народов Средней Азии с великим китайским народом, связей, существовавших с глубокой древности, но ослабленных арабским завоеванием. Обнаружен также богатый намогильник 1417 г. над местом погребения дочери некоего сеида Ахада. У могилы другого сеида, шейха Джемал ед-дина была построена в 1456 г. великолепная мечеть в Анау, не уступавшая по своей красоте лучшим архитектурным памятникам Самарканда и Герата. В 1425 г. был капитально отреставрирован крупный мавзолей в Серахсе. В тимуридское время были заново отстроены усыпальницы над могилами арабских «знаменосцев» (Бурейды и аль-Хакама) в Мерве. Все это говорит о сильном влиянии феодального духовенства в городах Северного Хорасана. Несомненно также, что здесь жили и светские феодалы.

---

[1] Отчеты ЮТАКЭ за 1946—1953 гг., стр. 93.
[2] МИТТ, I, стр. 524—527.
[3] Там же, стр. 524.
[4] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 64.
[5] См. труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, статьи М. Е. Массона, М. И. Вязмитиной, Г. А. Пугаченковой; Отчеты ЮТАКЭ за 1946—1953 гг., стр. 93—94

С разрушением Ургенча и падением торгового пути Гургенч-Хорезм города Северного Хорасана не выключились, разумеется, из внешнеторговых сношений, что доказывает наличие на городищах китайского фарфора XV в. Но участие северохорасанских городов в транзитной торговле резко уменьшилось.

Размах ремесленного производства также значительно сократился. Конечно, старые традиции хорасанских ремесленников не были полностью утрачены и в монгольский период. Работы ЮТАКЭ[1] позволяют говорить, например, о высоком уровне керамического мастерства в городах Северного Хорасана тимуридского времени. Но высококачественная кашинная керамика была распространена сравнительно мало; обнищавшее сельское население, видимо, не могло покупать ее, и на развалинах сел и деревень она встречается очень редко, во много раз реже, чем отличная городская керамика XII в.

Это позволяет предположить значительное сокращение внутренней торговли. Такое предположение вполне согласуется с картиной общего хозяйственного упадка Северного Хорасана в послемонгольское время по сравнению с XI—XII вв., от которого города Северного Хорасана не оправились полностью и в XV в.

Преодолению последствий монгольского ига мешали бесконечные усобицы Тимуридов и набеги степных племен, в первую очередь руководимых узбекской феодальной знатью.

Смерть Шахруха в 1447 г. привела к ожесточенной борьбе между его наследником Улуг-беком и другими тимуридскими царевичами. Несмотря на ряд успехов, Улуг-бек не смог удержать Хорасан и Герат. Хорасан был так разрушен и опустошен, что следы разрушений сохранились еще в конце XV в.[2]. В результате длительных феодальных войн Хорасан достался тимуридскому царевичу Абул-Касиму Бабуру, который в 1447 г. укрепился на Гюргене, затем захватил Нису и Языр, а в 1449 г., преследуя отступавшего Улуг-бека, занял Мерв и Герат. Усобицы в Мавераннахре после смерти Улуг-бека способствовали тому, что Абул-Касим Бабур сохранил власть над Хорасаном до своей смерти. Он умер в 1457 г. Но попытка его захватить в 1454 г. Самарканд кончилась неудачей, да и в самом Хорасане феодалы плохо подчинялись ему. После его смерти, когда феодальная анархия в Хорасане усилилась[3], в борьбу вмешивались тимуридский правитель Маве-

---

[1] Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад 1949.

[2] В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 126.

[3] Абд ар-Раззак Самарканди, МИТТ, I, стр. 534.

раннахра Абу-Сеид и вождь закавказского туркменского племени кара-коюнлу Джехан-шах. Абу-Саиду удалось овладеть Хорасаном и удержать его до 1468 г., когда он сам погиб в Азербайджане. Однако в годы его правления на территории Северного Хорасана почти не прекращались мятежи и усобицы.

После гибели Абу-Саида выдвинулся тимурид Султан-Хусейн, который еще с 1457 г. принимал активное участие в феодальных усобицах, пытаясь захватить себе какое-либо владение. В течение одиннадцати лет он вел жизнь феодального авантюриста[1], то захватывая Мерв, Нису или Гюрген, то уходя в Северный Туркменистан от преследования более сильных феодальных хищников. Однако после смерти Абу-Саида Султан-Хусейн достиг успеха. В результате двухлетней борьбы с Тимуридами-соперниками ему удалось захватить Герат, а затем и весь Хорасан, власть над которым он удержал до своей смерти в 1506 г., хотя конец его правления ознаменовался рядом феодальных мятежей. В том, что власть Султан-Хусейна оказалась сравнительно крепкой, немалую роль сыграл его выдающийся сподвижник, поэт и государственный деятель Алишер Навои, память о котором поныне живет среди туркмен.

Жизнь народа в тимуридских государствах была очень тяжелой. Население Хорасана страдало от усобиц и от набегов северных степных племен. Уже в 1430 г. узбеки из Дешт-и Кипчака захватили часть Хорезма и с трудом были выбиты войсками Шахруха. В 1456—1457 гг., опасность вторжения кочевников настолько выросла, что несколько эмиров с войсками были отправлены на всю зиму в Нису и Языр для прикрытия границы[2].

Феодальные усобицы, жестокая эксплуатация и обнищание крестьян, упадок значительной части городов, общая хозяйственная депрессия—такова была неприглядная картина состояния Северного Хорасана к концу тимуридского периода.

б) Северо-западный Туркменистан

Данных об истории северных туркменских племен в XV в. еще меньше, чем сведений об истории Северного Хорасана. Можно сказать с уверенностью, что на Балханах, Мангышлаке, Усть-Урте, Узбое и Дарьялыке по-прежнему сохранились

---

[1] В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Мир-Али-Шир, сборник к пятисотлетию со дня рождения, Л., 1928.
[2] Абд ар-Раззак Самарканди, МИТТ, I, стр. 533—534.

полунезависимые группировки туркменских племен—эрсари, салыры, алили, адаклы-хызыр и другие. В Юго-Западном Туркменистане упоминаются[1] «люди тохтамыш», возможно связанные с текинским подразделением тохтамыш.

Работы Хорезмской экспедиции АН СССР показали, что в XV в. *продолжалось освоение туркменами земель по берегам* Сарыкамышского озера, начавшееся еще в XIV в. Из Сарыкамыша и других мелких озер выводились каналы, расходившиеся веером по степи; из этих каналов с помощью водоподъемных сооружений вода подавалась на поля. В хвостовых частях каналов сохранились остатки землянок и площадки юрт, а также старинные кладбища. На юго-восточном побережье Сарыкамыша озерными водами орошалось не менее 50 тыс. га. «Грандиозная и сложная оросительная система окраин Сарыкамышской котловины, — пишет С. П. Толстов, — была создана туркменским земледельческим населением этого района — факт исторически очень важный и свидетельствующий о древних земледельческих традициях и навыках туркменских племен, которых в литературе нередко еще рисуют как вчерашних кочевников»[2]. На берегах Сарыкамыша жило, видимо, племя адаклы-хызыр; у некоторых других племен основой хозяйства оставалось кочевое и полукочевое скотоводство.

На берегу Каспийского моря обнаружены остатки значительных туркменских поселений, возникших в XIV—XV вв. Уровень Каспийского моря был тогда выше современного и эти поселения располагались на прибрежных островах[3].

Скупые данные о социальном строе северных туркменских племен позволяют все же утверждать, что у них сохранились прежние патриархально-феодальные отношения. Это было обусловлено сохранением архаических форм натурального хозяйства—экстенсивного кочевого скотоводства, охоты, рыболовства, домашнего ремесла, примитивного земледелия (хотя у некоторых племен, например, адаклы-хызыр, земледелие получило значительное развитие). Беднота подвергалась тяжелой эксплуатации. Так, эрсаринские онбеги и аксакалы сдавали в аренду племенам кара-ойли и дюечи шесть источников на Больших и Малых Балханах, за что кара-ойли и дюечи обязаны были отдавать половину урожая, две тысячи вьюков камыша для сараев и 38 ловчих птиц различных пород[4]. Степень эксплуатации окажется очень высо-

---

[1] Мирхонд, МИТТ, I, стр. 538.

[2] С. П. Толстов Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. «Вестник древней истории», 1953, № 2, стр. 181—184

[3] Там же, стр. 186—187.

[4] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 72—73.

ка, если учесть экстенсивность и малопроизводительность хозяйства северных туркмен. Хотя пережитки патриархальных отношений были еще очень сильны, внутри северных туркменских племен неуклонно возрастало социальное расслоение. Об этом расслоении и о выделении богатой верхушки говорит факт наличия каменных замков на Балханах, например, крепости Дюнеш-Кала[1]. Эта крепость, судя по сохранившейся планировке, была не родовым убежищем, а укрепленным жилищем богатой семьи.

Представители феодально-родовой знати по-прежнему носили почетные звания (например, онбеги) и были связаны союзными или вассальными отношениями с соседними феодальными владетелями. Туркменские военачальники принимали участие в войнах Султан-Хусейна в 50—60-х годах XV в. Так, Мир-шах—туркмен, глава одного из туркменских родоплеменных группировок на Узбое (или Сарыкамыше), бывший ранее вассалом Ала ад-даула, сына Шахруха, в 1458—1460 гг. поддерживал Султан-Хусейна. Вместе с Мир-шахом упоминается и другой туркменский вождь—Султан-Али[2].

В рассказе Мирхонда о войнах Султан-Хусейна часто упоминается крепость Адак, которую Бартольд с полным основанием считает туркменской[3]. Крепость эта стояла среди болот и к ней вела лишь одна узкая тропа. Султан-Хусейн несколько раз останавливался в Адаке, но не видно, чтобы туркменские племена Узбоя и Сарыкамыша полностью потеряли самостоятельность и попали под власть Тимуридов.

С севера туркменские племена подвергались нападениям ханов узбекских кочевников Дешт-и Кипчака, начавших с 1430 г. вторжения на территорию Туркменистана. Правитель Дешт-и Кипчака Абулхаир (1428—1468 гг.) вторгся в Хорезм и ненадолго захватил его[4]. Позднее узбекский хан Мустафа владел побережьем Дарьялыка. Столицей его был город Везир[5].

Таким образом, уже с середины XV в. часть северных туркменских племен попала под власть узбекских правителей. Менее ясны судьбы балханских и мангышлакских туркмен того времени. Весьма вероятно, что эти туркменские группиров-

---

[1] На вершине горы того же имени севернее Небит-Дага.
[2] См. Мирхонд, МИТТ, I, стр. 537—538.
[3] В. В. Бартольд. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море. ЗВО, т. XIV. СПб., 1902.
[4] А. Н. Насонов Туркмены в XIV—XV вв. Очерки из истории Туркменистана (VIII—XIX вв.), стр. 433.
[5] Мирхонд, МИТТ, I, стр. 539—540.

ки (особенно первая из них) пользовались большей самостоятельностью, чем узбойско-сарыкамышская и дарьялыкская.

4. Культура Туркменистана в XI—XV вв.

а) Наука и литература

Развитие и укрепление феодальных отношений на территории Туркменистана, создание феодального государства Сельджукидов сопровождалось усилением господствующего положения и реакционной роли феодально-клерикальной идеологии ислама.

В науке и литературе получает широкое распространение суфизм, в свойственной ему форме пассивной отрешенности от мира, отражавший вначале недовольство широких масс, особенно городских ремесленников, феодально-исламскими порядками и жестоко преследовавшийся. Но вскоре суфизм становится в руках правящих кругов таким же орудием духовного закабаления и порабощения масс, как и официальная религия ислама.

Однако потребности развивавшегося производства не могли не вызывать общего подъема культуры, науки, литературы.

Расширение границ Газневидского и Сельджукского государств, а затем границ владений хорезмшахов, развитие торговли и караванных путей через Среднюю Азию, рост городов и их значения—все это способствовало в XI—XII вв. развитию культуры, созданию крупных культурных центров в городах Хорезма и Северного Хорасана. В числе таких центров в Северном Хорасане следует назвать прежде всего Мерв. Но немалое значение имела также Ниса и другие города. Многие крупные деятели культуры средневекового Востока были уроженцами Северного Хорасана. Вместе с тем история сохранила много славных имен ученых, находивших приют и работавших в городах, руины которых находятся на территории Туркменистана. Так, после своего вынужденного отъезда в 1017 г. из Ургенча, в Нисе и Абиверде побывал Авиценна (Ибн Сина), великий врач, естествоиспытатель и философ. Известно, что в Мерве накануне монгольского завоевания было десять крупнейших по тому времени книгохранилищ. «Во всем мире я не видел подобных им по количеству и превосходству их», — писал арабский географ Якут. Он назывет две библиотеки при соборной мечети города; одна именовалась Ази-

зийе, в ней насчитывалось до 12 тыс. томов, вторая — Кемалийе. Крупные собрания книг находились при медресе Шереф аль-мулька, Низам аль-мулька, Амидийе, Хатуниййе. Упоминается библиотека Думарийе, состоявшая при ханаке. Два книгохранилища принадлежали дому Самани, одно везиру Медж аль-мульку. Указывается, в частности, что в Мерве имелись списки более чем тридцати научных трактатов Бируни.

Значительное развитие в областях Туркменистана в рассматриваемую пору получают гуманитарные и точные науки, литература, архитектура, прикладное искусство.

Ислам как в своих официальных догматах, так и в «еретических» суфийских толках представлял главное и чрезвычайно серьезное препятствие для развития науки на средневековом Востоке. Видное место занимали так называемые богословские науки. Но даже стиснутые рамками мусульманской идеологии, местные ученые прокладывают дальнейший путь научным знаниям. Создавая свои труды, в основном, на арабском языке ученые Хорасана и Хорезма нередко использовали и местные народные языки.

К числу величайших ученых средневекового Востока принадлежал Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни (род. 4 сентября 973 г., ум. в 1048 г.). Прогрессивность воззрений, энциклопедическая широта научных интересов, глубина познаний ставят его в ряду тех гигантов мысли всех времен и народов, которые во многом стояли выше и видели дальше своей эпохи.

Уроженец Южного Хорезма (полагают из селения близ современного Ургенча) Бируни вынужден был не раз покидать родину, находясь на службе то при дворе Кабуса ибн Вашмгира в Гюргене, то в Газне у Махмуда и Масуда Газневи. Но и эти многочисленные странствия он использовал для научных целей, исследуя природу и жизнь, расширяя свои географические, филологические и этнографические познания. Очень плодотворными в этом отношении оказались поездки Бируни в Индию, которые он совершил, находясь при войсках Махмуда Газневи, предпринимавшего походы в эту страну.

Итогом явился большой труд Бируни об Индии и ее культуре, основанный как на собственных его глубоких наблюдениях над природой страны, бытом и нравами ее жителей, так и на сведениях, содержащихся в сочинениях индийских ученых, написанных на санскрите, который Бируни специально изучал, пользуясь помощью образованных индийцев. Беседы с ними расширяли и углубляли его представления о жизни Индии и открывали пути к познанию взглядов и достижений ее ученых.

В трудах Бируни по астрономии, помимо широкого обобщения основ этой науки, содержится ряд замечательных высказываний, в частности, признание научной правомерности гипотезы о гелиоцентрической системе мира, говоря о которой он ссылается на ее сторонников среди индийских астрономов. В вопросах географии Бируни выдвинул теорию изменений течения Аму-Дарьи в доисторические времена. В области минералогии ученый оставил замечательный трактат, содержащий данные (в частности—удельные веса) о минералах и рудах, о сплавах, фаянсе, стекле, глазурях.

В математических трудах Бируни изложены оригинальные методы алгебраических и геометрических решений и доказательств.

Бируни четко противопоставлял объективные знания религиозным догматам и предрассудкам. Прогрессивность общественных взглядов ученого выражена в его высказываниях против вражды между народами. Бируни отозвался на народное движение Муканны, охватившее в VIII в. почти всю Среднюю Азию и написал исторический труд об этом движении, к сожалению, до нас не дошедший.

В ряду выдающихся ученых XII в. следует назвать известного врача Зейн ад-дина Абу-Ибрахима аль-Джурджани. Им была составлена в Хорезме обширная медицинская энциклопедия, посвященная хорезмшаху Кутб ад-дину Мухаммеду (1091—1128 гг.). Последние годы жизни Джурджани провел в Мерве, где и умер в 1136 или 1139 г.

В 1121 г. ученый Казини посвятил султану Санджару трактат о весах, в котором, помимо характеристики различного типа весов, дается геометрическое и физическое истолкование законов равновесия.

Выдающимся политическим деятелем и мыслителем был Низам аль-мульк, везир и фактически первая фигура в Сельджукском государстве с 1064 по 1092 г. Перу Низам аль-мулька принадлежит «Сиасет-наме», своеобразное руководство для стоящих у власти, книга об идеальном феодальном государстве с «просвещенным монархом» во главе. Передовые для своего времени идеи Низам аль-мулька о централизованном единодержавном государстве, построенном на стройной системе сословной организации и разумном правлении, были неосуществимы в условиях феодального деспотизма, распрей, борьбы за власть и децентрализаторских феодальных тенденций. Сам автор пал на склоне лет жертвою дворцовых интриг.

XII—начало XIII в. выдвинули в Туркменистане ряд крупных историков. Уроженцем Мерва был видный историк Абу-Саид ас-Самани (1113—1167 гг.). Он происходил из родови-

той мервской феодальной фамилии, обладавшей здесь крупными поместьями; предки его, начиная с прадеда, принадлежали к ученой среде. Как указывалось выше, дому Самани принадлежало две из числа крупнейших в Мерве библиотек. В юные годы Самани совершил многочисленные путешествия по Средней и Передней Азии, а с 1143 г. вновь обосновался в Мерве, где преподавал в медресе Амидийе, хотя и после того не раз выезжал в различные города Хорасана и Хорезма. Перу Самани принадлежало свыше 40 трудов, писанных по-арабски, из которых дошла лишь небольшая часть. Он был автором истории Багдада, истории Мерва (свыше 20 томов), географического и генеалогического словаря и других сочинений. Его историко-географическим трудам присуща большая точность в хронологии, в терминологии, в описательных характеристиках; и так как многое было составлено на основе личных наблюдений, а не только обширных книжных познаний, сочинения Самани доныне сохраняют значение важного первоисточника.

Многие данные трудов Самани были использованы знаменитым арабским географом Якутом, который в начале XIII в. жил в Мерве, работая в библиотеках над составлением энциклопедически-обширного географического «Словаря стран». «В этих различных библиотеках, — писал он, — я проводил почти все мое время, забывая в сладости изысканий и мою родину, и мою семью; там я собрал почти все материалы для составления этой книги и других моих писаний...».

Уроженцем Нисы был Мухаммед ибн Ахмед ан-Несеви. Свидетель и участник событий завоевания монголами его родины, соратник Джелаль ад-дина Менкуберти в его походах, Несеви является автором интересных мемуаров, освещающих трагические события монгольского нашествия на Хорасан.

В связи с развитием суфизма в областях Хорасана и Хорезма, появляется особый историко-литературный жанр—агиография, — описания житий различных популярных суфийских «старцев». Построенные на основе народных рассказов, они лишены той выспренности, которая присуща придворно-официальной литературе, написаны простым народным языком. Таково, например, житие Абу-Саида Мехнейского, составленное в XII—начале XIII в. его праправнуком Мухаммедом ибн аль-Мунавваром. Биография шейха рисуется на фоне живой исторической обстановки в Хорасане, и труд аль-Мунаввара приобретает значение интересного источника.

В Ургенче при дворе султана Текеша трудился видный ученый Фахр ад-дин ар-Рази. В 1178/9 г. им было закончено

энциклопедическое сочинение «Собрание наук», охватывавшее различные области знания—57 отраслей гуманитарных, естественных, технических богословских и иных наук. В начале XIII в. здесь продолжаются работы географов, хотя уже и не в тех масштабах, что во времена Бируни. Географ Мухаммед ибн Наджиб Бекран составляет недошедшую до нас «карту мира» и сопроводительный обзорный текст «Книги о мире», сохранившийся в двух списках. Несмотря на лаконизм изложения, сведения, в нем сообщаемые, очень интересны и широки сравнительно с данными географических сочинений предшествующих столетий. В конце XII—начале XIII в. видным хорезмийским астрономом Махмудом ибн Мухаммедом аль-Джагмини аль-Хорезми (ум. в 1221 г.) был составлен трактат «Избранное по астрономии», комментированный в XV в. знаменитым астрономом Казы-заде Руми.

Художественная литература в XI—начале XIII в. в большой мере была еще ираноязычной. В связи с развитием суфизма особое место получает суфийская поэзия. Одной из наиболее крупных фигур хорасанского дервишизма был шейх Абу-Саид (968—1049 гг.), уроженец Мехне, где он провел большую часть своей жизни. Помимо видной роли, которую Абу-Саид сыграл в политической и духовной жизни Хорасана XI в., он известен как создатель особого жанра аскетически-философских четверостиший («рубайя»).

Эта литературная форма была позднее развита хорасанским поэтом и ученым Омар Хайямом. Однако, в противовес пассивной созерцательности суфийской поэзии, Хайям вдохнул в свои рубайя горячий протест против зла и глубоко философское содержание. По некоторым данным, около 1074—1075 гг. он находился в султанской обсерватории в Мерве на должности астронома.

В XII столетии, в период сложения крупных централизованных монархий, при дворах соперничавших между собою султанов особую роль приобретает льстивая панегирическая поэзия. В ней преимущественно используется жанр касыды—торжественной оды. В заслугу поэтов этого жанра следует отнести совершенствование поэтической формы, и в ряде случаев создание произведений высоковдохновенного стиля.

При дворе Санджара в Мерве подвизались поэты Хасан из Газны и Абд аль-Васи, воспевавшие сначала газневида Бахрама, а затем, после взятия Газны Санджаром, перенесшие свои похвалы на него. Придворным «царем поэтов» султана Санджара почитался Эмир Моиззи (ум. в 1147 г.). Но всех их превзошел в своем подлинно высоком поэтическом творчестве Али-Аухад ад-дин Энвери (ум. 1191 г.). Энвери—интересная,

сложная, противоречивая фигура в культурной среде сельджукидского Хорасана. Уроженец Мехне, воспитанный в бедной среде, но одаренный большими способностями, он, терпя большие лишения, получил в Тусе широкое образование, охватывавшее разнообразный круг наук—естественных, богословских, гуманитарных; здесь он развивал и свое литературное дарование. Одержимый честолюбием, Энвери долго добивался положения при дворе Санджара в Мерве, чему препятствовали интриги Эмира Моиззи, пока, наконец, блестящая по форме хвалебная касыда не обратила на себя внимание султана Санджара, после чего Энвери завоевал положение первого придворного поэта. Он сочинял вычурные и напыщенные касыды в честь султана и его преемников вплоть до 1187 гг., когда вынужден был покинуть мервский двор и удалиться в Балх, где отдался научным изысканиям. Энвери, однако, писал не только хвалебные оды. В 1152 г., в связи с разорением Мерва гузами, он составил глубоко патриотическую, горестную элегию, известную под названием «Слезы Хорасана», оплакивавшую судьбу родины. Разочаровавшись на склоне лет в суетности хорошо ему знакомой придворной жизни, Энвери развивает философско-сатирическую сторону своего дарования; он восстает против сословных предрассудков, пресмыкательства, пагубных страстей. В философских воззрениях его отмечается обращение к материалистическим концепциям Авиценны. В области наук Энвери более всего увлекался астрономией (но также и лженаукой астрологией), между прочим высказав гипотезу о законе тяготения небесных тел.

В области поэтического творчества выступает в XII в. поэтесса Махисти, с которой поддерживал дружбу султан Санджар; дошедшие отрывки ее стихов изящны по форме, хотя и несколько нескромны по содержанию.

Во времена феодальных монархий, когда велась обширная дипломатическая переписка, особый вид литературного творчества представляло составление официальных документов («инша»). Авторы такой корреспонденции, «катыбы», были специалистами высокого, нередко вычурного эпистолярного стиля, образцы которого ценились современниками наряду с художественной продукцией поэтов и прозаиков. Известны имена и инша некоторых катыбов XII столетия. Таков был Мунтаджаб ад-дин Беди, служивший в диване султана Санджара в Мерве—его катыб и вместе с тем придворный поэт, автор торжественных касыд. При дворе хорезмшаха иль-Арслана состоял в должности катыба поэт Рашид ад-дин Ватват (ум. в 1182 г.). Он был не только составителем изысканных касыд и инша, но и автором теоретического сочинения об

искусстве поэзии «Хедаик ас-сыхр». В области панегирической поэзии при дворе хорезмшахов подвизались также Адиб Сабир (ум. в 1145 г.) и его ученик Джовхери. В правление Атсыза (1128—1156 гг.) в Ургенче трудился знаменитый филолог и литератор Абуль-Касим аз-Земахшари (родом из Земахшара, города в Южном Хорезме), автор капитальных словарей и грамматик.

Со второй половины XI в. в Средней Азии все большую роль начинают играть тюркские народы, что вызывает повышенный интерес к тюркским языкам. Из 20 названий известных нам грамматик и словарей тюркских языков большая часть написана именно в это время. Особый интерес для изучения туркменского языка и культуры представляет «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского[1].

Очень мало известно для этой эпохи о культуре огузских и туркменских племен XI—XII вв. Огузские пословицы, приводимые Махмудом Кашгарским, говорят о разрушении старых патриархальных традиций, о росте имущественного неравенства, о развитии рабства у кочевников. В то же время Махмуд Кашгарский неоднократно отмечает сближение кочевников-огузов с оседлым населением, изменение быта огузов и обогащение их языка вследствие этого сближения. В связи с созданием государства Сельджукидов повысился интерес к прошлому туркмен; ученые XI—XII вв. записали некоторые легенды и исторические предания туркменских (огузских) племен—легенду о происхождении слова «туркмен»[2], предание о ссоре Тукака и его сына Сельджука с ябгу сырдарьинских огузов и т. д.

Значительное развитие имело в феодальном Туркменистане музыкальное искусство, хотя источники почти не сохранили имен народных музыкантов. Известно, что в начале XIII в. при дворе хорезмшаха Мухаммеда жил величайший, не знавший себе равных артист игры на рабабе (пятиструнном музыкальном инструменте) по имени Устад Махмуд. В период монгольского нашествия он бежал в Малую Азию, где нашел убежище у знаменитого поэта Джелаль ад-дина Руми. Позднее, в XIV столетии славился музыкант-чангист (чанг—род 26-струнной цитры) Мавляна Мирек Чангей-и Бухари, судя по нисбе, бухарский уроженец, который долгое время жил в Хорезме (видимо, в столичном Ургенче), а затем переселился в Мерв.

Монгольское нашествие нанесло сокрушительный удар

---

[1] Е. Э. Бертельс. Литературное прошлое туркменского народа. «Совет эдебияты», № 9—10, 1944, стр. 186—187.

[2] Махмуд Кашгарский, МИТТ, I, стр. 312—313.

культуре среднеазиатских народов. Варварское разрушение культурных и экономических центров—Мерва, Хивы и других, уничтожение памятников культуры и культурных ценностей, в том числе богатейших библиотек, на несколько веков затормозило культурное развитие огромного края; центры культурной жизни перемещаются далеко на запад и на юг. В XIII—XIV вв. отдельные выдающиеся мыслители и поэты вынуждены были всю жизнь проводить в скитании, вдали от родных мест и своего народа.

В XV столетии в литературу все более проникают тюркские языки, роль которых начала расти еще при Сельджуках. Особенно большое значение для роста и развития литературы среднеазиатских народов, в том числе и туркменского, имеет творчество великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои (1441—1501 гг.).

Продолжая прогрессивные традиции великих средневековых поэтов-гуманистов, Алишер Навои своим непосредственным учителем считал таджикского поэта Джами (1414—1492 гг.), а значение своего поэтического творчества оценивал по его распространению среди всех среднеазиатских народов. Мировоззрение Навои в целом имело идеалистический и утопический характер, но главную задачу свою поэт видел в служении народу. В туркменской литературе последующих веков и особенно в народном туркменском творчестве идеи Навои нашли широкое распространение. Стихотворные произведения Навои среди туркмен пользовались самой широкой популярностью и являлись обязательной частью репертуара народных певцов-бахши. Сохранились также, многочисленные народные туркменские рассказы о Мирали и Солтан-Сююне, где под этими именами выведены Алишер Навои и султан Хусейн Байкара, везиром которого был некоторое время этот поэт. Навои в народных рассказах предстает как смелый выразитель интересов обездоленного люда и его защитник от самоуправства феодалов и чиновников. В отношениях между Мирали и Солтан-Сююном явственно проступают сохранившиеся среди туркменских племен феодально-родовые пережитки, что накладывает особый отпечаток на эти образы, далекие от действительности, но верно отражающие мечты и чаяния народа.

В этот же период получает развитие и клерикальная реакционная литература — как ортодоксально-мусульманская, так и принадлежащая различным суфийским толкам, — используемая правящими классами в целях еще большего закабаления трудящихся масс. В XIV в. в Бухаре оформился как религиозно-политическое учение мюридизм, ставший орудием реакционной политики Тимуридов и проповедовавший «священ-

ную войну» против «неверных». В 1313 г. была написана поэма «Муин аль-мюрид», популярная в туркменской среде в течение многих столетий. К 1484 г. относится составление на туркменском языке месневи «Раунак аль-ислам»; это месневи традиция ошибочно приписывает шейху Шерефу; на самом деле его автором следует считать поэта Вефаи.

Растлевающее влияние господствующей реакционной идеологии отразилось на многих произведениях народного творчества, но не могло подавить его здоровой основы—стихийного протеста против растущей феодальной эксплуатации, стремления к лучшей, справедливой жизни.

б) Градостроительство и архитектура. Художественное ремесло

XI—XII столетия были ознаменованы интенсивным развитием градостроительство и архитектуры на территории Туркменистана.

Развитие феодальных отношений обусловливает бурный рост феодальных городов. Города расширяются, обводятся стенами, но вскоре выходят за их пределы, получают новые ограждения, вокруг которых разрастаются пригороды и предместья. Площадь Мерва, например, со всеми его пригородами охватила свыше 60 *кв км,* превышая даже пределы античного города. Чрезвычайно разрастаются в эту пору также Ниса, Языр, Абиверд, Куфен, Серахс, Ургенч, Земахшар, Миздахкан, Дехистан, Ахур и многие другие.

Ожесточенная борьба феодалов за власть, необходимость укрепления городов вызывала введение повинности по возведению мощных крепостных стен. Строились они обычно из пахсы или сырца, иногда (например, в Дехистане) обкладывались жженным кирпичом. Высокие стены были снабжены многочисленными полукруглыми башнями, бойницами, зубчатыми парапетами, а двойные стены Мерва, Дехистана и Абиверда расчленены на отдельные замкнутые отсеки,—своеобразные ловушки для врага. Широкие площадки вверху стен предназначались для установки метательных орудий; в башнях и стенах устраивались особые помещения для стрелков.

Картину развитого феодального города определяет разительный контраст между парадными комплексами дворцов, правительственных административных зданий, мечетей и медресе, обширных базарных площадей и магистральных улиц, с одной стороны, и между скученной застройкой жилых кварталов, в которых ютились ремесленники, поденщики и прочая

городская беднота—с другой. Большие улицы рассекают город, следуя радиально к центру, от ворот к воротам, но в пределах больших отсеков между ними—запутанная, хаотическая система кривых улочек, переулков и тупиков.

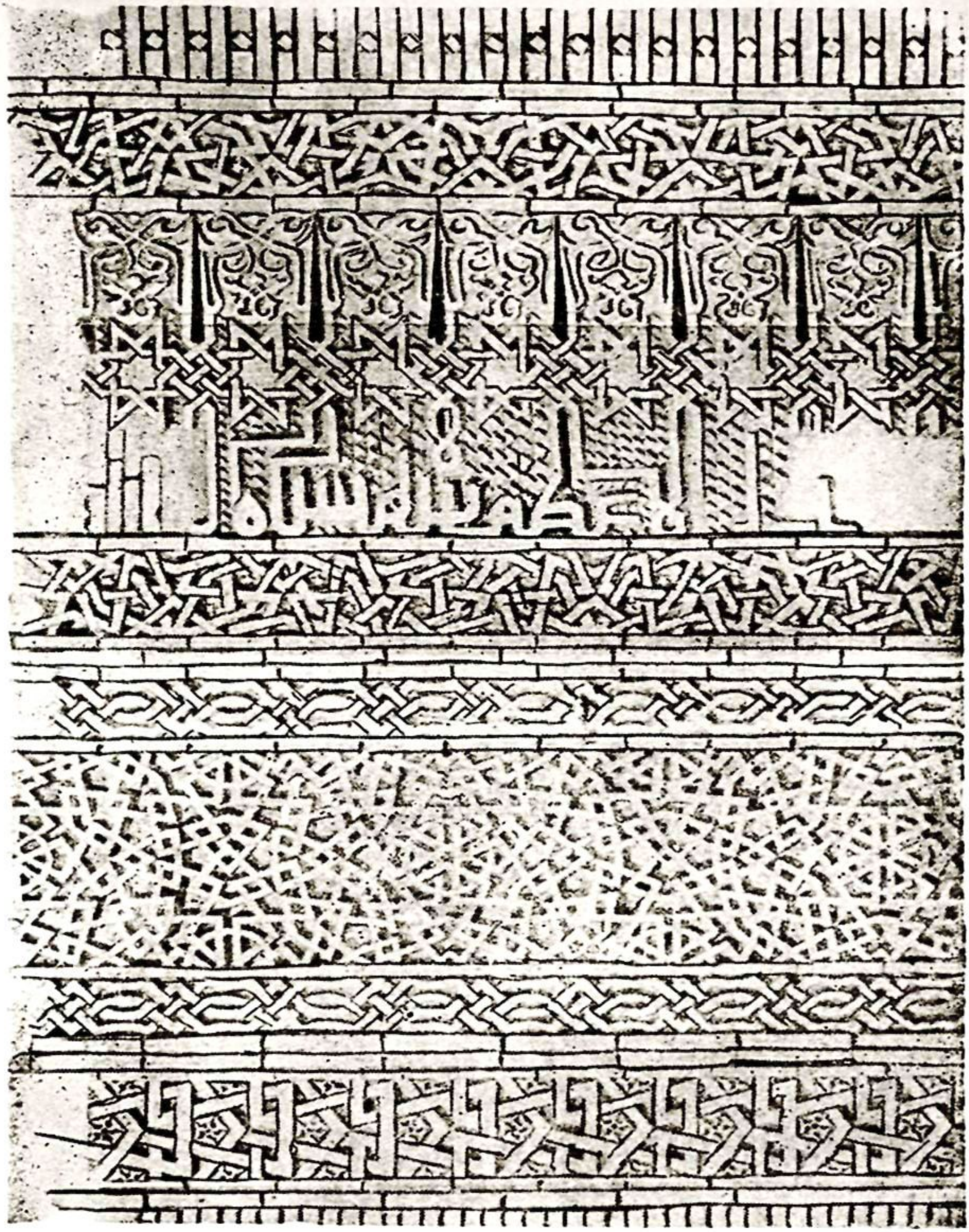
Важнейшая роль в городе принадлежала площадям, обычно правильной конфигурации, в которые вливалось несколько улиц, обстроенных большими зданиями, принадлежащими крупным светским или духовным феодалам. Письменные источники сообщают о главной площади Ургенча, оформлявшейся уже с конца X в. В ансамбль площади входили ворота Хаджаджа, которые будто бы не имели себе равных по красоте, дворец хорезмшаха Мамуна, впереди которого (вероятно, напротив) располагался другой дворец сына его Али. Площадь использовалась не только как парадный плац, но и как место торговли: на ней продавали баранов[1]. Пример торговой площади XI—XII вв. можно видеть на городище Аль-Аскер, в 28 *км* к северу от старого Мерва; площадь прямоугольна, в нее вливается четыре улицы города; в одном конце ее располагается обширный караван-сарай, в противоположном — огороженное пространство рынка (видимо, скотного), две других стороны застроены домами[2]. Пример парадного столичного ансамбля дает центр самого Мерва, где высились здания мечети, мавзолея султана Санджара и дворца[3].

Крупные масштабы и быстрые сроки строительства требовали от мастеров высокого навыка, усовершенствования конструкций, богатого, но быстро выполнимого архитектурного убранства. Основным материалом массового строительства по-прежнему остается сырец; в архитектуре крепостных стен преобладает кладка из глинобитных блоков (пахсы). Однако в монументальном зодчестве широко употребляется жженый кирпич, в качестве как строительного, так и облицовочного материала. В Дехистане жженый кирпич применяется и в массовом строительстве. Народные мастера разрабатывают в эту пору разнообразные типы сводчатых и купольных перекрытий, дабы свести до минимума употребление леса.

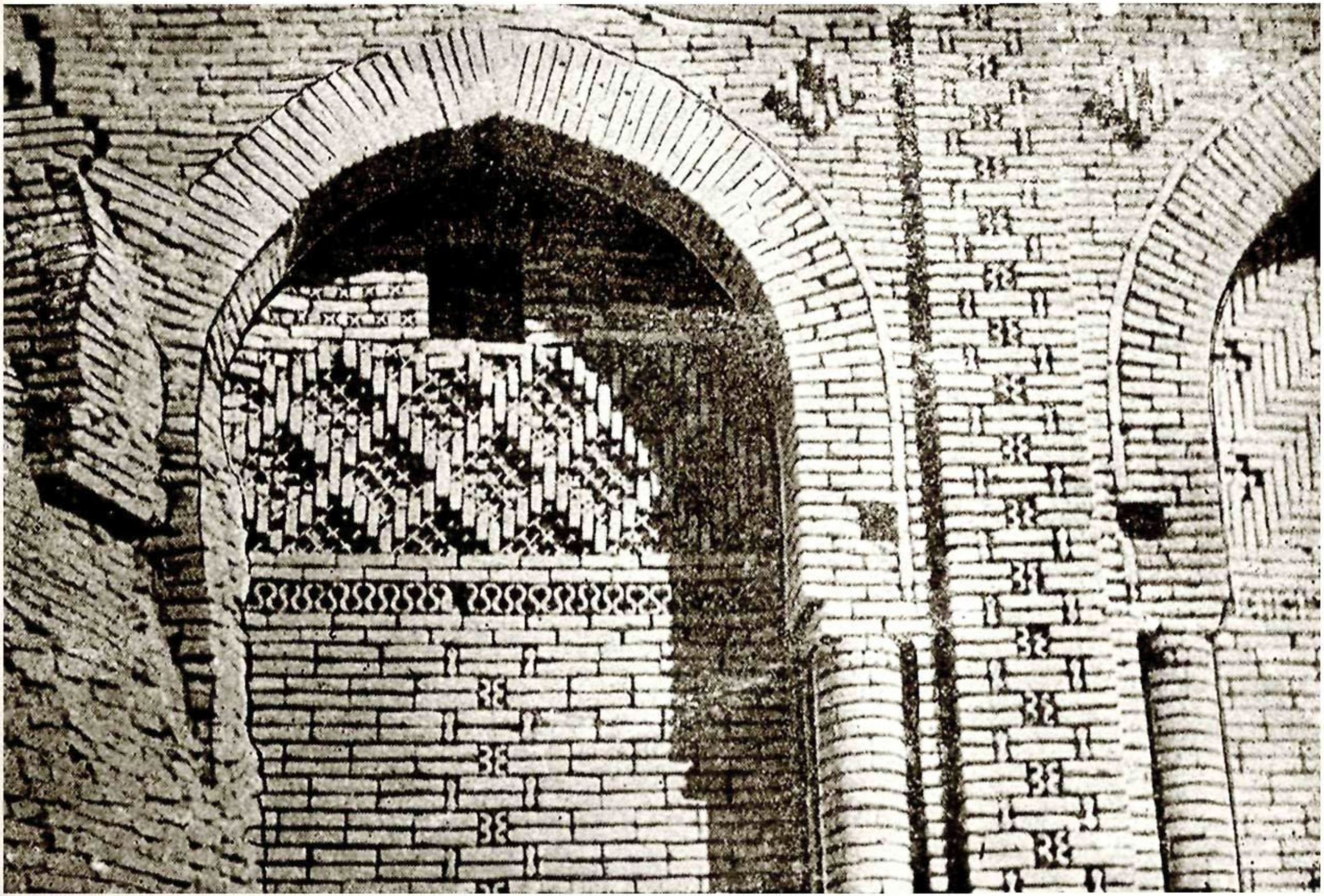
Как декоративный материал, жженый кирпич используется на выкладки различных геометрических узоров. В Северном Хорасане исключительное развитие получают декоративные кладки из фигурных резных кирпичиков специальной выделки. С XII в. в отделку наружных стен и куполов вводятся голубые глазурованные кирпичи. В Хорезме получает употребление сложная резьба с растительной или эпиграфической ор-

---

1 А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча, Л., 1930, стр. 8.
2 Исследования ЮТАКЭ, 1951 г.
3 В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, СПб., 1894, стр. 134.

Орнаментация из подтесанного кирпича на портале соборной мечети в Абиверде (из материалов ЮТАКЭ).

Фигурная отделка кирпичом мечети Талхатаа-Баба.

ментацией по сырому кирпичу, который затем подвергается обжигу и набирается в процессе кладки в узоры, украшающие поверхность стен.

Внутри помещения украшаются резьбой по ганчу (гипсовому раствору), которая выполняется с исключительной виртуозностью. Богатая растительная орнаментация сплетается здесь с геометрическими арабскими надписями, выполненными так называемым «цветущим куфи» и почерком плавного начертания — «несхи». Те же мотивы господствуют и в стенописи, украшающей помещения.

Жилые строения феодалов XI—XII вв. не похожи на раннефеодальные. Это уже не кёшки, но комфортабельные городские дома-имораты. Они имеют обширный высокий центральный зал — михман-хану, вокруг которого расположены в два этажа различные комнатки и покои. Развалины таких сооружений доныне сохранились в окрестностях Мерва[1]. В особенно крупных домах строения группировались вокруг обширного внутреннего двора и имели до трех этажей. Руины такого здания (видимо, дома правителя) сохранились в Шахрияр-арке Мерва; в нем до 50 помещений, больших и малых, перекрытых сырцовыми сводами и куполами; двор квадратен, на осях его лежат глубокие сводчатые ниши-айваны[2]. Наружные стены этих домов уже лишены традиционных для предшествующей эпохи гофр, но оформлены пастенными арочками и нишками и нередко облицованы жженым кирпичом, образующим фигурные кладки со вставками и бордюрами из резных кирпичиков.

В связи с чрезвычайным оживлением торговых сношений, связывавших в эту пору территорию Туркменистана с самыми отдаленными странами, в городах и на больших дорогах строятся многочисленные постоялые дворы и складочные сооружения—так называемые караван-сараи, рабаты, ханы. Количество их в крупных городах исчислялось десятками, руины их сохранились на древних путях и на городищах Кууртлы, Аль-Аскер, Мисриан, Куня-Ургенч и многих других[3]. Это обширные строения, заключающие внутренний двор, вокруг которого группируются комнаты для жилья, стойла для скота, складские помещения для грузов. В целях охраны приезжих от нападения разбойников, караван-сарай обводится мощными глухими стенами, в углах нередко воздвигаются башни,

---

[1] Дома на Яз-Депе и в окрестностях Мерва; обследованы ЮТАКЭ в 1950—1951 гг.

[2] Дом правителя в Шахрияр-Арке обследован ЮТАКЭ в 1950 г.

[3] С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. «Вестник древней истории», 1953, № 2; М. Е. Массон. Средневековый путь из Мерва на Амуль (Чарджоу). Известия АН ТССР», 1955, № 1.

вверху устраиваются зубчатые парапеты и бойницы. Великолепный образец богатого караван-сарая представляет Дая-хатын, руины которого высятся на развалинах средневекового города Тахирии, лежавшего на большом караванном пути из Амуля (Чарджоу) в Хорезм. Дворовые фасады его заключают систему двухъярусных арок, стены богато оформлены фигурными резными кирпичиками на фоне традиционной для эпохи кладки из спаренных кирпичей[1].

В городах и на торговых путях устраивались водохранилища-сардобы, строившиеся из жженого кирпича на столь прочных гидроустойчивых растворах, что они и доныне с трудом поддаются сколу при ударе ломом или киркой. Через каналы и реки перебрасывались мосты на устоях и арках из жженого кирпича. Обязательный элемент городского благоустройства составляли бани, игравшие большую роль в повседневном быту горожан. В Хорасане особенно славились бани Мерва и Нузвара[2]. Руины средневековых бань обнаружены археологами в Мисриане и Нисе. Бани заключали группу моечных помещений — горячих и прохладных, парильни, массажные, комнаты для кейфа и др. Отопление осуществлялось остроумной системой подпольных теплопроводов. Одна из бань Нисы сохранила остатки стенописи, выполненной яркими красками, стойкими против сырости и постоянного воздействия паров[3]. Во всех этих постройках налицо большой инженерный опыт местных строителей.

В монументальном строительстве XI—XII вв. огромное место принадлежит зданиям культовой архитектуры. Как христианство в западноевропейском средневековом обществе, религиозная идеология ислама освящала в странах Востока устои существующего социального строя. По определению Ф. Энгельса, «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»[4].

Реакционное мусульманское духовенство играло видную роль в политической жизни страны, властно вмешивалось в дела государства, держало в своих руках огромные экономи-

---

[1] С. А. Ершов. Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 187; А. М. Прибыткова. Караван-сарай Дая-Хатын. Сб. Архитектурное наследство, т. III, М., 1953.

[2] Макдиси, МИТТ, I, стр. 188, 191, 197, 200.

[3] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 241 и сл.

[4] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, М., 1952, стр. 34.

ческие богатства, подчиняло каноническим нормам ислама духовную жизнь народа. Сооружение культовых зданий составляло одну из сторон последовательной программы идеологического воздействия на широкие народные массы. В эту пору в городах воздвигаются десятки мечетей, принадлежащих различным конкурирующим между собой толкам и сектам мусульманства, множество ханака—домов для собраний последователей суфийских сект, мазаров—мест поклонения у могил видных шейхов, причисленных к сану «святых», а также медресе—высших духовных училищ. На строительство их не жалели средств, к созданию их привлекали лучших зодчих, резчиков, художников. Именно эти обширные коллективы народных мастеров и вносили в архитектуру мечетей и других культовых зданий драгоценные достижения народного творческого гения, воздвигая постройки, художественная ценность которых не померкла до наших дней.

На территории Туркменистана сохранилось несколько замечательных мечетей XI—XII вв. Концом XI в. датируются отделочные работы, выполненные мастером Абу-Бекром на мечети Данданкана; она была воздвигнута еще в X столетии и письменные источники характеризуют ее как «чрезвычайно красивую»[1]. Прямоугольный двор мечети был обведен навесами на круглых кирпичных столбах с переброшенными между ними арками, несущими купольные перекрытия. Поверхности стен, сводов, колонн покрывает богатейшая резьба по ганчу, насыщенная разнообразными орнаментами растительного и эпиграфического характера.

Близ Куйбышевска, в Марыйской области, стоит мечеть XI в. при могиле некоего Талхатан-Баба. Она заключает три обширных, открытых во двор, но замкнутых по трем другим сторонам помещения, из которых среднее перекрыто высоким куполом, а боковые—сводами. В отличие от данданканской мечети, в отделке преобладают разнообразные узорные кладки жженого кирпича с применением резных фигурных кирпичиков[2]. На городище Мисриан (средневековый Дехистан) высятся развалины двух мечетей[3]. От одной из них сохранился

---

[1] Истахри, МИТТ, I, стр. 174; Макдиси, МИТТ, I, стр. 195; Б. Н. Заходер. Данданкан. «Исторический журнал», 1943, №3—4; С. А. Ершов. Данданкан. КСИИМК, XV, 1947; М. М. Дьяконов. О дате данданканской мечети, КСИИМК, XXIII, 1948.

[2] В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, стр. 183 и след; А. М. Прибыткова. Мавзолей Талхатан-Баба, ук. соч.

[3] См. М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ), 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 65; Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса, там же, стр. 192—252; М. Е. Массон Новые данные о надписях одного мешхеди-мисрианского минарета. «Эпиграфика Востока», VII, М.—Л., 1953, стр. 7—16.

лишь минарет и руины навесов мечети, окружавших двор, основанных на кирпичных колоннах, которые украшены резьбой по ганчу, подобной данданканской. Круглый, утончающийся кверху минарет достигал первоначально почти 40 *м*. Поверхность его расчленена концентрическими поясами, содержащими дату постройки 1102 г., имя правителя области Дехистан, Абуль-Агарра, и имя строителя Али ибн Зияда; вверху идет сложная выкладка геометрического орнамента, набранного из подтесанных кирпичиков.

Другая мечеть воздвигнута была почти столетием позднее, при хорезмшахе Мухаммеде. Она также имела двор с навесами по периметру, с водоемом в центре. На главной оси лежало основное здание мечети, обращенное во двор сводчатым айваном. В оформлении его лицевых поверхностей употреблены выкладки из резного кирпича со вставками глазури, входная же ниша покрыта богатой резьбой по ганчу. Здесь сохранились имена строителей, видимо отца и сына: Мухаммеда ибн аль-Хусейна аль-Нака и Абуль-Хусейна ибн Мухаммеда; судя по отсутствию нисбы—показания места рождения, оба они, как и вышеназванный Али ибн Зияд, были местными уроженцами. В одном из углов мечети высится минарет. Стройные вертикали минаретов играли очень большую роль в общем архитектурном силуэте средневековых городов Туркмении. В связи со сложением и развитием в эту пору на всем Среднем Востоке дервишских орденов и крупной ролью их руководителей в политической и духовной жизни государств, широкое распространение получает строительство мавзолеев над могилами видных шейхов. Среди сохранившихся построек этого рода — мавзолей Абу-Саида в Меане (около 1049 г.), Абуль-Фазля в Серахсе (20-е годы XI в.), усыпальница Ярты-Гумбез близ Серахса (видимо, мавзолей шейха Ахмеда аль-Хади), сохранившая дату 1098 г., Чугундор-баба в Куфене и др[1].

Отражением процесса формирования крупных феодальных монархий и связанного с этим культа личности государя является возведение многочисленных мавзолеев для правителей и крупных феодалов, нередко строившихся ими еще при жизни. В числе их мавзолей Аламбердара в Астана-Баба, мавзолей султана Санджара в Мерве, мавзолей одного из хорезмшахов Иль-Арслана или Атсыза (ошибочно приписываемый

---

[1] Об этих мавзолеях см. П. В. Арбеков. Чугундор Древности Абиверского района. Труды САГУ, сер. II, Ташкент, 1931; А. М. Прибыткова. Мавзолей Абул-Фазля в Серахсе. Архитектура республик Средней Азии, М., 1951. Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад. 1951.

Фахр ад-дину Рази) хорезмшаха Текеша в Куня-Ургенче, некоторые из мавзолеев на кладбище близ Мисриана.

С точки зрения общего архитектурного облика никакой принципиальной разницы между усыпальницами шейхов и светских лиц нет. В том и другом случае перед зодчим стоит однородное задание прославления могущественной особы. Мавзолей обычно представляет собою однокомнатное сооружение, перекрытое куполом, выполненное в монументальных пропорциях, нередко богато оформленное. Типы их для разных областей Туркменистана неоднородны. В Хорезме преобладают высотные усыпальницы с остроконечным шатровым куполом на возвышенном барабане; в Хорасане—массивный параллелипипед стен и стрельчатый купол, основанный на переходных многогранниках; в Дехистане — круглый или многогранный мавзолей с сильно развитой входной постройкой. Наиболее выразительный образец хорезмского варианта—мавзолей Текеша[1]. На массивном прямоугольном основании стен высится мощный 24-гранник основного тела постройки, подчеркнутый на углах острыми ребрами; над ними—фриз, некогда содержавший надпись; выше—конический купол, поверхность которого украшена выкладками из глазурованных кирпичей. Входная часть выделена повышением стены, образующей портал—пештак, ниша которого оформлена богатой лепкой сталактитов. Общее впечатление — исключительная монументальность здания, которому, вместе с тем, остроконечная скуфья купола придает динамический характер.

Шедевром северохорасанской архитектурной школы является мавзолей султана Санджара в Мерве[2]. Еще в начале XIV в. Рашид ад-дин характеризовал его, как «самое большое здание в мире». По словам Якута (начало XIII в.), голубой его купол был виден в дне пути (т. е. расстоянии до 30 *км*). Масштабы этого здания, заключающего всего лишь одно помещение, действительно величавы, высота его более 30 *м*, купол перекрывает внутреннее пространство пролетом в 16, 50 *м*, наружные габариты стен 27×27 *м*. Но дело, разумеется, не столько в размерах, сколько в той удивительной законченности композиции, благодаря которой памятник до сих пор оставляет впечатление величия и мощи. Мавзолей был отстроен рядом с соборной мечетью Мерва и вблизи от сельджукидского дворца. Композиция его строго центрична; высо-

---

[1] Архитектурные памятники Туркмении, стр. 65 и след.

[2] Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. Сб. «Вопросы реставрации», II, М., 1928; Арх. памятники Туркмении, цит. соч.; Н. М. Бачинский. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии, М., 1949; Г. А. Пугаченкова. Конструктивные элементы мавзолея Санджара. «Известия АН ТССР», 1952, № 2.

кое квадратное помещение перекрыто куполом, основанным на особой несущей сводчатой системе («тромпах»). Снаружи этот переходный элемент полуприкрыт ажурной галереей, открытой наружу арочками с фестончатым очертанием контуров. Изящная орнаментальная выкладка из подтесанных кирпичиков в простенках этой аркады выразительно контрастирует со спокойной гладью кладки основных стен. Купол был двойным и основан на остроумной системе разгрузочных подкупольных устройств. Наружная скуфья его была облицована голубыми кирпичами. Внутри мавзолей оформляла живопись, нанесенная по белой основе синей, отчасти красной краской и позолотой. Здесь преобладают обширные панно с фигурными картушами и крупные надписи. В здании сохранилось имя создавшего его гениального архитектора Мухаммеда ибн Атсыза, родом из Серахса. В Серахсе в XI—XII вв. существовала корпорация выдающихся народных зодчих, которых нередко приглашали для осуществления крупных работ в другие города. Так, в Джар-Кургане (близ Термеза) есть минарет с датой 1108/9 гг., воздвигнутый Али ибн Мухаммедом ас-Серахси.

Монументальное изобразительное искусство в эту пору соподчинено архитектуре. В жилых домах светских феодалов употреблялась нередко сюжетная стенопись. Так, в доме отца Абу-Саида Мехнейского, богатого аттара (парфюмера) в Газне, на стенах были изображены портреты Махмуда Газневи и его вельмож[1]. Однако влияние ислама и схоластического мировоззрения средневековья обусловили преобладание в живописи абстрактно-орнаментальных композиций: сложногеометрических узоров («гирихов»), стилизованных растительных арабесок, надписей, выполненных трудночитаемыми усложненными почерками. Образцы этих росписей можно видеть в мавзолеях Санджара и Мухаммеда ибн Зейда в Мерве, Чугундор-Баба в Куфене, мечети-намазга в Дехистане. Выполнены они по преимуществу синей и отчасти красной красками по белому фону. Упомянутая выше баня из Новой Нисы имела живопись, выполненную в красно-оранжевой гамме, с применением черных и белых линий узора; здесь комбинируются геометрические сетки, растительные сплетения и надписи-благопожелания.

Высокого уровня достигает керамическое производство[2].

---

[1] А. А. Семенов. Мусульманский мистик и искатель бога X—XI вв. по Р. Х., Асхабад, 1905.

[2] Данные о керамике XI—XII вв. почерпнуты из работ и наблюдений ряда отрядов ЮТАКЭ. Часть материалов опубликована в Трудах ЮТАКЭ, т. I и II (статьи М. Е. Массона, Б. А. Литвинского, В. А. Левиной, М. И. Вязьмитиной и др.).

Главными центрами его были Мерв, Ниса, Дехистан, Ургенч. но наряду со «столичными» мастерскими, гончарные печи существовали во многих городах и селениях. В широком обиходе употребляется неглазурованная керамика, которая нередко украшается то гравированным орнаментом, то штампованным. Последний особенно практиковался в Мерве, где изготовлялись изящные кувшины, на которых оттиснуты фигуры бегущих зверей, сплетающихся растений, надписи-благопожелания, иногда даже изображения людей. Наряду с этим, массовое распространение получает и керамика глазурованная — голубого и ярко-зеленого цвета, а также белая, с росписями кирпично-красной, фисташково-зеленой и темно-коричневой краской.

Технологические поиски привели местных мастеров к применению «кашина» — силикатной гончарной массы, которая открывала возможность изготовления посуды с «ажурным» орнаментом, вырезанным на черепке и насквозь просвечивающим под покрывающей его стекловидной глазурью; техника эта применялась и в хорасанской продукции (Ниса). Впоследствии она проникает со Среднего Востока в Китай. Советскими археологами установлено, что в Дехистане же выделывался особый тип керамики с золотистым отблеском — «люстр»[1]. Керамическая продукция Хорезма оказала существенное влияние на гончарное производство волжских булгар.

Широкое распространение получило стекольное производство, изделия которого употреблялись в частности в парфюмерии. Из стекла, нередко расцвеченного в нежно-желтый, ярко-синий, голубой, лиловый и другие цвета изготовлялись изящные флаконы, бокалы, бутылки. Высоко стояло искусство выделки художественных изделий из металла (главным образом бронзы), — чеканная обработка блюд, кумганов, чаш, шлемов, щитов, подсвечников и пр.

Хорезмские и хорасанские мастера умели превосходно обрабатывать камень и дерево. В Ашхабадском музее краеведения можно видеть большой жерновоподобный каменный надгробный могильник XII в. из Серахса с орнаментами и надписями, размещенными в концентрических кругах, изваянными мастером Мухаммедом ибн Мухаммедом Несеви (т. е. уроженцем Нисы). Редкий образец резьбы по дереву XII в. дает колонна в хивинской соборной мечети из числа свезенных туда некогда колонн мечети города Кята. Она очень стройна, переход от ствола к базису оформлен типичным для среднеазиатского зодчества шаровидным «кузаги»; вся поверхность покрыта

---

[1] До последнего времени считалось, что эту керамику изготовляла только в иранских городах—Рее и Кашане.

резьбой, сочетающей геометрические и растительные элементы и надписи[1].

Большую роль в быту, а потому в ремесленном и в домашнем производствах играли художественные ткани и ковры, которые вывозились далеко за пределы Туркменистана. Судить об их облике в настоящее время затруднительно. На редчайшем сохранившемся образце хорасанского ковра XI—XII вв.[2] можно видеть в бордюрах и каймах орнаментальные мотивы, которые поныне живут в творчестве туркменских ковровщиц—в частности, не только отвлеченные узоры, но и изображение вереницы верблюдов; на этом ковре вытканa пара слонов (возможно, что ковер был сделан для Газневидов, и сюжет этот связан с их индийскими походами), а также надписи куфическим почерком. Традиции коврового производства хорасанских туркмен, по мере продвижения туркменских племен на Ближний Восток, перенимаются и осваиваются здесь в виде так называемых «сельджукских» ковров, широко экспортировавшихся в Европу и доныне составляющих гордость некоторых музейных собраний.

В художественной культуре Туркменистана XI—XII вв. выделяются три крупных художественных «школы»: хорасанская, хорезмская и дехистанская. Стилистически они вполне отличны от художественных направлений той же эпохи в Иране, являясь созданием самобытного творчества народов Туркменистана периода развитой феодальной формации.

Поступательное развитие художественной культуры Туркменистана было прервано в начале XIII столетия нашествием монголов, которое сопровождалось беспощадным уничтожением культурных ценностей. Завоеватели стирали с лица земли цветущие города, предавали огню архитектурные памятники, истребляли созданные многими поколениями тружеников произведения искусств.

В XIII в. размах строительных работ был крайне ограничен. Даже панегирист иранских чингизидов—Рашид ад-дин вынужден признать, что из-за самоуправства и бесчинств монгольских чиновников, гонцов, солдат, «стало так, что никто не решался строить домов, а те, которые строили, делали усыпальницы и называли их рибатами или медресе. Тем не менее пользы не было. Многие из людей упразднили в домах двери и сделали трудно проходимые входы через подземелья в надаже, что, быть может, их дома не выберут под постой, одна-

---

[1] Б. Д. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1939, стр. 117.

[2] Иранское искусство и археология. 3-й Международный конгресс. М.—Л., 1939, табл. III.

ко, в них проламывали стены и располагались»[1]. В быту монгольских ханов и их окружения сохранялись многие традиции кочевнического уклада, в частности приверженность к жизни в шатрах.

С течением времени монголы-завоеватели приноравливаются к более высокому, культурному уровню покоренных народов. Представители монгольской знати начинают сами осуществлять некоторые строительные мероприятия. Так, в 1250—1251 гг., по распоряжению монгольского наместника Аргуна, жители Мерва в местности Разик-Абад (на южном участке, между Гяур-Кала и Султан-Кала) разбивают для него большой сад и возводят дворец и павильоны. Из числа этих построек археологами обнаружены руины небольшой буддийской кумирни[2]. В сооружении ее принимали участие привозные дальневосточные (видимо, китайские) и местные мервские строители. Первые воздвигли здание по традиционному плану буддийских храмов, оформили его крышу китайскими черепицами, украшенными на краях мордами львоподобных чудовищ, а на коньках и простенках — скульптурными фигурами птиц и изображениями драконов, покрыли внутренние стены живописью в китайском вкусе; вторые выполнили строительные конструкции и изготовили для панелей облицовочные глазурованные плиты, из которых составлялся замысловатый геометрический узор. То была постройка смешанного стиля, в которой черты северохорасанской строительной и декоративной традиции были механически соединены с дальневосточными.

К концу XIII в., в связи с известным упорядочением общественной жизни, в Хорасане и Дехистане, входивших в состав государства Хулагуидов, и в подчиненном Золотой Орде Хорезме проводятся работы по восстановлению некоторых из разрушенных городов—Нисы, Языра, Дехистана, Ахура, Ургенча, Миздахкана, в которых в эту пору возобновляется архитектурно-строительная деятельность.

Материалом для зданий монументальной архитектуры служит жженый кирпич; жилые же строения (даже дворцы правителей и знати) воздвигаются из материала менее долговечного—сырца. В постройках южно-туркменистанских городов получают широкое распространение многоцветные поливные изразцы, штампованная рельефная глазурованная терракота, гладкие майоликовые плиты. Применение их отмечено в Мер-

---

[1] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, М.—Л., 1946, стр. 313.
[2] Г. А. Пугаченкова. Буддийская кумирня в Мерве. КСИИМК, № LIX, 1954.

ве, в Языре, в Нисе, в Абиверде[1]. Орнаментация преимущественно стилизованная — растительная, иногда геометрическая и эпиграфическая. Наиболее употребительные цвета — белый, синий, голубой. Изразцы эти применялись не только в сформлении, но и при облицовке намогильников знати и духовенства. В Нису для украшения дома какого-то богача были выписаны изразцы прославленной продукции далекого Кашана. Они выполнены в так называемой технике «люстра», с мягким золотистым отблеском поверхности, имеют форму крестовин и восьмиконечных звезд; на одной из них изображен старец, на другой—юноша, сидящий у пруда, а по контуру начертаны стихи, прославляющие вино, любовь и красавицу[2]. Сам по себе факт этот интересен, как показатель наладившихся культурных связей Северного Хорасана с иными областями государства Хулагуидов.

Близ урочища Гок-Гумбез на северо-западной окраине Марыйской области сохранился комплекс сооружений XIII — XIV вв. То было большое родовое кладбище туркмен, у которого проживали шейхи. Здесь высится группа из четырех мавзолеев и множество фамильных — «дахма» — прямоугольных возвышений, где размещались намогильники—саганы. Мавзолеи сооружены из жженого кирпича, имеют стрельчатые купола и высокие портальные входы—пештаки. Многие дахмы обложены глазурованными кирпичами и изразцовыми плитками, изготовление которых, судя по находкам бракованных образцов и гончарных шлаков, осуществлялось в местных мастерских[3].

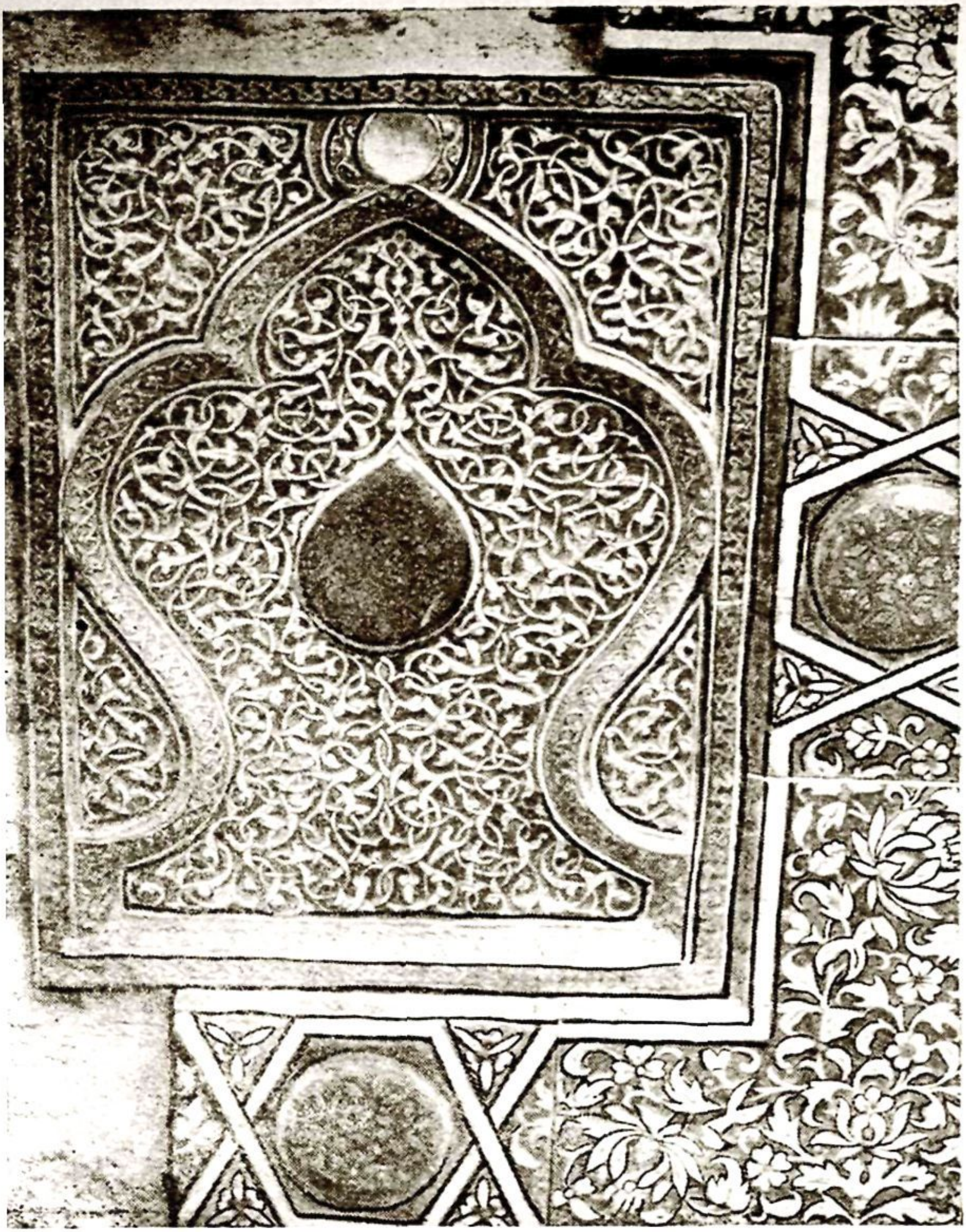
В конце XIII — начале XIV в. были произведены большие реставрационные работы в мавзолее Абу-Саида в Меане. Портал его облицевали резными мозаичными наборами, составленными из темно-синих, ярко-голубых и белых элементов, образующих сложно-геометрические узоры и надписи красивого почерка «сульс». Особенно эффектна живопись внутри мавзолея, выполненная разнообразными красками (с преобладанием синей и красной) по белому фону. Она представляет то большие прямоугольные панно, оформленные наподобие гигантской страницы какой-то книги, то стилизованный пейзаж с цве-

---

[1] Широкое употребление в XIII—XIV вв. поливных терракот и майолик в архитектуре Южного Туркменистана установлено работами ЮТАКЭ 1946—1950 гг.

[2] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 78 и след; Л. Т. Гюзельян, М. М. Дьяконов. Надписи на звездчатых изразцах XIII в. с городища Новая Ниса; там же, стр. 413 и сл.

[3] Гок-Гумбез обследован в 1951 г. XVI отрядом ЮТАКЭ.

Майоликовая облицовка мавзолея Нажметдина Кубра (?) в Куня-Ургенче.

тущим плодовым деревом, ирисами и даже кустами хлопчатника, то геометрические орнаменты, то надписи.

На известное оживление строительства в Дехистане, главном городе одноименной области, указывают находки архитектурных облицовочных глазурованных плиток. Высокого расцвета здесь достигает керамическая продукция. Керамика многоцветная (преимущественные цвета: белый, синий, голубой), очень тонкая и прочная, изготовленная на особом силикатном составе — «кашине». Росписи легкие, изысканные, преимущественно с отвлеченными и растительными мотивами. Широкое распространение получают в них надписи, выполненные скорописным почерком «дивани», заключающие в основном стихи, поговорки и благопожелания[1].

Уже к XIII столетию восходят первые дошедшие до нас письменные известия о туркменских коврах[2]. Марко Поло характеризует их как «самые тонкие и красивые в мире», что в устах венецианца, повидавшего на своем веку немало редкостных вещей от Италии до Каракорума, звучит высокой похвалой. Искусные труженицы-туркменки бережно сохраняли и передавали новым поколениям дочерей и внучек свое высокое мастерство. Эти традиции были занесены на Ближний Восток племенами малоазиатских туркмен, высылавших, по словам Ибн-Саида, прекрасные туркменские ковры в различные страны[3]. Изображения средневековых туркменских ковров, писаных, несомненно, с натуры и стилистически близких к коврам Туркменистана XIX в., представлены на картинах итальянских мастеров эпохи Возрождения—Липпо Мемми (1350 г.) и Николо Буонакорсо (1380 г.)[4].

В XIV столетии отмечается новый подъем художественной культуры Хорезма. Положение Ургенча на одном из магистральных путей из Восточной Европы в Азию, роль его как экономического посредника в торговых сношениях, фактическая независимость в связи с ослаблением центральной ханской власти — все это способствует оживлению городской жизни, торговли, ремесел, искусств. В 30-х годах XIV в. Ургенч—большой, благоустроенный город с обширными улицами, богатыми базарами, множеством строений[5]. Большое

---

[1] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 59.

[2] А. Фелькерзам. Старинные ковры Средней Азии. «Старые годы», 1916, стр. 96.

[3] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Туркмения..., т. I, Л., 1929, стр. 42.

[4] В. Г. Мошкова Племенные «голи» в туркменских коврах. «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 162.

[5] А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча, Л., 1930, стр. 16.

строительство осуществляется в правление Кутлуг-Тимура. Жена его Тюрябек-ханым строит ханаку и обширную мечеть. Сам он возводит медресе и стоящий доныне в Куня-Ургенче минарет почти 60-метровой высоты[1].

Минарет сложен из жженого кирпича, имеет суживающийся кверху круглый ствол, в верхней части которого была площадка, обведенная сквозным «фонарем», поверхность кладки украшена фигурными кирпичиками, концентрическими поясами вертикальных кирпичей и полосой с надписью. Среди других замечательных сооружений Ургенча путешественник Ибн Батута упоминает госпиталь, усыпальницу Абул-Касима аз-Земахшари, ханаку шейха Джемаль ад-дина, ханаку над могилой шейха Наджм ад-дина Кубра[2].

До наших дней сохранилась лишь эта последняя постройка, которая наглядно демонстрирует формирование нового архитектурного стиля феодального зодчества Туркменистана[3]. Это трехкомнатное строение, крытое куполами, с парадным высоким порталом, оформляющим вход. Устои арки портала, а также стены главного помещения усыпальницы сплошь покрывает облицовка из многоцветных майоликовых плит с запутанным растительным узором и замысловатыми надписями. Особенно хороши облицовки двойного надгробия и вертикальной стелы внутри мавзолея с богатейшей растительной и геометрической орнаментацией, многоцветных изразцов. С полным правом можно утверждать, что школа ургенчских керамистов XIV в. не знала себе равных в изготовлении майолик на всем Среднем Востоке. Характерным образцом хорезмийского монументального зодчества рассматриваемой эпохи является мавзолей Мазлум-Сулу в Миздахкане[4], вероятно, соединявший в себе функции усыпальницы и ханаки, как и мавзолей Наджм ад-дина Кубра. В нем есть главное помещение — «зикр-хана» (комната для собраний суфиев), в нишах которой стоит надгробие, ряд добавочных комнаток—худжр, длинный узкий проход. В архитектуре стен сохранен старый, домонгольский принцип выкладки спаренными и фигурными кирпичиками, которые, однако, в отличие от памятников XII в., покрыты голубой глазурью. В углах перехода от квадратного плана к восьмигранному куполу—крупные фигурные сталактиты с орнаментальной резьбой, покрытые цветной глазурью. Купол, согласно хорезмской традиции, восьмигранный, шатровый.

---

[1] Архитектурные памятники Туркмении, стр. 77.
[2] Там же, стр. 16—17.
[3] В. И. Пилявский. Ургенч и Миздакхан, М., 1948, стр. 17 и сл.
[4] Там же.

Превосходные майоликовые плиты украшают надгробие, стоящее в мавзолее.

Жилые дома богачей в эту пору отличались крупными масштабами и роскошью убранства. Дворец Кутлуг Тимура включил множество покоев; парадные залы—михман-хана, имели потолки, украшенные резным деревом или раззолоченными шелками, на стенах были повешены шелковые ткани[1].

В доме богатого ургенчского судьи Абуль-Хафса Омара путешественника Ибн Батуту поразили великолепные ковры, растянутые на полах, местные серебряные с позолотой сосуды, и привозные иракские, поставленные в настенных нишах, шелковые ткани, натянутые на стенах[2]. Вся эта роскошь — ткани, большая часть посуды, резное дерево—была созданием искусных мастеров Хорезма, в котором развитие прикладного искусства в XIV в. достигает высокого совершенства. Изделия их вывозились далеко за пределы страны,—на Русь, в Мавераннахр, в прикаспийские страны. Мастера нередко выезжали по приглашению для выполнения заказов в другие города. Так, несомненно, руками ургенчских керамистов сработаны майоликовые надгробия Кусама ибн Аббаса в Самарканде[3] и Сеида Ала ад-дина в Хиве[4]. Ургенч оказывал глубокое влияние на ремесленную промышленность золотоордынских центров Сарая-Берке и Сарайчика[5].

Высокого совершенства достигают архитектура и ремесленно-прикладное искусство Ургенча накануне походов Тимура на Хорезм. В правление династии Суфи (60—70-е годы XIV в.) возводится сохранившееся доныне здание мавзолея, который народная легенда ошибочно приписывает Тюрябек-ханым. В действительности он, по-видимому, представлял собою фамильную усыпальницу династии Суфи[6]. Это сложное по композиции сооружение заключает портальный вход, основное здание, за которым лежало еще одно небольшое помещение[7], и являет развитие на новой основе старого традиционного типа шатровой усыпальницы, определившегося еще в строительстве хорезмшахов (так называемый мавзолей Фахр ад-дина Рази, мавзолей Текеша). Для него характерны парадный портал с высокой аркой и очень оригинальная конструкция ку-

---

[1] А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 17.
[2] Там же.
[3] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент..., стр. 112.
[4] А. Г. Гулямов. Памятники города Хивы, Ташкент, 1941, стр. 19.
[5] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. Изв. ГАИМК, т. 8, вып. 2—3, 1931.
[6] М. Е. Массон. О датировке так называемого мавзолея Тюрябек-ханым в Куня-Ургенче. «Известия АН ТССР», 1952, № 4.
[7] Архитектурные памятники Туркмении, стр 51 и след.

нола. В мавзолее этом небывалой виртуозности достигает архитектурное убранство; в нем, в частности, употреблены наборные резные мозаики, элементы которых выпиливались из разноцветных плиток и закреплялись на растворе, составляя замысловатые узоры. Подлинным шедевром работы ургенчских мастеров является оформление подкупольной части и внутреннего купола главного помещения, где на криволинейной поверхности нанесен очень сложный геометрический орнамент; выполнение его показывает на глубокое знание народными строителями законов прикладной геометрии.

Когда в 1379 г. Тимур подверг Ургенч разрушению, он распорядился вывезти мастеров и ремесленников в Мавераннахр для использования их на строительстве возводимых здесь сооружений. При участии ургенчских мастеров в Шахрисябзе были созданы огромный дворец Ак-Сарай и монументальная усыпальница Дар ус-Сиадат. Следуя хорезмской традиции, ургенчские мастера выполнили одно из строений этой усыпальницы в необычной для Мавераннахра композиции шатрового мавзолея. Однако в самом Хорезме строительная деятельность с тех пор была надолго пресечена.

Период позднего феодализма отмечен упадком городской культуры в областях Туркменистана. Походы Тимура наносят сокрушительный удар развитию Хорезма; к концу XIV в. прекращается городская жизнь в Дехистане. Лишь в Северном Хорасане, который в XV столетии был окраинной провинцией Тимуридского государства, осуществлялась некоторая культурная деятельность. Здесь в эту пору отмечается известное оживление городской жизни, реконструкция некоторых пришедших в упадок городов (Анау, Куфен и др.) и даже возведение новых (Мерв).

Мерв был отстроен к югу от старых покинутых городищ Гяур-Калы и Султан-Калы; остатками его являются городища, которые позже получили наименование Абдулла-Хан-Кала (в действительности возникшее не при Абдулла-хане, но в первой половине XV в.[1]) и Байрам-Али-Хан-Кала, отстроенное во второй половине XV в.[2] По площади тимуридский Мерв намного уступает городу времен султана Санджара. Но в сооружении этого нового Мерва нашли отражение высокие принципы среднеазиатского градостроительного искусства XV в. Город имеет правильную планировку, площадь его квадратна, обведена стенами, которые укреплены полукруглыми башнями, оформленными поверху бойницами и зубца-

---

[1] В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, СПб., 1894, стр. 144.
[2] Факт этот установлен ЮТАКЭ в 1950 г. по археологическим данным.

ми, и снабжены системой вертикальных желобов для сброса дождевой воды. Город прорезывала по оси шедшая от ворот к воротам главная магистраль. В северном углу располагался дворец правителя, в северо-западной части—мечеть и медресе Хусравийе; в городе были заложены бани, караван-сараи, устроен базар. Археологами установлено наличие элементов городского благоустройства: водопровода, хауза, водосточных ям и канализационных устройств—тазаров. Вместе с тем, слова Хафиз и-Абру, который, превознося деятельность Шахруха по восстановлению Мерва, утверждал , будто «...в настоящее время (т. е. в XV в.) можно надеяться, город станет еще более цветущим, чем при султане Санджаре», представляют не более как комплимент придворного историка. Площадь нового Мерва была невелика (около 38 *га*), почти все строения, вплоть до дворца правителя, возведены из сырца, кирпичное здание мечети лишено каких-либо украшений.

Наиболее парадно были оформлены сооружения, воздвигнутые на старом кладбище у почитавшихся могил аль-Бурейды и аль-Хакама — в виде двух обширных сводчатых айванов, как бы образующих оформление для расположенных перед ними намогильников. Айваны построены из жженого кирпича и украшены яркими цветными кирпичами, образующими геометрические узоры и куфические надписи[1].

Для XV столетия характерно все большее усиление идеологической роли ислама и влияния духовенства на все стороны общественной жизни. Отражением этого в монументальном строительстве является сооружение многочисленных зданий культового назначения. Постройки эти характеризуют значительность масштабов, развитие техники сводчатых конструкций, богатство декоративного убранства, но вместе с тем в них отразилась известная шаблонность общих решений, вообще характерная для сформировавшегося стиля культовой архитектуры развитого феодального общества Среднего Востока.

Замечательным образцом монументального зодчества Северного Хорасана времени Тимуридов была мечеть на городище Анау[2], рухнувшая при землетрясении 6 октября 1948 г. Комплексное строение, включавшее не только эту мечеть, но также медресе и могилу некоего шейха Джамаль ад-дина, было воздвигнуто в 1456 г. Строителем-заказчиком его является сын названного шейха, Мухаммед, видимо, крупный феодал. Обширное перекрытое куполом здание мечети было обращено во двор мунументальным сводчатым айваном, над

---

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 127 и сл.

[2] Архитектурные памятники Туркмении. Под ред. Н. М. Бачинского. Москва—Ашхабад, 1939, стр. 103 и сл.

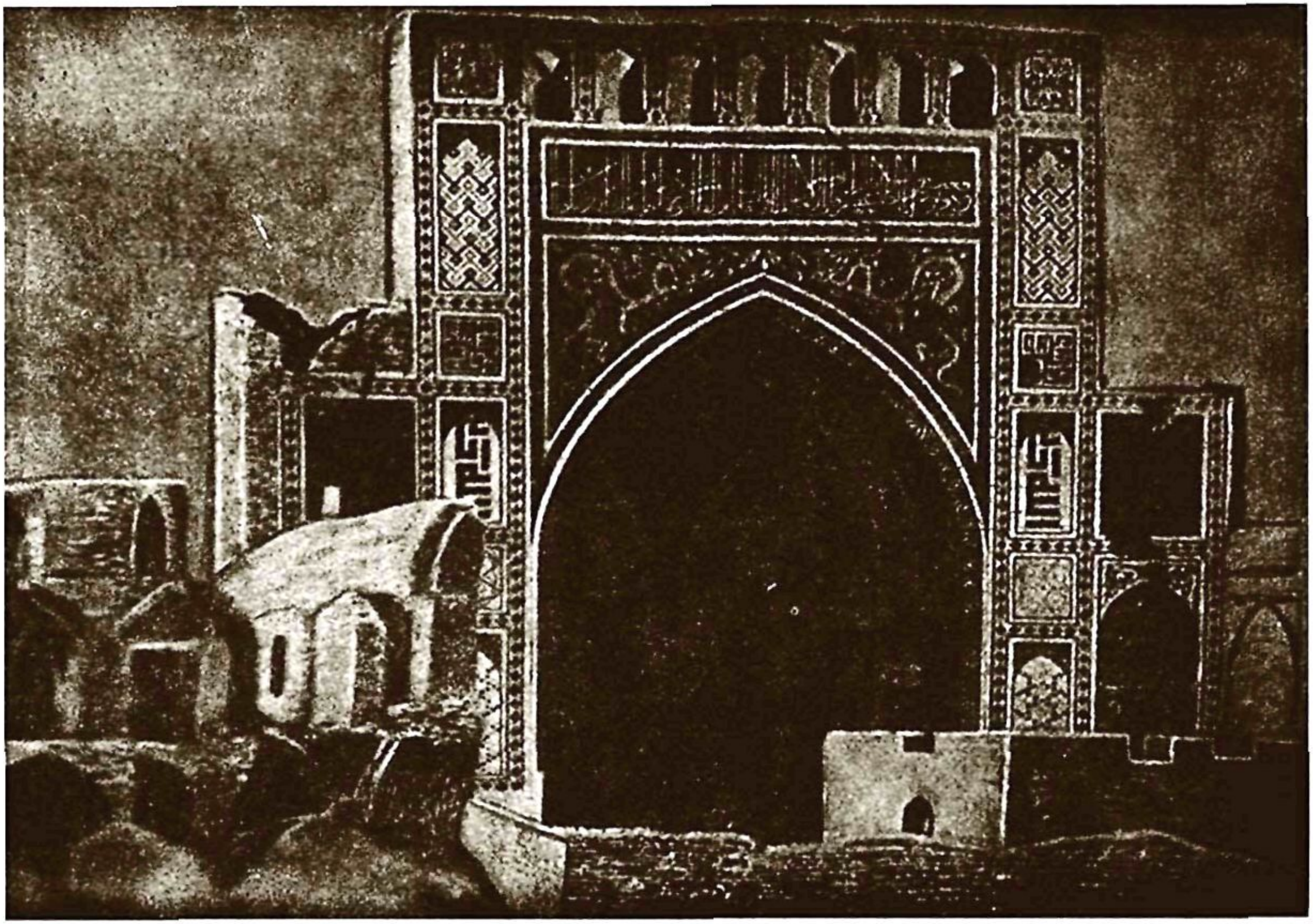
аркой которого в треугольных полях выложены многоцветной мозаикой извивающиеся драконы. Фасад облицован шлифованными кирпичами, на фоне которых размещены яркие мозаичные наборы. В боковых помещениях искусные строители вывели разнообразные системы сводчатых перекрытий, легких и эффектных, образующих различные звездчатые фигуры. Мечеть Анау — выдающееся создание местных зодчих, которые пренебрегая выдвинутым мусульманским духовенством запретом изображения живых существ, вводят в оформление культового здания изобразительный сюжет, использующий образы народной мифологии. На городище Анау от XV в. сохранилась также сардоба—кирпичная цистерна — водохранилище, — сооружение которых было широко распространено в безводных районах Туркменистана[1].

Прикладное искусство XV в. отличает высокое совершенство техники и форм. С большим мастерством работают резчики по камню. Каменные надгробия XV в. из Нисы, Мерва, Керки и других городов покрывает сложная, иногда многослойная резьба: витиеватые надписи, растительные сплетения, фигурные колонки и арочки[2]. В обработку идут мягкие породы привозных светлых мраморов и темных песчаников из местных месторождений. Отмечается оживление деятельности керамических мастерских в Нисе, Дуруне, Мерве, Абиверде и иных городах. Особенно изысканной продукцией отличалась Ниса. В эту пору, в связи с увлечением китайскими фарфорами типа «кобальт» (с синей росписью на белой основе), ввозившимися с Дальнего Востока появляется «китаеобразная» керамика, изготовленная на силикатной основе («кашин»). При этом слагается оригинальный тип северохорасанской керамической продукции, которая получает широкое распространение в областях Туркменистана[3].

В быту кочевых туркменских племен по-прежнему процветает ковроделие. Ковры, очень высоко ценившиеся на Западе, вывозились за пределы страны туркмен. Изображение туркменского ковра можно видеть на одной из фресок собора в Пистойе, написанной в 1475 г. художником Лоренцо-ди Креди[4].

---

[1] М. С. Мерщиев. Сардоба городища Анау. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 396—403.
[2] В. А. Жуковский. Указ. соч., табл. VI—VIII.
[3] См. Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Труды ЮТАКЭ, т. I, стр. 400 и сл.
[4] А. Фелькерзам. Указ. соч., стр. 96.

Мечеть Анау (из материалов Исторического музея АН ТССР).

ГЛАВА V

ТУРКМЕНИСТАН В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА XVI—XVIII вв.

1. Туркменский народ в XVI—XVII вв.

а) Начало борьбы Сефевидов с узбекскими ханами за раздел Туркменистана

С XVI в. начинается период разложения феодализма и развития буржуазных отношений. Передовые в экономическом отношении страны Европы превращаются в капиталистические государства, а более отсталые страны большей части Азии и других частей света становятся жертвой колониальной политики, попадая в положение колоний или полуколоний. Этот мучительный для народов Азии процесс сопровождается значительным обострением классовых противоречий и крупными политическими потрясениями. В Азии в XVI—XVIII вв. складывается ряд новых государств, происходят значительные передвижения населения.

В Туркменистане общий процесс упадка феодального общества протекал весьма замедленно в силу особенной отсталости страны и сравнительной отдаленности ее от новых мировых торговых путей. Он осложнялся переселением на юг отсталых в социально-экономическом отношении кочевых и полукочевых северных туркменских племен и перемешиванием их с южнотуркменским населением. Северные туркменские племена, переселяясь на юг, захватывая пригодные для хлебопашества земли Ахала, Атека, Мерва, Атрека и Гюрге-

на (Гургана) и оседая на этих территориях, как правило, неполностью подчинялись местным феодальным правителям и сохранили в той или иной мере прежние полупатриархальные — полуфеодальные отношения.

В то же время, в силу, прежде всего, своей племенной раздробленности, туркмены не смогли создать собственного государства. Поэтому туркменские племена оказались разорванными на части между соседними феодальными государствами, завязывавшими между собой нескончаемые распри за раздел и передел Туркменистана.

Еще в первой половине XV в. на территории нынешнего Казахстана сложилось государство кочевников, объединившее на время узбекские[1] и другие кочевые племена Дешт-и Кипчака. С 30-х годов XV в. начинаются попытки его правителей захватить Хорезм, а с середины того же столетия, осуществляются первые крупные грабительские походы на Мавераннахр. Феодальные распри среди кочевой знати привели к ослаблению этого государства, но в конце XV в. в правление Шейбани-хана оно вновь окрепло.

После долгой борьбы с феодальными соперниками, Шейбани-хан объединил под своей властью значительную часть узбекских племен и возглавил их вторжение в земледельческие области Средней Азии. Это вторжение было вызвано стремлением узбекской кочевой знати захватить новые пастбища и колодцы для своих громадных стад и ограбить земледельческое население. Наряду с этой, существовал ряд других причин, побуждавших кочевых узбеков к продвижению в земледельческие оазисы Средней Азии. Одной из них была заинтересованность в захвате пригодных для земледелия земель со стороны рядовых кочевников, беднейшая часть которых, не имея достаточного скота для кочевания, стремилась осесть на землю. Существенной причиной передвижения узбекских племен вглубь среднеазиатской территории была борьба за пастбища между племенами, подчиненными Шейбани-хану, и казахами, калмыками и другими кочевниками в Дешт-и Кипчаке, усилившаяся во второй половине XV в. и приводившая к постоянным военным столкновениям[2].

Государство Тимуридов, раздираемое феодальными усобицами и мятежами, не могло оказать достаточно стойкого сопротивления узбекскому вторжению. Завоевание Мавераннахра Шейбани-ханом облегчалось тем, что сами Тимуриды

---

[1] Эти племена нельзя отождествлять с современными узбеками, которым, они, правда, дали свое имя, но основную роль в этногенезе которых сыграло местное оседлое население и ранее пришедшие в Мавераннахр тюркские племена.

[2] История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, стр. 380.

вовлекли узбекских феодалов в свои династические распри, создавая благоприятную обстановку для завоевателей[1]. Овладев присырдарьинскими городами и укрепившись там, Шейбани-хан начал большие завоевательные походы на Мавераннахр. Тимуридские феодальные армии были сравнительно легко разбиты более многочисленными ополчениями узбекских племен, сопротивление тех немногих городов, жители которых оказывали упорное противодействие, жестоко подавлялось[2]. Тимуридские царевичи бежали, а Шейбани-хан в 1501 г. овладел почти всем Мавераннахром. В этой борьбе большую помощь узбекской кочевой знати оказало мусульманское духовенство, привлеченное Шейбани-ханом на свою сторону, и особенно суфийские дервишские ордена.

С 1503 г. начались походы войск Шейбани-хана на владения наиболее сильного из тимуридских правителей — султана Хусейна Байкара, правившего Хорасаном[3]. Война шла с переменным успехом до смерти султана Хусейна весной 1506 г. После его смерти тимуридские царевичи и их эмиры, занятые интригами и усобицами, были разгромлены узбекскими войсками и погибли поодиночке или бежали из своих владений. В сравнительно короткое время Шейбани-хан овладел Гератом, Мервом, Ургенчем и даже Астрабадом. Завоевания его сопровождались обычными для феодальной эпохи грабежами и притеснениями мирных жителей. Столицей Шейбани-хана стал город Самарканд. Так возникло Бухарское ханство. Полукочевые и кочевые племена Туркменистана оказали новым завоевателям довольно сильное сопротивление. Еще в период своих войн в степях Шейбани-хану приходилось встречаться с некоторыми туркменскими племенами. Так, после одной из неудач, он вынужден был удалиться в заселенный туркменами Мангышлак. В 1486 г. во время набега на Хорезм, входивший в Гератское владение Тимуридов, Шейбани-хан столкнулся, между прочим, с хорасанскими и мангышлакскими туркменами, прибытие которых заставило его отступить от осаждавшейся им крепости Булдумсаз. После этого он захватил туркменскую крепость Адак в районе Сарыкамыша и оттуда совершил набег на юго-запад, разграбив некоторые местности, принадлежавшие к Астрабадской области. Позднее, в 1504 г., Шейбани совершил поход на Ургенч; на защиту столицы Хорезма поднялись окрестные туркменские племена, но после долгой осады город был взят уз-

---

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, стр. 381.
[2] Там же, стр. 383.
[3] Если не считать более ранних столкновений между Шейбани-ханом с войсками султана Хусейна в Хорезме и Астрабаде.

бекскими войсками, которые по приказанию Шейбани-хана жестоко расправились с туркменами[1].

Против Шейбани-хана выступили также кочевые тюрко-монгольские племена, жившие в Юго-Восточных Кара-Кумах, — арлаты и джалаиры, но и они потерпели поражение и частично вынуждены были бежать за пределы Туркменистана. Вскоре, однако, Шейбани-хан столкнулся с другим феодальным завоевателем—кизылбашским (ирано-азербайджанским) шахом Исмаилом, основателем Сефевидского государства. Шах Исмаил происходил из рода ардебильских шейхов и опирался на феодально-родовую знать азербайджанских кочевых племен и дервишские ордена. Его воины назывались кизылбашами («красноголовыми»), так как носили чалмы (селле) с двенадцатью красными полосами в честь 12 шиитских имамов. Государственной религией государства Сефевидов был ислам шиитского направления, почему позднее войны Сефевидов с узбекскими и турецкими феодальными правителями, придерживавшимися суннизма, внешне облекались с обеих сторон в форму религиозной войны.

Шах Исмаил к 1508 г., помимо Азербайджана, овладел всем Западным Ираном. Падение государства Тимуридов уничтожило барьер, разделявший два новых государства. Вскоре произошло столкновение между кизылбашскими и узбекскими феодалами. После взаимных набегов и обмена оскорбительными письмами началась война. В 1510 г. шах Исмаил со своими войсками стремительно двинулся в Хорасан. Шейбани-хан, находившийся в Герате, не был подготовлен к решительному столкновению и укрылся в Мерве, ожидая подхода подкреплений из Мавераннахра.

Шах Исмаил не предпринял штурма сильно укрепленного города[2]. Чтобы не затягивать осады, он решил пойти на хитрость и выманить из города узбекское войско. Он написал Шейбани-хану письмо, извещая его о своем отступлении и двинулся с войсками по хорасанской дороге. Узнав об отступлении противника, Шейбани-хан неосторожно бросился преследовать его. Но, перейдя канал Сиях-Яб у Талхатан-Баба, узбекское войско, в составе которого были также отряды мервских духовных феодалов (ходжей и сеидов), наткнулось на стоящую в боевом порядке и готовую к сражению армию шаха Исмаила. В завязавшемся сражении войско Шейбани-

---

[1] Die Scheibaniade. Von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten von H. Vambery. Wien—Budapest, 1885, LXXI—LXXV Gesange.

[2] Хондемир, МИТТ, II, стр. 49.

хана было окружено и почти полностью уничтожено, погиб и сам хан[1].

Гибель Шейбани-хана еще не означала прочного перехода Хорасана в руки Сефевидов. Вплоть до смерти шаха Исмаила иранские наместники держались в городах Южного Туркменистана. Узбекские ханы Бухары неоднократно, — в 1513, 1514 и 1521 гг.—совершали опустошительные походы на Хорасан, захватывая временами Мерв и Герат. Население жестоко страдало от войн и грабежей. Так, в 1513 г. войска шаха Исмаила вступили в Бадгыз и подвергли истреблению тамошних кочевников, в наказание за убийство кизылбашей, отступавших через эту область после проигранного сражения с узбеками[2].

Одновременно с захватом Хорасана шах Исмаил присоединил и Хорезм. В Ургенч, Везир и, вероятно, в некоторые другие города были посланы иранские наместники, называвшиеся *старым монгольским именем «даруга». Однако хорезм*ские феодалы, недовольные властью Ирана, составили подготовлявшийся два года заговор против «кизылбашей». В этот заговор было вовлечено, по-видимому, суннитское духовенство, в частности, один из потомков видного дервишского шейха из рода Сеид-ата, который намечался в ханы Хорезма[3]. Из-за его отказа пришлось воспользоваться помощью степных феодально-родовых вождей и пригласить в Везир султана Ильбарса, происходившего из враждебного Шейбани-хану узбекского феодального рода. Как и Шейбани-хан, Ильбарс являлся отдаленным потомком Чингиз-хана. Заговорщики захватили ворота города, через которые проникло узбекское войско. Иранцы были перебиты. Ильбарс был провозглашен ханом Хорезма. Ему подчинились Янгишехер и Терсек, но население Ургенча не признало его. Через три месяца в завязавшемся сражении сефевидский наместник Ургенча был убит вместе со всеми своими нукерами, и город перешел в руки узбекских султанов[4]. Ильбарс и его брат Байбарс немедленно вызвали из степей свою многочисленную родню, вынудили кизылбашей покинуть Хивак, захватили Хазарасп, Кят и поделили между собой города Хорезма, а также полукочевые и кочевые туркменские племена[5].

Таким образом, в начале XVI в. сложились три важнейшие феодальные государства Среднего Востока, игравшие

---

[1] Хондемир, МИТТ, II, стр. 50—51; Хасан-бек Румлю, МИТТ, II, стр. 56.

[2] Хасан-бек Румлю, МИТТ, II, стр. 57.

[3] Шейх-Сеид ата — второй преемник известного тюркского суфия XII в. Ходжа Ахмеда Ясеви.

[4] Абулгазн. Родословное древо тюрков, Казань, 1906, стр. 17—18.

[5] Там же, стр. 176—178.

значительную роль в истории Туркменистана XVI—XIX вв.— Сефевидское в Иране, Бухарское и Хорезмское (с середины XVII в. получившие название Хивинского) — в Средней Азии. Между ними с первой четверти XVI в. завязалась жестокая борьба за покорение туркменских племен и за раздел туркменских земель. Все три эти государства имели первоначально одну весьма важную общую черту, — руководящую роль в их политической жизни играла военно-кочевая знать, — азербайджанская в сефевидском Иране, узбекская в Бухаре и Хорезме. Создалась благоприятная обстановка для нового повышения удельного веса отсталых кочевых племен в жизни всего Среднего Востока. Вместе с тем, во всех этих государствах чрезвычайно важное значение приобрели дервишские ордена и возглавлявшие их суфийские шейхи. Впрочем, через некоторое время в Бухаре и Иране стала быстро возвышаться старая феодальная аристократия, связанная с земледельческим хозяйством, и близкое к ней официальное духовенство (улема). В Иране при шахе Абассе I (1587—1628 гг.), опиравшемся в основном на феодальную знать оседлых народностей (прежде всего, на персидских феодалов), сложилось централизованное государство, игравшее на рубеже XVI—XVII вв. крупную роль в политической истории народов Среднего Востока. В Хиве этот процесс шел гораздо медленнее и менее успешно.

Таковы были в XVI в. внешнеполитические условия, в которых протекало развитие туркменского народа. Следует отметить, что образование Сефевидского государства и ожесточенная борьба сефевидских шахов против ханов Бухары отрезало древние торговые пути из Средней Азии на Запад. Тем самым Средняя Азия оказалась в значительной мере изолированной от внешнего мира и лишь в середине XVI в. выход Русского государства к Каспийскому морю вывел Среднюю Азию из этого положения. С тех пор торговые связи с Русским государством приобрели для народов Средней Азии особенно важное значение, эти связи развивались и крепли с каждым десятилетием.

б) Туркменский народ в начале XVI в.

В начале XVI в., как и раньше, туркмены делились на множество племен и группировок. Сведения о туркменах в этот период очень бедны и отрывочны, но все же позволяют восстановить в основных чертах их расселение[1].

[1] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Туркмения, т. I, АН СССР, 1929, стр. 46—47; Мунис, МИТТ, II, стр. 324; Абулгази. Родославное древо тюрков, стр. 185—186.

На Балханах по-прежнему жили туркмены-эрсари, а поблизости от них — хорасанские салыры[1]. Основная масса салыров и связанные с ними текинцы, иомуты и сарыки составляли вторую, наиболее значительную группировку туркменских племен. Место их расселения точно неизвестно, но скорее всего они жили на берегах Сарыкамышского озера, на Южном Усть-Урте, на побережье Кара-Богаза и Каспийского моря, вплоть до Мангышлака, где до нашего времени сохранилось огромное количество старых колодцев и каменных водопойных корыт. Текинцы, иомуты и сарыки назывались «внешними салырами» (даш-салыр), их земли находились по соседству с туркменами-эрсари. Собственно салыры назывались «внутренними салырами». Местами их расселения были, очевидно, Мангышлак или Южный Усть-Урт. Третья значительная группировка туркмен, включавшая човдуров, икдыров и абдалов, размещалась, по-видимому, севернее всех остальных, на границе с кочевыми узбеками, т. е. в северной части Усть-Урта. Абулгази и авторы хивинских хроник XIX в. упоминают еще о крупных туркменских племенах гокленах и арабачи[2]. Однако место их жительства в начале XVI в. остается неизвестным. Возможно, впрочем, что они находились тогда также в районе Сарыкамыша и Южного Усть-Урта, так как у южных обрывов Усть-Урта сохранилась еще группа колодцев Гоклен-Куюсы. Однако часть гокленов (например, геркезы) жила на Балханах.

Многочисленное полукочевое туркменское население имелось по берегам Узбоя, Сарыкамышского озера и в северо-западной части Хорезма в районе Ургенча[3]. Вся страна от побережья Каспийского моря до Ургенча, следовательно, и район Дарьялыка, где стояли города Булдумсаз, Везир (ныне городище Дев-Кескен) и Адак (где сейчас находится городище Ак-Кала), называлась «страной туркмен»[4].

---

[1] Причина того, что эти салыры назывались хорасанскими, неизвестна. Следует вспомнить, что еще в XV в. около Нисы было селение Салур. Среди салыров подразделение хорасанлы сохранилось до настоящего времени.

[2] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 186; В. В. Бартольд Указ. соч., стр. 47.

[3] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., Л., 1937, стр. 177. (Путешествие А. Дженкинсона в 1558—1560 гг., в дальнейшем Дженкинсон).

[4] Впрочем, нельзя категорически утверждать, что адаклы-хызыр жили именно в самом городке Адак, а не только в его окрестностях. Детальное археологическое изучение Адака еще не проведено.

На восточном берегу Сарыкамышского озера, в укрепленном городке Адак и вокруг него, были расселены туркмены адаклы-хызыр[1]. Этот же район занимала и часть племени хызыр-или, остальные хызыр-или проживали на южных берегах Сарыкамыша и верхнем Узбое вплоть до колодцев Куртыш. Западнее, до самых Балханских гор, были расселены туркмены-алили, а на нижнем Узбое, вплоть до моря—дюечи (тиведжи).

Все эти туркменские племена делились на две большие группы — саин-хани и эсен-хани (хасан-или). К первой группе принадлежало громадное большинство племен, ко второй —човдуры, икдыры, абдалы и некоторые другие мелкие северные племена.

Кроме того, туркменское население имелось тогда и на территории нынешнего Южного Туркменистана. Это были прежде всего языры-карадашлы, осевшие еще в XII в. в районе Дуруна[2].

Трудно сказать, можно ли было в XVI в. считать туркменами население долины Нохура (позднейшее туркменское племя нохурли). Его происхождение было сложным. К аборигенам долины, древним горно-скотоводческим племенам Копет-Дага, возможно уже с XI в. примешивались огузско-туркменские пришлые элементы[3]. Постепенно увеличиваясь в числе, пришельцы, наконец, ассимилировали коренное население долины. Не ясно, однако, когда этот процесс завершился и местное население окончательно слилось с пришлым в одно племя с единым диалектом.

Также не ясна степень ассимиляции туркменами к началу XVI в. хорасанского земледельческого населения Прикопетдагской полосы и Мургабской долины. В позднейшее время это население было ассимилировано туркменами. Часть его смешалась с северными туркменскими племенами и, войдя в их состав, полностью растворилась, не оставив следа своих прежних этнических наименований. Другая часть также была ассимилирована туркменами, но в качестве групп, ставших со временем туркменскими племенами и сохранившими названия, в какой-то мере отражающие сравнительно давние процессы этногенеза. К таким племенам относятся

---

[1] Г. И. Карпов. О туркменах эсенхановского юрта. «Известия ТФАН СССР», 1946, № 3—4.

[2] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 58.

[3] Г. П. Васильева. Туркменское племя нохурли. Краткие сообщения Института этнографии, вып. VII, М., 1949.

мехинли, анаули, а также, вероятно, махтум и меджеур. Несомненно, что процесс сближения тюркоязычного степного населения и хорасанских таджиков начался еще очень давно, с XI в., если не раньше, в процессе оседания туркмено-огузских племен в Ахале (языры, салыры) и в Мерве (туркмены-санджари, позднейшие солтаниз). Но наряду с ними еще в конце XVI в., да, несомненно, и позже, в земледельческой полосе Южного Туркменистана сохранилось и местное оседлое население, которое, вероятно, Абулгази и называет сартами, определенно отличая их от узбеков и туркмен[1]. В начале XVI в. этого населения было, конечно, много больше.

Наконец, авторы XVI—XVII вв. называют туркменами также некоторые тюрко-монгольские (чагатайские) племена, поселившиеся на территории Южного Туркменистана в период монгольского владычества, например, джалаиров[2]. Что касается тюркизированного монгольского племени гирейли (керейлы)[3], жившего в XV—XVI вв. в Юго-Западном Туркменистане на месте современных гокленов и в Северном Иране, то его, видимо, к числу туркменских племен не относили, хотя часть керейли позднее вошла в состав туркменского племени теке[4].

Уже с начала XVI в. в приатрекских степях упоминаются йака-туркмены («береговые» или «пограничные»). В середине и во второй половине XVI в. они отождествлялись с туркменами саинхани или с частью их. Весьма вероятно, что в их число входила часть теке, так как «люди тохтамыш» упоминаются в этом краю уже в XV в.[5] Но скорее всего, эта группа не имела определенного племенного состава и йака-туркменами называлась просто та часть туркмен, независимо от родо-племенной принадлежности, которая жила в приатрекских степях, по берегу Каспийского моря; в разное время здесь жили различные туркменские племена. Это название употреблялось только иранскими авторами, поэтому к более удаленным от иранских границ туркменским племенам оно не прилагалось.

Очень мало известно о населении Пендинского оазиса и среднего течения Аму-Дарьи в начале XVI в. Есть основания предполагать, что здесь находились в это время кочевые ча-

---

[1] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 214.
[2] Искандер Мунши, МИТТ, I, стр. 92.
[3] Это племя происходит от монгольского племени керент.
[4] Ныне живут в поселке Безмеин.
[5] Мирхонд, МИТТ, I, стр. 538.

гатайские племена (аймаки) и, вероятно, туркмены-баяты[1], сохранившиеся на побережье Аму-Дарьи и поныне; кроме того, в районе нынешнего Чарджоу жили арабы.

Хозяйство туркменских племен было не вполне однородным. Судя по налогам, собиравшимся с туркмен хорезмскими ханами в первой половине XVI в., основным занятием эрсари, салыров (включая «внешних салыров», т. е. теке, иомутов и сарыков), хасан-или, гоклен и арабачи было скотоводство[2]. Английский путешественник Дженкинсон, проехавший в 1558 г. через туркменские степи по пути из Астрахани в Хорезм, пишет: «от Каспийского моря до сказанного замка Селлизюр[3] и по всей стране у Каспийского моря люди живут, не имея городов и постоянных жилищ, в диких степях, кочуя с одного места на другое большими ордами со всем своим скотом, которого у них множество, а именно верблюдов, лошадей и овец как прирученных, так и диких». Дальше Дженкинсон говорит о курдючных овцах у туркмен[4].

Однако, поскольку по письменным источникам XVII в. верхнеузбойские и сарыкамышские туркмены (уч-эль—три племени, т. е. адаклы-хызыр, алили и дюечи) платили десятую часть урожая[5], следует предположить, что земледельческое хозяйство существовало у них и в XVI в. При этом адаклы-хызыр платили только зерном, а дюечи и алили вносили также налог со стад, т. е., очевидно, сохраняли скотоводческо-земледельческое полукочевое хозяйство. В предыдущей главе уже приводились слова Абулгази, говорившего о пашнях, садах и виноградниках узбойских туркмен, а также о том, что более богатая часть населения летом откочевывает со своим скотом на колодцы вглубь пустыни. Таким образом, деление узбойских и сарыкамышских туркмен на оседлых земледельцев (чомур) и кочевых или полукочевых скотоводов (чарва) в XVI в. не подлежит сомнению. Конечно, таким же было хозяйство дарьялыкских туркмен, живших вокруг Ургенча, Везира и Булдумсаза. Они в первой половине XVI в. рассматривались как «райя», т. е. оседлое податное население, на равных основаниях с сартами[6] (т. е. в данном случае потомками древнего хорезмийского населения).

---

[1] Основная масса баятов жила, впрочем, в Южном Хорасане, южнее Нишапура.

[2] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 185—186; Мунис, МИТТ, II, стр. 324—325.

[3] Шахр-и Вазир, т. е. город Везир.

[4] Дженкинсон, стр. 178.

[5] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 45.

[6] Там же, стр. 47.

Дженкинсон сообщает некоторые подробности о сельском хозяйстве у хорезмских туркмен. «Здесь растет много прекрасных плодов, из которых один, называемый дыней (Dynie), отличается большими размерами и наполнен соком; жители едят их вместо напитка после еды. Есть здесь и другой плод, называемый арбузом (Carbuse), величиной с большой огурец желтый и сладкий как сахар, а также хлебное растение, называемое иегур (Iegur)[1], стебель которого очень похож на стебель сахарного тростника и такой же высоты, как последний; зерна его похожи на рис и растут на верхушке стебля, подобно кистям винограда»[2].

Труднее установить, имелось ли земледельческое хозяйство у основной массы туркмен, т. е. у перечисленных уже племен, живших в Прикаспии, от Мангышлака на севере до Атрека на юге. Несмотря на значительное преобладание скотоводства в этих районах, можно предположить, что здесь имелись и небольшие посевы, отчасти богарные, отчасти поливные. Это предположение основывается на том, что на Балханах поливное земледелие, базирующееся на мелких горных источниках, отмечено еще в XIV—XV вв. (договор эрсари с дюечи и караойли, о котором говорилось в предыдущей главе). Предания гокленского подразделения геркез сообщают, что в древности это племя занималось земледелием на горе Геркез-Даг (Большие Балханы), с которой и связано название этого подразделения. Следы древних пашен на плоскогорьях Больших Балхан сохранились и поныне. На Мангышлаке еще в начале XX в. горные источники использовались для орошения карликовых посевов[3]. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что оседание немногочисленных групп бедноты и переход их к земледельческому хозяйству имели место у мангышлакских и балханских туркмен в XVI в., как и раньше, что и здесь туркмены делились на чомур и чарва. Но в отличие от хорезмских туркмен, чомуры, вероятно, составляли здесь незначительное меньшинство.

Исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции на берегах Сарыкамышского озера показали, что в XV—XVI вв. здесь существовало не менее четырех значительных ирригационных систем[4]. Из специальных водоемов,

---

[1] Джугара.

[2] Дженкинсон, стр. 177.

[3] Материалы по землеводопользованию в Закаспийской области, собранные и изданные по приказанию начальника Закаспийской области ген.-лейт. Д. И. Субботича, Асхабад, 1903, стр. 5.

[4] С. П. Толстов, А. С. Кесь, Т. А. Жданко. История Средневекового Сарыкамышского озера. В кн. Вопросы геоморфологии и палеографии Азии, АН СССР, 1955, стр. 57—71.

устроенных непосредственно на берегу озера, вода поднималась с помощью чигирей или других водоподъемных сооружений и по длинным жёлобам, проложенным на специальных валах, подавалась на поля; сохранились следы многочисленных поливных карт, окруженных валиками, остатки грядок (очевидно бахчей). Местами обнаружены площадки для юрт (кара-ой) и остатки землянок, в которых жило туркменское полуоседлое или оседлое население.

Многочисленные железные крицы, горны для плавки железа остатки железных орудий — все это говорит о развитом железоделательном и кузнечном ремесле.

Среди южнотуркменских племен несомненными земледельцами были дурунские языры, хотя есть основания полагать, что часть из них занималась и отгонным скотоводством. Нохурли имели смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство. О земледелии у йака-туркмен в самом начале XVI в. сведений нет, но уже в середине XVI в. эймуры распахали много земель по Атреку и Гюргену.

Главными занятиями туркмен в начале XVI в. были скотоводство и земледелие. Сохранялась у них и охота, в том числе с соколами, о чем пишет Дженкинсон[1]. Существовало и рыболовство, бывшее издавна занятием беднейшей части туркменского населения Прикаспийской полосы. К сожалению, источники не содержат почти никаких данных о ремесле и торговле у туркмен в рассматриваемое время, хотя некоторые виды домашнего ремесла (ковроткачество, шорничество, валяние кошм, выделка грубой глиняной посуды, изготовление луков и стрел и т. п.), без сомнения, существовали и были распространены у всех туркмен.

По своему хозяйственному укладу туркменские племена в начале XVI в., как и раньше, не были вполне однородны. Громадное большинство туркмен: эрсари, салыры, сарыки, теке, иомуты, човдуры, гоклены и некоторые другие были в основном скотоводами. Все они занимались также охотой и домашним ремеслом. Беднота этих племен занималась также земледелием, но в сравнительно скромных масштабах. В хозяйстве жителей побережья Каспийского моря серьезное значение имело рыболовство. Часть туркмен (алили, дюечи, вероятно, также нохурли и большинство хорезмских туркмен) вели смешанное полукочевое хозяйство при довольно большом удельном весе земледелия. Наконец, некоторые племена — языры-карадашлы, адаклы-хызыр—были в основном земледельцами и лишь отчасти скотоводами. Во всяком случае, сочетание земледелия и скотоводства, дополнявшихся

[1] Дженкинсон, стр. 178.

домашним ремеслом, охотой, а кое-где и рыболовством, было основой хозяйственной жизни всех туркменских племен.

Об общественном строе туркменских племен в начале XVI в. известно гораздо меньше, чем о хозяйстве. Видимо, можно считать, что коренных изменений, по сравнению с XIV—XV вв., не произошло, и общественные отношения туркмен по-прежнему оставались патриархально-феодальными, при некотором повышении роли военно-феодальной знати племен. При этом, феодальные отношения, несомненно, были больше всего развиты у дарьялыкских туркмен и у языров Дуруна. Но и у других племен феодально-родовая знать (старшины, ак-сакалы) при сохранении родо-племенной организации и других пережитков была фактическим руководителем политической и хозяйственной деятельности и определяла решение всех важнейших вопросов.

Как уже говорилось, хорезмские туркмены, после упорного сопротивления, были в конце XV и начале XVI в. подчинены Шейбани-ханом, после его гибели перешли под власть иранского шаха Исмаила, но позднее хорезмская феодальная знать и духовенство, организовав восстание против кизылбашей, призывали в Хорезм узбекских султанов.

Укрепившись в Хорезме, Ильбарс и его брат начали систематические походы с целью подчинения остальных туркменских племен. В 1523 г., незадолго до смерти шаха Исмаила, последовавшей в январе 1524 г., Ильбарс совершил поход на Хорасан, откуда вернулся с большой добычей[1]. В 1524 г., узнав о смерти шаха, Ильбарс вновь двинулся с войсками на Хорасан. Иранские наместники Ахала и Атека бежали, и обе эти области были захвачены Ильбарсом[2]. С тех пор в Хорезмском государстве различали две основные области, разделенные пустыней Кара-Кум: Су-Бою (сторона воды), т. е. собственно Хорезм и, вероятно, берега Сарыкамышского озера, и Даг-Бою (сторона гор), т. е. предгорья Копет-Дага. Опорным пунктом хорезмских султанов в Южном Туркменистане стал Дурун, куда выходила главная дорога из Хорезма. Так на время окончилась власть Сефевидов над Южным Туркменистаном. Воспользовавшись смертью шаха Исмаила, бухарский хан Убейдулла захватил Мерв и в 20—30-х годах совершил несколько походов на Герат и Южный Хорасан[3].

---

[1] Мунис, МИТТ, II, стр. 323.
[2] Там же, стр. 178.
[3] Хасан-бек Румлю, МИТТ, II, стр. 58—59

Тем временем хорезмские султаны двинули войска на Балханы и Мангышлак и после ряда боев подчинили туркменские племена[1], хотя по словам Абулгази, не все[2]. Покоренные туркмены были обложены налогами (зекят).

Вскоре после смерти хана Ильбарса среди его родственников вспыхнули кровавые феодальные усобицы. Воспользовавшись ими, туркмены Балхана и Мангышлака восстали и убили 40 ханских сборщиков—бератдаров. Забыв распри, Суфиян-хан, владетель Ургенча, и его родственник и союзник Актай-хан совершили набег на повстанцев, причем убили и захватили в плен много мужчин, женщин и детей. Остальные восставшие туркмены—эрсари, хорасанские салыры, теке, иомуты и сарыки — укрылись на безводной возвышенности (кыр) Чотак, окруженной горами[3]. Проникнуть туда можно было лишь по одной узкой тропинке. Узбекское войско не могло взять этой природной крепости, но начало ее блокаду. Через три дня лишенные воды туркмены вынуждены были сдаться и послали своих аксакалов для переговоров об условиях[4].

Условия были тяжелыми: туркменам пришлось отдать 40 тыс. баранов — по тысяче за каждого убитого бератдара. Из этого числа 16 тыс. дали эрсари, 16 тыс. хорасанские салыры и 8 тыс. теке, иомуты и сарыки. В дальнейшем этот штраф превратился в ежегодный налог, который взимался с туркмен в течение ряда поколений. Подобные налоги платили и остальные туркменские племена, хотя данные Абулгази и хивинских хроник XIX в. о величине этих налогов несколько расходятся[5]. По Абулгази, внутренние салыры платили 16 тыс. баранов[6], хасан-или—столько же[7], арабачи—4000, гоклены—12 тыс.[8]; кроме того, все эти племена должны были давать баранов «для ханской кухни» в размере 10% от величины основного налога. По словам Абулгази, адаклы-хызыр, алили и дюечи платили налог зерном, но два последних племени, кроме того, давали скот. Мунис и Агехи, напротив, го-

---

[1] Мунис, МИТТ, II, стр. 324.

[2] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 178.

[3] Такой метод обороны практиковался мангышлакскими туркменами еще в XVIII в. Местонахождение горы Чотак неизвестно, но может быть имеется в виду один из кыров Чанака (Джанака)—гористого района, расположенного у юго восточного угла Карабугазгольского залива, вблизи от колодца Туар-Кыр.

[4] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 186; Мунис, МИТТ, II, стр. 324.

[5] Мунис, МИТТ, II, стр. 329.

[6] Там же.

[7] По Мунису и Агехи — 17 тыс.

[8] По Мунису и Агехи— 10 тыс.

борят, что адаклы платили налог баранами (13 200 голов в год), а хызыр-или и дюечи—зерном; об алили эти авторы не упоминают. Предпочтение приходится отдавать сообщению Абулгази, более раннего и осведомленного автора.

Все туркменские племена, как и население оседлых областей, были поделены между многочисленными членами ханского рода; эти правители уделов высылали своих бератдаров в туркменские кочевья. Например, Мухаммед-Гази, владетель Дуруна, собирал налоги с туркмен Узбоя[1].

Итак, в 20-х годах XVI в. вся основная масса северных туркменских племен, до того времени полунезависимых, попала под тяжелый иноплеменной феодальный гнет. Всей тяжестью он ложился на бедноту, но недовольством была, видимо, охвачена, и туркменская знать, так как прибавочный продукт, производимый беднотой, частично уходил мимо рук туркменских аксакалов и захватывался хищными узбекскими феодалами. Кроме того, туркменская знать была ущемлена и в политическом отношении, ее оттеснила на второй план узбекская военная знать, являвшаяся основной опорой хорезмских ханов. Стремление уйти от невыносимого гнета и произвола, нужда в земле, пригодной для земледелия, а также непрерывные нападения соседних кочевых племен (особенно калмыков с XVII в.) побуждали и вынуждали северные туркменские племена начать массовое переселение на юг. Это переселение растянулось на несколько столетий. Порой оно прерывалось или даже сменялось обратным движением, когда в Южном Туркменистане в свою очередь усиливался феодальный гнет, но затем возобновлялось с новой силой, особенно после того, как в XVII в. прекратился ток воды по Дарьялыку и стало быстро высыхать Сарыкамышское озеро, что вызвало почти полную гибель земледельческого хозяйства в прежних туркменских районах.

Это передвижение кончилось лишь в XIX в., когда основная масса северных туркменских племен переселилась на юг, частично вытеснила или ассимилировала его прежнее население — южнотуркменские племена, хорасанских таджиков (сарты, таты), курдов и осела на плодородных землях Сумбара, Атрека, прикопетдагских районов, на берегах Теджена, Мургаба и среднего течения Аму-Дарьи, сохранив патриархально-феодальные отношения, как основу своего общественного строя.

---

[1] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 47.

в) Узбекско-туркменские государства в Южном Туркменистане

Наличие классовых противоречий в туркменском патриархально-феодальном обществе, где феодально-родовая знать эксплуатировала рабов и обедневших сородичей, с неизбежностью вызывало классовую борьбу, хотя она была затушевана и заглушена патриархально-родовыми пережитками. В источниках, вообще очень скудных, во всем, что касается внутренней истории туркменского общества, эта классовая борьба совершенно не отражена.

Наличие классовых противоречий и классовой борьбы объясняет определенное тяготение туркменской знати к государственной организации, объясняет тот факт, что в многочисленных мелких феодальных государствах, существовавших в XVI в. в Южном Туркменистане и возглавлявшихся, главным образом, узбекскими ханами, туркменская знать играла весьма значительную, порой главенствующую роль.

В начале XVI в. Тимурид Мухаммед-Заман, опираясь на джурджанскую знать и предводителей гирейли и туркмен саин-хани, смог создать небольшое самостоятельное княжество с центром в Астрабаде. Однако часть иранской знати выступила против него и призвала на помощь шаха Исмаила. В завязавшейся войне Мухаммед-Заман-мирза, несмотря на помощь туркменских отрядов, был разбит и в 1514 г. бежал в кочевье туркмен саин-хани[1].

Во второй половине 30-х годов XVI в. среди многочисленных хорезмских султанов, ожесточенно враждовавших между собой, выдвинулся Дин-Мухаммед-хан — типичный феодальный авантюрист, энергичный, честолюбивый и совершенно беспринципный. Еще юношей он с помощью подложной грамоты проник в цитадель крепости Дурун, принадлежавшей одному из его старших родственников, и овладел этим важным городом[2]. В этот момент владения хорезмских султанов подвергались серьезной опасности. Зимой 1536—1537 гг. иранский шах Тахмасп I, совершая очередной поход на Герат, прошел через города Нису и Абиверд и закрепил их в 1538 г. за Дин-Мухаммед-ханом. Вскоре бухарский хан Убейдулла захватил Хорезм и перебил или увел в плен большинство членов ханского рода. Уцелевшие родичи бежали в Дурун к Дин-Мухаммед-хану.

Дин-Мухаммед начал готовиться к борьбе за Хорезм. К

---

[1] Хондемир, МИТТ, II, стр. 45—47.

[2] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 187.

этому времени он успел сблизиться с шахом Тахмаспом и получил от него Нису и Абиверд на правах вассального владения[1]. Он обратился за военной помощью к туркменской знати, в частности, предложил вождям племени адаклы-хызыр: «мы вас пожалуем в тарханы, дадим вам высшее место при нас; лучших из вас сделаем нашими нукерами; каков при нас доблестный род узбеков, таковыми и вы будете»[2]. Эта перспектива вполне устраивала туркменскую феодально-родовую знать; предложение было принято, и Дин-Мухаммед-хан получил туркменское войско[3]. С помощью туркменской конницы он внезапным ударом у Хазараспа в 1539 г. наголову разбил бухарское войско, захватив в плен всех высших начальников[4].

Оставив Хорезм своим родичам, Дин-Мухаммед-хан обратил все внимание на расширение своих владений в Южном Туркменистане. Овладев первоначально Ахалом и Атеком, он двинулся затем на Мерв и захватил его[5].

Его преемники — Абул-Мухаммед-хан, Джелал-хан и Нур-Мухаммед-хан — потеряли Дурун, захваченный братом Дин-Мухаммед-хана Али-Султаном (он владел также Ургенчем, Хазараспом и Кятом)[6], но все же остались сильными феодальными правителями. В их государствах постепенно увеличивалось значение туркменской знати. Уже при Абул-Мухаммед-хане в 50-х годах XVI в. упоминается вельможа Турумчи-бек из туркменского племени лайна[7]. Из сообщений иранских авторов видно, что в это время по всей Прикопетдагской полосе уже жили туркмены саин-хани[8], очевидно, переселившиеся туда в 40—50-х годах XVI в. Особенное значение в Южном Туркменистане во второй половине XVI в. приобрели туркмены-алили, заселившие огромную территорию от Нисы (может быть, даже Дуруна) до Мерва[9]. Неизвестно, осели они там или вели кочевое хозяйство. Вероятно, однако, что значительная часть алили занималась здесь земледелием, как и на Узбое. Стремление получить плодородные и относи-

---

[1] Искандер Мунши. МИТТ, II, стр. 65.
[2] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 193.
[3] Иранские источники (МИТТ, II, стр. 65—66) говорят о йака-туркменах в войске Дин-Мухаммед-хана; возможно, что он собрал войско разных племен.
[4] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 199—200; Хасан-бек Румлю, МИТТ, II, стр. 60; Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 65—66.
[5] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 211.
[6] Там же, стр. 215.
[7] Там же, стр. 212.
[8] Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 75 и др.
[9] Там же, стр. 92, 99.

тельно богатые водой пахотные земли Южного Туркменистана было, очевидно, основным стимулом, заставившим племя алили полностью покинуть свою прежнюю область и уйти на юг.

Вместе с тем, в государстве Дин-Мухаммед-хана жили значительные массы узбеков-найманов[1], пришедших с ханом. Опираясь на узбеко-туркменское войско, Дин-Мухаммед-хан и его преемники неоднократно грабили Южный Хорасан[2]. В свою очередь хорасанские феодалы нападали на прикопетдагские города[3].

Особенно выросло значение туркменской знати в правление Нур-Мухаммед-хана, правившего с 70-х годов до конца XVI в. Он вел ожесточенную борьбу с другими хорезмскими султанами, отнявшими у него в 1592 г. Нису, Дурун и Багабад[4], с иранскими феодалами и бухарскими ханами. В этой борьбе он опирался не на узбекских феодалов, а на местную знать. Абулгази пишет, что в Мерве Нур-Мухаммед-хан «...истребил узбеков, которые бывши к нему не расположены душой, причинили ему много огорчений и беспокойства, и заменил их сартами и туркменами»[5]. Его главную военную силу составляли ополчения племен джалаир, алили и других туркмен[6].

Это феодальное государство со смешанным населением не было прочным. Уже в 1593 г. бухарские войска, на сторону которых перешли мервские узбеки-найманы, захватили Мерв, а затем и большую часть Южного Туркменистана. Лишь в 1598 г. Нур-Мухаммед-хан с помощью иранского шаха Аббаса I вернулся в Мерв, причем, по сообщению Искандера Мунши, знать туркменских племен алили, джалаир и другое население области устроило Нур-Мухаммед-хану торжественную встречу[7]. Но уже через 2—3 года шах Аббас выступил в новый поход, намереваясь уничтожить всякие остатки независимости Южного Туркменистана. Нур-Мухаммед-хан собрал народное ополчение, в частности, вооружил мервских крестьян, однако силы были слишком неравны. После недолгой обороны в крепостях, он капитулировал и был увезен в Иран, где и умер. «Оставшимся мервским воинам,—пишет Искандер Мунши,—было приказано сдать оружие и расходиться, кто куда хочет, а кто ранее занимался крестьянством, то-

---

[1] Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 73, 75.
[2] Там же, стр. 66, 73—75 и др.
[3] Хасан-бек Румлю, МИТТ, II, стр. 64.
[4] Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 79—80.
[5] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 214.
[6] Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 99.
[7] МИТТ, II, стр. 92.

му предложили спокойно пахать землю»[1]. Практически это означало, что население Мерва и его окрестностей было разоружено и рассматривалось как податное сословие (райа). В таком положении, очевидно, оказалась и оседлая часть туркменских племен.

В Ахал, Атек и Мервскую область были назначены иранские наместники[2]. Так пала независимость Южного Туркменистана, который с тех пор в течение полутораста лет находился под тяжелым игом иранских шахов.

г) Борьба приатрекских туркмен с иранскими шахами в XVI в.

Во второй четверти XVI в. усилилось движение северных туркменских племен и в гюргено-атрекские степи. Здесь собралось многочисленное туркменское население из племен салыр, гоклен, охлу, эймур и других[3]. Часть туркмен, например, племя охлу, сохраняло кочевое скотоводческое хозяйство, но другие, например, сравнительно немногочисленное племя эймур, перешли к земледелию. По сообщению Искандера Мунши, «часть этого (эймурского) племени во время царствования шаха Тахмаспа (1524—1578 гг.) пришла на берега р. Гюрген и обработала много земель в той местности»[4]. Земли южнее Атрека считались иранскими и находившиеся там туркмены платили налоги иранскому правительству; но, ввиду того, что туркменские племена признавались подданными султанов Хорезма, чего не отрицали и иранские власти, хорезмские правители также требовали от туркмен уплаты податей, а иногда и военную помощь. Создавалось чрезвычайно тяжелое положение, но переселившиеся туда племена не могли уйти из гюргено-атрекских степей, так как, очевидно, не могли обойтись без земледельческого хозяйства. Впрочем, и скотоводы нуждались в богатых пастбищах Атрека.

Особенно тяжелым был все же гнет шахского Ирана, так как иранские власти требовали от туркмен уплаты хараджа[5]. — поземельного налога, собиравшегося с райи и составлявшего 1/3 урожая. Поэтому восстания приатрекских туркмен XVI в. были направлены именно против правительства Ирана.

---

[1] МИТТ, II, стр. 100.
[2] Там же.
[3] Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 94.
[4] Там же, стр. 89.
[5] Там же, стр. 94, где говорится о «земельных налогах»; Хивинские ханы в XVI в. хараджа с туркмен не собирали.

В 1550 г. вспыхнуло наиболее крупное из этих восстаний — восстание под руководством Аба-сердара, предводителя племени охлу[1]. Восстание началось с того, что Аба-сердар убил иранского «даругу» — чиновника, осуществлявшего управление туркменским племенем и собиравшего налоги, а поэтому особенно ненавистного туркменам[2]. Когда наместник Астрабада в ответ совершил набег на туркмен и начался грабеж аулов, Аба-сердар с небольшим отрядом всадников напал на наместника, любовавшегося с высокого холма зрелищем грабежа, и убил его. Это вызвало паническое бегство иранского войска. Астрабад был удержан иранскими войсками благодаря подходу подкреплений, но в туркменские степи шахские сарбазы не решались углубляться в течение четырех лет.

Лишь в 1554 г. сильное иранское войско двинулось против восставшего племени охлу. Однако в это время Аба-сердар уже заключил союз с Али-султаном, узбекским правителем Дуруна и Ургенча. Туркменская конница напала на лагерь противника и уничтожила сторожевой отряд иранцев. При подходе узбекских войск иранские войска были вынуждены отступить без боя.

Вторичный крупный успех Аба-сердара высоко поднял его авторитет и он, очевидно, был признан главным вождем приатрекских туркмен[3]. В 1557 г. он сам перешел в наступление и захватил Астрабадскую область, кроме города Астрабада, где засел шахский наместник с гарнизоном[4]. Тогда шах Тахмасп I выслал против восставших значительные по тем временам силы — 12 тыс. воинов (панцырную конницу и пеших мушкетеров).

Туркменские ополчения, вооруженные, главным образом, луками и стрелами, не смогли задержать наступление врага. Семьи и имущество были отправлены вглубь степей[5], а летучие отряды туркменской конницы начали нападения на лагерь противника, захватывали его обозы, а затем уходили в степь.

Упорное и безуспешное преследование в жаркую погоду утомило иранских всадников. В этот момент они наткнулись на трехтысячный отряд узбеков во главе с Али-султаном, со-

---

[1] Хасан-бек Румлю, МИТТ, II, стр. 60—63; Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 69—72; Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 216—217.

[2] Вспомним, что так же начинались многие восстания туркмен: восстание огузов в 1153 г. против Санджара и восстание туркмен Балхава и Мангышлака в 20-х годах XVI в. против Суфиян-хана.

[3] Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 70.

[4] Хасан-бек Румлю, МИТТ, II, стр. 61—62.

[5] Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 70—71.

вершавшим очередной поход для сбора дани с туркмен. Видя численное превосходство иранцев, Али-султан стал готовиться к оборонительному сражению, укрепив лагерь рвами, валами из земли и вьюками, снятыми с верблюдов. Многочисленная иранская конница, бросив позади своих мушкетеров, яростно атаковала небольшой узбекский лагерь, который совместно защищали узбекские воины Али-султана и туркмены Аба-сердара. Бой был упорным. Шахские войска шесть раз шли в атаку, но каждый раз узбеки и туркмены отбрасывали их.

Наконец видя, что положение становится угрожающим, Аба-сердар сделал смелую вылазку. С 200—300 всадниками он пробрался к иранцам в тыл и напал внезапно на их лагерь. Лагерная прислуга в панике бросилась бежать и смешала ряды атакующих иранских всадников. В этот момент узбеки решительно контратаковали. Шахское войско обратилось в беспорядочное бегство. Третий поход иранцев против восставших туркмен окончился еще более полным разгромом, чем два первых, причем видную роль в этой победе сыграла помощь узбекского войска.

Не менее 10—12 лет приатрекские туркмены сохраняли независимость от Ирана, уплачивая налоги только хорезмским султанам. Иранское правительство не решалось более посылать войска против Аба-сердара. Однако, его жена — знатная иранка — и ее слуги организовали заговор и ночью убили спящего Аба-сердара. Вскоре в 1565 г. умер и Али-султан, а его преемники стремились установить хорошие отношения с шахами Ирана и даже признавали себя его вассалами. Но и в этих условиях шахские чиновники не решались вмешиваться в дела приатрекских туркмен и собирать с них налоги. Почти вся Астрабадская область оставалась в руках туркмен.

Однако часть туркменской знати была заинтересована в сближении с иранским феодальным государством с целью получить помощь в деле закабаления и эксплуатации трудящихся туркмен. Эти тенденции были особенно сильны у знати тех племен, которые оседали и переходили к земледелию, так как в процессе оседания усиливались и крепли феодальные отношения. Не случайно поэтому, главой сторонников сближения с Ираном и подчинения ему стал Али-Яр-бек, предводитель земледельческого племени эймур.

После смерти Аба-сердара атреко-гюргенские степи принадлежали туркменским племенам, а горно-лесные районы феодалам местных горных племен, которых иранские источ-

ники называют сияхпушами[1]. Шахские чиновники не имели здесь реальной власти. В конце концов они были вынуждены бежать из Астрабада[2]. Это произошло в конце 80-х годов XVI в. В такой обстановке и выдвинулся Али-Яр-бек эймурский[3]. Как глава племени он, хотя и не собирал налогов, но получал «подарки и подношения», являвшиеся формой эксплуатации эймурских крестьян. В качестве богатого и влиятельного человека он приобрел значительный авторитет среди знати других атреко-гюргенских племен йака-туркмен[4]. Однако иранский историк Искандер Мунши подчеркивает, что власть Али-Яр-бека даже над племенем эймур была в общем невелика, ему приходилось «вести себя разумно и особенно много не спорить». Это, очевидно, не удовлетворяло Али-Яр-бека и он завел сношения с шахом Аббасом I (1587—1628 гг.), «выражая шаху чувство преданности и сердечного отношения».

Эта политика туркменского феодально-родового вождя, находившая, видимо, немало сторонников среди туркменской знати, поддерживавшей Али-Яр-бека, шла навстречу желаниям шаха Аббаса I, который нуждался в помощи туркменской знати против бухарских ханов, захвативших в начале 90-х годов XVI в. почти всю территорию Туркменистана и Хорасана.

Шах пожаловал Али-Яр-беку звание хана и назначил его правителем Астрабадской области, прислав специальную грамоту. Так туркменский феодально-родовой вождь стал сановником иранского феодального государства, что не только повышало его авторитет, но и давало реальную власть над соплеменниками. Это произошло в 1593 г. или 1594 г. Али-Яр-хан сумел поладить не только с туркменской знатью, но и с «сияхпушскими» феодалами. Он посылал в Астрабад своего «даругу» (чиновника), а сам жил среди своего племени на берегу р. Гюрген и не порывал, таким образом, патриархально-родовых связей.

Его власть продолжалась недолго. В 1596 г. он умер, и шах назначил правителем Астрабада его сына Мухаммед-Яр-хана, который сам просил у иранского государя этого назначения. Однако влияние Али-Яр-хана среди туркменской знати основывалось в значительной мере на личном авторитете, и даже поддержка шаха не смогла обеспечить такого влияния его наследнику. Против Мухаммед-Яр-хана выступило коче-

---

[1] Возможно, это было связано с воспоминаниями об исмаилитских феодалах XIII в.

[2] Искандер Мунши. МИТТ, II, стр. 95.

[3] Там же, стр. 88—90, 95—96.

[4] Там же, стр. 95.

вое племя охлу. Можно предположить, что знать кочевых племен крепче держалась старых патриархально-родовых обычаев, довольствовалась ими для поддержания своего господства над рядовыми кочевниками и менее была заинтересована в подчинении иранскому феодальному государству. Тем более решительно против подчинения Ирану были настроены простые туркмены—кочевники и земледельцы. В 1597 г. Мухаммед-Яр-хан был убит туркменами-охлу[1]. Неизвестно было ли это делом рук знати или имело место народное восстание против хана, предававшего туркмен иранским феодальным государям. Во всяком случае, народ сочувствовал расправе с шахским ставленником.

Шах назначил правителем Астрабада второго сына Али-Яр-хана, но и его пребывание у власти было недолговременным. Вскоре управление Астрабадом было передано иранским феодалам.

Племя охлу оставалось независимым вплоть до 1598 г., когда шах Аббас двинулся в поход с целью окончательного покорения Южного Туркменистана. Кары-хан, вождь племени охлу, «посовещавшись с другими предводителями и старшинами улусов», решил покориться шаху[2]. Однако эта трусливая политика знати вызвала возмущение и восстание народа. Восставшие ранили шахского посла, разгромили его отряд и начали откочевку на север. Узнав об этом, шах Аббас бросился вслед за ними во главе своих телохранителей, нагнал часть их кочевий у берегов Атрека и подверг беспощадному разгрому. «Мужчины были перебиты, — пишет иранский историк, — женщины и дети попали в плен, имущество, лошади и стада пошли на ветер грабежа и расхищения»[3]. Кары-хан с небольшим отрядом бежал за Атрек. Старейшины других племен, — салыров, гокленов и эймуров, — напуганные жестоким погромом, явились к шаху с выражением покорности.

Так были подчинены Ираном приатрекские туркмены. Однако власть шахских наместников над туркменскими племенами в этих краях никогда не была особенно прочной, восстания и войны происходили непрерывно. Для укрепления иранского господства в гюргено-атрекских степях шах Аббас I в том же 1598 г. приказал восстановить крепость Мубарек-Абад на берегу Гюргена, менее 20 *км* к северу от Астрабада[4].

---

[1] Искандер Мунши. МИТТ, II, стр. 90, 96.
[2] Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 97.
[3] Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 97.
[4] Эта крепость была построена для защиты Астрабадской области по распоряжению шаха Тахмаспа I в первой половине XVI в., когда началось массовое переселение северных туркменских племен (эймуров и других) в приатрекские степи.

д) Туркмены в составе Хивинского ханства в XVI—XVII вв.

В середине XVI в. Хорезм и прилегающие области от Аму-Дарьи до Каспийского моря и от северных обрывов Усть-Урта до Атрека принадлежали потомкам хана Ильбарса и его брата на правах родовой собственности. Владения были искусственно разделены на несколько уделов, принадлежавших членам ханского рода. Каждый султан имел, как правило, в подчинении один или несколько городов и определенные кочевые племена — узбеков и туркмен. Неопределенность границ и величины этих уделов, запутанность права наследования создавали повод для непрерывных интриг и феодальных усобиц. Члены ханского рода ожесточенно враждовали между собой, выгоняли друг друга из хорезмских и южнотуркменистанских городов, а при случае и убивали. Подробно рассказывает об этих кровавых феодальных войнах Абулгази[1]. Упоминает о них и Дженкинсон[2]. По его словам, феодал, потерпевший поражение, обычно бежал в степь и жил там, занимаясь разбоями, нападая со своей дружиной на купеческие караваны[3]. Сам Дженкинсон подвергался нападению шайки одного из таких знатных авантюристов[4].

Население Балхан, Кара-Кумов, Усть-Урта и Мангышлака занималось, главным образом, скотоводством и состояло почти исключительно из туркмен и в очень небольшой степени из узбеков. Так например, на Мангышлаке жил узбек. Тимур-султан[5], правивший частью туркменских племен. Население самого Хорезма было чрезвычайно пестрым. Здесь жили оседлые сарты-хорезмийцы, тюркизированные еще с XIII в., кочевые и оседлые туркмены (главным образом, в северо-западной части ханства, но отчасти и в южной, — по берегу Аму-Дарьи) и кочевники-узбеки. Большая часть населения занималась скотоводством или вела смешанное хозяйство, но и земледельцы составляли значительную массу, сосредоточенную вокруг Ургенча и Везира на северо-западе и вокруг Хазараспа и Кята на юге.

Из числа хорезмских султанов выделялись наиболее сильные, именовавшиеся ханами и считавшиеся старшими по отношению к остальным родичам. В 30—40-х годах сильнейшим из феодальных правителей был Дин-Мухаммед-хан, но он, как уже говорилось, сосредоточил свое внимание на Южном

---

[1] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 180—228.
[2] Дженкинсон, стр. 177—178.
[3] Там же, стр. 178.
[4] Там же, стр. 180.
[5] Там же, стр. 175.

Туркменистане («Даг-бою») и не слишком вмешивался в дела «Су-бою», собственно Хорезма. На севере при хане Актае были установлены дипломатические и торговые сношения с Русским государством[1].

С конца сороковых годов до 1565 г. наиболее влиятельным из всех представителей ханского рода был уже названный Али-султан, владевший Ахалом, Ургенчем, Хазараспом и Кятом, собиравший налоги с йака-туркмен и неоднократно нападавший на Хорасан. Он имел сильное войско, причем каждый нукер-узбек, помимо военной добычи[2], получал 16 овец в год.

Крупным феодалом был и хан Хаджи-Мухаммед (1558—1602 гг.), резидировавший до смерти Али-султана в Везире и правивший прилегавшими степными областями. Дженкинсон называет его «королем туркменов», и говорит, что его таможники собирали пошлины с купцов на северном берегу Сарыкамыша[3]. О столице, городе Везир (ныне городище Дев-Кескен) Дженкинсон рассказывает следующее: «Крепость Селлизюр[4] расположена на высоком холме; здесь живет король, называемый ханом. Его дворец состоит из низеньких длинных, не очень прочных построек. Жители бедны и почти не ведут торговли. Южная часть крепости расположена на низкой, но очень плодородной земле»[5]. После смерти Али-султана в 1565 г. Хаджи-Мухаммед-хан (Хаджим-хан) перебрался в Ургенч. Единственным серьезным его соперником был Нур-Мухаммед-хан, правивший в Южном Туркменистане. После ряда набегов Хаджи-Мухаммед-хан перешел в решительное наступление и в 1592 г. захватил Нису. Однако вскоре оба соперника вынуждены были прекратить борьбу и бежать в Иран, так как на Хорасан и Хорезм двинулись войска бухарского хана Абдуллы II (1588—1597 гг.).

В 90-х годах XVI в. почти вся территория Туркменистана, кроме побережья Каспийского моря, была захвачена бухарскими феодалами. Попытка Хаджи-Мухаммед-хана и его родичей в 1595 г. вернуть Хорезм окончилась полным провалом[6]. Вначале на Кюрен-Даге к ним присоединилось несколько десятков текинцев и иомутов, а на колодцах Куртыш и Орта-кую (на Узбое) 600 туркмен-эрсари, и им удалось вы-

---

[1] МИУТТ, I, стр. 238.
[2] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 215 и сл.; Дженкинсон, стр. 178.
[3] Дженкинсон, стр. 176.
[4] Шахр-и Вазир.
[5] Дженкинсон, стр. 176—177.
[6] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 237—242; Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 86—88.

бить из Хорезма немногочисленные бухарские гарнизоны. Эта легкая победа объясняется тем, что против бухарских завоевателей поднялось трудовое население Хорезма как оседлые крестьяне, так и скотоводы, из которых и составилось войско Хаджим-хана, так как кочевые узбекские племена были переселены бухарцами в другие области. Но крестьянское ополчение, собранное Хаджи-Мухаммед-ханом, не выдержало натиска главных сил бухарской армии, которую возглавлял Абдулла-хан, и было разбито в жестоком сражении. В Хорезме восстановилась власть бухарского хана.

Туркменская знать областей среднего течения Аму-Дарьи сотрудничала с бухарскими завоевателями. Так, управление Мервом после изгнания Нур-Мухаммед-хана было поручено туркмену Сююнуч-бию[1]. Управление Кятом вручено туркмену из племени баят[2]. Узбекское звание «бий», которое носил в данном случае туркмен Сююнуч, показывает, что в Бухарском ханстве шел процесс сращивания туркменской знати с узбекским феодальным классом.

Лишь в 1598 г., когда после смерти Абдулла-хана и его сына начались распри в Бухаре, Хаджи-Мухаммед-хан с сыновьями вернулся в Хорезм, где несколько лет спустя и умер. При приемнике Хаджи-Мухаммед-хана — его сыне Араб-Мухаммед-хане (1602—1621 гг.) началась новая полоса жестоких и кровавых феодальных войн в Хорезме. В них активно участвовала туркменская знать и в нее были втянуты целые туркменские племена.

Причиной этих войн, длившихся с 1620 по 1653 г. (отдельные столкновения происходили и позже), была борьба за обладание землей и водой в Хорезме, за господство на торговых путях, связывавших Хорезм и всю Среднюю Азию с Русским государством, за политическую власть в ханстве. Основными соперниками выступали представители туркменской и узбекской феодально-родовой знати, опиравшиеся на ополчения своих племен. Оседлое хорезмийское население (сарты) в XVII в. в завязавшейся борьбе играло пассивную роль, было объектом спора между туркменскими и узбекскими предводителями. Мусульманское духовенство, вышедшее из среды оседлых хорезмийцев — сартов, видимо, разделилось. Однако в дальнейшем большинство оседлого населения перешло на сторону узбеков, что и обусловило победу узбекской знати.

Для понимания бурной политической истории Хорезма в XVII в. необходимо, прежде всего, глубже познакомиться с

---

[1] Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 85.
[2] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 235

причинами обострения борьбы за орошаемые земли и с развитием торговли Русского государства со Средней Азией в XVI—XVII вв. Но обе эти проблемы далеко выходят за рамки политических столкновений в 1620—1653 гг.

Первая из них лежит в основе туркмено-узбекских противоречий в Хорезме с XVII в. до Великой Октябрьской социалистической революции. Эти противоречия, разжигаемые феодальной знатью, проявлялись еще в начале XX в. Только Советская власть навсегда прекратила эту кровавую многовековую распрю между двумя родственными народами.

Уже в XVI в. началось постепенное изменение режима Аму-Дарьи, вызванное, по мнению С. П. Толстова, усиленным развитием орошаемого земледелия в южной части ханства[1].

Ток воды по Дарьялыку постепенно сокращался и в 70-х годах прекратился вообще, что привело к исчезновению Сарыкамышского озера[2] и поставило в безвыходно тяжелое положение туркмен-земледельцев, пользовавшихся водой из Дарьялыка. Это отмечал Дженкинсон, писавший об окрестностях Везира: «Вода, которой пользуется вся страна, берется из канав, проведенных из реки Оксуса к великому истощению этой реки; вот почему она не впадает больше в Каспийское море, как в минувшие времена. В недалеком времени вся эта страна будет, наверно, разорена и станет пустыней из-за недостатка воды, когда нехватит вод Оксуса»[3]». Дело было, конечно, не в недостатке вод Аму-Дарьи, лишь ничтожная часть которых (не более 5%) использовалась на нужды ирригации, а в том, что в условиях феодального общества человек был не в состоянии справиться с этой могучей и капризной рекой. Лишь в Советскую эпоху, на основе высокой техники и социалистических производственных отношений, оказывается возможным поставить Аму-Дарью на службу народу и путем строительства грандиозных ирригационных сооружений (Южно-Каракумский и другие каналы) повернуть значительную часть ее вод на плодородные, но засушливые туркменские земли.

Высыхание Сарыкамыша и Дарьялыка привело к гибели земледелия в этих районах и заставило оседлое туркменское население искать новых орошенных земель, но почти все удобные земли Хорезма были уже заняты сартами и узбеками.

---

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. АН СССР, 1949, стр. 315—316.

[2] В 1558 г. оно было так велико, что Дженкинсон счел его заливом Каспийского моря, но живший в середине XVII в. Абулгази уже не упоминает о нем.

[3] Дженкинсон, стр. 177.

постепенно слившимися в одну народность по мере перехода узбекских кочевников к оседлости. Это привело к упорной борьбе за орошенные земли между туркменскими племенами и оседлым узбеко-хорезмийским населением, что использовала и узбекская и туркменская знать для разжигания междоусобной вражды и втягивания трудящихся масс в свои кровавые феодальные распри. С особенной силой эта борьба развернулась, впрочем, не в XVI, а в XVII—XIX вв.

Правители Хорезма изредка принимали меры для смягчения все обостряющейся нужды в воде. Так, Али-султан провел канал юго-восточнее Ургенча, а Араб-Мухаммед в 1602 г. соорудил большой канал в низовьях Аму-Дарьи, севернее Нукуса[1]. Но строительство это было слишком невелико по своим масштабам, чтобы сколько-нибудь серьезно ослабить нужду в воде и смягчить ведущуюся за нее борьбу.

К XVI в. относится значительное расширение и укрепление торговых и дипломатических связей Русского государства со Средней Азией, истоки которых восходят к гораздо более давним временам.

Торговые связи Средней Азии с Восточной Европой существовали, как известно, уже в глубокой древности. Они прослеживаются со времен разложения первобытно-общинного строя. Укрепляясь в процессе переселения степных племен Средней Азии в причерноморские степи, эти связи были очень оживленными в IX—XII вв., когда торговля Хорезма с Киевской Русью велась и по сухому пути через огузские и башкирские степи и морем через полуостров Мангышлак, где в XI—XII вв. стоял город того же имени. Монгольское нашествие, разрушившее торгово-ремесленные центры Средней Азии и Руси, ослабило их торговые связи, но не могло оборвать их. Уже в середине XIV в. в Нижнем Новгороде бывало много купцов из Средней Азии («тезиков»), а в 1464 г. тимурид Абу-Саид принимал в Герате русское посольство[2].

Жестокие феодальные войны конца XV и начала XVI вв. затрудняли торговые связи Средней Азии с Русским государством, но при Иване IV Грозном эти связи окрепли и более уже не прерывались. Из среднеазиатских феодальных государств в Москву и обратно шли посольства, двигались купеческие караваны.

Большую роль в сношениях среднеазиатских правителей с московскими царями играла своеобразная государственная

---

[1] В. В. Бартольд. К Истории орошения, СПб., 1914, стр. 94.
[2] А. Чулошников. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI—XVII вв., МИУТТ, стр. 61.

торговля в виде обмена «поминками», подарками, причем среднеазиатские государи часто прямо указывали, какой подарок им хотелось бы получить из Москвы; чаще всего это были охотничьи кречеты, булатные сабли, панцыри, иногда часы и музыкальные инструменты. В Москву посылалось дорогое восточное оружие, тигровые и барсовые шкуры, драгоценные камни, дорогие ткани, аргамаки (породистые кони). Крупную роль в торговле играли послы, которые вели купеческие дела от имени своего государя, но в ней участвовали и частные лица. Бухарские, хивинские и балхские торговцы нередко бывали в Астрахани, Казани, Нижнем Новгороде и Москве. Не менее частыми были и поездки русских купцов в Среднюю Азию; они ездили порой группами по 40—50 человек и жили в Средней Азии по 2—3 года.

Русское государство вывозило в Среднюю Азию меха, кожи, деревянную посуду, сукно европейского производства, ржаную муку, зеркала, моржовую кость («рыбий зуб»), ловчих птиц и различные мелкие ремесленные изделия, вроде пуговиц, гвоздей, иголок, булавок и т. п. Из Средней Азии вывозились, главным образом, различные ткани как дорогостоящие—камку, киндяк, парчу, так и более простые—зендени, бязи, выбойки и т. п., а также шелк, изюм и, быть может, другие сушеные фрукты. Общая сумма товарооборота в XVIII в. составляла около 100 тыс. рублей в год[1]. В условиях развития морской торговли Европы с Индией и Китаем и запустения древних торговых дорог через Среднюю Азию и Иран, торговля с Русским государством приобретала все большее значение для народов Средней Азии.

Вывоз в русские земли среднеазиатских тканей способствовал развитию ремесла и торговли в Средней Азии.

Значительная часть этой торговли шла через Мангышлак и Усть-Урт, т. е. через туркменские земли, что не могло не повлиять на социально-экономическое развитие туркменского общества.

Слабое развитие ремесла у туркмен Мангышлака и Усть-Урта мешало им в полной мере втянуться в русско-среднеазиатскую торговлю, но, вероятно, уже тогда, как и позже[2], они покупали муку и ремесленные изделия в обмен на рыбу и продукты скотоводства. Документы XVII в. определенно говорят о русско-туркменской торговле[3]. Для туркменской зна-

---

[1] А. Чулошников. Указ. соч., стр. 68—72, 80—86.
[2] Л. С. Берг. История исследования Туркмении. Туркмения, т. I. АН СССР, 1929, стр. 90.
[3] МИУТТ, стр. 303.

ти большое значение имели пошлины, которые она получала с купцов, и плата за охрану торговых караванов и за другие виды помощи, оказываемой послам и купцам[1] как русским, так и среднеазиатским. Кроме того, купцы и послы нанимали у туркмен лошадей и верблюдов.

Туркмены и сами втягивались в торговые операции. В 1644 г., по словам астраханца Степана Бахмурова, ездили «трюхменские люди человек с 15 с товары своими для торгу в Хиву»[2]. В грамоте царя Михаила Федоровича хивинскому хану Исфендиару от 31 мая 1641 г. упоминаются прибывшие в Москву «торговые люди Аджи с товарищи со многими с своим товары»[3]. Это были туркменские торговцы из рода аджи (роды с этим именем есть в племенах човдур и эрсари). Туркменская знать, видимо, пыталась использовать географическое положение туркменских кочевий и захватить в свои руки торговые пути через Мангышлак, стать посредниками в торговле Средней Азии с Русским государством.

Русские купцы и послы в это время единодушно отмечают, что путь через туркменские кочевья более безопасен, чем через феодальные государства Средней Азии. Так, астраханец Мартын Кондратьев и его товарищи, ездившие торговать в Хиву в 1646—1647 гг., по возвращении показали, что «туркменские де люди пропустили их вцеле против прежних отпусков и шкоты де никакие ни в чем от трухменцев им не было», но по прибытии в Хиву «Абул-Газы де царь велел их всех перевязать и велел их вкинуть в тюрьму, а товары их велел взять на себя грабежом»[4]. Документы XVI—XVII вв. подтверждают мнение русских чиновников XIX в., писавших о сравнительной безопасности торговли через туркменские степи: «С самой глубокой древности сообщение среднеазиатских народов с жителями Северной Европы пролегало через Туркменские степи и Каспийское море и через это последнее, товары Индии и Туркестана доставлялись на астраханские ярмарки. В то время по восточному берегу Каспийского моря еще не существовало наших крепостей и не было на море военной эскадры. Товары провозились через весь Туркестан и Туркменские степи без военных конвоев и, несмотря на это, не было примера, чтобы караваны были ограблены»[5]. Данные эти несколько преувеличены, так как грабежи все же иногда слу-

---

[1] МИУТТ, стр. 169.
[2] Там же, стр. 309.
[3] Там же, стр. 157.
[4] Там же, стр. 328.
[5] Сб. Россия и Туркмения в XIX в., Ашхабад, 1946, стр. 7.

чались[1]. Гораздо чаще, впрочем, грабили среднеазиатских купцов и даже послов[2].

В последние годы правления Хаджи-Мухаммед-хана и при Араб-Мухаммед-хане туркменская знать, видимо, имела преобладание в Хорезме, так как, только опираясь на нее и на помощь иранского шаха, эти ханы вернули себе власть над страной, тем более, что узбекские племена были уведены из Хорезма бухарскими ханами. Но при том же Араб-Мухаммед-хане узбекские племена кунграт, мангыт и некоторые другие вернулись в Хорезм, и их знать стала претендовать на свое прежнее господствующее положение в ханстве. Мы не знаем всех подробностей борьбы, развернувшейся в Хорезме в начале XVII в., но, очевидно, Араб-Мухаммед-хан не удовлетворил всех требований узбекской знати, чем восстановил ее против себя. Абулгази сообщает, что найманы и уйгуры выступили против Араб-Мухаммед-хана[3]. Опираясь на них, Хабеш и Ильбарс, сыновья Араб-Мухаммед-хана, выступили против отца, свергли его и ослепили.

Против мятежников выступил третий сын свергнутого хана, Исфендиар. Он бежал в Иран и вскоре вернулся с небольшим войском из туркмен-саинхани (текинцев, сарыков и иомутов), живших в то время на Балханах[4]. С помощью части узбекских нукеров ему удалось разбить одного из братьев, но суфийское духовенство ордена Сеид-ата решительно выступило против него, уверяя, что он хочет перебить всех узбеков, и их жен отдать туркменам[5]. Исфендиар, покинутый узбекской частью войска, вынужден был бежать на Мангышлак, откуда явился с туркменским войском в 300 человек, которым предводительствовал Мухаммед Хусейн-бек[6]. То были, вероятно, салыры. Действуя с помощью этих сил. Исфендиар разбил мятежников, убил обоих братьев, стал ханом и изгнал из Хорезма узбеков (очевидно, не полностью или вскоре их вернул). Его ближайшим советником был туркмен Тенгри-берды[7]. Хан не расставался с сотней туркменских телохранителей. Управление и сбор налогов находились в руках турк-

---

[1] Следует помнить, что в данном случае не идет речь о нападениях туркмен на русских моряков, выброшенных бурей на восточные берега Каспийского моря; в этом случае грабеж и обращение в рабство были обычным делом. Но русские торговые караваны, шедшие через туркменские степи, туркмены грабить избегали и даже охраняли их от набегов других степных племен. Красный архив, 1939, № 2, стр. 250—251.

[2] МИУТТ, стр. 303—305.

[3] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 246.

[4] Там же, стр. 259; Мунис, МИТТ, II, стр. 325.

[5] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 359.

[6] Там же, стр. 259—260.

[7] Там же, стр. 269.

менской знати[1]. Все это показывает, что туркменская знать временно добилась своей цели и заняла главенствующее положение в Хорезме.

Именно в годы правления Исфендиар-хана (1623—1642 гг.) мы имеем известия об активном участии туркмен в торговле с Русским государством, об их поездках в Москву[2]. Исфендиар-хан вел оживленную переписку с царем Михаилом Федоровичем, стремясь организовать коалицию с участием России, Хорезма и Бухары для войны против калмыцких феодалов, жестоко грабивших торговые караваны и мешавших торговле Русского государства со Средней Азией[3]. Тот факт, что даже далекий Балх был готов принять самое горячее участие в этой войне, показывает насколько далеко вглубь Азии уходили экономические связи и влияние Русского государства[4]. Со своей стороны русское правительство удовлетворило все просьбы Исфендиар-хана и согласилось на совместное выступление против калмыков[5].

Узбекская знать в Хорезме продолжала интриговать и поднимать мятежи, избрав своим предводителем Абулгази, младшего брата Исфендиара. После ряда столкновений, изредка перемежавшихся перемириями и совместными походами (например, в 1628 г. на Хорасан), Исфендиар приказал схватить Абулгази и отослать его в Иран в качестве заложника, где тот пробыл с 1629 по 1639 г.

Абулгази, вернувшись из Ирана, до 1641 г. пребывал у мангышлакских и балханских туркмен, а затем жил среди узбеков в низовьях Аму-Дарьи. Вторая половина правления Исфендиара прошла относительно мирно, если не считать упорной борьбы туркмен с калмыками, совершавшими с начала XVII в. грабительские набеги на туркменские кочевья, города Хорезма и торговые караваны. Как уже говорилось, борьба с калмыцкими разбоями выросла до степени международной проблемы. От них особенно жестоко страдали северные туркменские племена: племя кизыл-аяк, разоренное калмыками, бежало из Мангышлака в район Мехина. Часть туркмен вынуждена была подчиниться калмыцким тайшам[6].

После смерти Исфендиара в 1642 г. в Хорезме разгорелась ожесточенная междоусобная война, в которую вмешалась и Бухара. Туркменская знать не сумела сорганизоваться, и поэтому в 1646 г. Хорезмом овладел глава узбекской

---

[1] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 284.
[2] МИУТТ, стр. 157, 303.
[3] Там же, стр. 167.
[4] Там же, стр. 152—154.
[5] Там же, стр. 143—146.
[6] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 283; Тайша—калмыцкий феодал.

феодальной знати хан Абулгази, еще в 1643 г, провозглашенный ханом в Арале. Он начал свое правление с укрепления государственной организации, в которой главенствующую роль стала играть узбекская феодально-родовая знать четырех главных племен — уйгуров, кунгратов, мангытов и кипчаков, к которым были присоединены остальные, более мелкие, в том числе некоторые туркменские роды — алили, шихи и др., проживавшие в Хорезме[1]. Эти четыре племени получили все земли, орошаемые водами Аму-Дарьи[2]. Абулгази, желая пополнить опустевшую казну и ослабить туркменскую знать, начал грабить туркменских и русских купцов; вину за ограбления русских купцов он нагло и лицемерно пытался взвалить на туркмен[3]. Столица ханства была перенесена в Хиву, подальше от туркменских степей. Вместо опустевшего старого Ургенча на Дарьялыке (нынешний Куня-Ургенч) Абулгази построил Новый Ургенч в южной части ханства.

Свою победу Абулгази решил закрепить беспощадным разгромом туркменских племен. Коварно объявив о полном «прощении», он пригласил к себе виднейших представителей хорезмских туркмен — Гулам-бахадура, Дин-Мухаммеда-онбеги и Урус-онбеги. Во время пира все они были предательски умервщлены. Вместе с ними было перебито 2000 туркменских воинов. После этой расправы хан с войсками внезапно напал на туркменские кочевья, перебил уцелевших мужчин, увел в рабство женщин и детей и разграбил имущество[4].

Жестокости и массовые убийства заставили остальные туркменские племена поспешно покинуть Хорезм и уйти на Теджен и в Ахал. Но Абулгази преследовал их и там. В 1647 г. он совершил набег на туркмен Теджена[5]. Разгромив их кочевья, хивинские воины многих перебили, многих увели в рабство (пленных туркмен видели в Хиве русские купцы)[6]. Через два года той же участи подверглись туркмены в Бами и Беурме. Войско во главе с самим ханом осадило крепость Беурме и после жестокого боя захватило ее, истребив защитников, в то время как другой хивинский отряд напал на туркменские кочевья и разгромил их[7].

---

[1] Мунис, МИТТ, II, стр. 328.
[2] Там же.
[3] Его ложь была разоблачена самими купцами, которые, вернувшись, заявили, что от туркмен они ничего плохого не видели, а грабил их хан-Абулгази. МИУТТ, стр. 328.
[4] Мунис, МИТТ, II, стр. 329; Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 288—289.
[5] Мунис, МИТТ, II, стр. 329.
[6] МИУТТ, стр 329.
[7] Мунис, МИТТ, II, стр. 329; Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 289—290.

В 1651 г. Абулгази напал на кочевье туркменского предводителя Байрач[1] в северо-атрекской степи, причем сам этот предводитель был убит, а кочевье его разграблено. В 1653 г. Абулгази разграбил селения емрели близ Коджа, а затем кочевье салыров у колодца Динар. Затем было совершено еще несколько нападений на туркмен[2]. Общее число жертв этих грабительских походов сам Абулгази исчисляет в 20 тыс. человек[3].

Туркмены отчаянно сопротивлялись: отряды прикаспийских туркменских племен в свою очередь нападали на Хорезм «... и в полон юргенских людей поймали многих»[4]. Но такие нападения, обогащавшие туркменскую знать, не причиняли серьезного ущерба хивинским феодалам, так как в плен попадали, главным образом, хивинские крестьяне и ремесленники. Подобные набеги лишь возбуждали против туркмен трудящихся узбеков и хорезмийских сартов, а хивинской знати доставляли повод для новых грабительских походов на туркменские кочевья.

В результате разрыва с Хивой и не прекращавшихся набегов Абулгази, туркмены Мангышлака — салыры, кочевавшие в районе пристани Тюб-Караган, и човдуры, кочевавшие у пристани Кабаклы[5], вынуждены были подчиниться калмыкам, о чем сообщали астраханские купцы и русские пленные, выкупленные ими еще в ноябре 1645 г.: «А тюркменские де люди, которые кочуют от Юргенской земли к морю у Караганской и у Кабаклыцкой и у Сартышской пристаней, в прежних годах бывали послушны у прежних у юргенских царей, а ныне де они трюкменцы юргенскому Абыл-Газию царю не послушны, и юргенским людям на проездах чинят грабеж и убийство, а ссылаютца де они туркменцы и подать дают калмыцким людям»[6].

У нас нет точных сведений о том, когда и чем кончилась борьба, которую вели Абулгази и его преемники с приморскими туркменами. В 1653 г. Абулгази в письме к царю Алексею Михайловичу отметил, что туркмены Мангышлака ему не подвластны[7]. 1669 и в 1675 гг. Ануша-хан, сын Абулгази, просил о восстановлении дипломатических и торговых отно-

---

[1] Впоследствии байрач — род туркменского племени сарык.
[2] Мунис, МИТТ, II, стр. 329; Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 291—292.
[3] Абулгази. Родословная туркмен, стр. 2.
[4] Русские по старой привычке долго называли Хивинское ханство «юргенским» по имени старой столицы — Ургенча (Куня-Ургенча). МИУТТ, стр. 330.
[5] А. Чулошников. Указ. соч., стр. 75.
[6] МИУТТ, стр. 319.
[7] Там же, стр. 206—207.

шений между Хивой и Русским государством[1]. Возможно, к этому времени ему удалось временно поладить с мангышлакскими туркменами.

Однако, нам известно, что и в конце 70-х годов XVII в., когда между Хивой и Россией велись переговоры о восстановлении торговли, очередной хивинский хан не имел крепкой власти над туркменами, так как пытался договориться с царским правительством о постройке крепости на Мангышлаке[2]. Это намерение сильно обеспокоило туркменскую знать[3]. Она боялась, что контроль над торговыми путями окончательно уйдет из ее рук; это тем более тревожило туркмен, что они продолжали активно участвовать в торговле с Русским государством. Туркменские купцы постоянно приезжали в Астрахань и другие пограничные города[4]. В 1677 г. большая группа прикаспийских туркмен перекочевала на русскую территорию и добровольно приняла русское подданство.

Борьба между туркменской и узбекской знатью за власть в Хиве не прекратилась. В конце 80-х годов в пору кратковременного правления Эренг-хана, на короткое время власть опять захватили туркменские феодально-родовые вожди, родственники хана по матери. Узбекский историк Мунис сообщает фантастическую версию о том, что Эренг-хан случайно погиб, упавши с лошади, чем воспользовались туркмены; они, с ведома и согласия матери Эренг-хана, возвели на престол Хивы ее племянника, похожего на умершего хана. Самозванец якобы занял ханский дворец и вскоре начал арестовывать узбекских вельмож и грабить народ. Это вызвало поголовное восстание, хан и его туркменские советники были перебиты, мучительной казни подверглась и мать Эренг-хана. Вся эта история содержит много противоречий и сомнительных мест. Наиболее вероятно, что Эренг-хан, ограничиваемый своевольной узбекской феодальной знатью, пытался опереться на туркменских феодально-родовых вождей, т. е. возобновить политику Исфендиар-хана, за что и был убит узбекскими вельможами, которые для оправдания своего поступка сочинили версию о «подменном хане». Весной 1689 г. от Эренг-хана в Москву был отправлен посол для переговоров о совместных действиях против калмыков и постройки крепости у туркменской пристани на Мангышлаке[5].

---

[1] МИУТТ, стр. 210, 223—224.
[2] Там же, стр. 239—241.
[3] Там же, стр. 234.
[4] Там же, стр. 254.
[5] Там же, стр. 255—257.

В самом конце XVII в., при Шах-Нияз-хане, узбекская знать вновь заняла главенствующее положение в Хиве, а туркменские племена были обложены хараджем[1].

Жестокие феодальные усобицы XVII в. в Хиве тяжко отозвались на положении трудящихся туркмен, сильно пострадавших от непрерывных войн, а особенно от грабительских набегов Абулгази. Часть туркмен Мангышлака попала под тяжелое калмыцкое иго.

е) Южный Туркменистан в XVII в.

Источники дают весьма мало сведений о социально-экономической истории Южного Туркменистана в XVII в. Бухарское ханство удерживало левый берег Аму-Дарьи, а долина Мургаба и предгорья Копет-Дага входила в состав Иранского государства. В течение всего века продолжались ожесточенные феодальные войны на территории Южного Туркменистана. Бухарские войска неоднократно совершали походы на Мерв. В 1617 г. 30-тысячное бухарское войско напало на Мерв, Абиверд и Нишапур и ограбило местное население[2]. В 1630 г. произошло иранско-бухарское столкновение в Меручаке (верхний Мургаб)[3] и Мерве, причем отдельные бухарские отряды действовали между Мервом и Серахсом. В 1690 г. состоялся новый поход из Бухары против Мерва, но выбить иранский гарнизон из Мервской крепости этого города бухарское войско не смогло и на сей раз[4].

В то время туркменское население Южного Туркменистана продолжало борьбу против иранского владычества. В начале XVII в. непрерывно шла война в атрекских степях, где охлу и гоклены поднимали неоднократные восстания против иранских наместников Астрабада. К сожалению, мы имеем лишь краткое упоминание об этих столкновениях[5].

В 1628 г. хивинский хан Исфендиар попытался присоединить Южный Туркменистан к Хиве[6]. Он вступил в переговоры с вождями (юзбеги), живших там туркменских племен карамаш[7], джалаир, салыр и других, которые охотно вступали в союз с Исфендиаром, стремясь освободиться от тяжелого ига сефевидских шахов. Сторонники хивинской ориентации ока-

---

[1] Мунис, МИТТ, II, стр. 332.
[2] Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 100.
[3] Там же, стр. 107—110.
[4] Мухаммед Эмин Кирак Яранчи, МИТТ, II, стр. 115—116.
[5] Искандер Мунши, МИТТ, II, стр. 101.
[6] Там же, стр. 102—106.
[7] По предположению В. Г. Мошковой, — карадашлы.

зались, в частности, среди горожан Нисы, Дуруна и, видимо, Мерва. В Ахале вождем сторонников перехода под власть Хивы стал Рахман-кули-султан, вождь туркменского племени карамаш, собравший 6—7 тыс. воинов.

Исфендиар-хан двинулся на Мерв, а своего брата Абулгази направил в Ахал и Атек. Однако поход оказался неудачным. Исфендиар-хан под стенами Мерва был разбит иранским гарнизоном, в состав которого входил полк туфангчи (мушкетеров). Абулгази вначале имел крупный успех — ему удалось в 1629 г. без боя занять Нису и Дурун, откуда бежали шахские наместники. Но захватить Атек он не сумел, а тем временем сильное иранское войско, ядро которого состояло опять-таки из туфангчи — пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, — нанесло в Ахале решительное поражение туркменскому войску Рахман-кули-султана. Часть туркменской знати, стремившейся к союзу с шахским правительством, взяла теперь верх, причем Рахман-кули-султан был убит якобы собственным сыном. Абулгази и Исфендиар поспешно ушли в Хиву, остатки узбекского населения, сохранившегося в Южном Туркменистане с XVI в., бежали вслед за ними.

В прикопетдагских районах началась свирепая расправа со сторонниками Хивы, не успевшими скрыться. Вновь были введены иранские гарнизоны в Нису и Дурун и власть сефевидских шахов в этих областях была восстановлена. Однако, хивинские ханы, а также калмыцкие феодалы и после этого неоднократно совершали грабительские походы на Южный Туркменистан и жестоко грабили его население.

Наиболее крупным событием в истории Южного Туркменистана в XVII в. было продолжение массового переселения туда северных туркменских племен. Оно вызывалось, как уже говорилось, отчасти прекращением тока воды по Дарьялыку и высыханием Сарыкамышского озера, что делало невозможным ведение в этих районах земледельческого хозяйства, отчасти усиленной эксплуатацией туркмен хивинскими ханами и набегами калмыцких феодалов. В 30-х годах XVII в., например, с Мангышлака в Ахал переселилась часть туркмен-эрсари (род кизыл-аяк), разоренных калмыками; переселенцы шли сотни верст, неся детей на руках, и вначале жестоко бедствовали на новом месте жительства; в первые два года они жили в шалашах[1].

Особенно усилилось переселение туркмен на юг в середине XVII в. при Абулгази-хане — этом злейшем враге турк-

---

[1] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 283.

мен. Уже говорилось, что беженцы поселились на Теджене, в западной части Ахала и в атрекских степях. Русский посланник А. Грибов доносил в 1647 г., что «под Марами[1] ...кочуют многие трухменские люди по смете тысечь с 60... и те де государь, трухменцы, которые кочюют под Марами, хотят отойти ис под Маров с Недыр-Магаметом царем балханским под Балх»[2]. Весьма вероятно, что значительная часть этих туркмен состояла из салыров и особенно из эрсари; последние вскоре оседают на Лебабе, что в среднем течении Аму-Дарьи.

Мы не знаем точно времени и обстоятельств поселения туркмен-эрсари на Аму-Дарье, но судя по словам Сеиди, поэта XIX в., это произошло за 150 лет до его времени, т. е. во второй половине XVII в. По словам Сеиди, эрсари, заняв Лебаб, стали рыть каналы и сеять хлеб. Прежнее кочевое население было, видимо, вытеснено, оседлое — осталось, но эрсари относились к нему несколько пренебрежительно. Это сказалось в названии «тат», прилагавшимся к оседлым земледельческим племенам не эрсаринского происхождения, живущим на среднем течении Аму-Дарьи.

Таким образом, на Аму-Дарье в XVII в., как и на Гюргене в XVI в., северные туркменские племена частично переходят от скотоводческого хозяйства к земледельческому и прочно оседают на землю. У них развиваются навыки в поливном земледелии и в устройстве ирригационной сети, появляются крупные каналы. Оседание туркмен способствовало развитию у них строительного дела. У эрсари на Аму-Дарье появляются многочисленные крепости, построенные, обычно, на развалинах античных городков.

Процесс переселения северных туркменских племен в Южный Туркменистан и оседания их на захваченных там землях продолжался и в XVIII в.

2. Туркменистан в XVIII в.

а) Туркменские племена в первой половине XVIII в.

В первой половине XVIII в. туркменские племена заселяли почти всю территорию нынешнего Туркменистана, Усть-Урта и Мангышлака.

---

[1] Мары, т. е. Мерв; таким образом, современное туркменское произношение этого названия (Мары) существовало в разговорном языке населения Южного Туркменистана уже в середине XVII в., если не раньше.

[2] МИУТТ, стр. 322—323.

На побережье среднего течения Аму-Дарьи, от Чарджоу и выше, жило туркменское племя эрсари и множество мелких племен — баят, сакар, олам и другие. Там имелось также немало оседлого узбекского населения, особенно в городах Чарджоу, Керки, Наразым. Весь этот район входил в состав бухарского ханства. Часть туркмен жила несколько южнее, в районе Балха; племенной состав их установить трудно, но вероятнее всего, это были также эрсари и алили (али-эли).

В Мургабском оазисе и городе Мерве жили туркмены-йомуты, отуркменившееся племя татар[1], и поселенные там иранскими шахами каджары — одно из тюркских полукочевых племен Северного Ирана. В Прикопетдагской полосе (Атек и Ахал) население было еще более смешанным. Эту полосу занимали туркменские племена емрели, алили, карадашлы и другие, более мелкие, а также курды и афшары. В западной части Копет-Дага и в долинах Атрека и Гюргена были рассеяны туркменские племена гоклены, нохурли, эймуры. Все эти районы входили в состав Иранского государства Сефевидов.

Во всех этих районах сохранились еще остатки древнего оседлого ираноязычного населения, но к XVIII в. оно было уже почти полностью ассимилировано туркменами.

В Хорезмском оазисе на рубеже XVII и XVIII вв., помимо узбеков, составлявших большинство его населения, жили туркмены, как в южной части ханства, в районе Дарган-Ата, так и на западных окраинах его. Но установить племенной состав этих туркмен в настоящее время не представляется возможным из-за полного отсутствия данных[2]. Подданными Хивы считались также туркменские племена, обитавшие в пустынных и горных районах по восточному берегу Каспийского моря. Здесь жили теке, иомуты и ата (на горах Большие Балханы и в прилегающем районе), човдуры и салыры на Мангышлаке и Усть-Урте и ряд других племен. Эта часть туркмен находилась в меньшей зависимости от феодальных государей Среднего Востока, чем остальные туркменские племена.

Мы имеем очень мало источников, позволяющих выяснить вопрос о хозяйстве, социальном строе и политической организации туркменских племен в первой половине XVIII в. Немногочисленные иранские исторические сочинения, посвященные правлению Надир-шаха, довольно подробно описывают его войны с туркменами, но крайне скупо освещают историю и особенно экономику туркменских племен. Хивинские фео-

---

[1] Татары позднее вошли в состав туркменского племени иомутов.

[2] Можно предполагать, что в самом начале XVIII в. большую часть этих туркмен составили, как и в XVII в., салыры. Позднее в Хорезм переселилась часть иомутов, човдуры, арабачи и ряд других племен.

дальные хроники Мунис а и Агехи также очень кратко излагают события первой половины XVIII в. Русские источники более или менее подробно рассказывают о туркменах лишь начиная с 40-х годов XVIII в. Немало сведений могло бы в этих условиях дать исследование довольно многочисленных в Туркменистане памятников материальной культуры XVIII в., в настоящее время почти неизученных. Однако сопоставление фактов, содержащихся во всех указанных источниках, а также привлечение более многочисленных данных, относящихся ко второй половине XVIII в. и к XIX в., позволяет, хотя бы в общих чертах, восстановить историю и экономику туркменских племен в первой половине XVIII в.

Очень важным и едва ли не основным занятием туркмен — было скотоводство. Капитан Г. Тебелев, побывавший в 1741 г. на Мангышлаке, писал, что хивинские туркмены, откочевавшие на Мангышлак в 1740 г. после захвата Хивы Надир-шахом, «...за недостатком в здешних местах воды и корму сидеть (на Мангышлаке) не захотели, понеже у них было скота много; а как настала весна и трава появилась, тогда пошли обратно»[1]. Английский капитан Вудруф, который в 1743 г. по поручению Надир-шаха обследовал восточные берега Каспийского моря с целью найти место для постройки иранской крепости, писал в своем отчете, что туркмены, жившие на островах Каспийского моря, разводили баранов, коз, верблюдов и ослов[2]. Много баранов и верблюдов, по его словам, было и на побережье[3]. Источники XVIII в. как русские, так и восточные, неоднократно упоминают также о туркменских лошадях. Особенно отмечаются быстрые и породистые лошади у иомутов[4]. Порода иомутских лошадей, как известно, сохранилась до нашего времени. Эти немногочисленные факты вполне согласуются с хивинскими источниками XVII в., и сообщениями русских путешественников XIX в., которые единогласно утверждают, что большинство туркмен, во всяком случае прикаспийских, были кочевниками-скотоводами. Нет оснований думать, что положение было иным и в XVIII в.

Скотоводство у туркмен в XVIII в., вероятно, стояло на том же уровне, что и в XIX в. Бараны, козы, верблюды содержались круглый год на подножном корму, причем для овец устраивались иногда невысокие ограды для укрытия от морозов (особенно ранней весной во время окота). Для водопоев служили колодцы, оборудованные ведрами на блоках

---

[1] Из истории сношений России с туркменами в XVIII в. Красный архив, 1939, № 2 (в дальнейшем—Красный архив), стр. 214.

[2] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 81.

[3] Там же, стр. 82.

[4] Мухаммед Казим. Надир-наме, МИТТ. II, стр. 178.

и водопойными корытами, а также «каки» — ямы для сбора дождевой воды. Устройство колодца было дорогостоящим делом, доступным лишь богатому хозяйству. Колодцы находились в частной собственности и передавались по наследству. Заготовки кормов не существовало. Это было экстенсивное хозяйство, неотъемлемой чертой которого была его крайняя зависимость от погоды, массовый падеж скота в суровые зимы и т. п. Только боевые кони содержались в иных условиях — не в табунах, на подножном корму, а на приколе у жилища хозяина, получая ячмень, люцерну и джугару.

Несмотря на огромную роль скотоводства, было бы ошибочно недооценивать роль земледелия в хозяйстве туркмен. Известно, что некоторые туркменские племена, например, язы-ры, осевшие еще в XII в. в районе Дуруна (в предгорьях Копет-Дага), издавна занимались земледелием[1]. В XVI в. земледелием занимался ряд туркменских племен, живших на западной окраине Хорезма и плативших налог зерном[2]. Наличие здесь земледелия подтверждается данными археологии[3]. Постепенно оседали и другие туркменские племена. Так, эрсари, которые в XVI в. были в подавляющем большинстве скотоводами и поэтому платили налоги скотом (16 тыс. баранов в год)[4], в XVII в. стали переходить к земледелию, оседая на берегах Аму-Дарьи. Эрсаринский поэт Сеиди (конец XVIII— начало XIX в.) пишет, что за 150 лет до восстания 1823 г. эрсаринцы, придя на Лебаб (побережье Аму-Дарьи между Чарджоу и Керки), стали копать каналы и засевать поля[5]. В стихах Сеиди о скотоводстве упоминается гораздо реже, чем о земледелии, хотя часть эрсаринцев продолжала кочевать и в XIX в. В таком же положении находились, видимо, емрели и алили, которые стали оседать в Южном Туркменистане в XVI в., а в XIX в. в своей основной массе были оседлыми земледельцами, имели крепости, часть алили даже жила в городах[6].

В связи с этим, особый интерес приобретает сообщение русских официальных источников о том, что туркмены, жившие ранее в Балхане, Бадахшане и Бухаре, т. е. на среднем

---

[1] В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа. Туркмения, т. I, 1929, стр. 37—38; Абулгази. Родословная туркмен, стр. 58.

[2] Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 186; Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 324—325.

[3] С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской археологической экспедиции АН СССР в 1952 г. «Вестник древней истории», 1953, № 2, стр. 181—184.

[4] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 47.

[5] Сеиди. Лебаб хош имди.

[6] В. А. Левина. Архитектура али-элинцев. Труды ЮТАКЭ, т. III, М., 1953, стр. 19—24.

и отчасти верхнем течении Аму-Дарьи (вероятно, те же эрсари) и откочевавшие в 1740 г. на Мангышлак, чтобы спастись от Надир-шаха, обратились к русскому правительству с просьбой прислать им 4—5 судов с мукой, «ибо они люди не кочевые и обыкли к хлебу и где хлебных мест нет, там они жительства иметь не могут»[1].

При этом, земледелие было распространено не только на побережье Аму-Дарьи и в Прикопетдагской полосе. Земледелием занимались также прикаспийские туркмены, несмотря на исключительно неблагоприятные природные условия. Русский путешественник Ф. И. Соймонов, изучавший побережье Каспийского моря в 1726 г., писал, что туркмены сеют пшеницу, рис и даже хлопок[2]. Упомянутый ранее Вудруф сообщает, что на островах туркмены разводили виноград, дыни, огурцы, морковь, лук и другие овощи[3]. Впрочем, на большей части Каспийского побережья (включая низовья Атрека) земледелие не могло иметь большого значения, так как для орошения здесь можно было использовать только мелкие горные родники, каждый из которых мог оросить лишь несколько гектаров земли[4].

Недостаток орошаемых земель был основной причиной переселения многих туркменских племен, живших ранее в XIV—XV вв. на побережье Каспийского моря и Южном Усть-Урте, в Южный Туркменистан и Хорезм. Этот процесс, начавшийся в XVI в., продолжался и в основном завершился в XVIII в. В XVI в. на юге осели алили, емрели и гоклены. В XVII в. на Аму-Дарью переселились эрсари и в Хорезм — основная масса салыров, не говоря уже о более мелких племенах. Но два значительных туркменских племени—теке и иомуты — еще оставались в суровом и маловодном Прикаспийском районе. Однако уже в начале XVIII в., если не раньше, отдельные группировки иомутов, а вероятно, и теке, отрываясь от основной массы своего племени, переселялись в земледельческие районы Южного Туркменистана, в частности, в Мервский оазис[5]. Движение теке и иомутов, а также части човдуров, в земледельческую полосу, их борьба за орошаемые земли и постепенное оседание этих племен составляют важную черту истории туркмен в XVIII в.

Помимо скотоводства и земледелия, туркмены занимались

---

[1] Красный архив, стр. 237—238.
[2] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 80.
[3] Там же, стр. 81.
[4] Материалы по земле-водопользованию в Закаспийской области, собранные и изданные по приказанию начальника Закаспийской области ген.-лейт. Д. И. Субботича. Асхабад, 1903, стр. 5.
[5] Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 124.

ремеслами, охотой, рыбной ловлей, а на острове Челекене — горными промыслами.

О состоянии ремесла у туркмен в первой половине XVIII в. известно очень мало. Капитан В. Копытовский, ездивший на Мангышлак в 1745 г., писал, что у туркмен «...фабрик никаких нет, кроме того, что только армяки ткут»[1]. Изучение оседлых поселений и крепостей XVIII в. в Южном Туркменистане и эрсаринских поселений на Аму-Дарье показывает, что там изготовлялась глиняная посуда, в том числе глазурованная, жженый кирпич и даже грубые изразцы. Производство глазурованных кувшинов и мисок существовало у туркмен и в XIX—XX вв. Несомненно, существовало производство ковров и кошм, а также обработка металла. Известно, что Махтумкули, поэт второй половины XVIII в., был кюмушчи—ювелиром. Имелось, конечно, и производство сбруи и оружия—кинжалов, сабель, луков и стрел, копий. На побережье Каспийского моря строили лодки. Вудруф насчитал у жителей Челекена 28 больших лодок[2], вероятно, так называемых киржимов. На Челекене имелось много нефтяных колодцев[3]. Можно предположить, что уже в начале XVIII в., а весьма вероятно, что и раньше, здесь, помимо нефти, добывался озокерит.

У большинства туркменских племен XVIII в. решительно господствовало домашнее ремесло. Даже специалисты-ремесленники не могли совершенно порвать с сельским хозяйством. Так, дед поэта Махтумкули был одновременно земледельцем и мастером по изготовлению конской сбруи (подпруг, уздечек, потников, нагаек)[4]. Однако в некоторых городах Южного Туркменистана, например, в Абиверде, городе туркмен-алили, в начале XIX в. существовали целые кварталы ремесленников[5]. Это говорит о далеко зашедшем разделении труда и наличии товарного производства. До настоящего времени кое-где сохранились «рисале»—цеховые уставы туркменских ремесленников, — но неизвестно, к какому времени относится их составление[6].

Охотой занимались в Туркменистане повсюду. Она была излюбленным развлечением знати и серьезным хозяйственным подспорьем для бедноты. В частности, она была обычным занятием туркмен, населявших горные и пустынные районы Кас-

---

[1] Красный архив, стр. 224.
[2] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 81.
[3] Там же.
[4] Е. Бертельс. Махтум-Кули. Вступ. статья к кн. Махтум-Кули (Фраги). Избранные стихи, М., 1948, стр. 5.
[5] В. А. Левина. Указ. соч., стр. 23—24.
[6] Фотокопия подобного рисале, привезенного студентом О. Сапаровым, хранится в музее археологии Туркменского государственного университета.

пийского побережья. Г. Тебелев рассказывает о первых четырех встретившихся ему туркменах: «оные о себе объявили, что они мергены, т. е. охотники, ездят для битья зверя и у троих были ружья»[1]. В. Копытовский говорит о туркменах Мангышлака, что «...у всех у них скота не очень много, а пропитание де свое имеют более — бьют коз диких...»[2]. Обилие дичи, особенно джейранов, на Каспийском побережье отмечают Вудруф[3] и обследовавший Каспийское море в 1764 г. Ладыженский[4]. Еще большее значение для прикаспийских туркмен издавна имела рыбная ловля. Уже в XIV в. были туркменские племена, для которых рыбная ловля являлась одним из основных занятий[5]. В 1764 г. Ладыженский у залива Кендырли встретил туркменских рыбаков, которые ловили крючками и били острогой осетров, белуг и севрюг[6].

Приведенные факты позволяют дать общую характеристику производства у туркменских племен в первой половине XVIII в.

Значительная часть туркменских племен, занимавшая долину Аму-Дарьи, часть Хорезма, Мургабский оазис и Прикопетдагскую полосу, в основной массе своей осела и перешла к земледелию, хотя часть населения и здесь сохранила скотоводческое хозяйство и кочевой быт. Таким образом, для этих племен было характерно древнее деление на две части — чомур (оседлых) и чарва (кочевников-скотоводов), существовавшее у туркмен и в XIX в. К таким племенам в XVIII в. относились языры (карадашлы), алили, емрели, гоклены, эрсари, салыры. Но в маловодной, почти непригодной для земледелия Прикаспийской полосе оставалось в начале XVIII в. много туркмен, — теке, иомуты, човдуры, отчасти салыры, — которые занимались, главным образом, скотоводством. При этом беднейшая часть населения принуждена была кормиться в значительной степени за счет охоты, рыбной ловли, а отчасти путем обработки карликовых полей и огородов, орошаемых водой горных родников или искусственно задерживаемыми талыми водами. Ремесло почти повсеместно не отделилось от сельского хозяйства. Натуральное хозяйство решительно господствовало. Товарное производство было развито лишь на Челекене, где добывалась на продажу нефть, а, вероятно, также соль, озокерит и черная краска, да в некоторых городах Южного Туркменистана, где больше сохрани-

---

[1] Красный архив, стр. 212.
[2] Там же, стр. 224.
[3] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 81—82.
[4] Там же, стр. 85—86.
[5] Абулгази. Родословная туркмен.
[6] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 84.

лось ремесленников. Говоря о товарном производстве, мы не должны забывать обычных для Востока торговых связей между земледельческим и скотоводческим населением, хотя от первой половины XVIII в. до нас почти не дошло сообщений об экономических связях подобного рода на территории Туркменистана.

Уровень развития производства определял и развитие торговли.

Древние караванные дороги из Китая на Ближний Восток, шедшие когда-то через Южный Туркменистан (Чарджуй—Мерв—Серахс), давно уже утратили свою прежнюю роль в связи с общим перемещением торговых путей в XVI—XVII вв. В XVIII в. главное значение для Средней Азии приобрела торговля с Россией. По путям, пролегавшим через Хиву, туркменские и казахские степи, шли в XVII—XVIII вв. многочисленные и богатые караваны русских, бухарских, хивинских, балхских и даже индийских купцов[1]. Один из этих путей вел из Хивы на Мангышлак, откуда товары морем доставлялись в Астрахань; этот путь шел через туркменские кочевья. Второй путь шел из Хивы на Гурьев, позднее на Оренбург, и проходил, главным образом, через кочевья казахов. Как хивинские ханы, так и феодально-родовые вожди туркменских и казахских племен получали от этой транзитной торговли немалую выгоду. Впрочем, политическая обстановка в Средней Азии в первой половине XVIII в.—бесконечные феодальные усобицы, а затем завоевательные походы Надир-шаха—сильно затрудняла торговлю с Россией.

Помимо получения доходов от транзитной торговли, туркмены и сами участвовали в товарообороте с соседними странами. Известно, что в первой половине XVIII в. туркмены торговали с Хивой, покупая там ткани[2], да, вероятно, и другие ремесленные изделия, а также хлеб. Часть этих товаров туркмены перепродавали казахам, получая в обмен скот[3]. В сношениях туркмен с Хивой большую роль играла работорговля—продажа пленных[4]. Несомненно, что торговля велась также с Бухарой, хотя прямых данных об этом нет. Зато известно, что туркмены торговали с пограничными областями Хорасана, покупая там продовольствие[5]—очевидно, хлеб, в котором нуждались кочевники.

Несколько больше известно о торговле туркмен с Россией. Об этом говорят подробные сообщения Г. Тебелева и В. Ко-

---

1 Красный архив, стр. 209.
2 Там же, стр. 229.
3 Там же, стр. 222.
4 Там же, стр. 229.
5 Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 133.

пытовского[1], которые в 40-х годах XVIII в. по поручению русского правительства возили на Мангышлак муку для продажи ее туркменскому населению, остро нуждавшемуся в хлебе.

Сообщения обоих этих авторов показывают, каким радостным событием для мангышлакских туркмен было прибытие русских кораблей с мукой. Весть об этом быстро облетала туркменские аулы, и население устремлялось к берегу, где завязывалась оживленная торговля, обычно меновая. Тебелев рассказывает, что в связи с началом торга самовольно снялись даже караулы, выставленные на случай нападения казахов[2]. Порой приезжали представители других туркменских племен, живших за сотни верст от пристани, где шла торговля[3].

Торговля началась с переговоров о ценах с туркменскими старшинами[4]. Туркменские старшины выделяли специального человека, который, по словам Тебелева, «...при торгу бывает безотлучно и он смотрит, чтобы от туркменской стороны в промене товаров не обижали и в том прикащика охраняет и смотрит же, чтобы ряд был добрый товар, в чем противу их трухменцы мало спорят»[5]. Старшины получили особую пошлину с торговых операций[6]. Тебелев не сообщает, какие именно товары обменивали туркмены на русскую муку. Вероятно, то были примерно такие же товары, о которых пишет Габлиц, побывавший на восточном побережье Каспийского моря в 1782 г.,—войлоки, масло, овчины и другие меха[7]. В. Копытовский говорит еще о полушелковых кушаках, очевидно, хивинского происхождения, которые туркмены предлагали в обмен на муку[8].

В разговорах с Тебелевым и Копытовским туркмены постоянно подчеркивали важность для них торговли с Россией и просили построить на Мангышлаке русскую крепость для обеспечения безопасности торговли[9], уверяя, что тогда на Мангышлак соберется множество туркмен. Когда один из туркменских старшин, ставленник Хивы, т. е. фактически Надир-шаха, пытался сорвать начавшийся торг и организовал провокационное нападение на русских[10], он встретил решительный отпор остальных туркменских старшин[11].

---

[1] *Красный архив, стр. 211—236.*
[2] Там же, стр. 216—217.
[3] Там же, стр. 219. Приехали салыры, жившие южнее Мангышлака.
[4] Там же, стр. 215.
[5] Там же, стр. 217.
[6] Там же.
[7] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 90.
[8] *Красный архив*, стр. 226.
[9] Там же, стр. 219, 226.
[10] Там же, стр. 232—234.
[11] Там же, стр. 232.

Значительно меньше сообщается в источниках об общественном строе и политической организации туркмен в первой половине XVIII в.

Туркмены Прикаспийской полосы, судя по сообщениям русских путешественников[1] и Вудруфа[2], жили небольшими аулами, объединявшими несколько семей, — обычно родственников. Впрочем, иногда в таких аулах — «оба» — жили и «гельмишеки»—чужеплеменные пришельцы[3]. Несколько «оба» составляли род «уруг», выше которого шло племя — «тире» («тайпа»). Роды и племена возглавлялись предводителями, носившими звания бегов, бахши, батыров, онбеги[4] и т. д. Эта феодально-родовая верхушка, каждый из представителей которой имел в подчинении сотни, а то и тысячи людей[5], составляла господствующий класс. У русских авторов XVIII в. эти «старшины» называются «добрые люди ис пород их знатные», «лучшие», а противопоставляется им простой народ[6], «пеший народ», «скудные», беднота, не имевшая скота.

Никаких сведений о формах феодальной собственности на землю, о методах эксплуатации у кочевых туркмен в первой половине XVIII в. в источниках не сообщается. Следует предположить, что тогда, как и позже, феодальная собственность туркменских родо-племенных вождей на пастбища формально выражалась в собственности на колодцы, без которых скотоводческое хозяйство в прикаспийских степях невозможно. Эта собственность на колодцы, а фактически, следовательно, и на пастбища, была основой феодальных отношений и феодальной эксплуатации у туркмен-кочевников.

Феодальные отношения, несомненно, господствовали также и в земледельческой полосе Туркменистана. Однако данные об этих областях очень скудны. В частности, мы совершенно не имеем сведений об общественном строе хивинских и бухарских туркмен в первой половине XVIII в. Известно лишь, что хивинские ханы — Шах-Нияз-хан, Муса-хан и Ширгази-хан, правившие между 1689 и 1728 г., брали с туркмен харадж[7]. Иногда харадж собирался и с прикаспийских туркмен (например, при Ширгази-хане). Таким образом, трудящиеся туркмены подвергались эксплуатации не только со стороны «своей» знати, но и со стороны соседних феодальных государей.

---

[1] Красный архив, стр. 213.
[2] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 81.
[3] Красный архив, стр. 214.
[4] Там же, стр. 213.
[5] Там же, стр. 229.
[6] Там же, стр. 212, 217—221.
[7] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 332—333.

Туркменские племена, жившие на берегах Атрека и Гюргена, в Прикопетдагской полосе и в Мервском оазисе, входили в состав Хорасанского и Гюргенского вилайетов сефевидского Ирана. Данных об их положении пока нет, но есть основания считать, что положение трудящегося населения, в том числе и туркмен, в этих вилайетах было примерно таким же, как в Азербайджане и Армении в тот же период. Известно, что Сефевидам не удалось покончить с феодальной раздробленностью в своем государстве и их чиновники — беглербеги, хакимы и т. п. — превращались постепенно в полунезависимых наследственных феодальных владетелей[1]. Эта феодальная раздробленность особенно усилилась в XVIII в. в обстановке общего упадка государства Сефевидов.

б) Укрепление русско-туркменских связей при Петре I

В XVIII в. положение феодальных государств в Азии становится более тяжелым. В большинстве стран Азии приходили в упадок ремесла и торговля, сокращались соответствующие доходы феодальных государей, которые пытались возместить это усилением феодальной эксплуатации, подрывая основу производства — сельское хозяйство. Экономический кризис, обнищание горожан и крестьян, феодальные мятежи, крайнее обострение классовых противоречий — все это в целом создавало картину общего упадка феодальной экономики, тем более тяжелого, что для большинства стран Востока в то время отсутствовали возможности выйти из него путем перехода к более высокому, капиталистическому способу производства.

С одной стороны, ослабевшие феодальные государства Азии делались жертвами колониальной экспансии экономически передовых стран Западной Европы, прежде всего Англии, превращались в колонии и полуколонии. С другой стороны, на политическую арену вновь более активно выступают некоторые отсталые по уровню своего социально-экономического развития племена Азии, сохранившие полупатриархально-полуфеодальные отношения. Эти племена, воспользовавшись ослаблением феодальных государств, возобновляют вторжения в земледельческие области и порой захватывают их, создавая новые государственные образования.

Все это коснулось и территории Туркменистана. В начале XVIII в. ослабевает и распадается Иранское государство

---

[1] См. И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949, стр. 117—127.

Сефевидов. Постепенное сокращение торговли, переходившей к тому же в руки голландских, английских и французских купцов, чрезмерный налоговый гнет, увеличившийся при последнем сефевидском шахе Султан-Хусейне (1694—1722 гг.) в 2—3 раза, разорение и обнищание крестьянства подорвали экономику страны. Ожесточенная борьба между различными феодальными кликами и широко развернувшиеся восстания крестьян и покоренных народов, особенно на окраинах государства — все это чрезвычайно ослабило государство Сефевидов. В 1721 г. вождь афганского племени гильзаев Мир-Махмуд захватил Керман, Иезд, а затем и столицу Сефевидов Исфахан и провозгласил себя шахом Ирана.

Афганцы, захватив Южный Иран, не смогли объединить всю страну. В Мазандеране и Гюргене при поддержке тюркского племени каджаров обосновался Сефевид Тахмасп. В Хорасане царила анархия — множество мелких феодалов, засевших в крепостях, не желали повиноваться никому и ожесточенно воевали между собой.

Воспользовавшись ослаблением Иранского феодального государства, туркменские племена теке и иомуты, сосредоточенные до этого в горах и пустынях Северо-Западного Туркменистана, начали движение на юг, стремясь захватить богатые земли в предгорьях Копет-Дага и в долине Атрека. Иомуты устремились на юг, в атреко-гюргенские степи, где можно было успешно заниматься скотоводством. Теке двинулись в Ахал, места удобные для земледелия[1]. Можно предположить, что именно в эту пору, в 20-х годах XVIII в., текинцев возглавил их полулегендарный вождь Кеймир-Кёр, так как в одном из туркменских преданий время его смерти относится к 1741—1742 гг[2]. Текинцам удалось потеснить ранее осевшее в Ахале туркменское племя емрели и захватить часть земель Ахала, в районе нынешних Дуруна, Нисы, Геок-Тепе, Кизыл-Арвата и т. д.[3]. Они, очевидно, сохранили скотоводство в качестве своего основного занятия и держались ближе к пескам[4]. «Хорезмские туркмены» (иомуты, теке и салыры) двинулись на Теджен.

---

[1] Н. М. Миклухо-Маклай. Труды Мухаммед-Казима и его значение для истории туркмен. «Известия ТФАН СССР», 1945, № 5—6, стр. 34—35; Анонимная рукопись, принадлежащая проф. М. Н. Хыдырову; И. А. Беляев. Из истории туркмен Закаспийской области. ПЗКЛА, вып. 2, Асхабад, 1916 (перевод неточен, необходимо пользоваться туркменским текстом).

[2] Анонимная рукопись, принадлежащая проф. М. Н. Хыдырову.

[3] И. А. Беляев. Указ. соч.

[4] На краю песков, например, находятся Эрез-Кала, развалины крепости XVIII в., в которой, по словам предания, жил Кеймир-Кёр, и все другие текинские крепости XVIII в.

В тяжелом положении находились Бухара и Хива, опустошаемые междоусобными войнами, феодальными мятежами и набегами кочевников. Внешняя торговля падала ввиду обнищания населения и небезопасности основных торговых путей. Города разорялись и пустели. Ханы Хивы и Бухары потеряли всякую реальную власть и стали игрушками в руках своевольных и мятежных беков[1]. «Все генерально между собою драки имеют», — доносил Петру I его посол Беневени в 1723 г.[2]

Сокращение доходов от торговли и ремесла хивинские ханы стремились восполнить усиленной эксплуатацией дехкан и покоренных племен, а также грабительскими набегами на непокоренных. Хан Ширгази (1715—1728 гг.), опираясь на узбекские войска, обложил хараджем туркмен Мерва, Прикопетдагской полосы, а также атрекских, мангышлакских и адакских туркмен[3]. В ограблении южнотуркменистанского населения Ширгази действовал заодно с другим феодальным хищником—Надир-ханом келатским[4].

Прикаспийские и хорезмские туркмены, жестоко угнетаемые хивинскими феодалами и страдавшие от недостатка воды, все чаще обращают свои взоры к России, международный вес и авторитет которой быстро возрастали в правление Петра I (1689—1725 гг.).

В XVIII в. открывается новая страница в истории взаимоотношений Русского государства со среднеазиатскими ханствами и туркменами. Прокладывая дорогу для Русского государства на западе, Петр I не оставлял без внимания и восточной границы государства, производя здесь разведки наиболее удобных путей сообщения со Средней Азией и Индией, с одной стороны, и Дальним Востоком—с другой. Этот царь, действовавший в интересах русских помещиков и купцов, учитывал значение и возможности расширения русской посреднической торговли между Азией и Европой. По словам историка С. М. Соловьева, Петр I «прорубая окно в Европу на морях Балтийском и Черном, в то же время искал ключ и врата ко всем азиатским странам через киргизские и туркменские степи»[5]. Особое внимание он уделял побережью Каспийского моря и путям через Кавказ и Среднюю Азию на Восток.

Кроме так называемых персидских походов, в которых

---

[1] История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 114—115.
[2] А. Попов. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. ЗРГО, т. IX, 1853.
[3] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 332—333.
[4] Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 127.
[5] Аму и Узбой. — Труды Общества по исследованию будущих торговых путей в Среднюю Азию, изд. 1879, стр. 4.

Петр принял, как известно, личное участие, им еще раньше были снаряжены экспедиции в Среднюю Азию. Задача этих экспедиций была определена в царском указе сенату от 14 мая 1714 г.: «Послать в Хиву (к хану) с поздравлением на ханство, а оттоль ехать в Бухару к хану, сыскав какое *дело торговое, а дело настоящее, — чтобы проведать про го*род Эркет, сколько далеко оный от Каспийского моря, и нет ли каких рек оттоль, или не от самого хотя и того места однакож в близости, в Каспийское море»[1].

В 1715 г. Петр отправил в Среднюю Азию почти одновременно две экспедиции: князя Бековича-Черкасского и Бухгольца. Первое из этих предприятий было вызвано сообщением туркмена Ходжа Непеса. Последний в 1713 г. с купцами прибыл в Астрахань и рассказывал некоему князю Саманову (крещеному персу), что в Аму-Дарье есть золотой песок. Ходжа Непес утверждал, что прежде Аму-Дарья впадала в Каспийское море, но затем якобы хивинцы, построив плотину, обратили течение реки в Аральское море.

По словам Ходжа Непеса, плотину эту «можно перекопать и повернуть реку в прежнее русло». Князь Саманов повез Ходжа Непеса к Петру I. Ходжа Непес предложил царю снарядить экспедицию в Хиву, обещая ему поддержку туркменских племен. Хивинский посол Ашур-бек, находившийся в Петербурге, также подтверждал, что р. Аму-Дарья впадала раньше в Каспийское море. Почти в это же время пришло известие от сибирского губернатора Гагарина, что в Малой Бухарии, около города Яркети (г. Яркенд в Восточном Туркестане), на берегу Дарьи имеются золотые россыпи. Эти сообщения произвели большое впечатление на Петра I, который с присущей ему энергией принялся за осуществление своего замысла. Один отряд, под начальством Бухгольца, был направлен по Иртышу к Аральскому морю, другой, во главе с Бековичем-Черкасским, из Астрахани на восточный берег Каспия и затем в Хиву. Бухгольц был задержан в верховьях Иртыша калмыками и, после упорных боев, в середине 1716 г. вернулся обратно. Однако, хотя ему не удалось выполнить задания, все же в связи с этой экспедицией границы России продвинулись на юг. В занятых районах были построены военные укрепления: при впадении Оби в Иртыш — крепость Омск (1716 г.), в верховьях Иртыша — Семипалатная (1718 г.), Усть-Каменогорская (1720 г.).

Бековичу-Черкасскому были даны обширные задания: возглавить дипломатическую миссию к хивинскому хану, построить на пути к Хиве ряд крепостей, а также разведать

---

[1] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, стр. 646—647.

водный путь в Индию и в связи с этим выяснить вопрос о возможности возвращения Аму-Дарьи в прежнее русло.

Еще в апреле 1715 г., до своего похода в Хиву, Бекович-Черкасский предпринял по приказу Петра I экспедицию для обследования берегов Каспийского моря. Он ознакомился с восточным берегом Каспийского моря от Тюб-Карагана до побережья Астрабада и в своем донесении утверждал, будто ему удалось отыскать прежнее устье Аму-Дарьи в районе Красноводской бухты, а также установить местонахождение искусственной плотины, о которой рассказывал Ходжа Непес.

15 сентября 1716 г. Бекович-Черкасский выступил на судах из Астрахани, имея на борту свыше 8 тыс. человек и небольшое количество пушек. 9 октября он высадился в Тюб-Карагане, где заложил крепость. Второе укрепление он основал у залива, которому дал имя «Александр-Бай». Затем Бекович отплыл к «Красным водам», т. е. к тому месту, где теперь расположен город Красноводск. Заложив у Балханского залива третью крепость, Бекович возвратился в Астрахань. Во всех основанных им укреплениях на восточном берегу Каспия были оставлены небольшие русские гарнизоны. В начале лета 1717 г. экспедиция Бековича вышла из Астрахани сухим путем в Хиву.

В 120 верстах до Хивы Бековичу пришлось выдержать бой с войсками хивинского хана Ширгази[1]. Хан, видя силу русского войска, вступил с Бековичем в мирные переговоры, пригласил его в свой лагерь и уговорил разделить русский отряд на несколько мелких партий. Раздробленное русское войско было частью перебито вероломным ханом, а часть русских солдат угнана в рабство. Сам Бекович был обезглавлен.

Таким образом, обе военные экспедиции, отправленные при Петре I в Среднюю Азию, потерпели неудачу.

Тем не менее, Петр I не оставил своих намерений продолжать наступательную политику в Средней Азии и уделял серьезное внимание Каспийскому морю. В 1719 г. была снаряжена новая экспедиция (Ведена, Соймонова, Урусова) для описания берегов этого моря. В результате экспедиции, а также предыдущих исследований (Бековича-Черкасского, Кожина, Травина) в 1720 г. была составлена первая карта Каспийского моря, изданная позже Российской Академией наук в Петербурге, а затем посланная в Париж. В 1745 г. она появилась во французском издании Делиля.

В 1726 г., уже после смерти Петра I, Соймонов снова был

---

[1] Ширгази-хан был позднее, в 1728 г., убит восставшими рабами в Хиве.

послан для исследования берегов Каспийского моря[1]. Одним из последствий военных и гидрографических экспедиций, предпринятых при Петре I, явилось развитие русского мореходства и торговли на Каспии, в связи с чем укреплялись торговые и политические связи прикаспийских туркмен с Россией.

в) Борьба туркменских племен против агрессии Надир-шаха

Глубокий кризис, охвативший сефевидский Иран, сделал фактически независимыми мелких северохорасанских феодалов из туркмен, афшаров, каджаров, курдов и других[2]. Каждый из них имел если не город, то крепость, укрепленный замок, у подножья которого жило его племя. Феодальные отношения здесь в начале XVIII в. сочетались с пережитками патриархальных отношений. Во многих случаях население городков и сел было, впрочем, весьма неоднородным, что порой приводило к острым межплеменным конфликтам. Так, близ Мерва, наряду с каджарами, жили татары (одно из иомутских подразделений) и арабы. Каджары, жившие в самом городе, затеяли усобицы, которые осложнились набегами татар и других иомутов[3]. Характерно, что Мехди-хан Астрабадский, автор XVIII в., рассказывая о событиях в Хорасане в эти годы, наряду с туркменскими племенами, населявшими некоторые крепости (например, в крепости Ники-Кала, в 12—13 *км* от Абиверда, жили туркмены-емрели[4]), упоминает о городах и крепостях, в которых население, видимо, было смешанным[5].

Между феодалами раздробленного на мелкие владения Хорасана не прекращалась междоусобная борьба. Малые по масштабам, но частые войны, выражавшиеся во взаимных набегах и осадах крепостей, жестоко разоряли население Южного Туркменистана.

В 20-х годах XVIII в. в ходе кровавых усобиц в Хорасане возвысился Надир-хан из племен афшар, уроженец Дерегеза. Начав свою карьеру в качестве атамана разбойничьих шаек и поступив на службу к правителю Абиверда, Надир-хан совершал грабительские походы на окрестные туркменские племена, а впоследствии перешел к систематическому по-

---

[1] О торгах за Каспийское море древних, средних и новейших времен. Выписано из журнала Ф. И. Соймонова и из внесенных в оный донесений Г. Ф. Миллера, М., 1765 г., стр. 39.

[2] Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 118—119.

[3] Там же, стр. 124—125.

[4] Там же, стр. 119.

[5] Например, Загчэнд (там же, стр. 120), Серахс (стр. 126) и др.

корению мелких оседлых феодалов и вождей кочевых и полукочевых племен. Прежде всего были подчинены соседние курдские и афшарские феодалы, которые стали затем основной опорой Надира[1]. Затем настала очередь туркменских племен. Населявшие Атек оседлые туркмены-емрели попытались дать отпор завоевателю, но потерпели поражение. Расширяя зону своего влияния, Надир-хан совершил грабительские походы на туркмен Дуруна и Нисы[2]. Описывая разбойничий набег на «непокорных» туркмен в области Нисы, историк Мехди-хан Астрабадский рассказывает, что Надир напал на туркмен в Багабаде[3], около Нисы и сделал «все, что требуется для убийства и грабежа»[4]. Установив свою власть под Абивердом и продолжая войны с другими феодалами за господство над Северным Хорасаном, Надир-хан в результате ожесточенной борьбы овладел Мервом. Этот город, опустошенный феодальными смутами, сильно пострадал и от эпидемии чумы, вспыхнувшей в 1723—1724 г., которая, по словам Мухаммеда Казима, унесла около 30—40 тыс. жертв[5]. Походы Надира сопровождались казнями пленных, обращением в рабство женщин и детей, разрушением ирригационных сооружений, в частности, Мервской плотины[6].

Усилившись, Надир предложил свои услуги шаху Тахмаспу и, действуя от его имени, в сравнительно короткий срок (1729—1730 гг.) изгнал афганцев из Ирана. Вслед за этим он совершил ряд походов на Афганистан, Ирак и Закавказье, после чего в 1736 г., опираясь на свое войско, захватил власть и был провозглашен шахом Ирана.

В период борьбы с афганскими завоевателями народы Ирана поддерживали Надир-хана, но позднее его власть оказалась не лучше афганской. Надир-шах опирался на феодально-родовую знать отсталых полукочевых племен и все внимание уделял лишь своей армии. Его правление ознаменовалось крупными захватническими походами на Индию, Среднюю Азию и Закавказье. Разграбление городов и сел, массовые убийства и зверские жестокости сделали имя Надир-шаха ненавистным для всех соседних народов. Жестоко страдали от него и иранские крестьяне, с которых собирали тяжелые налоги на военные нужды, кочевые и полукочевые

---

[1] Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 119 и сл.
[2] Там же, стр. 121, 123—124; Н Д. Миклухо-Маклай. Рукопись «Алам ара-и-Надири». Ученые записки Института востоковедения, т. VI, М.—Л., 1953, стр. 189.
[3] Вероятно, Анау.
[4] Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 124.
[5] Н. Д. Миклухо-Маклай. Указ. соч., стр. 190 (прим. 2).
[6] Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 120, 127, 129 и др.

племена, обязанные поставлять Надир-шаху воинов, что не освобождало их от уплаты налогов.

Этот тяжкий «налог кровью» обязаны были нести и туркмены, конницу которых Надир-шах очень ценил. Наместники, поставленные Надир-шахом над туркменами, своим произволом и грабежом восстанавливали против себя и своего государя все туркменские племена[1]. Поэтому на северной границе владений Надир-шаха почти не прекращались восстания туркменских племен, особенно иомутов и гокленов[2]. В одном из крупных восстаний туркмен, происшедшем в начале 1730-х годов приняли участие текинцы, иомуты, эрсари и сарыки. Общая численность повстанцев по определению Мухаммеда Казима составляла приблизительно 10 тыс. человек[3].

В туркменских преданиях рассказывается о героической борьбе, которую вели против Надир-шаха текинцы под руководством Кеймир-Кёра. Многие туркмены, в том числе и часть иомутов, переселились в Хиву.

Хивинское ханство, где собралась масса туркмен, ушедших от тирании Надир-шаха, превратилось к концу 30-х годов XVIII в. в основной оплот борьбы против иранской агрессии в Средней Азии. Хан Ильбарс (1728—1740 гг.), опиравшийся на сильное туркменское войско, держался по отношению к Надир-шаху явно враждебно. В 1735 г. хивинское войско, состоящее, главным образом, из туркмен, напало на Хорасан[4]. В 1737 г., когда сын Надир-шаха Риза-кули-мирза захватил Балх и подступал к Карши, хивинское войско вновь появилось на театре военных действий, чтобы помочь Бухаре[5].

Захватнический поход Риза-кули-мирзы окончился вследствие этого неудачей. В 1739 г. Ильбарс-хан с войсками вновь появился в Хорасане, но вынужден был отступить при подходе войск Риза-кули-мирзы[6].

Надир-шах, готовясь к походу на Индию, решил прикрыть свою северную границу сильным военным отрядом и одновременно создать укрепленную базу для будущих военных действий на Среднем Востоке[7]. С этой целью он отдал приказ о

---

[1] Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. (вводная статья В. Разумовской). Красный архив, 1939, № 2, стр. 239.

[2] Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, I, стр. 131—137; Н. Д. Миклухо-Маклай. Указ. соч., стр. 188—193.

[3] Н. Д. Миклухо-Маклай. Указ. соч., стр. 193.

[4] Медхи-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 137; Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 333.

[5] Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 138—139; Н. И. Веселовский, Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1877, стр. 183 и сл.

[6] Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 139; Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 333.

[7] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 150.

восстановлении города Мерва и мервской плотины. Для работ по восстановлению мервской плотины Надир повелел собрать в течение двух месяцев со всего Хорасана 10 тыс. человек. По сообщению Мухаммеда Казима, из назначенных для этого строительства людей около 3 тыс. погибло «от голода, отсутствия необходимого, холода и трудностей [работы]»[1]. Восстановление Мерва подробнее всего описано Мухаммедом Казимом, который был везиром этого города. По его словам, Надир-шах переселил в Мерв, им же ранее разрушенный и опустошенный, много каджарских воинов и около 3000 крестьянских семейств из Хорасана[2]. 13 декабря 1737 г. «назначенная к переселению в Мерв группа кочевого и оседлого населения Хорасана, оставив со слезами и плачем свою родину, двинулась с места и направилась в Мервскую область»[3]. Первое время переселенцы терпели жестокую нужду, но плодородие земли вскоре позволило им достигнуть некоторого благополучия.

В Мерве была восстановлена не только ирригационная система, но и укрепления. Переселенцы, перемещенные в Мервский оазис Надир-шахом, должны были нести военную службу. Мервские воины-крестьяне находились на особом положении, так как весь собранный ими урожай поступал на государственные склады, откуда воинам выдавалось по 10 харваров (вьюков) в год в качестве половины их годового жалования (другую половину они получали наличными). С первых же лет существования мервской военной колонии начались столкновения с туркменами, которые, очевидно, были вытеснены с богатых мервских земель[4]. В дальнейшем мервские войска играли крупную роль во всех среднеазиатских походах Надир-шаха.

После окончания индийского похода, во время которого иранские войска разграбили и опустошили столицу Индии город Дели, Надир-шах двинулся на завоевание Средней Азии.

В середине августа 1740 г. Надир-шах с большим войском и сильной артиллерией двинулся из Келифа вниз по Аму-Дарье. Его авангард пытался покорить приамударьинских туркмен-эрсари, но те отказались подчиниться Надир-шаху и, не будучи в силах сопротивляться его войскам, ушли в Хиву[5]. Надир-шах занял Чарджоу и без боя покорил Бухару.

---

[1] Н. Д. Миклухо-Маклай. Указ. соч., стр. 196 (прим. 3) и 198 (прим. 1).
[2] Мухаммед Казим, МИТТ, II, стр. 151.
[3] Там же, стр. 153.
[4] Там же, стр. 153—156.
[5] Там же, стр. 158—159; Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 140—141.

Однако хивинский хан Ильбарс и туркмены решили сопротивляться.

Иранское войско, сломив сопротивление хивинского авангарда[1], медленно наступало вниз по Аму-Дарье. Навстречу двинулась туркменская конница, которой командовал иомутский предводитель Мухаммед-Али Ошак.

Под Питняком туркмены окружили иранское войско. Завязался бой, носивший чрезвычайно упорный и кровопролитный характер. Несколько атак иранцев было отбито иомутами, но последние не могли сломить иранскую пехоту и артиллерию: лихие атаки туркменских всадников, вооруженных саблями и пиками, разбивались о сплошную завесу огня из пушек, мушкетов и фальконетов. Наконец, Надир-шах сам повел в решительную атаку полки панцырной конницы из Мерва, Атека и Хорасана (каджаров и афшаров). Лишь после этого туркменские войска вынуждены были отступить в Хиву. Иранское войско было, видимо, также сильно потрепано, так как в течение трех дней оставалось на месте[2].

Между тем, в Хиве начался разброд. Узбекские феодалы, во главе с самим Ильбарс-ханом, заперлись в крепостях, туркмены продолжали военные действия в поле, но постепенно стали уходить в Куня-Ургенч, а оттуда на Балхан и Мангышлак. Ильбарс видел полную безнадежность пассивной обороны, хотя и пустил в ход древний военный прием хорезмийцев — затопил часть страны водами Аму-Дарьи. Пытаясь задержать движение войск Надир-шаха на север, он вывел в поле узбекские войска и тех туркмен, что еще оставались с ним, но был снова разбит и вынужден укрыться в крепости Ханках. Надир-шах энергично повел осаду с применением артиллерийской бомбардировки, брешированием стен и минных работ; крепость пала, и захваченный Ильбарс был казнен с 20 своими сподвижниками[3]. Затем была взята Хива, откуда ушли казахи во главе со своим ханом Абулхайром, провозглашенным после смерти Ильбарса ханом Хивы[4].

Надир-шах назначил нового правителя Хорезма и ушел обратно (через Мерв), причем освобожденных им из хивинского рабства пленников-иранцев поселил в Хивеабаде[5], в построенной по его приказу военной колонии в предгорьях

---

[1] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 160.

[2] Там же; Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 142—143.

[3] Мухаммед-Казим. Указ. соч., МИТТ, II, стр. 161—162; Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 143—145.

[4] Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740/41 г. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным географические известия, 1850, стр. 2.

[5] Мехди-хан Астрабадский, МИТТ, II, стр. 146; Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 166.

Копет-Дага[1]. Одновременно он забрал в свою конницу 4000 молодых узбекских воинов и потребовал, чтобы туркмены переселились в Астрабад и Хорасан. При этом, он не жалел щедрых обещаний по адресу последних, надеясь превратить их в союзников[2].

Туркмены попали в исключительно тяжелое положение. Льстивые слова Надир-шаха их не обманывали; они понимали, что переселение в Хорасан означает возвращение их под деспотическую власть Надир-шаха, означает гибель тысяч молодых туркмен в дальних походах, нищету и разорение для оставшихся. Поэтому они всячески тянули с переселением, но вынуждены были дать некоторое количество воинов, и вскоре туркменские отряды уже сражались на Ближнем Востоке. Попытка части туркмен укрыться на Мангышлаке оказалась неудачей — эта местность была слишком бедна ресурсами.

Русские источники сообщают, что осенью 1740 г. множество туркмен (якобы 300 тыс. кибиток, — число явно преувеличенное) из Балха, Бухары и даже Бадахшана двинулось на Мангышлак. Пришельцы первыми послали старейшин к калмыцкому хану, прося принять туркмен в подданство и выхлопотать у русского правительства посылку 4—5 судов с мукой, «ибо они люди не кочевые и обыкли к хлебу и где хлебных мест нет, там они жительства иметь не могут»[3]. По просьбе голодающих туркмен русское правительство выслало на Мангышлак корабль с мукой.

Надир-шах не смог ни покорить окончательно туркмен, ни добиться спокойствия на северной границе своего государства. В Хиве восстания и перевороты следовали один за другим[4]. Туркмены упорно не подчинялись ни одному из правителей Хорезма, поставленных Надиром; с 1743 г. начинаются открытые выступления туркмен, вскоре слившиеся в общее восстание, охватившее огромную область от Астрабада до Хорезма.

В самом Хорезме крупную роль играли салыры. В эту пору салырская знать, наряду с узбекской, владела землями в Хорезме и активно участвовала в движении 1741 г., когда был убит ставленник Надир-шаха Тахир-хан и фактически правителем Хорезма стал влиятельный мангытский феодал Артук-инак. Ему удалось добиться примирения с Надир-ша-

---

[1] Развалины крепости Хивеабад сохранились поныне в 18 *км* южнее пос. Каахка. Хивеабад прикрывал с севера Келат—главную резиденцию Надир-шаха.

[2] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 161.

[3] Красный архив, 1939, № 2, стр. 238.

[4] Н. И. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877.

хом, правда, ценой новых уступок. Ханом Хивы в 1742 г. был назначен сын Ильбарса, Абдуль Мухаммед, получивший имя Абулгази II, при котором Артук-инак занял место аталыка[1].

Тем временем иомуты, ушедшие из Хорезма в прикаспийские степи, бедствовали, не будучи в силах заниматься сельским хозяйством. С Мангышлака они ушли уже в 1741 г.[2], очевидно, в североатрекскую степь и на Балханы. Обеспокоенный Надир-шах[3] в 1743 г. дал распоряжение английскому авантюристу капитану Вудруфу «отыскать на берегу Балханского залива место, где можно было бы построить укрепление, которое держало бы в страхе туркменов». Вудруф, имея на борту корабля отряд иранских солдат, осмотрел остров «Cherrican» (Челекен), который, по его словам, у русских называли Naphtonia, т. е. Нефтяной, острова Idak (Огурчинский) и Deverish (т. е. нынешний полуостров Дервиш) и ряд других, высаживал небольшой отряд для осмотра Балханского берега, но места для крепости не нашел. По его словам, «...страна эта столь дика и пустынна, что только такой закаленный народ, как туркмены, могут жить здесь»[4].

В том же году иомуты вновь появляются в Хиве, куда их гнала нужда в земле. После ряда столкновений прибывших с узбекскими феодалами, между Артук-инаком и иомутскими старшинами было заключено соглашение, по которому иомуты получили район Куня-Ургенча, пахотные земли у Ак-Сарая и право пользоваться базаром в Новом Ургенче[5]. Из условий договора ясно, что иомуты нуждались в пахотных землях и в организованном обмене продуктов своего скотоводческого хозяйства на сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия оседлого населения Хорезма.

Вскоре в Хиве возникли новые усобицы. Хан Абулгази II, поддержанный иомутской и салырской знатью, убил главу узбекских феодалов — Артук-инака. Это случилось не позже 1744 г. Узбекские феодалы частью бежали в Арал, откуда начали нападение на Хиву, частью вошли в соглашение с вождями салыров. «Между предводителями салыров и иомутов, — пишет Мухаммед-Казим, — началась борьба за власть, а также за распределение земли и воды»[6]. Хорезм фактически отпал от государства Надир-шаха.

---

[1] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 160; Мунис, МИТТ, II, стр. 334.

[2] Красный архив, 1939, № 2, стр. 214.

[3] Он хотел переселить их в Астрабад, но в качестве покорных подданных; однако они держались независимо; недаром к иомутам бежали оппозиционные Надир-шаху вожди североиранских тюркских племен (например, каджаров).

[4] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 81—82.

[5] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 169.

[6] Там же, стр. 170.

Узнав об этом, Надир-шах немедленно отправил на Хорезм 6 тыс. воинов из Мерва и Герата с 10 пушками; но они не смогли добраться до Хорезма, так как были остановлены у Сукъяра (севернее Чарджоу) войсками иомутов[1].

В то же время поднялось восстание другой части иомутов в атреко-гюргенских степях. С иомутами объединились враждебные Надир-шаху каджарские и мазандеранские феодалы. Мазандеранские повстанцы были разбиты войсками Надир-шаха, но Мухаммед Хасан-хан, предводитель каджаров, с сильным войском иомутов и каджаров продолжал борьбу и на время захватил Астрабад и Мазандеран. Против него Надир-шахом было направлено большое войско, в которое входили воины из Абиверда, Нисы и Дуруна, а также гоклены, враждовавшие с иомутами из-за земли. Произошло жестокое сражение. Иомуты и каджары потерпели поражение и были вынуждены уйти на Гюрген, а оттуда на Мангышлак[2]. Значительная часть их, во главе с Мухаммед-Хасан-ханом каджаром и его родственником Бегенч-Али-беком, вождем гюргенских иомутов, оказалась позднее в Хорезме, где гюргенские иомуты приняли участие в борьбе хорезмских туркмен против тирании Надир-шаха.

Надир-шах, крайне встревоженный массовым восстанием туркмен, назначил своего племянника Али-Кули-хана сипах-саларом Хорасана, поручив ему подавить движение в Хорезме. Али-Кули-хан с 10 пушками и 16 тыс. воинов вступил в Мерв, где к нему присоединились войска из Южного Туркменистана, только что подавившие восстание иомутов на Гюргене; в Мерве же он получил еще 50 пушек и мортир. Все это огромное по среднеазиатским масштабам войско двинулось в Хорезм, присоединив по пути отряд, стоявший под Сукъяром[3]. Узбекские феодалы и салырская знать без боя подчинились Али-Кули-хану, но иомуты приготовились к отчаянному сопротивлению[4]. По Мухаммед-Казиму, иомуты были единственным племенем, участвовавшим в восстании, но хивинские[5] и русские[6] источники (последние на основании рассказов самих туркмен) говорят об активном участии чов-

---

[1] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 171.

[2] Там же, стр. 172—175; Мехди-хан Астрабадский, МИТТ II, стр. 148. Дата указана ошибочно—1746.; между тем, из рассказа ясно, что дело происходило до похода Али-Кули-хана на Хорезм в конце 1744 и начале 1745 г. (в июне 1745 г. капитан В. Копытовский уже слышал на Мангышлаке рассказы о походе Али-Кули-хана).

[3] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 176—177.

[4] Там же, стр. 177.

[5] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 334.

[6] Красный архив, 1939, № 2, стр. 241—242.

дуров и текинцев, а также некоторых мелких племен, как например, арабачи.

Восставшие имели 6—7 тыс. всадников и 2—3 тыс. пеших мергенов (стрелков)[1]. Для борьбы с войском Али-Кули-хана, располагавшего 30—40 тыс. воинов и 60 орудиями, этого было явно недостаточно. Поэтому иомутские вожди Мухаммед-Али-Ошак и Бегенч-Али решили заблаговременно отправить семьи, стада и имущество вглубь степи, а самим налегке, без обоза, сразиться с неприятелем.

Узнав об откочевке туркмен вглубь степей, Али-Кули-хан выслал 8 тыс. отборных воинов для того, чтобы захватить их семьи и стада. Иранский отряд, ядро которого составляли воины из Мерва, Атека и Андхоя, бросился вслед за иомутами. Первая стычка произошла у Ак-Сарая, где иранские войска встретились с иомутским караулом. Туркмены завязали с захватчиками легкую стычку и быстро умчались в пески, пользуясь быстротой своих коней. Затем произошло столкновение главных сил.

Не сумев сломить стойкого сопротивления мервских пеших мушкетеров и спешенных лучников, туркмены были вынуждены прекратить атаки и отойти. На следующий день иранская конница преследовала их, но в лесных и камышовых зарослях Кизыл-Дага большинство иомутов успело уйти от преследования и увести семьи и стада; лишь часть их была настигнута и захвачена грабителями[2].

Часть туркмен, участвовавших в восстании, вынуждена была покориться и по приказу Али-Кули-хана переселена в район Чарджоу. Но теке и иомуты ушли частью на Мангышлак, а главным образом на Балханы. От них требовали 400 всадников в войско Надир-шаха и переселения в Хорасан; туркмены были вынуждены дать воинов, но от переселения в Хорасан опять уклонились[3]. Они вновь обратились с просьбой о помощи к русскому правительству, и в 1745 г. на Мангышлак опять был прислан корабль с мукой[4]. Его командир, капитан В. Копытовский, завязал торговлю с мангышлакскими туркменами, восторженно встретившими корабль; только некоторые из туркменских старшин, являвшихся агентами Хивы (т. е. Надир-шаха), пытались сорвать торговлю, но их провокации не имели успеха и встретили резкое осуждение большинства туркмен. Укоряя Мамед-Берды-бека (сторонника Хивы, получившего от хивинского хана звание бека), туркмены говорили ему: «...а ты де от ково доволен, де и все

---

[1] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 177.
[2] Там же, стр. 177, 180.
[3] Красный архив, 1939, № 2, стр. 242.
[4] Там же, стр. 239.

мы от русских людей довольны, ежели бы они де к нам не присылали муки, то бы отколя себе получили... как русские сюда муки когда не приваживали, то ряди бы тогда отдать за один куль лошадь, да негде было взять, а когда к нам более будут возить, то мы против прежнего будем здесь все вкупе»[1]. Часть туркмен сумела пробраться к русским границам и перешла в русское подданство[2]. Другие сосредоточившись на восточном побережье Каспийского моря, просили также принять их в русское подданство, чаще привозить муку и построить крепость, где был бы русский гарнизон[3], способный ликвидировать попытки враждебных соседей подчинить себе эти туркменские районы. Подыскание места для постройки крепости было одной из задач В. Копытовского, но найти подходящее место, обеспеченное пресной водой, ему не удалось. Несмотря на то, что прикаспийские туркмены в середине XVIII в. еще не были приняты в русское подданство, их не удалось покорить и Надир-шаху.

Безнадежно тяжелым было положение части туркмен, уже покоренных Надир-шахом, которые в основном были связаны с оседлым земледельческим хозяйством и потому не имели возможности откочевать в степь. Этот кровавый деспот год от года увеличивал налоговый гнет, лежавший на населении. Сбор налогов сопровождался зверскими жестокостями. За неисправное представление налоговых сумм Надир-шах приказывал выкалывать глаза и рубить головы сборщикам налогов, а из отрубленных голов складывать башни[4]. Устрашенные этим, чиновники еще более свирепо выжимали налоги из разоренных крестьян, десятками тысяч бросая их в тюрьмы и подвергая истязаниям[5]. На Мервский оазис, например, в 1747 г. был наложен налог в 850 тыс. туманов, что, по словам мервского везира Мухаммед-Казима, для мервцев было совершенно невыполнимо. Так разрушалась экономическая база страны — крестьянское хозяйство.

Горестное положение народа под властью Надир-шаха породило гневные стихи его современника — туркменского поэта Азади, обличавшего произвол шаха и разорение народа:

Знай, о шах! Произвол и гнева гнет
Плодородие по всей земле убьет.
Нивы никнут, гибнут сады долин,
Сохнут от злобы твоей, господин.
И бедный народ — да услышит бог!
От злобы шаха, как песок, иссох.

---

[1] Красный архив, 1939, № 2, стр. 239.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 241.
[4] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 183—184.
[5] М. С. Иванов. Очерк истории Ирана, стр. 102.

Азади резко осуждает тяжкий налоговый гнет, разоряющий население, и метко сравнивает шаха с «царем-дураком», рубящим сук, на котором он сам сидит. Поэт гневно восклицает:

Если прихоть шаха для всех закон,
Знайте все, тот шах рассудка лишен!

Он грозит тирану:

О шах, коль вокруг тебя стон и плач,
Как нить, твою жизнь оборвет палач.

Азади нигде не называет Надир-шаха по имени, но его стихи слишком метко поражают надировские порядки, чтобы не быть непонятыми современниками.

Азади был достаточно осторожен и грозил тирану только божьей карой. Но измученное население лоскутной империи Надир-шаха повсюду поднималось на вооруженную борьбу[1]. В Фарсе, Хорасане и других областях Ирана вспыхивали восстания. Еще более широко развертывалось освободительное движение среди покоренных Надир-шахом неиранских народностей. Героическая борьба хорезмских и прикаспийских туркмен перекликалась с освободительным движением лезгин и дагестанцев, отразивших ряд грабительских походов Надир-шаха на их страну. Если вспышку восстаний в 1743—1744 гг. Надир-шаху удалось временно подавить, то в 1746—1747 гг. они начались снова, причем еще с большей силой. В Сеистане, Кермане и Мерве началось широкое народное движение, вызванное непомерными налогами. К восстанию присоединилась и часть феодалов, например, сипахсалар Хорасана Али-Кули-хан[2] и беглербеги Мерва Шах-Кули-хан[3]. Кровавой власти Надир-шаха явно приходил конец.

Несмотря на это, Надир-шах подготовлял новые грабительские походы. Еще в 1744 г., замыслив поход на Китай, он приказал начать сосредоточение в Мерве артиллерии и боеприпасов. В Мерв была направлена большая группа мастеров, которые должны были организовать там литье пушек и снарядов. Специальные сборщики металла отбирали у населения Хорасана чугун, медь и олово; жители Гарчистана доставляли фисташковый уголь. В Мерве ежедневно производились учения артиллеристов, саперов и минеров (стрельба из пушек и мортир, подкопы, подрывные работы). Мервский арсенал был переполнен порохом и ядрами, счесть которые, по словам Мухаммеда-Казима, ведавшего этим делом, было совершенно невозможно[4]. Все эти приготовления, стоившие огромных денег, новой тяжестью легли на плечи населения.

---

[1] М. С. Иванов. Указ. соч., стр. 102—103.
[2] Там же, стр. 105.
[3] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 185—188.
[4] Там же, стр. 167—168, 182.

В 1747 г. вся империя Надир-шаха кипела от непрекращавшихся народных восстаний. В Бухаре произошло восстание племени кытай, для подавления которого пришлось двинуть войска из Южного Туркменистана; восстание, начавшееся в Мерве, удалось быстро подавить, но поднялись жители верхнего течения Мургаба[1]. В прикаспийских степях по-прежнему держался Мухаммед-Хасан-хан Каджар, опиравшийся на непокорных иомутов. Надир-шах тщетно приказывал складывать башни из голов повстанцев, волнения не прекращались, заговоры росли один за другим. Убедившись в неспособности Надир-шаха справиться с народными движениями, от него стали отходить даже многие из поддерживавших его в прошлом феодалов. Он потерял голову от подозрительности и ярости, казнил одного за другим своих приближенных и военачальников, не щадя даже родственников[2]. Наконец, он дал приказ перебить целую группу своих сановников и придворных, но те нанесли удар раньше — в июне 1747 г. Надир-шах был ночью убит в своем лагере афшарскими военачальниками.

г) Южный Туркменистан во второй половине XVIII в.

Смерть Надир-шаха ускорила развал его империи. В Иране началась ожесточенная междоусобная война между многочисленными претендентами на престол, в которой вскоре особенно выдвинулись вожди полукочевых племен — зендов в Южном Иране и каджаров в Северо-Западном Иране. Хорасан до конца XVIII в. формально оставался под властью потомков Надир-шаха, но фактически распался на множество мелких феодальных владений. Туркмены, — в первую очередь теке, салыры, сарыки, — хлынули сюда из северных степей, добиваясь возможности захватить пахотные земли и заняться земледельческим трудом (не порывая, конечно, со скотоводством).

Во второй половине XVIII в. в Южном Туркменистане развернулись крупные события, связанные в основном с борьбой туркменских племен за землю, пригодную для ведения земледельческого хозяйства — за предгорья Копет-Дага, низовья Мургаба и Теджена. К сожалению, эти события очень мало отражены в исторических источниках: у самих туркмен в эту пору исторической литературы не было, а сосед-

---

[1] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 184.

[2] Еще раньше он приказал ослепить своего старшего сына Риза-кули мирзу.

ние государства — Иран, Хива и Бухара — были охвачены феодальными смутами, значительно снизившими уровень средневосточной исторической литературы, и без того невысокий в XVIII.

Уже в 1747 г. против иранского ига восстали приамударьинские туркмены — эрсары и сарыки, жившие между Чарджоу и Керки. Иранским войскам, отступавшим из Бухары после смерти Надир-шаха, пришлось бросить пушки и уходить вверх по правому берегу Аму-Дарьи, так как 30 тыс. туркменских всадников преградили им путь у Чарджоу[1].

Побережье Аму-Дарьи от Чарджоу до Керки и несколько выше осталось в руках эрсари[2]. Формально эти земли принадлежали Бухаре, но власть эмиров не была здесь значительной. Каждый эрсаринский род имел свою крепость, порой снабженную артиллерией.

Такова, например, крепость Ходжа-Идат-Кала, в 4 *км* севернее Карабекаула. Ее цитадель имеет несколько пушечных и фальконетных бойниц, много фальконетных бойниц разбросано и по стенам. Близки к ней Аджи-Кала и Ак-Дери-Кала, севернее Халача и многие другие крепости[3]. Они могли быть серьезной опорой не только против набегов афганцев и других внешних врагов, но и против бухарских войск. Однако феодально-родовая знать эрсари не склонна была враждовать с Бухарой. Некоторые из эрсаринских вождей и представителей суфийского духовенства — ишанов, пользовавшихся у туркмен особенным влиянием, достигали высокого положения в Бухаре. Среди них следует назвать Рустам-бека, вождя племени кара, который в середине XVIII в. был правителем города Керки[4], и особенно халифэ Нияз-кули, советника эмира Шах-Мурада. Эрсаринские и сарыкские беки, не порывая патриархальных связей, на которых формально основывалась их власть над родными племенами, все теснее сближались с феодальным классом Бухары, получали бухарские придворные звания — дадха, эшикагасы и т. п.[5] Туркменская конница прикрывала бухарскую границу и по указанию бухарских властей совершала набеги на соседние владения. Нет сомнения, что эрсари и присоединившиеся к ним мелкие племена— сакар, олам, баят, арабачи и др. — вели во второй половине XVIII в. в основном земледельческое хозяйство[6], хотя часть их оставалась кочевниками-скотоводами. Они жили на землях эмира и платили ему харадж. Об их общественном строе

---

[1] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 189—190.
[2] Сарыки позднее ушли в Мерв.
[3] Обследованы А. А. Росляковым в июне 1949 г.
[4] Мухаммед-Казим, МИТТ, II, стр. 191.
[5] Там же, стр. 189.
[6] Как и в XIX в.

во второй половине XVIII в. до нас почти не дошло известий, но, видимо, у них быстрым темпом шел процесс феодализации, что обусловило обострение классовых противоречий и подготовило ряд восстаний в начале XIX в.

Основную ячейку эрсаринского общества составляла большая патриархальная семья[1]. Богатые байские семьи строили громадные укрепленные ховлы (усадьбы) с толстыми глинобитными стенами высотой до 5—6 *м*, с боевыми башнями по углам и бойницами над воротами, в то время как беднота ютилась в жалких мазанках, кибитках и шалашах. Трудящиеся эрсаринцы попадали под двойной гнет «своей» знати и бухарского правительства. Вместе с тем у приамударьинских туркмен не только в XVIII в., но и в XIX в. сохранялось много элементов патриархальных отношений: родо-племенная организация, родо-племенное владение землей, кровная месть и т. п.

Мургабский оазис и прикопетдагские районы с 1747 по 1796 г. входили, как уже говорилось, во владение потомков Надир-шаха, но фактически здесь хозяйничали мелкие феодалы и вожди кочевых и полукочевых племен. Сюда, главным образом, и двинулись северные туркменские племена: теке, салыры и сарыки, тесня, подчиняя и ассимилируя старое население — оседлые южно-туркменские племена (алили, емрели, карадашлы), ослабевшие в результате покорения их Надир-шахом, а также курдов, афшаров, остатки древнего таджико-хорасанского населения (предки нынешних туркменских племен анаули, мехинли, мурчали и других). Этот процесс, строго говоря, затянулся вплоть до последней четверти XIX в., но уже к концу XVIII в. территория Южного Туркменистана приняла в основном тот облик, который она имела к моменту присоединения Туркменистана к России.

Мервский оазис, богатейший в Южном Туркменистане, принадлежал во второй половине XVIII в. каджарским ханам, превратившимся из наместников в фактически независимых государей. В самом Мерве жили каджары и хорасанские крестьяне, переселенные сюда Надир-шахом. В окрестностях города жило много туркмен из племени салыр. Очевидно, они появились здесь вскоре после смерти Надир-шаха, так как каджарские правители Мерва очень рано вступили в дружеские отношения и даже породнились с салырской знатью. Наиболее крупный правитель Мерва, Байрам-Али-хан, погибший в 1785 г., происходил от смешанного брака: отцом его был каджар, а матерью туркменка из племени салыр[2].

---

[1] Использованы результаты обследований А. А. Рослякова в 1949 г. в Карабекаульском и Халачском районах.

[2] Мир Абдул-Керим Бухарский, МИТТ, II, стр. 197.

Таким образом, население Мургабского оазиса было во второй половине XVIII в. неоднородным.

Во второй половине XVIII в. Мерв был не только крупным феодальным владением, но и важным торговым центром. Торговец Габайдулла Амиров, посетивший Мерв в 90-х годах XVIII в., писал: «...сюда приезжают для торговли индейцы, персияне, бухарцы и хивинцы. Она производится без малейшего притеснения; товары, кроме обыкновенных азиатских, доходят сюда частью и российские... Торгуют в Мавре (т. е. в Мерве—*ред.*) в трех караван-сараях, построенных из кирпича. Пошлина берется так называемая сорокавластительная по две с половиной копейки с рубля» [1]. Свое торговое значение Мерв сохранил и позднее, хотя бесконечные войны затрудняли торговлю и сокращали товарооборот. Независимое существование Мерва было возможно лишь в обстановке феодальной анархии, царившей на Среднем Востоке в середине XVIII в. Но во второй половине XVIII в. быстро усиливаются и крепнут Бухара и Афганистан, между которыми вскоре начинается соперничество за Мерв.

В Бухаре вскоре после смерти Надир-шаха власть захватил аталык Мухаммед-Рахим из племени мангыт. Он убил хана Абул-Фейза и провозгласил себя эмиром Бухары. После смерти Мухаммед-Рахима правителем стал его дядя Даниял-бий (1758—1785 гг.), сумевший несколько ослабить сепаратизм вождей узбекских племен. Он опирался на наемное войско, в котором служило много русских пленных. Бухарское ханство значительно окрепло в годы правления сына Даниял-бия, Шах-Мурада (1785—1800 гг.). При нем Бухара начала понемногу выходить из тяжелого кризиса XVIII в. — расширялась ирригационная сеть, росла торговля. Но политическая власть оставалась в руках узбекской феодально-родовой знати и фанатичного суфийского духовенства, ревностным поклонником которого был сам эмир Шах-Мурад.

В Афганистане в 1747 г. Ахмед-шах из ханского рода племени абдали, бывший начальник конницы Надир-шаха, основал большое самостоятельное государство. Его владения подошли вплотную к земле туркмен. При его сыне Тимур-шахе (1773—1793 гг.) завязались ожесточенные войны с Бухарой из-за Мерва и Балха, окончившиеся установлением границы по Аму-Дарье.

Борьба за Мерв началась в 1780 г. Но первый поход бухарских войск, в котором участвовало 2000 всадников, окон-

---

[1] В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, СПб., 1894, стр. 92—93.

чился неудачей[1]. Впоследствии военные действия свелись к набегам на Мерв бухарских отрядов, а особенно приамударьинских туркмен[2]. Лишь в 1785 г. бухарский эмир Шах-Мурад предпринял с 6000 воинами решительный поход на Мерв. Ему удалось заманить в засаду и убить Байрам-Али-хана, но при попытке захватить город он вновь потерпел поражение. Жители города, возглавленные матерью Байрам-Али-хана, отбили нападение бухарцев, которые вынуждены были ограничиться грабежом окрестностей[3].

Среди горожан Мерва начались раздоры. Правивший городом сын Байрам-Али-хана обратился за помощью к Тимур-шаху афганскому, и в Мерв пришло афганское войско[4]. Но еще до его прихода Шах-Мураду удалось, благодаря измене одного из мервских военачальников, захватить крепость, охранявшую мервскую плотину. Бухарское войско отобрало у окрестного туркменского населения топоры и лопаты и разрушило плотину, обрекая Мерв на неурожай и голод[5]. Кроме того, афганский военачальник из-за личных раздоров с сыном Байрам-Али-хана увел из Мерва свои войска и часть населения города. После ухода афганского войска Мерв подчинился эмиру бухарскому, причем большая часть иранского населения была уведена в Бухару и Самарканд[6]. К началу XIX в. Мерв оказался под управлением бухарского наместника с небольшим военным отрядом; большинство населения составляли туркмены, однако уже не салыры, ушедшие в Серахс и Иолотань, а пришедшие с Аму-Дарьи теке и сарыки, союзники и подданные эмира бухарского. Так весь Мургабский оазис перешел в руки туркмен, осевших на его плодородных землях. О социальном строе этой группировки туркмен в XVIII в. данных почти нет, но в самом начале XIX в. и здесь туркменские вожди носили бухарские феодальные звания, например, звание тархана[7].

Во второй половине XVIII в. возобновилось движение текинцев в Прикопетдагскую полосу. Основной причиной этого движения было стремление захватить землю, пригодную для хлебопашества, в которой остро нуждались текинцы, временно ушедшие от тирании Надир-шаха в Балханские горы, в

---

[1] Филипп Ефремов. Девятилетнее странствование. М., 1952, стр. 23. Сравн. Мир Абдул-Керим Бухарский, МИТТ, II, стр. 197.

[2] Мир Абдул-Керим Бухарский, МИТТ, II, стр. 197.

[3] Там же, стр. 197—198. Сравн. А. Борнс. Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849, стр. 53—54.

[4] Мир Абдул-Керим Бухарский, МИТТ, II, стр. 199.

[5] В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, стр. 88—89.

[6] Мир Абдул-Керим Бухарский, МИТТ, II, стр. 200—201.

[7] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 378.

Хиву, а частью оказавшиеся на средней Аму-Дарье (ниже Чарджоу).

Но все удобные земли Ахала и Атека были заняты туркменскими племенами алили, емрели и другими, более мелкими, а также курдами и афшарами. Первоначально, по преданию[1], текинцы обратились к емрелинской знати с просьбой отвести им часть земли для поселения; но емрелинский хан Искандер, правивший Дуруном, по решению маслахата (совета знати) поставил текинским послам тяжелые условия: емрелинская знать соглашалась пустить текинцев в Ахал в том случае, если последние расселятся мелкими группами по емрелинским аулам. Практически это означало бы уничтожение текинской группировки, как самостоятельной политической силы, превращение текинцев в «гельмишеков» — полузависимых присельников, вынужденных подчиняться знати господствующего племени.

Текинцы отказались принять эти условия и началась война. Захватив вначале землю на краю песков[2], текинцы впоследствии заняли весь Ахал.

Завоевание Ахала текинцами в основном завершилось к концу XVIII в., хотя отдельные столкновения продолжались вплоть до 60-х годов XIX в. Прежде всего текинцы захватили Кизыл-Арват, ставший базой их наступления на Ахал. Затем, после ряда взаимных набегов и стычек, они вытеснили емрели из Геок-Тепе и Дуруна[3]. Емрелинцы были вынуждены частью уйти в горы, где они смешались с нохурли[4], частью переселиться в Хорезм[5]. Правда остатки емрели держались в городках Ахала еще и в начале XIX в.[6], но это племя навсегда потеряло политическое влияние. Позднее наступила очередь племени алили, которое также было вытеснено из современного Ашхабадского района и ушло частью в Атек, частью в Северный Афганистан. Курды были оттеснены в горы, мелкие племена (анаули, мехинли, мурчали, сунчали, махтумы) большей частью остались жить на старых местах[7], но вынуждены были уступить часть земли и воды текинцам и даже платить им дань.

---

[1] Анонимная рукопись, принадлежащая проф. М. Н. Хыдырову. Она и дает наиболее подробное описание завоевания Ахала текинцами.

[2] На краю песков расположены такие текинские поселения конца XVIII в., как Куня-Ахал, Кумбет-Яйли, Кара-Сенгир, Бейвенче-Кале и др.

[3] Анонимная рукопись, принадлежащая проф. М. Н. Хыдырову.

[4] Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. КС Ин-та этнографии, вып. VI.

[5] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 355.

[6] Мирза Мухаммед Таги-хан. Насих-ут-таварих. МИТТ, II, стр. 221.

[7] Мехинли, впрочем, позднее также большей частью ушли в Атек.

Успех текинского наступления на Ахал был обусловлен не только сплоченностью текинцев, крайне нуждавшихся в земле и поэтому отчаянно сражавшихся, но и острыми классовыми противоречиями в самом Ахале и царившей в нем феодальной раздробленностью. Текинцы нигде не встречали объединенных сил врага — борьба за Ахал распалась на множество самостоятельных операций против отдельных феодальных владетелей. Громя их поодиночке, текинцы в конце концов овладели областью. При этом закабаленное крестьянство Ахала иногда вступало с текинцами в прямой союз против местных феодалов. Так произошло, например, во время захвата текинцами Нисы (уже в начале XIX в.), куда их пригласили махтумы, не выдержавшие притеснений и произвола феодального владетеля Нисы — Джафар-хана[1].

Различия между текинцами и старым населением Ахала были весьма значительны. В то время как старое население— карадашлы, емрели, алили, не говоря уже об остатках таджико-хорасанского населения, — издавна было оседлым и в течение ряда столетий прочно входило в состав феодальных государств Среднего Востока, текинцы до завоевания Ахала были кочевыми и полукочевыми скотоводами, лишь в малой степени занимавшимися земледелием и почти незнакомыми с городской культурой.

Захват и заселение Ахала текинцами не могли не вызвать серьезных изменений в хозяйственном и общественном строе как местного населения, так и самих завоевателей.

С одной стороны, началось массовое оседание текинцев. Каждая их группировка, захватившая какое-либо селение, делила между собой завоеванную землю, и не порывая окончательно со скотоводством, начинала заниматься земледелием. Земля делилась в разных селах (оба) по-разному. Иногда участки переходили в частные владения (мюльк) семейств, участвовавших в завоеваниях[2]. В других случаях все село образовывало общину (санашик) с ежегодными переделами земли и воды[3]. При этом земельно-водный пай (су) получал каждый боеспособный мужчина. Однако первоначальное равенство наделов быстро исчезало. Уже в начале XIX в. у текинцев существовала крупная земельная собственность[4]. Это означало дальнейшее развитие феодальных отношений (в ка-

---

[1] М. Е. Массон. Городища Нисы в ауле Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 92.

[2] Например, в Кеши.

[3] Например, в Безмеине (Материалы по землепользованию в Закаспийской области, собранные и изданные по приказанию нач. закасп. обл. ген-лейтен. Д. И. Субботича, Асхабад, 1903, стр. 10.

[4] Мурад-Сердар получил от Беглер-хана источник Гяур и орошаемые им земли; Субботич. Материалы по землепользованию, стр. 10.

кой-то мере, конечно, существовавших у текинцев и до их прихода в Ахал) за счет вытеснения родо-племенных пережитков. С другой стороны, оставшееся в Ахале местное население сближалось и перемешивалось с текинцами, хотя сохранявшаяся у них родо-племенная организация и другие патриархально-родовые пережитки значительно затрудняли это сближение.

Старая феодальная знать была истреблена или бежала. Многие укрепленные городки и замки — твердыни феодальных хищников—оказались заброшенными. Лишь некоторые из них (например, Анау, Мурча и некоторые другие) продолжали существовать и в XIX в. На смену прежним поселениям пришли текинские села, где среди текинских дайхан группами или отдельными семьями жили остатки старого населения Ахала — крестьяне и ремесленники. Они были свободны и обычно не платили налогов, хотя текинцы смотрели на них свысока[1]. Постепенно в этих селах стали вырастать укрепленные усадьбы текинских баев[2], начавших исподволь сосредоточивать в своих руках землю и воду и эксплуатировать обедневших соседей и сородичей.

В результате текинского завоевания в Ахале установились патриархально-феодальные отношения. С другой стороны, ослабление нестерпимого феодального гнета и произвола создавало возможности для более успешного развития производительных сил, освоения новых посевных площадей и т.п. Более прочно феодальные порядки держались в Атеке, где еще и в XIX в. сохранялся ряд крепостей, принадлежавших афшарским феодалам[3]. Но и в Атек в XVIII в. стали проникать текинцы, не говоря уже об алили, обосновавшихся в городе Абиверде.

Таким образом, во второй половине XVIII в. во всем Южном Туркменистане отмечалась победа патриархально-феодальных отношений, что было связано с упадком средневосточных феодальных государств в XVIII в., с новым массовым движением на юг кочевых и полукочевых северотуркменских племен, воспользовавшихся этим кризисом, и оседанием их в прикопетдагских районах (Ахал и Атек) и в низовьях Мургаба и Теджена, как ранее это было на среднем течении Аму-Дарьи.

В туркменском патриархально-феодальном обществе кипела ожесточенная классовая борьба между эксплуататорской феодально-родовой знатью и ростовщиками, с одной стороны, и

---

[1] Это выражалось, например, в том, что текинских девушек неохотно выдавали или вовсе не выдавали замуж за мурчали, алили и курдов.

[2] Например, Ак-Кала и Арчин-Кала в Кеши.

[3] См., например, Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 385—387.

массой туркменских трудящихся—скотоводов, земледельцев, ремесленников— с другой. Беднота, составлявшая большинство населения, все более нищала, теряла скот и землю, переходила на положение издольщиков и наемных пастухов. Самый забитый и угнетенный слой общества составляли рабы (кулы), обычно военнопленные иранцы.

До нас не дошли документы, говорящие о классовой борьбе в Южном Туркменистане во второй половине XVIII в. Молчат о ней и авторы немногочисленных исторических сочинений того времени.

Крайнее обострение социальных противоречий в Южном Туркменистане во второй половине XVIII в. нашло яркое выражение в туркменской литературе и, прежде всего, в творчестве крупнейшего туркменского поэта Махтумкули. Его стихи полны гневом и ненавистью к богачам-стяжателям, глубоким сочувствием к беднякам[1]. Яркими, сильными чертами рисует он суровую и беспокойную жизнь туркменского народа в XVIII в.

Грабеж да бедность... И, греша,
Ожесточается душа;
И ветер, яростью дыша,
Огнем проходит над степями...
Ворует вор, богач берет,
Забит и нищ простой народ;
С живого шкуру бай дерет,
И сладу нет с ростовщиками[2].

Временное ослабление Ирана и Бухары во второй половине XVIII в. создало благоприятные условия для объединения туркменских племен. Но господство отсталых полупатриархальных — полуфеодальных отношений, вытекающая из них родо-племенная разобщенность и эгоистическая, близорукая политика феодально-родовой знати помешали осуществиться этому объединению, к которому уже тогда призывали лучшие представители туркменского народа и в первую очередь Махтумкули[3].

Положение южных туркмен резко ухудшилось в конце XVIII в. Как уже говорилось, окрепла и усилилась Бухара. В Иране к власти пришел вождь каджаров Ага-Мухаммед-шах, основатель каджарской династии. Окрепшие Иран и Бухара возобновили наступление на туркменские земли.

В то время, когда туркменские племена должны были сплотиться против общего врага, часть знати открыто переш-

---

[1] Стихотворения «Страшный суд», «Бедняк» и др.
[2] Антология туркменской поэзии, М., 1949, стр. 94.
[3] Стихотворения «Будущее Туркмении», «В один поток» и др.

ла на сторону захватчиков. Предводители среднеамударьинских туркмен по указанию Бухары организовывали набеги на Мерв[1], один из иомутских (атабайских) феодально-родовых вождей, Ходжам-Берды-хан[2], стал сподвижником свирепого каджарского шаха Ага-Мухаммеда и участвовал в его грабительских походах[3]. Предательская политика знати, охотно вступившей в союз с врагами, чтобы надежнее подчинить свой народ, вновь открыла врагу путь в туркменские земли.

д) Северный Туркменистан во второй половине XVIII в.

Степи и пустыни Северного и Западного Туркменистана, Усть-Урт и Мангышлак во второй половине XVIII в. были, как и прежде, заселены туркменскими кочевыми племенами, особенно иомутами и човдурами. Основным занятием населения здесь продолжало оставаться скотоводство[4], но оно сочеталось с другими видами занятий. Повсеместно туркмены занимались охотой[5]; на берегу Каспийского моря важную роль играло рыболовство[6], прибрежные туркмены имели лодки, в т. ч. парусные. Широкое распространение имели некоторые виды домашнего ремесла[7], связанные со скотоводческим хозяйством: валяние кошм, выделка грубых шерстяных тканей, ковров. Кое-где существовали и горные промыслы. На Челекене туркмены добывали нефть, серу, соль, озокерит[8] и приготовляли из растений черную краску[9]. В 1782 г. здесь было около 20 нефтяных колодцев, из которых добывалось до 4000 пудов нефти в год[10]. Челекенские туркмены (огурджали) вели широкую торговлю нефтью и другими продуктами[11]. Природные условия почти не позволяли заниматься земледелием и местное население остро нуждалось в хлебе[12]. Хозяйство носило в основном натуральный характер, но постепенно рас-

---

[1] Мир Абдул-Керим Бухарский, МИТТ, II, стр. 197.

[2] Ему посвящен роман туркменского писателя военно-феодального направления Шабенде; см. так же МИТТ, II, стр. 302, где он назван Ходжант-Верды.

[3] Иомутская знать, как уже говорилось, давно была в дружеских и даже родственных отношениях с каджарскими феодалами.

[4] См., например, Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 90.

[5] Красный архив, 1939, № 2, стр. 224.

[6] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 84.

[7] Там же, стр. 90; Красный архив, 1939, № 2, стр. 224.

[8] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 89.

[9] Там же, стр. 85.

[10] Там же, стр. 89.

[11] Б. А. Литвинский. К истории добычи полезных ископаемых на Челекене. Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 86.

[12] Красный архив, 1939, № 2, стр. 232, 242 и др.

ширялась торговля туркмен с Хивой и Россией. Русские привозили сюда пшеничную муку, чугунные котлы, деревянную посуду и выменивали эти товары на кошмы, масло, овчину, рыбу и т. п.[1] В Хиве туркмены покупали ткани[2], хлеб и оружие. По сообщениям русских путешественников, в сношениях туркмен с Хивой важную роль играла работорговля[3].

Отсталость хозяйства обусловила прочное сохранение архаических полупатриархальных-полуфеодальных отношений в общественном строе и в быту. Основой общественной организации кочевников-туркмен в XVIII в. был небольшой аул, состоявший из нескольких кибиток[4]. Во главе аула стоял аксакал (старшина)[5]. Население аула состояло обычно из близких родственников, но иногда в состав аула входили чужаки[6], обычно беднота, искавшая защиты и покровительства. Жизнь этих бесправных пришельцев (гельмишек) была тяжелой и безрадостной. Аулы объединялись по родовому признаку[7]; во главе таких объединений, насчитывавших иногда несколько сотен кибиток[8], стояли «главные старшины» (по терминологии русских путешественников)[9] обычно именовавшиеся беками, но иногда носившие звания онбеги, бахши, батыров[10], а иногда даже султанов[11]. Часто беки передавали свое звание по наследству[12]. Русские авторы XVIII в. отмечают имущественное и социальное неравенство среди туркмен[13]; главное богатство знати составлял скот[14].

Туркмены имели рабов-военнопленных, но чаще продавали их, чем использовали в своем хозяйстве[15].

В начале XVIII в. туркмены Мангышлака и Северного Усть-Урта подчинялись калмыцким тайшам, но позднее калмыки были оттеснены казахами на запад и их связи с туркменами прервались. Воспользовавшись межродовыми усобицами у туркмен Мангышлака, казахская феодально-родовая знать стала теснить их и беспокоить набегами, в результате чего

---

[1] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 90.
[2] Красный архив, 1939, № 2, стр. 229.
[3] Там же, стр. 227, 229.
[4] Там же, стр. 213.
[5] В данном случае аксакал был, очевидно, главой патронимии.
[6] Красный архив, 1939, № 2, стр. 214.
[7] Там же, стр. 220, 229.
[8] Там же, стр. 229.
[9] Там же, стр. 216.
[10] Там же, стр. 212, 216, 226, 250.
[11] Там же, стр. 219.
[12] Р. Карутц. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. Перев. Е. Петров, стр. 23.
[13] Красный архив, 1939, № 2, стр. 217—218, 221.
[14] Там же, стр. 218.
[15] Там же, стр. 227, 229, 242.

количество туркмен на Мангышлаке стало убывать уже в 30—40-е годы XVIII в. В дальнейшем казахские ханы попытались полностью подчинить себе туркмен Мангышлака. Казахи превосходили туркмен числом, но туркмены были лучше вооружены. После ряда войн и сражений 60-х годов, шедших с переменным успехом, в 1767 г. казахский хан Нурали заставил мангышлакских туркмен признать его власть, а в конце 70-х годов на Мангышлаке утвердился его сын Пирали в качестве «хана туркмен». Пирали добивался у Екатерины II официального признания его ханом туркмен, принятия в подданство и выплаты жалования, но получил уклончивый ответ, так как Екатерина II считала, что «... настоящее его туркменское ханство еще отнюдь ненадежно»[1].

Туркменское население побережья Каспийского моря, Усть-Урта и Кара-Кумов являлось наиболее отсталой частью туркменского народа. Но во второй половине XVIII в. оно составляло меньшинство[2] — большая часть туркмен в середине XVIII в. ушла в Хорезм и в оазисы Южного Туркменистана, где было возможно земледельческое хозяйство. Рычков в своей Оренбургской топографии писал, что туркмены «...лошадьми, верблюдами, рогатым скотом и овцами достаточны; некоторые из них имеют и хлебопашество, сеют пшеницу и просо, а больше промышляют торгом в Персию, в Хиву, в Бухару, в Балх и в Бадахшан и находятся между ними купцы гораздо неубогие»[3]. Следует отметить, что Рычков — добросовестный и осведомленный автор — все же лучше знал северных туркмен кочевников, чем полуоседлых и оседлых туркмен юга; в действительности роль земледелия в хозяйстве туркмен была еще выше, чем это можно заключить из его слов, и борьба за земли, пригодные для хлебопашества, играла чрезвычайно важную роль в их политической истории во второй половине XVIII в.

Борьба за землю и воду лежала в основе междоусобных войн, развернувшихся в Хивинском ханстве во второй половине XVIII в. Уже в 40-х годах значительная часть туркмен, ушедших из Хивы в прикаспийские степи во время походов Надир-шаха, вынуждена была вернуться обратно. Вернулась под иранское ярмо главным образом беднота, остро нуждавшаяся в земле, а богатая скотом знать отсиживалась в сте-

---

[1] Красный архив, 1939, № 2, стр. 253.

[2] Там же, стр. 220, 229. Лишь во время иранских походов 1740 и 1745 гг. на Мангышлак стекалось множество туркмен (там же, стр. 214, 237).

[3] П. Рычков. Топография Оренбургская, т. I, СПб., 1762, стр 15.

тях[1]. Но после смерти Надир-шаха иомуты, воспользовавшись усобицей между узбекскими племенами мангыт и конграт, завязавшейся в Хиве при хане Каипе, сделали попытку захватить землю и власть в Хиве.

Война между иомутской знатью и узбекскими феодалами продолжалась с 1748 по 1770 г. Уже в 1748 г. источники отмечают союз иомутов с мангытами Арала и совместную осаду ими Хивы[2]; восстание туркмен и аральцев против хана Каипа произошло и в 1753 г. При этом туркмены установили связь с казахским ханом Нурали, претендовавшим на хивинский престол[3].

Бедность фактических данных не позволяет подробно разобраться в той путаной и сложной обстановке, которая сложилась в Хиве в период с 1755 по 1764 г. В хивинские дела вмешивается Бухара, какие-то нити тянутся и в Афганистан. Каип-хан был свергнут и бежал, началась обычная для Хивы XVIII в. «игра в ханы». В 1759 г. вновь произошло крупное сражение хивинских войск с иомутами, которых возглавлял их старый вождь Бегенч-Али-бек; иомуты на этот раз потерпели поражение[4]. При неясных обстоятельствах возвышается вождь кунгратских феодалов инак Мухаммед-Эмин; в 1764 г. он заключил союз с иомутами, одержал верх над мангытской знатью и наделил своих союзников пахотными землями на Янги-арыке и городом Амбар с окрестностями[5]. Однако вскоре Мухаммед-Эмин по невыясненным причинам порывает с иомутами и даже приглашает против них в Хорезм туркменские племена салыр и теке[6]. Возможно, что иомутские вожди уже замышляли захватить власть в Хиве, что и послужило причиной выступления Мухаммед-Эмина против своих недавних союзников. Но часть узбекских феодалов, недовольных усилением Мухаммед-Эмина, примкнула к иомутам и в 1768 г. инак и его новые союзники потерпели жестокое поражение в битве при Араб-Ханэ. Попытка оборонять Хиву окончилась неудачей. Мухаммед-Эмин сдался иомутам, а войско теке и салыров, вышедшее из Хивы, было почти полностью истреблено. Иомутские вожди — Менгли Гельдысакау, Дунмас-сердар и другие захватили политическую власть в Хиве, убили наи-

---

[1] Красный архив, 1939, № 2, стр. 218.
[2] Н. И. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, стр. 215.
[3] Там же, стр. 219—220.
[4] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 66.
[5] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 337; Путевые записки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг. Вестник РГО, т. 22, 1858, стр. 96 и сл.
[6] Там же, стр. 338.

более ненавистных им узбекских сановников, но сохранили старый бюрократический аппарат[1].

Борьба, однако, продолжалась. Мухаммед-Эмин освободился из иомутского плена и вновь выступил против них и захватил Хиву. После ряда сражений с войсками иомутов и човдуров он стал одерживать верх, но вновь был оставлен мятежными узбекскими феодалами и бежал в Бухару, а население Хивы в апреле 1770 г. сдало город иомутам, которые вторично захватили власть в ханстве[2] хотя победа и на этот раз оказалась непрочной.

Длительные феодальные войны и переход власти в руки иомутской кочевой знати вызвали в стране тяжелый экономический кризис. Население разбегалось из разрушенных городов, в Хиве осталось всего лишь несколько десятков жилых домов. Начался голод, доходивший до людоедства[3]. Открытый грабеж оседлого населения иомутской кочевой знатью и, очевидно, противоречия из-за воды между иомутами и узбекско-хорезмийским крестьянством быстро вызвали широкое народное движение против власти иомутских феодально-родовых главарей. Объединившиеся узбекские феодалы сумели нанести иомутским войскам поражение у Араб-ханэ осенью 1770 г. и вытеснить их из Хивы. Правителем государства вновь стал Мухаммед-Эмин[4].

Борьба туркмен за землю и воду в Хивинском ханстве на этом, однако, не кончилась. В нее с 1778 г. вступили салыры, теке и сарыки, жившие на среднем течении Аму-Дарьи (ниже Чарджоу). Их поддерживал бухарский аталык Даниял-бий, мечтавший о захвате Хивы; а также некоторые узбекские феодалы, враждебные Мухаммед-Эмину[5]. Для борьбы с ними Мухаммед-Эмин был вынужден вновь пригласить в Хиву иомутов[6], с помощью которых он подавил феодальные мятежи, отразил текинцев, салыров и бухарские войска и окончательно утвердил власть конгратской династии в Хиве.

Хивинские ханы нуждались в туркменской коннице—в этом была основная причина их стремления к союзу с туркменской знатью. В конце XVIII в. туркмены стали получать в Хиве землю и воду под условием военной службы в качестве ханских нукеров[7]. С этого времени и до завоевания Хивы царскими войсками, туркмены составляли основу хивинских

---

[1] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 339.
[2] Там же, стр. 340—343.
[3] Там же, стр. 344—345.
[4] Там же, стр. 346—351.
[5] Там же, стр. 351—352.
[6] Там же, стр. 353.
[7] Там же, стр. 351.

военных сил[1]. Таким образом, и в Хорезме туркмены (иомуты и човдуры) во второй половине XVIII в. упорно стремятся к захвату пахотных земель, но получают их на совершенно иных условиях, чем туркмены Мерва и Ахала.

е) Укрепление русско-туркменских отношений в XVIII в. после Петра I

После смерти Петра I русское правительство значительно снизило свою активность на Востоке. Выполнение широких наступательных планов в Средней Азии было надолго отложено. Однако при существовавших исторических условиях и в силу взаимной заинтересованности в торговле, мирные русско-туркменские связи не прервались, а развивались.

Инициатива в этой области в XVIII в. принадлежала в основном туркменам, особенно туркменам прикаспийским, которые остро нуждались в русском хлебе и ремесленных изделиях и, жестоко страдая от набегов враждебных соседей, начинали помышлять о переходе в русское подданство, как о возможном выходе из своего крайне тяжелого положения.

Как уже говорилось, переселения отдельных туркменских родо-племенных групп западной ветви туркменского народа в русские пределы не прекращались с начала второй половины XVII в.

В 1741 г. туркмены Мангышлака (човдуры) говорили капитану Тебелеву: «...мы де, как прежде, так и ныне, всегда состоим под державою его и. величества, как де вы, так и мы почитаем одного государя российского»[2]. Туркмены эти настойчиво стремились перейти в русское подданство и в 1745 г. посылали в Петербург своих старшин с просьбой о принятии их в подданство России и о постройке у них крепости для защиты от набегов и грабежей[3]. Известно также, что в правление Елизаветы Петровны несколько иомутских старшин приезжали в Петербург и представлялись императрице. Они получали «высочайшую грамоту», в которой говорилось: «Жителям Мангышлака позволяется приезжать морем в Астрахань и отправлять в сем городе свою торговлю»[4]. Во второй половине XVIII в. в связи с развитием торговли со Средней Азией, в том числе и с туркменами, перед царскими властями вновь встал вопрос о принятии туркмен в рус-

---

[1] История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 162.
[2] Красный архив, 1939, № 2, стр. 215.
[3] Архив б. МИД, 1—9, 1836—1856, № 2, л. 19.
[4] Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, т. II, Тифлис, 1858, стр. 999.

ское подданство и о постройке крепости на восточном берегу Каспийского моря, которая служила бы базой для торговли со Средней Азией[1]. В 1764 г. для отыскания гаваней на восточном берегу Каспийского моря были отправлены капитан Токмачев и инженер-майор Ладыженский. Ладыженский оставил ценное в научном отношении описание восточного побережья Каспийского моря. В качестве места для постройки крепости Ладыженский рекомендовал берега залива Кендырли, указывая на неудобства всех остальных пунктов[2].

Сами туркмены также очень дорожили тем, что через их кочевья пролегали дороги, связывавшие Хиву и Бухару с Россией. Туркменские старшины писали в 1767 г. Екатерине II: «напредь сего мы российской империи присягу чинили в том, чтоб проезжающие из Астрахани в Хиву и в Бухару караваны препровождать, напротив того из Бухарии и Хивы следующие караваны до Астрахани препровождать же»[3]. Дело доходило иногда до крупных боев туркменских отрядов, охранявших караваны, с отрядами казахских феодалов, пытавшихся грабить на торговых путях. В свою очередь туркменские феодально-племенные вожди совершали нападения на караваны, шедшие через земли казахов под защитой последних. Это странное на пёрвый взгляд противоречие объясняется просто: туркменская знать боролась за то, чтобы торговая дорога шла по туркменской, а не по казахской территории. Казахская знать напротив, стремилась привлечь русских и среднеазиатских купцов на дороги, шедшие через казахские земли. Размах военных действий, в которых порою принимало участие несколько тысяч всадников с каждой стороны, показывает насколько кочевая знать была заинтересована в этой транзитной торговле[4].

В 70-х годах XVIII в. Петербург посетил некий туркмен, который просил устроить торговую гавань на острове Огурчинском. В связи с этим в 1781 г. из Астрахани была послана в Каспийское море военная эскадра под командованием графа Войновича. Главной задачей этой экспедиции являлись поиски подходящего места для создания русской базы с целью «привлечения туда торговли из Индии и других восточных стран». Однако, как видно из инструкции, данной Войновичу, эта база должна была иметь не только торговое, но и военное значение. Кроме того, Войновичу поручалось «произвести опись» Каспийского моря. Эскадра в составе трех 20-пушеч-

---

[1] Красный архив, 1939, № 2, стр. 242—246.
[2] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 87.
[3] Красный архив, 1939, № 2, стр. 250.
[4] Там же, стр. 250—251.

ных фрегатов вышла из Астрахани 29 июня 1781 г. и направилась в Баку. К острову Огурчинскому эскадра прибыла 21 июля того же года. Войнович обследовал остров и пришел к заключению, что он для устройства гавани непригоден.

Двигаясь далее на север, в июле 1782 г. Войнович был уже на острове «Нефтяном». Персы называли этот остров «Черкен», что значит «четыре колодца». В конце месяца Войнович был уже у Красноводских гор, где, по его словам, в то время кочевали 2000 кибиток туркмен, у которых было много лошадей, верблюдов, овец и коз. Далее Войнович сообщает, что эти туркмены ведут торговлю с Хивой и с русскими тюленепромышленниками.

Во время «описи» Красноводского залива к Войновичу приезжали «первостатейные старшины помянутых трухменцов... с разными предложениями, к пользе Российской с Хивою и Бухариею торговли служащими»[1].

В 1798 г. мангышлакские туркмены отправили своих депутатов к астраханскому губернатору с просьбой построить на мысе Тюб-Караган крепость, которая «служила бы местом для складки товаров в торговле с Ташкентом, Самаркандом, Бухариею, Ургенчем и Астраханью»[2]. Астраханский губернатор поддержал это предложение и в своем заключении указал на ряд выгод для русской торговли и для рыбной ловли, начиная от устья Урала до Тюб-Карагана.

Таким образом, в течение всего XVIII в. экономические связи России с Туркменистаном успешно развивались и крепли. В эти связи втягивались прежде всего прибрежные туркменские племена, но они начинали завязываться и с населением самых удаленных от России районов Туркменистана. В конце XVIII в. русские товары уже продавались на базарах Мерва, куда еще не проникло политическое влияние царизма. О развитии торговых связей свидетельствует также большое количество русских монет XVIII в., обнаруживаемых сейчас в Южном Туркменистане[3]. Вместе с тем, среди значительной части туркменского народа, более тесно соприкасавшейся с Россией, укрепляются мысли о переходе в русское подданство, в чем многие начинали видеть возможный выход из исключительно тяжелого положения, в котором находились туркмены, подвергавшиеся гнету и насилиям со стороны персидских и других соседних феодалов и страдавшие от их грабительских набегов.

---

[1] Л. С. Берг. Указ соч., стр. 90.
[2] Архив б. МИД, 1—9, 1836—1856. № 2, л. 19.
[3] Коллекция музея археологии ТГУ.

3. Культура Туркменистана в XVI—XVIII вв.

Длившаяся в течение многих поколений ожесточенная борьба между соседними феодальными деспотиями за обладание Туркменистаном настолько тяжело повлияла на многие стороны жизни и быта народа, что в некоторых областях материальной культуры в рассматриваемый период имел место упадок, сказавшийся, в частности, в строительном искусстве и в керамике. Строительство в эту пору по преимуществу ограничивается ремонтом и восстановлением крепостных стен, работы по возведению которых тяжким бременем ложатся на плечи трудовых слоев населения и выполняются спешно, недоброкачественно, бессистемно. Лишь на немногих, исключительно культовых сооружениях осуществляются некоторые реставрационные работы, например, в углах мечети Анау возводятся неуклюжие кирпичные башни, видимо, использовавшиеся в качестве дозорных и оборонных. Можно считать исключительным факт возведения на кладбище у заброшенного Языра (городище Дурун) кирпичного мавзолея Кизыл-имам, выстроенного, судя по стилю архитектуры, в XVI столетии. В XVI в. еще сохранились керамические традиции Тимуридской эпохи и даже имели место попытки создания новых типов глазурованной керамики со светло-коричневыми и сине-голубыми поливами или черными росписями. Однако к XVII столетию керамика заметно грубеет, приобретает все более кустарный характер в результате резкого сокращения ремесленного производства гончарной продукции.

Как и во всяком классовом обществе, в туркменском обществе XVI—XVIII вв., наряду с культурой господствующей, основанной на принципах ислама и служившей делу укрепления господства эксплуататорского класса (феодально-родовой верхушки: ханов, сердаров, баев, мусульманского духовенства), были и элементы культуры демократической, идущей из глубины народного творчества и отражавшей положение и заветные думы и чаяния широких слоев эксплуатируемого народа.

В этот период широко развивается устное художественное творчество туркменского народа, многообразное по своим формам и глубокое по идейному содержанию. Самобытное в своей основе, оно характеризуется, начиная с XVII в., появлением и развитием признаков общенародного духовного уклада, общенародной культуры, получивших позднее в XVIII—XIX вв. осознанное и полное развитие в туркменской художественной литературе, особенно в творчестве ее прогрессивных, демократических представителей. Одним из первых круп-

ных эпических произведений туркменского народного творчества, в котором проявляются специфические черты общенародного характера, является героическое сказание «Гёр-оглы», оформившееся в XVI—XVII вв.

В этом эпосе, в своеобразной художественной форме, искусно связанные единым сюжетом, отображены многочисленные исторические события, происходившие на территории нынешнего Туркменистана в течение длительного периода. В одной из песен-монологов Гёр-оглы образно рассказывается о борьбе туркмен за свою независимость со многими завоевателями, начиная с арабского нашествия и кончая опустошительными походами иранских шахов. Образ самого Гёр-оглы восходит к еще более глубокой древности. В нем отразились некоторые черты героя сакского эпоса богатыря Рустема, наиболее полно воплощенного в героической поэме «Шах-наме» Фирдоуси.

Сказания о Гёр-оглы широко распространены и у других среднеазиатских народов (узбеки, таджики) и на Кавказе у азербайджанцев. В легендах среднеазиатских народов обычно указывается, что Гёр-оглы был туркменом. Так, узбекские сказители начинают рассказ о Гёр-оглы (Равшане) такими словами: «В давние, прошлые времена, в безопасной стране, по направлению к Кыбле (Каабе), в бухарском тюмене, среди племени номуд, называемом теке-номуд, на склонах Чамбиля, жил да поживал Гёр-оглы»[1].

Образы Гёр-оглы и его соратников ничем не напоминают шахов и ханов из старинных сказок и легенд. Они даны в реалистическом плане и наделены живыми чертами простых людей из народа. Лучшими народными чертами, прежде всего, —готовностью всегда придти на помощь обиженным и угнетенным, наделен образ самого Гёр-оглы. Уже в первых строках эпоса подчеркивается неразрывная связь этого героя с народом. Джигалы-бек, воспитатель Гёр-оглы, дает ему как основную заповедь такое наставление: «Если совет будут держать старейшины, рассматривать доброе и злое, возьмутся за дело народное, — ты от него не отставай»[2].

Соратники Гёр-оглы, в большинстве, простые люди, бежавшие от преследований жестоких феодалов и захватчиков и объединившиеся вокруг него в вольном содружестве. Причем, первоначально сам Гёр-оглы, бежавший от преследований правителя—феодала, попадает в одну из таких «вольных дружин» и становится вожаком ее,—и тогда все более ярко и четко в эпосе проявляется его основная идея: борьба народа

[1] Е. Э. Бертельс. Литературное прошлое туркменского народа «Совет эдебияты», 1944, № 9—10, стр. 199.

[2] Там же, стр. 200.

за справедливость и независимость против всяких угнетателей и захватчиков.

Упорство и непримиримость в борьбе с угнетателями и захватчиками, уважение к простому народу, глубокая любовь к родине, честность, храбрость, гостеприимство—все эти лучшие народные черты и качества, воплощенные в Гёр-оглы, говорят о том, что в этом замечательном эпосе народ создал образ своего героя—заступника, защитника своих прав и свободы в борьбе с феодальными правителями и захватчиками. Однако народно-демократическая основа этого эпоса до сего времени в достаточной степени не изучена и не освобождена от чуждых влияний и позднейших напластований. Также не изучены и не собраны еще с достаточной полнотой различные варианты и боковые линии его, в частности, широко распространенные среди других среднеазиатских и кавказских народов. Среди туркмен известно свыше сорока различных песен (глав) этого эпоса, однако только незначительное число их (12—13) было опубликовано[1], причем без должного изучения и отбора, с явными следами антинародных влияний, привнесенных в угоду феодально-клерикальной идеологии.

В XVII—XVIII вв., как оригинальная форма народного туркменского творчества, получили начало и широкое распространение так называемые дестаны—эпические произведения, своеобразно сочетающие прозу и поэзию (стихи). Проза, нередко ритмизированная, в этих произведениях содержит изложение хода и развития событий. Перемежающие ее стихи (песни) обычно являются монологами или диалогами ведущих героев (действующих лиц) и выражают их переживания, мысли, радости и огорчения. Значительная часть таких стихов-песен имела самостоятельное распространение в народе и прочно вошла в репертуар бахши.

И в наше время как любители, так и профессиональные бахши, наряду со старыми и современными народными песнями, обязательно исполняют героические и любовные песни из «Гёр-оглы» (по своему построению очень близкие к дестанной форме) и из многих дестанов.

Более ранние дестаны часто отражают древние легенды и предания и старые, доисламские верования и обычаи. В них тесно переплетаются волшебные и сказочные мотивы с реалистическим изображением, с действительными историческими событиями. Таков, например, один из ранних дестанов «Хюр-

---

[1] Гёр-оглы, Ашхабад, 1941—Гёр-оглы. Сервиджан «Совет эдебияты», 1946, № 3—4, стр. 18—30.

люкга и Хемра»[1], главный герой которого путешествует в чудесную страну, где встречается с волшебницами-пери, и в Китай, с торговым караваном, где приходит на помощь голодающим китайцам. В дестане «Асли и Керем»[2], с явным сочувствием к влюбленным, осуждаются религиозные предрассудки, мешающие соединиться юноше-мусульманину и девушке-христианке.

Одним из наиболее распространенных дестанов является дестан «Шасенем и Гариб»[3]. Исторически он связан, возможно, с возникновением оседлых поселений туркмен по Дарьялыку (Везир). Многие названия местностей и крепостей, встречающиеся в дестане, сохранились до сего времени, как названия некоторых руин и местностей в том районе. В основе дестана лежит история любви бедняка (Гариба) и дочери шаха (Шасенем), обычная для многих восточных легенд и эпических произведений.

Но своеобразие и конкретность обстановки, художественность и реалистичность в изображении некоторых героев и бытовых и социальных подробностей—все это подчеркивает самобытность дестана и усиливает его социальное звучание, как протеста масс против гнета феодально-клерикальной верхушки.

Многие дестаны, несмотря на здоровую народную основу, за время своего долгого «устного» существования подвергались разнообразным чуждым влияниям, особенно феодально-клерикальной идеологии, и до сего времени не очищены от антинародных напластований.

Несомненно, к XVI—XVIII вв., а зачастую и к более раннему времени, относится возникновение многих туркменских народных песен, сказок, пословиц и поговорок, бытовавших среди туркмен в более позднее время и в значительной мере сохранившихся до наших дней[4].

Туркменская художественная литература, в которой все ярче проявляются черты общенародного характера и все большую роль приобретает туркменский язык — на смену чагатайскому литературному языку, широко распространенному в Средней Азии в предшествовавший период, развивалась в XVIII—XIX вв. под господствующим влиянием феодально-клерикальной идеологии ислама. Наиболее видным

---

[1] Хюрлукга и Хемра, Туркменгосиздат, Ашхабад, 1941.
[2] Асли и Керем. Туркменгосиздат, Ашхабад, 1943.
[3] Шасенем и Гариб, Ашхабад, Туркменгосиздат, 1940. То же, ОГИЗ, Москва, 1946.
[4] Туркменские народные песни, сказки, пословицы и поговорки рассматриваются в VI главе I тома «Истории Туркменской ССР».

Бюст Махтумкули (работа скульптора Абрамова).

представителем этой идеологии, выразителем интересов военно-феодальной верхушки был Магрупи (конец XVIII в.). Сильное влияние эта идеология оказала и на творчество его старшего современника Шабенде, автора многочисленных дестанов. Широко известен своими дестанами поэт Андалиб Мухамед Гариб (*род. в 1710 г.*). *Один из его дестанов* — «Огузнаме» — перекликается с древним огузским эпосом. Его дестан «Лейли и Меджнун» особенно популярен в туркменском народе, песни его обязательны в репертуаре каждого бахши. Известен своими стихотворными назидательными «притчами о шахах» («Вагзи Азад»)[1] Давлетмамед Азади (1700—1760 гг.), оставивший и ряд других произведений, до настоящего времени еще недостаточно изученных, так же как и произведения вышеуказанных авторов. Между тем, для изучения туркменской литературы и, через нее, всей культуры и истории самого народа, тщательное и глубокое изучение этого периода представляет несомненный интерес.

Наряду с этим, развивалась и прогрессивная, демократическая литература, выражавшая идеи и чаяния широких слоев эксплуатируемых масс туркменского народа.

Крупнейшим представителем *этой литературы был* великий поэт и мыслитель второй половины XVIII в. Махтумкули (Фраги) сын Азади. Махтумкули родился, приблизительно, в 30-х годах и умер в 80-х годах XVIII в. Он жил на юго-западе Туркменистана (ныне Кара-Калинский район ТССР). Начальное образование Махтумкули получил в местной школе (мектебе), а затем несколько лет учился в хивинском медресе. Вернувшись на родину, он преподавал в мектебе, как и его отец, а также занимался ремеслом. Но главным делом всей его жизни было поэтическое творчество, которым он начал заниматься еще с ранних лет и на которое оказало огромное влияние, прежде всего, богатое народное туркменское творчество.

Детство и юность Махтумкули протекали в период захватнических походов Надир-шаха в Среднюю Азию, на Кавказ и другие страны.

Ценные сведения о жизни и творчестве Махтумкули собрали еще в XIX в. русские и другие исследователи Средней Азии. В 1842 г. известный славянский исследователь и путешественник Ходзько — друг Шопена и Мицкевича—впервые издал ряд стихотворных произведений Махтумкули и его краткую биографию.

---

[1] Антология туркменской поэзии, М., 1949, стр. 89.

Большое внимание Махтумкули уделял академик В. Бартольд. В своем «Очерке истории туркменского народа» он указывает, что «поэт Махтумкули из гоклен сделался национальным поэтом для всех туркмен», подчеркивая, таким образом, общенародный характер и значение его творчества. Это, несомненно, является одной из важнейших черт всей поэтической деятельности Махтумкули: именно в ней впервые во всей полноте и силе проявились эти новые качества туркменской литературы, знаменовавшие ее становление как литературы народной, глубоко самобытной и неразрывно связанной с народом.

Сила и жизненность лучших произведений Махтумкули именно в том и заключается, что они в высокохудожественной форме, народным языком и образами, почерпнутыми из глубин народного художественного творчества, правдиво отразили общественную жизнь того времени, быт и нравы народа, откликались на важнейшие события в жизни народа. Махтумкули поднял вопросы, которые вытекали из жизненных потребностей экономического и общественного развития Туркменистана в XVIII в.

Не в отвлеченных философских идеях и исканиях Махтумкули, а в его произведениях на острые и актуальные общественно-политические темы мы находим то ценное, прогрессивное в наследии Махтумкули, что составляет его вклад в мировую культуру. Именно в этих своих произведениях Махтумкули выступает как патриот и гуманист, как выразитель дум, чаяний и надежд своего обездоленного народа.

Сквозь многие произведения Махтумкули проходит идея объединения разрозненных туркменских племен, призыв к прекращению межродовой и межплеменной розни для борьбы с соседними феодальными деспотиями: «Теке, иомуд, гоклен, языр и алили — отныне мы должны единой стать семьей»[1]. В конкретных исторических условиях туркменского общества XVIII в. подобный призыв, направленный против чужеземных захватчиков, феодальной раздробленности, родоплеменных и феодальных усобиц, имел, несомненно, прогрессивное, положительное в исторических судьбах туркменского народа значение. Махтумкули использовал художественную литературу в этой освободительной борьбе, воспитывая народ в духе любви и преданности родине, в духе уважения и любви к труженику — созидателю материальных благ.

Не менее остро переживал Махтумкули и тяжелое положение бесправного народа под гнетом «собственных» баев и

---

[1] Махтумкули. Стихотворения, Л., «Советский писатель», 1949, стр. 6.

феодалов. В этом особенно ярко проявился гуманизм поэта, глубоко сочувствовавшего страданиям простых людей.

У многих жизнь от бедности такая,
Что тяжкий сон ее стократ ценней,
Живут иные, черствый хлеб глотая,
Вовек еды не видя повкусней[1].

Как в этом, так и в ряде других стихотворений, Махтумкули показывает социальное неравенство, царившее в обществе его времени.

Иным золотой венец,
Иным нищи вконец.
Рад в хлеве уснуть беглец,
Шах — нег на диване ищет[2].

Поэт показывает бесправное положение бедняков:

Вот время! Взора ты не привлечешь,
Коль у тебя мешка с деньгой не будет...
Коль беден ты — не слышат слов твоих...[3].

Обличение общественного зла своего времени, деспотизма и произвола феодально-патриархальной и клерикальной верхушки, патриотизм и гуманизм — вот в чем заключается сила лучших произведений Махтумкули, делающая их близкими и дорогими для нас сегодня. В этом проявляется глубокая народность творчества поэта.

Живая народная речь, образный народный язык, народные пословицы, поговорки — вот откуда черпал Махтумкули материал для того, чтобы обогатить и усовершенствовать туркменский литературный язык и создавать свои высокохудожественные произведения, бережно хранящиеся в народной памяти до наших дней.

В служении своему обездоленному народу Махтумкули видел смысл и цель своего поэтического творчества, своей жизни. Ему отдавал он весь свой талант, ему посвящал свои лучшие стихи и песни.

Величие Махтумкули, его заслуга перед своим народом заключается в том, что прогрессивные идеи, выраженные в его лучших произведениях, он проповедывал в одну из самых

---

[1] Махтумкули. Стихотворения. Л., Советский писатель, 1949, стр. 93.
[2] Махтумкули Фраги. Избранные стихи. Гослитиздат, 1945, стр. 78.
[3] Там же, стр. 215.

мрачных эпох в истории туркменского народа, в условиях средневековой отсталости, забитости, раздробленности, оторванности от передовой и прогрессивной русской и мировой культуры, под гнетом реакционнейшей идеологии ислама и агрессии иранских и иных захватчиков, в условиях невероятной нищеты, разорения и политического бесправия широких масс дайханской бедноты.

Махтумкули оказал большое влияние на последующих туркменских классиков, как например, Кемине.

Махтумкули был сыном своего народа, своего времени. В лучших своих стихах он отразил передовые, прогрессивные идеи, но в то же время мировоззрение поэта было исторически ограниченным. Яростно обличая служителей религии, грабивших народ, он сам оставался в плену ислама.

Махтумкули не знал и не мог знать экономических законов развития общества, законов классовой борьбы, не мог правильно истолковать и объяснить основу социальной несправедливости, общественного зла, экономического гнета и политического бесправия широких масс народа.

В тех исторических условиях, в которых жил Махтумкули, не могло быть и речи об осуществлении его передовых гуманистических стремлений, его мечты об объединении туркменского народа. Махтумкули не видел и не мог видеть путей и перспектив исторического развития общества, в котором он жил. Он не видел выхода, глубоко страдал, переживая трагедию своего народа и нередко впадал в пессимизм.

Поэтическое творчество Махтумкули около двухсот лет хранится в народной памяти. Но только при Советской власти созданы все условия для творческого изучения прошлого народов нашей страны. В Советском Союзе ведется глубокое научное изучение литературного наследия Махтумкули.

Махтумкули — гордость и слава своего народа. В тяжелые времена феодальной раздробленности, войн и бесправия он сумел поднять туркменскую поэзию на небывалую дотоле высоту. Его творчество показало, какие богатства таятся в туркменском языке и какими духовными силами обладает народ, который дал миру столь замечательного поэта.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Абага, монгольский хан 300, 304
Абаев В. И., филолог 64, 66
Аба-сердар, туркменский предводитель 388, 389
Аббас, дядя пророка Мухаммеда 166
Аббас, поэт 239
Аббас I, шах Ирана 374, 386, 390, 391
Аббасиды, династия 166, 167, 168
Абдаллах, брат арабского полководца Кутейбы 164
Абдаллах ибн Тахир, эмир Хорасана 185, 208, 209, 210, 224
Абдаль-Васи, поэт 347
Абд аль-Касим аль-Микали, хорасанский феодал 224
Абд ар-Раззак Самарканди, историк 8, 310, 331, 332, 334, 335, 366, 337, 339, 340
Абдулла-хан II, хан Бухары 366, 393, 394
Абу-Абдаллах, хорезмшах 235
Абу-Абдаллах аль-Хорезми, ученый 8, 192, 203, 214, 215, 216, 224, 232
Абу-Али ибн Сина (см. Авиценна)
Абу-Али-Чагани, эмир Хорасана 232
Абу-Бекр, мастер 355
Абу-Билаль, вождь восстания 229
Абу-Дулеф, ученый 203
Абу-Ибрагим (Мунтасир), правитель Мавераннахра 234
Абу-Муслим, вождь аббасидского движения 166, 167, 168, 175
Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни, ученый 8, 138, 168, 169, 180, 206, 230, 235, 344, 345, 347
Абу-Саид, правитель Мавераннахра и Хорасана 309, 310, 340, 356, 362, 396
Абу-Сеид Мехнейский, суфийский шейх 237, 247, 346, 347, 358
Абу-Хафс Омар, судья 365
Абуль-Агарра, правитель Дехистана 356
Абулгази-хан I, хан Хивы, историк 8, 177, 179, 181, 186, 191, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 200, 201, 202, 203, 206, 223, 240, 253, 271, 277, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 336, 341, 373, 375, 376, 377, 378, 382, 383, 384, 385, 386, 388, 392, 393, 394, 395, 398, 399, 400, 401, 402, 404, 405, 409, 412
Абулгази II, Абдуль Мухаммед, хан Хивы 427
Абул-Касим Бабур, эмир Хорасана 334, 339
Абуль-Касим аз-Земахшари, филолог и писатель 349, 364
Абуль-Мухаммед-хан, правитель Хорезма 385

Абуль-Фазль 356
Абул-Фейз, хан Бухары 435
Абулхайр, узбекский хан, правитель Дешт-и Кипчака 342, 425
Абул-Хусейн ибн Мухаммед, строитель 356
Авиценна (Абу Али ибн Сина), ученый 343, 348
Аврелиан, римский император 102
Агаджанов С. Г., историк 6
Агаев Х. А., историк 6
Ага-Мухаммед-шах, иранский шах 440, 441
Агехи, историк 9, 382, 408, 409, 415, 418, 423, 428, 436, 437, 439, 444, 445
Адиб Сабир, поэт 349
Адрин-бек, хорасанский феодал 337
Азаде-Серв, поэт 239
Айтак (см. Инак)
Актай-хан, правитель Хорезма 382, 393
Акун, эфталитский царь 142
Ала ад-даула, тимуридский царевич 342
Ала ад-дин, правитель Гура 273
Ала ад-дин Мухаммед II, хорезмшах 282, 284, 286, 291, 292, 293, 349, 356,
Аламбердар 356
Алан, огузский бек 199
Александр Македонский 70, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 87, 108, 181, 282
Алексей Михайлович, царь 402
Али, халиф 162, 165
Али, хорезмшах 352
Али аль-Балхи, ученый 277
Али аль-мульк, сеид 282
Али-Аухад ад-дин Энвери, поэт 347, 348
Али-бек, карлук 277, 311, 329, 330
Али-Джуре, туркменский предводитель 322
Али-Заде А. А., историк 301, 302, 303, 305, 308
Али ибн-Зияд, строитель 356
Али ибн-Мухаммед ас-Серахси 358
Али ибн Суккари 242
Али ибн Тахир, эмир Хорасана 208
Али ибн Хишам ибн Фаррахосроу, хорасанский феодал 224, 225
Али ибн Хусейн, правитель Мерва 210
Али-Кули-хан, иранский вельможа 428, 429, 431
Али-Муайяд, правитель сербедаров 311
Али-Султан, правитель Дуруна 385, 388, 389, 393, 396
Али-хан, правитель огузов 205, 253
Алишер Навои (Мыралы), поэт 333, 340, 350
Али-Яр-бек (Али-Яр-хан) эймурский 389, 390, 391
Алп-Арслан, сельджукидский султан 262, 266, 267
Алп-Тегин, сипахсалар Хорасана 226, 232, 233
Алтунташ, правитель Хорезма 236
Аль-Бурейда, арабский вельможа 338, 367
Аль-Хакам, арабский вельможа 338, 367
Амин, халиф 207
Аммиан Марцеллин, историк 92, 99, 100, 131, 138, 139, 143, 144, 147
Амминасп, парфянский вельможа 70, 75
Амр ибн Лейс, правитель Хорасана 211, 212
Андалиб Мухамед Гариб, туркменский поэт 453
Андрагор, правитель Парфии 83, 87, 88
Антиох I, селевкидский государь 81, 82, 83, 85
Антиох II, селевкидский государь 83
Антиох III, селевкидский государь 130

Антоний, римский полководец 111, 112
Ануша-хан, хан Хивы 402
Ануш-Тегин, правитель Хорезма 279
Ануштегиниды, династия 279
Апама, согдиянка 78
Араб Мухаммед-хан, хан Хивы 394, 396, 399, 444
Арбеков П. В., историк 356
Аргун, эмир Хорасана 298, 299, 300, 304, 311, 361
Ариабарзан, писец 120
Ариамен, правитель Бактрии 63
Армаз, персидский вельможа 76
Арриан, историк 65, 70, 74, 75, 77, 88
Арслан, правитель огузов 205, 276, 277
Арслан Аргун, хорасанский феодал 260, 268
Арслан-хан, правитель Бухары 272
Арслан-шах, эмир Газны 269
Артабан II, царь Парфии 90, 91
Артабан III, царь Парфии 92, 118
Артабан V, царь Парфии 93, 94
Артавирашт, писец 120
Артаксеркс (см. Бесс)
Артаксеркс I, правитель Хорезма 64, 66
Арташир, царь Ирана 93
Артин, правитель Мидии 56
Артук-инак, узбекский феодал 426, 427
Аршак, царь Парфии 84, 87, 88
Аршакиды, династия 84, 87, 91, 92, 93, 96, 102, 103, 104, 105, 110, 114, 115, 116, 118, 119, 121, 124, 125
Аскаджамук, арабский ставленник в Хорезме 164
Астиаг, царь Мидии 59
Атрак, огузский аристократ 198
Атсыз, хорезмшах 267, 280, 282, 284, 349, 356
Афинодор, руководитель восстания 80
Афрасиад (Афрасиаб), легендарный царь Турана 271
Африг, царь Хорезма 138, 234
Афригиды, династия 138, 159, 163
Ахад, сеид 338
Ахемениды, династия 59, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 68, 70, 73, 79, 81, 83, 84, 115, 122, 123
Ахмед (см. Текудер)
Ахмед аль-Хади, шейх 356
Ахмед-хан, правитель Мавераннахра 267
Ахмед-шах, правитель Афганистана 435
Ашур-бек, хивинский посол 419
Аяз, раб 320
Байбарс, хан Хорезма 373
Байджу-нойон, монгольский военачальник 299
Байрам-Али-хан, правитель Мерва 434, 436
Байрач, туркменский предводитель 402
Байсункар, хорасанский феодал 334
Бальдуччи Пегалотти, итальянский купец 316
Барбуд (Пахлабад), музыкант и певец 171
Бардия, правитель Бактрии 60, 61
Барзан, персидский вельможа 76
Барзуе, врач 170
Баркиярук, эмир Хорасана 268, 279
Бартольд В. В., историк-востоковед 10, 82, 87, 109, 124, 146, 157, 158, 161, 162, 180, 181, 185, 189, 198, 208, 209, 210, 215, 216, 219, 224, 228, 258, 262, 264, 268, 269, 270, 271, 273, 274, 280, 281, 282, 285,

286, 288, 289, 290, 291, 293, 295, 296, 298, 308, 311, 318, 319, 321, 336, 337, 338, 339, 340, 342, 363, 375, 378, 383, 396, 409, 454
Баскаков Н. А., языковед 180
Батраков В. С., экономист 201
Батый (Саин Хан), хан Золотой Орды 312, 313, 315, 318
Бахрам Гур (см. Варахран V)
Бахтдатак, писец 120
Бахтиар, огузский предводитель 276, 277
Бахрам, эмир Газны 347
Бачинский Н. М., искусствовед 357, 367
Баштинин, феодальная фамилия 310
Бегенч Али-бек, иомутский предводитель 428, 429, 444
Бегляр-хан, хорасанский феодал 438
Бедр ад-дин Инанджхан, хорасанский феодал 295, 296
Бейхаки, историк 190, 204, 223, 236, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255
Бекович-Черкасский, князь, русский офицер 419, 420
Бектугды, газневидский военачальник 252
Белазури, историк 159, 161, 162, 163, 210
Беленицкий А. М., историк 152, 301
Беляев И. А., историк-востоковед 417
Беневени Ф., русский посол 418
Бенсил-нойон, монгольский наместник Хорасана 298
Берг Л. С., географ 397, 408, 410, 411, 412, 414, 415, 427, 441, 442, 447, 448.
Берди-бек, хан Золотой Орды 315, 320
Берке, хан Золотой Орды 313, 314
Бернштам А. Н., историк 130
Бертельс Е. Э., литературовед 349, 411, 450
Бесс (Артаксеркс), сатрап Бактрии 74, 75, 76
Бильге-Тегин, наместник Хорезма 279
Бируни (см. Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни)
Бичурин Н. Я. (Иакинф), китаист 90, 93, 105, 108, 109, 138, 141, 142 144, 146, 147, 178, 290
Бланкеннагель, русский путешественник, врач, 444
Богра-хан, правитель огузов 205
Борак, правитель Мавераннахра 304
Борисковский П. И., археолог 26
Борнс А., английский путешественник 436
Боровков А. К., востоковед 9
Брунон, архиепископ 202
Брут, римский политический деятель 91
Буиды, династия 233
Бука, туркменский предводитель 292, 294
Букинич Д. Д., инженер 37
Бунак В. В., историк 24
Буран, правитель огузов 205
Бурибас, хорасанский феодал 268
Бухгольц, капитан, русский офицер 419
Вазамар, царь Хорезма 134
Вали, эмир, правитель Мазандерана 311, 329, 330
Варахран V (Бахрам Гур), царь Ирана 148
Вардан I, царь Парфии 92
Васильева Г. П., этнограф 195, 376, 437
Вахуман, писец 120
Вашмгир ибн Зияр, правитель Джурджана и Табаристана 225
Веджх ад-дин, хорасанский феодал 310
Верден, русский исследователь Каспия 420

Веселков Г. Н., писатель 5, 6
Веселовский Н. И., востоковед 423, 426, 444
Вефаи, поэт 351
Владимир, киевский князь 206
Владимирцов Б. Я., историк 190, 193, 287
Войнович, граф, русский исследователь Каспия 447, 448
Волин С. Л., историк 9, 180
Вологаз I, царь Парфии 92, 123, 124
Вологаз V, царь Парфии 93
Вонон, парфянский царевич 91
Воробьева М. Г., археолог 67, 128
Вудруф, английский капитан 408, 410, 411, 412, 415, 427
Вязигин С. А., археолог 5, 82, 87, 112, 129, 241
Вязьмитина М. И., археолог 284, 338, 358
Габайдулла Амиров, торговец 435
Габлиц К., русский путешественник 414
Гагарин, губернатор Сибири 419
Газан, монгольский хан 306, 307, 308, 309, 323
Газневиды, династия 198,236, 237, 245, 246, 247, 248, 251, 252, 253, 254, 256, 266, 269, 360
Ганялин А. Ф., археолог 6, 46, 50
Гардизи, историк 183, 194, 197, 198, 199, 204, 245, 246, 248, 250, 251, 252
Гаумата, мидийский жрец 61, 62, 66
Гафуров Б. Г., историк 212
Генрих II, германский император 202
Геракл, герой греческой мифологии 122
Гераклид, сподвижник Александра Македонского 82
Геродот, историк 56, 58, 59, 60, 61, 64, 65, 66, 67, 69, 72, 95, 122
Гив, правитель Гирканни 124
Гиршман Р., историк 142, 148, 162
Гистасп, персидский царевич 64
Гистасп, персидский вельможа 61, 62
Гистасп, герой иранского эпоса 124
Гладышев, русский путешественник 425
Говорс, историк 82
Гораций, поэт 118
Гордлевский В. А., востоковед 254, 265, 270
Готарз, парфянский царевич 92, 94, 107, 124
Греков Б. Д., историк 287, 312, 328, 329
Грибов А., русский посол 406
Григорьев В. В., историк 56, 77
Гударз, герой иранского эпоса 124
Гулам-бахадур, предводитель хорезмских туркмен 401
Гулямов Я. Г., археолог 365
Гурек, согдийский феодал 201
Гутшмидт, востоковед 130
Гюзельян Л. Т., историк 362
Дадаршиш, сатрап Бактрии 62
Даир-бахадур, предводитель монгольских войск в Иране 299
Даниял-бий, правитель Бухары 435, 445
Дарий I, царь 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 70, 73, 105
Дарий III, царь 64, 73, 74, 75, 80, 95, 122
Делиль, французский картограф 420
Денике Б. П., искусствовед 360, 365
Дерякулиев О., историк 155
Дестунис, историк 143
Джами, таджикский поэт 350

Джани-бек, хан Золотой Орды 310, 315, 320
Джафар-хан, феодальный владетель Нисы 438
Джебе, монгольский военачальник 291, 292
Джелаль ад-дин, хорезмшах 282, 286, 293, 294, 295, 297, 346
Джелаль ад-дин Руми, поэт 349
Джелаль-хан, узбекский феодал 385
Джемаль аль-хакк ва-д-дин (Джемаль ад-дин), шейх 338, 364, 367
Дженкинсон А., английский путешественник 375, 378, 379, 380, 392, 393, 395
Джехан-шах, предводитель закавказских туркмен 340
Джовхери, поэт 349
Джувейни, историк 258, 276, 277, 278, 280, 281, 282, 291, 292, 293, 294, 295, 297, 317
Джузджани, историк 273, 274, 275, 276, 277
Джумаев О. М., почвовед 87
Джучи, сын Чингис-хана 293, 312, 313
Димитрий II Филопатор, селевкидский государь 90
Динар, огузский предводитель 276, 277, 278, 279, 281
Дин Мухаммед-онбеги, предводитель хорезмских туркмен 401
Дин Мухаммед-хан, правитель Дуруна 384, 385, 386, 392
Диодор, историк 55, 71
Диодот I, правитель Бактрии 83, 87, 88
Диодот II, правитель Бактрии 89
Дион Кассий, историк 130, 131
Довлетмамед Азади, туркменский поэт 430, 431, 453
Дуйли-Кай, правитель огузов 205
Дунмас-сердар, иомутский предводитель 444
Дурдыев Д., археолог 5, 68, 128, 132
Дьяконов И. М., филолог 120, 121
Дьяконов М. М., историк 54, 55, 67, 86, 120, 121, 355, 362
Евлам, правитель Мидии 80
Евтидем, царь Бактрии 130
Едигей, монгольский феодал 315, 331
Екатерина II, императрица 443, 447
Елизавета Петровна, императрица 446
Ершов С. А., археолог 37, 140, 354, 355
Ефименко П. П., археолог 26
Ефремов Филипп 436
Жданко Т. А., этнограф 379
Жуковский В. А., востоковед 173, 332, 352, 355, 366, 367, 368, 435, 436
Зайковский Б., историк 107
Замятин С. Н., археолог 26
Зарина, предводительница саков 71
Засыпкин Б. Н., архитектор 357
Захир ад-дин Мухаммед Бабур, тимуридский царевич 334
Заходер Б. Н., востоковед 168, 210, 211, 226, 227, 245, 246, 247, 264, 266, 355
Зейн ад-дин Абу-Ибрахим аль-Джурджани, врач 345
Зия ад-дин, эмир Мерва 294, 295
Зияриды, династия 225
Зограф А. Н., нумизмат 107
Ибн-аль-Асир, историк 10, 178, 190, 194, 198, 201, 203, 204, 244, 245, 248, 249, 250, 252, 253, 261, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 285, 293, 294, 297
Ибн аль-Факих, историк 193, 204
Ибн Батута, арабский путешественник 316, 317, 364, 365
Ибн Саид 363
Ибн Фадлан, арабский путешественник 183, 184, 185, 186, 187, 189, 190,

191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 204, 205, 221
Ибн Халиф аш Шейбани Зенги, владетель Тохаристана 273, 277, 278
Ибн Хаукаль, ученый 183, 186, 188, 192, 205, 218, 225, 228
Ибн Хордадбех, ученый 187, 200, 222, 223
Ибрагим Хуттали, среднеазиатский феодал 277
Ибрахим Йинал, вождь сельджуков 254
Иван IV Грозный, царь 396
Иванов М. С., историк 430, 431
Иванов П. П., историк 9
Идриси, географ 184, 185, 186, 187, 203, 205
Иездегерд II, царь Ирана 148
Иездегерд III, царь Ирана 161, 173, 174
Иеда, Иета-и-ли-то (см. Эфталан)
Икинчжи, хорезмшах 279, 280
Иль-Арслан, хорезмшах 278, 280, 281, 348, 356
Ильбарс-хан, хан Хорезма 373, 381, 382, 392, 399, 423, 425, 427
Ильханы, династия 308
Имад ад-дин Исфахани, историк 248, 274, 275, 277
Инак (Айтак), хорасанский феодал 276, 278, 281
Иналь-Яви, правитель огузов 205
Иностранцев К. А., востоковед 171
Йинал (Янал) младший, огузский предводитель 198, 201, 202
Иосиф Флавий, историк 92, 130, 131
Ирки, правитель огузов 205
Иса, мастер 243
Исидор Харакский, путешественник 69, 98, 99, 103
Искандер, туркменский феодал 336
Искандер, емрелинский хан 437
Искандер Мунши, историк 377, 385, 386, 387, 388, 390, 391, 393, 394, 404
Исли, правитель огузов 205
Исмаил, шах Ирана 372, 373, 381
Исмаил ибн Ахмед Саманид, правитель Мавераннахра 211, 212, 229
Истахри, ученый 170, 186, 187, 195, 205, 206, 213, 214, 216, 218, 219, 222, 223, 228, 241, 355
Исфендиар-хан, хан Хивы 398, 399, 400, 403, 404, 405
Исфизари, ученый 332, 338
Кабус ибн Вашмгир, правитель Гургана 344
Кавад I, царь Ирана 153
Кадырова Т., историк 208, 209
Кадфиз I, кушанский царь 92
Кази-заде Руми, астроном 347
Каип-хан, хан Хивы 444
Кайду, чагатайский хан 304
Кама-бек, среднеазиатский феодал 319
Камбис, царь Ирана 60, 61, 65
Канлы-Яули, правитель огузов 205
Канода Н. Н., историк 6
Кара-хан, правитель огузов 205
Караханиды, династия 233, 234, 236, 245, 247, 269
Кареев Н. И., историк 210
Карпов Г. И., этнограф 11, 142, 179, 324, 376
Каррыев А., историк 6, 11, 152, 324
Кары-хан, вождь туркменского племени охлу 391
Карутц Р., путешественник 442
Кассий, римский политический деятель 91
Квинт Курций, историк 77
Кеймир-Кёр, текинский предводитель 417, 423

Кейхату, монгольский хан 300, 305
Кей-Хосрой, герой иранского эпоса 271
Кемине, туркменский поэт 456
Кепек, чагатайский хан 310
Кесь А. С., геолог 379
Киаксар, царь Мидии 56, 61
Кидара (Цидоло, Кидолу), кушанский царь 147
Кир, царь Ирана 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66
Киселев С. В., археолог 158
Клавихо, испанский посол 330, 332, 337
Козин С. А., востоковед 290
Кожин А. И., поручик 420
Кончаловский Д. Н. 131
Копытовский В., капитан 411, 412, 413, 414, 428, 429, 430
Коркуд, огузский предводитель 277
Коськe Ф. Я., историк 5
Красс Марк, римский полководец 112, 117, 118
Крачковская В. А., востоковед 243
Крез, правитель Лидии 60
Ксенофонт, историк 60, 71
Ксеркс, царь Ирана 63, 64, 73, 95, 122
Ктесий, историк 55, 56, 60, 71
Кудама ибн Джафар, ученый 218
Кузы-Тегин, правитель огузов 205
Кулаковский Ю., историк 131, 144
Кулиев Б., историк 198
Кумач, владетель Балха 273, 274, 277
Курты, династия 329
Куссам ибн Аббас 365
Кутб ад-дин Мухаммед, хорезмшах 279, 280, 345
Кутейба ибн Муслим, арабский полководец, 163 164
Кутлуг-Тимур, правитель Хорезма 317, 364, 365
Куфтин Б. А., археолог 37, 38, 43
Кушаны, династия 133, 170, 178, 180
Куш-Тегин, хорезмский феодал 295
Ладыженский, инженер-майор, исследователь Каспия 412, 447
Левина В. А., археолог 358, 409, 411
Лившиц В. А., востоковед 120, 121
Ленин В. И. 10, 115
Липпо Мемми, художник 363
Литвинский Б. А., археолог 278, 304, 308, 316, 358, 441
Лоренцо-ди Креди, художник 368
Лукиан, писатель 115
Лэн-Пуль, востоковед 264
Лыкошин Н. С., этнограф 205
Мавляна Мирек Чангей-и Бухари, музыкант 349
Магрупи, туркменский поэт 453
Маздак, вождь народного движения 152, 153, 154, 168
Мазлум-Сулу 364
Мазьяр, правитель Табаристана 210
Макдиси, географ 181, 186, 188, 198, 212, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 226, 227, 228, 232, 233, 235, 242, 354, 355
Мамай, хан Золотой Орды 315, 328
Мамед-Берды-бек, туркменский предводитель 429
Мамун, халиф 207, 208, 238, 239
Мамун, хорезмшах 235, 352
Мамуниды, династия 222

Мани, религиозный проповедник в Иране 152
Манукян М. А., зоотехник 186
Марвази, историк 182
Марков А. К., нумизмат 83
Марко Поло, путешественник 363
Маркс К. 10, 47, 54, 70, 95, 126, 135, 155, 176, 228, 229, 257, 296, 297, 303, 323, 326, 330
Мартын Кондратьев, астраханский купец 398
Марущенко А. А., археолог 38, 333
Масиста, персидский царевич 64
Массон В. М., археолог 5, 38, 48, 50, 67, 145, 155, 157, 165
Массон М. Е., археолог 5, 66, 67, 77, 89, 96, 102, 107, 121, 126, 136, 137, 156, 160, 165, 167, 185, 217, 219, 220, 258, 259, 260, 282, 284, 296, 304, 308, 318, 336, 338, 353, 355, 358, 362, 363, 365, 438
Масуд Газневи, эмир Газны 236, 246, 247, 248, 250, 251, 252, 256, 344
Масуди, географ 180, 183, 195, 196, 205
Масуди Мервези, поэт 239
Махди, вождь огузов 178
Махисти, поэтесса 348
Махмуд, огузский предводитель 277
Махмуд Газневи, эмир Газны 197, 233, 235, 236, 245, 246, 276, 344, 358
Махмуд ибн Мухаммед аль-Джагмини аль-Хорезми, астроном 347
Махмуд Кашгарский, филолог 8, 178, 180, 181, 182, 184, 185, 188, 189, 190, 194, 240, 322, 349
Махмуд Ялавач, хорезмский купец 296
Махтумкули (Фраги), туркменский поэт 240, 411, 453, 454, 455
Мацулевич Л. А., историк 131
Медж аль-мульк, хорасанский вельможа 344
Мелик-шах, сельджукидский султан 257, 262, 266, 267, 268, 272, 279
Менандр Протектор, византийский историк 142
Менгли Гельдысакау, иомутский предводитель 444
Менгу-каган, монгольский хан 299
Мерщиев М. С., археолог 368
Мехди-хан Астрабадский, историк 410, 413, 418, 421, 422, 423, 424, 425, 428
Миклухо-Маклай Н. М., востоковед 417, 422, 423, 424
Миллер Г. Ф., историк 421
Минская династия 338
Мир Абдул-Керим Бухарский, историк 434, 436, 441
Мирза Мухаммед Таги-хан, историк 437
Миран-шах, тимуридский царевич 331
Мирек, туркменский феодал 336
Мир-Махмуд, вождь афганского племени гильзаев 417
Мирхонд, историк 10, 198, 201, 202, 204, 249, 250, 253, 267, 334, 336, 341, 342, 377
Мир-шах, предводитель приузбойских туркмен 342
Митридат I, царь Парфии 89, 120
Митридат II, царь Парфии 90, 107, 117
Митридат III, царь Парфии 115
Митридат IV, царь Парфии 121
Михаил Федорович, царь 398, 400
Михредат, писец 120
Мицкевич А., поэт 453
Моисей Хоренский, историк 124
Молчанов А. А., востоковед 333, 334, 335
Мошкова В. Г., этнограф 11, 152, 278, 363, 404
Муайид ай-Аба, хорасанский феодал 274, 276, 281
Мубарек-шах, туркменский предводитель 327

Муджир аль-мульк, хорезмский везир 294
Муканна (Хашим иби Хаким), вождь народного восстания 167, 168, 169, 345
Мунис, историк 9, 325, 375, 381, 382, 399, 401, 402 403, 404, 408, 409, 415, 418, 423, 427, 428, 436, 437, 439, 444, 445
Мунтаджаб ад-дин Беди, поэт 348
Муравин, геодезист, русский путешественник 425
Мурад-сердар, текинский предводитель 438
Мур-Яви, правитель огузов 205
Муса иби Сельджук, предводитель туркмен-сельджуков 202, 245, 255
Муса-хан, хан Хивы 415
Мустафа, узбекский хан 342
Мухаммед, предводитель халаджей 277
Мухаммед, пророк 160, 165, 166, 242
Мухаммед, хорасанский феодал 367
Мухаммед-Али Ошак, иомутский предводитель 425, 429
Мухаммед-бек, монгольский феодал 311
Мухаммед-Гази, узбекский феодал 383
Мухаммед-Заман-мирза, тимуридский царевич 384
Мухаммед Зейд 358
Мухаммед Зирири, хорасанский феодал 337
Мухаммед иби аль-Мунаввар Мейхени, историк 251, 279, 346
Мухаммед иби аль-Хусейн аль-Нака, зодчий 356
Мухаммед иби Атсыз, зодчий 358
Мухаммед иби Ахмед ан-Несеви, историк 8, 278, 285, 291, 292, 293, 295, 296, 346, 359
Мухаммед иби Муса аль-Хорезми, ученый 238, 239
Мухаммед иби Наджиб Бекран, географ 199, 261, 278, 280, 347
Мухаммед Казим, историк 408, 417, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433
Мухаммед Накшеби, карматский проповедник в Бухаре 230
Мухаммед-Рахим, эмир Бухары 435
Мухаммед Тахир, эмир Хорасана 210
Мухаммед Хасан-хан, каджарский предводитель 428, 432
Мухаммед Хусейн-бек, туркменский предводитель 399
Мухаммед-Эмин, хан Хивы 444, 445
Мухаммед Эмин Кирак Яранчи, историк 404
Мухаммед-Яр-хан, правитель Астрабада 390, 391
Навелл Э., английский историк 85
Надж ад-даула ад-дин 317
Наджм ад-дин Кубра, суфийский шейх 364
Надир-Мухаммед (Надыр-Магомет царь), правитель Балха 406
Надир-шах (Надир-хан), шах Ирана 407, 408, 410, 413, 414, 418, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 443, 444, 453
Нариман 239
Нарсе, парфянский вельможа 94
Наршахи, историк 168, 169, 205, 211, 212, 232
Насир, халиф 282
Насонов А. Н., историк 11, 152, 342
Наср, эмир Бухары 230
Наср, среднеазиатский феодал 211
Неразик Е. Е., археолог 171
Низак Тархан, хорасанский феодал 162
Низам ад-дин Шами, историк 190, 311, 327, 328, 329, 330, 331
Низам аль-мульк, везир Алп-Арслана и Мелик-шаха 168, 211, 230, 262, 263, 264, 266, 267, 268, 269, 272, 344, 345

Низам аль-мульк Мухаммед иби Салих, везир хорезмшаха Мухаммеда II 286
Низами Гянджеви, поэт 270
Николо Буонакорсо, художник 363
Нин, легендарный ассирийский царь 55
Нияз-кули халифа, советник бухарского эмира Шах-Мурада 433
Новруз, хорасанский феодал 304
Ногай, монгольский феодал 314
Нурали, казахский хан 443, 444
Нурмухаммедов К., историк 6
Нур-Мухаммед-хан, правитель Мерва и Нисы 385, 386, 393, 394
Нух I ибн Наср, эмир Бухары 227, 230, 233
Нух II, эмир Бухары 235
Огуз-хан, мифический родоначальник огузов 177, 181, 194
Окладников А. П., археолог 5, 23, 27, 31, 32
Оксиарт, бактрийский вельможа 78, 83
Октавиан Август, римский император 91
Олмстэд, историк 64
Омар, поэт 239
Омари, географ 312, 321, 326
Омар Хайям, хорасанский поэт и ученый 347
Омар-хан, правитель Языра 282
Омейяды, династия 162, 165, 166, 167
Ород I, царь Парфии 90, 91, 107, 117
Осман, правитель огузов 205, 282
Ошанин Л. В., антрополог 94
Павел Оросий, историк 95, 98
Пампелли Р., геолог 52
Парка, хорасанский феодал 336
Патканьян К., историк 159
Патрокл, греческий полководец 82
Пахлабад (см. Барбуд)
Пахомов Е. А., историк 107
Периханян А. Г., историк 112
Пероз (Фируз), царь Ирана 148, 149, 150
Петр I, император 416, 418, 419, 420, 421, 446
Петров Е., историк 442
Петрушевский И. П., историк-востоковед 226, 301, 303, 304, 306, 307, 308, 310, 416
Пигулевская Н. В., историк-востоковед 94, 142, 146, 148, 151, 153, 154
Пилявский В. И., архитектор 364
Пиотровский Б. Б., археолог 71
Пирали, казахский хан 443
Пир-Дервиш, хорасанский феодал 336
Пифон, сатрап Мидии 80
Плано Карпини, путешественник 285, 313
Плиний, ученый 77, 81, 82, 96, 98, 99, 104, 106, 112, 116
Плутарх, историк 106, 110, 117, 118
Полибий, историк 66, 130
Полиэн, историк 63
Померанцев П. П., картограф 6
Помпей, римский полководец 91
Попов А. Н., историк 418
Прашек, историк 59
Прибыткова А. М., архитектор-искусствовед 354, 355, 356
Прокопий Кесарийский, историк 143, 144, 148
Птолемей, географ 98, 99, 100, 111, 112
Пугаченкова Г. А., архитектор-искусствовед 5, 6, 125, 174, 175, 242, 338, 339, 354, 355, 357, 361, 368

Равенди, историк 202, 248, 250, 252, 254, 255, 257, 269, 271, 273, 274, 276, 277, 279
Разумовская В., историк 423
Рахман-кули-султан, туркменский предводитель 405
Рашид-ад-дин, историк 10, 179, 181, 290, 294, 295, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 323, 357, 360, 361
Рашид ад-дин Ватват, поэт 348
Риза-кули-мирза, иранский принц 423, 432
Роксана, жена Александра Македонского 78
Роман Диоген, византийский император 266
Ромаскевич А. А., востоковед 9
Ромодин В. А., востоковед 6
Росляков А. А., историк 5, 6, 136, 155, 156, 204, 304, 433, 434
Ростовцев М. И., историк 110
Рошган, парфянский чиновник 120
Руденко С. И., археолог 69
Рустам (Рустам-зал), богатырь иранского эпоса 124, 239, 450
Рустам-бек, туркменский предводитель 433
Рычков П., географ 443
Сазонова М. В., этнограф 140
Саин Хан (см. Батый)
Салар-и Бузган Абуль-Касим Кубани, хорасанский феодал 254
Сали-нойон, монгольский военачальник 303
Салыр-Казан, легендарный богатырь огузов 240
Салыр-Огурджик, туркменский предводитель 318
Сам 239
Саманиды, династия 181, 201, 205, 224, 227, 230, 231, 232, 233, 235, 239, 244, 245
Саманов, князь 419
Санклы-Син, монгольский наместник 320
Сапаров О., историк 411
Сасан, персидский вельможа 93
Сасаниды, династия 96, 126, 136, 138, 146, 147, 148, 149, 156, 157, 159, 170, 173, 239
Саффариды, династия 210, 211
Сахль ибн Шадан, ткач 243
Светоний, историк 130, 131
Себук-Тегин, эмир Газны 233
Сеид Ала ад-дин 365
Сеид-Ата, суфийский шейх 373, 399
Сеиди, туркменский поэт 406, 409
Селевк I, селевкидский государь 78, 81, 82
Селевк II, селевкидский государь 88, 89
Селевкиды, династия 81, 82, 83, 85, 87, 88, 89
Сельджук, туркменский предводитель 198, 202, 206, 244, 245, 349
Сельджукиды, династия 190, 192, 245, 250, 253, 254, 255, 263, 265, 266, 269, 270, 271, 272, 275, 350
Семенов А. А., историк-востоковед 356, 358
Семирамида, жена легендарного ассирийского царя Нина 55
Сефевиды, династия 369, 372, 373, 381, 416, 417
Симджури, хорасанский феодал 235
Синкел 88
Сирак, пастух 63
Скунха, вождь саков 63
Смирнов К. Ф., историк 138
Смирнов Я. И., историк 175
Соймонов Ф. И., русский исследователь Каспия 410, 420, 421
Соловьев С. М., историк 418, 419
Солтан-Союн (см. Султан Хусейн Байкара).

Сонни А., историк 131, 144
Спитамен, согдийский вельможа 76, 78, 82
Стасанор, правитель Бактрии 80
Степан Бахмуров, астраханский купец 398
Страбон, географ 82, 87, 89, 94, 95, 96, 97, 99, 114, 115
Строева Л. В., историк 311
Струве В. В., историк-востоковед 9, 60, 61, 62, 63, 72, 105, 110
Суботич Д. И. (Субботич), нач. Закаспийской области 379, 410, 438
Субутай, монгольский военачальник 291, 292
Сул, правитель Дехистана 163
Сулла, римский диктатор 90
Сулейман ибн Кутулмыш, предводитель туркмен-сельджуков 267
Сулейман-Суфи, правитель Хорезма 328, 329
Сулейман-шах, хорасанский феодал 275
Султан-Али, туркменский предводитель 342
Султан Санджар, правитель Хорасана 258, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 278, 280, 282, 334, 345, 347, 348, 352, 356, 357, 358, 366, 367
Султан-Хусейн Байкара, эмир Хорасана 340, 342, 350, 371, 417
Султан-шах, хорезмский царевич 278, 279, 281, 282
Сурена, парфянский полководец 117
Суфи, династия 317, 328, 365
Суфиян-хан, правитель Хорезма 382, 388
Сююнуч-бий, туркменский феодал 394
Табари, историк 155, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 166, 167, 173, 174, 175, 213
Тадж-ад-дин Абу Сад ас-Самани, ученый 8, 258, 259, 261, 277, 278, 279
Тадж-ад-дин Багдади, шейх 286
Тальха ибн Тахир, наместник Хорасана 208, 239
Тамерлан (см. Тимур)
Тарн В., историк 85, 110
Тархун, согдийский феодал 201
Тахир Зу-ль-Яминейн, эмир Хорасана 207, 208
Тахир ибн Абдаллах, эмир Хорасана 210
Тахир ибн Хусейн, эмир Хорасана 169
Тахириды, династия 170, 208, 210, 211, 224
Тахир-хан, иранский наместник в Хорезме 426
Тахмасп I, шах Ирана 384, 385, 387, 388, 391, 417, 422
Тацит, историк 92, 118
Тебелев Г., капитан 408, 412, 413, 414, 446
Тейле Э. Э., краевед 280
Текеш, хорезмшах 267, 281, 282, 285, 346, 357, 365
Текудер (Ахмед), монгольский хан 306
Тэмучин (см. Чингис-хан).
Тенгри-берды, туркменский предводитель 399
Тер-Григорян Т., историк 156
Тереножкин А. И., археолог 175
Тизенгаузен В. Г., востоковед 285, 291, 294, 310, 312, 316, 317, 321, 326
Тимур (Тамерлан) 299, 311, 315, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 335, 336, 337, 365, 366
Тимуриды, династия 311, 327, 331, 334, 339, 340, 342, 350, 367, 371
Тимур-мелик, хорезмский военачальник 293
Тимур-султан, узбекский хан 392
Тимур-шах, правитель Афганистана 435, 436
Тиридат I, царь Парфии 84, 88, 92
Тогрул-бек, сельджукский предводитель 190, 191, 197, 202, 245, 249, 250, 251, 253, 254, 255, 282
Тогрул-Тегин, хорасанский феодал 280
Тогучар-нойон, монгольский военачальник 291, 292

Токмачев, капитан, русский исследователь Каспия 447
Толстов С. П., историк 32, 33, 52, 53, 67, 68, 71, 78, 81, 84, 110, 126, 127, 128, 129, 130, 132, 133, 134, 135, 138, 139, 140, 158, 159, 171, 179, 180, 205, 206, 234, 235, 241, 253, 283, 315, 316, 317, 321, 322, 329, 341, 353, 379, 395, 409
Томирис, правительница массагетов 60, 71
Тохтамыш, хан Золотой Орды 315, 321, 328, 331
Травин М., поручик, русский исследователь Каспийского моря 420
Тревер К. В., историк 77
Трог Помпей, историк 87
Туган-шах, хорасанский феодал 281, 285
Гуйходжи-оглан, монгольский феодал 321
Тукак, огузский предводитель 202, 244, 349
Гулуй, младший сын Чингис-Хана 294
Туман, правитель огузов 205
Гуманский А. Г., востоковед 177, 322
Гураев Б. А., историк-востоковед 59, 69
Туркан-Хатун (жена султана Мелик-шаха) 268
Туркан-Хатун (мать хорезмшаха Мухаммеда II) 286, 293
Турумчи-бек, туркменский вельможа 385
Гути, огузский предводитель 276, 277
Тутуш, сельджукский предводитель 267
Тюрин В. О., историк 60
Тюрябек-ханым, жена Кутлуг-Тимура 364, 365
Убейдулла-хан, хан Бухары 381, 384
Угэдей, сын Чингис-хана 293, 397, 298
Узбек, хан Золотой Орды 310, 315, 317
Улджейту, монгольский хан 309
Улуг-бек, правитель Мавераннахра и Хорасана, астроном 336, 339
Урус-онбеги, предводитель хорезмских туркмен 401
Урусов В., князь, русский исследователь Каспийского моря 420
Устад Махмуд, музыкант 349
Фарасман, царь Хорезма 77
Фаррахосроу, хорасанская феодальная фамилия 225
Фатима, жена пророка Мухаммеда 165
Фахр ад-дин-Рази, историк 255, 346, 357, 365
Федор, епископ 174
Федоров П. В., геолог 20
Федорович Б. А., геолог 22, 25
Фелькерзам А. 363, 368
Феофан Византийский, историк 142, 146
Ферокл (Агафокл, Антеджеша, см. также Андрагор), сатрап Парфии 88
Филипп, правитель Парфии 80
Фирдоуси, поэт 239, 450
Фируз (см. Пероз)
Формозов А. А., археолог 32
Фраат II, царь Парфии 89, 90
Фраат IV, царь Парфии 91, 107
Фравартиш, руководитель восстания 61, 62
Фрада, вождь народного восстания 62
Фратаферн, сатрап Парфии 74, 75, 76, 77, 78, 80
Фрейман А. А., филолог 212
Фриапат, дахо-парнский предводитель 88
Хабаш, ученый 238
Хабеш, узбекский феодал 399
Хаджи-Мухаммед-хан (Хаджим-хан), хан Хивы 393, 394, 399
Хамдаллах Казвини, ученый 170, 309, 345
Хамджердз, предводитель восстания в Хорезме 164
Хамзаиды, династия 282

Хасан, хорасанский феодал 336
Хасан, поэт 347
Хасан, сельджукский предводитель 255
Хасан-бек Румлю, историк 373, 381, 385, 386, 388
Харис ибн Сурейдж, руководитель восстания 166
Харун, наместник Хорезма 236
Хафиз-и Абру, историк 310, 311, 332, 335, 336, 337, 338, 367
Хашим ибн Хаким (см. Муканна)
Хвостов М. М., историк 108
Херцфельд Е., историк-востоковед 95
Хинду-хан, правитель Языра 278
Ходзько, ученый 453
Ходжа Ахмед Ясеви, суфийский шейх 373
Ходжа-Непес, туркменский купец 419, 420
Ходжам-Берды-хан, туркменский предводитель 441
Хондемир, историк 335, 372, 373, 384
Хорен, правитель Согдианы 78
Хосров I Ануширван, царь Ирана 154, 157, 170
Хосров II Парвез, царь Ирана 171
Хулагуиды, династия 301, 305, 310, 314, 315, 319, 320, 323
Хулагу-хан, монгольский хан 298, 299, 300, 303
Хумар-Тегин, правитель Хорезма 293
Хурзад, руководитель восстания 163, 164
Хуррема, жена Маздака 168
Хусейн ибн Тахир, хорасанский феодал 210, 211
Хусейн Суфи, правитель Хорезма 327, 328
Хыдыров М. Н., филолог 417, 437
Хызр-Джуре, туркменский предводитель 322
Цидоло, Кидолу (см. Кидара)
Цветков И. П., востоковед 112
Чагатай, сын Чингис-хана 293
Чагры-бек, сельджукский предводитель 190, 202, 245, 249, 253, 254, 255, 266, 277
Чандрагупта, индийский царь 81
Чарыев Г. А., философ 5, 6
Чжан-Цян, китайский путешественник 105
Чингис-хан (Тэмучин) 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 312, 373
Чопан, монгольский феодал 310
Чормагун-нойон, монгольский военачальник 297, 299
Чулошников А,. историк 396, 397, 402
Шабенде, туркменский поэт 441, 453
Шамс-ад-дин Казвини, хорасанский вельможа 299
Шапур II, царь Ирана 147, 148
Шах-Кули-хан, хорасанский феодал 431
Шах-мелик, правитель Хорезма 191, 197, 253, 334
Шах-Мурад, эмир Бухары 433, 435, 436
Шах-Нияз-хан, хан Хивы 404, 415
Шахрух, правитель Хорасана и Мавераннахра 331, 332, 334, 335, 339, 340, 342, 367
Шейбан, правитель огузов 205
Шейбани-хан, хан Бухары 370, 371, 372, 373, 381
Шейх-Дауд, туркменский предводитель 330
Шереф ад-дин Езди, историк 328, 329
Шереф аль-мульк 344
Шереф Ходжа, шейх 319
Шереф, шейх 351
Шопен, композитор 453
Эмир Моиззи, поэт 347, 348

Энгельс Ф. 10, 18, 27, 47, 53, 54, 70, 95, 135, 155, 176, 192, 228, 229, 255, 257, 296, 297, 330, 354
Эренг-хан, хан Хивы 403
Эрсари-бай (Эрсари-баба), туркменский предводитель 319, 322, 323
Эфталан (Иеда, Иета-и-ли-то), царь хионитов 142, 148
Юстин, историк 59, 78, 80, 83, 88, 89, 90, 97, 111, 114, 115, 118, 123
Юсуф Суфи, правитель Хорезма 328
Ягмур-хан, предводитель языров 278
Якуби, историк 183, 184, 185, 187, 195, 207, 216
Якуб иби Лейс, эмир Хорасана и Сеистана 210, 211
Якубовский А. Ю., историк 9, 11, 135, 151, 152, 153, 167, 168, 169, 177, 219, 221, 225, 236, 261, 287, 312, 316, 317, 327, 328, 329, 363, 365
Якут, географ 269, 279, 280, 282, 283, 284, 285, 343, 346, 357
Янал (см. Йинал младший)
Ясаул, чагатайский царевич 310

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абдулла-Хан-Кала, крепость 332, 336
Абиверд, город 8, 161, 167, 174, 201, 207, 216, 217, 220, 224, 235, 242, 243, 246, 250, 251, 256, 260, 276, 278, 294, 295, 309, 311, 330, 336, 337, 343, 351, 355, 356, 362, 368, 384, 385, 404, 411, 421, 422, 428
Адак, город 321, 322, 342, 371, 375, 376
Адак (см. Огурчинский)
Адиабена, область 92
Аджи-Кала, крепость 433
Азербайджан 107, 154, 253, 254, 297, 301, 302, 303, 305, 308, 310, 314, 315, 320, 340, 372, 416
Азия 22, 25, 26, 28, 75, 99, 186, 287, 289, 297, 315, 316, 363, 369, 400, 416, 418.
Айбугир-Кала, городище 128
Ак-Депе, остатки поселения 44
Акес, река 66
Акир, караван-сарай 220
Ак-Дери-Кала, крепость 433
Ак-Кала, городище 375
Ак-Кала, укрепленная усадьба 439
Ак-Орда, монгольский улус 314
Ак-Сарай, дворец 366, 427, 429
Акча-Гелин, городище 128
Акча-Дарья проток Аму-Дарьи 33
Акча-Кала, караван-сарай 259
Александр-Бай, крепость 420
Александрия Маргианская, город 77, 81
Александрополь, город 77
Алмалык 177
Алтай 69, 71, 157, 158
Алтын-Депе, остатки поселения 44, 49
Аль-Аскер, городище 352, 353
Аль-Бухейра, город 163
Аль-Джезир (см. Месопотамия)
Амбар, город 444
Амида, город 147
Аму-Дарья (см. также Окс, Джейхун, Аракс) 12, 13, 14, 15, 20, 22, 29, 32, 34, 48, 52, 53, 57, 58, 60, 63, 76, 77, 92, 95, 109, 127, 129, 473

132, 138, 140, 141, 146, 147, 149, 150, 157, 163, 164, 169, 212, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 234, 237, 245, 266, 273, 291, 292, 293, 295, 296, 300, 303, 311, 317, 321, 337, 342, 345, 354, 377, 378, 383, 392, 394, 395, 396, 400, 401, 404, 406, 407, 409, 410, 411, 412, 418, 419, 420, 424, 425, 433, 435, 436, 437, 439, 445
Аму-Дарьинский оазис 12.
Амуль (см. также Чарджуй), город 102, 109, 220, 258, 259, 280, 292, 300, 304, 338, 353, 354.
Анау (см. также Багабад), город 8, 98, 333, 338, 366, 367, 368, 422, 439, 449.
Анау, остатки поселения 7, 38, 40, 44, 50, 52, 67
Ангка-Кала, стоянка 52
Англия 416
Андераб, загородный дворец 269, 275
Андижан, город 330
Андхой, город 429
Аниковское, село 175
Антиохия Маргианская, город 82, 84, 99, 100, 101, 102, 112
Аньси, Ансак (см. Парфия)
Апаварктикена, область 83, 88, 95, 97, 98, 99, 105, 116, 137
Аравали-Депе, остатки поселения 51, 57
Аравийский залив 34
Аравия 109, 160
Аракс (см. также Аму-Дарья) 58, 60
Арал, область 401, 427, 444
Аральское море (Джендское море) 20, 63, 131, 157, 177, 183, 185, 189, 315, 419
Арата, город 99
Арахозия, область 65, 97
Аргадина (Арадена), город 99
Арея (Ария), область 65, 76, 82, 90, 94, 96, 97, 99
Ариака, город 100, 102
Армения 90, 92, 104, 109, 124, 253, 254, 266, 416
Артокоана, город 82
Артык, станция 40, 42, 43, 44
Арчин-Кала, укрепленная усадьба 439
Аршакидское государство 84, 87, 88, 93, 95, 96, 100, 102, 104, 108, 110, 113, 119, 120, 121, 126, 136
Асаак 122
Асади, канал 213
Асбас, город 220
Аспиона, сатрапия 89
Ассирия 55
Астана-Баба 356
Аставена, область 83, 88, 95, 98, 106, 116
Астрабад, город 47, 157, 371, 388, 390, 391, 404, 420, 426, 427, 428
Астрабадская область 371, 388, 389, 390, 391
Астрахань (Хаджи-Тархан), город 329, 378, 397, 413, 419, 420, 446, 447, 448
Асхабад, селение на р. Мургаб 221
Атек (Атекский оазис) 12, 13, 46, 94, 99, 146, 336, 369, 381, 385, 387, 405, 407, 422, 425, 429, 437, 439
Атрек, река 49, 97, 144, 145, 149, 217, 237, 336, 369, 379, 380, 383, 387, 392, 407, 410, 416, 417.
Аучин-Депе, остатки поселения 50
Афганистан 15, 57, 75, 141, 150, 177, 207, 218, 233, 268, 270, 422, 435, 437, 444
Афригидское государство 138

Африка 26, 28
Ахал (Ахал-Текинский оазис) 12, 13, 46, 94, 97, 278, 333, 336, 369, 377, 381, 385, 387, 393, 401, 405, 406, 407, 417, 437, 438, 439, 446
Ахеменидское государство 55, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 68, 69, 70, 73, 76, 79, 91, 95.
Ахнаф, замок 221
Ахур, город 260, 351, 361.
Ашхабад, город 11, 31, 36, 37, 44, 88, 98, 137, 155, 156, 333
Ашхабадский район 437
Аяз-Кала, поселение 132
Баба-Дурмаз, станция 112
Баб-ат-Тюрк (см. Занджан)
Багабад (см. также Анау), город 333, 386, 422
Багдад 208, 211, 212, 221, 222, 238, 253, 259, 268, 282, 299, 300, 346
Багир, селение 77, 88, 95, 96, 98, 136, 156, 219, 282, 296, 304, 308, 336, 362, 377, 438
Бадахшан, область 146, 409, 426, 443.
Бадгыс, область 162, 218, 298, 301, 304, 311, 373
Базар-Кала, городище 84
Ба-и Бабан, местность 174
Байрам-Али, город 66, 82, 148, 332
Байрам-Али-Хан-Кала, городище 332, 366
Байсунские горы 23
Бактрия 54, 55, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 92, 96, 108, 130, 147
Баку 6, 107, 448
Балтийское море 418
Балх, город и область 102, 146, 149, 162, 167, 177, 211, 212, 221, 253, 255, 258, 268, 269, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 296, 304, 348, 400, 406, 407, 423, 426, 435, 443
Балханы, горы 12, 16, 23, 27, 148, 182, 184, 197, 199, 210, 246, 251, 261, 272, 312, 318, 319, 320, 321, 323, 335, 340, 341, 342, 375, 376 379, 382, 388, 392, 399, 407, 409, 425, 427, 429, 436
Балханский берег 427
Балханский залив 420, 427
Балханский полуостров 42
Бами, станция 48, 401
Бамиан, город 146
Барванджирд, городище 279
Барка, город 70
Батну (Батнах), город 109
Бахарден, станция 259.
Бахарденский район 156
Безмеин, селение 156, 377, 438
Бейвенче-Кала, туркменская крепость 437
Белуджистан 40, 42, 43, 48
Бенгалия 277
Беркут-Кала, крепость 140
Беркут-Калинский канал 140
Беурме, селение 48, 97, 401
Бистам, город 278, 291, 308, 310
Бихар, область 277
Бихразан, городок 283
Ближний Восток 13, 36, 37, 40, 55, 65, 66, 68, 71, 151, 220, 299, 360, 363, 413, 426
Болгар, город 221
Большая Кыз-Кала, замок 172

Большая Нагим-Кала, замок 172
Большой Юэчжы (см. Кушанское государство)
Булдумсаз, крепость 371, 375, 378
Бурдалык, район 220
Бурят-Монголия 287
Буст, область 255
Бутентау-Кала, городище 132
Бухара, город и область 130, 146, 168, 196, 205, 211, 212, 220, 230, 236, 239, 245, 267, 270, 272, 273, 291, 295, 296, 303, 304, 350, 371, 373, 374, 394, 400, 404, 409, 413, 418, 419, 423, 424, 426, 432, 433, 435, 436, 440, 441, 443, 444, 445, 447, 448
Бухарский оазис 130, 205
Бушенг (Бушендж), область 207, 306
Вавилония (Вавилон) 59, 66, 71, 78, 80, 81, 89
Ведак, канал 215
Везир (Селлузюр), город 321, 342, 373, 375, 378, 392, 393, 395, 452
Виза, поселение 220
Византия 146, 161, 171, 253, 254, 255, 266, 267
Вишпаузатиш, поселение 61, 68
Волга 107, 206, 221, 284
Восточная Европа 40, 219, 220, 221, 234, 261, 284, 308, 315, 326, 363, 396
Гавгамелы, селение 73, 74
Гавхоре, канал 283
Газна, город 233, 269, 277, 294, 344, 347, 358
Газневидское государство 235, 236, 247, 255, 343
Гар-и-Камарбанд, пещера 30, 35
Гарк, городище 279
Гарчистан, область 226, 229, 294, 431
Гатар, город 98
Генугирд, город 157, 220, 282
Геоксюр, станция 40
Геок-Тепе, крепость 37, 50, 72, 417, 437
Геокчик, городище 145
Герат, город 65, 162, 167, 207, 210, 229, 250, 255, 267, 269, 277, 295, 304, 311, 329, 332, 333, 334, 335, 336, 338, 339, 340, 371, 372, 373, 381, 384, 396, 428
Гератская долина 13, 337
Гератская область 250
Герируд (см. р. Теджен).
Геркез-Даг, гора 184, 379
Гермаб (см. Дармаб)
Германия 354
Гилякин-Чилбурдж, крепость 102, 119, 258
Гиндукуш, горы 78
Гиркания (см. также Гурган), область 55, 57, 58, 59, 61, 65, 70, 72, 75, 80, 88, 91, 92, 94, 95, 97, 115, 124, 131
Гок-Гумбез, кладбище 298, 309, 362.
Гоклен-Куюсы, колодец 375
Горго, город 148, 149
Горган, Гурген (см. Гюрген)
Греко-Бактрийское царство 84, 88, 89, 92, 127, 130
Греция 73, 79, 80
Грузия 253, 266, 297
Гузган, область 211, 216, 218, 226, 294
Гур, область 213, 229, 269, 273, 276, 281, 282, 286
Гурган (Гурген, Джурджан), область 124, 162, 208, 219, 222, 225, 236,

247, 253, 269, 271, 276, 277, 281, 295, 329, 330, 336, 339
Гургандж (Ургенч, Куня-Ургенч), город 7, 8, 164, 215, 219, 221, 222, 234, 235, 260, 282, 285, 293, 296, 308, 309, 315, 316, 317, 326, 328, 329, 331, 336, 339, 343, 344, 346, 349, 351, 352, 353, 357, 359, 361, 363, 364, 365, 366, 371, 372, 373, 375, 378, 382, 385, 388, 392, 393, 401, 402, 425, 427, 448
Гурген (см. Гурган)
Гуриан, город 99
Гурьев, город 413
Гюль-Заде, оазис 156
Гюрген (Гурген, Горган), река 149, 159, 217, 339, 340, 344, 369, 380, 387, 390, 391, 406, 407, 416, 417, 428
Гяур-Кала (античный Мерв), городище 7, 71, 82, 101, 132, 157, 361, 366
Гяурс, селение 98, 438
Дэйна, селение 46
Дальний Восток 158, 220, 368, 418
Дамаск, город 267
Дэмган 46, 306
Дамганский округ 116
Дам-Дам-Чешме, пещера 27, 28
Данданкан, город 217, 220, 243, 252, 277, 355
Дарган (совр. Дарган-Ата), город 216, 221, 234
Дарган-Ата селение 407
Дарданеллы 73
Дарьялык (Куня-Дарья), старое русло Аму-Дарьи 128, 317, 321, 322, 340, 342, 375, 383, 395, 401, 405, 452
Даудан, канал 128
Дахистан (Дехистан), город и область 48, 49, 64, 94, 97, 135, 137, 145, 155, 159, 162, 163, 165, 184, 210, 215, 216, 218, 219, 220, 242, 243, 256, 260, 271, 276, 278, 281, 303, 308, 309, 329, 335, 336, 351, 352, 355, 356, 357, 358, 359, 361, 363, 366
Дацинь (см. Рим)
Даш-Рабат, городище 252
Дая Хатын, караван-сарай 354
Двуречье 48, 84
Дев-Кескен, городище 132, 321, 375, 393
Дейлем, область 299
Дели, город 330, 424
Дервиш, полуостров 427
Дерегез, область 421
Дех-и-Базерганан, местность 249
Дех-и-Нау (см. Янгикент)
Дехистан (см. Дахистан)
Дешт-и-Гурган, степь 97
Дешт-и-Кипчак, степь 312, 340, 342, 370
Джанак, район 199
Джанбас-Кала, стоянка 32, 33, 34, 53, 84, 132
Джанурпа, стоянка 23
Джаныкент (см. Янгикент)
Джар-Курган, город 358
Джармаб (Гермаб), селение 336
Джебел, станция 28
Джебельский грот (пещера Джебел) 7, 28, 29, 30, 34, 35, 36, 38
Джейтун, остатки поселения, 31, 36, 37, 38
Джейхун (см. также Аму-Дарья) 474, 488
Дженд, город 188, 189, 204, 253, 267, 272, 281, 282, 292
Джендское море (см. Аральское море).

Джигирбенд, селение 221
Джойрук, местность 23
Джубука, базар 258
Джурджан (см. Гурган)
Диван, караван-сарай 220
Динар, колодец 402
Дрангиана, область 90, 97
Дуе-Чакын, городище 174
Дукар, городище 279
Дукер, колодец 319
Дура Европос, город 116
Дурун, город 278, 318, 330, 336, 368, 376, 381, 383, 384, 385, 386, 388, 405, 409, 417, 422, 428, 437, 449
Душак, станция 44, 337
Дюнеш-Кала, крепость 184, 342
Евразия 138
Европа 13, 22, 25, 26, 28, 97, 108, 131, 138, 209, 228, 258, 260, 316, 360, 369, 397, 398, 418
Евфрат, река 48, 90, 97, 115
Египет (Миср) 36, 60, 70, 83, 88, 108, 109, 129, 271, 300, 306
Елькен-Депе, остатки поселения 51, 57, 67
Енисей 34
Загчэйл, крепость 421
Закавказье 42, 48, 253, 254, 266, 268, 297, 299, 300, 330, 422
Закаспийская область 9, 280, 379, 410, 417, 438
Занджан (Баб-ат-Тюрк), селение 221
Западная Европа 227, 416
Западная Сибирь 34, 312
Западно-Тюркский каганат 176, 199, 200
Зарк, селение 213
Земахшар (Змукшир), город 132, 140, 234, 243, 260, 349, 351
Земм (см. также Керки), город 218, 220, 338
Зерафшан, река 52, 59, 205
Золотая Орда 285, 287, 291, 294, 297, 300, 310, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 323, 324, 325, 328, 329, 330, 331, 361
Зота (Зотал), водохранилище 112
Исаконий, город 99, 100
Иезд, город 417
Изат-Кули, остатки поселения 7, 48, 49, 51
Инд, река 42, 48, 61, 79, 295
Индийский океан 34, 110, 253
Индия 40, 67, 69, 70, 78, 82, 84, 97, 102, 104, 108, 109, 139, 146, 147, 150, 158, 170, 221, 246, 247, 248, 277, 295, 299, 303, 330, 344, 397, 398, 418, 420, 422, 423, 424
Иолотань, город 436
Ирак 36, 209, 217, 236, 246, 247, 253, 254, 267, 268, 282, 297, 301, 422
Иран 13, 15, 30, 35, 36, 40, 42, 43, 46, 48, 57, 73, 86, 90, 94, 112, 135, 139, 141, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 152, 153, 154, 155, 157, 159, 160, 161, 162, 181, 196, 197, 207, 211, 217, 236, 246, 253, 254, 255, 256, 267, 268, 270, 271, 282, 297, 299, 301, 307, 308, 309, 311, 330, 360, 372, 374, 377, 386, 387, 389, 391, 393, 397, 399, 400, 404, 407, 417, 421, 422, 430, 431, 432, 433, 440
Иртыш, река 419
Испания 271
Иссык-Куль, озеро 177, 178
Исфахан, город 124, 243, 330, 417
Исфиджаб, город 177, 181, 185, 233
Италия 126, 363
Ишим, река 177

Каахка, крепость 329
Каахка, станция 38, 40, 41, 50, 88, 137, 426
Каахкинский район 156
Кабаклыцкая пристань 402
Кабул, город 223
Кабулистан, область 93
Кавказ 55, 107, 312, 418, 450, 453
Казань, город 397
Казахстан 32, 52, 71, 138, 158, 177, 178, 181, 182, 183, 194, 199, 312, 324, 370
Казыкурт-Таг, горы 177
Каир, город 267
Кайлю, станция 7, 27, 28, 32
Кайрахи, городище 145
Калалы-Гыр, городище 7, 72, 84, 127, 128, 129
Кама, река 312
Камсан, селение 261
Канат-Мелик Фируз, селение 337
Канга-Кала, городище 145
Канга-Кыр-Кала, городище 128, 140
Кангха, область 130
Кангюй, область 127, 130, 131
Кандагар, город 97, 102
Кандум-Кала, городище 128
Каппадокия, область 115
Карабекаульский район (Карабекаул) 433, 434
Карабиль, горы 12
Кара-Богаз, залив 375, 382
Караганская пристань 402
Кара-Депе, остатки поселения 40, 42, 43, 44, 157, 173
Караджик-Таг, горы 177
Кара-Калинский район 453
Каракорум, город 363
Каракуль, город 281
Кара-Кумы, пустыня 12, 14, 21, 22, 25, 29, 32, 36, 95, 97, 177, 183, 194, 220, 272, 312, 318, 320, 372, 381, 392, 443
Карамания, область 60
Кара-Сенгир, стоянка 473
Кара-Тау, горы 130, 182, 184, 185, 187, 199
Кара-Тенгир, станция 20, 23
Карачук, город 188
Кардаранхас, город 234
Каринейн (совр. Имам-Баба), селение 221
Карнак, город 188
Карши, город 295, 423
Каскыр-Булак, стоянка 23, 24
Каспийское море (Каспий) 13, 20 22, 25, 30, 31, 32, 57, 58, 82, 94, 142, 146, 148, 149, 150, 155, 162, 163, 177, 179, 183, 185, 194, 218, 221, 270, 284, 291, 323, 335, 341, 342, 374, 375, 377, 378, 380, 392 393, 395, 398, 399, 407, 408, 410, 411, 412, 414, 418, 419, 420, 421, 430, 441, 443, 447
Каспийское побережье 199, 412
Каср, замок 221
Каушут, станция 51, 57
Кашан, город 359, 362
Кашгар, город 233, 282
Кашка-Дарья, река 59
Кветта, город 43
Кедер, город 188

Келат, крепость 329, 330, 426
Келиф, город 424
Кендырли (см. Киндерли)
Керки (Керкух), см. также Земм, город 57, 300, 367, 407, 409, 433
Керман, область 173, 278, 417, 431
Кеш (Шахрисябз), город 330, 366
Кешефруд, река 88
Кеши, селение 155, 438, 439
Киевская Русь 396
Кизыл-Арват, город 40, 417, 437
Кизыл-Атрек, селение 94
Кизыл-Даг, горы 429
Кизыл-Кумы, пустыня 14, 183, 233
Киндерли (Кендырли), залив 412, 447
Китай 13, 40, 90, 93, 97, 102, 108, 109, 130, 132, 138, 146, 155, 158, 220, 258, 290, 308, 316, 326, 331, 359, 397, 413, 431
Китайская империя 93
Кичиг-Таг, горы 177
Кишман-Депе (Кушмейхан), городище 148, 216, 220, 211, 241
Кодж, станция 402
Кой-Крылган-Кала, крепость 84, 127, 134
Кок-Орда, (см. Золотая Орда)
Колхозбентская плотина 84
Комисена, область 115
Копет Даг, горы 12, 13, 15, 35, 36, 42, 46, 48, 49, 95, 96, 98, 104, 129, 135, 136, 149, 155, 156, 216, 225, 278, 300, 304, 376, 381, 404, 407, 409, 417, 426, 432
Кордуена, область 90
Красноводск, город 20, 21, 27, 420
Красноводская бухта 420
Красноводские горы 448
Красноводский залив 448
Красноводский полуостров 12, 20, 22, 23, 31, 32
«Красные воды» 420
Красное море 34
Крым 316
Ктесифон, город 91
Куба-Сенгир, стоянка 31
Кугитанг, хребет 12
Куйбышевск, город 355
Кулли, стоянка 43
Кум-Баскан, замок 140
Кумис, область 116
Кумбет-Яйла, селение 437
Кунсай-Кала, укрепленное поселение 132
Куня-Ахал, укрепленное поселение 437
Куня-Дарья (см. Дарьялык)
Куня-Уаз, городище 128, 132, 140, 145
Куня-Уазский канал 128, 132
Куртыш, колодцы 322, 376, 393
Кууртлы, городище 353
Куфен (Куфан), город 210, 260, 351, 356, 358, 366
Кухистан, область 300
Кучан, город 311
Кушанское государство (Большой Юэчжы) 92, 93, 113, 127, 132, 133, 141, 147
Кушка, город 100, 298
Кушмейхан (см. Кишман-Депе)
Кюзели-Гыр, городище 7, 67, 68 71,

Кюнерли-Кала, городище 127, 132
Кюня-Кала, замок 155
Кюрен-Даг, горы 12, 393
Кырк-Кыз-Кала, городище 140
Кят. город 164, 221, 234, 242, 317, 328, 359, 385, 392, 393, 394
Лебаб, район 406
Ленинград 6, 7, 9, 128
Лидия, государство 59
Мавераннахр, область 164, 169, 178, 181, 186, 187, 196, 205, 208, 209, 211, 212, 213, 222, 226, 230, 233, 234, 245, 247, 267, 268, 269, 270, 272, 281, 282, 286, 291, 299, 304, 311, 314, 327, 328, 329, 330, 339, 340, 365, 366, 370, 371, 372
Мадау-Депе остатки поселения 48, 49, 51
Маджан, канал 174, 213
Мазандеран, область 291, 311, 329, 330, 417, 428
Македония 79, 80
Малая Азия 59, 69, 70, 79, 81, 85, 90, 91, 254, 265, 266, 267, 270, 271, 299, 330, 349
Малая Бухария 419
Малая Кават-Кала, замок 139
Малая Кыз-Кала, замок 172
Малая Нагим-Кала, замок 172
Малый Кырк-Кыз, городище 140
Мангыр-Кала, городище 128, 140
Мангырский канал 128
Мангышлак, город 280, 284
Мангышлак, полуостров 32, 182, 199, 263, 272, 279, 280, 284, 312, 318, 321, 324, 325, 340, 371, 375, 379, 382, 388, 392, 396, 397, 398, 399, 400, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 411, 412, 413, 414, 425, 426, 427, 428, 429, 441, 442, 443, 446.
Мансаф, караван-сарай 220
Манцикерт (Меласгерд), город 266
Марг, река 100, 111, 112, 192
Маргиана, область 54, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 66, 67, 68, 71, 72, 73, 77, 79, 81, 82, 83, 84, 87, 90, 91, 92, 93, 96, 97, 99, 100, 103, 105, 106, 107, 112, 122, 125, 135, 137, 174, 241
Мардус, поселение 220
Мары (см. Мерв)
Марыйская область (см. Мервская область)
Марыйский оазис (см. Мервский оазис)
Махан, селение 298, 327, 329
Махиабад, квартал 258
Махуван, селение 167, 175
Мекка, город 160
Меласгерд (см. Манцикерт)
Мерв, (Мары), город 7, 8, 51, 77, 100, 101, 102, 103, 109, 137, 146, 149, 150, 156, 161, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 201, 207, 210, 211, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 224, 225, 226, 228, 232, 233, 239, 241, 243, 246, 248, 249, 250, 251, 252, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 267, 268, 269, 270, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 282, 283, 284, 291, 292, 294, 295, 296, 298, 301, 309, 322, 326, 327, 329, 332, 334, 335, 337, 338, 339, 340, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 361, 366, 367, 368, 369, 371, 372, 373, 377, 381, 385, 386, 387, 394, 404, 405, 406, 407, 413, 418, 421, 422, 424, 425, 428, 429, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 441, 446, 448.
Мерверруд, город 82, 162, 213, 221, 229
Мервская крепость 404

Мервская (Марыйская) область 172, 240, 355, 362, 387, 424,
Мервский (Марыйский) оазис 173, 174, 212, 215, 216, 217, 241, 294, 332, 410, 416, 424, 430, 434
Мерз, вал 112, 149
Мерке, город 181
Меручак, город 162, 213, 337, 404
Месопотамия (Ал-Джезир) 73, 90, 207
Мехне (Мейхене), город, современное селение Меана 44, 175, 220, 237, 251, 260, 279, 337, 347, 348, 356, 362
Мехин, город 400
Мешед, город 106
Мешеди-Мисриан, городище 242, 353, 354, 355, 357
Мешеди-Мисрианское плато 48, 49, 53, 94, 97
Мидийская держава 55, 58, 59
Мидия 55, 56, 59, 60, 61, 62, 74, 80, 89, 91, 108, 122, 131
Миздахкан, город 351, 361, 364
Миср (см. Египет)
Митридатакерт, крепость 104
Монголия 130, 138, 185, 288, 290, 296, 301
Монгольская народная республика 287
Монжуклы, горы 20
Москва 6, 7, 91, 128, 315, 396, 397, 398, 400, 403
Мубарек-Абад, крепость 391
Муготжары, горы 182, 183
Мунан-Депе, городище 173
Мургаб, река 13, 14, 15, 48, 50, 51, 52, 53, 57, 67, 77, 82, 84, 93, 94, 100, 102, 111, 112, 129, 149, 150, 159, 162, 213, 217, 221, 224, 237, 261, 262, 298, 304, 311, 332, 338, 376, 383, 404, 432, 439
Мургабский оазис 12, 13, 156, 157, 160, 219, 261, 279, 296, 298, 303, 304, 309, 337, 338, 407, 412, 434, 435, 436
Мурча, селение 336, 439,
Намазга-Депе, остатки поселения 7, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 49, 50
Наразым, город 407
Нахшеб, город 295
Небит-Даг, город 27, 342
Нефтяной (см. Челекен)
Нигея (Нисея), город 99
Нижнее Поволжье 107, 235, 312, 313, 316, 329
Нижний Новгород 396, 397
Ники-Кала, крепость 421
Нил, река 48
Ниса, город 7, 8, 77, 82, 88, 95, 96, 98, 100, 102, 103, 104, 105, 109, 117, 120, 121, 125, 126, 136, 149, 156, 161, 165, 167, 173, 201, 207, 216, 217, 218, 219, 235, 243, 245, 247, 250, 251, 256, 259, 260, 276, 278, 280, 281, 282, 283, 284, 285 292, 293, 294, 295, 296, 304, 308, 309, 311, 329, 330, 336, 337, 338, 339, 340, 343, 346, 351, 354, 358, 359, 361, 362, 368, 375, 384, 385, 386, 393, 405, 417, 422, 428, 438
Нисея (см. Нигея)
Нишапур, город 201, 210, 215, 220, 228, 233, 246, 248, 249, 250, 251, 255, 268, 275, 276, 277, 280, 281, 282, 291, 304, 310, 378, 404
Новый Ургенч, город 401, 427
Нохур, селение 336, 376
Нукус, город 396
Обь, река 34, 419
Огурча, город 335
Огурчинский (Адак), остров 427, 447, 448
Окс (см. Аму-Дарья)
Ольвия, город 109

Омск, город 419
Орду, город 181, 202
Оренбург, город 413
Орск, город 425
Орта-кую, колодец 393
Осман, караван-сарай 220
Отрар, город 290, 316
Ох, река 87, 94
Палестина 26, 91, 109
Пальмира 109,
Парау (Ферава, Фарау), город 46, 48, 95, 175, 207, 210, 224, 246, 247, 251, 278, 309, 336
Париж 420
Партау, горы 95
Парфавниса, город 98, 102, 103
Парфиена, область 83, 88, 95, 96, 97, 98, 102, 105, 116
Парфия 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 65, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 97, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 123, 124, 126, 127, 130, 132, 135, 173
Парфянская провинция 87
Парфянское государство 73, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 97, 100, 101, 104, 106, 107, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 124, 126, 135.
Пасаргады, город 74
Патиграбана, город 57, 62, 68, 95
Пейкент, город 146
Пекин 290
Пендинский оазис (Пенде) 337, 377
Пенджаб, область 108
Пендждех, город 283
Передний Восток 73, 107.
Передняя Азия 15, 80, 108, 158, 253, 255, 299, 346
Персеполь, город 60, 65
Персида (Фарс), область 80, 93, 431
Персидский залив 34
Персия 60, 61, 62, 66, 69, 73, 76, 115, 210, 443
Петербург 419, 420, 446, 447
Пиль-Кала, городище 139
Пистойя, город 368
Питняк, селение 425
Поволжье 52, 127, 235, 312
Понтийское царство 90
Пра-Аму-Дарья, река 20, 29
Приазовье 130
Приаралье 34, 129, 176, 177, 178, 179
Прикаспийский район 25, 31, 34, 35, 42, 78, 127, 138, 148, 159, 379, 380
Прикопетдагский оазис 218
Прикопетдагская полоса (район) 14, 42, 57, 215, 224, 235, 304, 308, 336, 338, 376, 385, 407, 410, 412, 415, 416, 418, 436
Присарыкамышская дельта 31
Причерноморье 129, 312
Рага, область 62
Рагав, город 99
Разик (Разик-Абад), селение 213, 298, 361
Рей, город 99, 173, 253, 282, 359
Рим 90, 91, 92, 93, 102, 104, 107, 108, 119, 132
Римская империя 126, 131, 147

Россия 8, 9, 10, 11, 17, 222, 303, 398, 400, 403, 408, 413, 414, 418, 419, 421, 423, 434, 442, 446, 447, 448
Русское государство 144, 374, 375, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 400, 403, 418
Русь 206, 221, 235, 365, 396
Сабран (Сауран), город 188
Савад, область 208
Садывар, селение 221
Сайрам, город 177, 181
Сайфин, город 220, 221
Сакастан, Сакастена (см. Сеистан)
Саксин, город 284
Салур, селение 336, 337, 375
Саманидское государство 161, 170, 187, 188, 212, 222, 226, 229, 230, 232, 233, 234, 236, 245
Самарканд 267, 268, 269, 281, 291, 311, 327, 330, 334, 338, 339, 365, 436, 448
Сарай-Бату, город 313
Сарай-Берке, город 316, 319, 329, 365
Сарайчик, город 365
Сарифы, горы 100
Сартышская пристань 402
Сарыкамыш, котловина 13, 14, 177, 317, 321, 322, 341, 342, 371, 375
Сарыкамыш, озеро 8, 16, 321, 322, 341, 375, 376, 379, 381, 383, 393, 395, 405
Сасанидское государство 120, 135, 137, 141, 147, 149, 151, 153, 154, 155
Сауран (см. Сабран)
Сафри (Сафия), селение 98
Сеистан (Сакастан, Сакастена), область 90, 97, 177, 208, 209, 210, 253, 255, 269, 276, 293, 327, 431
Селевкидское государство 81, 89, 115
Сельджукидское государство 226, 254, 256, 257, 265, 266, 268, 270, 272, 276, 326, 332, 343, 345, 349
Селлизюр (см. Везир)
Семиречье, область 157, 176, 177, 178, 233, 314, 316
Семнанский округ 116
Сена (Сина), город 99
Серахс, город 161, 162, 167, 201, 207, 216, 218, 219, 220, 224, 242, 243, 246, 248, 249, 250, 251, 252, 255, 256, 258, 260, 261, 277, 278, 279, 281, 283, 285, 294, 295, 298, 301, 311, 330, 337, 338, 351, 355, 356, 358, 359, 404, 413, 421, 436
Сефевидское государство 372, 374, 407, 416, 417
Сибирь 34, 52, 158
Сина (см. Сена)
Синд, река 92
Синдж, селение 161
Сирия 36, 79, 81, 84, 85, 91, 129, 147, 267, 268, 271, 299, 300
Сирок, городок 98
Ситкун (см. Сюткенд)
Сиях-Яб, канал 372
Советский Союз 11, 17, 18, 456
Согд 59, 65, 67, 73, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 85, 102, 109, 150, 158
Средиземноморье 25, 155
Среднее Поволжье 312
Средний Восток 171, 224, 226, 227, 239, 247, 252, 291, 299, 307, 329, 356, 359, 364, 367, 374, 407, 423, 435, 438
Средняя Азия 10, 13, 14, 15, 16, 19, 20, 22, 23, 25, 28, 32, 33, 34, 42, 52, 54, 55, 56, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 75, 76, 78, 79, 81, 85, 86, 90, 91, 93, 107, 110, 119, 126, 127, 129, 130,

131, 132, 134, 135, 136, 139, 141, 147, 151, 152, 154, 155, 157, 160, 165, 166, 168, 169, 175, 176, 177, 178, 180, 182, 184, 186, 190, 192, 205, 209, 212, 213, 215, 217, 219, 220, 225, 226, 227, 229, 230, 235, 237, 243, 258, 261, 270, 276, 282, 290, 296, 297, 303, 307, 310, 317, 324, 326, 328, 338, 343, 345, 346, 349, 356, 357, 360, 363, 370, 374, 394, 395, 396, 397, 398, 400, 413, 418, 419, 420, 422, 423, 424, 446, 447, 452, 453
Сталинград 316
Субурни, городок 317
Сузы, город 43, 66, 69, 89
Сугнак (см. Сыгнак)
Су-дэ (Су-и), область 138, 180
Сукъяр, селение 428
Султанбентская плотина 84, 298
Султан-Кала (средневековый Мерв), городище 7, 257, 258, 298, 332, 361, 366
Султан-Уиздаг, горы 66
Сумбар, река 49, 97, 105, 383
Сунак, Сунах (см. Сыгнак)
Суяб, город 176
Сюткенд (Ситкун), город 188
Сыгнак (Сунах, Сугнак, Сунак), город 185, 186, 189, 282
Сыр-Дарья 58, 63, 78, 129, 130, 177, 178, 183, 184, 185, 186, 187, 188; 189, 192, 194, 195, 198, 199, 200, 202, 205, 244, 272, 291, 293, 312
Табаристан, область 162, 208, 209, 225, 236, 253
Таджикистан, 268, 274
Таджикская ССР 57
Так (см. Языр)
Таласский Ала-Тау, горы 187
Талькан, город 167, 277
Тапурия, область 89
Тараз (совр. Джамбул), город 181, 188
Тахирбай, остатки поселения 50
Тахиридское государство 187, 209, 210, 212, 229
Тахирия, селение 220, 221, 354
Тахмаладж, караван-сарай 220
Тахта-Базар, селение 283
Ташауз, город 128
Ташаузская область 68, 94, 128, 129, 140, 145
Ташкент (Шаш) 6, 9, 11, 52, 130, 177, 181, 185, 187, 233, 330, 448
Тбилиси 9
Тебриз, город 315
Тегеран, город 62
Теджен, река 13, 15, 40, 87, 149, 150, 159, 216, 218, 301, 304, 309, 337, 383, 401, 406, 417, 432, 439
Тедженский оазис 12
Теккем-Депе, остатки поселения 50
Тепе-Гиссар, остатки поселения 43, 46
Тепе-Гиян, остатки поселения 43
Тепе-Сиалк, остатки поселения 43
Термез, город 267, 268, 269, 282, 300, 317, 318, 358
Терсек (Шемаха-Кала), город 321, 373
Тешик-Кала, замок 140, 172
Тешик-Таш, пещера 23, 24, 25
Тигр, река 89
Тильситанэ, городище 220
Тимуридское государство 335, 366, 370, 372

Топ-Депе, городище 157
Топрак-Кала, город 128, 132, 133, 134, 140, 173
Торгай-Депе, городище 157, 173
Тохаристан, область 109, 273
Туар-Кыр, урочище 319, 382
Туран 22, 36
Турвия, область 89
Туркестан 77, 82, 87, 107, 130, 139, 150, 161, 162, 176, 186, 208, 209, 215, 228, 262, 268, 269, 270, 272, 274, 280, 281, 282, 285, 286, 288, 289, 290, 291, 293, 295, 296, 298, 337, 338, 398, 419
Туркменистан 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58 59, 64, 65, 70, 71, 72, 76, 77, 78, 79, 84, 85, 86, 87, 89, 96, 104, 106, 107, 108, 110, 112, 113, 118, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 135, 136, 138, 144, 149, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 163, 164, 165, 166, 169, 170, 171, 172, 175, 178, 182, 186, 207, 213, 218, 220, 221, 222, 228, 238, 241, 243, 244, 245, 246, 248, 251, 254, 255, 256, 258, 260, 261, 262, 268, 270, 271, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 287, 296, 299, 300, 303, 304, 309, 310, 311, 312, 316, 322, 323, 325, 326, 327, 329, 330, 335, 336, 338, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 349, 353, 355, 356, 357, 360, 362, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 376, 377, 381, 383, 385, 386, 387, 390, 391, 392, 393, 397, 398, 404, 405, 406, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 415, 416, 421, 428, 432, 434, 439, 440, 441, 443, 448, 449, 450, 453, 454
Туркмен-Кала, районный центр 213
Тус, округ 106, 259, 275, 311, 348
Тюб-Караган, пристань 402, 420, 448
Тюренг-Депе, селение 46, 47
Тюркский каганат 157, 158, 159, 161, 176, 177
Тяочжи, область 104
Узбекистан 23, 24, 66, 185, 227, 229, 268, 418, 446
Узбекская ССР 57
Узбой, старое русло Аму-Дарьи 13, 20, 23, 29, 31, 32, 35, 42, 52, 76, 87, 321, 322, 323, 335, 340, 342, 375, 376, 383, 385, 393, 418
Узгенд, город 268
Уйгурское государство 176
Уй-Кала, замок 140
Улуг-Депе, остатки поселения 44
Улуг-Таг, горы 177
Улус Джучидов 312, 315, 319, 328
Улу-Тау, горы 182, 183
Урал, река 34, 131, 448
Урартское государство (Урарту) 55
Ургенч (см. Гургандж)
Усть-Каменогорская, крепость 419
Усть-Урт, плоскогорье 14, 22, 180, 183, 194, 199, 210, 221, 263, 312, 316, 318, 320, 321, 324, 325, 340, 375, 392, 397, 406, 407, 410, 441, 442, 443
Уштурмагак, городище 220
Фаз Мехбиабад, селение 221
Фараб, город 220
Фараб, округ 188
Фарау, Ферава (см. Парау)
Фарс (см. Персида)
Фергана, область 52, 130, 268
Хабаб, селение 221

Хаверан, область 356
Хаджи-Тархан (см. Астрахань)
Хазарасп, город 221, 234, 373, 385, 392, 393
Хазарское государство 206, 235
Халач (Халачский район) 218, 433, 434
Хамадан, город 282
Ханках, крепость 425
Ханлы-Депе, городище 145
Харандиз, крепость 285
Харинд (см. Эринда)
Хароба-Кошук, замок 174
Хаузан, селение 221
Хвара (см. Хора)
Хиам, город 188
Хива (Хивак), город 328, 350, 365, 373, 374, 398, 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 413, 414, 418, 419, 420, 423, 424, 425, 427, 429, 433, 437, 442, 443, 444, 445, 447, 448
Хивеабад, крепость 425, 426
Хивинское ханство 374, 392, 402, 423, 426, 443, 445
Ходжа-Идат-Кала, крепость 433
Хора (Хвара), город 188
Хорасан 15, 16, 96, 114, 157, 159, 161, 162, 163, 166, 167, 168, 169, 170, 175, 176, 177, 178, 184, 186, 187, 196, 197, 199, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 216, 217, 218, 219, 221, 222, 223, 224, 226, 227, 228, 229, 230, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 243, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 255, 256, 259, 260, 261, 263, 264, 267, 268, 269, 270, 275, 276, 277, 278, 280, 281, 283, 285, 286, 291, 292, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 303, 304, 305, 306, 308, 309, 310, 311, 315, 320, 323, 326, 329, 331, 334, 335, 338, 339, 340, 343, 344, 346, 347, 248, 352, 354, 357, 361, 362, 366, 367, 371, 372, 373, 378, 381, 386, 390, 393, 400, 413, 416, 417, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 428, 429, 431, 432
Хорасмия, город 58
Хорезм (Хорезмское ханство) 7, 15, 16, 32, 42, 52, 53, 54, 58, 59, 60, 64, 66, 68, 69, 72, 73, 77, 78, 79, 81, 83, 84, 87, 97, 109, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 138, 139, 140, 141, 158, 159, 163, 164, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 180, 186, 187, 196, 205, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 226, 227, 228, 232, 234, 235, 236, 237, 240, 241, 243, 245, 247, 253, 256, 260, 263, 267, 269, 270, 276, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 290, 292, 293, 295, 296, 300, 310, 312, 316, 317, 321, 322, 323, 326, 328, 329, 331, 334, 336, 340, 342, 343, 344, 345, 346, 349, 352, 354, 357, 359, 361, 363, 365, 366, 370, 371, 372, 373, 375, 378, 381, 384, 385, 387, 392, 393, 394, 395, 396, 399, 400, 401, 402, 407, 409, 410, 412, 425, 426, 427, 428, 437, 443, 444, 446
Хорезмский оазис 13, 57, 130
Хосров-Кала, городище 137
Худай-Даг, гора 20
Хулагуидское государство 226, 299, 300, 301, 306, 310, 313, 314, 316, 361, 362
Хурмузфарра, город 221, 241
Хурмузфарра, канал 213,
Хутталян, область 267, 274
Центральная Азия 14, 157, 177, 179, 190
Чаача (Чехче), селение 112, 356
Чаганиан, область 267
Чагатайский улус 300, 310

Чамбиль (Чандыбиль), город 450
Чарджуй (см. также Амуль), город 57, 109, 378, 407, 409, 413, 424, 428, 429, 433, 437, 445
Челекен, (Нефтяной), остров (в наст. время полуостров) 411, 412, 427, 441
Чермен-Ябский канал 128, 132
Черное море 77, 82, 109, 418
Чехардех, селение 337
Чопан-Депе, остатки поселения 37, 38
Чотак, гора 382
Чу, река 180
Чугундор-Баба, городище 175, 356, 358
Чуйская долина 176, 178, 181
Чули, ущелье 98
Шаббаз, город 164
Шавашхан, селение 283
Шаим-Кала, городище 167
Шакул-Бурун (см. Шаклу-Бурун)
Шамиран, крепость 277, 279
Шаудуз, городище 145
Шах-Депе, остатки поселения 46
Шахлу-Бурун (Шакул-Бурун), мыс 28
Шахрастан-и Иездегерд, крепость 148, 210, 220, 260, 261, 278, 280, 283
Шахр-Ислам, городище 259
Шахрисябз (см. Кеш)
Шах-Сенем, городище 128, 283
Шаш (см. Ташкент)
Шемаха-Кала (см. Терсек)
Шиберган, город 304
Шустер, город 243
Эгейское море 61
Экбатаны, город 59, 62, 97
Элефантина, остров 64
Элиманда, область 89
Эмба, река 221
Эньцай, область 138
Эрез-Кала, крепость 417
Эринда (Харинд), река 92
Эркент (см. Яркенд)
Эрк-Кала, крепость 66, 100, 101
Эфталитское государство 143, 146, 149, 150, 157, 159
Южная Азия 25
Южно-Каракумский канал 395
Яз-Депе, остатки поселения 51, 52, 57, 67, 353
Языр, город 260, 278, 294, 309, 333, 336, 339, 310, 251, 362
Языр, городище 259, 361, 449
Язырское государство 278, 286
Янгаджа, станция 20
Янги-Арык 444
Янги-Кала, селение 50
Янгикалинский могильник 50
Янгикент (Джаныкент, Дех-и Нау), город 177, 178, 186, 188, 202, 205, 293
Янгишехер (Ак-Кала), город 321, 373
Янцай-Аланья 131
Яркенд (Эркет, Яркет), город 419
Яссы-Депе (см. также Улуг-Депе), остатки поселения 40, 41, 44

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ НАРОДОВ И ПЛЕМЕН

абдалы 142, 324, 375, 376, 435
агач-эри 179
адаклы-хызыр 321, 341, 376, 378, 380, 382, 383, 385
аджи 398
аймаки 378
азербайджанцы (азербайджанский народ) 15, 450
аланы 14, 131, 132, 138, 139, 177, 180, 199, 313
алаюнтли 179
алили (али-эли) 16, 322, 323, 341, 376, 378, 380, 382, 383, 385, 386, 401, 407, 409, 410, 411, 412, 434, 437, 438, 439, 454
алка-болюк 178
алка-ойлю 179
ал-караули 179
амазонки 77
анаули 377, 434, 437
апарны (см. парны)
апасиаки 88
арабачи 375, 378, 382, 407, 429, 433
арабы 15, 160, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 169, 175, 176, 178, 207, 218, 239, 252, 421
арейцы (арияне) 65, 92
арлаты 336, 372
армяне 60
асы 14, 177, 180
ата 407
афганцы 294, 417, 422, 433
афшары 178, 179, 206, 407, 421, 425, 434, 437
бактрийцы 59, 64, 74, 95
балхан-кухи 246
башкиры 196
баюндуры 178, 179, 194, 200
баяты 16, 178, 179, 194, 199, 200, 331, 378, 407, 433
беджне (см. также бичине, печенеги) 179
бекдили (бек-дели) 178, 179
бекдир 179
бичине (см. беджне)
букдуз (бюгдюз) 178, 179
булгары (волжско-камские) 206, 313, 359
бухарцы 394, 435, 436

бюгдюз (см. букдуз).
гекли 179
геркез 375, 379
гирейлы (керейлы) 179, 377, 384
гирканцы 55, 92
гоклены 375, 377, 378, 380, 387, 391, 404, 407, 410, 412, 423, 428, 454
греки 85, 86, 102, 124
гузы, гуззы (см. огузы)
гунны (иногда унны) 130, 138, 139, 141, 143
гэс (см. также огузы) 178
гюне 179
дагестанцы 431
дахи (дан) 58, 60, 64, 76 78, 79, 87, 92, 94, 98, 110, 145, 176
дахо-парфянские племена 116
дербики 60
джаланры 310, 336, 372, 377, 386, 404
джаруклуг 178
джебни (см. также чибни) 178, 179
джувалдар (джаулдур) 178, 179
джунгурбани 330
дудурга (дордирга, тутырга) 178, 179
дукер (дюкер, тюгер) 178, 179
дюечи (тиведжи) 323, 341, 376, 378, 379, 380, 382, 383
египтяне 59
емрели 16, 407, 409, 410, 412, 417, 421, 422, 434, 437, 438
зенды 432
иве (см. йиве)
икдыры 178, 375, 376
индийцы (индусы) 74, 252, 435
йиве (иве) 178, 179
номуты 16, 318, 320, 321, 324, 375, 378, 380, 382, 393, 399, 407, 408, 410, 412, 417, 421, 423, 427, 428, 429, 432, 441, 444, 445, 446, 450, 454
иранцы 388, 389, 425
каджары 407, 417, 421, 425, 427, 428, 432, 434, 440
кадусии 60
казахи 183, 184, 325, 370, 413, 425, 442, 443, 447
кайы (кайыг) 178, 179, 180, 194, 199, 200, 201, 205
калач (см. халаджи)
калмыки 370, 383, 400, 402, 403, 405, 419, 442
канглы (канлы) 179, 282, 294, 318
кангюйцы 130
кара 433
карабекаул 325
кара-болюк 178
карадашлы 199, 376, 380, 404, 407, 412, 434, 438
каракалпаки 15
каракитаи 270, 272, 281
кара-коюнлу 179
карамаш 404, 405
кара-ойли 179, 323, 341, 379
карауны 298
каркын 179
карлуки 15, 162, 176, 177, 178, 179, 181, 182, 185, 188, 196, 200, 233, 272, 274, 277
карык 179
каспии 65
кельтеминарцы 33, 34
кене 179

керейлы (см. гирейлы)
кидариты 141, 148
кизыли 190, 246
кизыл-аяк 400, 405
кимаки 185, 188, 196, 199, 200
кипчаки 179, 185, 189, 272, 313, 401
киргизы 184, 442
китайцы 108, 147, 176, 338
кият 287
колхи 77
ксандии 94
кумы 199
кунграт 317, 399, 401, 444
курды 15, 252, 383, 407, 421, 434, 437, 439
кызык 179
кыныk 178, 179, 199, 200, 206, 246, 271
кытай 432
лайна 385
лезгины 431
македонцы 85, 86
мангыты 399, 401, 435, 444
мардии 76
маргианцы 62, 98
массагеты 55, 58, 60, 63, 71, 72, 76, 79, 95, 139, 176
махтумы 377, 437, 438
меджеуры 377
мехинли 377, 434, 437
мидийцы (мидяне) 59, 60, 62, 64
монголы 190, 193, 285, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 306, 307, 312, 313, 315, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 325, 326, 327, 360, 361
мурчали 434, 437, 439
найманы 386, 399
нирун 287
нохурли 195, 376, 380, 407, 437
огузы (иногда гузы, гуззы, гэс) 14, 15, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 210, 222, 235, 240, 244, 254, 256, 270, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 280, 284, 294, 322, 324, 348, 349, 388
огурджали 441
оклы 179
олам 407, 433
остготы 126
охлу 387, 388, 391
парны (апарны) 87, 88, 94, 96, 110, 111, 120, 126
парфяне 14, 55, 61, 62, 64, 65, 88, 89, 90, 91, 95, 96, 98, 104, 108, 109, 111, 113, 116, 117, 118, 120, 122, 123, 124, 126
персы 59, 64, 124, 143, 435, 448
печенеги (см. также беджне, бичине) 178, 196, 199, 200, 202
писсуры 94
римляне 92, 114, 118
русские 285, 315, 414
руссы 222
сакары 407, 433
сакарауки 98, 130
саки 55, 56, 58, 59, 62, 63, 64, 65, 71, 77, 78, 79, 88, 89, 90, 92, 95, 177
саки-тиграхауда 63

саки-тьяйтарадарайя 63
салыры 16, 178, 179, 199, 200, 201, 206, 318, 319, 321, 322, 324, 341, 375, 377, 378, 380, 387, 391, 402, 404, 406, 407, 410, 412, 414, 417, 426, 427, 432, 434, 436, 444, 445
салыры внешние 375, 378
салыры внутренние 375, 382
салыры хорасанские 382
санджари 190, 327, 377
сарматы 138
сарты 377, 378, 383, 386, 392, 394, 395, 402
сарыки 142, 318, 324, 375, 378, 380, 382, 399, 423, 432, 433, 434, 436, 445
сеиды 372
сельджуки 190, 202, 231, 233, 234, 244, 245, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 267, 271, 273, 276, 277
сирийцы 124
сияхкухи 199
скифы 56, 58, 94, 183
славяне 222, 223
согдийцы 64, 65, 74, 76, 82
солтанизы 270, 377
султанли 179
сунчали 437
сулдуз 310
таджики 15, 169, 181, 212, 270, 307, 325, 336, 450
таджики хорасанские 377, 383
тазабагъябские племена 52, 55
татары 283, 293, 306, 312, 407, 421
таты 383
теке (текинцы) 16, 318, 321, 324, 325, 375, 377, 378, 380, 382, 393, 399, 407, 410, 412, 417, 423, 429, 432, 434, 436, 437, 438, 439, 444, 445, 450, 454
тиведжи (см. дюечи)
тогузогузы 178, 185
тохары 90, 92
тохтамыш 341, 377
турбатлю 179
туркменский народ 5, 7, 9, 10, 11, 12, 15, 16, 17, 126, 127, 152; 157, 158; 177, 182, 198, 210, 239, 256, 271, 311, 325, 327, 349, 363, 369, 374, 375, 409, 440, 443, 446, 448, 449, 450, 453, 454, 456
туркмены (туркменские племена) 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 94, 142, 169, 177, 180, 181, 182, 191, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 223, 233, 234, 236, 240, 244, 245, 246, 247, 250, 253, 254, 264, 265, 270, 271, 272, 276, 277, 279, 280, 281, 282, 292, 294, 312, 315, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 330, 331, 335, 336, 340, 341, 342, 349, 350, 360, 362, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 450, 451, 452, 454
туркмены атрекские 387, 389, 391, 418
туркмены балханские 320, 379, 400
туркмены бухарские 415
туркмены дарьялыкские 378, 381
туркмены йака 377, 380, 393
туркмены мангышлакские 342, 371, 379, 382, 400, 403, 414, 418, 429, 443, 448

туркмены прикаспийские 185, 204, 402, 403, 408, 410, 412, 418, 430, 431, 446
туркмены саин-хани 312, 376, 377, 384, 385, 399
туркмены сарыкамышские 378
туркмены северные 318, 319, 321, 322, 324, 341, 342, 369, 376, 383, 387, 391, 405, 406, 434, 439, 443
туркмены узбойские 321, 378
туркмены хорасанские 360
туркмены хорезмские (хивинские) 379, 380, 381, 401, 408, 417, 418, 428, 431
туркмены челекенские 441
туркмены эсен-хани (хасан-или) 376, 378, 382
туркмены южные 383, 434
тутырга (см. дудурга)
тюгер (см. дюкер)
тюргеши 176, 185
тюрки 15, 142, 158, 159, 161, 162, 163, 177, 178, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 200, 201, 204, 206, 212, 222, 223, 233, 247, 255, 273, 274, 280, 307, 370, 373, 375, 377, 378, 382, 384, 385, 386, 388, 393, 394, 399, 400, 401, 402, 405, 409, 427
тюрко-монгольские племена 372
узбеки 169, 322, 325, 340, 370, 371, 373, 375, 377, 385, 386, 388, 389, 392, 394, 395, 399, 400, 402, 407, 444, 450
уйгуры 179, 399, 401
улайондулуг 178
унны (см. гунны)
урегир (урекир, юрегир) 178, 179
уркиз 179
хазары 186, 206
халаджи (калач) 177, 178, 179, 218, 273, 274, 277, 294
хандаги 188
хивинцы 435
хионитьі (хоны, хонны, хионы) 141, 144, 147, 148
ходжа 372
хорасанцы 15, 212, 325
хорезмийцы (хорасмии) 14, 15, 55, 64, 65, 74, 77, 78, 95, 127, 129, 138, 187, 212, 222, 235, 325, 392, 394, 425
хызыр-или 322, 323, 376, 383
чагатаи (чагатайские племена) 332, 336, 377
чибни (см. также джебни) 179
чигили 233
човдуры 179, 324, 375, 376, 380, 402, 407, 410, 412, 428, 441, 445, 446
чол (чёл) 206
шихи 401
эймуры 178, 179, 200, 380, 387, 391, 407
эрсари 16, 318, 319, 341, 375, 378, 379, 380, 382, 393, 405, 406, 407, 409, 410, 412, 423, 424, 433, 434, 436
эски 320
эфталиты (абдель, хепталь тетал, иеда, идань, хайтал) 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 149, 150, 153, 154, 155, 157, 158, 161, 162
юечжи 92, 129, 130
юрегир (см. урегир)
ягма 233
ягмури 190, 246
язьіры 16, 178, 179, 199, 272, 278, 281, 318, 376, 377, 380, 381, 409, 412, 454
язьіры дурунские 380
язьіры мангьішлакские 280
япарлы 179

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Введение 7

Глава I

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА

1. Древние обитатели территории Туркменистана 20
2. Мустьерское время 22
3. Верхний палеолит и мезолит 25
4. Неолитические охотники и собиратели на территории Туркменистана 28
5. Ранние земледельческо-скотоводческие племена 36
6. Развитие патриархальных общин 42
7. Разложение первобытно-общинного строя и зарождение древней государственности 48

Глава II

НАРОДЫ ТУРКМЕНИСТАНА В ЭПОХУ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ И ПОРЫ ЕГО КРИЗИСА (VI в. до н. э.—V в. н. э.)

1. Племена и народности Туркменистана в VI—IV вв. д. н э. . . 57
2. Поход Александра Македонского в Среднюю Азию. Освобождение страны от греко-македонского владычества 73
3. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства 87
4. Народы Северного Туркменистана времени государств Кангюй и Кушан 127
5. Кризис рабовладельческого строя в Южном Туркменистане . 135
6. Народы Северного Туркменистана и государство Афригидов в Хорезме 138
7. Эфталиты 141

Глава III

РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА в VI в.—НАЧАЛЕ XI в.

1. Возникновение феодальных отношений в Туркменистане . . 151
2. Народы Туркменистана в борьбе против арабских завоевателей . 159

3. Культура Северного Хорасана и Хорезма в VI—VII вв. . . 174
4. Развитие феодальных отношений у степных скотоводческих племен в IX—в. — начале XI в. 176
5. Раннефеодальное общество в Хорасане и Хорезме в IX в.— начале XI в. 207
6. Культура Северного Хорасана и Хорезма в IX—X вв. . . . 237

Глава IV

ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА В XI—XV вв.

1. Развитие феодальных отношений на территории Туркменистана в Xi—XIII вв. 241
2. Народы Туркменистана в период монгольского владычества . 287
3. Феодальное общество на территории Туркменистана при Тимуре и Тимуридах 327
4. Культура Туркменистана в XI—XV вв. 343

Глава V

ТУРКМЕНИСТАН В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА XVI—XVIII вв.

1. Туркменский народ в XVI—XVII вв. 369
2. Туркменистан в XVIII в. 406
3. Культура Туркменистана в XVI—XVIII вв. 449
Указатель собственных имен 457
Указатель географических названий 473
Указатель названий народов и племен 489

ИСТОРИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТОМ I

КНИГА ПЕРВАЯ

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии наук Туркменской ССР

Редакторы Издательства *Т. В Артыкова* и *С. Г. Авагимова*
Техредактор *А. Н. Мироедова*
Худ. оформление *А. В. Пашкова*

Сдано в набор 20/III-57 г. Подписано к печати 2/VIII-57 г. Печ. [illegible] 60x92¹/₁₆. Бум. л. 15,5. 14 вклеек.
1. Возникновение феодальных отношений в [illegible] 7 10 р. 95 к. И—04496
2. Народы Туркменистана в борьбе против арабск[illegible]

494 [illegible]. Энгельса, 90.
[illegible]мбинате

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
14	3 и 4 снизу	языкак	языках
29	20 »	кожи	ножи
31	3 »	в 40 *км* к северо-западу	в 40 *км* к северу
36	15 сверху	в 30 *км* к северо-западу	в 40 *км* к северу
37	24 »	в 30 *км*	в 40 *км*
63	25 »	тояйта-радарайя	тьяйта-радарайя
77	4 снизу (сноска)	ч. 1	т. 1
88	19 сверху	к северо-западу	к западу
98	2 и 3 снизу (сноска)	название „гор Сарифы“	название гор „Сарифы“
132	12 сверху	3 Мукшир	Змукшир (или Земахшар)
132	12 »	Кунсай-кала	Куисай-Кала
140	14 »	Камга-Кыр-Кала	Канга-Кыр-Кала
178	14 »	от более	до более
205	26 »	(1874-999 гг.)	(874-999 гг.)
226	17 »	от Алп-Тегине	об Алп-Тегине
238	18 »	„лагорифм“	„алгорифм“
252	11 »	Это было день падения	Это было днем падения
264	10 сверху	сановников	сановником
273	2 снизу	оказались	отказались
304	2 »	не описать, ни рассказат“	ни описать ни рассказать“
367	1 »	мунументальным	монументальным
433	4 сверху	в XVIII	в XVIII в.